

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

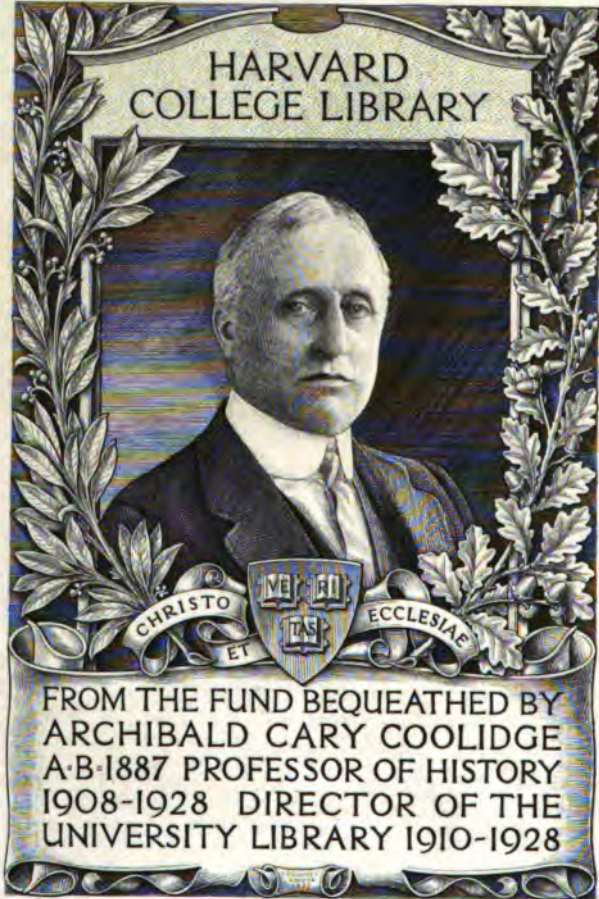
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

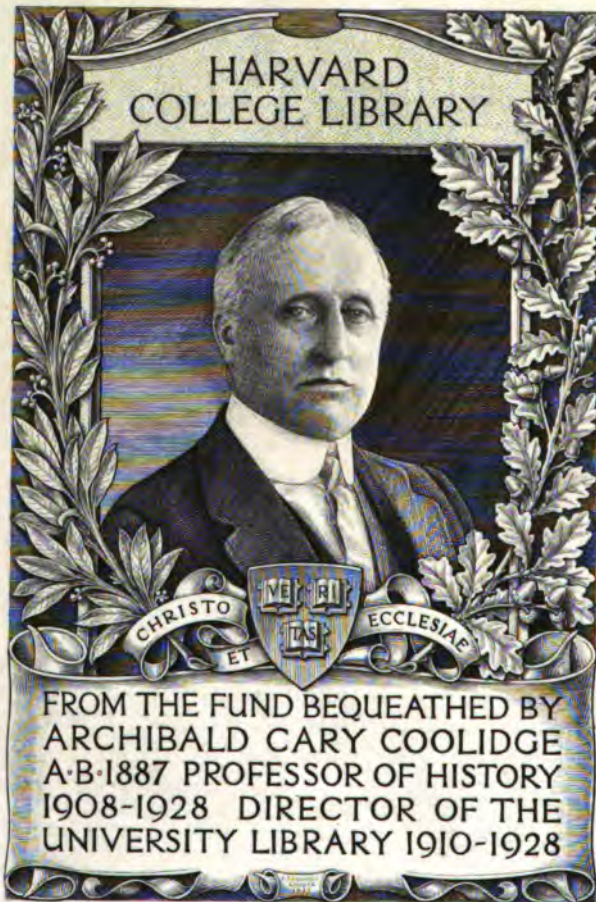
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

596

596

Высочайшій Манифестъ.

Божією Милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30-й день сего Іюля Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Θεодоровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени рождениемъ Намъ Сына, нареченнаго Алексѣемъ.

Приемля сіе радостное событіе, какъ знаменованіе благодати Божіей на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего Первороднаго Сына, призываемаго быть Наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ Державы и великаго Нашего служенія.

Манифестомъ отъ 28 Іюня 1899 года призвали Мы Любезнѣйшаго Брата Нашего, Великаго Князя Михаила Александровича, къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ Сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ Законовъ

Имперіи, Сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и титуль Наслѣдника Цесаревича, со всѣми сопряженными съ нимъ правами.

Данъ въ Петергофѣ въ 30-й день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написаю:

«Н И К О Л А Й».

Высочайшій Манифестъ.

Божію Милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія Государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ Предшественниковъ Нашихъ, блаженныя памяти Императоровъ Николая I, Александра II и Александра III, признали Мы Священною обязанности Нашею озаботиться предуказаніемъ мѣръ, имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтство Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и учрежденія объ Императорской Фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

1-е: На случай кончины Нашей прежде достиженія Любезнѣйшимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія Императоровъ, Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, до совершеннолѣтія Его, назначается Нами Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

2-е. Въ указанномъ случаѣ опека надъ первороднымъ Сыномъ и надъ прочими Дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ должна принадлежать Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли Нашей относительно управленія Государствомъ во время малолѣтства Наслѣдника Нашего, Мы, въ благоговѣйномъ уваженіи къ законамъ Нашего Отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о вѣщемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи Державы, отъ Бога Намъ врученной.

Данъ въ Петергофѣ въ 1-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н И К О Л А Й».

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

12²
ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

А В Г У С Т Ъ.

1904.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій 136.

1904.

Δ

P 312- 31/20

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

ir

РАЗСВѢТЪ.

(Предки въ трудное время).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XX 1).

Ой, у поли вышня
Зь підь коріня выйшла.
Не журися, дівчинонько,
Ще жь я не женився!..

(Малорусская пѣсня).

Время работало по своему, сближая или разлучая людей, успокаивая однихъ, ввергая въ отчаяніе другихъ, давая жизнь и отнимая ее. Недаромъ древніе умники олицетворяли время въ образъ страшной Парки, выпрядающей безконечную нитку жизни. Вѣрный показатель истины, время не безслѣдно прошло и для нашей Маруси. Она не только привыкла къ условіямъ своей новой, степной жизни, но и полюбила ее, потому что полюбила свою родную семью. Подавленная нравственнымъ превосходствомъ своихъ братьевъ, казавшихся ей героями, отдавшимися службѣ родинѣ, скромная дѣвушка душою стремилась быть достойною ихъ сестрою. Она какъ бы перевоспитала себя: вставала, какъ и они, вмѣстѣ съ солнцемъ и даже до его восхода, ѣздила съ ними на охоту, верхомъ, стрѣляла въ цѣль изъ пистолета, ловила съ отцомъ рыбу въ Донцѣ, помогала матери по хозяйству. Бя бодрая, дѣятельная жизнь вполне соответствовала характеру ея семьи и лицъ, ее составлявшихъ, а также условіями тамошнихъ опасныхъ, хотя прекрасныхъ,

1) См. „Русск. Вѣстн.“, іюль 1904 г.

пограничныхъ мѣсть. Благодаря преобладанію въ ея новой жизни физическаго начала надъ духовнымъ, она рѣдко задумывалась надъ вопросами, прежде такъ ее беспокоившими, да и занаслась завиднымъ здоровьемъ. Она просто расцвѣла, похорошѣла, пополнила къ своему и общему удовольствію. Ея черные, блестящіе, какъ агаты, серьезные глаза теперь загорались иногда въ минуты глубокаго душевнаго движенія; голосъ получилъ выразительность, согласовавшуюся съ глубиною ея мысли; смуглыя щеки часто вспыхивали румянцемъ горячѣй молодой крови и гордаго самолюбія. Отецъ, бывало, самодовольно любовался ею въ малороссійскомъ платьѣ, въ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ тяжелой дѣвичьей косою, заканчивавшейся алой лентой. Онъ называлъ ее „своею хохлушкой“. Мать души въ ней не чаяла. Но она не забывала, что ея дочкѣ уже за двадцать слишкомъ лѣтъ, что она засидѣлась въ дѣвкахъ. Понятно было желаніе матери выдать дочь невѣсту замужъ, желаніе, впрочемъ нисколько не раздѣляемое дочерью. На этомъ щекотливомъ вопросѣ расходились мать съ дочерью, во всемъ остальномъ всегда согласныя. Какъ только мать заговаривала съ дочерью, что пора ей замужъ, дочь обращала серьезный разговоръ въ шутку, утверждая, что она еще о мужѣ не думаетъ, что слово „мужъ“ ее пугаетъ. Конечно, изюмскій полковникъ Григорій Ерофенчъ, поглощенный своими сложными и отвѣтственными обязанностями, судьбу дочери въ матримоніальномъ отношеніи оставлялъ на попеченіи матери ея, но все-же напоминалъ дочери о ея „совершенномъ возрастѣ“ и высказывалъ ей свое родительское желаніе видѣть ее „жинкой“. Отецъ не скрывалъ также отъ нея, кого именно назвалъ бы онъ своимъ зятемъ. Правду сказать, избранникъ этотъ, котораго и мать ласкала слѣшкомъ замѣтно, а для дочери почему-то непріятно, былъ женишокъ въ сапожкахъ, паренекъ хоть куда. Полковникъ, межъ своими, называлъ его „московскимъ“ женишкомъ, которому „степные“ женихи, изъ полковаго шляхетства, въ подметки-моль не годятся. Есаулу Ѳедору Владиміровичу Шидловскому, командовавшему первою сотнею Изюмскаго полка, не было еще тридцати лѣтъ и изъ себя онъ могъ считаться красивымъ, виднымъ мужчиной. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ древняго польскаго шляхетства, котораго представитель Козьма Васильевичъ Шидловъ въ 1535 году выѣхалъ изъ Польши на службу къ великому князю Василю Ивановичу, пожаловавшему его помѣстьями въ Суздальскомъ уѣздѣ. Потомки Козьмы Шидлова стали именоваться Шидловскими лишь съ Ѳедора Владиміровича,

согласно тогдашней модѣ. Они служили въ разныхъ, болѣе или менѣе почетныхъ должностяхъ, подъ своею фамиліею Шидловыхъ. Такимъ образомъ, есауль Шидловскій неоспоримо доказывалъ полковнику, что предки его, есаула, не могли переселиться, во время войнъ Богдана Хмельницкаго, изъ-за Дѣпра въ Слободскую украину, вмѣстѣ съ малороссійскимъ шляхетствомъ, съ ними, Захаржевскими, съ Квитками, Краснокутскими, Ковалевскими, Кондратьевыми, Лесевицкими и другими шляхетскими фамиліями. Характеръ есаула Шидловскаго вполнѣ станеть понятнымъ, если объяснить, что въ казачкій полкъ онъ поступилъ своею охотою, будучи въ званіи стольника, званіи, сохраненномъ имъ даже тогда, когда онъ сталъ есауломъ.

Московское воспитаніе рѣзко выдѣляло молодого есаула изъ среды шляхетской молодежи, съ которою сравненіе могло быть только въ его пользу. Этого, конечно, не могла не понять и не замѣтить Маруся, стѣснявшаяся ухаживаньемъ за собою виднаго во всѣхъ отношеніяхъ есаула. Она его отличала, находя его бесѣду занимательною, его любезность и почтительность благородными, его внѣшность пріятною. Но дальше обычныхъ отношеній хозяйской дочери къ гостю, къ близкому семьѣ человѣку, — она не шла. Всѣ его, понятные ей вздохи, всѣ его старанія заслужить ея исключительное вниманіе къ себѣ, вызвать отвѣтъ въ двѣичьемъ сердцѣ на запросъ своего, мужскаго сердца, — не сближали ее съ нимъ такъ, какъ этого ему хотѣлось. Хотя на его сторонѣ, несомнѣнно, оказывались ея родители, но она держалась съ нимъ на извѣстномъ разстояніи, не позволявшемъ ему надѣяться на взаимность. Эта недоступность дочери чувству, обыкновенно приводящему дѣвушку подъ брачный вѣнецъ, вызывала недоумѣніе отца и горькіе упреки матери, давно и напрасно мечтавшей о внучатахъ. Въ такихъ условіяхъ находилась въ своей семьѣ Маруся; во время похода московской рати на Крымъ. Конечно, оба ея брата находились съ изюмскими сотнями на службѣ: Федоръ оберегалъ степь. Константинъ шелъ въ эртоулъ князя Голицына. Если первая сотня полка оставлена была въ мѣстѣ своего постоянного расположенія, въ слободѣ „Пескахъ“, для охраны изюмской крѣпости, то Маруся имѣла основаніе въ такомъ распоряженіи изюмскаго полковника заподозрить участіе полковницы. Родители, задавшись желаніемъ выдать ее за Шидловскаго, придержали его за мѣстѣ: разлука, особенно на долгое время, охлаждаетъ, бдѣ, связи. Старики не знали того, что многолѣтняя именно

разлука дочери съ другомъ ея дѣтства и милымъ ея сердца препятствуетъ ей идти замужъ. Впрочемъ, мать догадывалась, въ чемъ дѣло. Она рассчитывала на время. На что же рассчитывала Маруся, не знавшая, живъ или умеръ Андрей, увидится ли она съ нимъ когда-нибудь, женатъ онъ или холостъ?

Военныя обстоятельства потребовали изюмскаго полковника въ Бѣлгородъ, къ тамошнему воеводѣ Шереметеву. Полковница съ дочерью изъявила желаніе сопутствовать полковнику, нашедшему это желаніе вполнѣ законнымъ: жена съ дочерью безвыѣдно жили въ Бугаевкѣ, въ новыхъ, просторныхъ хоромахъ и часто по цѣлымъ недѣлямъ не видѣли своихъ мужчинъ, отвлекаемыхъ отъ семьи службою. Изготовлена тяжелая каптана, нѣмецкое издѣліе московскаго колымажнаго двора, запряжена шестерикомъ съ выносомъ, т. е. по-нѣмецки съ форейтеромъ. Вся слобода сбѣжалась поглядѣть на такую диковинку. Простодушные степняки знали только скрипучія повозки на волахъ въ ярмѣ, съ ременнымъ налыгачемъ на крутыхъ рогахъ. Бѣлый съ позолотою кузовъ, пузатый, съ высокими козлами подъ парчевымъ чехломъ, съ шелковыми кистями, важно покачивался на толстыхъ ремняхъ, замѣнявшихъ тогда рессоры, чуть не толкаясь на ходу о высокія заднія желтыя колеса. Сзади, на двухъ троечныхъ телѣгахъ, подъ веретями, увязаны были пуховики, подушки, ковры, боченки съ виномъ и медомъ, кули и складни съ провизіей. Десятки вооруженныхъ конныхъ „хорунжевыхъ“ казаковъ съ урядникомъ охранялъ знатныхъ путниковъ. Потребовалось пять дней ѣзды.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, будущій фельдмаршалъ, принялъ дорогихъ гостей со всѣмъ радушіемъ тароватаго русскаго боярина. Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы они остановились на постояломъ дворѣ, и сейчасъ же перевезъ ихъ къ себѣ, въ каменные хоромы воеводскіе. Служебныя дѣла, удалявшія воеводу и полковника въ канцелярію, оставляли хлѣбосольному хозяину довольно времени для того, чтобы оказывать вниманіе полковницѣ и ея дочери. Послѣдняя, къ ея досадѣ, произвела замѣтное впечатлѣніе на молодого вдовца, повидимому, расположеннаго утѣшиться и породниться съ изюмскимъ полковникомъ. Конечно, возможность выдать дочь за одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ, притомъ богача, льстила родительскому самолюбію. Но опять та же холодность со стороны дѣвушки, та же недоступность, отталкивающая отъ нея мужское чувство и отнимающая надежду у увлеченнаго ея прелестями вдовца. Избалованный вниманіемъ

къ себѣ московскихъ красавицъ, изъ числа которыхъ была и его покойная супруга. Шереметевъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ убѣждался въ недоступности этой степнячки, смуглянки съ агатовыми глазами и соболиными бровями, вспыхивающей часто румянцемъ гордаго дѣвичьяго чувства. Ему нравилась въ ней именно ея деревенская застѣнчивость, свѣжесть ея физической природы, строгость отношеній къ себѣ и другимъ. Она такъ непохожа на щеголихъ-нѣмокъ Кукуя-слободы, съ ихъ дебелыми фигурами, въ пышныхъ, пудренныхъ прическахъ, въ робронахъ и фижмахъ, съ заученными гостинными манерами и комплиментами. Ея скромность, себѣ не довѣряющая, куда какъ выше бойкой развязности этихъ тяжелыхъ нѣмокъ. Онъ хорошо ихъ знаетъ: до женитьбы онъ не могъ пожаловаться на недоступность ихъ, изъ которыхъ были у него „метрески“, по-просту говоря, любовницы. На нихъ совсѣмъ непохожа эта смуглая, стройная сарафаница. Очень она ему нравилась. Ея къ нему равнодушіе только распалило его страсть.

Едва сорока лѣтъ, онъ могъ назваться виднымъ, хорошо сохранившимся мужчиной. Благообразное выбритое лицо, съ полными щеками и подбородкомъ, глядѣло умными, добрыми сѣрыми глазами и своимъ оваломъ соответствовало полнымъ рукамъ красивой формы. Спокойная и красивая улыбка сообщала его серьезному взгляду выраженіе, которое долго помнилось тому, кому улыбался онъ. Высокій лобъ украшался густыми русыми волосами, искусно завитыми домашнимъ парикмахеромъ, поднятыми по тогдашней модѣ. Его мягкія манеры и любезность салоннаго кавалера свидѣтельствовали о томъ, что воспитаніе его французскими гувернерами закончилось въ аристократическихъ иностранныхъ гостинныхъ и даже на паркетѣ королевскихъ дворцовъ. Вся его коренастая, мужественная русская фигура, казалось, скрывалась въ нерусскомъ костюмѣ, къ ней не идущемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось простодушной Марусѣ. Когда онъ появлялся въ своемъ бархатномъ французскомъ костюмѣ, съ брильянтовыми пуговицами, съ открытою грудью подъ бѣлою манишкой, въ дорогихъ кружевахъ, въ кружевныхъ нарукавьяхъ, изъ-подъ широкихъ рукавовъ, въ синихъ атласныхъ исподняхъ по колѣни, схваченныя серебряными подвязками, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и адыхъ башмакахъ на каблукахъ и съ серебрянными пряжками, Маруся видѣла передъ собою маркиза и забывала бѣлгородскаго воеводу. И нерусскій костюмъ, и нерусскія манеры русскаго вельможи претили про-

стому, здоровому вкусу русской дѣвушки. Она думала: „Зачѣмъ бы птицѣ рядиться въ чужія перья?“

Убранныя по-московски палаты Шереметѣва свидѣтельствовали наглядно о его богатствѣ, о его вкусѣ къ жизни образованной, и о его близкомъ знакомствѣ съ обычаями западныхъ націй.

„Господи! — неволью подумала простодушная Маруся, пораженная роскошью мебели и убранства воеводскихъ приемныхъ покоевъ, многочисленностью ливрейныхъ слугъ, изысканностью стола, отзывавшагося французской тонкой кухней и сервированнаго золочеными ложками, вилками и ножами, саксонскимъ фарфоромъ, богемскимъ хрусталемъ,—дивны мнѣ люди, такъ расточающіе свои сокровища на свои прихоти, балующіе себя излишествомъ, когда столько нужды вопіющей ихъ окружаетъ! Справедлива ли судьба, надѣляющая одного сверхъ мѣры, а другого лишшающаго куска хлѣба? Не уподобляется ли бѣлгородскій вельможа евангельскому богачу, коему не внити въ Царствіе Небесное? Куда это она, Маруся, попала? Вотъ ужъ точно: залетѣла ворона въ высокіе хоромы. По нимъ не ей, деревенщинѣ, похаживать. Нарядъ мебели заграничный, эти фряжскіе листы, конечно, тоже изъ-за границы, такихъ она не видѣла въ Овощномъ ряду, въ Москвѣ. Кому только жить въ такихъ палатахъ? Воевода — вдовецъ бездѣтный“.

-- Можетъ быть, онъ приготовилъ домъ къ второй свадьбѣ, дочка!—замѣтила ей мать съ намекомъ, не понравившимся дочери.

Этотъ невинный намекъ любящей матери дурно предрасположилъ дочь не только къ наряднымъ покоемъ, но и къ владѣльцу. Маруся почему-то не выносила любезнаго хозяина и избѣгала его слишкомъ замѣтно. Мать строго выговаривала за то Марусѣ, указывая ей на невѣжливость въ отношеніи радушнаго и благороднаго хозяина, котораго любезность къ нимъ выше всякой похвалы. Дѣйствительно, встрѣчая своихъ гостей чуть не на крыльцѣ, Шереметевъ просилъ ихъ быть у него безъ церемоній, какъ бы у себя дома, благодарилъ дамъ за честь, что онѣ удостоили посѣтить его, неутѣшнаго вдовца, просилъ полковницу быть все время своего у него пребыванія за хозяйку и, за столомъ, усадилъ ее на хозяйкино пустовавшее мѣсто. Удовлетворенное женское самолюбіе полковницы, не глухой къ мужской лести, помѣшало ей, какъ матери, замѣтить то, что такъ не поправилось дочери: избалованный жизнью, интересный для

невѣсть, вдовецъ избралъ Марусю, съ перваго на нее взгляда, предметомъ своего ухаживанья. Опытный въ этомъ благородномъ дѣлѣ образованныхъ кавалеровъ, Шереметевъ не стѣнялся ни несоотвѣтствіемъ своего возраста и положенія съ лѣтами и положеніемъ молодой дѣвушки, ни неудовольствіемъ, съ какимъ она отнеслась къ его вниманію, нисколько ей не лестному. Она вспыхнула и готова была заплакать, когда онъ, этотъ блестящій „кавалеръ“, котораго она видѣла въ первый разъ, котораго побавалась и желала избѣгать по своей непривычкѣ къ свободному мужскому обращенію, удостоилъ остановить на ней свои восхищенные взоры долѣе, чѣмъ дозволяетъ свѣтское приличіе. Хотя жизнь и людей она еще мало знала, только что выплывая изъ тихой домашней пристани на просторъ шумнаго и опаснаго моря житейскаго, но врожденный женскій инстинктъ ей подсказалъ, что его вниманіе къ ней оскорбительно для ея женскаго достоинства. Когда любезный хозяинъ, предложивъ дамамъ осмотрѣть городъ, посадивъ полковницу въ открытую польскую нейтычанку, взялъ подъ локоть дѣвушку съ желаньемъ помочь ей сѣсть въ экипажъ, она поспѣшно отъ него отстранилась и легко вскочила на свое мѣсто, предупредивъ его услугу. Когда онъ подалъ ей руку, чтобъ помочь ей выйти изъ экипажа, она, не благодаря его, выскочила сама, замѣтивъ:

— Не надо, я могу сама!..

— Вы, Марья Григорьевна, недотрога-дѣвица! — замѣтилъ онъ ей, хотя съ улыбкой, но съ несомнѣнной досадой на нее, не глядѣвшую на него и не говорившую съ нимъ всю прогулку. — Мнѣ хотѣлось бы немножко поухаживать за вами... Хотѣлось бы вашего вниманія.

— Мнѣ этого вовсе не хочется, — рѣзко сказала она.

— Такъ выражаться съ вашей стороны жестоко и не любезно, Марья Григорьевна...

— Я не умѣю говорить любезностей, не училась...

— Но такой прелестной дѣвицѣ слѣдуетъ быть любезной, чтобъ въ ней видѣли совершенство...

— Я не рассчитываю на свое совершенство и не вѣрю въ совершенство другихъ...

— Не въ мой ли огородъ изволили камешекъ бросить?

— Можетъ быть. Вамъ лучше себя знать...

Старый московскій волокита, встрѣтившій въ этой деревенской красавицѣ, ему очень нравившейся, такой рѣзкій до рубости отпоръ своему ухаживанью, невольно разсмѣялся, нявъ жалкую роль свою въ этой игрѣ, представлявшейся ему

совсѣмъ не веселю. „Она неглупа,—подумаль онъ, любясь ея досадою на себя.—Вѣрно, сердце этой невинной овечки уже занято парнемъ, къ ней подходящимъ гораздо болѣе, чѣмъ я подхожу. Та же степная лошадка—брыкается, пока не приручится. Съ нею исподоволь заигрывать надо, не сразу... Заняться съ нею стоитъ—чудесная дикарка! Посмотримъ. Отъ того терплю, кого больше всѣхъ люблю... Она пренебрегаетъ вельможнымъ наморатомъ! Конечно, она мнѣ предпочитаетъ двадцатилѣтняго молодчика“...

Начавъ свою игру въ ухаживанье за дѣвушкой оригинальной красоты и оригинальной, въ его глазахъ, манеры держать себя съ кавалерами, Шереметевъ, для себя незамѣтно, увлекся дальше, чѣмъ предполагалъ. Черезъ три дня напрасныхъ ожиданій, что дѣвушка смягчится въ своихъ къ нему отношеніяхъ, онъ почувствовалъ нѣчто большее, чѣмъ уваженіе къ этой дѣвушкѣ-недотрогѣ. Именно ея недоступность увлекала его даже до рѣшимости на ней жениться. Онъ теперь присаживался больше къ матери, восхищаясь дочерью и сознаваясь, что дочь ему очень, очень по сердцу.

— Вы, мой батюшка, Борисъ Петровичъ, извините ее, мою дикарку, деревенщина, свѣта не видѣла, не знаетъ,—вступалась сердобольная мать за дочь.—Можетъ, когда скажетъ неладно—по-младости, по-глупости...

— Она умнѣе насъ съ вами, Елена Васильевна!—возражалъ увлеченный вдовецъ.—Она у васъ прямодушная, говоритъ такъ, какъ думаетъ, не лукавитъ, какъ часто лукавимъ мы, вотъ почему иногда слова ея кажутся рѣзкими намъ: мы не привыкли къ правдѣ, мы ея боимся, мы ее готовы за грубость принять. Признаюсь вамъ, высокоуважаемая, я еще первую встрѣчаю дѣвицу съ такими достоинствами. Обворожень! Вы наисчастливѣйшая мать!..

Однажды, Шереметевъ засталъ Марусю одну въ своей „гостиной“, убраной по иноземному обычаю, мебелью изъ Вѣны.

Московскій любезникъ ловко расшаркался передъ дѣвушкой, очевидно смутившеюся тѣмъ, что очутилась съ нимъ съ глазу на глазъ. Первымъ ея движеніемъ было бѣжать отъ него.

— Благороднѣйшей и наипрекраснѣйшей Маріи Григорьевнѣ мое нижайшее почитаніе!—привѣтствовалъ онъ ее, почтительно цѣлуя ея ручку, по требованію гостиннаго этикета того времени, чѣмъ вызвалъ на ея щечкахъ живой румянецъ, только возвысившій, въ глазахъ ея поклонника, пре-

лестъ такъ ему нравившагося лица ея. — Долженъ извиниться передъ дамой моего сердца, что многія серьезныя обязанности, на мнѣ лежащія, къ моей пущей досадѣ не позволяютъ мнѣ посвятить лично вамъ столько вниманія и времени, сколько того требуетъ мое бѣдное, плѣненное вами, мужское сердце.

Слова бѣлгородскаго воеводы, въ которыхъ Маруся поняла его признаніе въ любви, заставили ее поспѣшно подняться со стула, чтобы уйти и тѣмъ прервать дальнѣйшій потокъ его любовнаго краснорѣчія. Но онъ удержалъ ее за руку, восклицая:

— Несравненная дѣвица, нарушившая покой моего сердца и имъ завладѣвшая! Почто бѣжишь своего адоратера, т. е. обожателя? Ужели не найду въ тебѣ взаимности? Объясняю тебѣ мои чувства съ благороднымъ намѣреніемъ назвать тебя моею супругою милою!.. Предлагаю тебѣ имя и положеніе, далеко не послѣднія въ государствѣ російскомъ... Знаю, едва ли найдется женское существо, способное отказать такому жениху?.. Быть моею супругою значитъ вызвать досаду многихъ не удостоившихся подобнаго счастья...

— Вѣроятно, вы говорите правду, — возразила ему, собравшись съ духомъ, Маруся, освободивъ свою руку изъ его рукъ. — Но я чувствую себя недостойной стать вашей женой, Борисъ Петровичъ. Моя судьба должна быть гораздо скромнѣе той, что обѣщаете вы, вельможа. Если бы я уважала васъ менѣе, чѣмъ уважаю, я обидѣлась бы поспѣшности вашего предложенія...

— Какъ? — прошепталъ Шереметевъ, въ свою очередь смутясь прямодушіемъ дѣвушки и только теперь, послѣ ея замѣчанія, понявшій все неприличіе своего скороспѣлаго объясненія, къ чему она не подала ни малѣйшаго повода. — Мое предложеніе могло васъ обидѣть? Въ такомъ разѣ простите меня, несравненная дѣвица! Убѣждаюсь, что умъ вашъ соответствуетъ вашей красотѣ, Марія Григорьевна. Но, клянусь честью, девизомъ нашего дворянскаго рода, я не дерзнулъ бы ничѣмъ оскорбить особу женскаго пола, тѣмъ болѣе такую достойную. Свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ всевѣдущимъ.

Избалованный свѣтомъ вельможа не понималъ впечатлѣнія, произведеннаго на чуткую дѣвушку его признаніемъ. Оно поразило ее своею бездушною риторикой, отсутствіемъ чувства, взаимнѣ котораго выдавала себя его практическая цѣль взять себѣ вторую жену, не справляясь о ея чувствахъ. Зачѣмъ? „Вѣдь этотъ московскій вельможа, — думала Маруся, — упитъ себѣ жену, прельстивъ ее своимъ богатствомъ, знат-

постью рода, высокимъ положеніемъ. Но ему не купить меня! Нѣтъ, не купить за всѣ сокровища міра“...

Дѣвушка обрадовалась появленію матери, измѣнившему тонъ и содержаніе бесѣды любезнаго хозяина, казалось, даже забышаго о только что пролетѣвшей сценѣ, не могшей быть ему пріятною. Съ этого раза Маруся избѣгала оставаться наединѣ въ воеводой, хотя замѣчала его старанія возобновить свое предложеніе. Тогда онъ обратился къ матери и не ошибся. Въ матери онъ приобрѣлъ союзницу, могшую повліять и на дочь въ благопріятномъ для него смыслѣ. Положеніе дѣвушки, съ каждымъ днемъ, становилось тягостнѣе, такъ какъ Шереметевъ, повидимому, не обращалъ вниманія на холодность къ себѣ нравившейся ему дѣвушки, рассчитывая на вліяніе на нее родителей. А они готовы были хоть сейчасъ выдать ее за него. Примолаживаясь теперь, воевода одѣвался съ особенною тщательностью, являясь передъ молодою красавицей завитой, выбритый, держась настоящимъ пти-мэтромъ.

— Какого же тебѣ еще жениха дожидаться, Маруся?—говорила мать дочери наединѣ.—Ближній къ государямъ чело-вѣкъ, вельможа изъ первыхъ въ государствѣ, въ полной силѣ и красѣ мужской. Вѣдь у него сватомъ самъ меньшей царевичъ будетъ. Шутка ли? А вотчины его бѣлогородскія и воронежскія? А палаты московскія, бѣлокаменныя? Сказываютъ, въ погребахъ у него несчетная казна денежная. А образованъ-то не по нашему! И къ тому же вотъ какъ тебя, дѣточка, любить. То явная къ намъ милость Божія! Дай-ка, узнаютъ невѣсты и ихъ матери о такомъ твоёмъ счастьѣ, взбеленятся со злости. Даже помыслить о такомъ счастьѣ—лестно намъ, родителямъ. По дочкѣ-то и мы, старики, возвысимся и родъ свой превознесемъ... Отецъ твой, полковникъ, радешенекъ съ Шереметевыми породниться... Ладъ, старуха, говорить. Чего-жъ ты плачешь, глупая? Не плакать тебѣ, радоваться бы! Сказываютъ, первая-то его супруга, покойница, съ нимъ счастлива была. Какъ голубокъ жилъ, въ глаза онъ ей глядѣлъ и поворачивала она имъ, какъ сама хотѣла. И ты съ нимъ счастливо свѣкуешь... Но ты плачешь? о чемъ? кого ждешь? вѣдь тебѣ за двадцать лѣтъ, доню милая... Въ твои года у меня дѣтки были... Пора мнѣ своихъ внучатъ нянчить, Маруся...

— Плачу, потому что не хочу разлучаться съ тобою, матушка, — прошептала Маруся.—И воевода Шереметевъ не по мнѣ, родная. Я деревенская, глупая дѣвица, не привыкла къ его жизни городской. Онъ за меня краснѣть будетъ, за жену

необразованную. Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, не губи меня, не выдавай за воеводу... Не пойду за него, власть ваша надо мною родительская, не пойду за него...

— За кого же пойдешь?—съ явною досадою спросила полковница.

— Ни за кого, мамочка: останусь Христовой невѣстой...

— Но отецъ твой на это не согласится, Маруся. Онъ рѣшилъ: быть тебѣ за Шереметевымъ. Ты должна покориться его волѣ.

— Ни за что, мамочка! Скорѣе руки на себя наложу!

Въ словахъ взволнованной дочери звучала такая рѣшимость, что полковница принуждена была прекратить свое съ нею объясненіе. Но что она скажетъ Шереметеву, не привыкшему къ отказу своимъ желаніямъ, избалованному женскою угодливостью и податливостью? Онъ ждетъ отвѣта на свои предложенія и, конечно, не сомнѣвается въ успѣхѣ.

Полковница, какъ ни крѣпилась, заплакала, сочувствуя горькимъ слезамъ дочери, которой тяжелаго душевнаго состоянія она понять не могла. Материнское сердце инстинктивно чувствовало то, чѣмъ болѣло дочернее сердце, что отворачало его отъ предлагаемыхъ дочери жениховъ. Конечно, дочь скрываетъ свое глубокое чувство; но оно понятно матери, оно выражается слезами и отказомъ идти замужъ. Сколько сваталось къ ней хорошихъ людей и всѣмъ имъ одинъ отвѣтъ: не пойду! Не разъ мать пыталась вывѣдать у дочери ея сердечную тайну, но безъ успѣха. Во всемъ искренняя, довѣрявшаяся матери, Маруся не открывала ей тайны своего сердца, которую такъ хотѣла бы знать мать, обижавшаяся на такое не заслуженное ею недовѣріе дочери.

— Ты любишь, Маруся,—увѣренно замѣтила ей мать.— Ты ждешь того, кого любишь... Вотъ почему ты всѣмъ отказываешь...

Только вспыхнуло строгое лицо дѣвушки, а вслѣдъ затѣмъ поблѣднѣло въ отвѣтъ на эти слова матери, захватившія ее какъ-бы врасплохъ. Дрожа отъ сильнаго волненія, дѣвушка не возразила словамъ матери и не подтвердила ихъ. Мать ѣдидилась въ вѣрности своего вывода и нѣжно ласкала дочь. Инстинктивныя соображенія, располагавшія мать видѣть счастье дочери въ бракъ съ знатнымъ вдовцомъ, не заглушили голоса ея материнскаго сердца, сочувствовавшего теперь глухой привязанности дочери къ тому, кого она не называетъ, кого, вѣроятно, ждетъ. Сама способная къ сильнымъ и очнымъ душевнымъ движеніямъ, полковница могла оцѣ-

нить робкое, прекрасное по своей чистотѣ и сильное по своей глубинѣ дѣвичье чувство. Мать теперь убѣждалась, что это чувство выросло подѣ теплымъ кровомъ московской семьи, что тотъ, кого дочь ея не можетъ забыть, никто иной, какъ Андрей Телепневъ, съ кѣмъ она росла и воспитывалась вмѣстѣ, съ кѣмъ ее неразрывно связываютъ нѣжныя, живныя узы взаимности. Но гдѣ-жъ онъ, герой Марусинаго сердца? Отвѣчаетъ ли его чувство на чувство дочери? Встрѣтятся ли они? Онъ за границей, ради своего образованія. Пора бы ему вернуться, пора бы ему утѣшить ту, которая такъ ему вѣрна, такъ по немъ страдаетъ...

— Мать,—заговорила Маруся.—Оглянись на эти палаты, на ихъ убранство, на все богатство воеводиной жизни. Гожусь ли я для нихъ? Не чужды ли они моимъ вкусамъ и привычкамъ? Вѣришь ли, что я готова отсюда бѣжать, когда за столомъ сижу, а за моимъ стуломъ стоитъ, какъ истуканъ, слуга напудренный, въ заграничномъ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ? Нѣтъ, нѣтъ, родная моя: не губи меня, Не продавай знатному мужу, мнѣ противному. Не пара я съ нимъ!.. Не пойду за него.

Пришлось полковницѣ подумать да подумать, какъ бы поприличнѣе и не оскорбляя мужского самолюбія Шереметева, сообщить ему о несогласіи Маруси быть его женой. Такъ какъ онъ рассчитывалъ жениться, не заботясь о чувствахъ къ себѣ невѣсты и самъ увлекаясь не чувствомъ, а только чувственностью, то, конечно, отказъ дѣвушки могъ оскорбить лишь его самолюбіе. Впрочемъ, онъ выслушалъ полковницу съ достоинствомъ истинно порядочнаго мужчины, чѣмъ значительно облегчилъ полковницѣ ея непріятную материнскую обязанность.

— Весьма признателенъ вамъ, высокопочитаемая сударыня Елена Васильевна, за выполненіе моей покорнѣйшей просьбы,—сказалъ Шереметевъ, подымаясь со стула и почтительно цѣлуя руку полковницы.—Въ непріятномъ мнѣ отказѣ вашей прелестной дочери я, по справедливости, долженъ винить лишь себя самого: ни по возрасту, ни по своему личному достоинству я не гожусь ей въ мужья. За симъ, мнѣ остается пожелать вашей дочери отличной партіи, а вамъ, сударыня, зятя и внучать... Къ великому своему сожалѣнію вынужденнымъ нахожусь лишиться вашего наипріятнѣйшаго сообщества, ибо поспѣшить долженъ къ исполненію своей обязанности служебной, въ послѣднее время весьма отяготительной, по причинѣ крымскаго похода. Изъ моего Бѣлгородскаго полка снаряжаются многія сотни. Прощенья испрашиваю за столь нелюбезную и

не кавалерскую ретирату мою отъ благородной дамы, коей бѣ-
сѣда токмо усладять можетъ. Честь имѣю, сударыня, нижайше
откланяться, впредь до наипрѣятнѣйшаго свиданія нашего за
обѣдомъ.

— До свиданія, Борисъ Петровичъ!

Полковница на его поцѣлуй своей руки отвѣтила поцѣлуемъ
его въ лобъ, а на его „кавалерскій“ поклонъ—поклономъ же.

— Уфъ!—съ глубокимъ вздохомъ, облегчившимъ ея грудь,
произнесла она.—Словно гора съ плечъ свалилась! Какъ бы
намъ поскорѣе изъ Бѣлгорода выбраться. Неловко намъ теперь
на хозяина нашего глядѣть. А Маруся къ нему выходитъ те-
перь боится! То-то наше женское сердце, не поймешь его...

XXI.

А Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ,
на правой сторонѣ Донца и послѣ литовскаго раз-
грома перенесенъ на другую сторону Донца.

(„Книга Большого чертежа“, конца XVI вѣка).

Значеніе бѣлгородскаго воеводы обусловливалось въ то
время важностью Бѣлгородской крѣпости, составлявшей средо-
точіе „Бѣлгородской черты“, т. е. укрѣпленій и городовъ сторо-
жевыхъ, въ количествѣ двадцати, охранявшихъ московскую
Украину отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ и крымцевъ.
Кромѣ того, Бѣлгородъ для юга Россіи представлялъ важнѣй-
шій пунктъ торговый, промышленный и просвѣтительный. Архі-
ерейская каѳедра и духовное училище распространяли и под-
держивали православіе и духовное образованіе на огромномъ
пространствѣ уѣздовъ, подчиненныхъ бѣлгородскимъ граж-
данскимъ, военнымъ и духовнымъ властямъ. Сильныя земляныя
укрѣпленія съ деревяннымъ городомъ и башнями, защищае-
мая стрѣлецкими полками и дальнобойными пушками, счита-
лись тогда неприступными. Только измѣна могла овладѣть
этою пограничною крѣпостью, чему доказательствомъ были
историческія событія. Въ іюнѣ 1600 года крымцы напали на
Бѣлгородъ, но были съ великимъ для себя урономъ отбиты
и прогнаны орловскимъ воеводою, княземъ Татевымъ. Когда
же подъ Бѣлгородъ, обстрѣливаемый полтораэта большими
пушками, защищаемый многочисленнымъ гарнизономъ и снаб-
женный всякими военными и продовольственными запасами на
олгое время, подошли слабые отряды Лжедмитрія, эта важная

крѣпость поддалась дерзкому самозванцу, по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, по тому же неудовольствію на московское правительство, по какому отворили свои ворота самозванцу крѣпости Украины литовско-польской — Рыльскъ, Путивль и прочія...

Изюмскій полковникъ, конечно, удовлетворилъ свое воинское чувство подробнымъ осмотромъ этой крѣпости. Въ гостепріимныхъ палатахъ тароватаго воеводы собрались теперь всѣ зависящіе отъ его власти, полковники казачьи: Ахтырскій — Кондратьевъ, Сумской — Перекрестовъ, Изюмскій — Захаржевскій, считавшійся Харьковскимъ. Также городовые головы: ежедневно, подъ предсѣдательствомъ воеводы, они засѣдали въ канцеляріи, занимаясь распредѣленіемъ подводъ съ сухарями, порохомъ, фуражемъ, высылаемыхъ изъ ихъ уѣздовъ въ большой полкъ князя Голицына, собиравшійся на берегахъ рѣки Мерло. Туда же направляли они сотни изъ своихъ полковъ. Теперь Бѣлгородъ казался пробудившимся къ шумной и дѣятельной жизни. День и ночь по его песчанымъ улицамъ тянулись безконечные обозы, слышался скрипъ и шумъ колесъ, мужичья ругань, ржаніе коней, ревъ воловъ въ ярмѣ. Шли пѣшіе и конные полки, оглашая городъ своими пѣснями, барабаннымъ боемъ, рѣзкими звуками мѣдныхъ трубъ. Воевода Шереметевъ осматривалъ каждую воинскую часть, провѣрялъ обозы, разсылалъ приказы и донесенія.

Полковница только дивилась, какъ это онъ, воевода, не имѣя минуты покоя, способенъ еще увлечься дѣвушкой и думать о женитьбѣ: въ пору ему службу свою отправлять. Отвыкнувъ отъ городского многолюдства и шума, она съ удовольствіемъ покинула Бѣлгородъ, представлявшій теперь всевозможныя неудобства военного времени. Знакомства, завязавшія у нея съ здѣшними госпожами, тоже не были ей по вкусу, такъ какъ ея жизнь деревенская и ихъ городская слишкомъ различались.

По настроенію отца Маруся поняла, что онъ ею недоволенъ.

За что, — она знала. Обратный путь домой показался ей безконечнымъ, такъ хотѣлось ей быть наединѣ съ самой собою, съ своими мыслями о милломъ прошломъ, съ своими надеждами, что оно вернется, хотя, конечно, въ другихъ условіяхъ, съ другимъ значеніемъ. Совѣсть ея была спокойна, потому что, отказывая женихамъ, она пребывала вѣрно себѣ и своимъ прочнымъ симпатіямъ. Осуществятся ли ея мечты? Она недоумѣвала, останавливаясь на этомъ мучившемъ ее вопросѣ.

Впрочемъ полковнику Донцу некогда было теперь очень

заботиться о судьбѣ дочери, его отъ семейныхъ дѣлъ отвлекали дѣла служебныя. Прошло полстолѣтія, какъ слободская Украина изъ необитаемаго „поля дикаго“ стала населенною, порубежною со степями областью русскаго государства, съ военнымъ, на казацкихъ началахъ, устройствомъ. Достигнувъ извѣстнаго благосостоянія, населеніе нуждалось уже въ развитіи своей гражданственности. Это сознавали лучшіе представители населенія, конечно, и полковники слободскихъ полковъ. Полковое и сотенное начальство имѣло слѣдующее устройство:

Всякій полкъ управлялся полковникомъ и членами полковой старшины. Онъ и они избирались всею полковою старшиною на всю жизнь, по большинству голосовъ. Власть полковника была большая. Вѣдалъ порядокъ въ населеніи, распоряжался землями полка; могъ раздавать въ потомственное владѣніе „пустопорожнія“, никѣмъ не занятая земля тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, кого считалъ того достойнымъ по заслугамъ, и самъ могъ таковыя угоды занимать въ свое потомственное владѣніе. Свои письменные приказы—универсалы, за собственноручною подписью, онъ утверждалъ приложеніемъ своей гербовой печати, считавшейся полковою. Въ строю полка онъ имѣлъ знакъ своей власти—перначъ или шестоперъ изъ металла, украшенный драгоценными камнями. Подобіе гетманскаго бунчука, то былъ длинный тонкій шестъ, съ верхняго конца съ мѣдною позолоченною шишкою, изъ которой развѣвались перья, орлиныя и иныя. Полковую старшину составляли: полковой обозный, начальникъ пушкарей и укрѣпленныхъ мѣстъ; на время отсутствія полковника, обозный занималъ его должность, хотя безъ власти давать универсалы. Полковой есаулъ былъ помощникомъ по военной части. Полковой хорунжій начальствовалъ хорунжевыми казаками, т. е. лично охраною полковника, и хранилъ хоругвь, полковое знамя. Хоругвь украшалась ликомъ св. Дѣвы или святого, считавшагося покровителемъ полка. Полкъ гордился богатствомъ украшеній своей хоругви. Полковые писаря были секретарями въ полку: одинъ по гражданской, другой по военной части. Эти шесть чиновниковъ составляли постоянную полковую раду, т. е. совѣтъ о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ. Полковникъ на радѣ имѣлъ два голоса. Распорядителемъ дѣлъ въ радѣ былъ полковой обозный. Гражданскія же дѣла рѣшались въ полковой ратушѣ, гдѣ засѣдали тѣ же чиновныя лица, а распорядителемъ былъ полковой судья. Сотня управлялась сотникомъ почти такъ же, какъ полковникомъ полкъ; сотникъ выбирался полковою старшиною. Въ сотнѣ былъ еще сотенный атаманъ

вмѣсто судьи, есаулъ, писарь и хорунжій. Выбралъ ихъ, а равно и обращеніе ихъ по прежнему въ рядовые казаки зависѣли отъ сотника. Атаманы и писаря, засѣдали въ сотенной ратушѣ, а есаулы и хорунжіе распоряжались по военной части.

Устройство въ слободскихъ полкахъ было похоже на устройство украинны казацкой: каждый полкъ имѣлъ до 800 казаковъ выборныхъ, несшихъ постоянную службу, конныхъ, вооруженныхъ саблями, ружьями, пистолетами и пиками. Казаки были трехъ разрядовъ: сотенные, хорунжевые и пушкари. Прочіе казаки, не обязанные постоянною службою военною, раздѣлялись на два разряда: въ первомъ семейства военнослужившихъ казаковъ и ихъ свойственниковъ, изъ которыхъ брались выборные казаки. Во-вторыхъ—семейства казаковъ компанейцевъ или подпомощниковъ, которые должны были помогать служивымъ во всѣхъ надобностяхъ и во время походовъ доставлять имъ провіантъ. Въ послѣдніе годы XVII-го вѣка въ Сумскомъ полку было девять сотенъ, въ Ахтырскомъ девять, въ Харьковскомъ восемь, въ Изюмскомъ восемь и въ Острогояскомъ девять. Сотни отличались одна отъ другой сотенными значками съ изображеніемъ креста и кумера сотни. Подъ сотнею понималось не только сто строевыхъ выборныхъ казаковъ, а какъ бы цѣлый уѣздъ, управляемый сотникомъ. Бывали сотни, гдѣ считалось болѣе двухъ тысячъ выборныхъ казаковъ. Старые обычаи Поднѣпровья отразились въ устройствѣ слободской украинны. Полукочевой образъ гражданственности и понятій основывался не на письменныхъ законахъ, начертанныхъ государственною властью, а на преданіяхъ, *leges majorem*, и на произволѣ начальствующихъ. Надвигающійся XVIII вѣкъ вызывалъ живую потребность кореннаго измѣненія казацкаго общественнаго строя, что сознавалъ князь Василій Васильичъ Голицынъ и лучшіе умы русскихъ государственныхъ людей. О неудовлетворительности гражданскаго порядка въ слободскихъ полкахъ заходила серьезная рѣчь на съѣздѣ полковниковъ у бѣлгородскаго воеводы Шереметева.

Григорій Ерофеичъ теперь часто заводилъ о томъ же рѣчь съ своими помощниками по полковому управленію. Спѣшныя ежедневныя потребности, вызванныя Крымскимъ походомъ, невольна отдаляли Изюмскаго полковника отъ семьи. Онъ теперь рѣдко появлялся въ Бугаевкѣ у своихъ, вынужденный безотлучно быть на своемъ начальническомъ посту, въ Изюмѣ, куда безпрестанно прибывали нарочные съ приказаніями изъ Бѣлгорода, и откуда тоже безпрестанно скакали верховые съ распоряженіями полковника.

Однообразно тянулася жизнь матери съ дочерью въ повомѣ

бугаевскомъ домѣ. Дѣятельная хозяйка, полковница по прежнему несла на себѣ всю тяжесть управленія своею большою вотчиною. Ея хозяйскій глазъ, казалось, все видѣлъ, всюду гдѣ надо, она поспѣвала. Но въ минуты отдыха, оставаясь съ Марусей, въ неутомимой хозяйкѣ сказывалась женщина, мать. Когда она, нѣжно глядя на дочь, брала ея руки въ свои и, молча, плакала, дочь понимала ея слезы и имѣ сочувствовала. То была материнская печаль о сыновьяхъ, материнскія опасенія за жизнь молодыхъ героевъ, выступившихъ въ поле съ своими сотнями. Вѣдь Ѳедоръ только что со смертнаго ложа всталъ, уложенный чуть не на вѣкъ вражескою пудей, а Константинъ—едва изъ ребятъ вышелъ. Благородные юноши, вѣдь, съ семилѣтняго возраста на конѣ и подвергаются наравнѣ со старыми воинами всѣмъ лишениямъ и опасностямъ боевой службы. Такъ хочеть ихъ отецъ, но не она, ихъ мать. Она не отпустила бы ихъ отъ себя, еслибы это отъ нея зависѣло. Ея слезныя просьбы, ея убѣжденія не измѣнять воли отца, ставящаго долгъ воинскій высшимъ назначеніемъ шляхетнаго юноши и считающаго честную смерть съ саблею въ рукѣ на ратномъ полѣ болѣе достойною для него самого и его сыновей, чѣмъ смерть на постели или иная. Хотя полковница рѣдко высказывала свои опасенія за сыновей и горевала больше молча, но Маруся въ такія тяжелыя минуты, переживаемыя матерью, смотрѣла на нее съ состраданіемъ и часто бросалась къ ней на грудь, обнимала ее съ нѣжными словами и ласками, утѣшала ее, плакала вмѣстѣ съ нею и объ одномъ и томъ же горевала. Это общее ихъ горе—сблизило ихъ, постепенно устранило то нравственное средостѣніе, что ихъ какъ бы раздѣляло.

Энергичный характеръ пани полковницы, отчасти соответствовавшій характеру ея супруга, способенъ былъ къ сосредоточенности въ себѣ чувства, хотя бы самаго тяжелаго. Она поддавалась своей женской и материнской слабости лишь въ крайнихъ случаяхъ и ея слабымъ мѣстомъ оказывалась ея материнская любовь. Но даже ее она боялась обнаруживать при мужѣ. Маруся коротала длинные лѣтніе дни, или помогая матери по хозяйству, или занимаясь своею женскою работою съ иглою и ножницами въ рукахъ, или углубляясь въ чтеніе. Книги, взятыя ею еще изъ Москвы въ дорогу, были, конечно, у нея. Любимымъ ея чтеніемъ былъ „Василіологіонъ — персоны Ассирійскихъ, Персидскихъ, Греческихъ, Римскихъ царей и Великороссійскихъ великихъ князей и царей“. Въ Марусѣ слобожане находили свою „милую панночку“, всегда

готовую помощь обращающимся къ ней съ своими нуждами всёми, чѣмъ только могла. Она предстательствовала за нихъ передъ матерью, рѣдко отказывавшей ей въ ея просьбахъ за „подданныхъ“. Она врачевала болѣзни, конечно, по указанію полковницы и ея домашними лекарствами. Она не могла отказываться отъ приглашенія быть крестною матерью у роженницъ, почему множество младенцевъ обоихъ половъ на слободѣ оказались ея крестниками и крестницами, и столько же хохловъ и хохлушекъ получили лестное для себя право, при встрѣчѣ съ панночкой, кланяться ей съ родственной улыбкой и привѣтствіемъ: „Добры-день, кума-панночка!“ Какъ къ своей кумѣ, къ панночкѣ, по праздникамъ, послѣ обѣдни, прихаживали „отвѣдать“ ее, т. е. посѣтить, молодежи съ дѣтьми на рукахъ. Отъ ихъ, сосуновъ, лица, матери принашивали „хрестной“—яйца, мягкія паляницы, пазубникъ (землянику) въ мискѣ или орѣхи. Съ пустыми руками матери къ панночкѣ—„хрестной“ не приходили. Панночка, съ своей стороны, отдаривала своихъ крестныхъ дѣтишекъ своимъ рукодѣльемъ: колпачками, чепцами, одѣяльцами, бѣльемъ и т. д., либо помогала матерямъ ихъ въ ихъ домашнихъ и хозяйственныхъ нуждахъ, благодаря щедрости въ такихъ случаяхъ полковницы.

Серьезная хозяйка, бывало, сочувственно улыбалась, заставая по воскресеньямъ въ горницѣ дочери ея гостей—слободскихъ молодежи съ дѣтьми, разсаженныхъ не только на лавкахъ и стульяхъ, но и на полу.

— Со святымъ воскресеніемъ васъ, молодцы! — съ доброю улыбкою привѣтствуетъ госпожа своихъ подданныхъ, поклономъ благосклоннымъ отвѣчая на ихъ почтительные поклоны. — Сѣдить соби! чего схаменились? — успокаиваетъ госпожа смущенныхъ ея появленіемъ молодежи, засуетившихся передъ нею встать.—Ты бы, Маруся, гостей своихъ привыкла чѣмъ...

Полковница уходить, не желая своимъ присутствіемъ стѣснять отношенія по душѣ молодежи къ молодой госпожѣ. Но вслѣдъ за ушедшей хозяйкой, хоромныя дѣвчата вносятъ угощенье, сообразное времени года; сухія подсолнечныя и тыквенныя семена, столь любимыя хохлушками, предлагались неизмѣнно всякій разъ.

По праздникамъ, погожими вечерами, на полковничій дворъ, или на просторный выгонъ, у качелей собиралась большая толпа молодежи и дѣвчатъ, наряженныхъ въ свой праздничій нарядъ, съ головами, убранными яркими цвѣтами.

Отъ веселой толпы отдѣлялись двѣ или три красавицы и шли за панночкой, безъ которой не начинался „карагодъ“. Панночка, тоже въ малороссійскомъ нарядѣ, въ вѣнкѣ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, выходила къ подругамъ съ удовольствіемъ, выражавшимся и на ея прекрасномъ лицѣ, и въ ея миломъ обращеніи съ ними. Карагодъ начинался. Старинный, патриархальный бытъ полковничьей семьи оказался вполнѣ по вкусу и понятіямъ Маруси. Простота жизни казачьяго шляхетства, т. е. дворянства того времени отличалась отъ простоты жизни казацкаго простонародья развѣ только однимъ сравнительнымъ довольствомъ въ матеріальныхъ средствахъ. Полковникъ Донецъ казался только первымъ полковымъ казаконъ, будучи самъ плотью отъ плоти и костью отъ костей казачества. Начальникомъ онъ былъ только передъ полкомъ, судьей—только въ полковой ратушѣ. Въ частной своей жизни онъ не гнушался общества стараго простого казака и водилъ хлѣбъ-соль пріятельскую съ простыми казачьими семьями. Народныя добродѣтели и слабости были и его добродѣтелями и слабостями. Эта характерная черта простоты и общительности особенно правилась въ отцѣ Марусѣ. Скромная, разумная во всемъ панночка, ко всѣмъ всегда одинаково внимательная, всегда расположенная содѣйствовать или сочувствовать всякому горю, всякой нуждѣ, она заслужила всеобщую любовь домашнихъ, сельчанъ и семейныхъ лицъ полковой старшины. Старики сотники и есаулы, такъ же, какъ и ихъ жены и дѣти, были ея пріатели и пріятельницы, громко выражавшіе ей пожеланія выйти замужъ за человѣка, ея стоящаго. Такимъ человѣкомъ общее мнѣніе считало молодаго сотника, въ чинѣ стольника московскаго—Шидловскаго. Что Шидловскій вздыхаетъ по полковничьей дочери и что готовъ ее сватать, это тоже всѣмъ было извѣстно. Но проходятъ годы, панночка не замужемъ; невѣста, уже не первой молодости, отказывается даже такимъ завиднымъ женихамъ, какъ Шидловскій, тоже общій любимецъ...

Само собою, что мѣстные толки различно объясняли поведение дѣвушки, основательно подозрѣвая тутъ сердечную заобушку, влекущую ее въ Москву. Къ подобному толкованію слово подала сама пани полковница, не скрывавшая своего недовольства отъ есаульши полковой и другихъ пріятельницъ. Маруся, вѣроятно, ждетъ своего братца названнаго.

Воскресный вечеръ собралъ на широкомъ выгонѣ слободы гаевки молодежь играть пѣсни. Чудная погода вызвала на

призбы и на лавочки у своихъ воротъ стариковъ и старухъ подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться на взошедшій мѣсяць, на играющую и поющую молодежь. Небесная синева какъ бы посеребрилась и всѣ предметы видимыя—бѣлыя мазанки подъ очеретовыми или соломенными кровлями, вишневые садки, дубовый [байракъ, деревянная церковь, выгонъ, парни въ бѣлыхъ [свиткахъ, дѣвки въ бѣлыхъ сорочкахъ казались посеребренными.

Едва Маруся подошла къ хороводу, какъ дѣвки и молодницы дружно запѣли:

Не спи, матинко, у ночи,
 Печи, матинко, калачи!
 Печи на меду:
 Я тобі дружокъ наведу.
 Печи, матинко, на ябцахъ—
 Я тобі наведу въ сальянцахъ.
 Уже сонечко въ гору иде,—
 Уже наша молода зъ двору иде,—
 По-підъ вишневымъ садочкомъ;
 За нею дружечки рядочкомъ.
 Ломайте калиночку червоненьку,
 Квічайте Марусеньку молоденьку!..
 Де наша княжна ходила,
 Тамъ калина уродила,
 А де дружечки,—
 Вродили ягідки.
 По дорозі барвинокъ,
 Наши молоді на винокъ.
 Низомъ, дружечки, низомъ
 Закидана доріженека хмизомъ.
 —Ту у молодого кинь вороненькій
 Перескочить хмизъ зелененькій,
 А въ молодіи ще й воронійшій,
 Перескочить ще й зеленійшій!

Пѣсня эта поется дружками тогда, когда „молода“ прощается съ матерью при выходѣ своемъ изъ хаты,—это знала панночка; съ неудовольствіемъ остановилась она на своемъ имени, помянутомъ въ пѣснѣ. Показалось панночкѣ, что хороводъ какъ бы умышленно играетъ свадебную пѣсню, съ добрымъ желаніемъ видѣть ее, панночку, молодицей. Она не то смутилась, не то разсердилась за пѣсню. Но въ то же время, какое-то предчувствіе шептало ей, что будетъ время, быть можетъ и близкое, когда она съ удовольствіемъ счастливой „молодой“ услышитъ эту пѣсню. Сама не понимая своего настроенія, она поспѣшила удалиться отъ веселаго хоровода, вызывавшаго ея слезы.

Она шла, не думая—куда, и очутилась на берегу Изюмца, съ обоихъ береговъ ивы и ольхи, перевитыя водорослями. тонкими вѣтвями крученыхъ паньчей, которыхъ цвѣтки висятъ головками внизъ. Съ песчаного рѣчного дна къ свѣту тянутся аирь, чаполоть, водяной макъ, желтые „гличики“. Пластами, то недвижимыми, то слегка колеблемыми, чуть замѣтнымъ теченіемъ прозрачной воды, на ея поверхности, посеребренной луннымъ сіяніемъ, лежатъ круглыя широкіе листья лататя, а его бѣлыя цвѣты на цѣпкихъ корняхъ—«товстуняхъ» купаются въ водѣ. Зеленый очеретъ не шелохнется. Прозрачный паръ легкою дымкою стелется надъ извилистой рѣчкой, сообщая ей, въ мѣсячномъ освѣщеніи, фантастическій видъ. Маруся любила это уединенное мѣсто, гдѣ она, утрами, купалась и удочкой ловила рыбу. Сюда слабо доносились звуки хоровой пѣсни. Стихли и они. Маруся все еще сидѣла на берегу, задумавшись, очарованная прелестью лѣтней ночи, безсильная освободиться отъ навѣянныхъ ею грезъ. Длинная тѣнь отъ ея фигуры падала на воду. О чемъ она раздумывала,—она не могла дать себѣ отчета. И могла ли она думать о чемъ-нибудь, вся поглощенная поэзіею чудной ночи съ ея волшебными красками, звуками и таинственностью истинно-божественною. Въ такія ночи она уходила далеко отъ самой себя, высоко подымалась отъ земли и, казалось ей, жила иною, не земною жизнью. Забывала, гдѣ она, кто она, уносилась душою и мечтами туда, гдѣ земному человѣку нѣтъ мѣста...

Вдругъ она вздрогнула и прислушалась. Послышались ей конскій топотъ и голосъ, приближавшіеся. Она поспѣшила встать, не зная, спрятаться ли ей, или бѣжать домой? Но послѣднее оказывалось невозможнымъ, потому что двое конниковъ ѣхали по дорогѣ, ведшей въ Бугаевку. Прежде, чѣмъ панночка рѣшилась на что-нибудь, конники ее замѣтили и къ ней подѣхали. Отъ сильнаго волненія, ею овладѣвшаго, она не могла шагу сдѣлать и стояла неподвижно, подобно прекрасной статуѣ, облитая съ головы до ногъ волшебнымъ луннымъ свѣтомъ, серебрившимъ ея бѣлую сорочку и шелковую плахту...

XXII.

Ол, не шуми, луже, зеленый байраче;
 Не плачь, не журися, молодой казаче!
 Якъ мені не шуміти, бувши зеленому,
 Якъ мені не плакати, бувши молодому:
 Сосидоньки близькі, ворогоньки тяжкі,
 Не велять ходити, дівчини любити!
 Ой, по тобі, луже, не нахожуся,
 Кого вѣрно люблю, не надивлюся.

Дивчино кохана, адорова була,
 Чи-жъ ты вже за мене тай позабула?
 Прихавъ до тебе, Богъ тебе знае,
 Чи твое серденько мене кохае?

(Народная малороссійская пѣсня).

Стоить Маруся—не шелохнется, смотритъ на подвѣхавшаго молодого офицера—сама себѣ не вѣритъ: передъ нею тотъ, о комъ она не переставала думать столько лѣтъ, о комъ Богу молилась, кого ждало ея любящее сердце. Предчувствіе ее не обмануло, не обманываютъ и ея глаза: это онъ, милый братецъ ея названный! Онъ! Это говорятъ ей ея глаза и сердце, забывшееся мучительно сладко. Онъ, ея милый Андрей.

— Маруся!—услыхала она знакомый, милый ей голосъ, звучавшій хорошимъ мужскимъ чувствомъ, бросившимъ ее въ жаръ, отъ котораго закружилась у нея голова и вся она вздрогнула.—Тебя ли вижу, сестрица названная? Не сонъ ли это восхитительный?! Маруся!..

Но она безъ отвѣта и движенія стояла, словно очарованная, не сводя съ него очей, расширенныхъ изумленіемъ.

Она убѣждалась, что онъ торопливо слѣзъ съ сѣдла, отдалъ поводья коня своему казаку съ приказаніемъ отвести его на панскую усадьбу, что онъ остался съ нею наединѣ, что она безмѣрно счастлива оставаться съ нимъ глазъ на глазъ... Но тутъ легкое облачко закрыло отъ ея глазъ и Андрея, и свѣтлую ночь, она безъ чувствъ упала на грудь подхватившаго ее друга: любящее дѣвичье сердце не выдержало силы переполнившаго его чувства.

— Маруся! что съ тобою!—шепталь въ невольномъ испугѣ Телепневъ, осторожно опуская безчувственную дѣвушку на траву и не отрывая отъ нея глазъ. „Какъ она похорошѣла, сложилась?“—думаль онъ, самъ взволнованный и счастливый

мыслью, что онъ ею любимъ, чему доказательство видѣлъ въ ея обморокѣ.

Вволю насладившись видомъ любимой дѣвушки, распростертой предъ нимъ на травѣ, уступая тутъ эгоистическому чувству любящаго мужчины и за нимъ забывая подать ей нужную помощь, онъ, наконецъ, опомнился. Свѣжая рѣчная вода, которою онъ смочилъ ея голову, возвратила Марусю къ ея способностямъ. Она открыла свои глаза и тихо вздохнула. Изъ-подъ соболиныхъ бровей на Телепневѣ остановился взглядъ, безъ словъ говорившій ему все то, что ему хотѣлось знать, что его счастливило и было ему дороже самой его жизни. Въ агатъ ея прекрасныхъ глазъ, отражавшихъ свѣтъ мѣсяца и блестящихъ чистою, какъ брилліантъ, дѣвичьею слезою, капавшею съ густыхъ рѣсеницъ, свѣтилась глубокая любовь, полностью отданная ему.

— Андрей! — чуть слышно прошептали ея еще блѣдныя губы, — какъ я счастлива съ тобою!

Казалось, она еще не отдавала себѣ отчета — въявь или во снѣ видитъ своего друга. Но придя въ себя, она устыдилась и поспѣшила измѣнить свое положеніе и, съ помощію его, присѣла, смущенная тѣмъ, что онъ ею лежащею любовался во время ея безчувствія. Но она не только позволила ему себя обнять, но сама склонила свою головку въ цвѣтахъ на его плечо. Его страстныя ласки, горячіе поцѣлуи, совсѣмъ не братскіе, теперь вызывали съ ея стороны слабое сопротивленіе, скоро ему уступившее. Эта минута встрѣчи двухъ любящихъ сердець, безъ словъ высказавшихся, была рѣшительною минутою въ жизни Андрея и Маруси.

— Наконецъ-то свидѣлись, — шептала она, ослабленная сильнымъ душевнымъ волненіемъ и съ нѣжной улыбкой всматриваясь въ возмужалое лицо Андрея. — Не чаяла я такого счастья, милый Андрюша... прождалась...

— Ждала ты меня, Маруся? — спросилъ онъ и едва слышалъ ее.

— Ждала, Андрюша... долго ждала...

— Я боялся, что ты уже замужемъ... очень боялся...

— Почему же, Андрюша?

— Потому что я тебя люблю, Маруся... ты все это время пей разлуки не выходила у меня изъ головы и сердца. Не дя тебя, въ отдаленіи, я убѣдился въ томъ, что люблю тебя какъ сестрицу названную... Ахъ, если бы ты могла отвѣчать ему къ тебѣ чувству!..

— Ужели ты еще въ этомъ сомнѣваешься, милый Андрюша?

Въ ея замѣчаніи онъ понялъ заслуженный себѣ упрекъ и поторопился оправдаться, сказавъ:

— Прости, Маруся, любящаго тебя друга, такъ долго ничего о тебѣ не знавшаго. Эта наша встрѣча разсѣяла мои сомнѣнія. Но если я заслужилъ твою любовь, ты должна принадлежать мнѣ. Думала ли ты обо мнѣ, какъ о своемъ мужѣ?

— Думала,—чуть слышно призналась дѣвушка, скрывъ свое вспыхнувшее лицо на его плечѣ.— Не мучь меня подобными вопросами, Андрюша! Я не умѣю высказать, что я чувствую, какъ я счастлива съ тобою въ эту минуту... Развѣ нужны слова тамъ, гдѣ чувство говорить само за себя? Развѣ наше счастье дано намъ не нашею взаимною любовью?

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, она крѣпче обняла его шею руками, и онъ покрылъ ея головку и лицо горячими, нѣжными поцѣлуями.

— О, какъ хороша молодая жизнь, согрѣтая любовью, Маруся!—воскликнулъ въ избыткѣ счастья Теленевъ, получившій на его поцѣлуи ея отвѣтный долгій поцѣлуй.— Ради такого свиданья, забудемъ горечь тяжелой разлуки. Повтори же, Маруся, ты моя?..

— Твоя, Андрюша.

— А твои родители?

— Въ ихъ согласіи я увѣрена. Они догадываются о томъ, что я тебя ждала...

-- Но почему же?

— Потому, что я отказывала всѣмъ женихамъ. За мой отказъ послѣднему жениху они на меня сердятся, упрекаютъ меня...

— Кто-жъ этотъ послѣдній женихъ?

— Борисъ Петровичъ Шереметевъ, вдовецъ, воевода бѣлгородскій.

— Шереметевъ! И ты, Маруся, ему отказала? Какая же ты хорошая дѣвушка! Съ тобою идти въ жизни рука объ руку, любить тебя, быть тобою любимымъ—вотъ истинное человеческое счастье! Стою ли я тебя, Маруся? Ты лучше меня! Твое сердце не измѣнило чувству, разъ полюбивши. Ты за нимъ шла, за этимъ чувствомъ, не зная, что оно тебѣ дастъ, куда тебя приведетъ. Какъ неусыпная евангельская невѣста, ты съ возженнымъ свѣтильникомъ въ ночи встрѣтила жениха своего. Богомъ клянусь тебѣ, избранница моего сердца, жить

для тебя съ той минуты, какъ назову тебя супругою! Взгляни кругомъ: сама природа благословляетъ союзъ нашъ! Чудная мѣсячная ночь ликуетъ вмѣстѣ съ нами! Она свѣтла, какъ свѣтло у насъ на душѣ; она бодрѣе и свѣжѣе, какъ бодрѣе мы, какъ свѣжѣе обѣты наши.

— Продолжай, говори мнѣ о своей любви, о себѣ, милый!—шептала Маруся, разнѣженная полнымъ счастьемъ переживаемыхъ минутъ, не сводя своихъ восхищенныхъ глазъ съ того, кого считала уже своимъ женихомъ.—Разсказывай о заграничной жизни, думалъ ли ты тамъ обо мнѣ такъ, какъ я о тебѣ здѣсь думала? Горевалъ ли, какъ я горевала?.. Не зная о тебѣ ничего, я ужасно за тебя боялась, Андрюша... То представлялось мнѣ, что ты умеръ, что боленъ, при смерти и за тобою ходить некому... Такъ бы, кажется, полетѣла къ тебѣ, милому... То воображала еще худшее...

— Что же именно?—не утерпѣвъ, спросилъ Телепневъ.

— Что ты полюбилъ тамъ чужеземку, Андрюша,—заставила себя признаться дѣвушка, скрывая отъ него свое лицо на его груди.—Тогда я страдала невыносимо, Андрюша...

— Какъ?—спросилъ онъ.—Ужели знать, что я умеръ, тебѣ было бы легче, чѣмъ знать, что я увлеченъ чужеземкой, или что я на ней женился?

— Да, Андрюша,—чуть слышно прошептала дѣвушка, смущенная своимъ признаніемъ.—Уступить тебя другой, выше силъ моихъ...

— А если бы судьба не свела меня съ тобою, Маруся, рѣшилась ли бы ты замужъ пойти за человѣка, тебѣ не противнаго?

— Ни за кого, никогда, Андрюша... Вѣдь я же отказывала своимъ женихамъ, хотя сомнѣвалась въ возможности съ тобою встрѣтиться... Всѣ они мнѣ противны, потому что я люблю одного...

— И какъ счастливъ этотъ одинъ, чувствуя и сознавая, что любимъ такую дѣвушкой, какъ ты, моя Маруся,—воскликнулъ Телепневъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

Друзья дѣтства, названные братъ и сестра, разставшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ, едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, встрѣтились совершеннолѣтними людьми, успѣвшими провѣрить себя и свои взаимныя отношенія самою жизнію. Продолжительная разлука способствовала и ему, и ей опредѣлить чувство, ихъ связывавшее съ дѣтства и развившееся обстоятельствомъ, казавшимися враждебными ихъ чувству. Мо-

ралисты справедливо утверждаютъ, что разлука, подобно вѣтру, гаситъ искру или раздуваетъ ее въ пожаръ; такъ, разлука безсилна была потушить истинное, сердечное чувство нашихъ молодыхъ друзей, давшихъ обѣтъ принадлежать другъ другу въ эту свѣтлую мѣсячную ночь, прекрасную, какъ прекрасна была ихъ сердечная связь. Наслаждаясь созерцаніемъ другъ друга и признаніемъ взаимной любви, честно выдержавшей искусь времени и обстоятельствъ, отдавшись другъ другу на вѣки, молодые любовники чувствовали себя на верху возможнаго земного счастья. Какъ бы могучій потокъ несъ ихъ на своихъ тихихъ волнахъ въ страну вѣчнаго счастья, вѣчной весны. Очаровательная южная ночь, съ своимъ мечтательнымъ луннымъ сіяніемъ, съ своими фантастическими тѣнями и игрою голубоватаго свѣта, съ своимъ серебромъ на древесной листвѣ, на очеретѣ, на водѣ рѣки, на лицахъ и рукахъ любовниковъ, соотвѣтствовала ихъ любовному очарованію. Переполненные счастьемъ, они, молча, всматривались другъ въ друга, сами себѣ не вѣря, что они, наконецъ, вмѣстѣ, что принадлежать другъ другу, что, наконецъ, выяснились ихъ взаимныя отношенія, произнесены послѣднія, рѣшающія ихъ судьбу слова. Постепенно они возвращались къ своимъ давнимъ, но еще живымъ впечатлѣніямъ, къ своему общему дѣтству, къ своей ранней молодости. Это прошлое ихъ дало имъ это настоящее ихъ. Счастье настоящихъ минутъ они купили цѣною столькихъ сердечныхъ мукъ, тяжелыми годами разлуки...

Но можетъ ли земное счастье быть полнымъ? Маруся, любясь своимъ женихомъ, артиллерійскимъ офицеромъ, невольно думала о его службѣ, которая опять оторветъ его отъ нея. Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ эта несносная разлука съ милымъ!

Она заплакала.

— О чемъ, Маруся, плачешь?—участливо и съ замѣтнымъ испугомъ спросилъ ее Телепневъ, взглядываясь въ ея влажные глаза, словно по нимъ желая узнать причину ея слезъ.—Слезы въ нынѣшнюю ночь? Слезы, когда мы съ тобою такъ безмѣрно счастливы? Нѣтъ, Маруся, не плачь!..

— Ты офицеръ, Андруша,—пояснила она свои слезы,—ты на войну пойдешь, конечно. Этого я такъ боюсь теперь!

— Но ты, моя умница, понимаешь, что долгъ офицера защищать свое отечество, служить своему государю,—возразилъ онъ, какъ умѣлъ успокоительнѣе.—Сама ты, Маруся, не хочешь, чтобы твоего мужа могли обвинить въ отсутствіи му

жества, въ исполненіи имъ его воинскаго долга чести. Презрѣнія достойнъ мужчина, не сознающій и не исполняющій требованій долга чести; но офицеръ, военный человѣкъ, сугубо преступень, уклоняясь отъ опасности, соединенной съ его воинскимъ званіемъ. Не тебѣ, Маруся, бояться за своего мужа, честно исполняющаго свой долгъ. Ты сама не могла бы уважать безчестнаго мужа. Я долженъ служить: меня назначили командиромъ батареинной роты, ожидающей меня въ полѣ. Я въ отпускѣ.

— Но если тебя ранятъ, изувѣчатъ или убьютъ, Андрюша?— возразила она, напрасно отирая свои слезы.

— Воля Божья надъ нами; Маруся, — сказалъ онъ.

— Пойми, милая, что молодой дворянинъ, посвятившій пять лѣтъ на свое военное образованіе за границей, вернувшись на родину обязанъ ей послужить своими свѣдѣніями. Артиллерійское дѣло у насъ, русскихъ, тотъ же младенецъ спеленатый; нѣтъ еще у насъ выученныхъ пушкарей, нѣтъ и хорошихъ пушекъ. Безъ исправной же артиллеріи войско успѣшно дѣйствовать въ полѣ, и въ осадѣ не можетъ. Самъ государь Петръ Алексѣевичъ рассчитываетъ на меня, какъ на инструктора, то-есть руководителя, по артиллерійскому дѣлу въ нашей арміи. Онъ же велѣлъ мнѣ командовать въ крымскомъ походѣ батареями. Возвращусь къ тебѣ, своей милой женошкѣ, капитаномъ, со славою! Тогда заживемъ съ тобою, Маруся!

— Когда бы твоими устами да медъ пить, Андрюша. Дѣвушка вздохнула, не находя основательныхъ возраженій, но оставаясь при своемъ страхѣ за своего милаго, когда онъ оставитъ ее ради своего воинскаго долга. Не забыла она еще тяжело раненаго брата Федора и свой за него душевный трепеть, свой за нимъ уходъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Жизнь Андрюши теперь для нея дороже его воинской славы. Любовь женская эгоистичнѣе, быть можетъ, мужской любви. Женскій кругъ дѣятельности, будучи гораздо ограниченнѣе круга мужской дѣятельности, способствуетъ проявленію личнаго начала въ ущербъ началу общественному; въ мужской же дѣятельности общественное начало поглощаетъ личное. Такъ было и будетъ, вѣроятно, несмотря на развитіе женщины, сообразно требованіямъ вѣка.

Цуткіе къ прелестямъ ночи, казавшейся имъ волшебною, одне любовники жадно пили волшебный нектаръ, изъ золотыхъ чашъ, подносимой къ ихъ устами невидимой рукою

тайнственной феи. Для нихъ, казалось имъ, свѣтилъ мѣсяць, для нихъ милліонами голосовъ и звуковъ жила чудная ночь... Мысль о завтрашнемъ днѣ, о минутѣ, когда они предстанутъ передъ ея родителями и признаются имъ въ своей любви — и счастливила, и холодила Марусю. Въ ней заговорили опасенія за Андриюшу. Порѣшили обвѣнчаться, не мѣшкая, такъ какъ онъ настоялъ на этомъ. Когда же онъ возвратится съ похода воинскаго, тогда они отправятся, конечно, въ Москву, къ ея родителямъ названнѣмъ. Маруся не сомнѣвалась, что въ доброй боярыньѣ найдетъ любящую свокровь, но все-таки разспрашивала Андриюшу, знаютъ ли его старики о его рѣшимости на ней жениться? Какъ они относятся къ ней, какъ къ своей будущей невѣстѣ? Отвѣты Андриюши вполнѣ ее удовлетворяли. Опъ понималъ и цѣнилъ душевную потребность своей невѣсты дѣлиться съ нимъ своими сомнѣніями, повѣрять ему свою грусть, всегда такую честную. За душевной бесѣдой они забыли время.

— Ахъ, Андриюша, свѣтаетъ! — воскликнула она съ испугомъ, убѣждаясь, что востокъ ночного неба заалѣлъ, отъ рѣки потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ предразсвѣтнѣмъ и проснувшіяся птицы весело зачирикали и запѣли. — Я не почевала дома! Что скажу матери?..

Она поспѣшила подняться, Андриюша тоже всталъ, посмѣиваясь надъ испугомъ своей невѣсты, вспомнившей, что она не почевала дома.

— Невѣста имѣетъ право оставаться съ своимъ женихомъ, — замѣтилъ онъ, съ желаніемъ успокоить ее. — Мы женихъ и невѣста...

— Да, но только русскіе, — пояснила Маруся. — Ты, милый привыкъ къ заграничной свободѣ людей и забылъ о томъ, какъ строги наши обычаи. Хотя я казачка, не боярышня, все же до вѣнца я въ материнской власти, Андриюша... Иду къ матери прямо, расскажу ей случившееся.

— Ну, Маруся, теперъ и я, старый, бачу, что ты дѣвка у насъ не глупая, и что ты знала, что дѣлаешь, отказывая нашимъ женихамъ потому, что ждала своего! — весело посмѣиваясь, сказалъ полковникъ дочери, подведшей къ нему за руку молодчика офицера съ смущеннымъ видомъ виновной, съ просьбою:

— Отецъ, благослови насъ — меня и жениха моего, Андрея Юрьевича Телепнева!

— Мы давно любимъ другъ друга! — пояснилъ Телепневъ. Молодые люди, уже благословленные матерью, преклонили колѣни передъ отцомъ, любовавшимся такою парочкою.

— Благослови васъ Богъ, на добрую жизнь, дѣтки! — произнесъ не твердымъ голосомъ полковникъ, на длинный съ просьбою усъ котораго скатилась слеза. И трижды ихъ благословилъ.

Потомъ обоихъ прижалъ къ своей широкой груди и на ихъ поцѣлуи своей руки отвѣтилъ поцѣлуями въ ихъ головы. Разтроганный, мужественный воинъ не могъ слова вымолвить, опасаясь послѣдовать примѣру пани полковницы, рыдавшей въ три ручья. Собравшись съ духомъ, онъ сказалъ:

— Тебѣ, Андрей Юрьевичъ, отдаю нашу дочку милую въ увѣренности, что съ тобою она будетъ счастлива. Она спасена бояриномъ твоимъ отцемъ и воспитана въ твоей благородной семьѣ, которую любить не болѣе ли родной. Помолчи, дочка, твоя рѣчь впереди... Тебя она называла братцемъ своимъ, а теперь хочетъ назвать мужемъ, и ты просишь ее себѣ въ жены. Будь по вашему. Что она, ради тебя, отказывала хорошимъ женихамъ — то тебѣ извѣстно. Выросши съ нею вмѣстѣ, ты ее знаешь, конечно, лучше, чѣмъ мы, родители, ее знаемъ. Стало, хвалить ее намъ не приходится. Хорошій товаръ не нуждается въ купцовой похвалѣ, у покупателя свои глаза. Ты же, Андрей Юрьевичъ, вижу, образованъ на заграничный манеръ; входя въ семью нашу казацкую желаннымъ зятемъ, не осуди насъ, стариковъ, на простотѣ нашей степной. Люди мы неученые, живемъ и думаемъ по старинѣ, ѣдимъ пряники неписанные. Нашъ домъ — твой домъ! Твоя родня — наша родня! За честь почитаемъ породниться съ семьей твоею. Только знать намъ надо бы: желанною ли невѣсткою войдетъ въ твою семью благородную наша дочка? Сватаешь ее съ ихняго ли, родительскаго, согласія?

— Мои родители примутъ Марусю не какъ невѣстку, но какъ дочь родную, Григорій Ерофенчъ, — пояснилъ Телепневъ. — Сошлюсь на пани полковницу — она свидѣтельница того, съ какими слезами горькими моя мать разставалась тогда, въ Кіевѣ, съ Марусей...

— Не всякая мать родная прощается такъ, какъ боярыня съ Марусей прощалась, — подтвердила хозяйка. — Правду сказать, Маруся меня, родную мать, менѣе любить, чѣмъ боярыню, свою названную мать. И въ этомъ могу ли я винить Марусю, озвратившуюся къ родной матери уже взрослой паненкой? Я знаю и о томъ, какъ мечтаетъ боярыня видѣть Марусю своею невѣсткою. Сама она мнѣ въ томъ признавалась.

— Вотъ оно что! — полковникъ повеселѣлъ. — Господь, видно, направляетъ нашу Марусю изъ степей въ Москву, такая ея судьба. Не намъ, грѣшнымъ, перечить! Къ тому-жъ, скажу, лучшаго зятя мнѣ не надо, да и обыщется ли молодчикъ лучше тебя, Андрей Юрьевичъ? Не лъщутъ тебѣ. Молодцы мои сыночки, но они казаки мало образованные. Ты же всѣмъ взялъ. Мудрено ли, что по тебѣ красная дѣвка сохла столько лѣтъ. Не краснѣй, Маруся, не о тебѣ рѣчь. Или выдаешь себя и свою зазнобушку дѣвичью? Не краснѣй!

— Что-жъ тебѣ краснѣть теперъ, когда ты невѣстой нарекалась, Маруся? — замѣтила мать, нѣжно улыбаясь смущенной дочери, — дождалась своего, счастлива, крый Мати Божя! Нынче веселье справимъ, гостей позовемъ, доню...

— Ни, Олено сердце, се дило не такъ, треба справить „сватанья“, якъ диды наши справляли, — замѣтилъ полковникъ. — Ты, Андрей Юрьевичъ хотя москаль, но берешь хохлушку, изъ малорусской семьи дѣвицу, а потому покориться долженъ ты нашему обычаю предковскому.

— Съ удовольствіемъ готовъ, почтеннѣйшій Григорій Ерофеичъ, — весело согласился счастливый Телепневъ, не выпускавшій руки невѣсты изъ своей и не могшій на нее наглядѣться, чѣмъ смущалъ ее. — Любя Марусю, люблю и ея родину, и обычаи ея племени. Узнавъ Украину, я понялъ, почему ее такъ хвалить отецъ мой, бояринъ. Вѣдь у него здѣсь жалованная земля, урочище на Донцѣ, Княжой Лимань...

— Княжой Лиманъ? Знаю: наипрекраснѣйшая мѣстность, — сказалъ полковникъ. — И почти смежная съ моими грунтами. Кстати. Пожалуй, водворишься у насъ ты, Андрей Юрьевичъ. Желательно было бы намъ, старикамъ, по сосѣдству съ вами жить, внучать нянчить. Не краснѣй, Маруся: намъ, старымъ, пора въ дѣды да въ бабки. За тобою дѣло случилось... Такъ вотъ, пани-матка, мой приказъ: справить сватанья по нашему преданію. „Пьютъ сватанья“, конечно, у насъ, родителей невѣсты. При семъ на почетномъ мѣстѣ сядутъ крестные отецъ и мать невѣсты...

— Крестный батько Марусинъ, есаулъ Недотупа, Евтехъ Семеновичъ, на томъ свѣтѣ, царство ему небесное! — пояснила полковница, набожно перекрестившись. — Крестную мать Варвару Авдѣвну позовемъ. Но какъ же обойтись потомъ со сватаннемъ у жениха? Гдѣ у него „пить сватанья“? Вѣдь у жениха собираются всѣ бывшіе на сговоринахъ у невѣсты, кромѣ невѣсты.

— Что-жь, пани-матка, требовать невозможнаго,—сказалъ полковникъ.—Женихъ не адѣшній житель, пріѣзжай. За одинъ разъ отправимъ и сговорины, и сватавня у насъ, и годи! Послѣ сговоринъ свадьба откладывается недѣли на двѣ, а то и на мѣсяць, чтобъ успѣть приготовиться съ приданымъ...

— Не надо приданаго, не откладывайте свадьбы!—воскликнулъ Телепневъ, своимъ нетерпѣливымъ движеніемъ вызвавъ стыдливую краску на смуглыя щеки невѣсты.—Отпускъ мой короткій, я не смѣю просрочить своей явкой!

— Дѣло,—согласился полковникъ, хитро усмѣхнувшись.—То, бачь, служба у тебя на умѣ, не что иное, Андрей Юрьевичъ. Дѣло, треба ускорить вѣнецъ. Не краснѣй, доню.

Но тутъ, съ своими возраженіями хозяйки, выступила полковница, заговоривъ, что спѣшить свадьбою нельзя, что надо шляхетной невѣстѣ справиться къ вѣнцу, какъ должно.

— За день до вѣнчанія, которому быть въ воскресенье, стало быть въ пятницу, надо печь каравай,—закончила она.

— Пеки каравай, стара,—замѣтилъ полковникъ.—Свадьба въ воскресенье черезъ двѣ недѣли: справитесь, не бойсь, со своими бабскими дѣлами. Знаю, не пустыя скрини стоятъ запертыя у тебя, скрини съ дочкинымъ добромъ. А спѣшить со свадьбой женихъ потому, что боится просрочить отпускомъ своимъ. Служба, бачь, у него на умѣ, служба, не что иное! Не краснѣй, Маруся, горись, словно о тебѣ рѣчь, а не о службѣ жениха твоего. Ты же, пани-матка, распорядись, чтобъ завтра же сваты жениховы за рушниками пришли. Сватами назначь, кого сама знаешь.

XXIII.

Ой, чому, чому въ сему дому
Такъ рано засвітилося?
Тамъ молода білы руки мыла,
Зъ молодымъ говорила:
—«Поїдь та убій куночку
Мині на шубочку,
А зъ лапочки—шапочку».
Та еще молодой не доізжае,
А куночка промовляє:
«Зъ мене куночки
Не буде шубочки,
А зъ лапочки—шапочки».

(Малорусская свадебная пѣсня).

Изюмскій полковникъ наладилъ, съ помощью супруги, сванганье дочери по всѣмъ подробностямъ честнаго стараго мало-

россійскаго обычая. Олена Васильевна „выряжала старостивъ“ жениховыхъ, изъ числа близкихъ къ своей семьѣ лицъ и соображаясь съ ихъ почетнымъ положеніемъ въ полковой старшинѣ. Полковой обозный и полковой судья за честь себѣ сочли приглашеніе полковницы быть старостами со стороны жениха, московскаго офицера, который самолично просилъ ихъ о томъ же. Утромъ, въ назначенный часъ, оба старосты подѣхали верхами къ рундуку полковничьяго дома. Ихъ торжественный видъ, щегольство одежды ихъ и сопровождавшихъ казаковъ свидѣтельствовали о значеніи, какое они придавали своей почетной обязанности. Уже пожилые, оба они могли похвалиться здоровьемъ, но не молодцоватостью. Слишкомъ растолстѣли ихъ высокія, широкія фигуры, расплылись ихъ загорѣлыя усатыя лица. Обозный отличался сутуловатостью, а судья обширнымъ брюхомъ, не мѣшавшимъ ему, впрочемъ, легко садиться въ сѣдло, слѣзая съ него и ѣздить лихо на конѣ. Празднично глядѣли обозный Ничипоръ Кольнишевскій и судья Микола Евтушенко въ своихъ красныхъ суконныхъ казакинахъ на крючкахъ, въ синихъ кубовыхъ широчайшихъ штанахъ, въ желтыхъ сапогахъ. Высокія смушковые шапки съ краснымъ верхомъ въ рукахъ.

— Ты-жъ, Ничипоре, мій пидбрехачъ, — замѣтилъ судья обозному:—я збрешу на палець, а ты пидбрихуй на локоть, то и запємо дило магарычемъ.

Вручивъ обозному мягкую паляницу—хлѣбъ-соль на посеребренномъ блюдѣ, а судѣ тарелку медовыхъ пряниковъ, прикрытыхъ рушниками съ вышитыми концами, мать напугствовала ихъ такъ:

— Идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогае на все добре.

Старосты перекрестились, со словами: „Дай, Боже, часъ добрый!“ Телепневъ почтительно поцѣловалъ руку полковницы, поклонился старостамъ и за ними послѣдовалъ, заинтересованный въ формальностяхъ малороссійскаго сватовства, которому долженъ былъ подчиниться.

„Старшимъ“ старостой былъ толстопузый судья, прославившійся въ своихъ мѣстахъ несравненнымъ мастерствомъ съ какимъ онъ исполнялъ на свадьбахъ свою почетную обязанность. Его обращеніе къ родителямъ всегда восхищало полковницу и теперь, предвкушая удовольствіе слушать его рѣчь, обращенную и къ ней, она поспѣшила опередить появленіе старостъ въ пріемной горницѣ и занять свое материнское мѣсто возлѣ полковника. Дверь входная затворена. М:

руся, прелестная въ своемъ украинскомъ нарядѣ, въ вѣнѣ живыхъ цвѣтовъ на черноволосой головкѣ, поблѣднѣвшая отъ переживаемаго ею волненія, стояла возлѣ матери, держа ея руку, словно нуждаясь въ эту минуту въ поддержкѣ и сочувствіи матери, наряженной прилично семейному торжеству этого дня. Полковникъ тоже въ парадномъ казакинѣ, гладко выбритый и съ подбритымъ кружкомъ волосъ на головѣ. Маруся съ сильно трепещущимъ сердцемъ не сводитъ своихъ агатовыхъ глазъ съ запертой двери и прислушивается. Она знаетъ, конечно, что сущность дѣла кончена, что это продѣлывается теперь обычная формальность сватанья, и все-таки не можетъ относиться къ ней равнодушно. Вотъ за дверью шаги слышны, подошли, остановились. Въ дверь три раза стукнули.

— Кто тамъ?—спросилъ громко полковникъ.—Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Дверь растворилась, вошли староста, а за ними Телепневъ въ ботфортахъ, новенькомъ офицерскомъ кафтанѣ, съ галунами и пуговицами блестящими, самъ сіяющій счастьемъ и видящій одну только Марусю. Старосты перекрестились, помолились на икону, поклонились хозяевамъ. На столѣ, подъ бѣлою скатертью, на деревянномъ блюдѣ лежала большая бѣлая паляница.

Отвѣтивъ на поклоны вошедшихъ поклономъ же, полковникъ спросилъ ихъ:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ приніс?

Не смотря на серьезный тонъ вопроса и на все уваженіе свое къ продѣлываемой отцомъ церемоніи, Маруся не выдержала и рассмѣялась, увлекши за собою и Андрея, какъ онъ ни крѣпился.

Старшій староста такъ отвѣтилъ хозяину:

— Перше всего дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнувайтесь выслушать насъ. А що мы люди честни и безъ худои науки, то отъ вамъ хлѣбъ святыи въ руки...

Хозяинъ принялъ хлѣбъ, поданный съ поклономъ, и, обращаясь къ гостямъ, сказалъ:

Сѣдайте, панове! Изъ якого вы царства, изъ якого готва будете?

Мы люди далеки, йдемо зъ турецького царства!—отвѣлъ старшій староста.— Мы собі ловці, бо їздимо на вловы. Сь въ наши землі, пізно въ осінь, випала пороша. Я й свому товарищови: година добра! ходимъ, може вышу якого звіря. Отъ мы й пошли. Їздили скрізь, слідили,

и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ на зустрічъ на воронімъ кони нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки рѣчи: Ей вы, ловці, добри молодці! Услужите мени службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, може й красна дѣвица. Не можу ви істи, ни спати, а божаю її достати. Все вамъ оддамъ, тільки допоможить її піймати; десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ туречину. Ходили, шукали, а її не знайшили. Все царства-государства обійшли, а її не піймали. Тоді и кажемо князеві: не тільки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдеця й красна дівця. А вінъ намъ одкаже: скільки я по світу ни гулявъ, у якихъ царствахъ-государствахъ ни бувавъ, а такои куниці, ніби-бъ то красной дівці не видавъ!

Пішли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи то красной дівці шукать. Все по сліду йшли и въ се село прійшли. Тутъ зновъ випала пороша. А мы зновъ давай ходити, давай слідити; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двір, а изъ двору до хаты; теперъ божаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна-дѣвица... Нашому слову кінець, а вы зробіте нашому ділу вінець. Виддайте нашому князю куницю, вашу красную дівцю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

На такой прямой вопросъ полковникъ не отвѣтилъ, но мать обратилась къ дочери съ такими словами:

— То се ты, дочка, наробила добрымъ людямъ такого лиха? Проси-жь князя до хаты. А вы, люди добрі, пока що буде, сідайте близче до столу.

— Князя-то и просить до хаты нечего, — самъ вошелъ, — смѣясь, замѣтилъ полковникъ. — Ну, онъ москаль, ему извинить можно. Что, Маруся, присмирѣла, словно не за ней пришли?

— Перевязывай старость рушниками, доню, — напомнила ей мать, любовавшаяся ею своими заплаканными глазами.

Маруся, вся зардѣвшись, неловко перевязала старость своими рушниками, которымъ концы сама вышила „въ рѣшетку“. Загѣмъ отецъ и мать встали съ иконою въ рукахъ и благословили ея колѣнопреклоненныхъ жениха и невѣсту. Староста и хозяинъ на радостяхъ „добре выпили“ за благополучіе ихъ „дѣтокъ милыхъ“.

Въ новыхъ хоромахъ полковника заварилась свадьба. Возстановлялся старинный украинскій обычай этого семейнаго торжества. Веселія пѣсни дивчатъ не замедлили огласить панскій дворъ. Маруся, казалось, расцвѣла, упоенная сча-

стѣемъ. Женихъ съ невѣстой не разлучались цѣлый день, завладѣвая и частью ночи. Только сожалѣніе о томъ, что братья не могутъ участвовать въ ея радости, иногда печалило Марусю. Убѣждаясь въ уваженіи полковника къ своей родной старинѣ, Телепневъ вспоминалъ и преданность своего отца боярина къ его старинѣ. „Старики наши въ этомъ отношеніи похожи“,—замѣтилъ онъ Марусѣ, а та добавила, что старики вообще повторяютъ одинъ другого, потому что они живутъ больше прошлымъ, не настоящимъ.

— Вотъ поймалась, наконецъ, дорогая куница, моя милая красная дѣвица!—весело замѣтилъ Марусѣ Андрей, напоминая ей аллегорическую рѣчь старшаго старосты, потѣшавшую ихъ, какъ только они ее вспоминали.—„Сколько я по свѣту ни гулявъ, у якихъ царствахъ и государствахъ ни бувавъ, а такой куници, ніби-бъ то красной дѣвиці не выдавъ!“

— Москаль сейчасъ слышенъ,—смѣясь, замѣтила Маруся.— Не можешь ты, Андрюша, по нашему выговаривать...

— Кто-жъ ты сама будешь, Маруся: хохлушка или московка?

— Твоя жинка, Ондрей!

Она посмотрѣла на него своими агатовыми, любовью блиставшими глазами такъ, что его въ жаръ бросило и голова отъ избытка счастья закружилась.

— Бо віддали мене куницу — красную дѣвицю мому князеві!

— Може отдасте, а може нехай ще підросте?—смѣясь, повторилъ Андрей, нѣжно обнимая свою смѣющуюся тоже невѣсту.

— Виновата-жъ я, дочко, наробыла добримъ людямъ такого лиха!—въ свою очередь, повторила Маруся слова своей матери, сказанныя ею въ отвѣтъ старостамъ.

Предоставивъ „старымъ“ угощаться за столомъ заставленнымъ всевозможными блюдами малороссійской кухни и домашними напитками, счастливая парочка уединялась, благодаря чудесной погодѣ, въ садикъ или на галлерею „пидъ пиддашки“, т. е. подъ колонки, поддерживающія навѣсъ крыши. Оттуда ихъ часто вызывалъ гласъ матери, души теперь не чаявшей въ своемъ будущемъ зятѣ.

— Андріечку, мій мыленькій, дежъ ты подився?—ласково обращалась она къ нему, всегда съ какою-нибудь снѣдью на гарелкѣ.—Покушалъ бы ты, сынку, пирожка, або блинцевъ зъ сметаной! Ты-жъ, Марусенька, до своей хрѣстной пишла-бъ, до сусѣды!

— Заразъ, мамо!—отвѣчаетъ Маруся, но сама ни съ мѣста, только своему милому улыбается, или, взявшись съ нимъ рука съ рукой, побѣгутъ оба на тотъ берегъ Изюмца, гдѣ они ночью встрѣтились. Они переживали здѣсь глубокия впечатлѣнія свои, свое счастье, подаренное имъ тою волшебною ночью. Здѣсь, отдавшись самимъ себѣ и природѣ, чаровавшей ихъ своею прелестью, они больше молчали, удовлетворенные своимъ молчаніемъ, понятнымъ и необходимымъ обоимъ любящимся. Прислушиваясь къ кукованью веселой кукушки, Маруся считала ея „куку“, звонко раздававшееся въ олешникѣ надъ рѣкою.

— Зогуле... княгине... скажи мене, сколько я годъ проживу? — шептала она, задумчиво опустивъ свою головку на плечо жениха.—Разъ... два... пять... десять... О, я поживу еще съ тобою, Андрюша!

А на паньскомъ дворѣ, разодрѣтыя по праздничному, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ или зелени на головахъ, дивчата и молодичи дружнымъ, согласнымъ хоромъ затянули пѣсню:

Благослови, Боже,
И отецъ и мати,
Своему дитяти
Косу расплѣтати!

Грустный напѣвъ напомнилъ Марусѣ ожидающій ея обрядъ. Подруги расплетутъ ей сегодня, въ субботній вечеръ, ея дѣвичью косу. Разставаясь съ своей дѣвичьей красой — черной косой, она заканчиваетъ свою дѣвичью свободу.

„Молоду“ посадили посрединѣ горницы на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ. „Дружки“, въ числѣ которыхъ была и Маруся изъ Терновой Балки, стали расплетать ея роскошную, длинную косу, обнимая невѣсту и вмѣстѣ съ ней плача.

— Дочко моя! Голубка моя!—со слезами причитывала мать, обнимая Марусю и, вмѣстѣ съ поцѣлуями, покрывая ее слезами.—Покинешь, дочко, стару маты, пійдешь собі въ Московщину!

Полковница, пригорюнясь, глядѣла на дочь, отнимаемую отъ ея сердца, и не могла равнодушно слышать жалобні напѣвъ и слова пѣсни, раздававшейся подъ окнами.

Ой, тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихише Маруся косу чеше.
Ой що начеше, на тихій Дунай несе.

— Ой, пливи, косо, підъ матусинъ двірѣ просто,
 Послухай, косо, що матинька говорить!
 Матинька говорить, все смутнесенька ходить:
 — Ой теперъ мені лихая годиненька!..
 Що відходить отъ мене рідная дитинопька!
 Ой, тихо, тихо Дунай водоньку несе,
 А ще й тихіше Маруся косу чеше.
 Ой що, начеше, на тихій Дунай несе.
 — Ой пливи, косо, підъ свекрутинъ двірѣ просто,
 Та слухай, що свекруха говорить!
 Свекруха говорить, та все веселенька ходить:
 — Ой теперъ мені добрая годинопька,
 Бо йде до мене чужая дитинопька!

Жаль Марусѣ своего дѣвичьяго прошлаго, матери, семьи, жаль милыхъ придонецкихъ мѣсть и степного раздолья. Жаль! Съ ними душою своею любящею сжилась она, сроднилась. По душѣ ей пришлась эта казацкая простота и степная патриархальность нравовъ. Но и та семья московская, куда она входитъ желанною невѣсткою, — не чужая ей. Въ свекрови она найдетъ вторую мать. Отрывая себя отъ родной семьи, она, вѣдь, повинуется голосу своего сердца, влекущаго ее къ милому Андрею. Быть его женою — счастье, выше котораго для нея ничего не можетъ быть. Богъ, — она это чувствуетъ, познаетъ, — направляетъ ея судьбу...

У такой славной хозяйки, каковою была полковница, 'скрини въ каморѣ стояли, набитыя добромъ, и приданое Марусино оказалось вполне готовымъ. Поэтому свадьбой не затруднялись. Ежедневно панскій столъ ломился подъ множествомъ кушаний и напитковъ и за него садилось довольно гостей. На дворѣ же стояла бочка горѣлки и бочка пива, приглашавшія сельчанъ выпить того и другого, въ нихъ содержимаго. Въ добрыхъ питухахъ недостатка не было и пьяные валялись на дворѣ и по выгону, тогда какъ только подпившіе оглашали слободу своими криками или нескладными гѣснями. Вообще строгій къ пьяницамъ, полковникъ, ради такого семейнаго веселья, словно поощрялъ ихъ. И самъ въ эти дни ежедневно уславивалъ съ пріятелями, — обознымъ и судьбою, — по нѣсколько бутылокъ смачной сливянки и вишневки. Караванъ, т. е. винокурня и пивница, у него были свои.

Слободскіе полки пользовались полной свободой винокурения, и хотя по бѣлгородскому окладу 1665 г. на жителей была наложена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивнаго по четыре рубля, но Алексѣй Михайловичъ, грамотою 1670 г., указалъ: полкамъ Сумскому, Харьковскому (онъ же и Изюм-

скій) и Ахтырскому, „за осадное сидѣнье, велѣтъ имъ, вмѣсто своего государева жалованья отдать оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлгородскому окладу, и впредь такими промыслами промыслять безоброчно и безошлинно“. Поэтому слобожане шинки держали безоброчно, вино курили безошлинно, по ихъ черкасскому обыкновению. Всѣми уважаемая пани полковница чувствовала себя на своемъ мѣстѣ, распорядясь хлопотливымъ дѣломъ накормить, напоить, убогаторить столько народа въ домѣ и на дворѣ. Пріятельница, жена обознаго, Авдотья Діевна, которую полковница попросту называла „Евдохой“, дѣятельно ей помогала и на кухнѣ, и по дому. Она же приходилась Марусѣ „хрестною“ матерью. И Маруся ее любила. Маленькая старушка располагала всѣхъ въ свою пользу простотою своего обращенія и добротою, написанною на ея полномъ, кругломъ, какъ подсолнухъ, краснощекомъ лицѣ, свѣтившеюся въ ея веселыхъ, всегда улыбающихся глазахъ, слышавшеюся въ ея голосѣ. Одѣвалась она тоже попросту, простою казачкой: въ сапогахъ, подкованныхъ, а потому стучавшихъ, когда она ходила, въ темной корсеткѣ сверхъ плахты и короткой темненькой юбки, обнаруживавшей подолъ бѣлой сорочки; на шеѣ монисты, съ свѣтлыми карбованцами, на груди серебряный крестъ, сѣдая голова повязана темнымъ шелковымъ платкомъ, съ расходящимися сзади концами. Будучи дочерью попа, пани обозничиха вынесла изъ своей „духовной“ семьи замѣчательныя свѣдѣнія по кухонной части. Особенно мастерица была она готовить печенье изъ разнообразнаго тѣста, въ чемъ уступала ей даже полковница. И теперь, благодаря искусству маленькой старушки, на столѣ тароватыхъ хозяевъ красовались сдобныя „бабы“ необычайной величины, а гости не могли нахвалиться вкусомъ „марцепанъ подъ бланкитнымъ или краснымъ лакомъ, тортовъ мигдаловыхъ, вафоль учиняемыхъ“ и прочей свѣди, предназначаемой на послѣдокъ обѣда. „Сахарный хлѣбъ, называемый пукеръ-бротъ“ оказывался вѣнцомъ творенія Марусиной „хрестной“, и его-то она преподнесла своей крестницѣ, благословивъ ее иконой и, конечно, всплакнувъ надъ нею. Передавая ей свои добрыя пожеланія счастья въ новой жизни, ее ожидающей, маленькая старушка, кстати, передала ей нѣсколько своихъ пекарныхъ секретовъ, которые легкомысленная теперь крестница сейчасъ же забыла, занятая только Андреемъ.

Онъ рассказывалъ ей о своихъ заграничныхъ походахъ, о морской бурѣ, едва ихъ не потопившей, о смерти своего

вѣрнаго дядьки, о безпутномъ капитанѣ, о Паткулѣ, о своемъ ученіи въ саксонскомъ военномъ училищѣ. Знакомилъ ее съ образованными нравами иноземцевъ, съ условіями ихъ жизни, частной и общественной, столь непохожей на нашу жизнь. Восхищался свободою тамошней женщины и достоинствомъ человѣческимъ, проявляющимся какъ въ законахъ гражданскихъ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Красота и благоустройство городовъ, обученное войско, театральныя арѣлица, великолѣпные храмы,—все вызывало напряженное любопытство и удивленіе Маруси, также какъ и ея вопросы. Она говорила ему:

— Какъ хотѣлось бы мнѣ побывать вездѣ, гдѣ побывалъ ты, Андрюша! Повидать, какъ на свѣтѣ люди живутъ, у нихъ добруму и хорошему научиться. Ты вотъ образованный офицеръ, а я глупая, не ученая! Тебѣ будетъ стыдно съ такою женою. Ты вѣдь видѣлъ тамъ дѣвушекъ—не мнѣ чета! Красавицъ, образованныхъ, правится умѣющихъ мужчинамъ своимъ обращеніемъ любезнымъ. Какъ ты тамъ не забылъ меня, Андрюша? Ужъ вѣрно ты тамъ не одной красавицѣ приглянулся? И самъ-то ты, признайся, на нихъ засматривался?

— Такой, какъ ты, моя милая невѣста, я не встрѣчалъ тамъ красавицы, да и встрѣтить не могъ, потому что ты, Маруся, одна на бѣломъ свѣтѣ для меня!—съ хорошимъ чувствомъ, успокаивавшимъ невольную ревность невѣсты, говорилъ Андрей.

— Глядя на нихъ, говоря съ ними, я только тебя одну видѣлъ, съ тобою одною говорилъ, Маруся. Были такія красавицы, которыя не ошибались, утверждая, что я влюбленъ и вадыхаю по своей русской зазнобушкѣ. Молодые нѣмки съ насмѣшкой обо мнѣ говорили: „Er stirbt aus Liebe zu ihr! Онъ умираетъ отъ любви къ ней. Правду ли онъ говорили, рѣшай сама, Маруся...

— Этѣ нѣмки такъ говорили потому, что сами тебя любили, Андрюша,—замѣтила невѣста, которой подсказывало сердце, никогда не обманывающее любящую женщину.

Семейное веселье, собравшее въ бугаевскій домъ полковника Донца гостей, среди которыхъ замѣчалось отсутствіе есаула Шидловскаго, неудачнаго претендента на руку и сердце Маруси, близилось къ вожделѣнному своему концу. Въ пятницу, за день до вѣнца, назначеннаго въ воскресенье, молодежи, съ пани обоною во главѣ, мѣсили „каравай“. „Музыка“, состоявшая изъ еврейскаго квартета, двухъ скрипокъ, цимбалъ и кларнета, пыталась, если не развеселить, то усладить слухъ печально настроенныхъ невѣсты и ея подругъ. „Молодицы“

мѣсили тѣсто, дивчата готовили принадлежности къ караваю, „лежня“, „дивня“, „бороны“ и „шишокъ“. „Дивень“, большой-толстый бубликъ, съ насѣчкой на поверхности, готовится у невѣсты; „борона“—подобіе земледѣльческаго орудія того же названія—у жениха. Дивчата все время пѣли пѣсни, положенныя обычаемъ „сватанья“.

Выйшла мати дочку частовати
 Та на вечерницѣ посылати.
 —«Та пора тобі, дочко, на вечерницѣ
 Погулять межъ дівницѣ!»
 «Було-бъ, мати, впередъ посылати,
 Пока була не заручена,
 А теперь я заручена,
 Отъ челяди та й одлучена.
 Чомъ мині давно не казали,
 Поки мене попы не звінчали,
 Поки мині руки не вязали.
 Теперь попы звінчали,
 Руки мині звязали!

Невѣста всю недѣлю постилась, исповѣдалась и пріобщилась святыхъ тайнъ въ своей приходской церкви, держала себя съ женихомъ серьезно и даже отъ него отдалялась, по совѣту маленькой „крестной“. Пани обозная поглядывала на молодчика-жениха не только съ явнымъ противъ него предубѣжденіемъ, но даже враждебно и почти вслухъ осуждала родителей, выдающихъ свою дочку единственную за москаля, возвращающагося въ Московщину. Съ непритворными слезами маленькая старушка оплакивала свою крестницу, похищаемую изъ родной семьи, отрываемую отъ друзей недобрымъ человекомъ москалемъ. Слѣдуетъ пояснить, что пани обозная, будучи въ качествѣ свахи есаула Шидловскаго, своего любимчика, считала себя оскорбленною вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдствіе отказа невѣсты, ими полученнаго. Она не могла забыть, что „такому гарнесенькому женихови, якъ асауль, гарбуза прыкотылы“. Она никакъ понять не могла, чтобы невѣста хохлушка, отказывая земляку, „всимвъ справному“, шла за москаля. Въ ея же убѣжденіи москаль всегда былъ недобрый человекъ.

Вотъ и суббота, и „дівичь-вечеръ“. канунъ вѣнца. Пани обозная настаивала, чтобъ женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, отправились бы на слободу пригласить стариковъ „н весілля“. Для этого запасаются „шишками“. Женихъ обходитъ съ „старшимъ бояриномъ“, невѣста со „старшей и підстаршей дружкой“. Но по мѣрѣ того, какъ невѣста обходитъ слободу

ея свита увеличивается приглашенными дѣвчатами, которыя поютъ пѣсни свадебныя. Но пани полковница, невѣста и женихъ нашли невозможнымъ выполнить этотъ почтенный обычай, потому что пришлось бы панамъ приглашать своихъ подданныхъ. Пани обозвая замѣтила только: „Дѣло ваше!“ и съ присушею ей неалобивостью улыбалась тѣмъ, кто не согласился съ ея мнѣніемъ, слишкомъ ужъ опрощеннымъ; но когда ея маленькіе добродушные глазки встрѣтились съ взглядомъ жениха, ея круглое, какъ подсолнухъ, лицо выразило негодованіе, и она съ сердцемъ прошептала: „Москаль, недобрый человекъ“. Эта ничѣмъ не вызванная съ его стороны ненависть доброй старушки потѣшала жениха и невѣсту.

А вечеромъ дѣвчата на дворѣ распѣвали:

Не спи, матінко, у ночи,
 Печи, матінко, калачи!
 Печи на меду:
 Я тобі дружковъ наведу.
 Печи, матінко, на яйцяхъ—
 Я тобі наведу въ сапьянцяхъ!
 Уже сонечко въ гору йде,
 Уже наша молода зъ двору йде,
 По-підъ вишневымъ садочкомъ;
 За нею дружечки рядочкомъ.
 Ломайте калиноньку червоненьку,
 Квічайте Марусеньку молоденьку!

Свой послѣдній дѣвичій день Маруся провела врознь съ женихомъ. Ему оставалось только любоваться ею издали, и довольствоваться обществомъ полковника и его пріятелей. Всѣ они были подъ хмѣлькомъ и не стѣснялись подсмѣиваться надъ положеніемъ жениха наканунѣ свадьбы, оставленнаго невѣстой для того, молъ, чтобъ онъ могъ на досугѣ помечтать о счастьѣ, его ожидающемъ. Поневолѣ подлаживаясь къ веселости старыхъ питуховъ, казавшейся ему грубой и вполне казацкой, Телепневъ къ нимъ присоединился и взялся за полную чару вина.

XXIV.

Матушка, матушка,
 Мать ты моя, государыня!
 Князья-бояре тебя зовутъ,
 Зовутъ къ себѣ позываютъ.
 Дитя ли, мое дитятко,
 Дитя ли, мое милое,
 Князья-бояре не меня зовутъ,
 Не меня зовутъ, позываютъ,
 А тебя ли, мое дитятко,
 А тебя ли, мое милое,
 Зовутъ они, позываютъ,
 Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ;
 Къ тебѣ они пріѣхали.
 Увезти тебя хотятъ,
 Къ твоему ли то суженому,
 Къ Андрею то Юрьевичу...
(Русская пѣсня передъ свнцомъ).

Ночь, передъ своей свадьбой, Телепневъ провелъ одиноко, безъ сна, какъ бы отъ него отлетѣвшаго. Вызавшая его изъ горницы мѣсячная ночь была слишкомъ прекрасна для того, чтобы онъ могъ провести ее на постелѣ. Его влекло туда, на тотъ поэтическій берегъ степной рѣчки, гдѣ онъ свидѣлся съ Марусей, гдѣ признался ей въ любви и отъ нея услышалъ, что любимъ ею. Какъ тогда, высоко съ синяго неба глядитъ на дремлющую природу ясный мѣсяцъ своимъ старымъ лицомъ, мирно-задумчивымъ, сіяя голубоватымъ свѣтомъ, посеребряя воду, листву и бросая отъ неподвижныхъ деревьевъ длинныя, часто фантастическія тѣни. И нынче та самая ночь, давшая тогда ему и ей столько счастья, тѣ же впечатлѣнія и чувства у него, только не достаетъ ему ея, его невѣсты милой, и это онъ чувствуетъ опустѣвшимъ сердцемъ, печальнымъ даже въ такую чудную ночь...

Прекрасное религиозное чувство Маруси и ея уваженіе къ предковскимъ обычаямъ внушали ей провести послѣдній свой дѣвичій день, послѣднюю свою дѣвчию ночь въ отдаленіи отъ него, жениха, въ общеніи съ самою собою, въ молитвѣ къ Богу. Онъ долженъ подчиниться ея рѣшенію, какъ оно его ни удручаетъ въ эту очаровательную ночь, безъ нея потерявшую для него половину своей прелести. Тѣмъ слаще будетъ ихъ свиданіе завтра, въ церкви. Черезъ нѣсколько часовъ, передъ алтаремъ самого Бога, она поклянется быть ему вѣрной подругой жизни, а онъ назоветъ ее своею женою! Не счастливѣйшій ли онъ смертный? Судьба, оттолкнувшая его тогда отъ боярышни, не понимавшей его, поступила мудро;

судьба сберегала его для Маруси, а ее для него. Отказать такому жениху, какъ Шереметевъ, могла только Маруся, только дѣвушка, идущая за своимъ сердцемъ, не прельщающаяся ни высокимъ положеніемъ, ни богатствомъ. И такая дѣвушка будетъ моей женой! Какъ этому обрадуется матушка, да и отецъ тоже. Названная семья станетъ родною для Маруси, хотя она и была для нея, въ сущности, родною.

Незамѣтно для мечтающаго счастливца пролетѣла ночь. Когда Телепневъ съ разсвѣтомъ возвратился, наконецъ, въ хоромы, его поразила суматоха, бѣготня озабоченной прислуги, всегда вызываемая какимъ-либо серьезнымъ случаемъ въ домѣ. Что такое? Онъ, съ ужасомъ, узналъ, что панночка захворала.

Встревоженная, вся въ слезахъ, полуодѣтая полковница подтвердила ему, что Маруся лѣжитъ вся въ огнѣ, бредитъ, никого не узнаетъ. Спѣшившая къ больной, пани обозна, съ лекарствомъ въ рукахъ, алорадно на него глянула, укорительно покачала головою въ повязкѣ, на подобіе турецкой чалмы, словно обвиняя его, москаля, въ Марусинной болѣзни, и прошипѣла свое: „Москаль недобрый человѣкъ“. Телепневъ стоялъ, не вѣря ни имъ, ни самъ себѣ, словно его обманываютъ.

— Съ полуночи застонала, моя бѣдняжка, — поясняла полковница, держа тарелку съ согрѣтымъ уксусомъ и водкой, испускавшими остро пахнувшей паръ.— Вытру ее всю этимъ снадобьемъ. Господи! Вотъ напасть неожиданая! Попъ въ церкви ждетъ, а невѣста головы не подыметъ!.. Ну, если у нея огневница или пропаствница? Что тогда намъ съ нею дѣлать? Опять ты, Андрей Юрьевичъ? Знаю, ждать тебѣ нельзя — служба тебя требуетъ... Загрустилъ, вижу, голубчикъ... Какъ тебѣ и не загрустить? Вѣнецъ-то отложить приходится... А еще можеть... Крый, Мати Божа!..

Но тутъ рыданіе бѣдной матери не дало ей высказать своего страшнаго предположенія, понятаго содрогнувшимся мужескимъ сердцемъ. Возможность смертельной опасности для Маруси вдругъ охолодила любящаго жениха, принужденнаго прислониться къ притолокѣ: ноги у него дрожали и весь онъ слабѣлъ отъ сильнаго нравственнаго потрясенія. Рѣзкій переходъ отъ полноты счастья къ отчаянію поразилъ всѣ его способности, всю его молодую тѣлесную силу. Страдающее выраженіе его блѣднаго, какъ полотно, лица, съ дрожащими убами и испуганнымъ взглядомъ, свидѣтельствовало полковницѣ о силѣ нравственнаго удара, его поразившаго. Жаль

его стало ей, полюбившей его, словно сына, еще жальче ей дочь, недолго жившей своимъ дѣвичьимъ счастьемъ. Охъ, доведется ли дочери молодежи быть, а ей, полковницѣ, качать дочернихъ дѣтей?

Горющая мать прошла къ больной, горющій женихъ остался одинъ со своимъ неожиданнымъ горемъ. Полковникъ съ пріятелями бражничалъ до поздняго часа и теперь сладко похрапывалъ на сѣновалѣ, на прохладномъ утреннемъ воздухѣ. На выгонѣ и на слободѣ раздавались пьяные крики, дикіе голоса затягивали пѣсню, сейчасъ же обрывавшуюся.

Горе, посѣтившее панскую семью, не обнаружилось еще. Напрасно женихъ просилъ позволенія видѣть свою заболѣвшую невѣсту: ей, раздѣтой, дѣлали втиранія, клали на голову полотенце съ примочкой, охлаждающей жаръ. Ея стоны, доходившіе до слуха Андрея, пуще его волновали. Наконецъ, стоны затихли, полковница, изъ полутемной горницы больной, поманила его рукою къ себѣ и подвела къ ея постелѣ. Маруся, съ холоднымъ компрессомъ на черноволосой головкѣ, неподвижно лежала на спинѣ, прикрытая бѣлою простынею. Ея агатовые глаза встрѣтили жениха молчаливымъ вопросомъ: какъ принялъ онъ ея внезапную и несвоевременную болѣзнь? Обвиняетъ ли онъ ее, свою невѣсту, или жалѣетъ ее? По кроткой улыбкѣ ея онъ понялъ, что она осталась довольна выраженіемъ его лица, свидѣтельствовавшимъ, что онъ жалѣлъ ее, не обвинялъ, что болѣзнь ея является тяжелымъ испытаніемъ его любви, готовой, впрочемъ, ради нея, на самыя серьезныя жертвы. Она не ошиблась въ немъ, котораго знала, какъ самое себя.

— Маруся! Что съ тобою, моя дорогая? — шепотомъ спросилъ онъ ее, нагнувшись, чтобъ лучше рассмотреть ея лицо, и испуганный его жаромъ, а также учащеннымъ горячимъ ея дыханіемъ, подымавшимъ и опускавшимъ ея грудь. — Не горячка ли у тебя? Ты страдаешь, Маруся? Страдаешь?

— Да, — чуть слышно прошептала она, — тѣмъ болѣе, что страдаю и душевно... Счастье наше, поневолѣ, отложится на неопредѣленное время... Не знаю, когда встану съ постели... да и встану ли, Богъ вѣсть, милый мой Андруша...

— Что ты это вздумала, Маруся? Могу ли слышать такія слова твои, раздирающія мнѣ сердце!

Въ его шопотѣ она услышала слезы, блеснувшія въ его глазахъ.

— Оправляйся, Маруся, и поскорѣе... Безъ тебя я жить не хочу и не буду.

Она поблагодарила его слабой улыбкой и прешептала:

— Я не могла выдержать нашего счастья, Андрюша; оно сломило меня... Вотъ причина моей болѣзни, чувствую.

— Такъ неожиданно, Маруся, — грустно шепталъ Телепневъ, убѣждаясь, что его невѣста серьезно заболѣла. — Сегодня я не назову тебя своей женой... Всю ночь провелъ надъ рѣчкой, тамъ, гдѣ мы были такъ счастливы... И вотъ ты...

Онъ не договорилъ своей мысли, но она ее поняла и вдохнула.

— Уйди, Андрюша, — прошептала она. — Не могу... Мнѣ тяжело... голова... Нѣгъ, голубчикъ, уйди...

Она задыхалась, палимая внутреннимъ жаромъ, глаза ея закрылись. Телепневъ понималъ теперь, что его присутствіе невыносимо больной, какъ живое напоминаніе того, что должно было совершиться именно нынче, но совершиться не можетъ, и она этому причина, хотя невольная. Онъ тихо удалился.

— Послали мы за монастырскимъ врачомъ, отцомъ Паисіемъ, — замѣтилъ убитому духомъ жениху панъ полковникъ, тоже смущенный такимъ неожиданнымъ оборотомъ веселаго семейнаго дѣла. — Жаль, но вѣнецъ приходится отложить... Можетъ быть, не надолго, — добавилъ онъ, съ добрымъ желаніемъ подбодрить и обнадежить грустнаго жениха. — Маруся у насъ дѣвка крѣпкая, повалается, да и подыметъ, какъ встрепанная. И съ чего бы, кажется, заболѣть ей? Нешто простудилась какъ? Только не во-время, вотъ же какъ не во-время!

Смущеніе хозяевъ сообщилось и гостямъ, заторопившимся развѣхаться. Опустѣлый и затихшій вдругъ домъ теперь казался неутѣшному жениху скорбнымъ мѣстомъ, гнавшимъ его отъ себя. Чувствуя свое безсиліе помочь дорогой ему больной, онъ чувствовалъ всѣ нравственныя муки человѣка, насильно отрываемаго отъ любимаго существа. Благоразуміе, неизмѣнно направлявшее поступки Телепнева, теперь словно его покинуло. Онъ предался своей скорби со всею силою гзавшей ее любви. Мысль, что онъ теряетъ любимую дѣшку, готовую стать его женой, мучила его умъ и душу...

Среди тишины дома, словно заснуваго, слышны тороплиге шаги и осторожный шепотъ, напоминающіе бѣдному жеху о больной. Ожиданіе отца Паисія истомило и родителей, жениха, безпрестанно высматривавшаго изъ окна или ст

ганка,—не ѣдетъ ли онъ? Когда же утробистый монахъ пріѣхалъ съ своею маленькою аптекою, Телепневъ очень волновался желаніемъ поскорѣе узнать отъ него, чѣмъ больна его невѣста и есть ли надежда на ея скорое выздоровленіе. Монахъ-лекаръ долго и внимательно осматривалъ больную прежде, чѣмъ могъ удовлетворить нетерпѣніе ея близкихъ, страдавшихъ неизвѣстностью объ ея положеніи. Послѣ разспросовъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ болѣзни, монахъ пришелъ къ убѣжденію, что причина болѣзни сильное душевное потрясеніе панночки, именно радость неожиданной встрѣчи съ женихомъ. Болѣзнь ея онъ призналъ серьезною, хотя надѣялся на благополучный ея исходъ. Необходимымъ условіемъ успѣшнаго леченія онъ считалъ удаленіе изъ дома жениха, которому строго запретилъ посѣщать больную. Какъ ни тяжело было Телепневу подчиниться такому приговору лекаря, благоразуміе его, а также польза больной этого требовали. Къ тому же истекалъ срокъ его отпуска. Панъ полковникъ не допускалъ возможности молодому офицеру, да еще удостоенному довѣрія начальства, поручившаго ему батарею, пренебречь долгомъ службы въ военное время. Не явиться въ армію, идущую на Крымъ, значитъ покрыть себя безславіемъ въ глазахъ ратныхъ товарищей, да и въ своихъ собственныхъ. Такъ думалъ и Телепневъ. Значительно успокоенный монахомъ, ручавшимся за жизнь его невѣсты, онъ рѣшился ѣхать. Панъ полковникъ обѣщалъ увѣдомить его съ нарочнымъ, еслибы положеніе больной вызывало опасность. Пани полковница, кромѣ благословеній, снабдила „своего шанованнаго Андрюсю“ съѣстными припасами и всѣмъ, что, по ея мнѣнію, могло облегчить неудобства и лишенія походной жизни. Она напутствовала его слезами и наставленіями.

— Береги себя, мой коханный зятю, возвращайся наискорѣйше до своей любви. Крый, Мати Божа, поднимется, поправится,—повѣнчааетесь, дѣтки милые. Мы ее тутъ доглядать будемъ денно и ночью, Андрюсю. Господь съ тобою, поѣзжай, коли надо ѣхать...

Панъ полковникъ проводилъ Телепнева за грань своего полка, давъ ему въ охрану надежныхъ казаковъ. Теперь не когда было молодому офицеру предаваться своимъ печальнымъ размышленіямъ о той, которую онъ оставилъ больною, которую мечталъ назвать супругою, но еще не назвалъ. И назоветь ли онъ ее этимъ милымъ именемъ? Ея жизнь въ рукѣ Божьей.

Большой полкъ, т. е. главные силы князя Василя Васильевича Голицына, Телепневъ засталъ уже на Конскихъ Водахъ. Это степное урочище представляло многочисленнымъ полкамъ возможность отдохнуть и оправиться послѣ тяжелаго похода, съ тѣмъ, чтобы продолжать его уже на открытой, безводной степи до самой Перекопской башни. Хотя была уже половина іюля мѣсяца, т. е. самое жаркое время лѣта, но здѣсь оказалось достаточно травы для множества строевыхъ и обозныхъ лошадей: люди же могли пользоваться пространными байрачными лѣсами, въ свѣжей тѣни которыхъ укрывались отъ палящаго зноя и засушивающаго южнаго вѣтра толпы воиновъ, не помѣстившихся въ лагерныхъ палаткахъ. Особенно въ этихъ спасительныхъ дубравахъ нуждались больные и слабые, которыхъ походные лазареты, заведенные Голицынымъ, по образцу европейскихъ, помѣщались вмѣстѣ съ врачами и аптеками на лѣсныхъ опушкахъ. Тамъ же спасались отъ южнаго солнца непривычные къ нему московскіе бояре и воеводы. Обильные источники ключевой воды снабжали обширный лагерь водоемъ. Такъ какъ на рѣкѣ Самарѣ къ войску Голицына подошли пятьдесятъ тысячъ малороссійскихъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ, то численность московской кавалеріи удвоилась; но ея нужды удовлетворялись: пастбищъ и воды хватало вволю. Понятно, что Голицынъ пользовался возможностью дать своему войску необходимый ему отдыхъ и распорядокъ. Остановка на такомъ удобномъ урочищѣ, къ тому же, позволяла стягивать къ нему отставшія воинскія части и безконечные обозы съ провіантомъ и зеленою казною, т. е. съ порохомъ и боевыми снарядами.

„Большого полка дворовый воевода, царственныя большія и государственныя великихъ посольскихъ дѣлъ обергегель“ и намѣстникъ новгородскій, князь Василій Васильевичъ Голицынъ понималъ отвѣтственность своего положенія, какъ главнокомандующаго походомъ на Крымскій улусъ. Съ успѣхомъ или неуспѣхомъ этого серьезнаго воинскаго предпріятія для Голицына соединялся вопросъ о правительственномъ положеніи не только Голицына, но и царицы Софіи, которой сила опиралась на право законное. Имѣя въ Москвѣ много знатныхъ завистниковъ себѣ и враговъ, Голицынъ нуждался въ родномъ сочувствіи, въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, поскольку оно могло себя проявлять въ то время, какъ политическая сила. Но сочувствіе народа необразованнаго, каковымъ былъ тогдашній русскій народъ, склонялось вообще

къ заслугамъ своихъ передовыхъ людей преимущественно передъ ихъ правительственными заслугами. Голицынъ понималъ, что только воинскій успѣхъ, слава полководца-побѣдителя утверждаютъ его первенствующее положеніе въ государствѣ, не смотря на козни и противодѣйствія его враговъ. Поэтому и рѣшился онъ стать во главѣ стотысячнаго войска.

Не всѣ полководцы вѣнчаются лаврами, многіе изъ нихъ сходятъ съ боевого поприща въ терновомъ вѣнкѣ. Это, конечно, зналъ Голицынъ, не заблуждавшійся насчетъ своихъ воинскихъ дарованій. Онъ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился. Быть можетъ, благоразумныя опасенія вмѣстѣ съ желаемой воинскою славой потерять и славу правителя, уже приобрѣтенную, во - время заставили бы Голицына удовлетвориться своимъ гражданскимъ высокимъ постомъ и отказаться отъ военнаго; но враги его настояли на своемъ: онъ принялъ начальство, понявъ, что этимъ можетъ повредить не только себѣ, но и дѣлу правительницы царевны, имъ поддерживаемой. Ему даже передали, что его главный врагъ, князь Михайло Алегковичъ Черкасскій, между своими, о немъ, военачальникѣ, насмѣшливо замѣтилъ:

— Воевода вѣхалъ въ городъ весель, а выѣхавъ, голову повѣсилъ.

Оставивъ за собою въ Москвѣ враждебныхъ къ себѣ бояръ и волостелей, нетерпѣливо ожидающихъ вѣстей изъ степи о воинскихъ его неудачахъ, Голицынъ постоянно обдумывалъ способы ихъ предупредить. Каждый день, каждый переходъ убѣждали его въ неимовѣрной трудности управлять огромнымъ войскомъ, съ организаціей народнаго ополченія. Немногіе полки солдатскіе, командуемые иностранными офицерами, своимъ устройствомъ и своею дисциплиною напоминали регулярный строй. Но эти регулярныя части исчезали въ массѣ земскихъ полковъ, состоявшихъ изъ плохо - вооруженныхъ земледѣльцевъ и ихъ помѣщиковъ дворянъ, незнакомыхъ ни съ воинскою дисциплиною, ни съ походною и лагерною службою, ни съ боевою тактикою. Изъ нихъ охотники были и лучшими стрѣлками, и лучшими воинами.

Счеты мѣстами служебными, хотя формально отмѣненные, продолжали сказываться въ полкахъ, вызывая вражду между собою начальствующихъ, то глухую, то обострявшуюся и требовавшую вмѣшательства высшей власти. Утомленный уже въ Москвѣ многими мѣсяцами сбора ратниковъ и высылкой на сборныя мѣста „нѣтей“ больше изъ испомѣщенныхъ дво-

рянь, Голицынъ окончательно приунылъ за длинный походъ, обнаружившій полную несостоятельность обозной и продовольственной части и боевую негодность войска, сильнаго только своимъ числомъ. Не усматривалъ онъ и способныхъ военачальниковъ среди своихъ подчиненныхъ: но казнокрадовъ и ни на что воинское не годныхъ пьяницъ и разжирѣвшихъ лѣнтяевъ, а также прикидывавшихся больными, оказалось множество. Принятія противъ такихъ начальствующихъ лицъ Голицынымъ строгія мѣры лишь увеличили въ войскѣ число его недоброжелателей. Что онъ работалъ на пользу царевны Софьи, даже въ походѣ и среди войска, тому доказательство его московскіе и ратные противники видѣли въ его поступкѣ на большомъ обѣдѣ, когда у него собралось много почетныхъ гостей изъ военныхъ. Поднявъ „чашу государеву“, Голицынъ къ имени царей прибавилъ и имя царевны Софьи. Шакловитый, его соумышленникъ, извѣстилъ его, что его этотъ поступокъ на Москвѣ не понравился. По поводу „поднятія“ Черкаскаго на мѣсто боярина Родіона Стрѣшнева, и противности патріарха, Голицынъ просилъ Шакловитаго смотрѣть, „недреманнымъ окомъ, чтобъ его въ то не допустить“, т. е. Черкаскаго не допустить на мѣсто Стрѣшнева: „хотя бы патріархомъ или царевнами тетками отбивать“.

А тутъ, въ полки, прибыли на смотръ князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый въ черномъ платьѣ, люди въ черномъ и попонки на лошадяхъ черныя. Суевѣрные ратники склонны были объяснить этотъ черный цвѣтъ какъ бы пророчествомъ ихъ воинской неудачи. Въ Москвѣ же на него посмотрѣли, какъ на противность къ государеву лицу, и изготовили виновнымъ, по донесенію Голицына, страшный указъ. Своевольники съ своими сообщниками испугались, слезно просили прощенія. Голицынъ „уступилъ имъ на ихъ слезы“, разсуждая, что не ко времени наказывать раскаявшихся.

Хотя малороссійскій гетманъ Самойловичъ и привелъ къ Голицыну свои казачьи полки, но не одобрялъ войны московскаго государства съ султаномъ турецкимъ и крымскимъ ханомъ и чинилъ этому дѣлу всякія „противности“, за что, въ то время, правительство сдѣлало ему выговоръ, черезъ посредство своего окольного Неплюева. И константинопольскій гріархъ умолялъ царей не воевать съ турками, опасаясь, что въ ярость обратится на единовѣрныхъ съ русскими гречехъ христіанъ. Но московская политика не сворачивала тѣрь съ своего историческаго пути и стала уже руководиться

чувствомъ національной чести, сознание которой заимствовала уже отъ сношеній съ болѣе образованными западными народами. Еще въ 1862 году, вслѣдствіе униженія и грабежа, которому подвергся въ Крыму царскій посланникъ Таракановъ, московское правительство объявило хану, что онъ больше не увидитъ русскихъ посланниковъ и нужные переговоры будутъ производиться на границѣ. Христіанскому государству стало теперь не прилично платить дань ежегодную басурманамъ. И мирное докончаніе съ Польшею обязывало Москву воевать съ султаномъ и ханомъ. Но увѣнчаетъ ли эта война лаврами московскаго полководца, вознаградитъ ли успѣхомъ труды московскаго воинства, приобрѣтетъ ли отъ нея Московское государство себѣ пользу, въ видѣ ли болѣе безопасной границы, или завоеванныхъ областей? Голицынъ и его сподвижники стали въ этомъ сомнѣваться: ихъ пугали пространныя степи впереди. Да и духъ въ гетманскихъ полкахъ обнаружился непріязненно къ московской рати и ея походу на Крымъ. Гетманскіе полки стояли таборомъ отдѣльно отъ московскихъ. Низменные луга зеленѣлись кругомъ степныхъ рѣчекъ, въ этомъ мѣстѣ сливавшихся въ широкіе плесы, окаймленные густымъ очеретомъ и осокой. Сколько видѣлъ глазъ Телепнева, зеленѣли тучныя пастбища, пестрѣвшія тысячами разномастныхъ лошадей и обозныхъ воловъ. Казацкій „городокъ“ походный, темнымъ четырехугольникомъ, окружилъ гетманскій станъ. „Городокъ“ составляли ряды тѣсно сдвинутыхъ обозныхъ повозокъ, тянувшихся правильными улицами съ переулками. За такимъ „гуляй-городомъ“ казаки, бывало, удачно отбивались и отъ татаръ, и отъ ляховъ. Середина, образовавшаяся между рядами сдвинутаго обоза, служила убѣжищемъ казаковъ, укрывавшихся въ шалашахъ или подъ наметами, вродѣ палатокъ. Московскій станъ широко раскинулся по возвышенности, пересѣкаемой темными дубовыми байраками. Бѣлыя палатки солдатскихъ полковъ длинными правильными линіями вытягивались по возвышенности, блестя на солнцѣ своими мѣдными пушками и пирамидами составленныхъ въ козла ружей. Драгунскія лошади, съ обѣихъ сторонъ коновязей, стояли по полкамъ. Чистота и порядокъ солдатскаго лагеря, съ часовыми по концамъ, рѣзко выдавали безпорядокъ стрѣleckаго стана и расположенія земской рати. Шалаша, землянки, телѣги, люди, лошади, стога сѣна, солома, горы мѣшковъ съ овсомъ, сухарями, мукой, крупой: бочки съ виномъ хлѣбнымъ, толы зѣвакъ, пьяные, вся эта картина представлялась Телепневу русской ярмаркой, оглашаемой ру-

ганью и залихватскими пѣснями,—такъ мало было въ ней воинственнаго характера. Привыкнувъ къ строгому порядку и блестящему виду саксонской арміи, молодой офицеръ съ негодованіемъ убѣждался въ очевидной боевой негодности своего родного войска.

— Куда же съ нимъ побѣждать? Не на свою ли гибель двигается оно въ степи, за которыми его ждуть воинственные враги? И способны ли эти нестройныя полчища непривычныхъ къ воинскому дѣлу людей, съ этими безконечными обозами, вынести лишения безводной степи?

Въ такихъ мрачныхъ мысляхъ, Телепневъ приближался къ ставкѣ главнокомандующаго, чтобы „отрапортовать“ ему о своей явкѣ на службу и получить его приказанія. Ставка пріютилась на опушкѣ байрака, въ отрядной тѣни вѣковыхъ громадныхъ кудрявыхъ дубовъ въ нѣскольکو схватовъ толщины. Окруженный палатками, занятыми приближенными офицерами и канцеляріями, шалашами для прислуги и вѣзовыхъ разсыльныхъ, возвышался просторный балаганъ вродѣ тѣхъ, что ставятся на ярмаркахъ торговцами; только этотъ балаганъ своимъ красивымъ видомъ, искусно пригнаннымъ къ столбамъ тесомъ, дверями, окнами и тесовою крышею, свидѣтельствовавъ о работѣ московскихъ плотниковъ и маляровъ, такъ какъ крыша была красная, стѣны сѣрыя, двери и окна бѣлыя. Балаганъ весь разбирался, части его означались цифрами, и онъ слѣдовалъ на подводахъ, для него именно устроенныхъ; подъ наблюдениемъ мастера, на ростахахъ, вкапывались столбы и въ полчаса готово было жильё усталому главнокомандующему, любившему удобства.

Въ коновязи, у связокъ сѣна, стояли засѣдланые кони, а на мѣшкахъ съ овсомъ сидѣли вѣстовые драгуны при сабляхъ. Подъ тѣнью дуба помѣщался солдатскій караулъ—рота при капитанѣ и офицерахъ. Ружья въ козлахъ, барабанщикъ и горнистъ наготовѣ. Часовой, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, охранялъ входъ къ князю. Пѣхотные офицеры съ понятнымъ любопытствомъ слѣдили за подъѣхавшимъ артиллеристомъ. Едва тотъ, въ мундирѣ и шляпѣ, слѣзъ съ коня и сталъ поводить драгуну, къ балагану прибылъ казацкій полникъ, хотя по лѣтамъ своимъ слишкомъ молодой для тако почтеннаго военнаго чина. Молодчикъ, черноволосый, бровистый, черноглазый, черноусый при смугломъ цвѣтѣ лица, худощаваго и съ открытымъ смѣлымъ выраженіемъ—являлся Телепневу. И физиономія казака и его высокій,

стройный станъ напомнили ему, почему-то, изюмскаго полковника Донца, а его красный казакинъ и форма Изюмскаго полка убѣждали Телепнева, что передъ нимъ старшій братъ его дорогой Маруси.

Молодые люди вѣжливо другъ другу поклонились. Но прежде, чѣмъ Телепневъ успѣлъ съ нимъ заговорить, онъ поспѣшилъ войти въ дверь балагана, откуда выходили дьяки съ бумагами въ рукахъ. По поспѣшности и озабоченному виду, съ какими молодой казакъ входилъ къ главнокомандующему, понятно было Телепневу, что тотъ съ серьезнымъ докладомъ.

— Идите безъ сумлѣнія,—принимаетъ!—шепнулъ сквернорожій дьякъ Телепневу, на его вопросъ: „Князь у насъ простъ?“

Телепневъ послѣдовалъ за казакомъ, не обращавшимъ вниманія на толпившуюся въ приѣмной свиту. Дежурный стрѣлецкій урядникъ пропустилъ ихъ дальше.

XXV.

Ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, иногда звѣринымъ мясомъ кормилия, а иногда толокна только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и конямъ ржати не допусая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилия и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оніе въ день по слонцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу отвозили, получая за то милость монаршую.

(Лѣтопись самовидца. Краткое описаніе Малороссіи).

Военная выправка Телепнева, его щегольски шитый саксонскій кафтанъ сверхъ камзола, бѣлыя перчатки, совсѣмъ еще неизвѣстныя въ русской арміи, болѣе же всего благородное достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя съ начальствомъ, товарищами и подчиненными, рѣзко выдѣляли его изъ среды русскихъ и иноземныхъ офицеровъ русской службы. Въ темнозеленомъ кафтанѣ съ краснымъ отложнымъ воротникомъ и красными обшлагами на рукавахъ, въ ботфортахъ, въ треуголкѣ, обшитой золотымъ позументомъ, чисто выбритый, подстриженный подъ гребенку, съ русыми усиками, подвитыми кверху, онъ могъ служить блестящимъ образцомъ

офицера. Когда онъ проходилъ своей шеголеватой походкой, согласно военного артикула вытянувшись, съ гордо поднятой головой и, съ легкой игрою въ локтяхъ, красиво отбивалъ носкомъ ботфорты темпъ вольнаго шага, а рука въ замшевой перчаткѣ держала форменную трость, въ толпѣ офицеровъ разныхъ чиновъ и родовъ войска послышался одобрителный шопоть:

— Саксонецъ изъ русскихъ, артиллеристъ!

Не диво, что Голицынъ, съ первой къ нему явки Телепнева въ Москвѣ, отличилъ его своимъ вниманіемъ. Просвѣщенный вельможа всемѣрно заботился объ устройствѣ русской арміи по образцу иноземному, а потому дорожилъ образованными офицерами, безъ которыхъ немислимъ регулярный строй. Получасовая тогдашняя бесѣда князя съ молодымъ саксонскимъ артиллеристомъ изъ русскихъ дворянъ убѣдила его, какую пользу русская полевая артиллерія можетъ извлечь для себя, будучи поручена Телепневу, соединявшему теоретическую подготовку съ полевымъ опытомъ. Въ этихъ видахъ, благородный князь произвелъ его въ капитаны, не стѣсняясь его молодостью и тѣмъ, что онъ только что поступилъ въ русскую службу. Конечно, такое блестящее служебное начало вызвало зависть и недоброжелательство во многихъ старыхъ офицерахъ, которымъ „этотъ выскочка“ сѣлъ на голову въ ущербъ ихъ службѣ. Да и обидно бывало заслуженнымъ старикамъ выслушивать выговоры князя съ его требованьемъ, чтобъ они во всемъ брали примѣръ съ капитана Телепнева, „яко образованнаго наукою военною отличнѣйшаго артиллериста“. Вѣдь вздумалъ, молъ, князь, ихъ, стариковъ, въ ученые молокососу отдать. Какъ бы не такъ! Молодъ мѣсяць, не всю ночь свѣтить...

Конечно, Телепневу много помогло рекомендательное письмо о немъ его милостивца, князя Бориса Алексѣевича. Князь Василій Васильевичъ даже вспомнилъ ту зимнюю ночь, когда онъ подобралъ въ свои сани подъ Москвою озябшаго юношу и привезъ его къ себѣ. При этомъ напоминаніи, Телепневъ невольно смутился. Его щекотливая совѣсть упрекнула его юпросомъ: какъ онъ отблагодарилъ великодушнаго князя, чуть-ли не спасаго его отъ смерти въ полѣ, ночью? Не измѣною ли его тайнѣ, которую ему удалось подслушать? Теперь Телепневъ душою предался благородному князю, оцѣнившему въ немъ нужнаго офицера и полюбившему въ немъ нравственнаго, развитого юношу. Онъ вступилъ въ покой

главнокомандующаго съ пріятнымъ чувствомъ подчиненнаго, увѣреннаго въ расположеніи къ себѣ начальника.

Князь показался ему постарѣвшимъ и озабоченнымъ. Но спокойствіе, хотя бы наружное, по прежнему возвышало достоинство его взгляда, движеній, рѣчи и всей его благородной фигурѣ сообщало величіе, подчинявшее себѣ людей. Въ черномъ кафтанѣ съ золотыми тесьмами поперекъ груди, въ сафьянныхъ сапогахъ, князь глядѣлъ государственнымъ министромъ, но не полководцемъ. Его выбритая съ густыми усами умная фізіономія, блѣдная, съ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, способнымъ задумываться, съ завитыми, напудренными волосами, высоко взбитыми надъ открытымъ лбомъ, не имѣла ничего воинственнаго. Онъ ни своею внѣшностью, ни характеромъ не соотвѣтствовалъ тому понятію военныхъ массъ, какое они, съ незапамятныхъ временъ, имѣютъ о военачальникѣ, по мужественному слову котораго полки живыхъ людей бодро встрѣчаютъ кровавую смерть и становятся ея жертвами. Несомнѣнно, Голицынъ понималъ свою плохость, какъ полководца, сознавалъ, что занимаетъ не свое, чужое, мѣсто, насилывалъ себя держаться на немъ изъ-за политическихъ расчетовъ, ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣющихъ, и въ этомъ-то и заключался драматизмъ его личнаго положенія. Судя по грустной улыбкѣ, иногда игравшей на его блѣдныхъ губахъ, Телепневу казалось, что онъ самъ уже сомнѣвается въ успѣхѣ похода и предвидитъ его печальную развязку.

— А, Донецъ!—такъ князь встрѣтилъ молодого казака.— Вернулся? Благополучно? Очень радъ, очень радъ! Признаюсь, я за тебя опасался!

Во взглядѣ и въ голосѣ Голицына выражалась радость начальнаго человѣка, убѣждающагося, что передъ нимъ подчиненный, на возвратъ котораго изъ опасной командировки онъ мало надѣялся.

— Разсказывай, полковникъ, что ты увидѣлъ, узналъ? Далеко ли удалось тебѣ пробраться въ степь? Гдѣ орда? Сильна ли? Какое ея намѣреніе? Кто огланомъ съ ордою?

Эти вопросы, подсказываемые нетерпѣніемъ главнокомандующаго поскорѣе узнать все то, что ему знать необходимо, отражали его безпокойство за дальнѣйшую судьбу похода. Съ спокойною увѣренностью, только цуще выдававшей безпокойство Голицына, молодой казачій полковникъ отвѣтилъ:

— Пошелъ я съ малымъ числомъ своихъ казаковъ, съ

вершины Берестовой рѣчки, князь. Прошелъ на Орельскія озера, на Самарскія, Овечьими и Молошными водами. Тамъ подались на Уклюки, что въ море падаетъ рѣчка. На Черномъ колодцѣ подождать другой своей партіи, что правѣ меня шла. Съ Чернаго колодца я, самъ другъ съ бывалымъ казакомъ, татарами одѣтые, прошли въ полтора днища до Перекопской башни. Орда съ самимъ ханомъ собирается у башни... Видѣли ихъ. Не распознали, спасибо, насъ. Мы оба по татарски лопочемъ...

— Крѣпокъ ли Перекопъ?—спросилъ Голицынъ.

— Крѣпко поставленъ, князь, на четыре угла крѣпость, валомъ землянымъ высокимъ обнесена. Извѣстно, Перекопъ Крымъ бережетъ. Только взять его можно, князь. Высмотрѣлъ я подступъ... Ночнымъ бы дѣломъ взять его...

— И ты самъ повель бы на приступъ? Самъ, лихой полковникъ?

— Приказалъ бы ты князь мнѣ, и я повель бы!

— И взялъ бы, не сомнѣваюсь,—добавилъ Голицынъ, любясь храбрымъ казакомъ.—Если бы побольше такихъ, какъ ты, Донецъ, не показывала бы своей спины врагу армія русская! Что-жь узналъ ты о путяхъ, намъ предстоящихъ, полковникъ?

— Идти твоему войску такъ же, какъ я шель, князь. Подножные корма и воды по пути находятся... Только ожидать можно отъ татаръ непріятности не малой. Какъ бы они не отравили путевыя воды и не подожгли бы степи? Похваляются татары и отравою, и пожаромъ степнымъ...

Голицынъ, въ замѣтномъ волненіи отъ этого извѣстія, подтверждавшаго его собственныя опасенія, нетерпѣливо прошелся по шатру и остановился передъ Телепневымъ, привѣтствовавшимъ его почтительнымъ поклономъ.

— А! мой дорогой артиллеристъ!—съ любезною улыбкою обратился къ нему Голицынъ.—Изъ отпуска на службу? Радъ, радъ!

— Честъ имѣю явиться, князь!

— Можно поздравить тебя съ законнымъ бракомъ?

— Нѣтъ, князь!—пошепталъ Телепневъ.—Свадьба наша ложена: невѣста моя заболѣла...

— Жаль, — сказалъ Голицынъ, участливо слѣдя за грустнымъ выраженіемъ лица молодого офицера.—Вѣдь невѣста его юя сестра, Донецъ?.. Вы, будущіе родичи, кажется, незнакомы еще?

— Незнакомы!—одновременно подтвердили оба, улыбаясь

другъ другу, съ несомнѣннымъ расположеніемъ обняться и расцѣловаться, но стѣсняясь присутствіемъ своего начальника.

— Я не желалъ бы мѣшать проявленію добраго чувства, влекущаго другъ къ другу васъ, молодыхъ людей, членовъ одной семьи,—замѣтилъ Голицынъ съ добрымъ отеческимъ вниманіемъ къ ихъ положенію.—Познакомьтесь, побратайтесь!

Благородный вельможа, съ улыбкой, такъ его красивой, увидѣлъ своихъ любимыхъ офицеровъ крѣпко обнявшихся и расцѣловавшихся. Они обмѣнялись лишь вопросами: „Ты Андрей Телепневъ?“—„Ты Федоръ Захаржевскій?“ и отвѣтомъ: „Да!“ Затѣмъ оба ждали приказаній или вопросовъ Голицына, возвратившагося къ дѣлу.

— Кстати оба вернулись вы,—продолжалъ Голицынъ, по прежнему озабоченный предстоящимъ походомъ вглубь степей.—Ты, Телепневъ, со тщаніемъ осмотри пушки и мортиры; негодныя или опасныя къ стрѣльбѣ, мы не потащимъ за собою. Также разсмотрись: сколько зеленой казны и снарядовъ достаточно взять, дабы не отягощать излишкомъ обоза, и безъ того великаго... Ты же, Донецъ, со своими изюмчанами, пойдешь впереди насъ... Безводья намъ гдѣ-жъ ждать и сколько переходовъ намъ обозною водою пробавляться?

— Безводье подойдетъ намъ съ Молошныхъ водъ, князь, переходовъ не пятокъ ли придется обозною водою пробавляться, вплоть до Перекопской башни. Въ Перекопѣ всего три колодца воды. Съ одной стороны Гнилое море, съ другой Черное—солення...

— Скверное дѣло! —прошепталь Голицынъ и задумался.— Вотъ что, Донецъ,—заговорилъ онъ.—Языковъ мнѣ добудь.

— Языки взяты, князь, даже Уланъ Теймуразъ попался.

— Спасибо, братъ, что постарался. За царями служба твоя не пропадетъ, Донецъ. Пришли ко мнѣ Улана.

— Сейчасъ, князь!

Изюмскій полковникъ поспѣшилъ откланяться. Телепневъ послѣдовалъ его примѣру.

Очутясь вдвоемъ, молодые люди остановились въ тѣни стараго дуба и, взявшись за руки, внимательно и съ мягкой улыбкой вематривались другъ въ друга. Крѣпкое пожатіе рукъ, безъ словъ выражало ихъ чувства. Смуглое красивое, чернобровое и черноглазое лицо казака съ чернымъ вьющимся усомъ, его стройная фигура неволью напоминали Телепневу его невѣсту, и по ней былъ ему милъ и ея старшій братъ. Этотъ же братъ, съ понятнымъ любопытствомъ и доброжелательствомъ, относился къ избраннику своей сестры, къ ея брату названному, о которомъ она ему рассказывала такъ много хорошаго.

— Братъ моей милой Маруси и мой братъ!—прошептала Телепневъ, со взглядомъ свѣтившимся нѣжнымъ чувствомъ.— Она велѣла тебя поцѣловать, Федоръ Григорьевичъ.

— За великую честь почитаю назвать тебя своимъ зятемъ, Андрей Юрьевичъ!—отвѣтилъ молодой полковникъ, порывисто обнимая Телепнева. — Давно знаемъ мы тебя, отъ сестры наслушавшись похвалъ тебѣ и старикамъ твоимъ. Радъ, что довелось познакомиться. Брата найдешь во мнѣ ты, Андрей Юрьевичъ! Ёдемъ ко мнѣ: вмѣстѣ будемъ, пока можно. Мой бивакъ впереди. Ёдемъ!

— Ёдемъ!—съ удовольствіемъ согласился Телепневъ.— Я здѣсь, въ стану, словно въ лѣсу непроходимомъ; и быть съ тобою вмѣстѣ, Федоръ Григорьевичъ, мнѣ не только пріятно, но и полезно: я здѣсь безъ крова. Если бы ты зналъ, какъ тяжело мнѣ было покидать мою невѣсту больною, какъ тяжело мнѣ здѣсь вспоминать о ней, оставаться въ неизвѣстности, что съ ней? Жива ли она?

Грустный тонъ, въ которомъ слышалась жалоба на судьбу, грустный взглядъ Телепнева вызвали со стороны молодого полковника слова упокоенія и ободренія.

Оба устали и нуждались въ отдыхѣ. А потому оба съ величайшимъ удовольствіемъ укрылись отъ палящаго солнца и отъ пыли подъ навѣсомъ просторнаго балагана, покрытаго камышомъ. Въ отрадной тѣни этого степного жилья связки свѣжей кучи, прикрытыя войлокомъ, манили прилечь, что Телепневъ и поспѣшилъ сдѣлать, раздѣвшись. Но полковникъ занялся нужными распоряженіями по своимъ сотнямъ, державшимъ передовые посты и разъѣзды. Бивакъ изюмскихъ казаковъ располагался въ лощинѣ, заканчивавшейся болотомъ.

Разношерстныя, не крупныя лошадки, всегда подъ сѣдломъ, паслись табуномъ, по-сотенно, подъ охраною вооруженныхъ казаковъ. Цѣпь конныхъ часовыхъ съ красными пиками виднѣлась кругомъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Часто изъ степи возвращались разъѣзды и доносили полковнику о томъ, что тамъ видѣли, а въ степь уходили новые разъѣзды съ наставленіями и приказаніями. Убаюкиваемый конскимъ ржаніемъ, потомъ, звономъ сабель, голосами людей, всею этою дѣятельною суматохою аванпостной службы, Телепневъ крѣпко заснулъ. роснувшись, онъ увидѣлъ у входа въ балаганъ полулежащую желую фигуру казацкаго есаула, котораго запыленный красный казакинъ и утомленный видъ свидѣтельствовали о томъ, что онъ только что слѣзъ съ коня. Разстегнутый казакинъ, наженная потная грудь, вся въ волосахъ, блестящее отъ

загара темное лицо съ рѣзко черными бровями и серебрившимися длинными усищами, а также орлиный носъ и толстая коричневая шея показались Телепневу знакомыми. Особенно вспомнилась ему знакомая смушковая шапка всегда на затылкѣ подбритой кругомъ, по-польски, головы. Несомнѣнно выпившій, есауль лѣниво попыхивалъ изъ коротенькой люльки, зажатой между зубами. Всмотрѣвшись въ него, Телепневъ съ невольнымъ изумленіемъ узналъ въ немъ одного изъ своихъ бугаевскихъ знакомцевъ, есаула Сѣрабабу.

Первою мыслью, ударившею бѣднаго жениха прямо въ сердце, былъ вопросъ о Марусѣ: благополучна ли она? жива ли? не присланъ ли Сѣрабаба съ какимъ-нибудь ужаснымъ извѣстіемъ? Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, но тутъ же сѣлъ, задыхаясь отъ волненія.

— Успокойся, Андрей Юрьичъ!—поспѣшилъ къ нему Захаржевскій съ добрымъ желаніемъ разсѣять опасенія, омрачившія его лицо.—Есауль прибылъ, гнавшійся за проправшимися крымчаками, по ихъ сакмѣ. Въ Бугаевкѣ благополучно, Маруся поднялась съ постели, поклонъ намъ прислала... И старики кланяются.

— Прислала!—подтвердилъ есауль, лѣниво вынувъ, на минуту, изо рта люльку, но ни къ кому не обращаясь.—Кланяются.

Телепневъ вздохнулъ свободно и улыбнулся радостной вѣсти.

— Пора и перекусить, добродіе, чѣмъ Богъ послалъ!—замѣтилъ полковникъ, присаживаясь къ походному столу, земляному кругу, обрытому рвомъ, куда обѣдающіе опускаютъ свои ноги. На земляномъ кругѣ, образованномъ рвомъ, красовалась барилка, родъ баклаги, сбитой обручами и съ горломъ, заткнутымъ деревянной пробкой: въ закопченномъ дымомъ котелкѣ ждалъ кулешъ съ саломъ, посылавшій отъ себя вкусно-пахнущій паръ; на широкихъ листахъ лопуховъ лежало жирное стегно жареной съ лукомъ баранины; свѣтло-зеленый, съ темноватыми полосками кавунъ надрѣзанъ сверху и манитъ лакомый взглядъ къ своему малиновому сочному тѣлу, обнаруженному надрѣзомъ. Ко всей этой благодати прибавилась еще бутылка сливянки, присланная полковницей.

— Не ждалъ я нынче такъ пообѣдать,—весело замѣтилъ Телепневъ, опуская ноги въ ровъ и присаживаясь къ кругу, служившему столomъ.—Даже кавунъ на закуску послѣ баранины. Хотя-бы князю Голицыну обѣдъ! Съ казаками голоденъ не будешь: разстараются, молодцы!

Есаулъ выразительно крикнулъ, взявшись за барилку съ горилкой и, съ видимымъ удовольствіемъ, потянулъ прямо изъ горлышка любимаго напитка безъ мѣры.

— Душа мѣру знаетъ!—замѣтилъ онъ, ставя барилку и затыкая ее пробкой.—Казакъ когда не пьетъ, то блохъ бьетъ, а все не гуляетъ!

— Сидитъ казакъ на жнивѣ да штаны латаетъ, жнивье его въ спину колетъ, а онъ жнивье латаетъ!—въ тонъ есаула прибавилъ Захаржевскій.—За твое, Андрей Юрьичъ, здоровье! за твою невѣсту! за нашу братскую дружбу!

Онъ глотнулъ изъ баклаги и передалъ ее Телепневу.

Пообѣдавъ наскоро,—онъ все дѣлалъ скоро,—молодой полковникъ вскочилъ въ сѣдло на подведеннаго коня, со всегдашнею своею бодростью, такъ ободрявшею и его подчиненныхъ. У его стремени стоялъ здоровенный старый хохоль огромнаго роста, казавшійся еще выше отъ капелюхи, мѣховой шапки съ торчащими вверхъ наушниками, сползшей ему совсѣмъ на бритый затылокъ, коротенькая свитка накинута на широчайшія плечи. Грязная рубаха съ растянутымъ воротомъ забрана въ холщевыя широкія портки съ мотнею, сообщавшею имъ видъ бабьей юбки. Смазные чоботы, т. е. сапоги съ отвороченными, черезчуръ длинными холявами, т. е. голенищами. Сѣдые усы и брови вырѣзались на темномъ лицѣ, суровомъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ. Въ загорѣлой рукѣ батигъ, т. е. палка.

На вопросительный взглядъ Телепнева, полковникъ ему шепнулъ, что это только что освобожденный имъ изъ нагайской неволи полковникъ, хуторянинъ, хорошо знакомый со степными путями къ Перекопской башнѣ, согласившійся быть проводникомъ русской рати.

— А вотъ этотъ черномазый, раскосый татаринъ въ верблюжьей курткѣ и бараньей шапкѣ—Уланъ Теймуразъ,—добавилъ полковникъ, кивнувъ на приземистаго, босоногаго, широкаго крымчака, злобно косившагося исподлобья на своего побѣдителя, стоя между конными казаками.—Поведу ихъ къ князю!..

Въ отсутствіи полковника, есаулъ Сѣрабаба короталъ время близкомъ общеніи съ его баклагой, и ея хмѣльную влагу едпочиталъ бесѣдѣ съ Телепневымъ, напрасно предлагавимъ ему вопросы о Марусѣ и обо всемъ, ея касающемся. Ишкомъ краткіе и неудовлетворительные отвѣты его заставили бѣднаго жениха замолчать и остаться въ невѣдѣніи относительно невѣсты. Вообще несообщительный, неразговорчивый, старый казакъ, казалось, сосредоточился самъ въ себѣ

и интересовался только выпивкой. Но, по возможности, онъ старался скрыть эту свою слабость отъ москаля-офицера, потѣшая его ловкостью, съ какою онъ обращался къ баклагѣ, улучивъ минуту, когда москаль отвернулся. Впрочемъ, хмель словно не бралъ грубаго рубаку.

Полковникъ Захаржевскій возвратился съ приказаніемъ главнокомандующаго, котораго исполненіе требовало тайны. Его онъ не сообщилъ даже Телепневу. Молодой артиллеристъ отправился къ своей части, для осмотра всѣхъ, находящихся въ обозѣ, орудій и для расчета пороха и снарядовъ, потребныхъ къ тѣмъ изъ годныхъ орудій, которые должны слѣдовать съ полками и въ обозѣ. Не легка оказалась эта задача, при плохой подготовкѣ тогдашнихъ русскихъ пушкарей. Большая часть орудій никуда не годилась и могла лишь отягчать собою движеніе арміи.

Тогдашняя русская артиллерія раздѣлялась на полковую, осадную и крѣпостную. При войскѣ Голицына слѣдовала лишь полковая, орудія двѣнадцати и шестифунтоваго калибра да полупудовыя гаубицы. Неуклюжіе лафеты соответствовали плохой отливкѣ орудій, часто разрывавшихся при учащенной пальбѣ. Кромѣ запасныхъ орудій въ обозѣ, пушки, мортиры и гаубицы находились при пѣхотныхъ полкахъ. Поэтому Телепневу приходилось осматрѣть орудія, начиная съ Бутырскаго солдатскаго полка, расположеннаго съ лѣваго фланга обширнаго лагеря, правильнѣе назвать—становища, весьма мало напоминавшаго своими шалашами, землянками и безпорядкомъ размѣщенія людей, лошадей, обозовъ и всякихъ запасовъ, лагери регулярныхъ армій.

Солдатскіе полки имѣли палатки, разбитыя рядами, одинъ за другимъ, и ихъ бивуаки представляли сравнительно съ бивуаками земскихъ полковъ картину воинскаго порядка: ружья составлены въ козла, у караульной палатки полковое знамя при часовомъ, дежурный офицеръ въ формѣ, барабанщикъ, вооруженный карауль. Бутырскій полкъ, благодаря своему командиру—нѣмцу, считался примѣрнымъ по строгости дисциплины и благоустройству воинскому и хозяйственному. Вычищенные мѣдныя пушки, исправныя, подновленные зеленой краской лафеты и зарядные ящики вытягивались въ линіи: впереди орудія, во второй линіи передки, въ третьей ящики. Ихъ охранялъ часовой пушкарь.

Пользуясь наступавшей вечерней прохладой и потянувшимъ сѣвернымъ вѣтеркомъ, полковникъ Адамъ Билзъ производилъ своему полку ученье. Оба батальона выстроились

въ глубокихъ, шестнадцати-шеренговыхъ, колоннахъ, по пяти ротъ въ батальонѣ. Половина солдатъ были вооружены пиками, половина ружьями, но не одинаковаго калибра, такъ какъ выписывались изъ Саксоніи и Голландіи не одновременно и отъ разныхъ мастеровъ. Снабженіе ружьями полковъ встрѣчало затрудненія даже гораздо позднѣе. Впрочемъ, къ ружьямъ уже привинчивался багинетъ, или штыкъ, это страшное неприятелю, въ рукахъ русскаго солдата, холодное оружіе. Солдаты не щеголяли своими поношенными треугольными поярковыми шляпами, зелеными кафтанами и камзолами со штанами. Сапоги, избитые и часто дырявые, плохостью своею бросались въ глаза Телепневу, привыкшему къ щегольскому виду саксонскихъ полковъ. О выправкѣ воинской и говорить нечего, она его далеко не удовлетворяла, хотя онъ любовался молодцоватостью и бодростью людей, сдѣлавшихъ дальній походъ при условіяхъ для себя неблагоприятныхъ, исполненныхъ всяческихъ лишеній. Блестѣли на солнцѣ свѣтлые штыки и дула мушкетовъ съ ложами, выравненными у ноги, бѣлые ремни крестообразно выложившіеся на кафтанахъ. Батальоны, подъ оглушительный бой двѣнадцати барабанщиковъ, маршировали развернутымъ фронтомъ, переднія шеренги съ ружьями, заднія съ пиками на плечѣ. Офицеры, съ своими мѣдными нагрудными знаками, съ пиками же въ рукахъ, находились въ строю, на своихъ мѣстахъ. Полковникъ Билзъ, костистый старикъ, прямой, какъ палка, въ старенькой войлочной треуголкѣ, надѣтой поперекъ, сверхъ парика съ заплетенною косою, ерзающею по спинѣ, въ заношенномъ кафтанѣ, въ латаныхъ ботфортахъ, съ ясно вычищенными мѣдными пуговицами и офицерскимъ знакомъ, усердно отбивалъ старыми ногами темпъ скорого марша. До хрипоты выкрикивая команду: „глаза на-право! пря-мо! дирекція на-право!“ онъ суетливо забѣгалъ на правый флангъ передней шеренги, чтобы, пропуская мимо себя батальоны, провѣрять ихъ равеніе на [маршѣ. Тутъ онъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, хвалилъ равеніе, выкрикивая: „Карашо, ропятя!“ на что „ропятя“ дружно кричали: „Рады стараться!“

Вспотѣвшій и уморившійся старикъ-полковникъ, очевидно, римолаживался на глазахъ множества зѣвакъ, собравшихся гдѣ бездѣлья поглядѣть полковое ученіе. Съ простительнымъ для военнаго человѣка тщеславіемъ, командиръ не прочь былъ похвалиться передъ другими командирами своимъ полкомъ и изъ себя самаго изобразить молодца служажу, образ-

цоваго по усердію и знанію штабъ-офицера, подающаго собою назидательный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Конечно, его барабаны слышны и главнокомандующему, который не разъ благодарилъ его за усердную службу и выставлялъ его въ примѣръ прочимъ командирамъ.

Но это, понятное въ русскомъ нѣмцѣ, желаніе выслужиться передъ начальствомъ и отличиться между товарищами, не только стоило ему напряженія всѣхъ его силишекъ, но и вызывало въ толпѣ глазѣвшихъ русачковъ ѣдкия на свой счетъ насмѣшки, высказываемыя безъ стѣсненія.

— Козель нѣмецкій!—прогуливались на его счетъ рядовые русскіе, полковые же командиры.—Вишь его, козырится! Солдатъ муштруетъ, а съ женой нѣмкой не справится: колотить его за то, что бездѣтна!

Потѣшное выраженіе стараго козла имѣло продолговатое лицо Билза, безбровое, съ безцвѣтными глазами и желтыми бакенбардами, отвислыми, трящимися при его движеніяхъ, особеннокогда свою команду онъ сопровождалъ взмахомъ шпаги.

— Тоже своей тупицей машеть!—смѣясь, замѣчали зрители изъ начальниковъ.—Съ крысами ему воевать!

— Зтой! равнись! зтоять волно! оправсь!—перепеломъ командовалъ Билзъ и, съ вывертомъ въ локтѣ правой руки, сопровождавшимъ всѣ его приемы, ловко вложилъ шпагу въ ножны, неизмѣнно придерживаемыя его лѣвою рукою, когда онъ бѣгалъ или маршировалъ. Отеревъ платкомъ потное лицо, онъ наскоро понюхалъ изъ тавлинки табачку, провелъ платкомъ подъ носомъ, крикнулъ, сунулъ тавлинку съ платкомъ въ карманъ и, снова вытянувшись, какъ палка, и принявъ видъ задорнаго, нахохлившагося голосистаго пѣтуха,—скомандовалъ:—Змирнаа! равнись! глазъ на пра-а-во!

Въ эту минуту къ нему подошелъ, приложивъ руку къ шляпѣ, Телепневъ и доложилъ ему о приказаніи главнокомандующаго осмотрѣть орудія при ввѣренномъ ему полку. При словѣ „главнокомандующій“ служака-нѣмецъ тоже поднесъ свою руку къ шляпѣ и его длинное лицо съ рыжими бакенами изобразило служебную, не разсуждающую, а только исполняющую подчиненность.

— Ви имѣйте озмотрить полкови орудій, господинъ капитанъ! — вѣжливо сказалъ полковникъ Билсъ и, обратясь къ одному изъ своихъ офицеровъ, уже начальническимъ тономъ приказалъ:

— Господинъ поручикъ Фокинъ, имѣйте показать ввѣреннъ вамъ полкови орудій!

XXVI.

Дѣло въ промышлѣ, а не въ томъ, что людей много. И много людей, да промышленника нѣтъ. Вотъ шведъ. Всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ.

(Донесенія Афан. Лавр. Ордина
Нащокина).

Поручикъ Фокинъ, уже посѣдѣлый офицеръ, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ взглянулъ на молодого капитана въ саксонской формѣ, явившагося провѣрять артиллерійскую часть гонка, имъ завѣдываемую. Выражая свое неудовольствіе грубымъ молчаніемъ, старенькій поручикъ остановился у своихъ орудій и ждалъ распоряженія старшаго себя чина, какъ бы обиженный старшинствомъ щеголька-молокососа, осмѣливающегося его, старика, провѣрять. На требованіе капитана вызвать къ орудіямъ пушкарей, дабы произвести ученье и испробовать орудія холостыми зарядами, поручикъ объяснилъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, что пушкари сейчасъ стоятъ во фронтѣ и вызвать ихъ, до конца ученья, онъ не смѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Телепневъ,—я желалъ бы осмотрѣть зарядные ящики, въ комплектъ ли заряды, а также запасъ снарядовъ въ полковомъ обозѣ?

— Вахтеръ тоже во фронтѣ,—съ усмѣшкой, показавшеюся молодому капитану обидною, отвѣтилъ поручикъ.—Да и осматривать вамъ наши ящики и запасы зарядные нечего: комплектъ полный, орудія исправныя.

— Но умѣетъ, ли ими дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, при-слуга?

— Обучена и безъ васъ, господинъ капитанъ! — съ вызывающею грубостью отвѣтилъ поручикъ. — Наши пушки Азовскую крѣпость взяли и дѣйствовали, какъ слѣдуетъ, тамъ, гдѣ васъ не было...

Телепневъ вспыхнулъ и готовъ былъ потребовать отъ зкаго оскорбителя сатисфакціи,—удовлетворенія,—по всѣмъ виламъ, существующимъ въ образованныхъ арміяхъ, гдѣ ль, или поединокъ, обыкновенно рѣшаетъ дѣло военной эти; но, взглянувъ на этого неотесаннаго служаку, грубая ѣшность котораго вполнѣ соотвѣтствовала его необразован-ти, онъ невольно разсмѣялся. Слишкомъ неравно было у умственное развитіе и они не могли понимать другъ друга.

Со взглядомъ, исполненнымъ презрѣнія, молодой капитанъ дотронулся рукою до своей треуголки и удалился. Больно было ему убѣждаться въ возможности подобныхъ русскихъ офицеровъ. „Съ ними не побѣждать“,—думалъ онъ.

Крики, слышавшіеся въ толпѣ у балагана маркитанта, заставили его остановиться. Мимо него бѣжали двое земскихъ ратниковъ, преслѣдуемые торговцами и ихъ криками: „Держи! лови! воры! воры!“ Оба босые, преслѣдуемые подъ мышками несли по парѣ новыхъ смазныхъ сапоговъ, только что украденныхъ ими. Бородатый, съ безстыжей усмѣшкой, ободрялъ видимо струхнушаго молоденькаго парня, приговаривая: „Не тотъ воръ, кто украсть, а тотъ, кто вора въ соблазнъ ввелъ, милый! Не клади плохо, не смущай добраго человѣка. А наше съ тобою дѣло, племяшъ, походное—обосѣли, какъ тутъ безъ сапоговъ?“

— Договоряютъ, дяденька! Пропали мы!—воскликнулъ парень, схваченный сильными руками и убѣдившійся, что и дяденька попался.

— Христіанскими воинами называется, а своихъ обкрадаете?—кричалъ, въ сердцахъ, дужій, краснощекій съ широкою бородицей, ярославецъ, торговый человѣкъ, слѣдовавшій со всякимъ нужнымъ въ походъ товаромъ на нѣсколькихъ парныхъ подводахъ и на стоянкахъ разбивавшій просторный балаганъ.—Подай сапоги, воряга!

Ярославецъ взялся за свой украденный товаръ.

— Сапоги куплены, хозяинъ: деньги за нихъ заплачены!—бойко, глазомъ безстыжимъ не моргнувъ, утверждалъ бородачъ.

— Кому-жь ты деньги платилъ? Шельма ты острожная!

— Шельмовать меня не можешь ты, хозяинъ!—вступился за свою честь воръ.—А платили мы деньги въ лавкѣ, кому—не знаемъ.

— Мы свидѣтели, какъ ты двѣ пары сапогъ въ лавкѣ смуздалъ, мы свидѣтели!—кричали на перебой сидѣльцы походныхъ торговыхъ балагановъ, шумною толпою, все увеличивающеюся, окружавшіе воровъ съ поличнымъ. — Безъ денегъ купилъ! Другую пару парню сунулъ, побѣжали на утекъ! Вѣшать бы васъ, воровъ!

— Всѣхъ не перевѣшаешь, милый!—спокойно возразилъ бородатый, печальными глазами провожая отобранные у обоихъ сапоги. — А наше дѣло сиротское, взять неоткуда, обосѣли—надо, значитъ, украсть! Вы таки по-божески, хозяева...

— А воровать нешто по-божески? Тащите ихъ, братцы,

прямо къ князю Василю Васильичу! Пусть его разсудить, воровъ обуздаеть: отъ воровъ торговать въ стану нельзя! отъ начальства имъ послабленіе, разворовались во всю! Что ни день, ни почъ—покража! Дневной грабежъ! Обида!

Съ такими криками торговцы волокли воровъ, направляясь къ ставкѣ главнокомандующаго. Солдаты и ратники попутныхъ полковъ толпами подбѣгали къ слѣдовавшимъ, подсмѣивались и надъ попавшимися ворами, и надъ пострадавшими отъ нихъ торговцами. Когда же воры увидѣли себя среди своихъ однополчанъ, то бородатый вдругъ отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ:

— Братцы землячки, слобоните насъ отъ лавошниковъ! Вклепались въ сапоги! Безвинно, напрасно страдаемъ! Слобоните, землячки!

И землячки, дружнымъ напоромъ, вмигъ „слобонили“ воровъ, исчезнувшихъ въ толпѣ. Торговцы радешеньки были отступить съ возвращенными сапогами и небитыми, такъ какъ „землячки“ стали было засучивать рукава и поплевывать въ свои увѣсистые кулаки, угрожая „вступиться за свою обиду“.

Наблюдавшій всѣ эти возмутительныя сцены, характеризовавшія безпорядокъ, царившій въ станѣ полутора-тысячнаго русскаго войска, Телепневъ негодовалъ на начальство, всегда, повидимому, отсутствовавшее тамъ, гдѣ его наличность необходима.— „Нѣтъ, —думалъ онъ, —съ такою полуазіатскою арміею некуда двигаться. Страшнымъ собственнымъ бѣдствіемъ можетъ заплатить она за свою отвагу углубиться въ безводную степь, гдѣ ее поджидаетъ коварный и опытный въ степной войнѣ врагъ“. Тяжелыя впечатлѣнія вынесъ онъ изъ своего знакомства со станомъ.

Между тѣмъ, молодой полковникъ Захаржевскій, согласно порученію главнокомандующаго, успѣлъ осмотрѣть урочище „Большой лугъ“, куда армія завтра должна была передвинуться. Явившись къ князю Голицыну съ докладомъ, онъ нашель у него старшину запорожскаго войска. Обозный Василій Бурковскій отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ полковниковъ, обвинялъ ненавистнаго имъ гетмана Самойловича, „яко проivenessтво правительству московскому имѣющаго“. Обозный перечислялъ вины гетмана; главнѣйшими или тягчайшими изъ нихъ оказывались его „похвалки на Москву“, его несоставствіе крымскому походу, его тайныя намѣренія отложиться въ Москвы, его желаніе союзиться съ татарами и турками. Обвиненіе горячо поддерживали есаулъ Иванъ Мазепа и войвовайт судья Михайло Воехѣвичъ. Полковники Солонина,

Лизогубъ, Забѣла и Гамалѣя, покручивая свои длинные усы и опираясь на сабли, подтверждали справедливость обвиненія.— моль, все одинъ дѣлаеть, никого къ думѣ не призываетъ. За мѣста великія взятки хватаетъ и самовольничаетъ.

Голицынъ, съ своею обычною спокойною сдержанностью, выслушалъ извѣтъ малороссійской старшины, не сомнѣваясь въ преувеличеніи обвиненій, но убѣжденный въ ихъ серьезности для московскаго правительства. Голицынъ, самъ не уважая Самойловича за его гордость, несомнѣстную ни съ его поповскимъ происхожденіемъ, ни съ простыми нравами народа, избравшаго его своимъ представителемъ, не забывшій и того, что Самойловичъ былъ противъ него въ его ссорѣ съ Ромодановскимъ, отнесся къ извѣту старшины съ полнымъ безпристрастіемъ.

— Гетманъ препятствовалъ, сколько могъ, заключенію мира съ поляками,—высказывался Бурковский,—не велѣлъ служить молебновъ благодарственныхъ за сей миръ... Сказалъ: „сдѣлаемъ такъ, какъ намъ надо, а не такъ, какъ Москва съ Польшею договорилась“.

— Женка гетмана хвалилась, не повторилъ бы гетманъ поступки Брюховецкаго? — добавилъ есаулъ Мазепа.—Пора настала государямъ смѣнить Самойловича, яко Москвѣ вреднаго гетмана.

— И намъ, родовымъ людямъ, обидно надъ собою властителя изъ поповичей имѣть!—замѣтилъ Гамалѣя.—Забывши родительскіе подрысникъ и кныши, возгордился нынѣ безъ мѣры. Ъдетъ въ каретѣ, за нимъ конные сердюки оружныя скачутъ; при полкахъ тоже въ каретѣ, сѣдла казацкаго не знаетъ. Кадиломъ бы ему въ церкви кадить, не гетманствовать, Малороссію считаетъ своею, не государевою.

— Чего же вы, панове, отъ меня хотите?—спросилъ князь.

— Чтобы ты, благородный князь, донесъ о нашемъ извѣтѣ государямъ,—отвѣтилъ Бурковский.—Они насъ разсудятъ...

— Для этого вы, панове, должны представить мнѣ письменный доносъ: я отправлю его въ Москву, государямъ.

— Представимъ доносъ за нашими руками, князь...

Старшина удалилась. Голицынъ выслушалъ донесеніе полковника Захаржевскаго, что урочище Большой лугъ—къ стоянкѣ полковъ приличное: корма и вода есть, татаръ не видно.

— Со свѣтомъ иди впередъ, Донецъ, а армія за тобою тронется,—приказалъ Голицынъ, кивкомъ головы давая ему знать, что онъ можетъ удалиться. И обратился къ вошедшимъ за

приказаніями русскимъ полковникамъ и стрѣleckимъ головамъ.

Чуть занялась утренняя заря, полки тронулись дальше. Захаржевскій съ изюмскими сотнями шель впереди. Съ нимъ слѣдовалъ Телепневъ, душевно къ нему расположившійся. Юльскій зной давалъ себѣ чувствовать, едва только яркое солнце поднялось на чистый голубой небосклонъ. Загорѣлые, темнорожіе, какъ цыгане, изюмскіе казаки съ своимъ полковникомъ словно сроднились съ этимъ палящимъ солнцемъ и несколько отъ него не страдали. Но Телепневъ не зналъ, какъ и куда отъ него спрятаться.

Высокій степной ковыль побурѣлъ и сверху, въ метелкахъ, побѣлѣлъ, высушенный зноемъ. Саранча тучами налетѣла на пастбище, опустилась и вмигъ оголила его: зеленое болото превратилось въ черное. Невольно съ всепожирающею и всеистребляющею саранчею Телепневъ сравнивалъ эту огромную русскую вооруженную силу, оставляющую за собою потравленные степи, вырубленные лѣсные бараки, ограбленные селенія. Съ высокой степной могилы, онъ долго слѣдилъ за медленнымъ движеніемъ полковъ съ сѣвера на „низъ“, къ морю. Сколько глазъ охватывалъ безпредѣльную степь, ровную, какъ ладонь, по ней тянулась и извивалась безконечная непрерывная полоса перемѣшанныхъ людей и обозовъ. Конница, сверкая своими пиками и саблями, шла сторонами, пѣхота съ блестящими ружьями посрединѣ. Во многихъ мѣстахъ этотъ чудовищный ползущій змѣй, словно сказочный, исчезалъ въ облакахъ пыли, имъ же подымаемой. Его стальная чешуя горѣла тысячами веселыхъ огоньковъ, отражая горячее солнце. Глухой шумъ десятковъ тысячъ движущихся сапоговъ и копытъ, стукъ обозныхъ колесъ, грохотъ катящихся тяжелыхъ пушекъ, говоръ людской, командный крикъ, конское ржаніе, все это, сливаясь въ одинъ общій, внушительный гулъ поражало воображеніе Телепнева. Представлялось ему приближеніе апокалипсическаго чудовища, готоваго поглотить и стереть вровень съ землею все, ему встрѣчающееся на пути. Хвостъ этого чудовища исчезалъ въ пыльной дали и казался безконечнымъ. Никогда еще не трепеталъ крымскій юртъ за свое существованіе такъ, какъ въ этотъ походъ Голицына. Понятна была трусливая осторожность, съ какою ханъ и его огланы избѣгали встрѣчи съ такими, превосходящими ихъ, силами. Телепневъ оживлялся при мысли, что, наконецъ, Москва покончитъ съ хищническимъ гнѣздомъ, разорявшимъ своихъ сосѣдей...

Но что это такое? Справа движущагося войска, широкая полоса дыма, распространяясь во всѣ стороны, захватываетъ степь больше и больше. Столбы черной удушливой гари высоко поднимаются и омрачаютъ небо. По землѣ быстро, поддуваемые вѣтромъ, вдругъ поднявшимся, бѣгутъ безчисленные огоньки, проворно превращающіе травы, подсушенные солнцемъ, въ золу. Крутятся, дымные столбы сливаются и представляютъ сплошное, глазу непроницаемое, черное пространство бѣгущаго дыма, скрывающее и небо, и землю. Покрытый съ ногъ до головы горячимъ пепломъ, задыхаясь отъ ѣдкой, въ легкія проникающей гари и отъ дыма, едва сдерживая коня, храпѣвшаго и дрожавшаго со страха, Телепневъ невольно растерялся. Не за себя испугался онъ,—что значить жизнь его, жизнь одного человѣка?—но гибель угрожала сотнѣ тысячъ человѣкъ! Эта сотня тысячъ уже исчезла въ охватившемъ ее дыму. Гдѣ братъ Федоръ? Слава Богу! онъ впереди, куда пожаръ степи еще не достигъ. Что дѣлать? Рѣшившись присоединиться къ изюмскому эртоулу, онъ съѣхалъ съ кургана, за дымомъ ничего не видя. Вдругъ, арканъ свистнулъ въ воздухѣ, возлѣ самаго его уха, петля упала на его плечи и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, затянула его шею съ такою силою, что онъ задохнулся. Въ ту же минуту нѣсколько проворныхъ рукъ скрутили ему руки за спину, освободивъ горло отъ ужасной петли. Одинъ изъ хищниковъ взялъ въ руку чумбуръ его коня, другой, съ татарскимъ крикомъ: „Айда!“ щелкнулъ его коня нагайкой, и связанный плѣнникъ поскакалъ, окруженный узкоглазыми, широкоскулыми темными рожамы, въ изорванныхъ бешметахъ и смушковыхъ шапкахъ. „Въ полону!—подумалъ онъ, убитый одною этою ужасною мыслию.—Прощай, Маруся! прощай, счастье и жизнь! простите, родители!“

Телепневъ задыхался отъ дыма и изумлялся смѣлости, съ какою его похитители направляли бѣгъ своихъ коней въ степь, плотно окутанную колыхающимися и несущимися волнами дыма, снизу сѣраго, съ мелькающими огненными языками, лижущими траву, сверху чернаго, скрывающаго небо. Казалось, страшная роковая стихія прорвалась за свои предѣлы, чтобы умертвить все живое и прекрасное въ природѣ, не исключая и ея обладателя—человѣка. Нужно было дивиться твердости ногъ степныхъ скакуновъ, не спотыкавшихся на бѣгу даже тогда, когда они не могли видѣть земли, по которой бѣжали; надо было дивиться нагайскимъ наѣздникамъ, безошибочно, во мглѣ кромѣшной, направлявшимся туда, куда они хотѣли.

По рѣдѣвшему и разрывававшемуся дыму, Телепневъ понялъ, что они скачутъ по лощинѣ, склоняющейся къ балкѣ, которой крутые каменистые бока, съ обѣихъ сторонъ, подымались все выше и не представляли нищу жадному огню, убѣгавшему дальше. Здѣсь и всадники, и кони могли передохнуть. Воздухъ, хотя и пахнувшій гарью, очистился и освѣжающій вѣтерокъ проносилъ послѣднія вспышки погорѣвшей уже степи. Когда хищники пошли, наконецъ, шагомъ, Телепневъ могъ оглянуться назадъ, туда, гдѣ двигалась русская воинская сила. Темныя непроглядныя тучи мрачнаго дыма скрывали ее теперь. Объятый ужасомъ за судьбу сотни тысячъ русскихъ людей, молодой капитанъ безнадежно оглядѣлъ своихъ враговъ. Ихъ было съ десятокъ нагайцевъ да одинъ старый казакъ, по красному поношеному казакину котораго Телепневъ призналъ изюмскаго полчанина. То былъ бѣглець и измѣнникъ, дидъ Охримъ, поклявшійся безопадною местию всему московскому.

Между тѣмъ, застигнутые степнымъ пожаромъ, передовые московскіе полки, какъ могли спѣшно, повернули назадъ и успѣли стать за пространное болото, по которому, въ камышахъ и осокахъ, блестяли плесы извивающейся степной рѣчки. Пожаръ степи, быстро приближаясь, съ глухимъ воемъ огня, ползшаго — по землѣ безчисленными лижущими языками, съ плотною движущеюся стѣною дыма, подымающагося къ небу и его мрачащаго, вдругъ остановился, встрѣтившись съ мокрою низиною.

— Спасены! Благодареніе Богу!—воскликнулъ князь Голицынъ, снявъ шляпу и перекрестившись. Онъ слѣдовалъ верхомъ съ эртоуломъ полковника Захаржевскаго, по совѣту котораго приказалъ головнымъ полкамъ повернуть назадъ и укрыться за болотистой рѣчкой, какъ только показался вдаль дымъ степного пожара. — Спасибо тебѣ, Донецъ, за совѣтъ благоразумный! Но что намъ теперь дѣлать? То, чего я пуще всего боялся, совершилось! Степь впереди, по пути къ Крыму, горитъ! Безъ подножнаго корма съ моею многотысячною конницею и моими обозами двигаться нельзя никакъ!

— Нельзя, князь!—подтвердилъ Захаржевскій, всматриваясь въ волнующееся впереди мрачнымъ дымомъ пространство, казавшееся ему геенною огненною; съ душевнымъ безпокойствомъ онъ вспомнилъ, что тамъ, въ этомъ аду, остался его будущій зять. Ужели онъ погибъ въ пожарѣ, не успѣвъ спастись? Но

надежда, неизмѣнная спутница безпокойнаго человѣка, под-сказывала ему, что, быть можетъ, онъ теперь въ безопасности. А если?.. Но задумываться некогда было эртоульному начальнику въ присутствіи главнокомандующаго, нуждавшагося въ его дѣятельной и опытной службѣ.

— Приходится отступить, — съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Голицынъ, въ явной безнадежности убѣждаясь, что разгулявшаяся и разбушевавшаяся по безпредѣльной степи страшная въ своей силѣ стихія завладѣла путями въ Крымъ и опередила его войско. Въ этихъ, съ горечью сказанныхъ, словахъ, въ этомъ сознаніи неудачнаго воинскаго похода, имъ затѣяннаго, стоившаго государству почти непосильныхъ жертвъ, скрывалась боязнь князя предъ той отвѣтственностью, которая ждетъ его въ Москвѣ. Его заклятые враги, съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, молодой царь Петръ и нарышкинцы, конечно, воспользуются его серьезной, непоправимой неудачей къ его, Голицына, нагубѣ. Онъ падетъ, а съ нимъ падетъ и царица Софія. Въмѣсто утвержденія ея во власти, ею похищенной незаконно, вмѣсто лавровъ побѣдоноснаго полководца, о чемъ онъ вмѣстѣ съ нею мечталъ, — онъ, обезславленный, неспособный къ ратному дѣлу вельможа, возвратится въ Москву для того только, чтобы до дна испить горькую чашу униженія и подвергнуть царской опалѣ не только себя, но и поддерживающую его во всемъ царевну. Но, вѣдь, Рубиконъ перейденъ! Будь, что будетъ! Спасенное отъ нынѣшней гибели Божьимъ изволеніемъ, войско возвратится къ роднымъ рубежамъ. Оно, конечно, потерпитъ на походѣ всяческую убыль отъ своего неустройства, отъ казнокрадovъ начальствующихъ, отъ неизбѣжныхъ въ степи лишеній. На первомъ же разстахѣ надлежитъ строго изслѣдовать виновниковъ сего ужаснаго степнаго пожара. Подозрителенъ гетманъ малороссійскій, противникъ войны съ Крымомъ. Онъ готовъ, кажется, союзиться съ ханомъ, дабы съ его помощію держаться независимымъ отъ Москвы потентатомъ. Все-таки приходится отступить!

Станъ разбили тамъ же, у пространнаго болота, котораго плесы давали водопой, а осока подножный кормъ, хотя и плохой. Тревожную ночь провелъ Голицынъ въ своемъ походномъ шатрѣ. Отвѣтственность за неудачу похода и ея послѣдствія для него и для царицы не давала ему спать. Свѣдующій въ исторіи, князь припоминалъ себѣ одинъ фактъ историческій, приличный вспомнить, какъ ему казалось, въ его настоящемъ положеніи. Когда герцогъ Медина-Сидонія доложилъ испанскому королю Филиппу II о томъ, что ввѣренный его на-

чалству флотъ, такъ называемая „непобѣдимая армада“, уничтоженъ бурей морскою у береговъ Англїи, воевать которую былъ посланъ, король Филиппъ сказалъ: „Я посылаю тебя, герцогъ, сражаться съ людьми, не со стихїями. Да будетъ воля Господня!“ Не Господня ли воля явствуетъ и въ этомъ степномъ пожарѣ? Не стихійная ли сила принуждаетъ князя и его войско возвратиться, не достигнувъ цѣли своего похода, Крыма? Но князь зналъ впередъ, что враги его не расположены объяснять его неудачу, какъ полководца, противодѣйствіемъ стихійныхъ силъ. Справедливыя и великодушныя слова короля Филиппа не повторятся въ Москвѣ. Дневной свѣтъ подбодрилъ князя настолько, что онъ рѣшился попытаться продолжать походъ впередъ, не назадъ. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, голосъ князя восторжествовалъ: пошли впередъ. Но въ два дня могли пройти всего двѣнадцать верстъ. Степь чернѣлась во всѣ стороны, какъ мертвая, пораженная гнѣвомъ Божиимъ страна. Безъ корма и воды лошади становились, падали отъ изнуренія. Отъ ѣдкой гари, подымавшейся съ сожженной земли, люди задыхались, слѣпли. Надъ курившеюся землею синяя мгла мѣшала различать предметы. Палящее солнце, расслаблявшее людей, вызывало жажду, которую утолить было нечѣмъ. Еле волоча ноги, ползла черепашьимъ шагомъ многочисленная армія, теряя на пути множество отсталыхъ, больныхъ и мертвыхъ. Поглядывая съ понятнымъ ужасомъ то на раскаленное солнце и горячее небо, то на мертвую природу степи, безъ конца и края, отягченные оружіемъ и походнымъ скарбомъ пѣхотинцы, въ отчаяніи, готовились своими трупами уложить роковой путь къ Перекопу. Постарше и порелигіознѣе, солдаты и ратники шопотомъ „приказывали“ своимъ товарищамъ „свое добро“, высказывали свою послѣднюю волю. „Видющая смерть“ казалась всѣмъ неизбежною. Самъ Голицынъ, въ полдень второго дня, убѣдился въ своемъ неблаго-разумномъ рѣшеніи продолжать походъ, противъ котораго были и обстоятельства, и голоса многихъ начальниковъ. Упрекая себя въ гибели многихъ людей и лошадей безъ всякой пользы для войска, предвидя неизбежныя и пуція потери на возвратномъ пути, необходимомъ теперь для спасенія войска, Голицынъ невольно сѣтовалъ на свою судьбу. Глубокое молчанье такой многочисленной рати, свидѣтельствовавшее объ упадкѣ ея воинскаго духа, нарушалось только глухимъ шумомъ двигающихся обозовъ, стукомъ пушечныхъ колесъ, звякомъ конскихъ копытъ. Изрѣдка раздастся голосъ командира,

вялый, вынужденный, неуверенный, да высоко въ горячемъ воздухѣ прошумятъ сильныя крылья орла, съ звонкимъ клектомъ исчезающаго въ воздушномъ просторѣ. Казалось, зной достигъ своего крайняго предѣла, за которымъ онъ умерщвляетъ все живое. Люди и лошади дышали пекломъ.

Остановки для передышки учащались. Упавшихъ людей и дохлыхъ лошадей больше и больше. Отчаянье въ своей жизни охватило все это вооруженное многолюдство. Голицынъ терзался мученіями совѣсти, сознавая свою отвѣтственность за гибель цвѣта народа русскаго, боясь не только осужденія современниковъ, но и суда исторіи. Начальники, бывшіе противъ движенія впередъ, высказывали, не стѣняясь, свое неудовольствіе, обвиняя Голицына въ безразсудствѣ, доведшемъ войско до гибели. Вдругъ въ отдаленіи, гдѣ-то, слабо загремѣлъ громъ... всѣ головы повернулись въ сторону, откуда повторились эти отдаленные звуки, предвѣстники надвигающейся грозы, обещающей дождь. Всѣ уши насторожились, лоя желательные громовые удары, обещающіе дождь, освѣженіе природы, воду небесную, могущую утолить жажду, отъ которой такъ ужасно страдало столько людей и животныхъ. Громовые раскаты учащаются и бьются вмѣстѣ съ темною тучею, задвинувшею горизонтъ, расширяющею во всѣ стороны, поднимающею вверхъ. Изъ-подъ тучи поднявшійся вѣтеръ, пахшіи уже дождемъ, отрадно освѣжилъ потныя лица, запекшіяся уста, вдохнулъ надежду въ сердца измученныхъ людей. Мрачная сплошная туча охватила уже полъ-неба, прорѣзаемая змѣйками и стрѣлами ослѣпительной молніи. Громъ гремѣлъ, какъ гнѣвъ Божій, торжественно прокатываясь по тучамъ, теперь нависшимъ надъ истомленными полками. По синѣвшимся, влагою наполненнымъ тяжело опустившимся хлябямъ проворно ползали сѣрые обрывки странныхъ очертаній, сплетались и своею сѣрою пеленою закрыли синія хляби. Какъ-бы безцвѣтная теперь, сплошная туча дышала дождемъ, столь необходимымъ и желаннымъ такимъ множествомъ жаждущихъ людей.

— Пошли дождичка, Господи! Не дай заживо пропасть святитель Никола!—слышались голоса въ рядахъ полковъ. — Мати Божья, взвидь наши муки! Ороси землю планидою небесною!

Вдругъ страшный ударъ грома, въ ослѣпительномъ блескѣ молніи, разразился надъ ратью, потрясъ людскія сердца, испугалъ лошадей, колыхнулъ воздухъ. Сѣрая тучевая пелена словно бы лопнула, и съ шумомъ полились на землю потоки

холоднаго дождя. Въ минуту пересохшая земля жадно впитала эти потоки; но затѣмъ она побѣлѣла надъ водой, стремившейся въ малѣйшія углубленія и неровности почвы. Разверзшіяся хляби небесныя заливали теперь остановившуюся и оживившуюся рать своими холодными потоками, въ живой, колыхающейся сѣткѣ которыхъ исчезло все кругомъ. Темнота, смѣнившая свѣтъ, свѣжесть, смѣнившая зной, влага, смѣнившая губительную сухость, всѣ эти условія органической жизни, къ ней возвратившіяся, возстановили надежды и силы людей. Не сходя почти съ своего мѣста, люди и лошади могли теперь утолить свою нестерпимую жажду, припадая къ рытвинѣ или ямкѣ, переполненной свѣжей водой. Безчисленные ручьи стремительно неслись съ шумомъ и плескомъ, подгоняемые новыми потоками, безостановочно падавшими сверху.

„Богъ еще не совсѣмъ покинулъ меня“,—радно думалъ Голицынъ, слѣзши съ сѣдла.

— Что ты, Донецъ?—спросилъ онъ изюмскаго полковника, мокраго, хоть его выжми, появившагося передъ нимъ на конѣ.—Нашель приваль?

— На рѣчкѣ Карачокракъ, князь! Теперь русло ея бушуетъ водой, хоть мельницу ставь. Корма выжжены. Развѣ по мочезинамъ осочка найдется.

— Ночлегъ на Карачокракъ!—порѣшилъ Голицынъ.

XXVII.

Уже бо, братіе, невеселая година
встала. Уже пустыня силу при-
крыла...

(Слово о полку Игоревѣ).

Благодѣтельная гроза спасла погибавшіе русскіе полки. Тучи, затемнившія дневной свѣтъ, извергали шумные дождевые потоки и не только напоили въ сыть раскаленную зноемъ землю, но покрыли ее сплошнымъ моремъ журчащей воды. Неослабно лилась небесная влага, отъ свѣжести которой про-рогли люди и лошади, измокшіе, но ободрившіеся. Казалось увѣрнымъ ратникамъ, что повторяется всемірный потопъ, рѣданія о которомъ передаетъ библейское сказаніе. Поэтому онятно будетъ радость воинства встрѣтить первый солнечный лучъ, весело пробившійся, наконецъ, сквозь темныя массы громоздившихся тучъ, съ тяжелою медленностью потянувшихся по легкому вѣтерку за горизонтъ. Погромыхивая и блестящая молніей все слабѣе и слабѣе, грозовыя тучи

очищали небесную лазурь, казавшуюся теперь блестящею. Очищенный отъ гари и пепла, степной воздухъ благоухалъ свѣжестью первобытной природы: прозрачность его позволяла видѣть отдаленные курганы, встававшіе съ нѣмой торжественностью на всемъ пространствѣ степи. Теперь полки брели по водѣ, въ низинахъ по колѣна. Урочище Карачокракъ было послѣднимъ ночлегомъ войска по пути въ Крымъ. Отсюда, согласно рѣшенія военнаго совѣта, она потянулась назадъ, къ своему рубежу.

Невеселое, тяжелое отступленіе! Помимо нравственнаго гнета,—послѣдствія сознаннаго неуспѣха,—московскіе и гетманскіе полки двигались теперь по пути, заваленномъ трупами людей, воловъ и лошадей, брошенными телѣгами и возами. Путь отступленія оказался еще тяжелѣе, чѣмъ путь наступленія, и люди, и животныя падали сотнями. Видъ черной, горѣвшей степи, напоминавшей сказочное мертвое царство, наводило ужасъ на самыя смѣлыя сердца. Какъ идти сотни верстъ и десятки дней такому многолюдству съ конницей и обозами, безъ подножнаго корму? Благодаря ливню, вода была обезпечена, задержавшись въ рывинахъ, низинахъ и наполнивши пересошія было русла (рѣчекъ и балокъ. Главныя силы направились къ Конскимъ водамъ, урочищу, къ счастью Голицына и арміи, не подвергнувшемуся степному пожару. Толпа размѣстилась на своихъ прежнихъ мѣстахъ, въ ущѣлѣвшихъ балаганахъ и землянкахъ. Обильныя травы, луговныя и лѣсныя, освѣженные ливнемъ, помогли поправиться верховымъ и обознымъ лошадямъ, а также прекратили падежъ рабочихъ воловъ, начавшійся вслѣдствіе безкормицы и изнуренія. Люди отдохнули, починились, исправили поврежденія въ одеждѣ и въ обозѣ. Голицынъ, наслѣдовавшій обстоятельно поджогъ степи, убѣждался, вмѣстѣ съ своими совѣтниками, въ томъ, что виновники пожара гетманцы, опасавшіеся, что опустошеніе или покореніе Крыма русскими повлекли бы за собою пущее закрѣпощеніе малороссійскихъ казаковъ Москвою. Они дорожили своими вольностями, на что Москва посягала съ дальновидною постепенностью своей твердой собирательной политики. Молва даже самого гетмана вмѣшивала въ дѣло степного пожара. Въ такомъ смыслѣ донесъ въ Москву Голицынъ, потерявшій довѣріе къ гетману и его полкамъ, державшимся особнякомъ отъ московскихъ. Окончательно повредилъ гетману доносъ на него, поданный казацкою старшиною. Особенно серьезный пунктъ доноса указывалъ на замыселъ гетмана сдѣлаться удѣльнымъ владѣльцемъ Малороссіи.

Отославъ доносъ въ Москву, Голицынъ продолжалъ, съ большими ежедневными потерями (въ людяхъ и животныхъ, вслѣдствіе всяческихъ лишеній, отступать, смущаясь своею воинскою неудачею все болѣе, по мѣрѣ приближенія къ рубежу.

Въ то же время, тридцати-тысячное войско, наполовину московское, подъ начальствомъ скольничаго Неплюева, на половину казацкое, съ гетманскимъ сыномъ Григоріемъ, отправленное еще съ Карачокрака, направлялось къ низовьямъ Днѣпра, промыслять Казикерменскіе городки. Главныя силы перешли рѣку Орель и тутъ, 12 іюля, пріѣхалъ Шакловитый съ милостивымъ словомъ отъ государей войску за службу: спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ, отъ мала до велика. Голицынъ вздохнулъ свободнѣе. Приверженный къ нему московскій посоль успокоилъ его, вмѣстѣ съ московскими вѣстями передавъ ему письмо правительницы Софіи. Переправясь черезъ рѣку Коломакъ, Голицынъ расположился станомъ близъ Полтавы. Здѣсь онъ получилъ указъ: созвать казацкую старшину, сказать ей, что „великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, буде онъ имъ, старшинѣ, и всему войску малороссійскому негоденъ, быть гетманомъ не указали, и указали, у него великихъ государей знамя и булаву и всякіе войсковыя клейноты отобрать, послать его въ великороссійскіе города, за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они, старшина, со всѣмъ войскомъ малороссійскимъ излюбятъ“.

И вотъ гетманъ Самойловичъ, рано, по выходѣ изъ церкви, взять подъ караулъ. Голицынъ опредѣлилъ: „половину имѣнія измѣнника войску запорожскому, а другую въ казну царскую“. Поставили походную церковь возлѣ стана казацкаго. Полки солдатскіе и стрѣлцкіе, съ разсвѣтомъ, развернули свои фронты со всѣхъ четырехъ сторонъ церкви. Голицынъ, съ русскими генералами и полковниками, пріѣхавъ верхами, приказалъ казакамъ собраться, по ихъ обычаю, въ кругъ, составившійся изъ восьмисотъ конныхъ и тысячи двухсотъ пѣшихъ. Старшина, съ русскимъ начальствомъ и бояриномъ, съ преднесеніемъ знаковъ гетманскаго сана, вошли въ церковь, къ молебствію, скоро окончившемуся. У паперти, на столікѣ подъ дорогимъ ковромъ, лежали булава, бунчукъ, печать и прочіе клейноты. Голицынъ, стоя на скамьѣ, объявилъ казакамъ дозволеніе государей избрать, согласно ихъ стараго войскового обычая, гетмана.

Нѣсколько голосовъ выкрикнуло: „Мазепу!“ и весь кругъ дружно подхватилъ: „Мазепу хотимъ въ гетманы!“ На-

звали и обознаго Борковскаго, но очень слабо. Голицынъ спросилъ старшину: кого хочетъ въ гетманы? Старшина отвѣтила: „Мазепу!“ Тогда Голицынъ пригласилъ Мазепу присягнуть и подписать статьи стараго условія съ вновь присоединенными, послѣ чего передалъ новому гетману клейноты и поздравилъ его съ избраніемъ на столь высокую должность. Всѣмъ въ станѣ было извѣстно, что Мазепа избранъ по указанію Голицына, за что избранникъ поблагодарилъ могущественнаго князя „знатною суммою“. Ее опредѣляли разнo; но въ послѣдствіи, изъ записки Мазепы Голицыну, убѣдились, что послѣдній съ перваго получилъ десять тысячъ рублей. Въ Москвѣ противники Голицына обвиняли его въ томъ, что Самойловичъ свергнуть безъ разслѣдованія обстоятельствъ, въ которыхъ обвинялся. Поговаривали о великихъ злоупотребленіяхъ начальныхъ людей, вслѣдствіе чего подчиненные такъ пострадали въ воинскомъ походѣ, принесемъ только неисчислимыя казенныя потери и безславіе русскаго оружія.

И все-таки правительница царевна Софья распорядилась встрѣтить своего любимца, какъ побѣдоноснаго полководца, противъ котораго будто бы не дерзнулъ выступить ханъ со своими ордами, которому завоевать Крымъ помѣшали только стихіи природы. Но лучшею наградою Голицына была любовь царевны, впрочемъ, раздѣляемая имъ платонически. Спокойный нравъ его и почтенный возрастъ, руководимый благоразуміемъ, не соответствовали ея страстной натурѣ и ея сравнительно молодымъ годамъ. Онъ съ удовольствіемъ убѣдился, что его распоряженія на Коломакѣ заслужили ему признательность правительства, и что значеніе его, какъ сильнаго временщика, не умалилось. Самолюбіе, столько же, сколько и сознаніе государственной необходимости, поддерживали въ „оберегатель“ рѣрѣшимость, раннею весною 1689 года, предпринять второй походъ на Крымъ; побѣдить татаръ значило для него побѣдить своихъ внутреннихъ враговъ; военный успѣхъ обезпечивалъ ему, а съ нимъ и царевнѣ, правительственную власть. Голицынъ морщился, слыша отъ опытнаго генерала Патрика Гордона одну и ту же пѣсенку, пѣтую имъ и до перваго крымскаго похода и въ продолженіе его, что завоевать легко Крымъ, только степные къ нему пути трудны, особенно для кавалеріи и военныхъ тяжестей. Еще пуще морщился Голицынъ, убѣждаясь въ невозможности примирить, какъ онъ хотѣлъ, царевну Софью съ вдовствующей царицей и ея замѣтно возросшимъ сыномъ, государемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Вѣсь, съ головою, ушедшій въ омутъ правительственныхъ дѣлъ,

увлекаемый честолюбіемъ и справедливымъ сознаниемъ своихъ государственныхъ способностей и заслугъ, благородный князь какъ бы забылъ свою вѣрную, униженную его невниманиемъ супругу, добрую мать его дѣтей. Бѣдная женщина, слишкомъ гордая для того, чтобы жаловаться на свою горькую долю, страдавшая душевно тѣмъ болѣе, что любила мужа, искала въ уединеніи и въ исполненіи своихъ семейныхъ и домашнихъ обязанностей забвенія отъ сознанія своего несчастія. Впрочемъ княгиня не ревновала мужа къ царевнѣ, его любившей. Зная холодность сердечную шестидесятилѣтняго князя, и въ молодости своей не отличавшагося страстностью, она вѣрила его признанію въ томъ, что его и царевну связываетъ не плотская любовь, а общность ихъ понятій и стремленій, необходимость поддержки, государственная польза; хотя онъ признавался женѣ также и въ томъ, что царевна его любитъ, что ея любовь ему пріятна, какъ чувство возвышенной женщины, одаренной прекрасными способностями. Княгиня была не первою и не послѣднею супругою, наличномъ опытѣ убѣдившеюся въ несомнѣнной истинѣ, что величіе подымаетъ человѣка слишкомъ высоко отъ семьи, что великій человѣкъ рѣдко бываетъ хорошимъ семьяниномъ.

Возвратимся назадъ, въ выжженную степь, по которой татарскіе наѣзники съ старымъ гайдамакомъ увозятъ къ Перекопу капитана Телепнева. Чѣмъ больше онъ вдумывался въ свое ужасное положеніе, тѣмъ больше оно казалось ему безысходнымъ. Глубокое уныніе, послѣдствіе безнадежности, овладѣло имъ до того, что какъ бы притупилось его самочувствіе, смѣшившееся мрачнымъ равнодушіемъ къ своей личности, къ своей судьбѣ, къ всему тому, что такъ еще недавно и такъ страстно любилъ. Теперь онъ словно забылъ и себя, и близкихъ себѣ, милыхъ, дорогихъ людей. Прошлое какъ бы не существовало вовсе, будущее страшило его своимъ безпросвѣтнымъ мракомъ, настоящее вызывало желаніе смерти, хотя бы даже насильственной. Хотя онъ и христіанинъ, понимающій тяжкій грѣхъ самоубійства, но само правосудіе божеское не должно бы карать человѣка, въ его положеніи рѣшившагося посягнуть на свою жизнь, даръ Божій. Онъ не въ силахъ перенести унижительное рабство, ожидающее его у степныхъ варваровъ. Какъ бы порвались тонкія нравственныя связи его съ жизнью. Даже воспоминаніе о Марусѣ теперь вызвало

только душевное раздраженіе, успокаивавшееся рѣшимостью покончить съ собою при первой къ тому возможности. Въ первый день, на привалѣ, онъ даже отказался отъ предложенной ему пищи,—душа не принимала ни сухихъ чурекъ, размоченныхъ въ водѣ, ни поджаренной говядины. Утоливъ ключевую водою нестерпимую жажду, уже развязанный, онъ упалъ головою на сѣдельную подушку и заснулъ, какъ убитый. Усталость душевная и тѣлесная взяла свое. Проснулся онъ за полночь, продрогнувъ отъ ночной свѣжести, рѣзко смѣнившей дневной зной. Нетронутая пожаромъ степь утопала въ ночной темнотѣ. Съ темнѣвшагося небосклона, усыпаннаго безчисленными мириадами звѣздъ, лился отъ нихъ слабый свѣтъ. Тихій воздухъ оглашался мелодическимъ хоромъ степныхъ кузнечиковъ. Въ ногахъ плѣннаго офицера догоралъ костеръ сухого бурьяна, вокругъ котораго раскинулись спавшіе нагайцы. При вспышкахъ костра, раздуваемаго иногда набѣгающимъ вѣтеркомъ, сбатованные и пасущіеся кони, на минуту своими мастьями выдѣлялись изъ темноты. Конское здоровое фырканье напоминало Телепневу, что онъ плѣнникъ, что завтра опять помчатъ его безъ отдыха дальше... Сиповатый, невѣрный, грубый голосъ вблизи напѣвалъ малороссійскую пѣсенку.

У Кіева на рынку
Пьютъ чумаки горилку.
Ой, пьютъ вони, гуляють,
На шинкарку гукають!

Оглянувшись, Телепневъ увидѣлъ возлѣ себя дида Охрима. Гайдамакъ полулежалъ въ своемъ обычномъ, хмельномъ видѣ. Бакалга съ горилкою, неизмѣнная и любимая его спутница, стояла подъ рукою, не забывавшею подносить ее къ всегда жаждавшимъ устамъ. Встрѣтивъ своимъ хмельнымъ взглядомъ взглядъ плѣннаго офицера, старый характерникъ взмотнулъ бритой головой такъ, что казацкая шапка сползла на макушу, и мрачно потупился, злорадно ухмыляясь.

— Оце, мабуть, москалей со степу выкурили? — пробормоталъ онъ, явно намекая на степной пожаръ, и запѣлъ:

Товарищи, гайдамаки, чинить мою волю;
Ще намъ треба оплатити країнську недолю!

Затѣмъ, обращаясь къ плѣннику, сказалъ:

— Москали не добри люди: зруйновали запорожьску неподлеглость! На вѣйшо сдался ты въ нашемъ степу, блазень московскій? Отъ же тоби лыха година стряслась. Геть до юрта ханьскаго! Туркениамъ старухамъ порабствуешь, папъ солдатскій! Годи тоби пановать, нагайки плетеной покуштуешь!

Еще недавно столь самолюбивый, такъ щекотливо относившійся къ охраненію своей воинской чести, молодой капитанъ теперь со спокойнымъ равнодушіемъ выслушалъ грубыя, обидныя выходки и угрозы пьянаго гайдамака, словно бы они не къ нему относились. Слишкомъ глубоко было его отчаянье, слишкомъ низко и презрѣнъ въ его глазахъ казался этотъ степной разбойникъ, чтобы на него можно было обижаться.

Прополоскавъ глотку горилкой изъ баклаги, дидъ Охримъ мрачно уставился одурѣвшими глазами въ свои неуклюжіе чоботы, шевельнулъ, какъ котъ, длиннымъ бѣлымъ усомъ, выразительно крикнулъ и, какъ бы бесѣдуя самъ съ собою, заговорилъ:

— Магометы горилки не вживаютъ, а запорожець вживае; магометы соби сплять, а запорожець и въ усь не дуетъ; магометы москаля сцапали, а запорожець коли што москаля уведе... бо запорожска душа христіанская, и москаль не собака вже...

Телепневъ въ этихъ словахъ пьянаго гайдамака понялъ его затаенную мысль, что, если бы пришлось ему, конечно, за приличное вознагражденіе, онъ помогъ бы москалю освободиться. Самъ не зная зачѣмъ, Телепневъ замѣтилъ вслухъ, что готовъ заплатить за свою свободу много серебряныхъ рублей, да и золотыхъ не пожалѣлъ бы.

Старый гайдамакъ вскинулъ на плѣнника свой свирѣпый взглядъ и съ подозрительнымъ вниманіемъ остановилъ его на немъ. Корыстное побужденіе, очевидно, ослабляло въ немъ, въ эту минуту, чувство ненависти его къ москалямъ вообще. Обѣщаніе серебряныхъ рублевиковъ и даже червоонецъ соблазняло его, какъ возможность окончить свою старость, лежа въ холодкѣ лѣтомъ, въ теплѣ зимою, конечно, безпросыпно-пьянымъ. Его запорожская фантазія видѣла уже себя въ новомъ суконномъ красномъ жупанѣ съ широкими откидными рукавами, обнаруживающими желтыя рукава рубашки, въ кубовыхъ, широкихъ, какъ юбка, штанахъ, въ желтыхъ чоботахъ на серебряныхъ подковкахъ, съ смушковой на затылкѣ. Подъ звуки „музыки“ онъ лихо отплясываетъ гопака, съ бутылкой въ одной рукѣ, со стаканомъ въ другой. Шинярю жидку онъ бросаетъ на стойку серебро и велитъ ему гостить на свой счетъ кабацкихъ завсегдатаевъ. А тѣ, восхищаясь его казацкою удалю, угощенные имъ, кричатъ ему похвалки: молъ, ай-да дидусь Охримъ! Всѣмъ характерникамъ характерникъ!

Но колебаніе пьянаго разбойника разрѣшилось не такъ,

какъ хотѣлось Телепневу. Ненависть къ утѣснителямъ казацкой свободы, месть своимъ врагамъ, которыми онъ считалъ всякаго москаля, въ особенности же офицера, взяла верхъ даже надъ его разбойничьею корыстью. Грозно нахмуривъ бѣлыя брови, шевельнувъ бѣлымъ усомъ, онъ прорычалъ:

— Подавись ты своимъ золотомъ, московскій блазень! Мнѣ хватить и ханьскаго злата! Геть до Перекопа, татарвѣ работать! Геть!..

Онъ обѣими руками ударилъ по своимъ ляжкамъ и мотнулъ головою.

Изъ послѣднихъ словъ его Телепневъ понялъ, что измѣнникъ оплаченъ татарами, что рассчитывать на его содѣйствіе къ освобожденію — безсмысленно. Мракъ застлалъ взоръ несчастнаго, охватилъ его страдающую душу. Опять безнадежность и холодъ жизни, потерявшей свою цѣну, бросили его въ состояніе безчувствія, состояніе ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни. Свѣтало. Опять скачка до ночи. И такъ очутился, наконецъ, Телепневъ въ саклѣ своего хозяина и собственника. Но измученнаго продолжительной скачкой плѣнника сняли съ сѣдла въ безчувствіи и бросили на ворохъ кукурузной сухой листвы, въ темной землянкѣ, слабо освѣщавшейся маленькими окошками съ пузыремъ вмѣсто стекла.

Долго ли, коротко ли спалъ, или въ безчувствіи лежалъ молодой офицеръ, онъ не могъ дать въ томъ себѣ отчета. Дни и ночи сплелись для него въ непрерывающееся мрачное томленіе духа и тѣла, разбитыхъ, ослабѣвшихъ, страдающихъ. Кромѣ страданія ничего онъ не чувствовалъ и не сознавалъ. Прошлое какъ бы не было, также какъ не было для него и будущаго. Нравственное его существо словно умерло, страдалъ физическій человѣкъ. Временами, приходя въ себя, онъ видѣлъ передъ собою добрую женщину, заботливо и даже со слезами сочувствія въ него вглядывающуюся; она даетъ ему ѣсть и пить, хотя онъ ее о томъ не проситъ и даже, кажется ему, не нуждается ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ ея за собою заботахъ. Но ея забота о немъ не ослаблялась и, благодаря ей, онъ вылежался, оправился настолько, что могъ сѣсть на своей кукурузной постелѣ. Ничего онъ не помнилъ, что былъ съ нимъ во время болѣзни, кромѣ доброй женщины, образъ которой напоминалъ ему что-то хорошее, теплое въ его жизни.

И вотъ она опять передъ нимъ съ чашей свѣжаго кумыса, съ мамалыжными лавашами и бараньимъ шашлыкомъ на блюдахъ. Пріятное круглое бѣлое лицо съ свѣтлорусыми волосами подъ синимъ шелковымъ очипкомъ, съ добрыми сѣрыми гла

зами, полная грудь, колыхающаяся подъ бѣлой льняной сорочкой съ широкими рукавами, алый сарафанъ, облегающій роскошно развитыя женскія формы, убѣждали плѣнника, что онъ видитъ русскую женщину, вѣроятно, раздѣляющую его собственную горькую участь. Она была не первой молодости, хотя ея сорокалѣтній возрастъ сохранилъ, если не прелесть и свѣжесть юности, то статность женщины во всей своей порѣ. Удивленіе его, встрѣченное ея улыбкой, увеличилось, когда она, поставивъ передъ нимъ на совсѣмъ низенькій круглый столикъ пищу и питье и участливо на него глядя, заговорила по-русски:

— Опаматовался, землякъ! Слава Богу! Не чаяла я тебя отходить-то: почитай вся недѣля прошла, другой половина — пластомъ лежалъ, болѣзанный. Что, бывало, волю тебѣ кумыса, въ ротъ, — тѣмъ только и жилъ; глазами глядишь, а слова единого не обронилъ... Трудень лежалъ ты, миленькій...

— Спасибо тебѣ, хорошая женщина, землячка, за заботу обо мнѣ, — сказалъ Телепневъ. — Но лучше бы ты сдѣлала для меня, предоставивъ смерти того, кто не хочетъ дольше жить!

Пріятное лицо женщины, съ благороднымъ выраженіемъ, казалось огорченнымъ безнадежностью молодого офицера; ея глаза наполнились слезами, такъ какъ его положеніе напомнило ей ея собственное, не менѣе ужасное.

— Жизнь человѣку далъ Богъ, и Богъ возьметъ ее по Своему изволенію, молодой человѣкъ! — сказала она внушительно. — Богъ выдалъ насъ врагамъ нашимъ, на униженіе наше, на наши муки, — это крестъ распятаго за насъ Христа, и мы должны безропотно его нести. Будемъ молиться, по молитвѣ нашей насъ не оставитъ Богъ Своею милостью и помощью. Испытаніе ниспосылается человѣку на его благо...

— Ты хорошая христіанка, ты можешь молиться, надѣяться, — сказалъ онъ, печально опустивъ голову, — я же не могу молиться, я потерялъ вѣру въ Бога, я не хочу жить!

— Не грѣши, землякъ, не отягчай свою душу, которой, понимаю, тяжело, — заговорила она голосомъ сердца, не разсудка. — Не думаешь ли, что твое положеніе тяжелѣе моего? Слушай: я любящая и любимая жена хорошаго и даже знатнаго человѣка, мужъ мой валуйскій воевода; я мать, любящая и счастливая, милыхъ моихъ дѣточекъ; изъ нихъ старшая дочка-невѣста, младшаго я только что отъ своей груди отняла. И вотъ татары набѣжали! Младенца моего, на моихъ материнскихъ глазахъ, злодѣй схватилъ за ножки и головку ему разбилъ объ его же кровать; дочку-красотку, невѣсту, на моихъ

же глазахъ, подхватилъ на сѣдло бѣлобородый старецъ мулла, повезъ въ свой беззаконный гаремъ; что случилось съ моимъ мужемъ и другими дѣтьми, не знаю, потому что самое меня посадилъ на сѣдло сынъ здѣшняго хозяина, двадцатилѣтній юноша, въ сыновья мнѣ годный,—сказать-то стыдно,—принудившій меня, наконецъ, раздѣлять его супружеское ложе! Скажи, возможно ли положеніе женщины, супруги и матери болѣе ужасное, чѣмъ мое, тѣмъ болѣе, что я чувствую подъ сердцемъ плодъ незаконной и отвратительной для меня, честной жены, плотской связи съ поганымъ татаринѣмъ! Сопротивляясь ему, я рѣшалась лишить себя жизни; но памятуя о загробной жизни, предала себя крестному страданію въ земной! Ты вѣдь мужчина, одинокъ, быть можетъ; родня тебя выкупить, если самъ не успѣешь убѣжать безъ выкупа, что тоже возможно... Я же, несчастная, опозоренная женщина, несчастная жена и мать! Какъ взгляну въ глаза мужу, если онъ живъ, если я и возвращусь когда-нибудь къ нему? Что съ моею дочкою-красоткой они сдѣлали? Живы ли прочія дѣтки? О, Господи! пошли скорую смерть!

Бѣдная страдалица, для которой не находилось уже утѣшенія, горько зарыдала, закрывъ лицо бѣлыми руками, и упала на широкій низкій диванъ. Телецнева потрясла и ея разсказъ, и ея, понятное ему, отчаянье. Общее несчастье сближало ихъ. Ея глубокая вѣра поколебала его безвѣріе...

В. Марковъ.

(Продолженіе будетъ).

Памяти О. Н. Скобелевой.

6-го текущаго іюля, исполнилось двадцать четыре года со дня мученической смерти Ольги Николаевны Скобелевой, матери незабвеннаго народнаго героя, русскаго, Михаила Димитріевича Скобелева.

Много утекло воды за это долгое время; многое измѣнилось на свѣтъ; но уваженіе къ этой высоко-христіанской женщинѣ и восхищеніе предъ ней, ея доброе сердце, ея искреннее желаніе быть утѣшеніемъ несчастныхъ и милосердной помощницей нуждающимся и обездоленнымъ не забудутся никогда, особенно тамъ, за Балканами, гдѣ не мало сиротскихъ слезъ обратилось въ улыбки, благодаря ея материнскимъ ласкамъ и попеченіямъ.

Хотя я и знавалъ когда-то, давно, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, семейство Скобелевыхъ, но слишкомъ тридцать лѣтъ мнѣ не приходилось встрѣчать Ольгу Николаевну, и судьба столкнула насъ въ 1880 году въ концѣ іюня, въ Восточной Румелии, гдѣ я былъ командиромъ 9-й Харманлійской дружины.

Какъ разъ въ это время шли изслѣдованія о причинахъ возстанія мусульманъ Кирджалійскаго округа, прирѣзаннаго къ Восточной Румелии, и мнѣ было поручено начальство надъ отрядомъ, посланнымъ для его усмиренія. Это было собственно причиной возобновленія нашего знакомства, ибо Ольга Николаевна очень интересовалась всѣми операціями этого усмиренія. Почти каждый день я имѣлъ честь видѣться и бесѣдовать съ нею.

Въ эту пору своей жизни, покойная Ольга Николаевна находилась на верху счастья, доступнаго матери на землѣ: чисто русскій молодецъ сынъ ея былъ любимъ Государемъ, обожаемъ всѣмъ народомъ русскимъ, прославленъ, какъ изъ ряду выходящій герой и полководецъ, во всѣхъ странахъ земли; въ

тридцать шесть лѣтъ онъ уже былъ генераль-адъютантъ и командиръ корпуса и голосъ его имѣлъ авторитетное значеніе среди міровыхъ военныхъ знаменитостей.

Двѣ прелестныя дочери связывали О. Н. Скобелеву родственными узами не только съ одной изъ самыхъ именитыхъ княжескихъ фамилій древней Руси, но и съ владѣтельной герцогской семьей, черезъ которую она приобрѣла высочайшую честь считаться въ свойствѣ съ Императорскою Фамиліей. Наконецъ, она пользовалась личною дружбою Царя-Освободителя.

Какъ извѣстно, покойная Ольга Николаевна Скобелева, по окончаніи войны 1877—1878 г.г., рѣшила посвятить остатокъ своей жизни на пользу страны, свидѣтельницы подвиговъ и славы своего героя-сына, и, именно, той ея части, которая особенно нуждалась въ поддержкѣ и утѣшеніи, — Восточной Румелии, т. е. южной части Болгаріи, отколотой отъ княжества Болгарскаго Берлинскимъ конгрессомъ, подъ видомъ автономной области Турціи.

Для этой цѣли она не разъ посѣщала область и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Пловдивъ (Филиппополь), въ іюнѣ 1880 года, стала предпринимать поѣздки по городамъ и деревнямъ области, знакомилась съ населеніемъ, дарила его задушевною ласкою, приступила къ учрежденію школъ, больницъ и т. д.; въ концѣ концовъ она возымѣла намѣреніе купить себѣ, для постоянного жительства, значительный участокъ земли съ чифликомъ, т. е. хуторомъ и построить на немъ усадьбу. Если не ошибается моя память, то она мечтала объ основаніи и монастыря.

Во всѣхъ ея поѣздкахъ по области, ее сопровождали: лейбъ-гвардіи Московскаго полка унтеръ-офицеръ Ивановъ, прикомандированный въ ея распоряженіе и капитанъ Алексѣй Алексѣвичъ Узатисъ, командовавшій саперами восточно-румельійской милиціи, — которому суждено было сдѣлаться убійцей этой свѣтлой личности, этой добрѣйшей, достойной и всѣми уважаемой женщины.

Я былъ въ то время въ Пловдивѣ и вся эта потрясающая драма чудовищнаго убійства Ольги Николаевны произошла, можно сказать, у меня на глазахъ.

Въ послѣднее время жизни г-жи Скобелевой я часто имѣлъ честь бывать у нея.

Узатиса же я знавалъ еще ребенкомъ, а затѣмъ, во время оккупациі, мы встрѣтились въ 16-й дивизиі и оба остались въ южно-болгарскихъ войскахъ.

Въ то время, по дѣламъ моей службы, я находился въ

Пловдивѣ и имѣлъ возможность прослѣдить всѣ допросы, показанія и подробности этого дикаго преступленія, произведшаго въ свое время ошеломляющее впечатлѣніе, не только въ Южной Болгаріи, но положительно повсюду.

Теперь минуло ровно двадцать четыре года со дня этого грустнаго происшествія. Многія, причастныя къ нему лица сошли со сцены, другія переселились въ міръ иной. Полагаю, что настало время бросить настоящій свѣтъ на это горестное событіе, или, правильнѣе, на причины, его произведшія, тѣмъ болѣе, что всѣ свѣдѣнія, печатавшіяся въ газетахъ того времени, полны искаженій и недоразумѣній.

Алексѣй Алексѣевичъ Узатисъ происходилъ изъ богатаго семейства, проживавшаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Родители его имѣли собственный роскошный домъ въ городѣ, обширныя заводы въ губерніи и свои пароходы на Волгѣ. Онъ получилъ прекрасное домашнее образованіе, свободно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и, кажется, англійскимъ языками, а впослѣдствіи—турецкимъ, черногорскимъ и болгарскимъ. Ученье свое онъ продолжалъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, гдѣ уже обнаружилъ свою предпримчивость. Онъ шелъ прекрасно по всѣмъ наукамъ, но кончить курса ему не пришлось; онъ былъ исключенъ и, какъ гласитъ преданіе, вотъ по какой причинѣ: ему и двумъ такимъ же сумасброднымъ головамъ пришло на мысль непременно попасть въ ту комнату Инженернаго замка, гдѣ скончался императоръ Павелъ I.

Для этой цѣли, пользуясь какими-то планами и чертежами, они начали продѣлывать отъ одного изъ подземелій замка тайный ходъ, вываливая мусоръ въ каналъ, бывшій подъ замкомъ; послѣ долгихъ и усиленныхъ работъ, ходъ, ими проведенный, уперся въ какую-то каменную стѣнку. Слегка стукнувъ въ нее, они обнаружили за нею гулкую пустоту. По соображеніямъ Узатиса, тамъ-то и должна была находиться завѣтная комната.

Прислушавшись внимательно и не улавливая ни единого звука съ той стороны, Узатисъ смѣло сталъ выламывать кирпичи. Послѣ непродолжительныхъ усилій, вся стѣнка вдругъ подалась впередъ и посыпалась съ шумомъ внутрь, и Узатисъ, не ожидавшій такого сюрприза, упалъ впередъ, на рухнувшіе кирпичи, и очутился предъ отверстіемъ большого камина.

Въ это время противоположная дверь открылась и раздалась испуганная женскія восклицанія.

Сцена выходила комичной, но дѣло въ томъ, что комната, въ которую ввалился Узатись, составляла часть квартиры начальника училища, а вошедшія дамы оказались его родственницами.

Этотъ подвигъ, по его словамъ, и послужилъ причиною къ его исключенію изъ училища.

Добровольческое движеніе выдвинуло Алексѣя Узатиса на сцену политической жизни на Балканскомъ полуостровѣ. Въ то время, когда, въ 1876 году, русскіе добровольцы массами стремились въ Сербію, подъ знамена также русскаго героя, — М. Г. Черняева, Узатись направился въ Черногорію, гдѣ не было никого изъ добровольцевъ.

Здѣсь онъ вскорѣ своею храбростью, смѣтливостью и неутомимостью овладѣлъ симпатіями своихъ собратій по оружію, исполняя обязанности рядового, — а эти симпатіи, какъ извѣстно, достаются не легко. Не только князь Николай, но даже ближайшіе начальники долго не подозрѣвали о присутствіи русскаго въ ихъ четахъ, чему много, конечно, способствовала и наружность Узатиса, сильно напоминавшая южный типъ.

Необычайное хладнокровіе и храбрость его удивляли даже черногорцевъ, а знаменитый бой въ Дужскомъ ущельѣ, гдѣ пять тысячъ черногорцевъ уничтожили совершенно 20-тысячный корпусъ Османа-паши, и въ которомъ онъ былъ однимъ изъ недюжинныхъ участниковъ, приобрѣлъ ему милостивое расположеніе князя Николая и Черногорскій крестъ.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Узатись появился въ 16-й дивизіи Скобелева охотникомъ. Подъ Плевной онъ обратилъ на себя особое вниманіе Михаила Димитріевича, особенно ночью рекогносцировкой селенія Пелишати, за которую, кажется, получилъ чинъ подпоручика, а затѣмъ золотую саблю. Переходъ черезъ Балканы онъ совершилъ уже въ чинѣ поручика 63 Углицкаго полка, успѣвъ получить Владиміра 4-й степени, съ мечами и бантомъ, а послѣ Шейновскаго сраженія, гдѣ онъ, изъ первыхъ, вскочилъ на турецкій редутъ, грудь его украсилась и Георгіевскимъ крестомъ.

Такія три славныя награды, полученныя въ теченіе всего 5—6 мѣсяцевъ, не могли не обратить на него вниманія Скобелева, умѣвшаго цѣнить храбрость и предприимчивость. Онъ приблизилъ къ себѣ Узатиса и обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ, оказывая ему серьезное довѣріе, которое тотъ оправдывалъ всегда самымъ блестящимъ образомъ.

Я встрѣтился съ Узатисомъ въ 1879 г., во время оккупациіи

возможной Болгаріи, въ г. Харманли, гдѣ стоялъ нашъ суздальскій 62-й полкъ, въ которомъ тогда я имѣлъ честь служить. Мнѣ случайно пришлось дать ему пріютъ въ темную и дождливую ночь, когда онъ возвращался одинъ, верхомъ, изъ полевого казначейства, въ штабъ своего полка, квартировавшій въ нѣсколькихъ верстахъ, въ большомъ болгарскомъ селеніи Курашли,—и тутъ-то и оказалось, что это тотъ самый Алеша Узатисъ, котораго я зналъ въ Нижнемъ, еще въ бархатной курточкѣ.

Въ данную минуту это былъ молодой, красивый, лѣтъ 24-хъ, брюнетъ, съ восточными чертами лица, и отличался вѣрностью взглядовъ и замѣчательною сдержанностью, граничившею съ молчаливостью. Но въ выразительныхъ, темно-сѣрыхъ глазахъ его, нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ что-то какъ будто ненормальное.

По окончаніи оккупациі и уходѣ послѣднихъ нашихъ войскъ изъ Турціи, я встрѣтилъ Узатиса въ Пловдивѣ и при формированіи войскъ восточной Румелии, онъ былъ назначенъ, въ чинѣ капитана, командиромъ сапернаго батальона милиціи.

Какъ всѣмъ извѣстно, Берлинскій конгрессъ раскололъ Болгарію на двѣ половины, изъ которыхъ южная осталась автономной областью Турціи.

Въ концѣ іюля 1879 г., послѣдніе отряды оккупационныхъ русскихъ войскъ покинули восточную Румелию, предоставивъ эту область собственнымъ своимъ силамъ.

Какъ въ воду опущенные, остались жители области послѣ отъѣзда русскихъ; недоумѣніе было общее: русскихъ нѣтъ, а область стала какой-то „автономной“ провинціей Турціи, когда тамъ, за Балканами, тѣ же, свои братья-болгары—свободны и имѣютъ свое княжество. Что же дѣлать и что предпринять?

Народъ не могъ освоиться съ словомъ „автономія“ и очутился въ положеніи ребенка, котораго только начали учить ходить на полотенцѣ, и вдругъ, неожиданно выдернули это полотенце у него изъ-подъ мышекъ, да еще на перекресткѣ невѣдомыхъ дорогъ. Какъ же и куда ступить? И вдобавокъ, съ окрестность еще застилалась туманомъ, напущеннымъ ерлинскимъ конгрессомъ!

Болгары сознавали одно,—что, съ уходомъ русскихъ, имъ приходится надѣяться только на себя, а потому совершенно юнато то движеніе, которое началось въ странѣ.

Народъ зашевелился. Всякій южный болгаринъ сознавалъ необходимость и неотложность полной энергіи, чтобы не до-

пустить новаго вторженія турецкой силы въ самое сердце всей Болгаріи, такъ какъ извѣстно, что Берлинскимъ конгрессомъ было оставлено за Турціей право занятія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Балканскихъ проходахъ гарнизонами.

Немедленно образовались во всѣхъ городахъ и городкахъ области, комитеты, въ зависимости отъ главнаго, находившагося въ г. Сливно, а затѣмъ въ Пловдивѣ. Главная задача ихъ была развить и усилить „сельскія дружества“, т. е. дружины вооруженныхъ поселянъ. Эти „дружества“ представляли надежнѣйшій матеріаль для серьезнаго отпора турецкому вторженію, — благодаря тому, что уже русскими инструкторами ихъ военная подготовка была доведена до высокой степени.

Всѣ дружинные командиры и большинство офицеровъ южно-болгарской милиціи состояли членами этихъ комитетовъ и ретивѣе всѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ Узатисъ, поставившій себѣ задачу, во что бы то ни стало, поднять Македонію и стать душою осуществленія на дѣлѣ, — „единой санъ-стефанской Болгаріи“, отъ Дуная и Чернаго моря до Эгейскаго.

Понятно, что при пріѣздѣ Ольги Николаевны Скобелевой въ Пловдивъ, Алексѣй Узатисъ, любимецъ ея сына, сталъ тотчасъ же роднымъ, своимъ человѣкомъ въ ея миниатюрной и скромной гостиной, — и его же она просила провожать ее въ поѣздкахъ по области.

Надо сказать, что Узатисъ, для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана освобожденія Македоніи, отыскалъ себѣ очень уютное и удобное мѣстечко, верстахъ въ восьми отъ Пловдива, на рѣчкѣ Дермень-дере, у самаго подножія горъ Родопскихъ, изъ которыхъ она вырывалась узкимъ и дикимъ ущельемъ. Главное удобство составляло совершенно скрытое отъ непрошенныхъ глазъ сообщеніе съ главными вожаками македонцевъ, въ большинствѣ также болгаръ, рѣшившихъ, во что бы то ни было, присоединиться къ сѣверной или южной Болгаріи, отъ которыхъ конгрессъ совсѣмъ отрѣзалъ ихъ, оставивъ въ полной власти Турціи.

Для замазки глазъ европейской дипломатіи и оправданія своихъ частыхъ поѣздокъ на Дермень-дере, Узатисъ рѣшилъ начать якобы постройку мельницы на рѣчкѣ, съ турбинами и разными новѣйшими приспособленіями.

Два жилыхъ дома были уже почти готовы и мельница начата постройкой.

Болгары, лукаво улыбаясь, пошептывали, что на этой мельницѣ авось и перемелется постановленіе берлинскаго конгресса;

нѣкоторые шли далѣе и прямо высказывали убѣжденіе, что она перемелеть и Турцію.

Тайныя свиданія съ македонскими вожаками уже происходили не разъ. Послѣдніе, равно какъ и всѣ южныя болгары, были вполнѣ преданы и душой и тѣломъ Узатису, какъ любимцу обожаемаго ими Скобелева и, отчасти, благодаря его личнымъ качествамъ.

О насъ, русскихъ, и говорить нечего; мы глядѣли на Узатиса, какъ на красу молодыхъ храбрецовъ русскихъ, и уважали въ немъ и его умъ, и его глубокую честность. Даже самъ генеральный консулъ нашъ въ Пловдивѣ, князь Церетелевъ, прямо говорилъ, что, еслибъ были у него на храненіи пять милліоновъ даже, то онъ, въ случаѣ экстренной поѣздки куда-либо, просилъ бы Узатиса переселиться къ нему и быть хранителемъ сокровища. Значить, велико было къ нему довѣріе всѣхъ и cadaго.

Все македонское дѣло стояло за деньгами, которыхъ нужно было для начала не одну сотню тысячъ.

Оправдываясь неимѣніемъ времени, Узатисъ все же проводилъ Ольгу Николаевну во многихъ ея поѣздкахъ, какъ, напримеръ, въ Карлово, Нову-Загору (Лени-Загра), Казанлыкъ, Сливно.

Хотя въ эти поѣздки покупка чифлика и не была еще рѣшена, но О. Н. не измѣняла своего намѣренія и предложила Узатису заняться ея будущимъ имѣніемъ на крайне выгодныхъ для него условіяхъ.

Между тѣмъ деньги дѣлались все болѣе и болѣе необходимы; за границей уже было присмотрѣно и оружіе, и прочія принадлежности для поднятія возстанія въ Македоніи. Узатисъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ Ольгѣ Николаевнѣ, зная, что она имѣетъ съ собой полумилліонный капиталъ.

Въ это время она собралась ѣхать въ г. Чарпанъ. Выслушавъ его просьбу и ея мотивы, О. Н., шутя, посоветовала ему бросить мельницу и ѣхать съ ней; поѣздка предполагалась на однѣ или двое сутокъ, не болѣе.

При извѣстномъ ея расположеніи къ Узатису, она, конечно, исполнила бы его просьбу по возвращеніи, но Узатисъ, вѣроятно, принялъ ея шутку за отказъ.

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ въ Чарпанъ онъ сталъ обенно сосредоточенъ и задумчивъ, и нерѣдко или вовсе слышалъ, что ему говорили, или отвѣчалъ невпопадъ. Когдѣ замѣчали, что онъ часто теръ лобъ рукою, какъ бы лая усиліе согнать съ него что-то, и взглядъ его дѣлался къ бы ненормаленъ.

Въ самый день отъѣзда Ольги Николаевны въ Чарпань я былъ приглашенъ ею на завтракъ, вмѣстѣ съ Узатисомъ. Я заѣхалъ за нимъ въ моемъ фаэтонѣ въ 11 часовъ утра и засталъ у него трехъ черногорцевъ, проживавшихъ у него на мельницѣ: ихъ присутствіе было слишкомъ обыкновенно, чтобъ обратить вниманіе. Прождавъ минутъ пять, пока Узатисъ надѣлъ китель и пашку и вышелъ чѣмъ-то распорядиться, мы поѣхали. Узатисъ молчалъ всю дорогу. Только разъ онъ сказалъ фразу, при встрѣчѣ съ молодымъ богачомъ-грекомъ Аргирьяди, который ѣхалъ верхомъ: „Вотъ гдѣ деньги для македонскаго дѣла! Задушилъ бы собственными руками! Встрѣться только въ сторонѣ“. И при этомъ взглядъ его загорѣлся на секунду недобрымъ блескомъ.

Ольга Николаевна приняла насъ, по обыкновенію, полулежа на кушеткѣ, обложенная дѣлыми ворохами газетъ. Встрѣча ея была, какъ всегда, привѣтлива и ласкова. Мы застали у нея артиллериста капитана Петрова и начальницу пловдивскаго госпиталя М. Смольникову. При насъ пріѣхали дружинные командиры, капитаны Лобановскій и Казачковъ.

Въ разговорѣ за завтракомъ, во время котораго Узатисъ не только не прикоснулся ни къ чему, но и сидѣлъ у окна, въ сторонѣ отъ стола, мы спросили Ольгу Николаевну, когда она думаетъ тронуться въ путь, на что она отвѣтила, что сегодня, вечеромъ, часовъ въ 7. Затѣмъ она взглянула на Узатиса и съ чисто материнскимъ участіемъ спросила:

Да что съ тобой, Алеша? Сидитъ, какъ въ воду опущенный, и хотъ бы проглотилъ чего кусочекъ!

Узатисъ сослался на сильную головную боль и хотѣлъ откланяться, но Ольга Николаевна просила его помочь улечься. Онъ остался, а мы простились, обѣщавъ быть у ея подъѣзда цѣлой кавалькадой въ назначенное время. Какъ потомъ я слышалъ отъ г-жи Смольниковой, Ольга Николаевна уложила сперва съ собой всѣ свои сотни тысячъ и Узатисъ клалъ ихъ собственными руками. Кончивъ укладку, онъ тотчасъ протиснулся и уѣхалъ.

Въ 5 часовъ, я и Лобановскій зашли въ городской садъ Лобанова-Ростовскаго, чтобъ пообѣдать на террасѣ сноснаго ресторана, выходившей изъ зелени на площадь. Вдругъ позадалась коляска и въ ней Ольга Николаевна со Смольниковою.

Мы встали и раскланялись.

Увидя насъ, Ольга Николаевна махнула намъ рукой когда мы подошли къ экипажу, объявила, что она думаетъ ѣхать завтра и увѣдомить о часѣ отъѣзда. Затѣмъ коляска

тронулась и исчезла въ какой-то улицѣ, а мы отправились доканчивать обѣдъ. Вскорѣ подошли къ намъ Петровъ, Казачковъ и начальникъ жандармеріи поручикъ Петровскій, и мы объявили имъ, что поѣздка сегодня не состоится, и порѣшили ѣхать въ долину Марицы, за гору Садъ-Тепе, на рыбную ловлю.

Ужъ былъ глубокой вечеръ, когда мы вернулись, и я отправился къ Петровскому, у котораго я всегда останавливался и вскорѣ мы улеглись спать; но недолго пришлось намъ понѣжиться на прохладной верандѣ.

Вотъ что случилось: все нижеизложенное рассказано было мнѣ и другимъ на слѣдующій день г-жей Смольниковой, а затѣмъ унтеръ-офицеромъ Ивановымъ.

Поздно вечеромъ, часовъ сколо 11, по шоссе, ведущему въ Чарпанъ, выѣхали изъ Пловдива двѣ коляски; въ первой помѣщалась Ольга Николаевна со Смольниковой и Ивановымъ на козлахъ, а во второй—Петровъ и горничная О. Н., Катя, дѣвушка лѣтъ около тридцати и далеко не такъ красивая, чтобъ Узатисъ могъ увлечься, да еще до ревности, какъ писали тогда нѣкоторыя газеты; чемоданъ былъ уложенъ въ коляскѣ.

Какъ рассказывала Смольникова, Ольга Николаевна дѣйствительно отложила было поѣздку, по случаю легкой мигрени; но къ 7 часамъ ей стало много лучше и она рѣшилась не пропустить, для удобства своего путешествія, такой чудной, прохладной ночи. Одно она измѣнила: по совѣту Смольниковой, она вынула изъ чемодана деньги, и оставивъ сорокъ шесть тысячъ рублей золотомъ, отвезла остальное на сохраненіе въ консульство. Петровъ и Смольникова провожали ее до лагерей; а намъ не дали знать за позднимъ временемъ, да мы въ это время были еще на Марицѣ.

А ночь была, дѣйствительно, чудная, лѣтняя, южная ночь, съ ея неуловимыми благоуханіями и нѣгою покоя! Полная луна мягко лила свой золотистый свѣтъ на заснувшія окрестности.

Коляски, ровной рысью, катились по гладкому шоссе. Вотъ, направо, обрисовывались залитыя лунными лучами казармы войскъ; направо, во мгlistой дали, едва бѣлѣли палатки лагерей, раскинутыхъ вдоль р. Марицы.

Оба фэтона остановились. Ольга Николаевна простилась съ провожавшими; Катя пересѣла въ коляску къ барынѣ своей: коляска двинулась прямо, а Петровъ и Смольникова помчались назадъ.

Что могло бы случиться, еслибъ провожатые проѣхали впередъ еще шаговъ на тысячу? Устранилось ли бы чудовищное убійство, или прибавились бы еще три жертвы? Послѣднее вѣроятнѣе, ибо убійцы, спрятавшіеся въ кустахъ и подъ мостикомъ шоссе, услыхавъ стукъ двухъ экипажей, рѣшили не щадить никого. (Показаніе черногорца Андрея).

Далѣе со словъ Иванова.

Тихо катилась впередъ коляска. Ольга Николаевна задремала, подъ легкую качку экипажа; Ивановъ тоже дремалъ, сидя на лѣвой сторонѣ козелъ.

Вотъ, колеса прогремѣли по мостику. Было совершенно тихо. Вдругъ не спавшая горничная, замѣтила появившуюся впереди экипажа, изъ-за откоса шоссе, человѣческую фигуру, идущую навстрѣчу. Она стала вглядываться: лунный свѣтъ, освѣщая идущаго съ боку, блеснулъ на серебряномъ, осмиконечномъ крестѣ болгарской шапки и на погонахъ и пуговицахъ черной болгарки (мундиръ): она узнала идущаго.

— Ивановъ! Смотрите: Капитанъ Узатисъ идетъ къ намъ, вѣрно провожать! — крикнула она, но Ивановъ и самъ уже вглядывался въ фигуру.

И затѣмъ, повернувшись къ Ольгѣ Николаевнѣ, продолжала:

— Барыня! Алексѣй Алексѣевичъ идетъ къ намъ!

Ивановъ поднялъ голову; арабаджи (кучеръ) придержалъ лошадей.

Никто не замѣтилъ, что саади фаэтона подкрались еще двѣ человѣческія фигуры.

Не проронивъ ни слова, Узатисъ подошелъ къ экипажу, поднялся на подножку и вдругъ выхватилъ ятаганъ: ударъ былъ направленъ въ голову Иванову и былъ бы смертеленъ; но, въ этотъ моментъ, подскочившіе два черногорца уже успѣли схватить Иванова за руку и ноги и дернули съ козелъ: ударъ попалъ по рукѣ, у плеча, и страшно отворотилъ мясо почти до самаго локтя. Ивановъ свалился на шоссе. Катя успѣла вскрикнуть: „Капитанъ Узатисъ! Что вы сдѣлали?“

Но, понявъ внезапно истину, едва произнесла: „Не убивайте генеральшу! Возьмите все!“—какъ смертельная сталь заставила замолчать ее на вѣки.

Покончивъ съ горничною, Узатисъ обратился къ Ольгѣ Николаевнѣ:

— А! ты мнѣ не хотѣла дать, что я просилъ, такъ я теперь и самъ возьму все!..

Съ этими словами онъ приподнял, вѣроятно, голову

г-жи Скобелевой, не произнесшей ни одного слова и широкая рана заіяла на горлѣ бѣдной мученицы. Уже эта одна рана, по заключенію врачей, была смертельна.

Но убійца, очевидно, не владѣлъ разсудкомъ: удары посыпались на обѣихъ женщинъ и ясно было, что неестественное бѣшенство руководило ужасною рукою.

Между тѣмъ, извозчикъ, думая ускакать отъ убійць, круто повернулъ лошадей, но самъ былъ стащенъ съ козелъ, а коляска опрокинулась и оба тѣла вывалились на шоссе. Въ этотъ моментъ извозчику удалось вырваться и онъ, перепрыгнувъ черезъ шоссеиную канавку, кинулся въ кусты; но Узатись, убѣжденный, конечно, что черногорцы справятся съ Ивановымъ, побѣждалъ за нимъ и злосчастный арабаджи, нагнанный въ 200-хъ шагахъ, палъ подъ ударами ятагана, просѣченный 14-ю смертельными ударами.

Но судьба не пожелала, должно быть, оставить безнаказаннымъ чудовищное злодѣяніе; въ моментъ паденія экипажа, черногорцы, отскакивая, выпустили изъ рукъ Иванова, которому успѣли нанести еще рану въ плечо, очень легкую, благодаря надѣтой, въ накидку, шинели. Не смотря на страшную боль въ рукѣ, онъ успѣлъ встать на ноги и кинулся бѣжать назадъ, къ городу.

Черногорцы погнались за нимъ. Они, конечно, могли уложить его изъ револьверовъ, но не посмѣли стрѣлять, по случаю близости лагерей, чтобъ не поднять тамъ тревоги.

Настигнувъ его, два дюжихъ черногорца вцѣпились въ воротникъ его шинели, стараясь въ то же время поразить его кинжалами въ затылокъ; но волненіе убійць и толщина двойного воротника спасли раненаго; кинжалы просѣкали сукно, едва укалывая тѣло. Сильный Ивановъ тащилъ нѣсколько шаговъ на себѣ обоихъ разбойниковъ. Это должна была быть ужасная борьба!

Вдругъ Ивановъ почувствовалъ, что отъ сильной тяги крючекъ и верхняя пуговица, которыми шинель была застегнута, оборвались; ему блеснула мысль съузить плечи назадъ шинель сразу свалилась, вмѣстѣ съ убійцами, отъ неожиданности, не удержавшимися на ногахъ.

Страдалецъ, придерживая висѣвшее мясо рукою, кинулся бѣжать: смертный страхъ придалъ ему силъ и быстроты бѣга, случай съ пальто и паденьемъ черногорцевъ далъ ему возможность выиграть шаговъ двадцать.

Черногорцы отстали, ибо стали приближаться первые домики города,—въ одномъ изъ которыхъ была кофейня, гдѣ

засѣдали, за стаканами краснаго вина, два жандарма; ихъ лошади стояли привязанными у крыльца.

Ивановъ вбѣжалъ въ кофейню и успѣлъ только крикнуть: „Генеральша Скобелева зарѣзана! Убійца—капитанъ Узатись!“... Но тутъ силы его оставили; усталость, боль и потеря крови повалили его, безъ чувствъ, на полъ.

Одинъ изъ жандармовъ немедленно помчался въ лагери, чтобъ сдѣлать тревогу, а другой, вмѣстѣ съ хозяиномъ, наскоро перевязали раненому руку и привели его въ чувство,—а затѣмъ, по требованію Иванова, жандармъ проводилъ его на квартиру нашего военнаго агента, капитана Эккъ.

Тѣмъ временемъ черногорцы спѣшно вернулись къ мѣсту катастрофы, гдѣ Узатись уже вскрылъ чемоданъ О. Н. и выкидывалъ изъ него содержимое, спѣша найти деньги. На его вопросъ объ Ивановѣ, они, боясь за свою шкуру, солгали ему, что тотъ убитъ и запрятанъ подъ мостъ.

Къ крайнему своему изумленію, Узатись, вмѣсто уложеннаго имъ самимъ громаднаго капитала, нашель всего 46 тысячъ.

Окончивъ осмотръ чемодана, Узатись постоялъ минуты двѣ, сдвинувъ съ сосредоточеннымъ видомъ брови, надъ уложенными имъ трупами (показаніе Андрея); затѣмъ, приказалъ одному изъ черногорцевъ подать своего бѣлаго коня, припрятаннаго въ кустахъ, велѣлъ черногорцамъ; городской околицей, спѣшить на мельницу, а самъ, перескочивъ канаву, крупной рысью поскакалъ въ лагерь своихъ саперъ, который былъ раскинутъ на порядочномъ разстояніи отъ главнаго.

Дорогой онъ заѣхалъ въ свою канцелярію и, приказавъ прибавить что-то въ приказѣ на завтра, помчался въ Дермень-Деръ.

Между тѣмъ, Ивановъ былъ доставленъ на квартиру г. Эккъ, котораго дома еще не было, и ему дали знать.

Эккъ поспѣшилъ къ раненому; но когда Ивановъ назвалъ убійцей Узатиса, капитанъ хотѣлъ зажать ему ротъ, предполагая, что онъ бредитъ, или помѣшался. Но Ивановъ, хотя и ослабѣвшій, ясно повторилъ свое показаніе.

И дѣйствительно, это извѣстіе до того казалось дикимъ, что всѣ отказывались вѣрить, чтобы Узатись, — этотъ всѣми уважаемый герой, рыцарь безъ страха и упрека, любимецъ Скобелева и его матери, — могъ совершить такое чудовищное злодѣяніе!

Отвезшій Иванова жандармъ поскакалъ въ Hotel Luxembourg, гдѣ находился начальникъ милиціи и жандармеріи, генералъ Стреккеръ (Решидь-Паша), за ужиномъ, въ кругу нѣ-

сколькихъ офицеровъ. Генераль былъ такъ ошеломленъ, что у него вывалилась вилка изъ руки, и онъ не зналъ, что предпринять. Бывшій тутъ же молодой поручикъ артиллеріи, Вишневскій, одинъ изъ лучшихъ и лихихъ офицеровъ изъ русскихъ, состоявшихъ на службѣ въ милиціи, вызвался ѣхать немедленно въ Дермень-Дерэ, чтобы захватить Узатиса, справедливо предполагая, что тотъ возвратится непременно туда.

Получивъ нѣсколько кавалеристовъ въ свое распоряженіе, Вишневскій въ карьеръ помчался на мельницу.

Въ какіе-нибудь полчаса ужасная новость разнеслась уже по всему Пловдиву. Спавшій городъ проснулся и десятки экипажей и сотни всадниковъ понеслись по роковому шоссе.

Было что-то около 2-хъ часовъ ночи; я спокойно спалъ на своей софѣ, какъ вдругъ почувствовалъ толчокъ въ бокъ. Я открылъ глаза; передо мной стоялъ блѣдный и трясущійся Петровскій, одѣтый, въ пашкѣ и фуражкѣ.

Я взглянулъ съ недоумѣніемъ на его фигуру, протирая глаза.

— Вставай скорѣе!.. Лошади осѣдланы!.. Знаешь — что? Скобелева убита!.. — говорилъ отрывисто онъ, дергая меня за руку.—Узатисъ убилъ...

Я вскочилъ и глядѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго, я не вѣрилъ, не могъ вѣрить, какъ не могъ вѣрить два года позже, когда въ Петровскомъ паркѣ подъ Москвою меня ошеломили слова: „Скобелевъ умеръ!“

Живо одѣлся я и мы помчались по Чарпанскому шоссе, къ мѣсту катастрофы. Тамъ уже была рота 1-ой Филиппопольской дружины и взводъ кавалеріи, вызванные по тревогѣ, всѣ власти города, судебный слѣдователь, врачи, жандармы.

Потрясающая картина представилась нашимъ глазамъ! Опрокинутая коляска лежала почти поперекъ дороги: подлѣ, на землѣ, мигавшее пламя факеловъ и фонарей зловѣщимъ багровымъ отблескомъ освѣщало двѣ женскія фигуры, распростертыя въ пыли... Лицъ разобрать было невозможно отъ массы застывшей крови, перемѣшанной съ волосами; кругомъ валялись въ беспорядкѣ подушки и разныя принадлежности утешествія; на нѣкоторомъ разстояніи лежалъ раскрытый чемоданъ, изъ котораго все было вывалено.

Началось составленіе протокола и другія формальности.

Тѣла должны были быть доставлены въ городъ съ солнечнымъ восходомъ и мы съ Петровскимъ уѣхали съ капитаномъ Эккъ, сдѣлать распоряженія къ предстоявшей процессіи...

Уже свѣтлѣло совсѣмъ, когда мы вернулись на квартиру

Петровскаго. До поднятія тѣль оставалось еще часа три, но сонъ бѣжалъ отъ насъ и Петровскій распорядился приготовленіемъ чернаго кофе.

Тѣмъ временемъ Вишневскій мчался, сломя голову, къ Дермень-Дерѣ. Подъѣжая шагомъ къ мѣсту, онъ послалъ унтеръ-офицера съ двумя рядовыми въ объѣздъ, занять тропинку, ведущую въ ущелье, съ приказомъ никого рѣшительно не пропускать въ горы, съ мельницы, а самъ, привязавъ коней въ чащѣ деревь, съ остальными пятью конниками не задумался проникнуть въ это гнѣздо.

Подкравшись къ двумъ освѣщеннымъ окнамъ, онъ осторожно заглянулъ во внутрь: въ одномъ углу, влѣво отъ входной двери, виднѣлось въ кучу сложенное оружіе, вправо, у скамьи вдоль стѣны, двое черногорцевъ заняты были передѣваньемъ; на полу, подлѣ нихъ, валялось окровавленное бѣлье.

Разомъ распахнулась дверь. Вишневскій прыгнулъ между разбойниками и ихъ оружіемъ, а конники кинулись на ошалѣвшихъ отъ неожиданности черногорцевъ. Скрученные собственными веревками злодѣи, на вопросъ: „Гдѣ Узатисъ?“—отвѣтили, что онъ ушелъ недавно въ горы. Оставивъ троихъ при связанныхъ, Вишневскій осмотрѣлъ свои револьверъ и пашку, вышелъ къ своей лошади и только что сѣлъ въ сѣдло, чтобы гнаться въ погоню, какъ впереди невдалекѣ раздался глухой пистолетный выстрѣлъ. Онъ поспѣшилъ по его направленію и засталъ Узатиса застрѣлившимся, на землѣ, въ предсмертныхъ судорогахъ. Оказалось, что едва унтеръ-офицеръ расположилъ засаду, какъ появился Узатисъ, въ сопровожденіи третьяго черногорца. Унтеръ-офицеръ преградилъ ему дорогу и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Пропускать не приказано!

— Отчего, голубчикъ?—былъ вопросъ Узатиса.

— Въ Пловдивѣ несчастье случилось: генеральшу Скобелеву зарѣзали!

Узатисъ немного подумалъ, потомъ проговорилъ:

— А! Генеральшу зарѣзали?

Потомъ онъ спокойно и медленно повернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ.

Вишневскій съ этимъ извѣстіемъ вернулся въ городъ, оставивъ свой отрядъ караулить тѣло и арестованныхъ. Немедленно изъ Пловдива посланъ былъ въ Дермень-Дерѣ отрядъ жандармовъ, чтобъ утромъ доставить ихъ въ городъ.

Не могу не высказать, какъ жутко было и мнѣ, и Петровскому выйти на улицу. Чувство русское было такъ обижено, такая тяжесть давила душу и сердце, что и не выскажешь словами! Мы сознавали, что хотя убійца — и не русскій по происхожденію, а вѣрнѣе всего — грекъ, судя по окончанію фамиліи и чертамъ лица его и его родителей, но все же онъ — русскій офицеръ, и что-жь? У него поднялась злодѣйская рука на ту, которая подарила Россіи героя, равнаго Суворову, которая разсыпала щедрья благодѣянія на истерзанную, только что освобожденную страну; по манію которой, еще ранѣе ея послѣдняго пріѣзда въ южную Болгарію, возникло въ Пловдивѣ „Сиротопиталище“, — пріютъ для круглыхъ сиротъ, оставшихся послѣ поголовной вырѣзки болгаръ въ карловскомъ, казанлыкскомъ и другихъ районахъ области; которая справедливо заслужила среди населенія этой области названіе: „Майка на бѣдни-тѣ“ (мать бѣдныхъ); на ту, наконецъ, которая, какъ родного, обласкала и приблизила убійцу къ себѣ, не подозревая, что отогрѣвала змѣю на своей груди!

7 іюля 1880 г., чудное утро раскинулось надъ Пловдивомъ и его окрестностями и яркіе лучи солнца, взбиравшася на сафирово-голубой, безоблачный куполь неба, уже заливали своимъ золотомъ полумѣсяцы пловдивскихъ мечетей и расположенныя на обрывистой горѣ зданія, когда мы подошли къ дверямъ квартиры Ольги Николаевны.

Толпы народа наводняли улицу, направляя взгляды въ сторону, откуда съ іеромонахомъ, отцомъ Мелетіемъ во главѣ, приближалось печальное шествіе. Военные и чиновники группировались у подѣзда.

Молча, угрюмо пожали мы руки знакомымъ и товарищамъ; всѣ какъ-то опускали глаза, точно намъ стыдно, до боли неловко было встрѣчать печальные, какъ бы укоризненные взгляды болгаръ. „Хороши же вы, братушки!“... — такъ и мерещилось въ этихъ взглядахъ... Переднія носилки остановились у крыльца. Всѣ головы были обнажены, тишина прерывалась лишь рыданіями колѣнопреклоненныхъ женщинъ.

Я и Петровскій первые приняли окровавленное тѣло мученицы на свои руки; всѣ дружинные командиры содѣйствовали намъ, и мы съ трудомъ внесли въ гостиную по узкому проходу останки Ольги Николаевны.

Лицо ея уже очистили уже на мѣстѣ отъ запекшейся крови и пыли, и черты его выражали не страданіе, а какое-то неземное спокойствіе.

Вторая была внесена горничная: у этой, на повернутомъ

немного на бокъ лицѣ, отпечатлѣлся ужасъ ненабѣжной смерти и рука приподнята въ локтѣ вверхъ, какъ бы для отвода удара.

Пловдивскій маститый митрополитъ Панаретъ, въ сослуженіи левкійскаго епископа Гервасія и іеромонаха о. Мелетія, начали панихиду, при общемъ рыданіи присутствовавшихъ.

Какъ извѣстно, тѣло Ольги Николаевны было набальзмировано, а затѣмъ чрезъ Константинополь отправлено въ Россію.

Въ роскошный, южный день происходилъ выносъ тѣла почившей мученицы на вокзалъ желѣзной дороги. То было величественное шествіе! Митрополитъ Панаретъ, епископъ Гервасій, о. Мелетій и масса болгарскаго и греческаго духовенства, въ сопровожденіи всего офицерства; генераль Стреккеръ и греческій консулъ, въ мундирахъ и лентахъ св. Станислава, всѣ члены постояннаго комитета народнаго собранія, въ предшествіи князя Церетелева, и массы народа, провожали до вокзала несомый на рукахъ гробъ. Стройно пѣлъ прекрасный хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ, обязанный своимъ существованіемъ поручику 1-ой пловдивской дружины, туркестанцу Голову, перемѣшиваясь съ звуками грандіознаго „Коль славень“, — исполняемаго военнымъ оркестромъ. По пути слѣдованія массы народа, въ благоговѣнномъ молчаніи, обнажали головы.

На вокзалѣ шествіе встрѣтилъ въ полномъ облаченіи адрианопольскій митрополитъ Сенесій, нарочно прибывшій для этого.

Послѣ послѣдней литіи князь Церетелевъ, военный агентъ капитанъ Экъ и всѣ мы, дружинные командиры, внесли гробъ въ траурный вагонъ, послѣдній разъ поклонились праху дорогой всѣмъ усопшей, — и поѣздъ двинулся на востокъ, по направленію Адрианополя.

Того же 7-го іюля, на двухколесной цыганской телѣжкѣ доставлено было тѣло убійцы-самоубійцы изъ Дерменъ-Дерѣ на дворъ пловдивскаго полицейскаго управленія, а его сообщники, — трое черногорцевъ, помѣщены въ арестантской при жандармеріи.

Послѣ панихиды въ квартирѣ покойной Ольги Николаевны, я, въ сопровожденіи поручика Ширинскаго, отправился въ полицейское управленіе.

Мы нашли тѣло Узатиса лежащимъ на спинѣ, въ растяжку, на голой землѣ, подъ навѣсомъ какого-то раскрытаго съ трехъ сторонъ сарая.

На немъ была надѣта застегнутая на всѣ пуговицы болгарка и рейтузы, въ карманѣ которыхъ былъ найденъ офицерскій Георгіевскій крестъ, вѣроятно, сорванный имъ на шоссе, передъ совершеніемъ чудовищнаго преступленія; дорогіе лакированные сапоги исчезли, вѣроятно, стащены были везшими тѣло цыганами. Обыкновенно блѣдное лицо было еще блѣднѣе и на немъ застыло выраженіе точно какого-то недоумѣнія, вродѣ того, какое бываетъ у человѣка, оконченная вполнѣ работа котораго оказывается вдругъ несостоятельной и безцѣльной. Лѣвый високъ его отдулся бугоркомъ, видимо, въ немъ застряла пуля, не прошедшая навывлетъ.

Судебныя власти производили строгія дознанія и черногорецъ Андрей, главный довѣренный Узатиса, наконецъ, указалъ, гдѣ находятся похищенные деньги: ихъ полностью нашли подъ каменною плитою у колодца, на мельницѣ. Когда я уѣзжалъ изъ Восточной Румеліи въ концѣ іюля, слѣдствіе еще не было вполнѣ кончено. Потомъ я уже слышалъ, что князь Николай Черногорскій вытребовалъ преступниковъ своего племени къ себѣ, для безошаднаго наказанія.

Невольно возникалъ въ мысляхъ вопросъ: могъ ли въ нормальномъ разсудкѣ совершить человѣкъ то, что сдѣлалъ Узатисъ? Его *idée fixe*,—освобожденіе Македоніи,—его сосредоточенно-задумчивый взглядъ и ненормальное поведеніе въ послѣдніе дни передъ убійствомъ, заставляли всѣхъ сомнѣваться въ здоровомъ его разсудкѣ. А между тѣмъ, всѣ приготовленія къ преступленію и, наконецъ, снятіе имъ съ себя Георгіевскаго креста говорили въ пользу его нормальнаго состоянія. Что же это такое? Просто, умъ теряется разрѣшить эту задачу...

Судьбы Промысла неисповѣдимы.

Многіе роптали, да и я въ томъ числѣ, на князя Церетелева и генерала Стреккера: послѣдній съ любезностью навязывалъ конвой изъ жандармовъ разнымъ иностраннымъ туристамъ, при ихъ экскурсіяхъ по области и не предложилъ того же покойной Ольгѣ Николаевнѣ Скобелевой. Первый же, т. е. князь Церетелевъ, представитель Россіи, на намекъ покойной, нельзя ли дать ей хотя маленькій конвой въ ея поѣздкахъ, такъ какъ три элемента населенія области, болгарскій, турецкій и греческій, были въ полномъ броженіи отъ неокрѣпшаго новаго порядка самоуправленія,—замѣтилъ, что могутъ возникнуть непріятныя дипломатическіе толки по поводу того, что вотъ, молъ, русская генеральша ѣздитъ по восточной Румеліи съ конвоемъ!

Но вѣдь утромъ, въ день ея отъѣзда, пятеро офицеровъ русскихъ, Лобановскій, Петровъ, Казачковъ, Петровскій и я,—предлагали Ольгѣ Николаевнѣ быть ея провожатыми хоть до самаго Чарпана, и это доставило бы и ей развлеченіе, и намъ двойное удовольствіе, потому что и самая прогулка въ такую дивную ночь имѣла свою прелесть. И она съ удовольствіемъ приняла наше предложеніе.

Но случился легкій мигрень и сама Ольга Николаевна сказала намъ, что отлагаетъ свою поѣздку до завтра. А вечеромъ она опять рѣшила ѣхать, какъ оказалось, на вѣрную смерть!

Что же это такое? Кто же виновенъ въ совершившемся?

Умъ отказывается дать отвѣтъ. Остается сказать: что назначено судьбою, того не измѣнить умъ человѣческій, ибо предначертанія Высшаго Промысла неисповѣдимы.

Вас. В. Яперовъ.

Изъ лѣтняго альбома.

I.

Въ моемъ саду и въ знойный день
 Прохлада зыблется волнами
 Въ томъ уголкѣ, любимомъ снами,
 Гдѣ вѣчно тишь, гдѣ вѣчно тѣнь,—
 Тамъ, гдѣ лиловая сирень
 Сплелась душистыми вѣтвями
 Въ зеленолиственную сѣнь.

Оттуда въ сумерки порой
 Мерцанью бѣлой ночи рады—
 Зеленокудряя дриада
 Выходятъ тѣшиться игрой
 На ближній дугъ; къ нимъ сильфовъ рой
 Летитъ, въ предчувствіи отрады
 Священныхъ тайнъ любви живой.

Смотрю на нихъ, люблюсь ими—
 Гостиами тѣхъ блаженныхъ странъ,
 Чтѣ омываетъ океанъ,
 Забытый муками земными...
 Сошелъ бы къ нимъ, рѣзвился-бъ съ ними,
 Боюсь—исчезнуть, какъ туманъ,
 Смутясь тревогами моими!

Зачѣмъ смущать мнѣ ихъ лобзанья,
 Когда—вся нѣга, вся привѣтъ—
 Плыветъ, струя нездѣшній свѣтъ,
 Восторговъ ночь, ночь обаянья,
 Когда заря очарованья
 Сидѣшитъ зарѣ страстей вослѣдъ—
 Зарѣ безумнаго желанья!..

О, еслибъ смолкли навсегда
 Въ объятяхъ ласковой природы
 Мои немолчныя невзгоды,
 Исчезли, словно тучь гряда
 Надъ полемъ мирнаго труда!
 Храмъ чистыхъ грезъ, очагъ свободы,
 Когда-жъ найду я васъ, когда?!

 II.

Зеленыя косы свои распустивъ,
 Склонялись къ окошку березы,
 О чемъ-то со мною съ утра загрузивъ;
 Съ вѣтвей ихъ печальныхъ на ближній обрывъ
 Жемчужныя катятся слезы...

О чемъ эта грусть у красавиць, о чемъ?
 О томъ ли, что неба лазури
 Не видно за тучами? Или о томъ,
 Что имъ, какъ и мнѣ, жить пришлось день за днемъ,
 Клонясь подъ дыханіемъ бури?!

Стоитъ же вотъ рядомъ съ кудрявыми кленъ—
 Вѣтвей не склонилъ, не повѣсилъ;
 Дождь льется и льется... Но что ему онъ,
 Когда, горделиво смотрясь въ небосклонъ,
 Все также онъ счастливъ и веселъ!

Вотъ, слышу я, съ кѣмъ-то онъ рѣчи ведетъ
 Своею узорной листвою:
 —„И дождь перестанетъ, и вѣтеръ заснетъ,
 И солнце, лучистое солнце, взойдетъ
 Въ родныхъ небесахъ надо мною!..

„О чемъ тосковать мнѣ, о чемъ мнѣ грустить?
Я радостью горе вѣнчаю;
Придется не мало мнѣ бурь пережить,—
И вновь я съумѣю о нихъ позабыть,
Чуть солнечный лучъ повстрѣчаю!..“

Но плачутъ, все плачутъ, съ утра загрустивъ,
Склоняясь къ окошку, березы,
Зеленныя косы свои распустивъ...
Мнѣ близокъ, мнѣ дорогъ ихъ скорби порывъ...
Катитесь, жемчужныя слезы!..

Аполлонъ Коринфскій.

Къ исторіи сельской инородческой школы.

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Лифляндскій Верховный Комитетъ сельскихъ школъ въ каждомъ засѣданіи своемъ возбуждаетъ тенденціозныя пререканія съ цѣлью доказать несостоятельность закона 17 мая 1887 г. или вредъ неприятнаго для Комитета вмѣшательства учебнаго начальства въ дѣла училищъ.. Комитетъ усвоилъ себѣ общую систему протестовъ, дабы вызвать мысль о существующемъ будто-бы произволѣ учебныхъ властей.

М. Н. Капустинъ.

. . . Ich glaube, dass nicht einmal der Dichter an sein Märchen glaubt. Es hat nur einen Zweck, den nämlich, an der Heva einen bestimmten Eindruck zu machen. Noli me tangere! oder: «das Land verliert das Zutrauen zu der Regierung» u. s. w. Nun auch die Zeiten sind dahin, wo man unser Land aus Ammenmärchen kennen lernte. A. Grenzstein. (Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im Baltischen Chor. Jurjew. 1899).

Не прекращающаяся борьба балтизма противъ реформы народной школы въ Рижскомъ учебномъ округѣ, предпринятой съ 1887 года по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, временами то нѣсколько ослабѣваетъ, то вновь разгорается въ зависимости какъ отъ различныхъ вѣяній, такъ и соображеній мѣстной нѣмецкой политики.

Въ послѣднее время замѣтно особенное усиленіе этой борьбы; враги реформы дѣйствуютъ и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ, и отъ пассивнаго сопротивленія видимо готовятся перейти въ энергичное наступленіе по всей линіи.

Къ балтійскому хору, поющему уже болѣе шестнадцати лѣтъ все одну и ту же пѣсню объ „упадкѣ въ краѣ народнаго образованія“, объ „угнетеніи вѣковой германской культуры“, о „произволѣ и самоуправствѣ чиновъ Рижскаго учеб-

наго округа“ и проч., присоединяются, къ сожалѣнію, и голоса извѣстнаго числа русскихъ людей, частью вовсе незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ прошлымъ и настоящимъ мѣтной сельской школы, частью и не желающихъ его знать, а привыкшихъ принимать нѣмецкія показанія на слово, безъ провѣрки.

Въ виду это мы считаемъ не безполезнымъ ознакомить съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла народнаго образованія на Прибалтійской окраинѣ людей безпристрастныхъ и не склонныхъ при столкновеніи русскихъ государственныхъ интересовъ съ инородческими центробѣжными стремленіями брать послѣднія quand tēte подъ свою защиту.

Вопросъ о языкѣ обученія въ инородческихъ школахъ въ западно-европейскихъ государствахъ можно считать окончательно разрѣшеннымъ въ пользу языка государственнаго. Такъ, въ германскихъ начальныхъ школахъ населеніе бывшихъ датскихъ владѣній, Эльзась-Лотарингіи, Познани и во французскихъ—баски и бретонцы, даже арабы, обучаются на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Въ школѣ о-ва Мальты введено нѣсколько лѣтъ тому назадъ преподаваніе на англійскомъ языкѣ. Всѣ государства признають совершенно и безусловно необходимымъ ввести инородческіе элементы путемъ государственнаго языка въ свой національный организмъ сдѣлать ихъ участниками общей національной жизни и культуры. Отъ степени успѣшности и быстроты достиженія указанной цѣли тамъ, гдѣ эти элементы разнообразны и сильны численностью, зависитъ крѣпость самага государства.

Австро-Венгрія въ вопросѣ преподаванія на государственныхъ языкахъ, нѣмецкомъ и мадьярскомъ, сдѣлала исключеніе лишь отчасти по отношенію къ нѣкоторымъ привилегированнымъ народностямъ (поляки) или пріобрѣвшимъ особую политическую силу (чехи).

Но вѣдь Австро-Венгрія съ каждымъ годомъ теряетъ характеръ государства, дѣйствительно обращаясь въ „географическій терминъ“. Вопросъ о языкѣ, или, вѣрнѣе, о языкахъ, не будучи своевременно разрѣшенъ въ государственномъ смыслѣ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе разлагающихъ ее элементовъ.

Еще больше, быть можетъ, значенія, чѣмъ для Австро-Венгріи, пріобрѣтаетъ вопросъ объединенія инородцевъ общимъ государственнымъ языкомъ для Россіи, не только окраины, но и огромныя внутреннія пространства которой населены различными, чуждыми русскому народу по про-

исхожденію, языку и вѣрѣ племенами. Одни изъ нихъ (поляки, литовцы) прямо ей враждебны, въ другихъ (армянахъ, латышахъ, эстахъ) уже проснулись націоналистическія стремленія, третьи (татары ¹⁾); ихъ родичи и мелкія финскія племена), правда, представляютъ еще инертную темную массу, однако, уже доступную враждебнымъ Россіи влияніямъ, что проявилось въ 1877 г. броженіемъ среди мусульманскаго населенія Поволжья, открытымъ возстаніемъ на Кавказѣ, а въ послѣднее время попыткой къ возстанію въ Андиганѣ.

Велика и мощна Россія, и никакіе инородцы, съ самыми смѣлыми своими сепаратистическими стремленіями, не представляютъ для нея въ настоящее время серьезной опасности. Но государство не должно въ своихъ мѣропріятіяхъ ограничиваться лишь потребностями настоящей минуты; оно обязано, въ границахъ возможнаго, провидѣть будущее и готовиться къ нему, беречься его по пословицѣ: „береженого Богъ бережетъ“. А это будущее можетъ оказаться чревато событіями, если въ годину испытанія, напр., столкновения съ врагомъ внѣшнимъ, внутренніе враждебные русскому государству инородческіе элементы подадутъ другъ другу руки ²⁾.

Врядъ ли у насъ извѣстно многимъ, что, напр., между младо-эстонцами Прибалтійскаго края и финляндцами уже установились нѣкоторыя связи, намѣчена нѣкоторая общность интересовъ. На двухъ панэстонскихъ празднествахъ въ Юрьевѣ и Ревелѣ въ 1894 и 1899 г.г. были представители изъ Финляндіи. На ревельскомъ празднествѣ впервые раздалось послѣ русскаго національнаго гимна пѣніе разученнаго эстонскими хорами гимна финляндскаго, который публика прослушала стоя и съ непокрытыми головами ³⁾. Ежегодно

¹⁾ Интересующимся политическимъ настроеніемъ нашихъ поволжскихъ татаръ рекомендуемъ ознакомиться со статьями г. Ст. Краснодубровскаго «Инородческая школа Казанскаго края». «Моск. Вѣд.» 1903 г. №№ 286 и слѣд. Весьма интересна также статья П. Юдина: «Турецкіе эмиссары въ Россіи передъ войной 1877 — 1878 гг.». «Русск. Стар». Ноябрь 1903 г.

²⁾ Совмѣстное дѣйствіе инородческихъ элементовъ противъ Россіи усиленно имъ рекомендуется нѣкоторыми заграничными антирусскими изданіями, какъ напр. Fria Ord, издающимся въ Стокгольмѣ, и армянскими революціонными газетами въ Лондонѣ.

³⁾ Гимнъ этотъ проникъ совершенно незамѣтно даже въ учебныя заведенія эстонской части Рижскаго учебнаго округа, гдѣ онъ исполняется ученическими хорами и оркестрами.

Латыши тоже обзавелись національнымъ гимномъ: «Dews swehti Latwiju», т. е. Боже, храни Латвію (?), который они поютъ на всѣхъ

финляндскіе студенты совершаютъ лѣтнія экскурсіи по эстонской части прибалтійскихъ губерній, а эстонскіе, изъ Юрьева, по Финляндіи. Одинъ изъ финляндскихъ публицистовъ, возвратившись съ пѣвческаго празднества въ Юрьевъ, издалъ книгу, въ которой пророчитъ великую будущность самостоятельному финскому народу, „страдающему пока“ подъ иноплеменнымъ игомъ отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Охотскаго. Все это симптомы пока пустышные, но во всякомъ случаѣ знаменательны! Издаваемая въ Юрьевѣ эстонская газета „Postimees“ зорко слѣдитъ за финляндскими дѣлами, извращаетъ и подтасовываетъ правительственныя мѣропріятія по отношенію къ этой окраинѣ; помѣщаетъ замѣтки о числѣ переселяющихся изъ Финляндіи въ Америку, чтобы искать тамъ „счастья и свободы“; знакомитъ читателей съ финляндскими политическими демонстраціями, съ сочувственными отзывами о нихъ иностранной печати и т. под.

По имѣющимся у насъ изъ хорошихъ источниковъ свѣдѣніямъ нарождаются патріотизмы даже мордовскіе и чувашскіе...

Инородцы пользуются въ Россіи свободой языка и религіи, но въ области государственной ей не можетъ быть мѣста: русскій подданный, къ какому бы онъ племени ни принадлежалъ, какую бы религію ни исповѣдывалъ, на какомъ бы языкѣ ни говорилъ въ семьѣ, не смѣетъ противопоставлять свой инородческій патріотизмъ русскому.

Чтобы ослабить это народившееся и нарождающееся инородческое стремленіе къ обособленности, если не положить ему конецъ, единственное средство—пріобщить инородцевъ къ русской культурѣ, втянуть ихъ въ общую русскую жизнь... А это можно сдѣлать только путемъ распространенія между ними *знанія* (не только *пониманія!*) общаго государственнаго языка съ его богатой литературой и при томъ въ благоприятный моментъ, когда у большинства нашихъ инородцевъ своя литература вовсе отсутствуетъ или находится еще (у латышей и эстовъ) въ зачаточномъ состояніи.

Какъ бы то ни было, рано или поздно Россія должна будетъ взяться за выполнение нѣкоторой общей программы, въ видахъ обузданія инородческихъ патріотизмовъ, которые и такъ не хотятъ ни русскихъ интересовъ, ни русскаго языка.

Тогда какъ на Западѣ государственные языки исполнѣ вы-

онихъ собраніяхъ, противопоставляя его при этомъ русскому національному гимну.

тѣсняютъ изъ школы языки мѣстные и служатъ такимъ образомъ къ полному обезличенію инородческаго элемента, замѣняютъ одну культуру другой, роль русскаго языка въ инородческихъ школахъ носить совершенно другой характеръ. Дѣйствительно, въ народныхъ школахъ, напр. Прибалтійскаго края, мѣстные языки занимаютъ видное мѣсто: на нихъ преподаютъ учащимся Законъ Божій, на чтеніе, письмо и грамматику родного языка назначено въ волостныхъ школахъ въ первую зиму по 8, а въ остальные по 6 недѣльныхъ уроковъ. Это число настолько велико, что большинство учителей не находятъ даже матеріала для уроковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши инородческія школы въ Рижскомъ, Варшавскомъ и частью въ Виленскомъ учебныхъ округахъ со стороны подготовки учителей, матерьяльной обстановки, средствъ, которыя на нихъ пропорціонально расходуются изъ государственнаго казначейства, а также общей постановки учебнаго дѣла, не только не уступаютъ школамъ въ мѣстностяхъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и значительно ихъ превосходятъ. Нечего уже и говорить о томъ умственномъ развитіи, которое выносятъ изъ школы инородцы, изучивши въ нихъ не только свой родной языкъ, но и государственный, ибо никто не станетъ отрицать, что человѣкъ, знающій, хотя бы лишь практически, два языка (школьникъ-инородецъ) *caeteris paribus* развитѣе знающаго только родной (русскій школьникъ). Датчанинъ, французъ пріобщаются въ Германіи нѣмецкимъ языкомъ къ *равной* нѣмецкой культурѣ, нашъ инородецъ русскимъ—къ *высшей*.

Изъ этого позволительно заключить что обученіе въ начальныхъ школахъ инородцевъ на русскомъ языкѣ направлено одинаково къ ихъ собственной выгодѣ, какъ и государственной, и служить не орудіемъ приниженія ихъ, а залогомъ подъема и дальнѣйшаго развитія ¹⁾, быть можетъ, даже за счетъ подъема и развитія русскаго населенія. Въ заграничной инородческой школѣ всякія педагогическія соображенія совершенно уничтожаются предъ политическими, въ нашей они уступаютъ послѣднимъ лишь часть своихъ правъ.

Ниже будетъ указано, насколько сильно стремленіе латышей и эстовъ къ усвоенію русскаго языка. Здѣсь замѣтимъ только, что въ интересахъ правительства—всячески идти на

¹⁾ Въ народныхъ школахъ Прибалтійскаго края государственный языкъ служитъ широкимъ мостомъ, по которому масса крестьянскихъ дѣтей латышскаго и эстонскаго происхожденія, двинулась въ среднія, а отсюда и въ высшія учебныя заведенія.

встрѣчу этому стремленію, не смущаясь нѣмецкой оппозиціей и не давая ему заглухнуть или принять иное направленіе.

И помимо этого соображенія, нельзя не принять въ расчетъ, что правительство въ семь вопросовъ приняло на себя весьма серьезныя обязательства предъ двумя названными племенами, введя обязательность русскаго языка не только въ дѣлопроизводство высшихъ, но и низшихъ (волостныя правленія), не только правительственныхъ, но и общественныхъ учрежденій, равно какъ и въ судопроизводство, при чемъ замѣна отчасти нѣмецкаго, отчасти мѣстныхъ языковъ государственнымъ была произведена въ то время, когда не менѣе 90% всего населенія края не могло не только владѣть послѣднимъ, но и сколько-нибудь понимать его.

Такимъ образомъ и предъ администраціей, и предъ судомъ почти все это населеніе очутилось лѣтъ 15 тому назадъ сразу въ положеніи глухонѣмого: всѣ заявленія истцовъ, показанія отвѣтчиковъ, подсудимыхъ и свидѣтелей стали даваться латышами и эстами черезъ переводчиковъ, при чемъ и администраторы, и судьи лишены были возможности судить о правильности перевода. Положеніе ненормальное, хотя и вызванное государственной необходимостью, поднявшее бурю съ нѣмецкой стороны и съ восторгомъ привѣтствованное латышами и эстами, твердо вѣрящими, что оно ведетъ ихъ къ освобожденію отъ многовѣкового духовнаго ига и окончится скоролишь только ими будетъ усвоенъ государственный языкъ, научить ихъ которому правительство, вводя реформы, какъ бы молча приняло на себя торжественное обязательство.

Къ этому пункту еще придется возвратиться при объясненіи истиннаго смысла и цѣлей борьбы мѣстнаго дворянства и лютеранскаго духовенства противъ русскаго языка въ народной школѣ.

I.

Нынѣшнее состояніе народной школы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и ея роль въ Русскомъ государствѣ становятся понятными лишь въ историческомъ освѣщеніи ея состоянія и роли въ бывшемъ „государствѣ“ Остзейскомъ.

Обозрѣніе исторіи мѣстной народной школы необходимо также для оцѣнки непрестанно повторяемыхъ и въ министерствахъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, и также предъ Высочайшей Властью ламентацийъ балтійскаго дворян-

ства о паденіи этой школы и даже будто бы полномъ ея разрушеніи, упадкѣ культуры и нравовъ въ краѣ и т. п., при чемъ виною всѣхъ этихъ бѣдствій выставляется какъ законъ 17 мая 1887 г. ¹⁾, такъ и „произволь учебныхъ органовъ при его примѣненіи“. Нельзя при этомъ не замѣтить, что письменныя заявленія въ этомъ смыслѣ направляются въ Петербургъ отъ имени дворянства, верховнаго комитета и высшихъ комиссій, а также лютеранскихъ консисторій, т. е. учрежденій дворянскихъ же. Такимъ образомъ всѣ эти петиціи объ отменѣ закона 17 мая и объ обузданіи „произвола“ мѣстныхъ чиновъ учебнаго вѣдомства, составляемая почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, исходятъ отъ одного существа въ нѣсколькихъ лицахъ, нѣмецкаго дворянства.

Говоря о народной школѣ, это сословіе, а за нимъ и лютеранское духовенство называютъ ее старой, многовѣковой, сложившейся подъ влияніемъ историческихъ условій на прочныхъ устояхъ, взрожденной сословіями, которымъ было „ввѣрено управленіе страной“, съ большими заботами и матерьяльными жертвами. Такъ ли это?

Вторгшись въ началѣ XIII вѣка въ Прибалтійскій краѣ, нѣмцы немедленно приступили къ крещенію мѣстнаго населенія. Исторія знаетъ, при какихъ условіяхъ совершалось ими это таинство и какимъ упрощеннымъ способомъ: чтобы не беспокоиться самому обходить деревни, католическое духовенство раздавало новообращеннымъ святую воду и приказывало имъ поливать ею своихъ односельчанъ. Вопросы о *просвѣщеніи* христіанствомъ у него не возникало, если не считать за таковое повтореніе крещаемыми за крестившими молитвъ на латинскомъ языкѣ.

Нѣсколько вѣковъ подрядъ завоеватели грабили страну, систематически истребляя автохтоновъ и отнимая у нихъ землю, при чемъ безслѣдно погибли цѣлыя племена, напр., ливы. О школахъ въ это время, конечно, не было и помину.

Принявъ лютеранство, нѣмецкое дворянство приказало быть лютеранамъ и латышамъ съ эстами, которымъ, впрочемъ, это было совершенно безразлично, такъ какъ они продолжали оставаться язычниками и не понимали богослуженія, какъ прежде на латинскомъ, такъ позднѣе на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ продолжалось дѣло до 1634 г. т. е. болѣе 400 лѣтъ, когда шведскій король Густавъ Адольфъ обратилъ вниманіе

¹⁾ Временныя правила объ управленіи начальными училищами въ губерніяхъ: Лифляндской, Эстлянской и Курляндской.

на необходимость „просвѣтить христіанствомъ“ своихъ новыхъ подданныхъ латышей и эстовъ, пребывавшихъ „во мракѣ язычества“ (in heidnischer Finsterniss), и повелѣлъ только что образованной лютеранской консисторіи озаботиться постройкой школъ и опредѣленіемъ въ нихъ учителей. Указъ этотъ, какъ и позднѣйшій, 1687 г., обращенный уже къ дворянскому ландтагу по тому же школьному вопросу, остался безъ исполненія. Къ 1692 году шведское правительство уже само открыло школы во всѣхъ коронныхъ приходяхъ, которыми къ этому времени были почти всѣ приходы Лифляндіи ¹⁾, а въ 1694 г. надѣлило ихъ участками земли въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ гака на каждую. Вотъ къ какому времени относится фактическое возникновеніе въ Прибалтійскомъ краѣ сельскихъ школъ. Крестьянское населеніе края, по официальному свидѣтельству, тогда „wie das stumme Vieh ohne alle Vernunft und Ehrbarkeit gelebet“.

Къ приходскимъ школамъ нѣмецкое дворянство отнеслось не только совершенно равнодушно, но еще расхитило частью само, частью вмѣстѣ съ духовенствомъ, ихъ земельные участки. Въ актахъ генеральныхъ церковныхъ визитацій XVIII и начала XIX столѣтія мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что землей приходской школы завладѣлъ сосѣдній помѣщикъ, что та или другая часть ея продана пасторомъ и церковнымъ попечителемъ или обмѣнена на худшую землю, или же, наконецъ, предоставлена въ пользованіе мѣстнаго кистера и т. п. Вслѣдствіе этого въ настоящее время при многихъ приходскихъ школахъ земли вовсе не оказалось, или же размѣръ ея сократился въ нѣсколько разъ, при чемъ, какъ будетъ объяснено ниже, церковные попечители объявили земельные участки при всѣхъ этихъ школахъ полной, а не sub modo, собственностью церкви, находящейся въ пользованіи подлежащихъ кистеровъ. Къ 1887 году школьные участки сохранились въ первоначальномъ размѣрѣ лишь въ 10—12 изъ 126 приходовъ лифляндской губерніи. Сами эти школы были къ началу истекшаго столѣтія почти повсемѣстно закрыты. Несмотря на законъ 1819 г., который подтверждалъ существованіе приходскихъ школъ, — онѣ до 40-хъ годовъ XIX столѣтія возстановлялись дворянствомъ и духовенствомъ очень медленно.

То же надо сказать и о волостныхъ школахъ, учрежденіе

¹⁾ Они обратились въ таковыя путемъ такъ называемой редукиціи, предпринятой къ этому времени шведскимъ правительствомъ.

которыхъ сдѣлалось обязательнымъ о тому же закону 1819 года. Такъ, въ 1838 году во всей эстляндской губерніи этихъ школъ было только 17.

Въ средѣ мѣстнаго дворянства господствовало даже убѣжденіе, что просвѣщать латышей и эстовъ противно его интересамъ. Въ началѣ XIX столѣтія дворяне открыто высказывали мнѣніе, что „1X1 (ein mal ein) macht den Menschen frech und verleitet ihn zum Fortlaufen“. Въ 1869 году Гарлесъ (Geschichtsbilder p. 132) говорилъ объ отношеніи дворянства къ волостнымъ школамъ слѣдующее: „Man hatte ja geflissentlich die in der Bauerverordnung von 1819 vorgeschriebenen Schulen nur spärlich oder in vielen Fällen gar nicht ins Leben treten lassen, hätte die Bemügungen der Prediger nicht nur unterstützt, sondern so und so oft behindert“. Только съ 40-хъ годовъ взгляды нѣмецкаго дворянства на сельскую школу или, вѣрнѣе, на ея верхній этажъ — приходскую школу значительно измѣнился.

Массовый переходъ латышей и эстовъ сперва въ гернгутерство, а затѣмъ въ православіе, и обострившіяся до открытой вражды отношенія ихъ къ лютеравскому духовенству и дворянству заставляютъ оба эти сословія почувствовать слабость нѣмецкаго элемента въ краѣ и непрочность его господства ¹⁾. Только тогда дворянство обратило вниманіе на сельскую школу и усмотрѣло въ ней орудіе послушное и надежное для онѣмеченія крестьянъ и воздѣйствія на нихъ черезъ школу въ духѣ вражды къ Россіи и балтійскаго сепаратизма.

Особенно энергичная пропаганда германизма среди крестьянъ путемъ школы началась въ 1864 г., послѣ извѣстнаго воззванія къ лифляндскому дворянству, при открытіи ландтага, генераль-суперинтендента пастора Вальтера о необходимости онѣмеченія латышскаго и эстонскаго населенія. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого воззванія было обращеніе при-

¹⁾ Въ настоящее время эти отношенія опять крайне напряжены. Крестьяне возстаютъ противъ права помѣщиковъ избирать пасторовъ и вообще противъ консисторій. Они требуютъ участія въ дѣлѣ назначенія проповѣдниковъ правительственной власти и подчиненія ей этихъ консисторій. Особенно сильно движеніе въ этомъ направленіи, въ лифляндской губерніи, выразившееся во многихъ приходяхъ пассивнымъ сопротивленіемъ крестьянъ „вводу“ пасторовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поджогами въ усадьбахъ помѣщиковъ-патроновъ, назначившихъ пасторовъ безъ предварительнаго соглашенія съ приходомъ.

ходскихъ училищъ въ нѣмецкія, съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, для всѣхъ предметовъ, не исключая даже Закона Божія, и учрежденіе различныхъ нѣмецкихъ же училищъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Чтобы вполне оцѣнить роль, предназначенную мѣстнымъ дворянствомъ сельскимъ школамъ въ краѣ, не бесполезно обратиться за справками къ компетентному по этому вопросу источнику.

Въ 1867 г. стало выходить за границей извѣстное сочиненіе вице-президента лифляндскаго гофгерихта, фонъ-Бока, подъ заглавіемъ: „Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde von der protestantischen Landeskirche und dem deutschen Landesstaate in den Ostseeprovinzen Russlands, von ihrem guten Rechte und von ihrem Kampfe um Gewissensfreiheit“.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ въ этомъ сочиненіи г. фонъ-Бокъ. „Чтобы придать народной школѣ въ Лифляндіи подобающій ей темпераментъ и влить въ ея жилы жизненный огонь, нужна была пережитая нами буря 1841—1845 г. (движеніе въ крестьянскомъ населеніи къ переходу въ православіе). Правда, онѣмеченіе поселянъ латышскаго и эстонскаго племени еще не доведено до конца, но между ними есть уже такъ называемые, полунѣмцы, т. е. переживающіе процессъ онѣмеченія... Латыши охотно принимаютъ отъ нѣмцевъ образованіе, и если можно бы было добиться, чтобы русскіе, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, не подстрекали ихъ и не расшатывали бы безпрестанно крестьянскихъ учрежденій, то начавшееся развитіе, при нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пошло бы наилучшимъ, здоровымъ нѣмецкимъ ходомъ... Къ счастью, латышскія сельскія школы въ Балтійскомъ краѣ до сихъ поръ были избавлены отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства со стороны министерства народнаго просвѣщенія и подлежатъ завѣдыванію мѣстныхъ земскихъ учрежденій. *Кто сколько-нибудь способенъ понимать кризисъ, переживаемый германизмомъ въ нѣмецкихъ Ostзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотъ не усомнится признать, что въ сущности и на практикѣ онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе сельской народной школы въ рукахъ мѣстнаго царства, или перейдетъ къ такъ называемому министерству народнаго просвѣщенія*“ (В. I Lief. II—III) ¹⁾. Справедливость мысли, выраженной въ послѣднихъ словахъ г. фонъ-Бока, съ особой

¹⁾ Цитирую по Ю. О. Самарину.

яркостью выступила съ момента „несвоевременнаго“ вмѣшательства этого министерства въ дѣла мѣстной народной школы, и этими словами вполне объясняется смысл упорнаго и ожесточеннаго сопротивленія прибалтійскаго дворянства именно этой части произведенной въ краѣ общей реформы, обнимающей, кромѣ школы, судъ, администрацію и проч.

Курсъ приходскихъ училищъ былъ дворянствомъ значительно расширенъ противъ установленнаго закономъ: въ нихъ стали проходить всеобщую исторію и географію, тогда какъ исторія и географія Россіи не преподавались; главнымъ предметомъ обученія былъ нѣмецкій языкъ, на которомъ и велось преподаваніе въ этихъ училищахъ. Русскій языкъ также входилъ въ программу преподаванія въ приходскихъ училищахъ, но только номинально, ибо сами учителя этого языка не знали: они выучивали учащихся кое-какъ, механически, читать по-русски, переводить нѣсколько фразъ съ русскаго языка на нѣмецкій, склонять нѣсколько существительныхъ, спрягать 2—3 глагола... Конечно, эти познанія безслѣдно исчезали за предѣлами школы. При нѣкоторыхъ училищахъ были открыты даже старшіе классы, съ преподаваніемъ въ нихъ древнихъ языковъ для подготовленія учениковъ въ гимназіи.

Приходскія школы, въ которыхъ обученіе было платнымъ, посѣщались исключительно дѣтьми зажиточныхъ крестьянъ, арендаторовъ и собственниковъ, составлявшихъ верхній слой сельскаго населенія. Его-то и нужно было прежде всего перевести въ нѣмцы, и эта работа исполнялась весьма успѣшно, о чемъ можно судить не только по отзывамъ учебныхъ органовъ, принявшихъ на себя въ 1887 году завѣдываніе народными училищами, но и самихъ германизаторовъ. Одинъ изъ лифляндскихъ корреспондентовъ того же фонъ-Бока такъ характеризовалъ успѣхи онѣмеченія латышей въ одномъ изъ приходскихъ училищъ. „Черезъ нашу школу прошло 187 учениковъ. Всѣ они очень изрядно *говорятъ* по-нѣмецки, начинаютъ чувствовать потребность въ женахъ, образованныхъ также на нѣмецкій ладъ, и сами просятъ объ открытіи нѣмецкой школы ¹⁾ для дѣвочекъ. Въ нашемъ приходѣ насчитывается уже 28 хозяевъ, образованныхъ въ нѣмецкомъ ду и они теперь прискиваютъ себѣ подходящихъ женъ.

¹⁾ Школа эта (приходская) и была открыта въ шваненбургскъ приходѣ. Въ 1887 г. дворянство и духовенство приложили особыя усилія къ ея открытію. Но ее удалось отстоять, главнымъ образомъ, при помощи мѣстныхъ крестьянъ.

„Все это очень знаменательно, особенно въ настоящее время, когда насъ хотятъ осчастливить сверху православнымъ языкомъ (mit der orthodoxen Sprache). Наша нѣмецкая школа процвѣтаетъ. Согласитесь, что это настоящий шагъ впередъ на пути къ германизму“.

Посѣщеніе приходскихъ школъ по закону не обязательно и потому штрафныя деньги за пропущенныя безъ уважительной причины уроки съ учениковъ взыскиваемы быть не могутъ. Но дворяне и пасторы придавали такое важное значеніе правильному посѣщенію этихъ училищъ, что установили штрафы за неуважительныя манкировки въ огромномъ размѣрѣ, доходившемъ даже до 50 коп. за каждый пропущенный день.

Хотя учительскій персоналъ въ приходскихъ училищахъ былъ весьма слабъ съ русской точки зрѣнія и не подготовленъ къ своему дѣлу, однако, все же туда назначался цвѣтъ балтійскихъ народныхъ учителей, общую характеристику которыхъ мы сдѣлаемъ ниже ¹⁾.

Совершенно иное отношеніе установилось со стороны мѣстнаго дворянства и пасторовъ къ волостной школѣ, предназначенной для всей массы низшаго крестьянскаго слоя. Если верхній слой, сливки, надо было снять и переработать на усиленіе германизма, то, напротивъ, нижній требовалось держать постоянно на одномъ уровнѣ, чтобы къ немъ не развилась „Flechheit“ или наклонность къ „Fortlaufen“. Если сына зажиточнаго крестьянина выучивали въ приходской школѣ свободно говорить по-нѣмецки, то въ волостную нѣмецкій языкъ вовсе не допускался, точно такъ же, какъ прислугѣ и рабочимъ строго воспрещалось говорить на немъ: этотъ языкъ былъ языкомъ барона, во всякомъ случаѣ господина, и уста раба не могли осквернить его: чтобы объясняться съ послѣднимъ, баронъ самъ учился по-латышски и по-эстонски.

Въ волостныхъ школахъ, кромѣ Закона Божія и родного языка, преподавались ариѳметика, географія и начатки исторіи.

Учителями были отчасти воспитанники мѣстныхъ дворянскихъ учительскихъ семинарій, нынѣ, кромѣ кармельской на довѣ Эзелѣ, закрытыхъ, а также лица, которымъ учитель-

¹⁾ Кромѣ приходскихъ школъ, для онѣмеченія сельскаго населенія были предназначены также уѣздныя училища въ городахъ, куда крестьяне весьма охотно отдавали своихъ сыновей, какъ и теперь въ городскихъ по Полож. 1872 г. училищахъ главный контингентъ учащихся принадлежитъ къ сельскому сословію.

ское званіе было *предоставляемо* верховнымъ комитетомъ, высшими комиссіями, уѣздными комитетами и другими мѣстными школьными учрежденіями.

Учительскія семинаріи! Для каждаго русскаго педагога съ этимъ названіемъ соединяется совершенно опредѣленное представленіе объ извѣстномъ типѣ учебныхъ заведеній, весьма солидныхъ по курсу, гдѣ будущіе учителя получаютъ *спеціальную* подготовку по педагогикѣ, дидактикѣ и особенно методикѣ, гдѣ они, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, даютъ въ начальной образцовой школѣ уроки по предварительно обработанному плану; уроки эти затѣмъ подробно разбираются самими воспитанниками и ихъ руководителями. Но мѣстныя дворянскія семинаріи только звукомъ своего имени напоминали эти учебныя заведенія. Даже лучшая изъ нихъ, ирмлауская, по курсу и его усвоенію, подходила къ среднимъ по качеству городскимъ училищамъ, по Положенію 1872 т. Преподаваніемъ въ ней до послѣднихъ дней ея существованія занимались учителя, изъ которыхъ ни одинъ не получилъ спеціальной подготовки и двое (изъ 4-хъ) не имѣли даже надлежащаго учительскаго званія. Эти учителя прошли мѣстную сельскую школу, въ которой всецѣло господствовала механическая выучка.

Присутствуя въ 1898 г. на урокъ ариѳметики въ одномъ изъ классовъ ирмлауской семинаріи, ревизоръ отъ окружнаго управленія предложилъ ученику вывести правило дѣленія дроби на дробь. Послѣдній сказалъ правило, но о выводѣ его никогда, какъ оказалось, не слыхалъ, равно какъ и его товарищи. Послѣ урока учитель обратился къ ревизору съ вопросомъ, чего собственно онъ хотѣлъ отъ ученика, какого вывода? Онъ о немъ также ничего не слыхалъ.

Въ старшемъ классѣ той же семинаріи за два мѣсяца до выпускнаго экзамена тотъ же ревизоръ сталъ спрашивать о приѣмахъ и разныхъ ступеняхъ объяснительнаго чтенія и методѣ веденія письменныхъ работъ въ начальной школѣ. Ни ученики, ни учитель ничего объ этомъ не знали.

Въ начальной школѣ семинаристы практиковались въ преподаваніи, но безъ всякаго руководства, а какъ кому вздумается.

Такова была лучшая дворянская семинарія. А вотъ заурядная, кармельская. Въ деревенскомъ домѣ, раздѣленномъ сѣбнями,—двѣ комнаты. Въ одной помѣщаются два учителя, въ другой *два* класса семинаріи. Одинъ классъ сидитъ лицомъ къ одной стѣнѣ, другой къ противоположной. Учебныхъ по-

собой, кромѣ двухъ географическихъ картъ, никакихъ; на классной доскѣ писать нельзя: она совсѣмъ побѣлѣла.

Ученики прошли волостную школу, но нѣкоторые и ея не окончили. Преподаваніе идетъ на трехъ языкахъ: эстонскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ и сводится тоже къ механической выучкѣ. Курсъ меньше курса двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Изъ учителей одинъ окончилъ курсъ въ кистерской школѣ, а другой въ правительственной учительской семинаріи (по справкамъ,—худшій ученикъ). Начальной школы при семинаріи нѣтъ. Ни о какой педагогикѣ, методикѣ и дидактикѣ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Спальни учениковъ расположены на темномъ, неотапливаемомъ чердакѣ.

Такого же типа были и тѣ пять учительскихъ семинарій, которыя дворянство закрыло при началѣ школьной реформы 1).

Какъ вели обученіе эти учителя, вышедшіе изъ дворянскихъ семинарій? Такъ же, какъ ведутъ и теперь. Они выучивали учениковъ механическому чтенію по буквослагательному методу, единственно имъ извѣстному; о чтеніи объяснительномъ сами не имѣли понятія; заставляли дѣтей заучивать безъ всякаго предварительнаго объясненія священную исторію и Лютеровъ катехизисъ, а также хоралы; по ариметикѣ все обученіе сводилось (и сводится еще) къ механическому производству 4-хъ дѣйствій надъ такими громадными числами, которыхъ ни ученики, ни учителя не умѣли прочесть, но повѣрять эти дѣйствія учили въ рѣдкихъ школахъ; рѣшеній задачъ съ условіями не производилось ни въ волостной, ни даже въ приходской школѣ; умственному счету не учили.

До какой степени такое обученіе дѣйствовало притупляющимъ образомъ, можно заключить изъ отзывовъ инспекторовъ народныхъ училищъ, которые въ первое время послѣ реформы предлагали учащимся на *мѣстныхъ* языкахъ рѣшать легкія задачи. Оказалось, что одну и ту же задачу легко рѣшали перевозимники, труднѣе второзимники и совершенно не могли рѣшить третьезимники.

1) Воспитанники всѣхъ этихъ семинарій, въ особенности двухъ изъ нихъ, кудаской и пашлепской, принадлежатъ къ числу худшихъ и не подающихъ надежды на улучшеніе сельскихъ учителей. Большинство изъ нихъ ежегодно привлекается къ участию въ лѣтнихъ курсахъ для народныхъ учителей, но только немногіе оказываются способными освоиться съ русскимъ языкомъ, особенно же съ приемами начальнаго обученія: механикамъ и рутина ихъ альфа и омега.

По географіи заучивались названія городовъ и рѣкъ въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Германіи, столицъ Россіи и больше ничего. Географическія карты, гдѣ онѣ имѣлись, были всё съ нѣмецкими названіями, но еще и теперь онѣ имѣются далеко не во всѣхъ волостныхъ школахъ. Подъ исторіей разумѣлась исторія реформаціи, которая въ свою очередь сводилась къ знакомству съ главнѣйшими событіями изъ исторіи Германіи.

Вотъ картины той школы, на упадокъ которой такъ жалуется теперь мѣстное дворянство 1). Большинство учителей были „самоучки“, и учительскаго званія не имѣли, хотя имѣли учительскія права, предоставленныя имъ, какъ сказано выше, мѣстными школьными учрежденіями. Говорятъ, будто эти учрежденія производили кандидатамъ на учительскія должности какой-то экзаменъ. Это врядъ ли вѣрно, ибо не существовало программы такого экзамена, нѣтъ никакихъ слѣдовъ производства, хотя бы одного изъ нихъ; наконецъ, среди этихъ учрежденій не было и лицъ, для сего компетентныхъ, не говоря уже о томъ, что законъ такого рода экзаменовъ не предусматривалъ. ☞

Насколько велико было число учителей-самоучекъ, можно заключить изъ того, что послѣ массоваго ихъ удаленія изъ школъ послѣ 1887 г. еще въ 1897 году въ одной только части лифляндской губерніи, которая въ это время была подвѣдомственна рижской дирекціи народныхъ училищъ, число ихъ доходило до 60, и всё они были назначены на свои мѣста до 1886 года. Изъ отчетовъ о мѣстныхъ учительскихъ курсахъ видно, что на нихъ еще ежегодно являются учителя, которые до 35—40-лѣтняго возраста были сапожниками, портными, рыбаками и проч.

А вотъ что говорить о мѣстной сельской школѣ челоувѣкъ, самъ черезъ нее прошедшій изъ народа, г. Гренцштейнъ (Herrenkirche oder Volkskirche 2 pag. 70): „Unserem Schulwesen fehlten vor Allem trotz aller Pracht Schulhäuser, Schulleh-

1) Нельзя не остановиться на одномъ весьма интересномъ обстоятельстве. Педагогика, методика и дидактика,—дисциплины германскаго происхожденія, перешли въ Россію, оставшись совершенно неизвѣстными остзейскимъ губерніямъ, которымъ мѣстные нѣмцы именно вмѣняли въ особую заслугу роль передаточнаго для нея пункта германской науки. У насъ послѣднія двѣ дисциплины, особенно методика начальнаго обученія, получили дальнѣйшую самостоятельную разработку, результаты которой также не дошли до прибалтійскихъ губерній.

ger, Lehrbücher und Schüler, sonst war alles in Musterhalter Ordnung. Wo in aller Welt sollte man Lehrer hernehmen? Diese schwierige Frage wurde dadurch glücklich gelöst dass man sie nicht aufwart. Man griff in das volle Kulturleben des Herzogtums (мѣстное, почти оффиціальное названіе лифляндской губ.) Livland hinein und machte die Besten der Geistesaristokratie der Nation zu Führern der Jugend: Kutscher und Kubjas, Schneider und der alte Soldat—was alies hatten sie in ihrem langer Leben nicht gesehen, gehört und erlebt. Какимъ принципомъ руководились мѣстные дворяне по отношенію къ низшей народной школѣ, г. Гренцштейнъ резюмируетъ словами, съ которыми помѣщики, содержавшіе сельскія школы, будто бы обращались къ новымъ учителямъ: „Lehre Sie, lehre Sie,—говорили они,—aber mache nur die Teutel nicht klug!“

Остается еще рассмотретьъ вопросъ о матерьяльныхъ жертвахъ, которыя несло мѣстное дворянство на нужды народнаго образованія, ибо „матерьяльныя жертвы“ выставляются этимъ сословіемъ на видъ во всѣхъ петиціяхъ, поданныхъ имъ со времени реформы высшимъ правительственнымъ властямъ.

Вотъ, что писалъ по этому вопросу бывшій эстляндскій губернаторъ, кн. Шаховской, бывшему попечителю учебнаго округа, М. Н. Капустину: „Въ эстляндской губерніи не существуетъ ни частнаго дворянскаго сбора, ни сословныхъ складокъ и всѣ нужды дворянскаго сословія удовлетворяются изъ такъ называемой дворянской кассы, пополняемой сборами съ двухъ повинностей,—почтоваго фуража и складочныхъ денегъ взыскиваемыхъ по гагенамъ со *всей* земли, при чемъ дворяне падающую на ихъ долю часть сихъ платежей перекладываютъ посредствомъ арендныхъ контрактовъ на крестьянъ. Отсюда должно заключить, что неоднократныя со времени прибалтійской учебной реформы указанія мѣстнаго дворянства на обширныя матерьяльныя жертвы, приносимыя имъ на пользу просвѣщенія въ краѣ, надлежитъ понимать весьма относительно“. То же самое должно сказать и о жертвахъ лифляндскаго и курляндскаго дворянствъ: они расходовали земскія, а не дворянскія, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, средства не только на земскія (насныя), но даже часто и на дворянскія учебныя заведенія, но, въ какъ постановленія объ этомъ расходѣ земскихъ денегъ гались дворянствомъ, то и жертвы назывались „дворянчи“.

Независимо отъ этого, впрочемъ, надо упомянуть и спеціальныя дворянскіе источники дохода въ курляндской и осо-

бенно лифляндской губерніяхъ. Это казенныя имѣнія, щедро пожалованныя дворянству этихъ губерній русскими Монархами.

Быть можетъ, на народное образованіе поступали средства изъ этого источника?

Волостныя школы содержатся по закону крестьянскими обществами и дворяне въ содержаніи ихъ не участвуютъ. На приходскія школы они закономъ обязаны давать матеріалъ на постройку училищныхъ домовъ (камень или лѣсъ). Учительскія семинаріи содержало само дворянство. Но расходъ на эти учебныя заведенія далеко несоизмѣримъ съ тѣми средствами, которыя обыкновенно тратитъ на нихъ правительство или русскія земства. Дѣйствительно, по имѣющимся свѣдѣніямъ (утвержденныхъ штатовъ мѣстныхъ дворянскія семинаріи не имѣли) на валкскую учительскую семинарію лифляндское дворянство расходовало по 500 р. въ годъ ¹⁾, кармельская обходится эзельскому дворянству не болѣе 900 р., на ирмлаускую расходовалось не болѣе нѣсколькихъ тысячъ, при чемъ надо принять во вниманіе, что съ каждаго воспитанника ея взималось по 100 рублей въ годъ. Расходы эстляндскаго дворянства на семинаріи кудаскую и пашлепскую врядъ ли превышали нѣсколько сотъ рублей въ годъ на каждую. Вотъ и всѣ матерьяльныя жертвы, которыя приносило мѣстное дворянство на народное образованіе, если даже признать, что онѣ цѣликомъ были приносимы изъ специальныхъ дворянскихъ, а не земскихъ суммъ. Могутъ ли онѣ идти въ сравненіе съ тѣми жертвами, которыя на тотъ же предметъ, хотя бы въ качествѣ земскихъ только плательщиковъ, молча и охотно приносятъ коренное русское дворянство! Правда, были и суть единичные случаи значительныхъ матерьяльныхъ жертвъ въ пользу школъ со стороны нѣкоторыхъ дворянъ, но эти случаи не могутъ быть обобщаемы. Добровольное же участіе помѣщиковъ въ содержаніи волостныхъ школъ въ дѣйствительности было далеко не всегда безкорыстнымъ. Былъ, впрочемъ, до 1887 года еще одинъ предметъ дворянскаго расхода на народное образованіе,—мызныя школы для дѣтей батраковъ. Но онѣ были такъ скромны, чтобы не сказать болѣе, что по отношенію къ нимъ говорить о „жертвахъ“ можно бы развѣ въ смыслѣ пропіи.

Историческое обозрѣніе отношеній прибалтійскаго дворянства и мѣстнаго лютеранскаго духовенства къ народной школѣ

¹⁾ Das Ritterisch-Parochiallehrer-Seminar in Walk v. Peterson, Bach und Inselberg, Riga 1898.

было бы не полно безъ указанія на тѣ обстоятельства, при коихъ въ свое время этимъ сословіямъ было предоставлено право управленія ею.

Право лифляндскаго дворянства по завѣдыванію сельскими школами ведетъ свое начало отъ Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 26 марта 1819 года (ст. 516 п. п. 1, 9 и 19, ст. 517 п. п. 1, 7 и 21).

Что же касается эстляндскаго и курляндскаго дворянствъ и духовенства, то это право распространено на нихъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Вопросъ о подчиненіи лютеранскихъ сельскихъ школъ вѣдѣнію общаго и для прочихъ губерній Россіи училищнаго начальства, возникшій вслѣдствіе состоявшагося Высочайшаго повелѣнія отъ 9 мая 1837 года о распространеніи надзора министерства народнаго просвѣщенія на всѣ училища, въ какомъ бы они вѣдомствѣ ни состояли, кромѣ военныхъ и духовныхъ, встрѣтилъ самыя сильныя возраженія и со стороны попечителя дерптскаго учебнаго округа (нѣмецкаго дворянина), указывавшаго на отсутствіе знающихъ мѣстные языки лицъ, которымъ могъ бы быть порученъ надзоръ за сельскими школами, со стороны дворянства прибалтійскихъ губерній, обратившагося съ прошеніями о сохраненіи за нимъ управленія этими школами независимо отъ общаго училищнаго начальства, а также мѣстныхъ губернаторовъ. Столь сильная и дружная оппозиція имѣла своимъ послѣдствіемъ согласіе министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, на сохраненіе прежняго порядка управленія народными школами за тѣми мѣстами и лицами, которыя опредѣлены для того положеніями о крестьянахъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе сего въ приведенномъ смыслѣ и состоялось 13 сентября 1838 года Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ. Узаконенное послѣднимъ право дворянства и духовенства на завѣдываніе народными школами вошло и въ сводъ мѣстныхъ узаконеній 1854 г. (ч. II ст. 52) и вновь подтверждено для эстляндской губерніи Высочайше утвержденнымъ 5 мая 1856 г. журналомъ засѣданій остзейскаго комитета отъ 17 февраля того же года, въ коихъ указано что „школы сіи предположено поручить высшему надзору комиссіи школъ, составленной изъ дворянства и духовенства“, *безъ всякаго участія правительства*, а для курляндской губерніи закономъ 25 октября 1875 года.

Въ 1866 году германизаторскій характеръ дѣятельности мѣстнаго дворянства по отношенію къ сельской школѣ сталъ

пріобрѣтать въ глазахъ правительства нѣкоторую ясность, и министру народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно было внести въ комитетъ министровъ предположеніе относительно того участія, которое слѣдовало бы для пользы самаго дѣла предоставить попечителю дерптскаго учебнаго округа въ заведываніи сельскими школами, существующими для многочисленнаго населенія латышей и эстовъ. При этомъ вниманіе правительства было привлечено повсемѣстными среди этого населенія настойчивыми просьбами объ обученіи въ школахъ русскому языку.

Соединенная оппозиція опять таки мѣстнаго попечителя округа и дворянства, которое не преминуло воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ въ Петербургѣ, и на этотъ разъ отстояла *statum quo*, чтобы съ еще большей энергіей продолжать начатое дѣло германизации одной части сельскаго населенія и воздѣйствія въ извѣстномъ направленіи на другую.

Что касается лютеранскаго духовенства, то оно находится въ полной зависимости отъ мѣстнаго дворянства. Эти два сословія вполне солидарны во всѣхъ вопросахъ политическаго значенія и власть одного изъ нихъ опирается на значеніе и власть другого. „Kein protestantisches Land,—говоритъ Маркель (*Die Letten. Leipzig 1800*),—vielleicht überhaupt keines, giebt ein solches Beispiel von einer so allgemeinen Verschrobenheit des geistlichen Standes, als mein armes Vaterland... Wie sieht der Seelsorger mit erklärter Verachtung auf siene Anvertrauten herab? Wo verbindet er sich mit dem Adel, sie zu tyrannisiren? Das ist ein Vorrecht Livlands. Das konnte nur in einem Lande geschehen, wo der Adel seine Existenz der Geistlichkeit verdankte». «Der Seelsorger,—пишетъ А. Гренцштейнъ въ 1899 г.,—ist im ganzen Lande bis auf den heutigen Tag Grossgrundbesitzer und auch Kirchenherr. Er besitzt den persönlichen Adel und fühlt sich mit dem Landesadel solidarisch». Вслѣдствіе этого и школьная политика пасторовъ та же, что и дворянства.

Такимъ образомъ предоставленіе со стороны государственной власти заведыванія сельской школою духовенству и дворянству, *вполнѣ нормальное и естественное*, когда эти сословія направляютъ свою дѣятельность по народному образованію на служеніе *общегосударственнымъ интересамъ, мѣстному дворянству и духовенству* дали возможность *обратить народную школу въ орудіе германизации сельскаго населенія и противоправительственной среди него пропаганды*.

Такое направленіе дѣятельности по народному образованію

двухъ руководящихъ сословіи прибалтійскихъ губерній должно было вызвать необходимыя мѣры для установленія правительственнаго контроля за мѣстной народной школою. Важнѣйшими мѣрами въ этомъ направленіи были: подчиненіе приходскихъ и волостныхъ школъ края министерству народнаго просвѣщенія (19 февраля 1886 г.) учрежденіе должностей директора и четырехъ инспекторовъ народныхъ училищъ (26 января 1887 г.) ¹⁾ въ особенности же изданіе Высочайше утвержденныхъ 17 мая 1887 года временныхъ дополнительныхъ правилъ объ управленіи начальными училищами.

Важнѣйшимъ пунктомъ послѣднихъ, на отмѣну или по крайней мѣрѣ ослабленіе дѣйствія котораго направлены соединенныя усилія мѣстныхъ дворянъ и пасторовъ, есть введеніе въ народныя школы русскаго языка въ качествѣ не только *предмета*, но и *языка обученія*, т. е. въ извѣстномъ смыслѣ *руссификація* этихъ школъ взамѣнъ прежней *германизации*.

Все значеніе этой послѣдней мѣры, выходящее далеко за предѣлы школы и закрѣпляющее реформы, произведенныя по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III во всѣхъ остальныхъ областяхъ устройства прибалтійскихъ губерній, было сразу оцѣнено мѣстнымъ дворянствомъ и лютеранскимъ духовенствомъ, которыя по вопросу о роли русскаго языка въ сельской школѣ вступили не только съ органами учебной власти, но и съ самимъ правительствомъ въ упорную, донинѣ далеко еще не прекратившуюся борьбу.

II.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1887 г. лифляндское дворянство представило министру народнаго просвѣщенія докладную записку, въ которой рѣзко высказалось противъ примѣненія закона 17 мая („Временныхъ правилъ“), такъ какъ имъ евангелическо-лютеранская школа лифляндской губерніи обращается *«въ правительственное учрежденіе»*, а требуемое „Временными правилами“ преподаваніе на русскомъ языкѣ имѣетъ цѣлю „свести крестьянскихъ дѣтей съ ихъ національнаго развитія къ *русскому*, или, другими словами, къ измѣненію національнаго характера сельскаго населенія“. Какъ будто бы германи-

¹⁾ Въ настоящее время въ каждой изъ трехъ губерній округа имѣется по особой должности директора народныхъ училищъ, а число инспекторовъ послѣднихъ доведено до 22-хъ.

зація тѣхъ же латышей и эстовъ, которой, открыто занималось прибалтійское дворянство было направлено къ *укрѣпленію* ихъ національнаго характера! „Какъ для самаго дворянства, — заявлялся далѣе въ запискѣ, — церковь, языкъ и самоуправленіе составляетъ необходимыя условія существованія, такъ оно внушало эти условія и въ довѣренныя ему отрасли управленія“. Въ заключеніе дворянство ходатайствовало объ освобожденіи его отъ участія въ завѣдываніи сельскими школами или объ отмѣнѣ закона 17 мая. Эта записка была доложена министромъ народнаго просвѣщенія Государю Императору Александру III. Его Величество изволилъ признать послѣднюю часть ходатайства дворянства не подлежащей удовлетворенію, а относительно освобожденія сословія сего отъ участія въ завѣдываніи школами было Высочайше повелѣно войти въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Когда послѣдній выразилъ на это освобожденіе свое согласіе въ виду заявленія министерства народнаго просвѣщенія, что школами могутъ успѣшно завѣдывать и одни органы учебнаго вѣдомства, то лифляндское дворянство, вовсе не ожидавшее такого исхода своего ходатайства, которымъ оно намѣрено было лишь застрашать правительство, поспѣшно вошло въ министерство народнаго просвѣщенія съ новымъ ходатайствомъ, совершенно противоположнаго смысла, а именно объ оставленіи за нимъ участія въ завѣдываніи школами, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Почти одновременно съ лифляндскимъ дворянствомъ и мѣстная лютеранская консисторія просила объ освобожденіи духовенства отъ надзора за сельскими школами. Петиція эта, въ виду новаго ходатайства лифляндскаго дворянства, также оставлена безъ послѣдствій.

Не ожидая однако резолюціи на свои ходатайства, дворянство и пасторы дѣйствовали на мѣстѣ.

Предсѣдатели уѣздныхъ комитетовъ (дворяне) отказались отъ сношеній съ инспекторами народныхъ училищъ, а лифляндскій верховный комитетъ издалъ 1 августа 1887 года циркулярное предписаніе приходскимъ правленіямъ школъ не начинать ученія въ приходскихъ школахъ, а тамъ, гдѣ оно начато, прекратить.

1-го сентября того же года верховный комитетъ разослалъ уѣзднымъ комитетамъ и приходскимъ училищнымъ управленіямъ второй циркуляръ съ оповѣщеніемъ, что лифляндское дворянство „встрѣтило законъ 17 мая съ глубочайшимъ сожалѣніемъ“; что оно усматриваетъ въ этомъ законѣ „принципъ, потрясающій народное школьное дѣло въ его основаніяхъ,

уничтоженіе національнаго и конфессіональнаго характера школы, отдѣленіе ея отъ церкви и посягательство на права послѣдней“. Могутъ ли такія дѣйствія нѣмецкаго дворянства, всегда заявляющаго о своей „лояльности“, найти прецедентъ въ дѣйствіяхъ русскаго?!

Послѣдствіемъ этихъ двухъ циркуляровъ не замедлило явиться постановленіе церковно-школьныхъ конвентовъ о закрытіи приходскихъ училищъ, при чемъ въ четырехъ уѣздахъ лифляндской губерніи изъ 69 существовавшихъ до того времени таковыхъ училищъ было закрыто 59. Въ постановленіяхъ конвентовъ закрытіе училищъ было почти повсемѣстно мотивировано тѣмъ, что „въ приходѣ не было приходскаго училища, а было только приходское обученіе“ (sic!). Всѣ земли, принадлежавшія искони приходскимъ школамъ, были объявлены церковной собственностью, находящейся во владѣніи и пользованіи кистеровъ, и такимъ образомъ эти училища были лишены главнѣйшаго источника своего содержанія. Учителямъ, исполнявшимъ въ то же время обязанности кистеровъ, было предписано отказаться отъ учительства, съ угрозой, въ случаѣ неповиновенія, лишенія должности и выселенія изъ занимаемыхъ ими квартиръ.

Церковные попечители (дворяне), какъ члены училищныхъ учреждений, и пасторы вели въ то же время агитацію противъ новаго закона среди крестьянъ, не затрудняясь произвольнымъ его толкованіемъ, а пасторы даже запугивали крестьянъ съ церковныхъ каедръ, говоря, будто этотъ законъ есть только первый шагъ къ обращенію лютеранскаго населенія въ православіе; что правительство желаетъ, чтобы кистеры-учителя знали русскій языкъ для того, чтобы могли „пѣть въ кирхахъ по-русски“. Одинъ изъ пасторовъ ¹⁾ феллинскаго уѣзда въ 1893 г. говорилъ съ церковной каедры: „Новая школа потеряла свой религіозно-воспитательный характеръ; въ ней водворились свѣтскія науки, не приносящія никакой пользы, а наоборотъ, вводящія бѣдныхъ, страдающихъ отъ недорода крестьянъ въ убытки покупкой ненужныхъ (русскихъ) книгъ. Поэтому крестьяне не должны посылать дѣтей въ школы“.

Въ своемъ отчетѣ объ осмотрѣ школъ за 1898 г. инспекторъ

¹⁾ Этотъ пасторъ открылъ начальное училище подъ видомъ не редуцированной закономъ и никогда въ краѣ до сего времени не существовавшей школы „для приготовленія къ конфирмаціи“, гдѣ преподавались всѣ предметы начальной школы, кромѣ русскаго языка. Іія же школы были открыты пасторами въ м. Оберъ-Паленѣ и г. эллигѣ.

народныхъ училищъ венденскаго района говорить объ одномъ изъ пасторовъ слѣдующее: „При моей ревизіи А—скаго приходскаго училища присутствовалъ мѣстный пасторъ. И въ разговорѣ его со мной, и во время осмотра училища въ присутствіи учениковъ онъ проявлялъ недовольство моими требованіями, а также ироническое и крайне вызывающее отношеніе по поводу успѣховъ учащихся въ русскомъ языкѣ и русской исторіи. Если онъ такъ велъ себя при мнѣ, то можно себя представить, что происходитъ въ училищѣ, когда въ немъ бываетъ этотъ пасторъ одинъ. Тотъ же пасторъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года говорилъ въ кирхѣ проповѣдь, въ которой поздравилъ крестьянъ съ окончаніемъ ученья въ школахъ и выразилъ желаніе, чтобы русскія книги были заперты въ сундуки на цѣлые 6 мѣсяцевъ или же просто сожжены, у кого есть средства на покупку новыхъ къ началу будущаго учебнаго года“.

Затѣмъ пасторы, агитируя противъ открытія министерскихъ училищъ, грозили въ кирхахъ (въ юрьевскомъ и феллинскомъ уѣздахъ) не принимать на конфирмацію тѣхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые обучались въ этихъ училищахъ. Вся эта агитація, однако, не имѣла никакого успѣха; наоборотъ, отъ крестьянъ стали массами поступать и въ управленіе округа, и къ лифляндскому губернатору жалобы на то, что рѣшенія конвентовъ о закрытіи школъ были дѣломъ сплоченнаго большинства помѣщиковъ и пасторовъ и вовсе не соотвѣтствуютъ желаніямъ населенія.

Закрытыя школы были вновь открыты распоряженіемъ административной власти на основаніи предписанія о томъ министерства народнаго просвѣщенія, а законъ 26 октября 1890 г. направленъ былъ къ обезпеченію матерьяльнаго положенія приходскихъ училищъ, а слѣдовательно и дальнѣйшаго ихъ существованія. На основаніи этого закона министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ вопросъ о правѣ пользоваться нѣкоторыми земельными участками въ пользу училищъ, но церковные попечители обжаловали рѣшеніе министра въ 1-ый департаментъ правительствующаго сената, который призналъ, что министр дѣйствовалъ въ предѣлахъ своихъ законныхъ полномочій, не разрѣшая вопроса о права собственности церкви на спорныя земли. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ общемъ судебномъ порядкѣ.

Такое же противодѣйствіе приведенію въ исполненіе закона 17 мая 1887 года оказало дворянство и мѣстное лютеранское духовенство курляндской и эстляндской губерній. Такъ,

эстляндскій губернаторъ, кн. Шаховской, писалъ М. Н. Капустину: „Помѣщики, училищные совѣты и пасторы всѣми силами стараются не вводить въ школахъ русскаго языка, и открыто заявляютъ крестьянамъ, желающимъ замѣстить въ школахъ учителей, не знающихъ русскаго языка, знающими его, что отберутъ у нихъ земельные участки“.

Эта угроза была исполнена. Напримѣръ, у шванебургскаго женскаго училища отняли землю и ее стали обрабатывать пасторъ. Школьное управленіе перестало давать дрова для отопленія этого училища, а учитель его, Медне, пять лѣтъ не получалъ жалованія. Папендорфское приходское училище, закрытое въ 1887 году и возстановленное администраціей, 3 года оставалось безъ дровъ и ремонта (печи развалились). Въ феллинскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ отнял въ 1889 г. у учителя построенной на его землѣ волостной школы ключи отъ школьнаго дома. Въ томъ же уѣздѣ другой помѣщикъ вывезъ изъ школы всю мебель, а школьный домъ назначилъ въ продажу. Надо замѣтить, что въ прежнее время многіе помѣщики давали крестьянамъ, въ виду отсутствія у послѣднихъ собственной земли, небольшіе участки подъ школы. Документовъ на эти участки имъ не выдавалось, потому что мѣстные дворяне вообще избѣгали выдавать крестьянамъ какіе бы то ни было документы, даже расписки въ полученіи арендной или выкупной платы: крестьянинъ долженъ былъ вѣрить барону на слово. Школы владѣли своими участками десятки лѣтъ. Но вотъ, лишь въ той или другой изъ нихъ вводили русскій языкъ, какъ помѣщикъ отбиралъ землю вмѣстѣ съ построеннымъ на ней школьнымъ домомъ. Крестьяне предъявляли гражданскіе иски, но напрасно: суды въ нихъ отказывали. Еще недавно мѣстная нѣмецкая печать ликовала по поводу рѣшенія судомъ нѣсколькихъ такого рода дѣлъ въ пользу помѣщиковъ.

Расчитывая сдѣлать проведеніе реформы фактически невозможнымъ за недостаткомъ учителей, дворянство закрыло всѣ свои семинаріи, кромѣ кармельской ¹⁾. Хотя дѣло реформы

1) Ирмлауская семинарія была временно закрыта, потомъ вновь открыта, причѣмъ курляндскому дворянству было предоставлено право избранія директора ея и учителей. На должность директора былъ определенъ теологъ, не знавшій ни русскаго языка, ни латышскаго, на горомъ обязанъ былъ по закону преподавать воспитанникамъ лютеиское вѣроученіе. Все преподаваніе въ семинаріи было поставлено въ рукъ вонъ плохо, зато онѣмеченіе учащихся началось самое энергичное, что вызвало серьезныя безпорядки и волненія въ этомъ учебномъ заведеніи, приведшія его къ новому закрытію.

отъ этого не только ничего не проиграло, но скорѣе выиграло, тѣмъ не менѣе самый фактъ закрытія семинарій весьма знаменателенъ и характеренъ. Если бы дворянство дѣйствительно близко принимало къ сердцу интересы народной школы, то оно могло бы привести эти „семинаріи“ къ типу хотя бы нѣщнихъ педагогическихъ классовъ при министерскихъ и городскихъ училищахъ въ рижскомъ учебномъ округѣ и готовить въ нихъ, если не хорошихъ учителей, то, по крайней мѣрѣ, сносныхъ учительскихъ помощниковъ.

Въ періодъ времени съ 1887 по 1892 годъ дворянство закрыло до 150 мызныхъ школъ, которыя, по объясненію верховнаго комитета, со времени реформы „для покровителей ихъ перестали быть столь дорогими, какъ прежде“. Въ тѣхъ же мызныхъ школахъ, кои не прекратили своего существованія, помѣщики и до сихъ поръ нерѣдко запрещаютъ учителямъ обучать русскому языку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая доказать правительству неудачу реформы, мѣстныя школьныя управленія различныхъ наименованій прекратили свою дѣятельность и вовсе перестали взыскивать штрафы за пропускаемые учащимися безъ уважительныхъ причинъ школьные дни, вслѣдствіе чего самъ собою упразднился законъ объ *обязательности* обученія въ волостныхъ школахъ. Значеніе этой новой боевой мѣры дворянства станетъ особенно яснымъ, если принять во вниманіе, что передъ реформой размѣръ этихъ штрафовъ съ установленнаго закономъ въ 5 к. (мѣдью) былъ поднятъ въ лифляндской губерніи тѣми же учрежденіями въ 35 приходахъ до 10 коп. сер., въ 3-хъ до 12, въ 1-мъ до 14, въ 17-ти до 24, въ 9 до 25, въ въ 2-хъ до 30 и въ 1-мъ до 35 въ день. Имѣлось въ виду, что съ отмѣной взысканія штрафовъ школы опустѣютъ, каковое внушительное обстоятельство и будетъ поставлено правительству на видъ, какъ слѣдствіе реформы. На самомъ дѣлѣ этого не случилось ¹⁾.

Въ докладной запискѣ верховнаго лифляндскаго комитета на имя министра народнаго просвѣщенія (1894 г.), а также во всеподданнѣйшемъ на Высочайшее имя прошеніи лифляндскаго дворянства указывалось на уменьшеніе числа учащихся

¹⁾ Нельзя однако отрицать, что кое-гдѣ прекращеніе взысканія штрафовъ произвело то дѣйствіе, на которое было рассчитано. Изъ инспекторскихъ отчетовъ видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ курляндской губерніи (гробинскій уѣздъ) и лифляндской (верроскій) число дѣтей, уклоняющихся отъ посѣщенія школъ, иногда превосходитъ число посѣщающихъ таковыя.

въ волостныхъ школахъ съ 48,775 въ 1885-86 году до 44,647 въ 1893-94. Если бы даже такое уменьшеніе послѣ прекращенія взысканія штрафовъ и дѣйствительно произошло, то оно было бы относительно такъ невелико, что свидѣтельствовало бы только о преданности народа реформированной школѣ, въ которую онъ посылалъ своихъ дѣтей, несмотря на всѣ указанныя выше дѣйствія дворянъ и пасторовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, оказалось, что расчетъ, приведенный въ прошеніи дворянства, не вѣренъ: къ 1 января 1894 года во всѣхъ школахъ лифляндской губерніи было 51,325 учащихся, не включая въ это число учениковъ министерскихъ училищъ, а съ ними вмѣстѣ 52,369. Оказалось еще, что въ число учениковъ, показанное въ отчетѣ верховнаго комитета за 1885 годъ, были включены по нѣкоторымъ школамъ и ученики, посѣщавшіе репетиціонные классы, а въ 1893 году таковыя при опредѣленіи общаго числа учащихся въ расчетъ не были приняты. Оба эти прошенія и верховнаго комитета, и лифляндскаго дворянства были оставлены безъ послѣдствій.

Дворянству и пасторамъ оставалось изыскивать новые пути противодѣйствія реформѣ. Ихъ нашли пасторы. Подъ видомъ потребности давать наставленія учителямъ волостныхъ школъ въ преподаваніи Закона Божія, они стали вызывать ихъ къ себѣ въ учебное время и склонять къ неисполненію распоряженій учебныхъ органовъ.

Когда пришлось нѣмецкіе учебники замѣнить русскими, а также нѣкоторые изъ совершенно неудовлетворительныхъ учебниковъ на родныхъ языкахъ учащихся изъять изъ употребленія и ввести на ихъ мѣсто другіе, одицъ пасторъ феллинскаго уѣзда созвалъ всѣхъ учителей прихода въ мѣстный пасторатъ и строго запретилъ имъ вводить новые учебники, рекомендованные по распоряженію управленія округа инспекторами, такъ какъ эти учебники будто бы не одобрены ни „министромъ, ни Государемъ Императоромъ“. Такія собранія происходили часто и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, иногда происходятъ и нынѣ, несмотря на запрещенія со стороны учебнаго начальства. Созывались въ пастораты и крестьяне для внушенія имъ извѣстнаго отношенія къ реформированной школѣ. Въ В. приходѣ ближайшимъ поводомъ къ собранію пасторомъ вліятельныхъ крестьянъ, а также волостныхъ учителей было постановленіе мѣстнаго школьнаго конвента преобразовать приходское училище изъ однокласснаго въ двухклассное съ цѣлью предоставить учащимся возможность лучше изучить русскій языкъ и выбрать съ этой цѣлью учителя,

окончившаго курсъ въ правительственной учительской семинаріи и хорошо говорящаго по-русски.

Въ курляндской губерніи пасторы стали отвлекать учителей отъ занятій въ школахъ на цѣлыя 6 недѣль краткаго учебнаго времени ¹⁾, вызывая ихъ въ пастораты въ помощь себѣ на курсахъ для конфирмандовъ. Вызовы эти, несмотря на многократныя сношенія по этому вопросу попечителя округа съ курляндской консисторіей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не прекращались до послѣдняго времени. Въ юрьевскомъ уѣздѣ въ 1890 году, по донесенію директора народныхъ училищъ, пасторы сдѣлали распоряженіе, чтобы учителя волостныхъ школъ исполняли различныя церковныя требы, — крестили дѣтей, провожали и хоронили покойниковъ и т. под.

Въ прежнее время пасторы не принимали на конфирмацію молодыхъ людей, не посѣщавшихъ волостной школы въ теченіе полныхъ трехъ зимъ. Послѣ реформы, особенно въ курляндской губерніи, они конфирмовали ихъ и послѣ двухъзимняго посѣщенія школы ²⁾. Такъ какъ конфирмованные, по мѣстному обычаю, посѣщать школу считаютъ для себя уже неприличнымъ, то пасторы такимъ образомъ „спасали“ многихъ учащихся отъ русскаго языка, который особенно усиленно преподается именно въ 3-ю зиму, вслѣдствіе чего во многихъ школахъ третьезимники почти отсутствуютъ.

Есть у пасторовъ и еще способъ мѣшать успѣхамъ въ волостныхъ школахъ, — сокращать учебное время; онъ практиковался еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ лифляндской губерніи. Мѣстное крестьянское населеніе привыкло считать послѣднимъ весеннимъ днемъ ученія въ школѣ день пріѣзда въ нее пастора для производства испытанія, при чемъ устраивалось нѣчто въ родѣ торжественнаго акта. Въ дореформенное время пасторы дѣлали эти весенніе объѣзды школъ предъ самой Пасхой; послѣ же реформы они стали объѣзжать ихъ въ январѣ или въ началѣ февраля, и съ этого времени масса учащихся перестаетъ являться въ школу. Сколь ни маловѣроятнымъ это можетъ показаться, пасторы начали пользоваться даже Закономъ Божиимъ въ качествѣ орудія, направленнаго

¹⁾ Въ волостныхъ школахъ ученье происходитъ съ середины октября до пасхи.

²⁾ Въ этой губерніи, несмотря на неоднократно повторенныя высшей комиссіи требованія попечителя округа и министерства народнаго просвѣщенія, въ волостныя школы до послѣдняго времени продолжался пріемъ учениковъ не съ 10-лѣтняго, установленнаго закономъ, возраста, а съ 13—14 лѣтъ.

противъ русскаго языка въ народной школѣ. Чтобы отвлечь отъ послѣдняго силы учащихся и воспримчивость учащихся, они значительно увеличили программу по этому предмету въ волостныхъ школахъ, особенно въ лифляндской губерніи. Въ § 15 учебныхъ плановъ, изданныхъ въ свое время лифляндскимъ верховнымъ комитетомъ для этихъ школъ до перехода ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, *въ течение трехъ зимъ* было назначено выучить первые стихи и мелодіи 40—50 хораловъ и весь текстъ 5—7-ми. Въ 1892 году было предъявлено требованіе, чтобы ученики волостныхъ школъ заучивали *въ каждую зиму* мелодіи 30 хораловъ, первые стихи 26 и полный текстъ 4-хъ. Это составляетъ въ 3 года: мелодіи 90 хораловъ, первые стихи 78 и полный текстъ 12-ти. Волостные учителя напрасно заявляютъ о чрезмѣрномъ обремененіи учащихся: пасторы остаются въ своихъ требованіяхъ непреклонными. Такимъ образомъ, лютеранское духовенство, по выраженію бывшаго попечителя округа, М. Н. Капустина, вооружилось безконечнымъ вервиемъ хораловъ, чтобы гнать имъ изъ школы ненавистный русскій языкъ.

Выше было сказано, что мѣстныхъ управленія школъ, комитеты и комиссіи разныхъ наименованій кромѣ высшихъ, курляндской и эстляндской, прекратили свою дѣятельность въ надеждѣ этимъ затруднить учебнымъ органамъ (въ началѣ къ тому же крайне недостаточнымъ въ лицѣ 1 директора и 4-хъ инспекторовъ народныхъ училищъ) проведеніе реформы. Это не мѣшало имъ, однако, время отъ времени напоминать о себѣ какими-либо враждебными послѣдней распоряженіями. Такъ, напримѣръ, управленія приходскихъ школъ запрещали обучать русскому языку дѣвочекъ, а въ 1898 году пасторы, предсѣдатели мѣстныхъ школьныхъ управленій въ курляндской губерніи, издали распоряженія, чтобы въ первыя двѣ зимы въ волостныхъ школахъ преподаваніе всѣхъ предметовъ производилось *исключительно* на латышскомъ языкѣ, а русскій преподавался бы *переводнымъ* методомъ. Очевидно, этими распоряженіями, исполненіе коихъ составляетъ *pium desiderium* дворянско-пасторской партіи, имѣлось въ виду сдѣлать новую попытку свести русскій языкъ въ народной школѣ на нѣтъ, удержавъ его въ программѣ послѣдней чисто формальнымъ образомъ.

Н. Нахимовъ.

(Продолженіе будетъ).

Комната налѣво.

Краткое, но обстоятельное изложеніе нѣкихъ примѣчательнѣйшихъ дней моей жизни.

Составилъ и записалъ, въ досужее отъ занятій время, коллежскій регистраторъ Василій Капитоновичъ Ярлычковъ, младшій дѣлопроизводитель N-скаго 8-го акцизнаго округа, въ сіе званіе изъ писцовъ возведенный за примѣрное усердіе по службѣ.

I.

Питая съ малыхъ лѣтъ своихъ сильную склонность къ письменнымъ занятіямъ, я, окончивъ курсъ въ мѣстномъ уѣздномъ четырехклассномъ училищѣ, опредѣлился писцомъ въ N-ское акцизное управленіе, благодаря протекціи и вниманію Софіи Константиновны, госпожи Гурѣвой, супруги господина акцизнаго надзирателя.

Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ моей родительницей, она соблаговолила оказать намъ великое благодѣяніе, такъ какъ достатки наши съ матушкой были очень незначительны и мое, хотя и небольшихъ размѣровъ, содержаніе все-таки являлось для насъ существенной поддержкой.

Принимая во вниманіе благосклонное отношеніе къ намъ господина надзирателя и его супруги, мы, не задумываясь, переѣхали вслѣдъ за ними въ губернскій городъ, когда высшее начальство опредѣлило ему переводъ по службѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ губернскій городъ, господинъ надзиратель представилъ меня къ повышенію, и я былъ назначенъ на казенную службу помощникомъ бухгалтера, затѣмъ младшимъ дѣлопроизводителемъ и, вотъ, теперь пошелъ уже двадцать восьмой годъ моей служебной карьеры.

Предаваясь всегда ревностно своимъ концелярскимъ обязанностямъ, я не замѣтилъ совсѣмъ, какъ протекла вся жизнь моя, и только тогда, когда сѣдина и морщины превратили нѣкогда цвѣтущаго юношу въ угрюмаго старика, тогда только судьба уготовила мнѣ такія испытанія, которыя наполнили мою душу горечью и которыя перевернули всю остальную жизнь мою вверхъ дномъ.

Правильное теченіе, вдругъ, безъ всякихъ видимыхъ и объяснимыхъ для меня причинъ, перемѣнило русло и неудержимымъ потокомъ залило и уничтожило всѣ мои радужныя мечтанія и надежды.

Да, именно такъ, все уничтожило!..

Чего никакъ не ожидалъ, то случилось, — откуда ждалъ яснаго солнечнаго луча, долженствовавшаго озарить и согрѣть остатокъ дней моихъ, оттуда дождался гнѣвныхъ взглядовъ, неумѣстныхъ и непонятныхъ мнѣ насмѣшекъ и всякаго рода колкостей... И вотъ, что значитъ предчувствіе!

Конечно, я былъ радъ, когда пустовавшую комнату, налѣво отъ чистыхъ сѣней, нанялъ какой-то чиновникъ-телеграфистъ. Я былъ весьма этимъ доволенъ и, получивъ задатокъ, поздравилъ Анну Ивановну съ прибавленіемъ семейства, — но какъ только я эти слова сказалъ, я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, почувствовалъ такое сильное огорченіе, и мнѣ сдѣлалось такъ грустно, какъ будто что-то испортилось, чего ужъ и поправить нельзя.

Такъ все началось, а чѣмъ кончится, одному Богу извѣстно...

* * *

Иванъ Сергѣевичъ Хлестневъ, новый постоялецъ, человекъ, по всему видно, аккуратный и, хотя и молодой, однако издѣлалъ себѣ никакихъ не только не позволяетъ, но и въ другихъ ихъ даже не понимаетъ. А это по моему нехорошо. Ну, самъ не пьешь, не куришь, не предаешься, однимъ словомъ, ничему порочному, ну, и пусть себѣ, но за что же другихъ казнить?

За то, что они въ себѣ слабости имѣютъ? И если самъ, благодаря Господа Бога, отъ подобной слабости освобожденъ, то не слѣдуетъ изъ-за этого въ себѣ гордость воспитывать и почитать себя лучше всѣхъ прочихъ, но возблагодарить Создателя за укрѣпленіе души и тѣла.

Нѣтъ, Анна Ивановна жестоко ошибается, если почитаетъ Ивана Сергѣевича наидостойнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Ну, какія въ немъ могутъ быть достоинства, когда онъ на

службѣ безъ года недѣлю состоитъ, а здѣсь такъ зазнался, что даже рѣшается со мной, съ чиновникомъ, вотъ уже двадцать восьмой годъ пребывающимъ на казенной службѣ, многократно получавшимъ отъ начальства благодарности за прекрасное, безупречное исполненіе своихъ обязанностей, въ препирательство вступать? Не выслушавъ до конца ни одного моего вѣскаго возраженія, онъ позволяетъ себѣ утверждать, что я ничего не понимаю, все, молъ, путаю... И это тогда, когда я ко всему, къ каждому своему замѣчанію имѣю причину, можетъ быть, ему малопонятную, но совершенно основательную.

Вся моя ошибка заключалась въ томъ, что этого господина я не раскусилъ сначала. Когда онъ переѣхалъ въ комнату, налѣво отъ чистыхъ сѣней, то я, зная, какъ огорчаетъ и даже подрываетъ здоровье Анны Ивановны постоянное пустованіе вышеозначенной комнаты, старался всѣми силами сказать молодому человѣку что-либо пріятное въ разговорѣ и, тѣмъ самымъ, сдѣлать ему пріятнымъ мѣстопребываніе въ нашемъ обществѣ.

Замѣтивъ, напримѣръ, что онъ любитъ говорить о себѣ, я старался продлить этотъ разговоръ, насколько это отъ меня зависѣло.

Безъ возраженія, терпѣливо выслушивалъ я, какъ онъ представлялъ во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ свою персону на первый планъ.

Анна Ивановна, надо сказать, мою тактику не поняла, да я и не хотѣлъ, чтобы она понимала мои старанія, но я все-таки думалъ, что и ей его самовосхваленіе не по душѣ, а молчитъ она, конечно, оттого, что нельзя же изъ-за пустыхъ разговоровъ постояльцу непріятности дѣлать. Пусть себѣ мелеть безъ помѣхи, что хочеть.

Да-съ, думаль-то я, что выйдетъ одно, а на дѣлѣ вышло другое...

Сперва Анна Ивановна все больше молчала и только слушала, но вскорѣ сама стала вступать въ разговоръ съ Хлестневымъ, а онъ еще съ бѣльшимъ наслажденіемъ прицался себя восхвалять передъ ней. Все я, да я, безъ конца, и все это онъ такъ ловко умѣлъ представить, что и на самомъ дѣлѣ, если не вдуматься хорошенько въ его слова, то, право, можно вывести заключеніе, что ужъ лучше и умнѣе, и образованнѣе Ивана Сергѣевича на всемъ свѣтѣ нѣтъ.

И вотъ Анна Ивановна такъ повѣрила ему, что даже съ Аграфеной, кухаркой, о немъ говорила и хвалила.

— Никогда,—говорить,—Аграфенушка, у насъ еще такого постояльца прекраснаго не было.

Когда Аграфена мнѣ эти самыя слова передала, то мнѣ очень обидно и даже горько сдѣлалось.

Можно сказать, что за тринадцать лѣтъ моего постоянного жительства въ домѣ Анны Ивановны я слышалъ подобную вещь въ первый разъ, и къ тому же совершенно несправедливо.

Ну, что въ немъ можетъ быть привлекательнаго? Мальчишка, самонадѣяннѣйшій мальчишка и больше ничего! Нѣтъ, никогда не могу повѣрить, чтобы Анна Ивановна такая, не только милая во всѣхъ отношеніяхъ, особа, но и чрезвычайно умная женщина, вдругъ сказала такія несправедливыя слова! Аграфена что-нибудь спутала, не поняла, а туда-же суется: сплетница, баба, вотъ и все...

Однако, вскорѣ обстоятельства перемѣнились настолько, что я не на шутку обезпокоился и понялъ, что дѣло не ладно.

Начнемъ съ того, что Хлестневъ принесъ балалайку, на которой онъ, какъ оказалось, съ чувствомъ играетъ.

Признаюсь, я большой любитель музыки и, хотя самъ талантомъ не обладаю, но слушать люблю чрезвычайно. Этимъ лѣтомъ я, не стѣсняясь разстояніемъ, ежедневно ходилъ въ городской садъ, гдѣ игралъ духовой оркестръ военной музыки, и съ наслажденіемъ слушалъ по цѣлымъ часамъ. Поэтому, увидавъ въ рукахъ Хлестнева балалайку, я заинтересовался и приготовился слушать, но удивительно!.. Несмотря на выражаемая на лицѣ его чувства, игра его ничуть не тронула меня а нѣкоторыя цыганскія пѣсни, которыя онъ исполнилъ, мнѣ, такъ совершенно не понравились. Въ голосѣ у него есть какая-то хрипота, весьма непріятная для уха.

Но на Анну Ивановну онъ произвели, къ великому моему удивленію такое сильное впечатлѣніе, котораго я даже и объяснить никакъ не могъ. У нея и краска на щекахъ выступила, и отъ этого она, какъ будто, помолодѣла и похорошѣла до чрезвычайности.

Вскорѣ послѣ этого, не могу сказать—очень пріятнаго для меня препровожденія времени, я сталъ замѣчать, что Анна Ивановна хворааетъ, хотя сознаться мнѣ въ этомъ не хочетъ.

По утрамъ мы утренній чай аккуратно пьемъ въ семь часовъ, такъ какъ въ половинѣ девятаго я долженъ быть въ управленіи и, смѣю завѣрить, что за всю мою двадцативосьмилѣтнюю службу я пришелъ съ опозданіемъ только два раза. Въ первый разъ, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, рано

утромъ скончалась моя матушка,—царствіе ей небесное,—а въ другой разъ, три года тому назадъ, когда по случаю сильной гололедицы я вывихнулъ себѣ ногу и былъ привезенъ домой, къ великому испугу Анны Ивановны, на извозчикѣ.

Всѣ подумали, что я сломалъ себѣ ногу, такъ какъ боль была такая сильная, что я почти непрерывно стоналъ часа три, но, слава Богу, все обошлось благополучно и, когда я оправился и пришелъ въ первый разъ, послѣ вышеуказаннаго печальнаго случая, въ управленіе, то его превосходительство, увидавъ меня, пріятно улыбнулись и освѣдомились о состояніи моего здововья, причемъ изволили отмѣтить мою пунктуальную (ихъ подлинныя слова) аккуратность.

Описываю это событіе не для самовосхваленія, а просто потому, что къ слову пришлось.

Итакъ, замѣтилъ я, что Анна Ивановна, стала выходить блѣдная, какъ будто усталая, а глаза такія тоскующія, что ужъ по этому одному можно было безошибочно опредѣлить, что Анна Ивановна чѣмъ-то занемогла.

Однако, она это упорно отрицала и не только отрицала, но даже разсердилась на меня, когда я сталъ настаивать, чтобы она, насыпавъ въ чулки горчицы, напилась горячей малины,—заварить надо, какъ чай,—и легла полежать денекъ, другой.

Надо сказать, что я это средство рекомендовалъ потому, что оно испытано мною лично на себѣ. Если 'сухая, малина' хорошаго качества, а горчица крѣпкая, нѣтъ такой болѣзни, которая бы устояла отъ этого, повидимому, совершенно простаго средства.

Но Анна Ивановна, неизвѣстно за что, такъ сердито на меня взглянула, что я принужденъ былъ замолчать.

Не желая ее раздражать, я перемѣнилъ разговоръ и высказалъ сожалѣніе, что Хлестневъ не можетъ (онъ задерживается на телеграфѣ) одновременно напиться съ нами чаю, а пьетъ его въ девять часовъ, что причиняетъ Аннѣ Ивановнѣ хлопоты, не говоря уже о томъ, что является и лишній расходъ на уголь. Но Анна Ивановна и это мое замѣчаніе приняла немилостиво и только отмахнулась, какъ отъ назойливой мухи.

Слѣдующіе дни Анна Ивановна продолжала страдать и даже въ нѣсколько дней такъ похудѣла, что я не на шутку испугался и, хотя робѣлъ въ душѣ, но всетаки рѣшился ей предложить еще одно средство—очистить желудокъ. Отъ многихъ я слыхалъ, что это до чрезвычайности полезно и

что гдѣ-то былъ одинъ весьма знаменитый докторъ, который никогда ни съ кѣмъ изъ пациентовъ разговаривать, бывало, не станетъ, не заставивши его предварительно выпить изрядную порцію кастороваго масла.

На мое робкое замѣчаніе Анна Ивановна не разсердилась, а только какъ-то криво усмѣхнулась, не то моимъ словамъ, не то своимъ мыслямъ.

— Нѣтъ,—сказала она, немного погодя,—я здорова, вотъ отговѣюсь, тогда... тогда полегчаетъ.

Признаюсь, я удивился, когда услыхалъ, что Анна Ивановна вздумала говѣть. Конечно, съ моей стороны будетъ естественно замѣтить, что такая достойная особа, какъ Анна Ивановна, всегда отличалась примѣрнымъ благочестіемъ и не только всѣ посты соблюдала, но еженедѣльно по средамъ и по пятницамъ посѣщала церковь, гдѣ, бывало, отстоять всю утреню и принесть домой просфору. Говѣла же она всегда однажды въ годъ на четвертой недѣлѣ великаго поста. Что же случилось такого, что принудило ее искать утѣшенія въ исповѣди и святомъ причащеніи?

Я былъ очень удивленъ, но воздержался отъ всякихъ вопросовъ, полагая, что Аннѣ Ивановнѣ тяжело будетъ говорить объ этомъ, чтобы удовлетворить мое надоедливое и, пожалуй, неумѣстное любопытство.

Однако, этотъ неразрѣшенный вопросъ не давалъ мнѣ покоя не только весь день, но и ночью еще это продолжало сильно тревожить меня. Къ тому же въ этотъ самый день за обѣдомъ, хотя ничего ровно такого не случилось, что бы можно было замѣтить и записать утвердительно, но мнѣ показалось, что Анна Ивановна, вмѣсто веселаго и иногда даже чрезмѣрно оживленнаго разговора съ Хлестневымъ, которымъ они за послѣднее время постоянно обмѣнивались, какъ будто избѣгала не только разговаривать съ нимъ, но даже смотрѣть на него. Меня же, наоборотъ, заговорила совсѣмъ и даже, можно сказать, неизомѣрно заинтересовалась новымъ способомъ сушки табаку, который вводится теперь на всѣхъ фабрикахъ. О немъ сегодня въ управленіи былъ подробный докладъ, и я, не менѣе подробно, изложилъ этотъ способъ Аннѣ Ивановнѣ, чѣмъ и заслужилъ ея одобреніе. Странно, однако, что Хлестневъ не выказалъ не малѣйшаго интереса, несмотря на то, что самъ курилъ, по моему, прямо до неприличія много.

Онъ не пожелалъ вступить съ нами въ разговоръ и, какъ только обѣдъ кончился, онъ сейчасъ же всталъ и опять, не сказавъ ни слова, довольно неучтиво удалился, чему вопро-

чемъ, — что грѣха таить, — я былъ въ душѣ очень доволенъ. Давно мнѣ ужъ не приходилось посидѣть хоть такъ, вдвоемъ, въ пріятномъ разговорѣ съ Анной Ивановной. Потомъ она стала собираться къ вечернѣ, а я вызвался ее проводить, а затѣмъ отправился на вечернія занятія въ управленіе.

По дорогѣ въ церковь мы встрѣтили Хлестнева съ какою-то прекрасно одѣтой дамой. Я даже удивился, что у него могутъ быть такія интересныя знакомыя, но Анна Ивановна, вѣроятно, не слыхала моего замѣчанія, такъ какъ не отозвалась ни однимъ словомъ.

Признаюсь, что весь этотъ день произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, такъ что я долго, долго не могъ заснуть и отъ какого-то страннаго безпокойства все ворочался на постели.

Съ одной стороны, это неожиданное говѣнье Анны Ивановны, съ другой стороны — ея явное вниманіе ко мнѣ и нежеланіе даже взглянуть на Хлестнева... Странно, но до сей поры мнѣ ни разу не приходила въ голову мысль, что моя персона можетъ кому-нибудь понравиться и что даже такая, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, дѣвица, какъ Анна Ивановна, вдругъ окажетъ мнѣ вниманіе и остановитъ на мнѣ свой взоръ?

Признаюсь откровенно, что мысль эта не только не покинула меня на слѣдующее утро, но, напротивъ, не успѣлъ я открыть глаза, какъ я уже думалъ о вчерашнемъ. Это привело меня въ такое состояніе духа, что даже не поданные Аграфеной сапоги (что всегда приводитъ меня въ сильный гнѣвъ) ничуть не разстроили меня, и я только для виду прикрикнулъ на нее. Глупая баба что-то забурчала мнѣ въ отвѣтъ, но я и слушать не сталъ. За чаемъ я Анны Ивановны не засталъ, она ушла въ церковь къ обѣднѣ, но за обѣдомъ, хотя она по вчерашнему была со мной привѣтлива, однако, лицо ея выражало такую грусть, что и я почувствовалъ сильнѣйшую тоску и мнѣ сдѣлалось и стыдно, и горько вспомнить свое вчерашнее оживленіе.

Такъ прошла вся недѣля. Хлестневъ тоже былъ почему-то не въ духѣ, на балалайкѣ не игралъ, дома сидѣлъ меньше и нѣсколько разбранился съ Аграфеной, причѣмъ та ему весьма дерзко, но справедливо отвѣтствовала.

Я даже начиналъ думать, что онъ не сегодня, завтра заявитъ о томъ, что перебирается на другую квартиру. По правдѣ говоря, эта мысль мнѣ была пріятна, хотя я зналъ, что Анна Ивановна не скоро найдетъ себѣ зимой постояльца, такъ какъ комната и сыра, и холодна, тамъ страшно дуло изъ сѣней, и

никакая обивка дверей не помогала; но главное неудобство заключалось въ томъ, что эта комната помѣщалась надъ погребомъ и это не только причиняло сырость, но и нѣкоторый затхлый запахъ. Особенно тяжело тамъ было, когда въ погребъ ставили бочку съ капустой. Одно время, помню, мы даже совѣщались съ Анной Ивановной, заготовлять ли на зиму капусту, или нѣтъ.

Но обдумавъ хорошенько, пришли къ тому заключенію, что постояльца-то можетъ и не быть, а капуста всегда понадобится.

Да, я зналъ очень хорошо, что зимой никто не сниметъ этой комнаты, но не знаю, по какой причинѣ я скорѣе бы помирился съ недовольствомъ Анны Ивановны, — а это вѣдь не мало огорчаетъ меня, — чѣмъ съ присутствіемъ этого несимпатичнаго мнѣ молодого человѣка.

Однако, время шло, а онъ молчалъ и не уѣзжалъ. Анна Ивановна отговѣлась и по случаю принятія Святыхъ Таинъ надѣла новое кашемировое, сиреневаго цвѣта, платье, въ которомъ была прямо поразительно интересна. Не могу не сознаться, что образъ ея въ этомъ платьѣ такъ и врѣзался мнѣ въ сердце и долго преслѣдовалъ меня. Давно не видалъ я ее такой веселой и радостной, какой она предстала передо мной, въ этотъ достопамятный мнѣ день.

Въ этотъ день только я понялъ, что Анна Ивановна мнѣ дорога и близка, не только какъ прекрасная и заботливая хозяйка, какъ высокими качествами одаренная особа, а какъ существо женскаго пола, которое возбуждаетъ во мнѣ сильное, могу сказать, непреодолимое чувство любви!

Не знаю, какъ и когда это чувство появилось, но знаю на вѣрное, что она всегда была мнѣ дороже всего на свѣтѣ съ самаго перваго дня моего знакомства съ нею, но ощутилъ я это сознательно только теперь, вотъ въ эту самую минуту, когда взволнованная, съ стыдливимъ, какъ будто отъ чего-то отпѣкивающимся взглядомъ, она стоитъ около Хлестнева и спорить съ нимъ о томъ, что ежели первый снѣгъ упадетъ на талую землю, то это къ снѣжной зимѣ, а если на мерзлую землю, то зима будетъ безснѣжная.

Открытіе это наполнило мою душу какимъ-то горькимъ разочарованіемъ.

Мнѣ было радостно любить такую чудную особу, но въ то же время мнѣ было горько, что въ эту самую минуту она не моя, а стоитъ около какого-то Хлестнева и интересуется его разговорами. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы и она почувствовала

то же самое влеченіе ко мнѣ и полюбила бы меня такъ, какъ я любилъ ее.

Послѣ обѣда (Аграфена тоже заразилась общимъ настроеніемъ и приготовила такой вкусный пирогъ, какъ никогда, или ужъ мнѣ въ этотъ день все казалось какимъ-то волшебнымъ) Анна Ивановна сказала, что мнѣ надо пойти отдохнуть, а она пойдетъ купить шерсти для новой шали.

Надо сказать, что Анна Ивановна великолѣпно вязала шарфы и что даже самія завзятая модницы и аристократки ей ихъ заказывали. Несмотря на то, что мнѣ ни чуть не хотѣлось отдыхать,—развѣ я могъ бы сейчасъ заснуть?—но мнѣ пріятно было подчиниться ей и я безъ возраженія покорился. Ей хотѣлось, чтобы я отдохнулъ, ея заботливость трогала меня до глубины души. Значить, ей дорого мое здоровье, значить, и она думаетъ обо мнѣ. Боже мой! Неужели же мнѣ, такому незначительному, можно даже сказать, ничтожному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку, Господь судилъ такое великое счастье?

Въ волненіи ходилъ я взадъ и впередъ по комнатѣ. Лечь я рѣшительно не могъ и продолжалъ мечтать.

Когда я случайно взглянулъ на висѣвшее между окнами зеркало (опять эта лѣнивая Аграфена забыла вытереть пыль, а ужъ на что ее пробираетъ Анна Ивановна!), то я прямо поразился своимъ видомъ.

Право, я тоже казался значительно помолодѣвшимъ, и какъ ни совѣстно выражаться такимъ образомъ про себя, но и я всебѣмъ ужъ не такъ дурень, какъ это про себя воображалъ. Вотъ ежели сравнить, для примѣра, съ Хлестневымъ, который мнитъ себя красавцемъ,—совершенно, по моему, напрасно, — конечно, онъ ни больше, ни меньше, какъ мальчишка, да онъ много мбложе меня, я же выше его, и хотя я худощавъ, но это ничуть не портитъ меня, тогда какъ онъ, когда доживетъ до моихъ лѣтъ, то, навѣрно, страшно растолстѣетъ. Затѣмъ, у меня усы прямо венгерскіе, бороду я брею для опрятности, ну, а онъ свои черные усики хотя и щиплетъ безпрестанно (пренепріятный это у него жестъ), но они чрезвычайно малы и никакой красоты изъ себя не представляютъ. Вотъ только лысина...

Размышленія мои у зеркала были прерваны появленіемъ подъ окномъ этого самого Хлестнева, который что-то громко говорилъ и кому же? Аннѣ Ивановнѣ!

Я не успѣлъ придти въ себя отъ изумленія, какъ хлопнула жалитка и они оба скрылись. Такъ это они оба вмѣстѣ пошли за шерстью?..

Мнѣ сдѣлалось такъ обидно, что не я пошелъ съ Анной Ивановной, что, ей-Богу, я чуть-чуть не заплакалъ. Мнѣ никогда въ голову не приходила возможность такого нахальства съ его стороны... Кому онъ нуженъ, Боже мой, чего онъ суется?

Однако, дурное расположеніе духа скоро покинуло меня и я терпѣливо дождался возвращенія Анны Ивановны; она прогуляла около часу, прельстившись хорошей погодой, ходила на мостъ смотрѣть на ледъ и не замѣтила времени. Вернулась она одна и была въ чрезвычайно пріятномъ настроеніи.

Я былъ очень доволенъ, что Хлестнева нѣтъ; мы напились вдвоемъ чаю, затѣмъ я предложилъ ей свои услуги прочитать одинъ весьма интересный рассказъ, который напечатанъ въ послѣдней книжкѣ собранія романовъ и повѣстей. Этотъ журналъ я всегда заимствую у нашего старшаго бухгалтера, а такъ какъ я большой поклонникъ литературы, то всегда съ удовольствіемъ прочитываю прекрасныя повѣсти и рассказы, которыя помѣщаются въ этомъ журналѣ.

Анна Ивановна также одобряетъ мое чтеніе, вотъ только въ послѣднее время, съ появленіемъ этого Хлестнева, все какъ будто переизмѣнилось; одно время я даже думалъ, что все разстроилось. Теперь же я смѣлъ надѣяться, что все пойдетъ не по прежнему, а по иному, Богъ дастъ, по лучшему, по счастливому и, можетъ быть, неизвѣстно за что, мнѣ предстоитъ на старости лѣтъ получить такое непредвидѣнное, великое счастье!

Каюсь, что въ этотъ вечеръ мое чтеніе (всегда выразительное и ясное) не удовлетворило меня; голосъ мой звучалъ какъ то глухо, а когда офицеръ признавался въ любви главной героинѣ, весьма свѣтской, но чрезвычайно пустой и легкомысленной особѣ, къ которой я ужъ никоимъ образомъ не могъ приравнять Анну Ивановну, — когда я читалъ его любовныя объясненія героинѣ романа, то голосъ мой сильно дрожалъ; мнѣ представлялось, что офицеръ это я и вмѣсто главной героини я обращалъ слова свои къ Аннѣ Ивановнѣ, которая, низко склонившись надъ работой, чтобы скрыть свое смущеніе, въ волненіи слушала.

Не успѣлъ я окончить чтеніе (продолженіе откладывалось о слѣдующаго нумера), какъ Анна Ивановна быстро встала и, не сказавъ ни слова, вышла изъ комнаты. Тутъ только я замѣтилъ, что лицо ея было заплакано. Сердце мое забилося неимоверно сильно и я готовъ былъ броситься за ней вслѣдъ и, крѣпко обнявъ ее, осушить эти слезы жаркими поцѣлуями, но внезапное появленіе Аграфены привело меня въ себя.

Приказавъ ей осмотрѣть, заперты ли всѣ двери на ключъ, я собственноручно погасилъ лампу. Послѣ того, какъ Аграфена однажды разбила прекрасную лампу, погасивъ и затѣмъ наткнувшись на нее, причеиъ залила, хотя и не совсѣмъ новую, но все еще очень хорошую скатерть, я всегда это дѣлаю самъ и затѣмъ отправляюсь на свою половину.

Долго ходилъ я въ эту ночь по комнатамъ взадъ и впередъ и дѣлалъ заочно Аннѣ Ивановнѣ самыя пылкія признанія; наконецъ, усталость побѣдила меня и я, усердно помолившись и поблагодаривъ Создателя, заснулъ растроганный и счастливый, какъ дитя.

II.

Увы, за этимъ днемъ, проведеннымъ мною въ мечтаніяхъ, послѣдовали другіе, и они оказались не только не схожими съ тѣми радостными днями, которыми, какъ мечталъ я, глупецъ, усладится вся остальная жизнь моя, но совершенно даже противоположными тѣмъ тихимъ и спокойнымъ днямъ, какими отличалось раньше мое жительство у Анны Ивановны.

Уже на слѣдующее утро я былъ пренепріятно пораженъ, заставъ господина Хлестнева, Богъ вѣсть—почему, пребывающаго тутъ, а не на обязательномъ дежурствѣ своемъ въ телеграфной конторѣ, за утреннимъ чаемъ, причеиъ онъ, съ отличающимъ его нахальствомъ, сидѣлъ, развалясь, на обычно занимаемомъ мною мѣстѣ и подтрунивалъ надъ Аграфеной, которая ежеминутно проходила мимо насъ то со щеткой, то съ тряпкой. Она убирала комнаты и я не вежу причинъ, коими руководился господинъ Хлестневъ для изощренія своего, можно сказать, весьма скуднаго остроумія. При этомъ Хлестневъ безъ всякаго стѣсненія поѣдалъ сдобныя булки, пріобрѣтенныя мною вчера, по случаю принятія Анной Ивановной Святыхъ Тайнъ, и пилъ стаканъ за стаканомъ чай и все въ накладку. Не будучи скупъ отъ природы, я бы не отмѣтилъ его прозорливости, но привожу это замѣчаніе, какъ явное доказательство неделикатности, даже болѣе, неприличной развязности этого молодого человѣка.

Удалившись, по обыкновенію, въ опредѣленное время въ управленіе, я по дорогѣ все время думалъ, что этому надо положить конецъ и что, какъ мнѣ ни страшно и ни совѣстно, но я долженъ высказать Аннѣ Ивановнѣ питаемая мною къ ней чувства и спросить ее, желаетъ ли она принять отъ меня предложеніе руки и сердца и вступить въ законный бракъ.

На обратномъ пути я зашелъ въ часовню и поставивъ свѣчку святому Василию Блаженному, простоялъ нѣсколько минутъ и въ краткой, но жаркой молитвѣ испросилъ Божье благословеніе на замышляемое мною важное дѣло.

Странное, можно, я полагаю, такъ выразиться, существо человѣкъ. Откуда это въ немъ всегда совмѣщаются столь разнообразныя чувства, что не только онъ самъ, но и великіе философы, какъ говорятъ, не всего могутъ умомъ своимъ достигнуть и какъ слѣдуетъ растолковать. Вотъ хоть я, напримѣръ, ну, что я такое собой представляю, когда и на какія такія житейскія обстоятельства могу я оказать вліяніе, а между тѣмъ сколько во мнѣ чувствъ проявляется,—чувствъ, которыхъ я до сихъ поръ въ самомъ себѣ не вѣдалъ и которыя, можно сказать, самаго тихаго, незамѣтнаго человѣка могутъ въ вулкана превратить. Много можетъ такой человѣкъ подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшихъ на него неизвѣстно откуда чувствъ бѣды натворить. Вся жизнь его можетъ смыслъ потерять, если такое чувство останется безъ удовлетворенія, все существо его можетъ наполниться отчаяніемъ и такой человѣкъ будетъ въ тягость и себѣ, и другимъ, ибо станетъ человѣкомъ отчаяннымъ.

Столь странныя, впервые за всю мою жизнь пришедшія мнѣ въ голову размышленія были прерваны мыслью, что Анна Ивановна приказывала сегодня Аграфенѣ купить халвы, а такъ какъ Аграфена вообще отличается большой забывчивостью, то и на этотъ разъ она можетъ позабыть купить халвы, а Анна Ивановна предпочитаетъ чай съ халвой всякимъ другимъ лакомствамъ,—и потому я немедленно же отправился въ лавку и приобрѣлъ тамъ фунтъ халвы. Удивительно, что въ этомъ году всякая бакалея подорожала копѣекъ по пяти на фунтъ; интересно бы знать, почему это такъ?

Несмотря на то, что и размышленія мои, и покупка халвы были подсказаны мнѣ природной робостью, чтобы оттянуть свое прибытіе домой, но ежели я встрѣчу тамъ Анну Ивановну одну, то не удержусь и объясню ей свою сердечную тайну. Мнѣ и хотѣлось это сдѣлать, то есть, еслибы я засталъ теперь съ Анной Ивановной какую-нибудь другую личность, то я былъ бы чрезвычайно огорченъ, такъ какъ всѣмъ своимъ сердцемъ стремился къ ней, а между тѣмъ мысль, что я останусь съ ней наединѣ и заговорю о такомъ предметѣ, внушала мнѣ такую робость, что, подходя къ двери, я дрожащей рукой такъ неловко дернулъ за звонокъ, что никто его, вѣроятно, не слыхалъ, и я, постоявъ въ ожиданіи у двери нѣсколько минутъ, вновь дернулъ, на этотъ разъ неучтиво

сильно, звонокъ и съ замирающимъ сердцемъ услыхалъ приближающіеся къ двери шаги.

Отворила дверь сама Анна Ивановна съ такимъ цвѣтущимъ и веселымъ видомъ, что я моментально позабылъ свою робость и преподнесъ ей халву съ такимъ, можно сказать, ловкимъ поклономъ, что разсмѣшилъ Анну Ивановну и, пока я раздѣвался въ передней, она все время смѣялась.

Не могу до сихъ поръ отдать себѣ отчета, какъ я вошелъ въ комнату вслѣдъ за Анной Ивановной и какъ я началъ говорить и что я ей говорилъ. Не отличаясь отъ природы ораторскимъ талантомъ, я, должно быть, выражался крайне сбивчиво и неясно, потому что Анна Ивановна ничего мнѣ не отвѣчала и по окончаніи моей рѣчи наступило тѣмъ болѣе тягостное молчаніе, что я упорно смотрѣлъ на стеариновое пятно на столѣ и никакимъ усиліемъ не могъ себя принудить отвести глаза свои отъ этого пятна и взглянуть на Анну Ивановну.

Раздавшійся въ это время сильный звонокъ въ передней и голосъ Хлестнева привели меня въ себя, но Анна Ивановна вскочила и, точно въ безумномъ испугѣ, быстро заговорила:

— Онъ сейчасъ придетъ сюда,—воскликнула она со слезами на глазахъ.—Голубчикъ, Василій Капитонычъ, уходите. Не надо, не говорите мнѣ ничего... я не могу... простите меня... я... я дала слово... Василій Капитонычъ, я полюбила Ивана Сергѣевича... онъ тоже... онъ обѣщалъ жениться... я не знаю... Умоляю васъ, уходите, онъ сейчасъ придетъ! Богъ съ вами, Василій Капитонычъ... Простите, не сердитесь, я и сама не знаю, какъ это случилось... Молчите, ради Бога, онъ сюда идетъ! Уходите вы... уходите къ себѣ...

Тутъ она подтолкнула меня къ двери, я же находился въ такомъ состояніи, каковое и до сихъ поръ не могу точно опредѣлить.

Руки и ноги мои сдѣлались какъ бы чугунными, въ головѣ что-то застучало, отозвалось въ сердцѣ и оборвалось. Въ ушахъ звенѣло, во рту чувствовалась какая-то горечь, а лицо пылало пламенемъ.

Очувившись у себя въ комнатѣ, я долго сидѣлъ на диванѣ и не зналъ, гдѣ я, что со мной, и ни мыслить, ни чувствовать ничего не могъ.

Приходъ Аграфены (она пришла звать меня меня обѣдать) страшно подѣйствовала на меня. Это глупая, но весьма расположенная ко мнѣ женщина вдругъ показалась мнѣ такъ отвратительна, что я пришелъ въ ярость, и не скройся она съ

воплемъ за дверью, ей бы не слобровать! Я бросился на нее съ кулаками и даже, когда она открылась, продолжалъ ее бранить, не помня себя отъ бѣшенства.

Остатокъ дня я провелъ въ трактирѣ, гдѣ обѣдалъ и даже выпилъ за обѣдомъ водки, для подкрѣпленія силъ, но не только не подкрѣпилъ, а скорѣе совѣмъ разслабилъ себя. Едва, едва дошелъ я до дому, въ калошахъ прямо прошелъ къ себѣ въ комнату и, не раздѣваясь, на диванѣ крѣпко заснулъ.

Проснулся я ночью и, когда увидалъ себя лежащимъ въ безобразномъ видѣ на диванѣ, въ калошахъ, то ужаснулся и, придя въ отчаяніе, горько заплакалъ.

Мнѣ было стыдно за себя, но какъ я низко ни палъ, мнѣ казалось, что Анна Ивановна поступила хуже меня; мнѣ было даже стыдно подумать, что она приблизила къ себѣ этого негодного Хлестнева, съ которымъ ея чистая душа не могла имѣть ничего общаго. Чѣмъ прельстилъ ее этотъ столь самонадѣянный, глупый человѣкъ? Какія радости она могла ожидать отъ него, когда кромѣ пошлыхъ шутокъ и скверныхъ словъ онъ ничѣмъ въ разговорѣ не отличался? Къ тому же онъ еще моложе ея, и при низкомъ развитіи своемъ ужъ никакъ не можетъ мечтать о равносильныхъ съ Анной Ивановной умственныхъ способностяхъ.

— Анна Ивановна, Анна Ивановна!—повторялъ я,—за что ты губишь себя? За что ты, пребывавшая до зрѣлаго возраста въ дѣвственной чистотѣ, вдругъ рѣшилась отдать себя во власть такому пошлomu во всѣхъ отношеніяхъ человѣку? Онъ слишкомъ низокъ и ничтоженъ, чтобы не унижить и тебя!

Горькіе, но справедливые мои упреки не могли бы оскорбить Анну Ивановну настолько, насколько ее оскорбляла близость этого Хлестнева.

Пусть накажетъ меня Господь Богъ, если я ошибаюсь, но я почитаю, что въ этомъ господинѣ болѣе животноподобныхъ чувствъ, чѣмъ чувствъ человѣческихъ.

Въ такихъ-то размышленіяхъ просидѣлъ я до утра. Явившаяся Аграфена была прямо поражена, когда увидѣла меня.

— Съ нами крестная сила, —прошептала она, —да вы, баринъ точно изъ гроба встали!

Дѣйствительно, горькое разочарованіе, усугубленное бессонной ночью, произвело сильную перемѣну во всемъ моемъ наружномъ видѣ, но внутреннее мое состояніе потерпѣло еще большую утрату.

Кротко попросивъ у Аграфены прощенья за вчерашнюю вспышку, я далъ ей полтинникъ и попросилъ пятна на брю-

кахъ вывести мыльнымъ спиртомъ; я еще къ прошлой пасхѣ купилъ его на тридцать копѣекъ. Нѣтъ средства, отчищающаго пятна лучше, чѣмъ мыльный спиртъ, и я всегда къ нему прибѣгаю, когда имѣю въ томъ надобность. Наконецъ, перекрестившись, я бодро вошелъ въ залу, откуда раздавался громко на весь домъ голосъ господина Хлестнева. Холодно поклонившись въ его сторону, я было обратился къ Аннѣ Ивановнѣ, но съ нахальствомъ, превышающимъ всякія мѣры, Хлестневъ вскочилъ и объявилъ мнѣ, что ежели мнѣ угодно буйствовать, то я долженъ сегодня же съѣхать, такъ какъ онъ этого моего поведенія не потерпитъ.

— Милостивый государь мой,—отвѣтилъ я ему,—я у васъ квартиры никогда не снималъ и впредь не буду снимать, а за неучливое мое поведеніе я намѣренъ принести извиненія хозяйкѣ дома сего, достопочтенной Аннѣ Ивановнѣ, и вмѣстѣ съ ними прошу принять мое заявленіе, что въ самомъ непродолжительномъ времени я очищу занимаемую мною квартиру. При семъ позволяю себѣ выразить, вамъ, сударыня,—тутъ я поклонился,—мою искреннюю признательность за ваше доброе и внимательное ко мнѣ расположеніе.

Анна Ивановна хотѣла что-то сказать, отвѣтить, но, уронивъ чайную ложку на столъ, она вдругъ закрыла лицо чайнымъ полотенцемъ и громко зарыдала.

Признаюсь я былъ сильно тронуть, но до чего же меня возмутилъ Хлестневъ, когда, увидавъ слезы Анны Ивановны, онъ громко свистнулъ и сказалъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Это еще что же за мармеладности, да лимонныя нѣжности? Ха, ха, нѣжныя разлуки-съ!.. Если желаете, то я могу и уйти, можетъ, я лишній между вами?

— Стыдитесь, сударь!—громко воскликнулъ я, но былъ прерванъ Анной Ивановной, которая съ такой мольбой взглянула на меня, что слова замерли у меня на губахъ, а безстыдный Хлестневъ грубо расхохотался и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ комнаты.

Анна Ивановна проводила его такимъ вѣтромъ, что на сей разъ мои глаза затуманились слезами, и тутъ только я понялъ, какую чистую и высокую любовь умѣютъ женщины питать даже къ самымъ недостойнымъ представителямъ мужескаго пола. Я понялъ, что сіе чувство отнюдь не принадлежитъ къ грубому, постыдному увлеченію. Эта чистая женская душа отдалась на вѣки и или подниметь и возвысить до себя сего пропадшаго бы безъ нея человѣка, или погибнетъ за него, искупляя своими праведными молитвами его грѣховныя дѣянія.

Нѣтъ, не съ упрекомъ, а виновато взглянулъ я на Анну Ивановну и медленно вышелъ въ переднюю, одѣлся и отправился на службу.

Сознаюсь, что намѣреніе мое просить перевода въ другой городъ не было приведено въ исполненіе. Я исходатайствовалъ себѣ только двухнедѣльный отпускъ и, вернувшись домой, я сказалъ Аннѣ Ивановнѣ, что ежели ей, по случаю переменъ въ ея жизни, потребуется моя комната, то я прошу расположить ея, какъ ей это заблагоразсудится, а вещи мои пусть сложить, куда пожелаетъ, такъ какъ я въ тотъ же день собираюсь поѣхать погостить къ троюродному брату своему, дьякону Иллариону въ мѣстечко Молдавское моголевской губерніи.

Анна Ивановна, понявъ всѣ мои чувства, только вздохнула и долго, долго молчала и, наконецъ, видимо все еще смущаясь, потому что избѣгала моего взгляда, сказала мнѣ слѣдующія слова:

— Благодарствую... Василій Капитонычъ, другъ мой! Видитъ Богъ, я цѣню и уважаю васъ... Я люблю васъ, какъ родного, и не могу подумать о томъ, что вы уѣдете. Вы—другъ мой... я знаю, что вы хороши... Вы не уѣдете, совсѣмъ вы не оставите меня...

Эти слова ея не только послужили мнѣ въ эти трудныя минуты утѣшеніемъ, но повліяли на всю остальную жизнь мою и, могу сказать, поддержали во мнѣ бодрость духа въ послѣдующія времена моего пребыванія на квартирѣ у Анны Ивановны. Когда я вернулся изъ отпуска, то нашелъ свои вещи въ комнатѣ налѣво, въ коей жительствоваю и по сей день и терплю многія неудобства и отъ господина Хлестнева большія неприятности. И не только отъ него, это вѣдь не имѣетъ еще такого большого значенія для меня,—такъ какъ кто же онъ въ сущности, какъ не зазнавшійся отъ безмѣрнаго счастья, глупый человѣкъ? но и сама Анна Ивановна, въ послѣднее время часто въ большомъ раздраженіи находясь, нападаетъ на меня неизвѣстно за что, безъ всякой, можно сказать, причины. Но, памятуя, какъ она обратилась ко мнѣ за помощію, когда ея душа въ большомъ смущеніи была, и какими, прямо неоцѣнимыми, ловами она подарила меня, я все бодро переношу и, несмотря на пошатнувшееся отъ преклонныхъ лѣтъ здравіе мое, надѣюсь еще долго жить и оказывать посильныя услуги незамѣнимому и сердечному другу моему, Аннѣ Ивановнѣ.

Холли.

ПО ПАМИРУ.

Путевыя записки Б. В. Станкевича.

Предисловіе. Краткій очеркъ Памира.

Всестороннее изслѣдованіе Памира и Тибета пойдетъ нынѣ, благодаря средне-азиатскому рельсовому пути, ускореннымъ ходомъ. Въ настоящее время, когда васъ въ какія-нибудь 3—4 сутокъ переносятъ съ полнымъ комфортомъ съ береговъ Каспія въ Андижанъ, страшно подумать о той потерѣ времени, какую причинялъ въ свое время, еще очень недавнее, знаменитый „большакъ“ съ Оренбурга на Ташкентъ. Да и не одно только время могъ убивать большакъ. А энергія путника? Правда, энергіи Пржевальскихъ, Сѣверцовыхъ, Семеновыхъ не сокрушить ничѣмъ. Но много ли можно насчитать таковыхъ? Теперь на изученіе дебрей Средней Азіи могутъ отваживаться люди и не столь сильные духомъ, но зато въ числѣ несравненно большемъ. Пусть работа каждаго отдѣльнаго изслѣдователя будетъ теперь въ среднемъ не столь блестяща, какъ работа названныхъ богатырей духа, но общая масса вкладовъ въ сокровищницу знаній будетъ расти теперь, можетъ статься, даже быстрѣе — благодаря большому числу работниковъ. Въ этомъ — великое культурное значеніе средне-азиатскаго рельсового пути.

Я не буду останавливаться на впечатлѣніяхъ быстро переѣзда по желѣзной дорогѣ отъ Каспія до предгорьевъ Алая. Впечатлѣній, правда, получается много: эта желѣзная дорога пересѣкаетъ область поразительныхъ контрастовъ, область, гдѣ суровыя пустыни съ ихъ песчаными волнами чередуются съ плодороднѣйшими оазисами. Но все это описывалось много разъ и весьма обстоятельно; все это запечатлѣно въ памяти широкихъ круговъ общества многочисленными картинами. В. результатъ оказывается, что для зауряднаго наблюдателя, тѣмъ болѣе для наблюдателя мимолетнаго, всѣ эти темы исчерпаны и закрыты.

Не буду я останавливаться и на описаніи Олга, этого въ многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго уѣзднаго города Фер-

ганской области: послѣ талантливыхъ корреспонденцій Л. И. Б., помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ осенью 1900 г., эта тема также закрыта.

Если я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ мои записки, то это только потому, что онѣ посвящены почти исключительно моимъ памирскимъ впечатлѣніемъ, а о Памирѣ *пока еще* можно сказать немало новаго.

Подъ именемъ „Памиръ“ принято понимать область истоковъ Аму-Дарьи. Эта область имѣетъ сѣверной своей границей могучій горный хребетъ Заалайскій, изъ котораго высовываются также снѣжные исполины, какъ Пикъ Кауфмана въ 7010 метровъ ¹⁾ высоты, и Кизыль-Агынъ, достигающій 6620 метровъ. Южная граница Памира—хребетъ Гиндукушъ съ вершинами вродѣ Лунхо (7000 метровъ). Съ запада Памиръ ограниченъ тѣмъ колѣномъ рѣки Пянджа—это одна изъ главныхъ артерій Аму-Дарьи,—которое тянется въ общемъ съ юга на сѣверъ, приблизительно по меридіану 41°10', считая долготу отъ нашей Пулковской обсерваторіи. Восточная граница Памира—высокая гряда, служащая водораздѣломъ для бассейновъ Аму-Дарьи и китайскаго Тарима. Одинъ изъ выдающихся столбовъ этой въ общемъ отлогой водораздѣльной гряды высится на 7630 метровъ надъ уровнемъ океана. Это—Музь-Тагъ-Ата, что значитъ „отецъ снѣговыхъ горъ“.

Въ учебникахъ географіи Памиръ именуется *плоскогорьемъ*. Названіе это врядъ ли точно. Правда, въ восточной части Памира, ближе къ помянутому выше водораздѣлу между рѣками русскаго Туркестана съ одной стороны и китайскаго съ другой, долины большихъ рѣкъ относительно широко и представляютъ изъ себя продолговатыя плоскогорья. Таковы долины Музь-Кола, Акъ-Су, Аличура. Также и озера въ этой части Памира не сдавлены горными хребтами, а обрамлены слегка покатыми окраинами, иногда въ нѣсколько верстъ ширины, которыя затѣмъ уже переходятъ въ болѣе или менѣе крутые горные склоны. Таковы плоскогорья, имѣющія посреди себя озера: Кара-Куль, Рангъ-Куль, Зоръ-Куль. Но сумма площадей всѣхъ плоскогорій, какъ рѣчныхъ—продолговатыхъ, такъ и озерныхъ—округленныхъ, хотя она и значительна *абсолютно*, все-же очень невелика по сравненію съ площадью, занятой колоссальными горными системами, окружающими озера и обрамляющими рѣки. Эти горныя системы состоятъ изъ причудливо расположенныхъ хребтовъ, отличающихся большой высотой вершинъ—въ 7000 метровъ и болѣе—и крутизной склоновъ. Хребты эти въ большинствѣ случаевъ непроходимы, несмотря на значительную высоту „снѣговой линіи“ на Памирѣ. Въ виду этого даже восточный Памиръ смѣло было бы назвать плоскогорьемъ *какъ цѣлое*. Область швейцарскихъ Альповъ не называютъ вѣдь плоскогорьемъ; а между тѣмъ и здѣсь не всѣ рѣки и озера сдавлены въ тѣсныхъ ущельяхъ:

1) Для приближенной переоцѣнки подобныхъ данныхъ на болѣе привычныя русскому читателю версты слѣдуетъ лишь помнить, что 1000 метровъ—безъ малаго верста.

многія рѣки Швейцаріи имѣютъ, напротивъ того, очень широкія долины. Инженеръ полковникъ Б. Я. Мощинскій, занимавшійся разработкой путей на восточномъ Памирѣ и постройкой такъ называемыхъ работъ¹⁾, выражается по этому вопросу такъ: „семь лѣтъ я чуть ли не сплошь живу на Памирѣ, а *плоскогорья* что-то не видалъ“. Мои личныя впечатлѣнія заставляютъ меня присоединиться къ такому заключенію. Но если даже восточный Памиръ, *какъ цѣлое*, трудно признать за плоскогорье, то что же сказать про западную его часть? Въ западномъ Памирѣ—сюда относятся области Дарвазъ, Рошанъ, Шугнанъ и большая часть Вахана—даже большія рѣки сильно сдавлены тѣсинами; русла ихъ сильно наклонены къ горизонту; малыя рѣчки представляютъ почти сплошныя каскады, низвергающіе воду иногда съ огромной высоты; горныя хребты отличаются большою кругизной склоновъ; не только сами эти хребты, но зачастую даже ложбины большихъ рѣкъ непроходимы. Высота отдѣльныхъ вершинъ этихъ хребтовъ не менѣе значительна, чѣмъ въ восточномъ Памирѣ. Такъ Пикъ Царя Миротворца въ Ваханѣ поднимается на 7000 метровъ; рядомъ съ нимъ Пикъ Царицы Маріи высится на 6100 метровъ; почти столь же высоко держатъ свои убѣленные главы Пики Ванновскаго и Обручева въ Рошанѣ. Но на ряду съ этимъ, долины западнаго Памира гораздо углубленнѣе долинъ Памира восточнаго: вѣдь всѣ *большія* рѣки, орошающія Памиръ, имѣютъ главнымъ, магистральнымъ своимъ направлениемъ западное—отъ великаго русско-китайскаго водораздѣла къ общему ложу Аму-Дарьи, которую онѣ образуютъ своимъ слияніемъ. Особенно внушительно *нагроможденіе* горныхъ массъ въ Рошанѣ и Дарвазѣ. Рѣка Мургабъ—памирскій Мургабъ, который не должно смѣшивать съ одноименной водной артеріей Закаспійскаго края—течетъ по восточному Памиру, напримѣръ близъ Памирскаго поста, сравнительно медленно; въ Рошанѣ тотъ же Мургабъ обращается въ бѣшеную рѣку, катящую обломки утесовъ; эта бѣшенная рѣка, мѣстами прегражденная порогами, на участкѣ отъ впаденія въ нее Танымаса до слиянія ея съ Пянджемъ носитъ названіе Бартанга. Не менѣе, чѣмъ Бартангъ, бурны Гунтъ въ Шугнанѣ, Шахъ-Дарья въ Ваханѣ.

Итакъ, обширная территория Памира по устройству поверхности можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Первая часть, именно восточная, характеризуется сравнительно широкими рѣчными долинами и сравнительно просторными ендовами, дающими пріютъ озерамъ. Вторая часть, западная, отличается тѣснымъ нагроможденіемъ горныхъ массивовъ; между горъ прорывають себѣ узкія щели рѣки, катящія свои воды съ бѣшеною скоростью. Западный Памиръ—область очень крутыхъ профилей и рѣзкихъ контрастовъ: здѣшніе увѣчанные снѣгомъ великаны, столь же высокіе, какъ и вершины восточнаго Памира, обрываются своими нерѣдко отвѣсными каменными

1) Каменные или глинобитныя сооруженія вродѣ крѣпостныхъ казематовъ. Они служатъ мѣстомъ ночлега воинскихъ командъ при походахъ изъ Оша на Постъ Памирскій.

боками въ рѣчныя ложбины, значительно болѣе углубленныя, чѣмъ долины восточнаго Памира.

Плоскогорья восточнаго Памира покрыты въ смежности съ озерами и рѣками такъ называемыми лёссомъ, на которомъ нерѣдко встрѣчаются солончаки. Послѣднихъ особенно много вокругъ озера Кара-Куля, вода котораго слегка горько-соленая. Лёсъ—очень плодородная почва. Только благодаря этому плодородію лёсса восточный Памиръ, долины и ендовы котораго очень высоки надъ уровнемъ моря, не абсолютно пустыненъ. Трава, годная для лошадей, хотя и жесткая, встрѣчается иногда на восточно-памирскомъ лёссѣ до высоты въ 4200 метровъ: это—въ мѣстахъ, гдѣ сочится вода, текущая со снѣговъ. Правда, что сезонъ травы на такихъ высотахъ очень коротокъ: трава появляется здѣсь лишь въ концѣ юня—началѣ юля. Терескентъ—нижкорослая колючка, годная впрочемъ лишь на топливо,—попадаетъ на восточномъ Памирѣ до высоты въ 4500 метровъ! Въ мѣстахъ, гдѣ воды застаиваются, какъ напримѣръ, по долинѣ рѣки Аличура или по долинѣ *верхняго* Мургаба, образуется нѣчто въ родѣ болотъ съ кочками. Тутъ трава бываетъ обыкновенно въ изобиліи, даже при значительномъ возвышеніи такихъ мѣстъ надъ уровнемъ моря—до 4000 метровъ и болѣе. Значительно большая однакоже часть восточнаго Памира представляетъ изъ себя унылую, однообразную пустыню, покрытую пескомъ и галькой, а выше—снѣгомъ. Деревьевъ на восточномъ Памирѣ нѣтъ совсѣмъ. Надъ ендовами, дно которыхъ усыпано то галькой, то тончайшимъ пескомъ, и только близъ водъ покрыто лёссомъ, высятся болѣе или менѣе крутые склоны горъ, состоящихъ по большей части изъ песчаниковъ. Еще выше залегаетъ вѣчный снѣгъ. Высота „снѣговой линіи“ для восточнаго Памира очень значительна: отъ 4800 до 5000 метровъ надъ моремъ. Столь значительная высота нижней границы вѣчнаго снѣга обусловлена не столько близостью Памира къ тропическому поясу, сколько чрезвычайной сухостью его климата и незначительнымъ количествомъ атмосферическихъ осадковъ. Тѣ могучіе воздушные токи, которые посылаетъ лѣтомъ на материкъ Азіи Индійскій океанъ, оставляютъ почти цѣликомъ несомый ими запасъ водяного пара—въ видѣ дождя или снѣга—на южныхъ скатахъ Гималая и Гиндукуша. Эти воздушные потоки достигаютъ Памира исключительно въ видѣ „суховѣевъ“—вѣтровъ, похожихъ на „Föhnwind“ сѣверной Швейцаріи и южной Германіи.

Западный Памиръ обладаетъ климатомъ замѣтно болѣе влажнымъ, чѣмъ восточный. Потому и высота „снѣговой линіи“ на западномъ Памирѣ нѣсколько меньше. Сюда, въ западную часть великаго среднеазиатскаго нагорья, еще прорываются чрезъ сравнительно невысокій афганскій Ишкашимъ ¹⁾ влажные юго-западные вѣтры, дующіе *вдоль* Гиндукуша, который загибаетъ въ Ишкашимъ на югъ. Есть и другая причина большей влажности климата западнаго Памира по сравненію

¹⁾ «Ишкашимъ» — названіе области. Часть этой области находится въ сферѣ вліянія Россіи.

съ Памиромъ восточнымъ—причина чисто мѣстная; черезъ западный Памиръ протекають къ ложу Аму Дарьи всѣ тѣ воды, которыя образуются отъ таянія снѣговъ на восточномъ Памирѣ. Въ рѣчныхъ долинахъ западнаго Памира, благодаря ихъ сравнительно небольшой высотѣ надъ моремъ, находятся мѣстными оазисы, въ которыхъ растутъ деревья и вырѣваются злаки. Оазисы это находятся почти исключительно при устьяхъ боковыхъ потоковъ, низвергающихся въ большія рѣки—Пянджъ, Бартангъ, Гунтъ, Шэхъ Дарью. Оазисы еще болѣе оживляютъ природу западнаго Памира, разнообразную уже въ силу однихъ только геологическихъ условій.

Условимся считать границей между восточнымъ и западнымъ Памиромъ линію, идущую такъ: отъ Пика Кауфмана въ хребтѣ Заалайскомъ къ истокамъ рѣки Кокуй Вель; далѣе къ горѣ Тура, близъ Мургаба подѣ 38°10' широты 43°8' долготы отъ Пулкова; затѣмъ къ восточной конечности озера Яшилъ Куля; отсюда къ урочищу Мазаръ Тепе на рѣкѣ, носящей названіе „Памиръ“, урочищу, лежащему подѣ 37°27' широты и 42°59' долготы; наконецъ, по меридіану 43°—къ Гиндукушу.

Такое разграниченіе оправдывается условіями строенія поверхности: въ самомъ дѣлѣ, къ западу отъ вышеупомянутой разграничительной линіи русла рѣкъ становятся значительно круче; ущелья сильно суживаются; профили горныхъ массивовъ становятся гораздо круче.

Если мы примемъ вышеуказанное разграниченіе между Памиромъ *восточнымъ* и Памиромъ *западнымъ*, то окажется, что въ чертѣ *перваго* высоты надъ уровнемъ моря заключаются между нижнимъ предѣломъ въ 3500 метровъ—долина Мургаба, долина Ваханъ Дарьи—и верхнимъ предѣломъ въ 7630 метровъ; въ чертѣ *западнаго* Памира высоты надъ моремъ колеблются между 2000 метровъ—въ долину Пянджа близъ Калай Вамара—и 7000 метровъ.

Предлагаемое мною раздѣленіе Памира въ физическомъ отношеніи удобно еще и потому, что оно *приблизительно* согласуется съ естественнымъ раздѣленіемъ этой области въ отношеніи этнографическомъ.

Восточная часть Памира, область болѣе отлогихъ профилей, область по преимуществу пустынная, населена кочевниками—каракиргизами. На всей обширной площади восточнаго Памира ихъ всего только отъ 10000 до 12000 душъ.

Западный Памиръ населенъ таджиками. Это—иранское племя, представители котораго наружностью очень похожи на европейцевъ. Языкъ таджиковъ, распадающійся на нѣсколько нарѣчій, имѣетъ много корней, тождественныхъ съ корнями европейскихъ языковъ. Памирскіе таджики ведутъ жизнь полусѣдлую, полукочевую: зиму проводятъ въ „кишлакахъ“—поселкахъ, состоящихъ изъ жалкихъ глинобитныхъ мазанокъ и расположенныхъ въ оазисахъ рѣчныхъ ущелій; лѣтомъ скитаются со своими стадами по едва доступнымъ горнымъ дебрямъ. Для надзора за кишлакомъ оставляются въ немъ на лѣто два, три сторожа; нерѣдко однакоже кишлакъ

оставляется и совсѣмъ безъ всякаго призора. Сказанное впрочемъ относится главнымъ образомъ къ глухимъ дебрямъ Рошана и Шугнана: въ Ваханѣ, гдѣ сообщеніе между кишлаками не столь стѣснено топографическими условіями, гдѣ оазисы болѣе обширны, и гдѣ таджики зажиточнѣе своихъ рошанскихъ собратьевъ,—кишлаки бываютъ обитаемы и лѣтомъ.

Восточный Памиръ считался съ давнихъ временъ принадлежащимъ къ владѣніямъ коканскихъ хановъ. Господство послѣднихъ было однакоже чисто фиктивнымъ: на восточномъ Памирѣ постоянно хозяйничали китайцы; продолжали китайцы такой образъ дѣйствій и нѣкоторое время послѣ присоединенія коканскаго ханства къ Россіи. Извѣстные памирскіе походы Юнова положили конецъ этому неправомѣрному порядку вещей.

Западный Памиръ раздѣлялся въ прежнее время на три ханства: Рошанъ, Шугнанъ и Ваханъ. Рошанъ былъ подъ владычествомъ—болѣе впрочемъ номинальнымъ—бухарскаго эмира. Въ Шугнанѣ и Ваханѣ хозяйничали афганцы, хотя болѣе правъ имѣла на эти области Бухара. Походы Юнова и экспедиція генеральнаго штаба капитана Ванновскаго содѣйствовали восстановленію правъ вассальной намъ Бухары. Окончательно вопросъ рѣшенъ дипломатическимъ путемъ, на основаніи работъ русско-англійской разграничительной коммисіи, функционировавшей въ концѣ 1894-го и въ началѣ 1895-го года. Соглашеніе по этому вопросу между Россіей и Великобританіей состоялось 27-го февраля (11-го марта) 1895 года. Съ этого момента между Россіей и Афганистаномъ съ одной стороны и Афганистаномъ и Великобританіей съ другой стороны существуютъ на Памирѣ строго опредѣленныя границы.

Начиная отъ бухарскаго поселка Акъ Кума, границей между Афганистаномъ и вассальной намъ Бухарой служитъ Аму Дарья и Пянджъ ¹⁾. Эта *бухарско-афганская* граница тянется до впаденія въ Пянджъ (справа) рѣки Памира, истока изъ горнаго озера Зоръ Куля. Отъ устья „Памира“ граница идетъ по лѣвому берегу этой рѣки и по южному берегу озера Зоръ Куля. Это уже *собственно русско-афганская* граница: бухарскій Памиръ простирается по Пянджу только до устья рѣки „Памира“; восточная часть Памира состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ военнаго губернатора Ферганской области ²⁾, а именно въ вѣдѣніи „Памирскаго отряда“. Отъ восточной оконечности Зоръ Куля *русско-афганская* граница идетъ по условной линіи, точно опредѣленной русско-англійскимъ соглашеніемъ 1895 года. Линія эта проходитъ черезъ огромные снѣжные пики: Согласія, князя Лобанова-Ростовскаго, мариза Сольсбери, лорда Эльджина, генерала Повало-Швейковскаго. Промежуточные пункты этой линіи отмѣчены на мѣстѣ двѣнадцатью столбами. Линія упирается въ *русско-китайскую* границу близъ перевала Бенка.

¹⁾ Такъ именуется Аму-Дарья выше устья праваго притока ея—Вахша.

²⁾ Ферганская область образована изъ завоеваннаго Россіей Коканскаго ханства.

Съ другой стороны границей между *Афганистаномъ и Великобританіей* на Памирѣ признанъ гребень хребта Гиндукуша.

Такимъ образомъ *Россія нигдѣ на Памирѣ не соприкасается съ Великобританіей непосредственно*: между обѣими державами заклиненъ афганскій „буферъ“ въ видѣ удлиненной съ запада на востокъ полосы, которая ограничена съ юга гребнемъ Гиндукуша, а съ сѣвера рѣками Пянджемъ и Памиромъ, озеромъ Зорь Кулемъ и условной линіей отъ Зорь Куля къ Беику. Эта полоса имѣетъ между меридіанами $41^{\circ} 30'$ и $42^{\circ} 20'$ ширину всего лишь въ 20 верстъ. Къ востоку отъ меридіана $42^{\circ} 20'$ афганскій „буферъ“ значительно расширяется. Надо замѣтить, что узкая часть „буфера“ зато *наибольше трудно проходимая*: перевалы Гиндукуша здѣсь очень высоки, отъ 5100 метровъ (Ричъ) до 6900 метровъ (Качинъ) надъ уровнемъ моря.

На основаніи соглашенія 1895-го года *афганцы не имѣютъ права строить укрѣпленій въ предѣлахъ помянутой полосы; Англія не имѣетъ права включать, эту полосу въ свои владѣнія; но эта полоса признана состоящей въ сферѣ вліянія Великобританіи.*

Границы между Россіей и Китаемъ на Памирѣ точно не установлены.

Намъ, русскимъ людямъ, приходится, сказать во правдѣ, похвалить на, уступчивость нашихъ представителей въ русско-англійской разграничительной комиссіи, работавшей въ концѣ 1894 и началѣ 1895 гг. Послѣ смѣлыхъ рекогносцировокъ Юнова, естественно было намъ, русскимъ, надѣяться на то, что сфера нашего вліянія будетъ простираться до самаго Гиндукуша. Между тѣмъ, мы сдѣлали своей южной границей рѣки Пянджъ и Памирѣ и озеро Зорь Куль. Мы разрѣшили заклинить между собой и Британской Индіей афганскій „буферъ“. Мы отдали Афганистану—въ составъ этого самого буфера—могучій горный хребетъ, лежащій между рѣкой Памиромъ и озеромъ Зорь Куль съ одной стороны и Ваханъ Дервей (верхнимъ теченіемъ Пянджа) съ другой стороны, горный хребетъ, получившій наименованіе хребта Императора Николая II. Южный склонъ этого хребта, подъ которымъ течетъ Ваханъ Дарья, представляетъ плодородный оазисъ, довольно густо населенный симпатичнымъ племенемъ, представляющимъ переходный типъ отъ таджиковъ къ индусамъ. Отдавши Афганистану этотъ оазисъ, мы оставили за собой только дикую горную пустыню, каковую представляетъ изъ себя ложбина Зорь Куля и долина рѣки Памира.....

Глава I.

Отъ Оша до Гульчи.

25 мая 1900 г. на разсвѣтѣ мой караванъ выступилъ изъ Оша въ Гульчу. Дорога до Гульчи прекрасно раздѣлана; вдоль нея тянется телеграфная проволока.

Я ѣхалъ впереди на рѣзвѣомъ киргизскомъ мапшакѣ, который характерно заламывалъ назадъ голову и нетерпѣливо вытанцовывалъ, когда я его ставилъ на шагъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ сзади слѣдовалъ на своемъ косматомъ рыжемъ башкирцѣ казакъ Куромшинъ, въ полномъ походномъ снаряженіи. Куромшинъ — типичнѣйшій представитель оренбуржца; но у него традиціонный вихоръ особенно внушительнъ и бросается въ глаза издалека. Куромшинъ принадлежитъ къ 1-й сотнѣ 6-го полка, командиръ коего, доблестный полковникъ Э., не упускаетъ случая внушать своимъ лихимъ джигитамъ, что „казакъ и видомъ своимъ долженъ быть страшнѣе“. Куромшинъ — родомъ изъ татаръ. Это можно рѣшить сразу, при первомъ взглядѣ на его умную физиономію, а тѣмъ болѣе при первыхъ порывахъ его быстрого и энергичнаго говора, хотя и съ довольно правильнымъ складомъ русской рѣчи. Всѣ киргизы, какъ степные, такъ и горные, прекрасно могутъ объясняться съ оренбургскими татарами. Недаромъ, по преданію, оренбургскіе татары, киргизы и башкиры произошли отъ трехъ родныхъ братьевъ — легендарныхъ азіатскихъ „батырей“. Поэтому-то Куромшинъ могъ служить мнѣ толковымъ переводчикомъ при встрѣчахъ моихъ съ алайскими и памирскими каракиргизами. Даже съ таджиками объяснялся онъ удовлетворительно, благодаря тому, что рѣдкій таджикъ не владеетъ, хотя немного, киргизской рѣчью.

Мы съ Куромшинымъ ѣхали преимущественно рысью, чтобы успѣть приготовить на мѣстѣ ночлега сколь возможно скорѣе бараній супъ для всего персонала каравана. Караванъ тащился за нами шагомъ. Онъ состоялъ изъ вьючныхъ лошадей алайской породы, животныхъ удивительно нетребовательныхъ въ отношеніи корма, выносливыхъ въ отношеніи рѣзкостей погоды, не знающихъ усталости и ловкихъ при влѣзаніи на кручи. Содержимое вьюковъ отличалось большимъ разнообразіемъ. Наибольшее вниманіе людей, сопровождавшихъ караванъ, привлекали къ себѣ три „ягтана“, — такъ называются въ Туркестанѣ кожаные вьючные чемоданы, — которые содержали точные физическіе инструменты. Тутъ были: магнитный теодолитъ, актинометры новѣйшихъ системъ, термометры, анероидъ и т. д. Эти три ягтана были навьючены на самыхъ сильныхъ и добродушныхъ лошадяхъ; съ нихъ не спускали глазъ погонщики сарты, а особенно двое казаковъ той же 1-й сотни 6-го оренбургскаго полка, Константинъ Воронежевъ и Василій Желтоуховъ. Первый изъ нихъ, въ чинѣ приказнаго¹⁾, былъ назва-

1) Этотъ казачій чинъ соотвѣтствуетъ ефрейтору. Digitized by Google

чень мною начальникомъ каравана. Приказный Воронежевъ—заядлый раскольникъ и очень „себѣ на умѣ“; при всемъ томъ грамотый, смысленый, даже талантливый. Въ какихъ-нибудь нѣсколько дней, во время работъ моихъ въ Ошѣ, научилъ я Воронежева искусству прислуживать мнѣ при производствѣ магнитныхъ, актинометрическихъ и метеорологическихъ наблюдений. Эти, по его выраженію, „умственные“ занятія чрезвычайно его заинтересовали: они льстили его самолюбію. Онъ къ нимъ прямо пристрастился, съ первыхъ же дней. На магнитный теодолитъ смотрѣлъ онъ почти съ благоговѣніемъ. Подобно тому, какъ Куромшинъ, сроднившійся со мною за время нашего кочеванья, готовъ былъ бы за меня броситься „въ огонь и воду“, то же самое не задумался бы сдѣлать Воронежевъ для спасенія магнитнаго теодолита, притомъ не просто только потому, что самый этотъ теодолитъ — *казенный*. Заботливость, которой во время перехода окружаетъ Воронежевъ вьюки съ точными инструментами, не подлежитъ описанію. Остальные вьюки содержатъ съѣстные припасы — муку, крупу, сухари, консервы изъ зелени, чай, сахаръ; фуражъ для лошадей — въ видѣ ячменя; медикаменты и перевязочныя средства; запасы патроновъ; котлы, таганы и желѣзные чайники; всевозможные инструменты, начиная отъ топоровъ и лопатъ и кончая мелкими подпилками, плоскогубцами и иголками; запасы веревокъ и проволоки; части палатки и т. д. Не мало нужно всякихъ припасовъ, когда пускаешься въ долгій путь по странѣ почти пустынной, а тѣмъ болѣе, когда путешествіе осложнено производствомъ тонкихъ физическихъ наблюдений и измѣреній.

Купцы сарты, ведущіе торговлю съ Кашгаромъ, вьютъ на каждую лошадь по шести пудовъ. Я остерегся отъ подражанія этому примѣру и допустилъ вьюки лишь по четыре пуда на лошадь. Послѣдующее показало, что такая предосторожность была далеко не лишней: кашгарская дорога несравненно торнѣе тѣхъ путей, которыми пришлось пробираться мнѣ.

Подъ командой Воронежева состоитъ добродушный, но немного лѣнливый, казакъ Желтоуховъ и два „каракеша“, т. е. погонщика вьючныхъ лошадей, по національности сарта. Старшій изъ каракешей, по имени Годобай, — рослый мужчина атлетическаго сложенія, съ бронзовыми отъ загара лицомъ и шеей. Его ваточный халатъ, безсмѣнно одинъ и тотъ же въ ночной морозъ на высокомъ горномъ перевалѣ и въ полуденный солнцепекъ въ долинѣ, оставляетъ открытой верхнюю часть груди и горло, обремененное огромнымъ мясистымъ кадкомъ. Ноги Годобая обуты въ неуклюжіе туземные сапоги, называемые „мукки“. Съ своимъ подручнымъ, другимъ сартомъ, онъ обращается деспотически. Этотъ его помощникъ — дѣтина столь же богатырски сложенный, какъ и самъ Годобай. Когда послѣдній въ хорошемъ расположеніи духа, онъ удостоиваетъ помощника разговоромъ на сартовскомъ языкѣ; тотъ отвѣчаетъ почтительно, немногословно. Будучи въ сердцахъ, Годобай осыпаетъ подручнаго самой отборной русской руганью, которой исчерпываются почти всѣ его познанія по части

русской рѣчи. Иной разъ Годобай и поколотилъ бы помощника, если бы его не осадилъ окрикъ Воронежева. Годобай — каракешъ профессиональный. Много разъ бывалъ онъ въ Кашгарѣ, а также и на Памирѣ.

Отъ самаго Оша, который высится надъ уровнемъ моря на 1.030 метровъ, Гульчинскій „большакъ“ все время поднимается вверхъ, впрочемъ очень отлого. Сначала путь прорѣзаетъ плодородныя поля, прекрасно орошенныя многочисленными арыками. Арыки отведены отъ верхняго теченія Акъ Буры, бѣшенаго и многоводнаго потока, который мчится съ Алайскаго хребта и протекаетъ затѣмъ черезъ самый городъ Ошъ. По обѣ стороны дороги — частые кишлаки, населенные сартами. Самый большой изъ нихъ, Мады, расположенъ на самой дорогѣ, въ 12 верстахъ отъ Оша. Здѣсь проводитъ зимы старушка Датха, бывшая повелительница алайскихъ каракиргизовъ, изъяснившая покорность Бѣлому Царю вскорѣ послѣ покоренія Кокана и рыцарски обласканная Скобелевымъ. Лѣтомъ Датха кочуетъ по предгорьямъ Алая. Ея придворные готовятъ дивный кумысъ, котораго мнѣ довелось испробовать.

Только что мы миновали Мады, какъ полилъ дождь, зарядившій до вечера и временами ожесточившійся до степени ливня. Такой упорный и интенсивный дождь — рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Проливень заставилъ меня отказаться отъ намѣренія сдѣлать въ первый же день переходъ до самой Гульчи, и я рѣшилъ заночевать въ кишлачкѣ Лянгарѣ, отстоящемъ отъ Оша только на 34 версты. Лянгаръ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки Талдыкъ. Покинувъ Ошъ еще на разсвѣтѣ, я былъ въ Лянгарѣ около 9 часовъ утра. Мы остановились не въ самомъ кишлачкѣ Лянгарѣ, населенномъ сартами, а въ стоящей на отлетѣ отъ кишлака избѣ русскаго поселенца, крестьянина воронежской губерніи, служившаго раньше жандармомъ въ Петербургѣ. Здѣсь проживаетъ онъ вдвоемъ съ своей бабой, также воронежской уроженкой. Отъ времени до времени останавливаются у нихъ проѣзжающіе въ Гульчу русскіе. Про эту симпатичную парочку я слышалъ еще въ Ошѣ и теперь отыскалъ ихъ жилище нарочно. Поставивъ нашихъ коней подъ навѣсъ и вытеревши ихъ соломой, Куромшинъ купилъ въ кишлачкѣ барана и принялся за варку супа на кухнѣ нашихъ хозяевъ. Караванъ подошелъ къ полудню. Казаки вычистили наши винтовки, смоченныя дождемъ, а около 2 часовъ пополудни мы уже хлебали бараній супъ. Лошади, послѣ того какъ онѣ отстоялись, были стреножены и пущены на подножный кормъ. Завалившись спать очень рано, мы проснулись до свѣта. Верховымъ конямъ навѣсили торбы съ небольшими порціями ячменя, а сами принялись за чай съ остатками вареной баранины и чернымъ хлѣбомъ, запасеннымъ въ Ошѣ. Понятно, за чаепитіемъ не разсиживались. Быстро собрали казаки нашу походную утварь и уложили ее въ туземные саквояжи — „капы“ и „куржумы“. Быстро скатали они въ трубки большіе войлоки — „кошмы“, на которыхъ мы спали. Затѣмъ приступили къ навьючиванью караванныхъ лошадей. Ошскіе каракеши никогда не разсѣдываютъ вьючныхъ лошадей: онѣ

пасутся на подножномъ осѣдланными и проводятъ подь сѣдлами всю свою незавидную жизнь. Снять сѣдло съ такой лошади было бы иной разъ не безопасно для жизни несчастнаго животнаго: это значило бы развередить и обнажить сплошную вонючую рану, покрывающую его спину. Вьючное сѣдло, употребляемое въ Ферганѣ и называемое по туземному „пано“, имѣеть огромные размѣры: оно доходитъ чуть не до хвоста лошади и закрываетъ почти вполнѣ ея бока; придерживается очень широкой подпругой изъ тесьмы, нагрудникомъ и короткими пахвями. Лошадь, пасущаяся въ такомъ панцырѣ, производила на меня всегда впечатлѣніе улитки, которая тащитъ свою раковину.

Цѣймаши на пастбищѣ лошадей, Годобай и его помощникъ подводятъ ихъ къ вьюкамъ, подтягиваютъ подпруги и начинаютъ вьючить. Прежде всего вьючатъ ягтаны съ точными инструментами и скатанныя въ трубки кошмы, между которыми, на центральной горизонтальной площадкѣ „пано“, долженъ покоиться въ своей шкатулкѣ большой хронометръ „Dent № 1630“. Во время этой операціи Воронежевъ самъ не свой: дѣятельно помбгается каракешамъ, подкирываетъ на Желтоухова, удостоивается въ прочности подпруги и вьючныхъ аркановъ, внушительно ругается за недостаточное, по его мнѣнію, уваженіе каракешей къ завѣтнымъ предметамъ. Но какъ только эта работа закончена, и приступаютъ къ вьюченію какихъ-нибудь мѣшковъ съ фуражемъ, Воронежевъ перестаетъ волноваться, принимаетъ солидный начальнический видъ, засовываетъ руки въ карманы чекменя и только изрядка процѣживаетъ сквозь зубы: „джюда якши“, т. е. „вьючь хорошенько!“

Выступая изъ Лянгара, я покинулъ раздѣланную дорогу, переѣхалъ въ бродъ мелкую рѣчку Талдыкъ и направился къ Гульчѣ болѣе короткимъ, хотя и болѣе труднымъ путемъ—мимо озера Капланъ Куля. Дождь, прекратившійся было во время нашей ночевки, опять полилъ съ большой силой, какъ только мы отошли на 3—4 версты отъ Лянгара.

Мы слѣдовали тропой по склону оврага, пріютившему шумливый потокъ, впадающій въ рѣчку Талдыкъ противъ Лянгара. Склоны горъ были покрыты чудной травой; мѣстами попадались роскошные ковры цвѣтовъ. Многочисленная стада барановъ, принадлежащая киргизамъ Ошскаго уѣзда, откармливаются на этихъ тучныхъ пастбищахъ. Деревьевъ нѣтъ здѣсь совсѣмъ. Наша тропа становилась все круче и каменистѣе. Вотъ, наконецъ, и высшая точка перевальчика Така, возвыщающагося на 2250 метровъ надъ моремъ и ведущаго черезъ разсѣлину скалистаго, лишеннаго растительности, гребня. Отсюда дивный видъ на ендову, въ которой лежитъ Капланъ Куль. Берега озера поросли камышами; здѣсь, по словамъ встрѣченнаго нами словоохотливаго киргиза, въ былыя времена любили залегать тигры. Близъ озера расположено киргизское кладбище и небольшая, сложенная изъ камней, модельня. Мы спустились по крутой тропинкѣ съ перевальчика, прошли удлиненную ендову, пріютившую озеро, и поднялись на второй перевальчикъ—Шальбели. Съ высшей его точки,

поднятой надъ уровнемъ моря на 2110 метровъ, открѣвается величественный видъ на обширное плато, на которомъ лежитъ Гульча. Крутой спускъ съ Шальбели причинилъ намъ съ Куромшинымъ много неприятностей: подъ дѣйствіемъ проливня, не унимавшагося въ теченіе 2—3 часовъ, глинистый скатъ перевала сталъ невыносимо скользкимъ, и наши кони безчисленное число разъ падали. Къ счастью, мы не претерпѣли при этомъ сколько-нибудь значительныхъ ушибовъ; зато отдѣлали же глиной наши промокшія насквозь отъ дождя одежды!

Но вотъ мы и внизу, на усыпанномъ галькой плато, на лѣвомъ берегу рѣчки Гульчинки. Обыкновенно она бѣваетъ очень мелка въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько ниже „укрѣпленія“ Гульчи. Гульчинка течетъ здѣсь многими рукавами по довольно ровному, усланному галькой, ложу, ширина котораго доходить до полуверсты. На островахъ между рукавами рѣки растутъ кое-гдѣ ивы и другія деревья.

26 мая, послѣ ливня, бывшаго какъ въ этотъ день, такъ и наканунѣ, Гульчинка бушевала. Она разлилась во всю ширь своего ложа; деревья на островахъ торчали теперь прямо изъ воды. Намъ съ Куромшинымъ предстояло переправиться черезъ этотъ быстрый потокъ полуверстной ширины. Признаюсь, самочувствіе мое было не важно..... Надо было, однакоже, на что-нибудь рѣшиться. Дождь лилъ „какъ изъ ведра“, и мы начинали зябнуть; съ другой стороны хоть до ночи тутъ стой, помощи не будетъ: на берегахъ рѣки ни души, жители кишлака Гульчи, отдѣленнаго отъ насъ рѣчкой, забились отъ проливня въ свои мазанки.... Потолковали, подумали и составили планъ переправы. Моя бурка и шинель Куромшина были скатаны и привязаны впереди сѣделъ. Мы забрали вверхъ по берегу шаговъ на 150 выше ближайшей группы торчащихъ изъ воды деревьевъ. Нѣсколько сильныхъ ударовъ ногаекъ, и наши заупрямившіеся было кони вогнаны въ потокъ... „Айда, айда!“ подбодряетъ Куромшинъ своего рыжаго. Къ счастью, плыть лошадямъ не пришлось; правда, нѣкоторыя болѣе углубленныя мѣста онѣ проходили почти на дыбахъ. Теченіе сильно ихъ влекло, и мы едва попали къ ближайшей намѣченной цѣли—къ первой группѣ деревьевъ. Здѣсь глубина оказалась совсѣмъ небольшая—до стремянъ. Отсюда я погналъ своего коня вверхъ по руслу и, сдѣлавъ такъ сотню шаговъ, снова повернулъ его поперекъ—съ расчетомъ попасть къ слѣдующей группѣ деревьевъ. На послѣднемъ переѣздѣ, въ какихъ-нибудь 40—50 шагахъ отъ праваго берега, мой маштакъ разомъ ухнулъ съ головой въ глубокую колдобину. Бросившись долой съ сѣдла, я началъ изо всѣхъ силъ бороться съ теченіемъ, что было отчаянно трудно въ одеждѣ и сапогахъ. Къ счастью, меня быстро снесло теченіемъ на неглубокое мѣсто, гдѣ мнѣ удалось стать на ноги. Сюда же выплылъ и мой конь, котораго я поспѣшилъ поймать за поводъ. Куромшинъ, слѣдовавшій сзади, видя, что меня влечетъ теченіемъ книзу, погналъ своего коня ко мнѣ наперерѣзъ и, благодаря счастливой случайности, миновалъ края той ямы,

въ которую сорвалась моя лошадь. Я сѣлъ на коня, и мы добрались благополучно до берега. Вылили изъ сагоговъ воду и пустились галопомъ къ кишлаку. Привязавши коней подъ навѣсомъ двора Гульчинскаго „волостного“ Матъ Гаппара, мы отправились на кухню этого туземнаго магната и раздѣлись передъ топившимся очагомъ, накинувши себѣ на плечи я—мокрую бурку, а Куромшинъ—шинель. Матъ Гаппаръ послалъ на встрѣчу моему каравану—къ мѣсту переправы черезъ Гульчинку—нѣсколько верховыхъ съ арканами и арбу съ огромными колесами. На этой арбѣ перевезли черезъ рѣку въ нѣсколько оборотовъ мой багажъ, снятый съ вьючныхъ лошадей. Верховые ѣхали по сторонамъ арбы и придерживали ее арканами и палками. Благодаря этимъ мѣрамъ и знанію туземцами рѣчного русла, мои инструменты и прочій багажъ были переправлены благополучно. Правда, вода заливала платформу арбы, но кожаные ягтаны пропустили сквозь швы лишь незначительныя количества воды; благодаря слоямъ прессованной соломы, вода, попавшая внутрь ягтановъ, не достигла до ящиковъ съ точными инструментами. Оказался не достига до слоя бѣлья въ одномъ изъ ягтановъ. Но въ другихъ ягтанахъ нашлось достаточное количество сухихъ русскихъ рубахъ, кубовыхъ штановъ и шерстяныхъ носковъ. Немедленно облачились во все это я самъ и мои казаки, принявшіеся затѣмъ за сушку мокрой одежды.

Рѣчка Гульчинка, которую обыкновенно „курица въ бродъ переходитъ“, отъ времени до времени устраиваетъ всетаки проказы вродѣ описанной и пользуется въ этомъ отношеніи дурной репутацией. И въ Ошѣ, и на Посту Памирскомъ я слышалъ не одну жалобу на эту коварную рѣку.

Подполковникъ В. Н. З. выкупался однажды въ Гульчинкѣ „почище“ моего и потерялъ при этомъ „куржумъ“ съ цѣнными вещами.

Однажды въ той же Гульчинкѣ залился верблюдъ, нагруженный 8—10 пудами сахара, назначавшагося для гарнизона Поста Памирскаго. Пока удалось выловить трупъ верблюда, весь сахаръ усгѣлъ обратиться въ никуда не годную кашу.

Поручикъ М. А. Н., чуть-чуть не захлебнувшійся самъ при переправѣ черезъ Гульчинку, подмочилъ пачки кредитныхъ билетовъ, которые онъ везъ въ куржумъ на Постъ Памирскій, и которыя назначались въ жалованіе за нѣсколько мѣсяцевъ чинамъ Памирскаго отряда. Поручику пришлось тутъ же, благо погода была солнечная, разобрать намокшія пачки и разложить кредитки рядами по береговой галькѣ, придавивши каждую камешкомъ достаточнаго вѣса. Изъ эшелона, который велъ поручикъ, были выбраны унтеръ-офицеръ, урядникъ и еще 2—3 нижнихъ чина, которые образовали караулъ надъ сушившимися на солнышкѣ кредитками.

Переодѣвшись въ сухое бѣлье и погрѣвшись чайкомъ, мы принялись, въ ожиданіи супа изъ половины барана, зарѣзаннаго наканунѣ въ Лянгарѣ, за приведеніе въ порядокъ подмоченнаго багажа. Тутъ мнѣ пришлось „подтянуть“ слегка

Желтоухова, который, пригрѣвшись на кухнѣ Маттѣ Гаппара, заснулъ было сномъ праведника, не вычистивъ своей винтовки.

Пообѣдавъ бараньимъ супомъ и отвѣдавъ доставленнаго Маттѣ Гаппаромъ „дастархана“, я сдѣлалъ визитъ достопочтенному эсаулу И. И. Угличнину, командиру оренбургской сотни, составляющей гарнизонъ Гульчинокаго „укрѣпленія“. Это „укрѣпленіе“, отстоящее отъ кишлака на 100—150 сажень, напоминаетъ кавказскія „укрѣпленія“ былого времени.

Глава II.

Алай.

Переночевавши въ домѣ Маттѣ Гаппара, мы двинулись на разсвѣтъ 27 мая въ дальнѣйшій путь.

Гульча—послѣдній, сравнительно, культурный пунктъ на пути изъ Оша къ Посту Памирскому. До Гульчи доведенъ телеграфъ. Лѣтомъ 1899 г. пріѣзжалъ на Алай и на Памиръ инженеръ, ради выясненія вопроса, чего можетъ стоить доведеніе телеграфа до Поста Памирскаго, который отстоитъ отъ Гульчи на 310 верстѣ. Смѣта этой стоимости вышла настолькоъ внушительная, что отъ продолженія телеграфной линіи за Гульчу отказались на неопредѣленное время.

Высота Гульчи надъ уровнемъ моря равна 1480 метрамъ. Дорога изъ Гульчи въ Кашгаръ и на Памиръ идетъ вверхъ по долинѣ Гульчинки. Долина эта мѣстами обращается въ ущелье и изобилуетъ красивыми видами. Въ нѣсколькихъ переузинахъ, черезъ рѣку перекинута военными инженерами мосты, и дорога то и дѣло перебрасывается съ одного берега на другой.

Гульчинка бѣжитъ съ Алайскаго хребта, представляющаго одно изъ развѣтвленій великаго Тянь-Шаня. Выше Гульчи русло ея вообще довольно круто и теченіе стремительно, особенно въ тѣснинахъ. Мѣстами долина расширяется и рѣка течетъ въ лессовыхъ берегахъ. Нерѣдко эти лессовые берега представляютъ характерные вертикальные обрывы, продырявленные, какъ рѣшето, безчисленными норками стрижей. Растительности здѣсь уже немного: кое-гдѣ надъ рѣкой, особенно при устьяхъ боковыхъ горныхъ потоковъ, встрѣчаются небольшія группы лиственныхъ деревьевъ; выше, по склонамъ горъ, виднѣется только хвоя, такъ называемая „арча“, напоминающая общимъ видомъ скорѣе можжевельникъ, чѣмъ елку; но то во всякомъ случаѣ можжевельникъ исполинскій, съ толстымъ у корня, хотя и быстро „сходящимъ на нѣтъ“, стволомъ. Травы здѣсь немного.

Верстахъ въ 20 отъ Гульчи, долина рѣки представляетъ значительное расширение и имѣетъ характеръ плодороднаго злса. Тутъ пріютилась одинокая сакля переселенца сарта, занимающагося скотоводствомъ и въ небольшихъ размѣрахъ

хлѣбпашествомъ. Промышляетъ онъ еще и тѣмъ, что предлагаетъ чай путешественникамъ, идущимъ съ караванами въ Кашгаръ или на Памиръ. Мы съ Куромшинимъ попили у него чайку. Куромшинъ объяснилъ сарту, что за нами идетъ караванъ, сопровождаемый двумя казаками и двумя каракешами, и что я приказываю остановить караванъ и попить чаемъ этихъ четверыхъ людей. Убавая, я уплатилъ сарту какъ за наше чаепитіе, такъ и за обѣщанное имъ угощеніе людей, сопровождающихъ мой караванъ. На ночлегъ въ Суфи-Курганъ я узналъ, однакоже, отъ Воронезева, что плутоватый сартъ слова своего не сдержалъ.

Урочище Суфи-Курганъ отстоитъ отъ Гульчи на 40 верстъ. Высота его надъ моремъ безъ малаго 2000 метровъ. Около Суфи-Кургана въ Гульчинку впадаетъ справа рѣчка Терекъ-Су. Слѣдуя вверхъ по ея ущелью, вы попадаете на переваль Терекъ-даванъ¹⁾. Это—кратчайшій путь въ Кашгаръ, для тяжелыхъ каравановъ; впрочемъ, недоступный. Караваны, слѣдующіе изъ Оша въ Кашгаръ, дѣлаютъ обыкновенно огромный обходъ, направляясь черезъ переваль Талдыкъ, черезъ который пролегаетъ путь и на Постъ Памирскій. Тутъ дорога раздѣлана военными инженерами и гораздо удобопроходимѣе.

Въ Суфи Курганъ построены обширный рабатъ для пріюта воинскихъ эшелоновъ, идущихъ на Постъ Памирскій или въ Иркештанъ—нашъ сторожевой постъ на кашгарской границѣ. На дворѣ рабата разставлены двѣ казенныя юрты. Одинъ изъ угловъ рабата представляетъ изъ себя хату, занятую „смотрителемъ“ рабата, отставнымъ солдатикомъ, уроженцемъ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Живетъ онъ здѣсь съ женой и ребятишками. При немъ состоятъ, въ качествѣ подручныхъ, нѣсколько киргизовъ. Эта изба съ русской семьей—послѣднее осѣдлое поселеніе, которое можно встрѣтить на пути отъ Оша къ Посту Памирскому. Слѣдующіе рабаты не имѣютъ „смотрителей“ и даже постоянныхъ сторожей изъ киргизовъ. Пріѣзжая въ памирскій рабатъ, вы находите ворота его открытыми и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не встрѣчаете въ немъ живой души. Развѣ случайно съѣдетесь въ рабатъ съ „почтовымъ джигитомъ“ киргизомъ. Еще рѣже, конечно, можно наткнуться въ рабатъ на ночующій воинскій эшелонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было во время моего путешествія по Памиру.

Офицерская комната Суфи-Курганскаго рабата показалась мнѣ сырой, и я предпочелъ устроиться на ночлегъ въ одной изъ юртъ. Другую юрту заняли мои казаки. Хотя мы отлично могли бы сварить себѣ чай по походному, я съ-восторгомъ принялъ предложеніе „смотрителя“ подать мнѣ самоваръ. Хотя самоваръ и оказался нелуженымъ съ незапамятныхъ временъ, пріятно было и „земляка“ поощрить, да и чаю попить именно изъ самовара: намъ предстояло впереди долго обходиться безъ этого столь симпатичнаго русскому челоуѣку прибора.

¹⁾ Киргизское слово «даванъ», собственно говоря,—нарицательное. Оно означаетъ «переваль».

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ меня, прибылъ въ Суфи-Курганъ поручикъ М., въ сопровожденіи „отряднаго джигита“ изъ осетинъ. Поручикъ выслужилъ свой срокъ „памирскаго сидѣнья“ и теперь спѣшилъ, лучше сказать, рвался, въ болѣе культурную обстановку. Онъ дѣлалъ поразительно большіе переходы, чтобы ускорить счастливый моментъ прибытія въ Ошъ, и почти загналъ своего чуднаго бадакпанскаго ¹⁾ скакуна. Увидавъ меня, свѣжаго пришельца изъ Европейской Россіи, поручикъ разлился неудержимымъ потокомъ вопросовъ и разсказовъ. Это былъ какой-то припадокъ жизнерадостности, припадокъ говоренія. О чемъ только не разсказалъ мой новый знакомый въ самое короткое время! Въ самый разгаръ увлекательныхъ разсказовъ милѣйшаго поручика, въ юрту вошелъ Куромшинъ и подаль намъ съ М. по желѣзной кружкѣ бараньяго супа и общую на обоихъ желѣзаную тарелку съ „боурсаками“. Боурсаки—это очень популярное въ Средней Азіи печенье изъ муки на бараньемъ салтѣ, въ формѣ маленькихъ лепешечекъ и катышковъ. Куромшинъ былъ великій мастеръ печь боурсаки: была бы мука да баранье сало, а ужъ онъ ухитрится испечь ихъ „за первый сортъ“, при самой трудной походной обстановкѣ.

— Поручикъ, вашъ супъ стынетъ!—прервалъ я интересный разсказъ М. про землетрясеніе, бывшее во время его „сидѣнья“ на посту Лянгаръ-Гиштскомъ, подъ Гиндукушемъ.

Поѣвши, отправились полюбоваться на великолѣпнаго бадакпанскаго скакуна, котораго съ большимъ трудомъ и рискомъ поручикъ добылъ себѣ изъ-за афганскаго кордона... Отношенія между Россіей и Афганистаномъ, раньше дружественныя, рѣзко обострились съ 1899 года. Чѣмъ это объясняется,—подкупомъ ли правительства большаго тогда Абдурахмана англичанами, съ цѣлью отвлечь вниманіе Россіи отъ южно-африканскихъ событій, или еще чѣмъ другимъ, — объ этомъ намъ, не посвященнымъ въ закулисныя тайны міровой политики, предоставляется только гадать. Фактъ только тотъ, что съ конца 1899 года афганскія власти запретили подданнымъ Афганистана, подъ страхомъ смертной казни, продажу за Пянджъ, чинамъ памирскаго отряда, лошадей, фуража и какихъ бы то ни было свѣстныхъ припасовъ.

По пути къ навѣсу, подъ которымъ было привязано благородное животное, мы съ М. заглянули въ юрту, занятую казаками. Тамъ шелъ оживленный разговоръ. Быстрое, звонкое „щебетанье“ осетина, впавшаго также въ жизнерадостность, прерывалось бойкими, зазорными замѣчаніями Воронежскаго и Куромшина; по временамъ раздавался звонкій смѣхъ казаковъ. Только великанъ Годобай съ своимъ помощникомъ и грое киргизовъ, состоящихъ при рабатѣ, сидѣли на кошмѣ, молча и съ видомъ священнодѣйствія запихивали за щеки вареную баранину. Надо было видѣть эти лоснившіяся отъ удовольствія и бараньяго сала киргизскія рожи! Въ Суфи-Кур-

¹⁾ Бадакшанъ—афганская область, прилегающая къ Памиру съ запада.

ганъ былъ съѣденъ нами цѣлый большой баранъ. Конечно, главная заслуга въ этомъ подвигѣ принадлежала каракешамъ и киргизамъ. „Намъ супротивъ *орды* не съѣсть“, — говорятъ казаки, — „имъ это отъ ихняго Аллаха дадено“.

— Постоите маленько, дайте мнѣ завести и сравнить хронометры, — остановилъ я новый потокъ рѣчи М., когда мы вернулись въ нашу юрту. А рассказывалъ онъ про некрасивые поступки нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ по Памиру, злоупотребившихъ любезностью русскихъ властей. Едва давши мнѣ занести въ записную книжку результаты сравненія хронометровъ, поручикъ посыпалъ рассказами съ неудержимой силой. Въ юрту вошелъ мой заботливый Куромшинъ; разостлавши по землѣ мой полушубокъ, онъ покрылъ его простыней; въ изголовьѣ этой походной постели онъ положилъ мою сѣдельную подушку, — я пользовался въ путешествіи казачьимъ сѣдломъ, — засунутую въ наволочку. Джигитъ осетилъ сдѣлать то же самое для М. Утомленные переходами этого дня, мы заснули богатырскимъ сномъ, подъ говоръ поручика, говоръ, темпъ котораго, вначалѣ быстрый, становился все медленнѣе и медленнѣе...

На другой день, 28 мая, мы проснулись около 7 часовъ утра. Къ 8 часамъ лошади моего каравана были уже навьючены. Простившись, М. и я сѣли на коней и поѣхали въ противоположныя стороны.

Моя дорога замѣтно поднималась вверхъ по ущелью рѣки Гульчинки. Выше Суфи Кургана рѣка эта носить уже другое названіе, а именно Талдыкъ Су ¹⁾. Ея истоки не далеки отъ перевала Талдыкъ.

Растительность становилась все скуднѣе. Мы вѣзжали въ поясъ особой мѣстной хвой — „арчи“. Здѣсь же начинается область сурковъ. Безчисленныя норы этихъ грызуновъ буквально усѣиваютъ склоны Алайскаго хребта. Особенно много ихъ на верхнихъ ярусахъ, начиная отъ высоты въ 2500 метровъ и до самой почти границы вѣчнаго снѣга. По утрамъ сурки вылѣзаютъ изъ норъ и наполняютъ воздухъ характернымъ посвистываніемъ. Замѣтивъ приближающагося человѣка, сурокъ спѣшитъ вскакъ къ ближайшему отверстию норы. Достигнувъ отверстия, онъ становится у самого края его на заднія лапки и присматривается. Если человѣкъ уже близко, сурокъ издаетъ пронзительный свистъ — какъ бы поддразнивая васъ — и стремглавъ бросается въ нору, словно сквозь землю проваливается. Норы очень глубоки. Верхнее колѣно корридора представляетъ отвѣсный колодезь глубиною иногда до двухъ аршинъ; далѣе слѣдуетъ колѣно, образующее съ вертикалью болѣе или менѣе значительный уголъ. Сурка, сидѣщаго надъ норой, добыть очень трудно: если пуля или картечь не причинитъ ему мгновенной смерти, онъ обязательно скроется за поворотомъ верхняго колѣна норы; а убить его, наповаль, при его поразительной живучести, не легко. Иногда даже и наповаль сраженный пулей сурокъ, свалившись в

¹⁾ «Су» значить по-киргизски вода.

нору, исчезаетъ за первымъ поворотомъ корридора и не достается охотнику, если послѣдній не вооружится терпѣннѣмъ настолько, чтобы предпринять трудную раскопку норы. По суркамъ истрачено зря немало зарядовъ путешественниками по Алаю и Памиру. Стрѣльба въ сурковъ изъ винтовокъ на парилѣ—любимсе развлеченіе офицеровъ, сопровождающихъ воинскіе эшелоны, при медленномъ и однообразномъ слѣдованіи ихъ изъ Оша на Памиръ или обратно. Много зарядовъ потратилъ на сурковъ и я; а добылъ при помощи ружья всего только одного, за все мое путешествіе. Правда, взялъ я кромѣ застрѣленнаго мною сурка еще двухъ, но это уже съ помощью афганской борзой.

Долина рѣки Талдыкъ Су то суживалась, то расширялась. Въ эту пору года долина бываетъ почти совершенно пустынна. На протяженіи 35 верстъ отъ Суфи Кургана я не встрѣтилъ ни души. Только уже подѣзжая къ мѣстности, которая на картахъ названа урочищемъ Уть-тубе, мы съ Куромшиннымъ замѣтили верхового киргиза, гнавшаго вверхъ по долинь боковой рѣчки стадо барановъ. Мы поскакали за нимъ галопомъ и нашли пріютившійся въ этой долинь киргизскій станъ, или „аиль“, какъ говорятъ сами киргизы, станъ, состоявшій изъ четырехъ юртъ. Не родственно ли киргизское слово „аиль“ съ кавказскимъ словомъ „ауль“? Вотъ вопросъ, который поставилъ бы я лингвистамъ.

Киргизы найденнаго нами „аиля“ называли ту боковую рѣчку—притокъ Талдыкъ Су справа,—надъ которой пріютился аиль, именовъ Арчатъ булакъ¹⁾. Мы попили у киргизовъ кумысу; я сторговалъ у нихъ трехъ барановъ. Затѣмъ мы продолжали нашъ путь вверхъ по долинь Талдыкъ Су. Здѣсь эта долина значительно расширяется. Военные топографы дали этой части долины имя „Ольгина Луга“. Огромная площадь „Ольгина Луга“ представляетъ большой ресурсъ для киргизскихъ стадъ: лѣтомъ лугъ покрывается прекрасной травой; уже въ день моего пріѣзда, 28 мая, трава была здѣсь очень порядочная. Ночлегъ подъ 29 число я назначилъ на юго-западной оконечности „Ольгина Луга“—тамъ, гдѣ этотъ лугъ подходитъ къ крутому горному амфитеатру, выпускающему изъ себя рѣчку Талдыкъ Су. Это мѣсто называется урочищемъ Акъ Басага. Здѣсь, противъ устья лѣваго притока Талдыкъ Су, который именуется Джилга Чартъ, постоянно стоятъ двѣ казенныя юрты, назначенныя для ночлега воинскихъ командъ, слѣдующихъ по Иркештанской или Цамирской дорогѣ.

Переходъ мой отъ Суфи Кургана былъ около 45 верстъ: онъ былъ удлиненъ моимъ заѣздомъ въ ущелье Арчатъ булака. Растянувшись на буркѣ подъ одной изъ Акъ-басаганскихъ юртъ, я вадремнулъ. Тѣмъ временемъ мой несравненный Куромшинъ скаталъ на своемъ рыжемъ на ближайшій горный склонъ, нарубилъ вѣтвей арчи и привезъ къ юртамъ порядочную вязанку этого топлива. Разведя огонь и почерпнувъ изъ Талдыкъ Су воды желѣзнымъ чайникомъ, который Куромшинъ

1) „Булакъ“—слово нарицательное: оно означаетъ родникъ, ключь.

возилъ притороченнымъ къ сѣдлу, онъ быстро вскиятилъ воду и заварилъ чай. Только что мы усѣлись пить чай, какъ къ юртамъ подѣхалъ киргизъ изъ Арчатъ-булакскаго кочевья, гоня передъ собою трехъ сторгованныхъ мною барановъ. Одинъ изъ нихъ былъ немедленно зарѣзанъ. Куромшинъ положилъ кусокъ мяса въ небольшой котелокъ, который мы брали съ собою въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду на много опередить караванъ, и принялся за варку бараньяго „супчика“, какъ онъ иногда выражался. Тѣмъ временемъ я угощалъ чаемъ стараго киргиза, пригнавшаго намъ барановъ. Киргизъ былъ видимо очень доволенъ; каждый разъ, когда я ему предлагалъ взять еще сахару, онъ складывалъ на груди руки и дѣлалъ „кулдуки“, т. е. поклоны. Особенно велико было его удовольствіе, когда я, вспомнивъ про запасъ лимонной кислоты въ переметной сѣдельной сумкѣ, растворилъ въ чайникѣ нѣсколько кристалликовъ этого препарата. Само собой понятно, что старый киргизъ былъ моимъ гостемъ цѣлый день и принималъ очень дѣятельное участіе въ истребленіи вареной баранины за обѣдомъ и ужиномъ.

Около 3 часовъ пополудни подошелъ нашъ караванъ. Къ этому времени былъ готовъ и супъ въ маломъ котелкѣ. Моментально мы его истребили вмѣстѣ съ остатками боурсаковъ, испеченныхъ въ Суфи Курганъ. Послѣ этого немного легкаго обѣда Куромшинъ, Годобай и нашъ гость киргизъ принялись, общими силами, за приготовленіе болѣе солидной порціи супа въ большомъ котлѣ, который слѣдовалъ съ караваномъ, и за печеніе боурсаковъ.

Меня ожидалъ между тѣмъ непріятный сюрпризъ. Воронежъ пожаловался мнѣ на приступъ лихорадки, которая трепанула его во время перехода. При моихъ разспросахъ, Воронежеву пришлось сознаться въ томъ, что онъ болѣлъ лихорадкой почти всю эту весну; затѣмъ лихорадка какъ будто прекратилась, а тутъ явился случай попасть въ командировку на Памиръ. Такъ какъ командировка эта очень улыбалась Воронежеву, то онъ и заявилъ начальству, что чувствуетъ себя вполне здоровымъ. Кромѣ того Воронежевъ сознался, что сегодняшній приступъ лихорадки былъ по счету уже второй за наше путешествіе: въ первый разъ его била лихорадка 26 мая, также около полудня, на переходѣ отъ Лянгара къ Гульчѣ подъ проливнемъ; но этотъ первый приступъ былъ не очень силенъ, и Воронежевъ, приписывая ознобъ дѣйствию дождя, не счелъ нужнымъ доложить мнѣ о своемъ недомоганіи тогда же, въ Гульчѣ. Было нѣкоторое вѣроятіе ожидать по этимъ даннымъ, что лихорадка окажется съ двухсуточнымъ періодомъ. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Я принялся лѣчить Воронежева хининомъ; я давалъ ему это снадобье по лихорадочнымъ днямъ, малыми дозами, но зато въ 4—5 приемовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ примѣрно черезъ полчаса; эти повторные малые приемы хинина начинались, по возможности, за нѣсколько часовъ передъ ожидаемымъ пароксизмомъ. Къ срединѣ іюня пароксизмы стали ослабѣвать, а съ конца іюня Воронежева можно было уже считать совершенно здоровымъ.

Выздоровленіе Воронежскаго при трудной походной обстановкѣ я приписываю не столько моей медицинской импровизации, сколько *сухому климату* Памира. Мнѣ думается, что сѣвернымъ склонамъ Алая принадлежить будущность между прочимъ и въ томъ отношеніи, что современемъ на нихъ возникнутъ хорошіе климатическіе и кумысные курорты. Еще большаго, но зато, конечно, въ еще болѣе отдаленномъ будущемъ, можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ самаго Памира.

Не успѣлъ я еще покончить съ импровизованной медицинской практикой, въ видѣ разспросовъ Воронежскаго, какъ на мою долю выпала и ветеринарная практика: „Ваше В—діе, — доложилъ мнѣ Желтоуховъ, — у моего коня сбита спина!“

Сдѣлали коню перевязку, для удержанія которой туго „подпоясали“ животное сѣдельнымъ катауромъ.

Покончивъ со всей этой возней, я вооружился двустволкой и отправился на склоны хребта, замыкающаго долину съ востока, — по направленію къ перевалу Шартъ-давану. На этихъ склонахъ ютятся довольно значительныя заросли арчи. Овраги еще были наполнены снѣгомъ. Мои расчеты встрѣтить здѣсь „иликовъ“ — малорослыхъ дикихъ козловъ Алая — однако же не оправдались. Утомленный лазаньемъ по кручамъ, весь мокрый отъ безпрестаннаго проваливанья въ таломъ снѣгу овраговъ, вернулся я къ юртамъ только съ наступленіемъ темноты. Въ моей юртѣ Куромшинъ зажегъ импровизированную, только что смастеренную имъ лампу. Это была просто-на-просто площадка съ бараньимъ саломъ, налитымъ въ порожнюю жестяную коробку отъ консервовъ изъ сушеной зелени, которую мы клали въ супъ.

— Смыю доложить вашему в—дію, — объяснилъ Куромшинъ, — что свѣчи надо поберегать, а сала у насъ много: не пропадать же доброму.

Я не считалъ нужнымъ протестовать противъ такого „загобянія экономіи“ по той простой причинѣ, что площадка Куромшина давала болѣе свѣта, чѣмъ свѣча, и мнѣ было удобно при такомъ освѣщеніи заняться сравненіемъ моихъ хронометровъ.

Когда я покончилъ съ этимъ дѣломъ, Куромшинъ доложилъ мнѣ, что „супчикъ“ готовъ. Я велѣлъ принести мнѣ кружку супу, кусокъ вареной баранины и нѣсколько боурсаковъ. Послѣ того котелъ былъ снятъ съ огня и втащенъ въ другую юрту, въ которой расположились на ночлегъ казаки и киргизы. Люди окружили котелъ, и пошелъ пиръ горой. Оживленный русско-киргизскій говоръ, прерываемый взрывами смѣха казаковъ, продолжался, вѣроятно, долго послѣ того, какъ я заснулъ на кошмѣ, разостланной на землѣ подъ юртой.

Во все время путешествія я держалъ себя на томъ же саломъ продовольствіи, на какомъ были и казаки. Это дѣйствовало на казаковъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Въ началѣ путешествія я приказывалъ подавать мнѣ мою порцію супа, почерпнутую изъ общаго котла, отдѣльно. Это я дѣлалъ не столько въ видахъ поддержанія дисциплины, сколько съ цѣлью не стѣснять казаковъ, пока они еще не успѣли ко мнѣ

привыкнуть. При походныхъ трудахъ когда же вѣдь и поговорить, да посмѣяться, какъ не за обѣдомъ? Подъ конецъ, когда казаки со мною буквально сроднились, особенно когда мы претерпѣвали сообще нѣкоторыя лишения въ дѣбряхъ восточнаго Вахана, трапеза наша стала вполне общей; сдѣлалось это само собой, и тогда оно уже не вредило ни дисциплинѣ съ одной стороны, ни веселому настроенію казаковъ съ другой стороны. Точно также и спали мы въ теченіе второй половины похода на одной кошмѣ, подъ открытымъ небомъ.

Ночь съ 28 на 29 мая въ Акъ Басагъ была свѣжая, но безъ мороза—вѣроятно, благодаря значительной облачности.

Еще вечеромъ 28 числа, во время моихъ безуспѣшныхъ охотничьихъ поисковъ, были пригнаны въ Акъ-Басагу изъ Арчатъ-булаккаго „аила“ четыре „кутаза“¹⁾, которыхъ я взялъ въ наемъ для перевозки на Талдыкъ одной изъ двухъ казенныхъ акъ-басаганскихъ юртъ—на это я имѣлъ разрѣшеніе—и запаса дровъ изъ арчи. Передъ разсвѣтомъ 29 мая мы наскоро напились чаю, разобрали одну изъ юртъ и навьючили ея части на трехъ кутазовъ; четвертый, самый сильный, предназначался для подъема дровянаго запаса. Каракеши навьючили обычнымъ порядкомъ своихъ лошадей, присоединивъ къ выюкамъ мясо только что зарѣзанныхъ двухъ барановъ, и мы потянулись къ подъему на перевалъ Талдыкъ. Желтоуховъ ѣхалъ на наемной киргизской лошади: его собственный конь, съ перевязкой на спинѣ, былъ оставленъ на Ольгиномъ Лугу на попеченіи арчатъ-булакскихъ киргизовъ.

Выше Акъ-Басаги долина Талдыкъ Су обращается въ узкое ущелье; русло рѣки становится крутымъ, и сама рѣка получаетъ здѣсь характеръ бурнаго горнаго потока. Дорога, разработанная военными инженерами, представляетъ все болѣе и болѣе уклонъ. Невдалекѣ отъ Акъ Басаги видите вы близъ дороги жалкую землянку, служащую убѣжищемъ отъ зимней вьюги такъ называемымъ „почтовымъ джигитамъ“, т. е. киргизамъ, возящимъ корреспонденцію изъ Оша въ памирскій отрядъ. Эта необитаемая землянка, изрѣдка посѣщаемая почтарами-киргизами, носить, однако же, громкое названіе „Акъ-Басаганской почтовой станціи“. Эта „станція“ замѣчательна тѣмъ, что она представляетъ „астрономическій пунктъ“ одной изъ экспедицій П. К. Залѣскаго. Ширина Акъ-Басаганскаго рабата $39^{\circ} 47' 46''$; его долгота отъ Пулкова $42^{\circ} 53' 56''$; выситя онъ надъ уровнемъ океана на 2940 метровъ. На такой высотѣ арча встрѣчается здѣсь еще въ изобиліи: верхней ея границей можно считать въ данной мѣстности высоту въ 3400—3500 метровъ.

Отъ Акъ Басаги до высшаго пункта перевала Талдыкъ, если слѣдовать вѣсѣмъ зигзагамъ дороги, около 15 верстъ; разность высотъ обоихъ мѣстъ около 700 метровъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ грязнѣе становилась дорога: это было время весенней распутицы для данной мѣстности. Грязь дѣлала подъемъ крайне тяжкимъ: лошади

¹⁾ «Кутаза»—киргизское названіе яка.

испытывали припадki удушья; приходилось давать имъ частые отдыхи.

Особенно крутъ послѣдній участокъ подъема. Проложенные тутъ зигзаги дороги были почти совершенно сглажены потоками весеннихъ водъ; мѣстами зіяли глубокия рывины, въ которыхъ клочкотали мутные ручьи.

Зима 1899—1900 г.г. отличалась на Алаѣ и Памирѣ особой суровостью и, что особенно рѣдко бываетъ, большой многоснѣжностью. Весна 1900 г. наступала на этихъ нагорьяхъ съ значительнымъ опозданиемъ и была многоводна. Этимъ склоненъ я, между прочимъ, объяснить тѣ рѣдкіе, по здѣшнимъ мѣстамъ, весенніе ливни, отъ которыхъ мы страдали на переходахъ отъ Оша до Суфи Кургана. Въ серединѣ юня, передъ проходомъ на Памирѣ большого смѣтнаго воинскаго эшелона, инженерному вѣдомству предстоялъ крупный ремонтъ тѣхъ участковъ дороги съ Оша на Постъ Памирскій, которые пролегаютъ черезъ перевалы... Немалымъ препятствіемъ къ производству такихъ работъ служить непреодолима лѣнь киргизовъ. Имъ платятъ большія деньги, а они идутъ на всякую культурную работу болѣе чѣмъ неохотно, даже при большой бѣдности. Между тѣмъ недостаточный киргизъ охотно нанимается въ пастухи за самое скудное вознагражденіе. Киргизъ средней руки въ отношеніи зажиточности охотно и очень недорого продаетъ свои собственныя услуги и услуги своихъ вьючныхъ животныхъ—коней и кутазовъ—какъ путешественникамъ, кочующимъ по Памиру, такъ и воинскимъ отрядамъ, передвигающимся съ одного поста на другой: кочевать—это призваніе киргиза.

Нашъ подъемъ на Талдыкъ утромъ 29 мая былъ значительно затрудненъ и замедленъ отчаяннымъ состояніемъ дороги: Самыя верхнія колѣна послѣдняго, раздѣланнаго зигзагами, участка подъема оказались сплошь забитыми снѣгомъ. Это былъ одинъ колоссальный сугробъ, аловѣще свѣсившійся съ сѣдловины перевала на его склонъ, обращенный въ сторону Ольгина Луга... Намъ предстояло лѣзть по снѣжной кручѣ пѣликомъ. Развьючили лошадей и, послѣ долгихъ дружныхъ усилій, наработавшись вволю лопатами для проруба въ обледѣнѣломъ сугробѣ кое-гдѣ ступенекъ и площадокъ, втащили вьюки наверхъ въ нѣсколько оборотовъ на рукахъ. Лошадямъ подсобили влѣзть при помощи аркановъ. Что касается до кутазовъ, то эти удивительныя животныя „брали“ снѣжную кручу съ наклономъ чуть ли не въ 50° какъ ни въ чемъ не бывало.

Мы очутились на сѣдловинѣ перевала въ 10 часовъ утра. Высота этой сѣдловины надъ уровнемъ моря около 3600 метровъ. Въ швейцарскихъ Альпахъ такія высоты принадлежатъ къ области вѣчнаго снѣга, притомъ къ частямъ этой области, значительно поднятымъ надъ „снѣговой линіей“. На Памирѣ и на Алаѣ снѣговая линія очень высока—отчасти вслѣдствіе южнаго положенія, а главнымъ образомъ вслѣдствіе сухости климата и скудости осадковъ. Что касается до Талдыка, то его сѣдловина очищается отъ зимняго снѣга въ большинствѣ

случаевъ къ концу мая: около середины іюня она покрывается жиденькой травкой.

Обычно путники, слѣдующіе съ караванами по горнымъ странамъ, подгоняютъ переходы такъ, чтобы проходить черезъ гребень того или другого перевала по утру, или хотя бы среди дня. Это для того, чтобы имѣть возможность расположиться на ночлѣгъ въ болѣе низкомъ мѣстѣ. Въ виду тѣхъ специальныхъ научныхъ цѣлей, которыя я преслѣдовалъ, для меня было важно останавливаться на болѣе или менѣе продолжительное время именно на большихъ высотахъ. Имѣя въ виду эти мои цѣли, я намѣтилъ себѣ просидѣть по трое сутокъ на каждомъ изъ высокихъ переваловъ—Талдыкъ, Кизылъ Артъ и Акъ Байталъ, черезъ которые пролегаеть дорога изъ Оша на Постъ Памирскій. Этотъ планъ мнѣ удалось выполнить въ точности. Само собой понятно, что, договариваясь съ Годобаемъ въ Ошѣ, я ставилъ ему въ необходимое условіе это далеко не обычное трехсуточное „сидѣнье“ на каждомъ изъ высокихъ переваловъ. Годобай согласился, но взялъ съ меня значительно дороже обычнаго.

Главный Алайскій хребетъ идетъ между меридіанами 42° и $42^{\circ} 45'$ приблизительно съ запада на востокъ. На меридіанѣ $42^{\circ} 45'$ онъ круто поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Это колѣно главнаго хребта служитъ водораздѣломъ для бассейновъ рѣки Акъ Буры съ одной стороны и Талдыкъ Су—Гульчинки съ другой стороны. Противъ Суфи Кургана хребетъ начинаетъ понижаться и немного сѣвернѣе этого урочища расщепляется въ цѣлый вѣрвь второстепенныхъ хребтиковъ. Около меридіана 43° и подъ широтою $39^{\circ} 45'$ находимъ начало новаго высокаго хребта, который можно разсматривать, какъ продолженіе главнаго Алайскаго хребта. Это продолженіе идетъ сперва на сѣверовостокъ, господствуя надъ правымъ берегомъ Талдыкъ Су, а затѣмъ дѣлаеть нѣсколько зигзаговъ и поворачиваетъ къ востоку, чтобы примкнуть въ концѣ концовъ къ величавой горной системѣ Тянь Шаня. Такимъ образомъ на высотѣ параллели $39^{\circ} 45'$ и между меридіанами $42^{\circ} 45'$ и 43° главный Алайскій хребетъ претерпѣваетъ разрывъ. Разрывъ этотъ однакоже не очень глубокой: западное и восточное звенья главнаго хребта связаны здѣсь между собой хребтомъ, по сравненію съ ними не столь высокимъ, хотя и представляющимъ значительныя высоты надъ моремъ. Талдыкъ, поднятый надъ моремъ на 3600 метровъ,—самая низкая изъ сѣдловинъ, имѣющихся на гребнѣ этого соединительнаго хребта. Талдыкъ лежитъ гораздо ближе къ западному, чѣмъ къ восточному звену главнаго хребта. Его широта $39^{\circ} 46'$; долгота $42^{\circ} 50'$ отъ Пулково. Гребень соединительнаго хребта имѣеть въ общемъ форму полукруга, обращеннаго выпуклостью на югъ. Талдыкъ расположенъ близъ западной оконечности полукруга. Верхняя часть ската, по которому проложены зигзаги дороги, спускающейся къ Акъ Басагъ, обращена къ румбу ENE. По тому же направленію съ перевала открывается величественный видъ на восточное звено главнаго Алайскаго хребта.

Этотъ восточный участокъ Алая отличается чрезвычайной крутизной утесовъ, составляющихъ его верхній ярусъ. Большая крутизна склоновъ хребта препятствуетъ залеганію на немъ вѣчнаго снѣга сплошной массой. Снѣгъ наполняетъ только отдѣльныя складки склоновъ. Хребетъ представляется вслѣдствіе этого пестрымъ; онъ имѣетъ суровый, дикій видъ. Спускъ съ Талдыка въ сторону противоположную Акъ Басагъ направленъ на югъ. Такова топографія Талдыка. На его сѣдловинѣ военными инженерами водруженъ деревянный столбъ съ чугунной доской, на которой увѣковѣчены имена лицъ, завѣдывавшихъ раздѣлкой дороги черезъ переваль.

Около этого столба моя команда установила юрту, которую, въ виду сильнаго вѣтра, пришлось укрѣпить нѣсколькими большими камнями. Въ юртѣ располагался на ночлегъ я самъ и трое моихъ казаковъ. Мы спали на землѣ, на кошмахъ. Годобай разставилъ для себя около юрты бывшую со мной палатку, въ которой и проводилъ ночи на кошмѣ, накрываясь овчиннымъ тулупомъ.

Такъ какъ на Талдыкѣ не было подножнаго корма, то я отправилъ, вскорѣ по водвореніи нашемъ на переваль, всѣхъ нашихъ лошадей на трое сутокъ назадъ въ Акъ Басагу. Лошадей сопровождалъ каракешъ—помощникъ Годобая—и арчать-булакскіе киргизы, управлявшіе вьючными яками. Эти люди должны были расположиться въ оставшейся въ Акъ Басагѣ второй юртѣ и сторожить лошадей. Дабы не довѣрять каракешу кормленіе моего верхового коня, а равнo и трехъ казачьихъ, ячменемъ, для ежедневнаго навѣшиванія этимъ четыремъ привилегированнымъ животнымъ торбъ съ драгоценнымъ фуражнымъ продуктомъ была придумана особая организація. Каждый день, подъ вечеръ, одинъ изъ казаковъ, захвативъ съ собою четыре торбы съ надлежащими порціями ячменя, спускался съ Талдыка въ Акъ Басагу верхомъ на якѣ. Оставивъ яка аргать-булакскимъ киргизамъ, казакъ возвращался съ пустыми торбами назадъ на другомъ якѣ. Такимъ образомъ каждый изъ яковъ, такъ сказать, отбывалъ „дежурство“ на Талдыкѣ въ теченіе сутокъ. „Дежурный“ кутазъ оставался въ теченіе сутокъ безъ пищи; но для кутаза это—пустяки. Животное, привязанное волосянымъ арканомъ, продѣтымъ сквозь ноздри, къ помянутому выше столбу, выстаивало цѣлыя сутки безъ малѣйшихъ признаковъ нетерпѣнія, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія къ холбду, голоду и всему окружающему.

Сами мы продовольствовались на Талдыкѣ бараниной, привезенной во вьюкахъ изъ Акъ Басаги. Зарытое въ снѣжный сугробъ, мясо сохранило полную свѣжесть въ теченіе трехъ сутокъ.

Тотчасъ по прибытіи на Талдыкъ, пока моя команда водружала юрту, я занялся сборкой и установкой магнитнаго теодолита и другихъ инструментовъ. Съ этого времени у меня закипѣла работа, продолжавшаяся по цѣлымъ днямъ въ теченіе моего „сидѣнья“ на Талдыкѣ. Наблюденія магнитныя, актинометрическія и метеорологическія шли непрерывной че-

редой. Что касается до результатовъ этихъ моихъ изслѣдованій, то для ознакомленія съ ними я приглашаю читателя обратиться къ опубликованнымъ уже мною специальнымъ статьямъ. Скажу только здѣсь нѣсколько словъ о цѣляхъ этихъ изслѣдованій.

Извѣстно, что планета, на которой мы живемъ, представляетъ изъ себя, между прочимъ, огромный *магнитъ*. Явленія, находящіяся въ связи съ этимъ фактомъ, носятъ названіе явленій „земного магнетизма“. Въ послѣднее время въ наукѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется взглядъ, что всестороннее изученіе „земного магнетизма“ должно пролить въ будущемъ свѣтъ на многія тайны изъ области „физической жизни“ нашей планеты, на многія тайны ея внутренняго строенія. Таково теоретическое значеніе „магнитныхъ наблюденій“, производимыхъ какъ на постоянныхъ станціяхъ, такъ и путешественниками по малоизвѣданнымъ странамъ. Къ теоретическому интересу магнитныхъ наблюденій присоединяется и чисто практической: магнитныя „аномаліи“, обнаруженныя въ какой-либо мѣстности, *могутъ* указывать на залежи въ этой мѣстности желѣза. Памиръ оставался до 1900 г. совершенно нетронутымъ въ отношеніи магнитныхъ измѣреній. Произвести таковыя на Памирѣ представлялось въ высокой степени заманчивымъ, и я взялся за это дѣло съ поспѣшностью и горячностью, понятными только для тѣхъ, кто выполнялъ когда нибудь научныя работы такого характера, что, въ силу назрѣвшей необходимости ихъ осуществленія, осуществленіе это можетъ быть у васъ „предвосхищено“ другими.

Съ другой стороны въ современной геофизикѣ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ изученіе того потока лучистой энергіи, который изливается на землю солнцемъ. Это изученіе составляетъ предметъ актинометріи. Одна изъ задачъ актинометріи—измѣреніе такъ называемой „инсоляціи“, т. е. *количества тепла*, приносимаго солнечными лучами въ минуту на площадку опредѣленной величины, поставленную перпендикулярно къ этимъ лучамъ. Такимъ образомъ терминъ „инсоляція“, употребляемый въ метеорологіи, соотвѣтствуетъ нѣкоторому понятію, имѣющему точное *количественное* опредѣленіе: не должно его смѣшивать съ звучащимъ одинаково съ нимъ терминомъ, употребляемымъ медиками: послѣдніе называютъ „инсоляціей“ болѣзнь, обусловленную ожогами кожи подъ дѣйствіемъ лучей солнца. „Инсоляція“ метеорологовъ есть не только точно опредѣляемое понятіе, но и *величина*, могущая быть измѣряемой—такъ же, какъ измѣряется, напримѣръ, давленіе воздуха, или его температура. Измѣреніе инсоляціи только гораздо труднѣе, чѣмъ измѣреніе, напримѣръ, температуры воздуха, воды, или почвы. Начались попытки измѣренія инсоляціи съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Но всѣ приборы, которые для этой цѣли придумывались физиками, всѣ эти „актинометры“ или „пиргеліометры“, были до самаго послѣдняго времени слишкомъ несовершенны, чтобы давать сколько-нибудь точныя, могущіе имѣть научное

значение, результаты. Лишь десять какихъ-нибудь лѣтъ тому назадъ шведскій ученый Энгштремъ и русскій ученый Хвольсонъ подарили науку актинометрическими приборами, которыми измѣряютъ инсоляцію съ точностью, достаточною для научныхъ цѣлей. Эти изобрѣтенія послужили могучимъ толчкомъ къ развитію актинометріи, этого въ сущности важнѣйшаго отдѣла метеорологіи: только благодаря этимъ изобрѣтеніямъ, актинометрія вступила, наконецъ, на строго научный путь. По причинамъ, хорошо понятнымъ для специалистовъ, изложеніе которыхъ отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону, является въ высокой степени желательной и многообѣщающей для науки постановка актинометрическихъ наблюдений на большихъ высотахъ, особенно же въ сухомъ, континентальномъ климатѣ. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ условій болѣе подходящихъ къ этой цѣли, какъ на великихъ нагорьяхъ Средней Азіи. Вотъ вторая побудительная причина, заставившая меня, вооруженнаго актинометрами Энгштрема и Хвольсона, устремиться на Памиръ,—причина не менѣе могучая, чѣмъ та, которая толкнула меня на магнитную рекогносцировку великаго азіатскаго нагорья.

Непривѣтлива была погода за время моего „сидѣнья“ на Талдыкъ. Отъ холода мы, правда, не страдали: термометръ не спускался ниже двухъ градусовъ мороза; а 29-го мая, послѣ полудня, температура воздуха достигала даже 10 градусовъ тепла. Но вѣтры донимали насъ порядкомъ. По утрамъ и среди дня держался обыкновенно южный вѣтеръ большой силы, чрезвычайно сухой. Подъ вліяніемъ его значительно поднималась температура воздуха, и небо очищалось отъ облаковъ. По вечерамъ и отчасти ночами черезъ сѣдловину перевала дулъ вѣтеръ противоположный, отъ Ольгина Луга. Онъ нагонялъ отъ времени до времени облака, которыя иногда окутывали Талдыкъ густой туманной завѣсой. Особенно красиво выглядывало это нашествіе на Талдыкъ тучъ вечеромъ 29 мая. На исходѣ девятаго часа небо, раньше покрытое облаками, разомъ очистилось благодаря нѣсколькимъ рѣзкимъ порывамъ вѣтра. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и произвелъ при помощи теодолита наблюденіе Полярной Звѣзды. Только что я отошелъ отъ инструмента и подошелъ къ краю сѣвернаго ската перевала—полюбоваться бездонной пропастью, каковой представляется ночью ущелье Талдыкъ Су, какъ моимъ глазамъ представилось необыкновенно величественное зрѣлище: темная бездна, разверзавшаяся подъ моими ногами, казалась, наполнялась снизу водой, быстро прибывавшей и клубившейся бѣшеными волнами. Это ползли вверхъ по ущелью густыя облака, гонимыя вѣтромъ отъ Ольгина Луга, ползали по самой землѣ, постепенно заполняя ущелье. Наконецъ, темныя массы волнующагося тумана поровнялись съ краемъ обрыва. Еще нѣсколько мгновений, и непроницаемая мгла скрыла отъ меня силуэты нашей юрты и яка, привязаннаго къ столбу... Еле-еле виднѣлся еще только огонекъ подъ котломъ, окруженный какимъ-то молочно-бѣлесоватымъ орео-

ломъ. Облачный покровъ, окутывавшій отъ времени до времени въ ночное время Талдыкъ, былъ, конечно, главной причиною того, что насъ щадили ночные морозы, могущіе въ ясную погоду быть очень сильными на высотѣ въ 3½ версты надъ уровнемъ моря. Въ ночь съ 30 на 31 мая тучи, приползшія со стороны Ольгина Луга, разрѣшились обильнымъ снѣгомъ. 29 и 30 мая удалось произвести актинометрическія наблюденія. „Инсоляція“ оказалась громадной по сравненію съ той, какую можно наблюдать даже на югѣ Россіи, напримеръ въ Кіевѣ, или Одессѣ. Для лицъ, не посвященныхъ въ тонкости нѣкоторыхъ физическихъ законовъ, можетъ показаться, конечно, страннымъ, что на высокихъ горахъ воздухъ холоденъ, хотя „инсоляція“—притокъ тепла отъ солнца—здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ низменностяхъ. Но это такъ, и физика даетъ этому явленію стройное объясненіе.

30 мая Воронежева трепала, начиная съ полудня, сильная лихорадка. Такъ какъ мы ожидали въ этотъ день пароксизма, то больному давались заранѣе, съ утра, малыя дозы хинина въ нѣсколько, часто одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, приемовъ. Съ полдня до вечера приказный пролежалъ въ юртѣ тепло укутанный.

Утромъ 1 іюня были пригнаны на Талдыкъ наши лошади и четыре яка для перевозки юрты и дровъ. Я протащилъ акъ-басаганскую казенную юрту до Кизыль Арта; по окончаніи же моей работы на этомъ высокомъ перевалѣ, я доставилъ юрту съ нанятыми мною киргизами арчаты-булакского „айля“ назадъ—въ Акъ Басагу.

Пока разбирали и навьючивали на кутазовъ юрту, казачьи лошади поѣли ячменю. Рана у лошади Желтоухова начала гранулировать. Я разрѣшилъ казаку ѣхать на ней, надѣвши сѣдло ближе къ заду.

Около 9 часовъ утра караванъ началъ спускаться съ Талдыка по южному склону. Снѣгъ, выпавшій наканунѣ, теперь быстро таялъ подъ вліяніемъ теплаго южнаго вѣтра; грязь на южномъ склонѣ хребта была невылазная; лошади и кутазы буквально увязали. Спускъ, сперва очень крутой, сталъ нѣсколько отложе, когда мы поровнялись съ однимъ изъ истоковъ рѣчки Талдыкъ, текущей на такъ называемую „Алайскую долину“, къ которой лежалъ и нашъ путь. Это третья рѣчка съ наименованіемъ „Талдыкъ“ въ горной системѣ Алая. Вообще въ географическомъ „словарѣ“ кочевниковъ, бродящихъ по азиатскимъ нагорьямъ, повторенія названій очень часты. Оно и понятно: языкъ киргиза бѣденъ, а между тѣмъ необозримыя горныя области Средней Азіи представляютъ такое обиліе вершинъ, переваловъ и рѣчекъ. Если съ одного и того же перевала текутъ двѣ рѣчки по противоположнымъ склонамъ хребта, черезъ который ведетъ перевалъ, то обѣ рѣчки получаютъ почти всегда одно и то же названіе, притомъ въ большинствѣ случаевъ тождественное съ названіемъ перевала. Самыя названія почти всегда очень характерны: то эти названія служатъ мѣткой характеристикой вида или

свойствъ даннаго географическаго объекта, то они основаны на преданіяхъ о выдающихся событіяхъ, связанныхъ съ той или другой мѣстностью. Въ дальнѣйшемъ читатель встрѣтитъ множество примѣровъ, подтверждающихъ сказанное.

Дорога спускается внизъ по ложбинѣ южнаго Талдыка недолго: затѣмъ она забираетъ въ сторону отъ рѣчки, на востокъ, и начинаетъ опять подниматься—на сравнительно невысокой перевальчикъ Катынъ Артъ, ведущій черезъ побочный отростокъ Алая.

Но вотъ мы наконецъ и на „Алайской долині“, увидать которую—было давнишнимъ нетерпѣливымъ моимъ желаніемъ. Мы спустились на эту „долину“ близъ той ея части, которая носитъ названіе-урочища Сары ташъ, что значитъ „Пестрые камни“. Пришлось дать небольшую передышку лошадямъ, утомленнымъ тяжелой дорогой. Мы сварили себѣ чай. Особенно накинудся на эту благотворную жидкость Воронежевъ, который въ теченіе всего утренняго перехода то и дѣло доставалъ изъ кармана припасенные заранѣе порошки хинина и высыпалъ себѣ это горькое снадобье на языкъ... Отдохнувши, двинулись дальше, направляясь поперекъ „Алайской долины“—къ урочищу Боръ Добъ.

„Алайская долина“, иначе „Долина Большого Алая“, въ сущности представляетъ изъ себя высокое продолговатое плато, окаймленное съ сѣвера хребтомъ Алайскимъ, а съ юга еще болѣе могучимъ хребтомъ, который носитъ названіе „Заалайскаго“ и принадлежитъ уже къ горной системѣ Памира. Ширина плато—съ сѣвера на югъ—отъ 20 до 25 верстъ. Оно представляетъ въ общемъ замѣтный наклонъ къ сѣверу. Такъ, если вдоль иди меридіана Боръ Добы съ сѣвера на югъ, высота плато надъ моремъ возрастаетъ отъ 3050 метровъ—у Сары таша—до 3300 метровъ—у Боръ Добы. Плато имѣетъ кромѣ того легкой наклонъ къ западу: вдоль него течетъ съ востока на западъ рѣка Кизыль Су, впадающая затѣмъ подъ названіемъ Вахша въ Аму Дарью. Кизыль Су течетъ многими рукавами, которые тянутся почти подъ самымъ Алайскимъ хребтомъ. Рѣка принимаетъ въ себя множество притоковъ съ обѣихъ сторонъ: это все быстрые потоки, несущіеся съ обѣихъ исполнинскихъ хребтовъ, которые окаймляютъ высокую „долину“ Алая. Особенно густа сѣтъ притоковъ, несущихся къ Кизыль Су съ юга, со склоновъ могучаго хребта Заалайскаго. Кизыль Су значитъ „Красная Вода“. Дѣйствительно, если смотрѣть на долину Кизыль Су съ ближайшихъ возвышенностей Алайскаго хребта, то эта широко развѣтвленная рѣка съ ея безчисленными притоками представляется въ видѣ громадной сѣтки изъ рыжихъ нитей. Особенно своеобразенъ бываетъ видъ на долину сверху среди лѣта, когда эта долина покрывается густой травой, и красноватая паутина ея водныхъ артерій вырисовывается на ярко-зеленомъ фонѣ. Кирпичный цвѣтъ воды Кизыль Су обусловленъ, во-первыхъ, взвѣшенными въ этой водѣ минеральными частицами: склоны обѣихъ горныхъ хребтовъ, съ которыхъ бѣгутъ въ Кизыль Су бѣшеные потоки,

изобилуютъ красной глиной. Второй причиною оригинальной окраски самой рѣки и особенно ея лѣвыхъ притоковъ является то обстоятельство, что русла рѣки и этихъ притоковъ представляютъ сплошныя розсыпи рыжевато-красной гальки. Особенно много красной гальки и красной глины на хребтѣ Заалайскомъ. Вотъ почему эпитетъ „кызыль“, т. е. „красный“, почти всегда пристегнутъ къ названіямъ мѣстностей, лежащихъ въ области этого величаваго хребта. Такъ, одинъ изъ снѣжныхъ великановъ Заалайскаго хребта носитъ названіе Кызыль Агынъ (высота его — 6620 метровъ); переваль черезъ этотъ хребетъ, которымъ пролегаетъ дорога на Путь Памирскій, называется Кызыль Артъ; въ восточной части того же хребта есть переваль Кызыль Вель.

Около меридіана 43° 20' хребты Алайскій и Заалайскій соединяются между собой поперечной грядой, идущей приблизительно съ сѣвера на югъ. Эта гряда представляетъ изъ себя восточную границу „Алайской долины“; она же служитъ частью великаго среднеазиатскаго водораздѣла: на западныхъ ея склонахъ — истоки Кызыль Су, принадлежащей къ Аральскому бассейну; съ восточныхъ ея склоновъ сбѣжить въ китайскій Туркестанъ *другая* Кызыль Су, принадлежащая къ бассейну Тарима.

Несмотря на то, что Алайская „долина“ приподнята на *три версты* надъ уровнемъ моря, долина эта одѣвается лѣтомъ роскошной травой. Благодаря своей огромной площади, она свободно прокармливаетъ стада алайскихъ киргизовъ; нерѣдко на нее спускаются со своими стадами и памирскіе киргизы. Этимъ объясняется самое названіе „Алай“, которое кочевники приурочиваютъ именно къ долинѣ Кызыль Су: „Алай“ значитъ „рай“. Распространеніе этого названія на суровый хребетъ, господствующій надъ долиной съ сѣвера, принадлежитъ уже географамъ. Весной въ долинѣ Алая можно встрѣтить цѣлыя ковры цвѣтовъ. Флора этого замѣчательнаго плато, конечно, очень своеобразна и до сихъ поръ еще не вполне изучена. Лѣтомъ 1900 года для изученія алайской флоры былъ командированъ академіей наукъ извѣстный нашъ ученый г. Литвиновъ. Литвиновъ сдѣлался жертвою трудныхъ условій кочеванья по горамъ: при спускѣ съ одного изъ переваловъ онъ сломалъ себѣ ногу и, привезенный сперва въ лазаретъ Гульчинской казачьей сотни, а затѣмъ въ Ошскій военный госпиталь, тяжело проболѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Если представить себѣ въ воображеніи, что каракиргизскій „рай“, этотъ своеобразный цвѣтушій лугъ, высящійся на три версты надъ моремъ, перенесенъ въ другое мѣсто и поставленъ относительно географической широты и количества атмосферныхъ осадковъ въ условія, въ которыхъ находятся, напримѣръ, хотя бы швейцарскіе Альпы, то это была бы снѣжная пустыня и зимой, и лѣтомъ, это былъ бы „фирновый котель“ какого-нибудь исполинскаго ледника. Такъ, вѣроятно, оно было и на самомъ дѣлѣ — въ одну изъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, носящую названіе „ледниковаго періода“.

При разнообразіи травяной растительности въ долину Алая, древесныя породы отсутствуют здѣсь совсѣмъ; нѣтъ даже арчи. Деревьевъ нѣтъ и на южныхъ склонахъ Алайскаго хребта; нѣтъ ихъ и на Памирѣ, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ оазисовъ, пріютившихся на западныхъ и южныхъ скалахъ этого угрюмаго нагорья.

Главный представитель фауны Алайской долины—сурокъ. Дыры сурочьихъ норъ попадаются здѣсь буквально на каждомъ шагу, особенно между Кизыль Су и Заалайскимъ хребтомъ.

Въ урочищѣ Сары-ташъ дорога раздвояется: къ югу идетъ вѣтвь на постъ Памирскій; къ востоку отходить вѣтка на Иркештанъ и далѣе на Кашгаръ. Это—путь довольно торный, которымъ слѣдуютъ многочисленныя караваны, поддерживающіе въ теченіе лѣта торговыя сношенія Ферганы съ Кашгаріей. Въ послѣдніе годы, послѣ доведенія Среднеазиатской желѣзной дороги до Андижана, особенно бойко пошелъ въ ходъ нашъ керосинъ. Изъ Оша въ Кашгаръ тянутся лѣтомъ огромныя караваны съ этимъ продуктомъ. Керосинъ перевозится въ особыхъ жестяныхъ сосудахъ. На каждое животное навьючиваются двѣ одинаковыя жестянки, симметрично свѣшивающіяся по бокамъ вьючнаго сѣдла. Жестянки бываютъ двухъ размѣровъ: большаго—для верблюдовъ; меньшаго—для лошадей. Кашгарская дорога идетъ вверхъ по теченію Кизыль Су, почти все время правымъ берегомъ. Черезъ горную гряду, соединяющую сѣверный и южный хребты, дорога переваливаетъ проходомъ Таунъ-Мурунъ, имѣющимъ высоту въ 3400 метровъ надъ моремъ. Затѣмъ она спускается въ долину *другой* Кизыль Су, текущей въ Кашгарію. На этой Кизыль-Су расположенъ нашъ военный постъ на китайской границѣ—Иркештанъ, возвышающійся на 2600 метровъ надъ моремъ. Съ середины іюня по конецъ августа, т. е. въ сезонъ торговыхъ каравановъ, дорога эта очень оживлена. Отъ Сары-таша до Иркештана, если ѣхать верхомъ и притомъ налегкѣ, можно добраться въ одинъ перергонъ.

Мой караванъ направился отъ Сары-таша прямо на югъ, по Памирской дорогѣ. По ней движенія несравненно меньше, чѣмъ по Кашгарской. Торговымъ караванамъ почти не приходится заглядывать на Памиръ: развѣ какой-нибудь коробейникъ сартъ привезетъ иной разъ на 5—6 вьючныхъ лошадей „галантерею“ для продажи киргизкамъ малолетнихъ и рѣдкихъ „аплей“. Нѣсколько разъ въ годъ, а именно въ лѣтніе мѣсяцы, Памирская дорога оживляется походами воинскихъ эшелоновъ малочисленнаго Памирскаго отряда и движеніемъ продовольственныхъ транспортовъ. Большую же часть года дорога эта пустынна: обычно на ней можно встрѣтить только скачущаго характернымъ галопчикомъ джигита-киргиза съ „почтовой“ сумкой за спиной: да и то зимой почти ходитъ на постъ Памирскій чуть ли не разъ въ мѣсяцъ. На крутыхъ подъемахъ, гдѣ плотно дороги раздѣлано, она еще напоминаетъ дороги культурныхъ странъ. На ровныхъ плитахъ,

какъ, напримѣръ, у берега озера Кара-Куля, опредѣленной дороги не существуетъ. Въ Алайской долигѣ она еле замѣтна, представляя узкую тропинку, протоптанную по этому своеобразному лугу. На лишенныхъ же травы берегахъ Кара-Куля ея даже и не видно: объ ней напоминаютъ только разбросанные широкой полосой слѣды въючныхъ животныхъ, отпечатанные на пустынномъ лёссѣ, скелеты этихъ животныхъ, да еще сложенные изъ камней кучи, отмѣчающія версты. Отъ Оша до Сары-таша версты отмѣчены девеянными столбами; отъ Сары-таша до поста Памирскаго—кучами камней: доставка на Памиръ деревянныхъ столбовъ потребовала бы слишкомъ значительныхъ расходовъ. Все разстояніе по дорогѣ отъ Оша до поста Памирскаго—385 верстъ; столбы приходится на участокъ въ 150 приблизительно верстъ; на всемъ остальномъ протяженіи торчатъ каменные кучи. Всѣ остальные памирскія дороги—между отдѣльными постами—верстовыхъ знаковъ не имѣютъ совсѣмъ и далеко не такъ раздѣланы, какъ „большакъ“ съ Оша на постъ Памирскій.

Только что мой караванъ тронулся изъ Сары-таша и перешель въ бродъ Кизыль Су, какъ суховѣй, дувшій раньше отъ группы пиковъ Кауфмана и Кизыль Агына, смѣнился вѣтромъ отъ Талдыка. Быстро налетѣлъ свинцовый *Nimbus*, и поднялся снѣжный буранъ. По временамъ раздавались раскаты грома; молній однакоже видно не было. Престранное впечатлѣніе производила эта гроза при обстановкѣ, напоминающей зиму! Буранъ свирѣпѣлъ однакоже все больше и больше: завѣса отъ падающаго снѣга становилось все гуще и гуще: скоро нельзя уже было ничего различить въ двухъ-трехъ шагахъ разстоянія. Наши кони тревожно фыркали и упирались... Пришлось остановиться и простоять на мѣстѣ около часа. „Хорошъ каракиргизскій „рай“, думалось мнѣ: „рай съ такими мятелями въ іюнѣ мѣсяцѣ!“ Алайская долина всего на всего еще только „земной рай“ каракиргиза. Рай небесный, рай для *душъ* умершихъ, его вѣрованія отодвигаютъ въ мѣста еще болѣе холодныя—на снѣжную макушку Музь-Тагъ Атѣ, т. е. „Отца снѣжныхъ горъ“, перваго памирскаго великана, занимающаго видное положеніе въ спискѣ горныхъ исполиновъ всего земного шара.

Но вотъ снѣжная завѣса начинаетъ рѣдѣть. Мы двигаемся впередъ, направляясь по компасу. Идемъ медленно, такъ сказать ощупью, чтобы не переломать лошадямъ ногъ на безчисленныхъ сурочьихъ норахъ. Часамъ къ 6 вечера буранъ прекращается совсѣмъ. Наступаетъ затишье. Морозить. Долина покрыта слоємъ снѣга въ четверть аршина толщиной. Невысокая еще весенняя травка спряталась подъ снѣгомъ вся; ландшафтъ—совершенно зимній. Теперь, послѣ того какъ просвѣтлѣло, мы можемъ ориентироваться уже точно. Оказывается, что мы уклонились въ сторону отъ настоящей дороги всего на какую-нибудь версту. Въ зрительную трубу я легко различаю выдающіеся надъ снѣжной равниной правильно расположенные бѣлые бугорки. Это—каменные *верстовыя* кучи, засыпанные

снѣгомъ. Куромшинъ различаетъ ихъ невооруженнымъ глазомъ. Мы возвращаемся на дорогу. Вхатъ приходится все таки тихимъ шагомъ изъ-за предательскихъ сурочьихъ норъ, тѣмъ болѣе, что надвигаются сумерки.

Но вотъ наконецъ и Боръ Доба. Мы въѣжаемъ въ настежь открытыя широкія ворота каменнаго рабата. Этотъ рабатъ, гордость инженеръ-полковника Б. Я. Мошинскаго, на половину врытъ въ природную возвышенность, имѣющую видъ громаднаго утюга. Дворъ рабата производитъ впечатлѣніе уголка какого-нибудь крѣпостнаго форта. Впечатлѣніе это еще болѣе укрѣпляется, когда вы проникаете со двора въ одинъ изъ трехъ бетонированныхъ казематовъ, изъ которыхъ одинъ называется „офицерской комнатой“, другой „комнатой для джигитовъ“, а третій представляетъ изъ себя конюшню. Неказисты эти памирскіе рабаты; но зимой, когда на „Крышѣ міра“ царитъ сорокоградусная стужа, не только провѣзжіи по дѣламъ службы чинъ Памирскаго отряда, но и „почтарь“ каракиргизъ не разъ помянетъ добромъ строителей рабата... Не дешево, разумѣется, обошлись казнѣ эти сооруженія среди отдаленной отъ культурныхъ мѣстъ горной пустыни.

За позднимъ временемъ я отмѣнилъ разстановку юрты, которую мы привезли съ Талдыка, хотя ночлеги въ рабатѣ и не обѣщали быть пріятнымъ. Я приказалъ киргизамъ, сопровождавшимъ вьючныхъ яковъ, тащить эту юрту завтра „чѣмъ свѣтъ“ дальше, на перевалъ Кизыль Артъ.

Въ Боръ-Добинскомъ рабатѣ меня встрѣтили командированные въ мое распоряженіе съ поста Памирскаго казакъ Кругловъ и „отрядной джигитъ“ киргизъ. Кругловъ, съ нашивками „приказнаго“, имѣлъ взволнованный видъ. „Ваше в—іе“,— доложилъ онъ мнѣ,—„у насъ—*происшествіе*“. Оказалось, что Кругловъ былъ высланъ мнѣ навстрѣчу не одинъ, а въ сопровожденіи другого казака, Максютова. Кромѣ верховыхъ, они имѣли еще одну вьючную лошадь—для подъема провіанта и фуражнаго ячменя. Эти три казачьи лошади паслись на „подножномъ“, близъ рабата. 31 мая около Боръ Добы разразился снѣжный буранъ, хотя и не столь сильный и продолжительный, какъ тотъ, который захватилъ насъ на переходѣ 1 іюня. Во время этого бурана три казачьи лошади пропали... Максютовъ и два киргиза отправились 1 іюня еще „до свѣта“ на поиски.

Что дѣлать, мнѣ пришлось, для перваго знакомства, хорошо распечь приказнаго Круглова за ротозѣйство.

Поужинавъ черными сухарями съ чаемъ, мы расположились на ночлегъ въ рабатѣ. Ложась на кошму, разостланную на бетонномъ полу рабата, я приказалъ Куромшину разбудить меня, если Максютовъ вернется ночью. Мнѣ однакоже не спалось въ банной атмосферѣ офицерской комнаты, подогрѣваемой желѣзной печкой. Около полуночи раздались лошадиный топотъ и ржанье. Я надѣлъ валенки, накинулъ полушубокъ и вышелъ наружу. Въ этотъ моментъ въ ворота рабата входили двѣ лошади. Полная луна позволила мнѣ ясно разглядѣть, что на одной изъ нихъ сидѣлъ толстый киргизъ, а

на другой помѣщалось двое всадниковъ—казакъ на сѣдлѣ и толщій киргизенокъ сади, на крупѣ. Казакъ оказался Максютовымъ; толстый киргизъ былъ—Халметъ Аширкуль Оглы, одинъ изъ именитыхъ туземцевъ Памира; худощавый парнишка—конюхъ Халмета. Халметъ—лицо, состоящее на государственной службѣ: онъ—„аминъ“ памирскихъ кара-киргизовъ, т. е. помощникъ памирскаго „волостного“ управителя. Весь восточный Памиръ, обширная территория котораго простирается на востокъ до границъ Афганистана, представляетъ одну только „волость“; другая „волость“, съ полуосѣдлымъ таджицкимъ населеніемъ, обнимаетъ ту часть западнаго Памира, которая не вошла въ составъ вассальнаго намъ бухарскаго ханства. Обѣ эти памирскія волости—киргизская и таджицкая—находятся подъ военнымъ управленіемъ: онѣ состоятъ въ вѣдѣніи Памирскаго отряда. Въ 1900 г. управителемъ, или старшиной, восточной волости былъ киргизъ Коканъ-бекъ; западной управлялъ вліятельный рошанскій таджикъ, по имени Саркіюръ. Что касается до алайскихъ киргизовъ, то они составляютъ особую волость, подчиненную Ошскому уѣздному начальнику. Въ должности алайскаго „волостного“ я засталъ знаменитаго Кара-бека. Восточно-памірскій старшина имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, которые называются „аминами“. Халметъ Аширкуль Оглы былъ „аминомъ“ сѣверо-восточнаго, такъ называемаго Рангкульскаго участка, граничащаго съ Кашгаріей и Алайскою областью. Боръ Доба—конечный пунктъ Рангкульскаго участка по памирской дорогѣ; это урочище считается преддверіемъ Памира. Вотъ почему встрѣтилъ меня въ Боръ Добѣ Халметъ, поджидавшій здѣсь моего прибытія уже нѣсколько сутокъ. Теперь онъ возвращался съ поисковъ пропавшихъ казачьихъ лошадей: двѣ лошади, принесшія трехъ всадниковъ, были собственныя Халметовы: поиски не увѣнчались успѣхомъ, хотя казакъ и его спутники киргизы прорыскали безъ малаго сутки по ближайшимъ ущельямъ Заалайскаго хребта. Непривѣтливо встрѣтилъ я памирскаго сановника: я велѣлъ Максютову, который, какъ оренбургскій татаринъ, объяснялся по-киргизски, объявить „амину“, что за пропажу казачьихъ лошадей отвѣтитъ онъ, аминъ. Халметъ почтительно скрестилъ на груди руки и молча сдѣлалъ „кулдукъ“—низкій поклонъ. Само собою понятно, что досталось тутъ отъ меня и Максютову...

Теперь оставалось только лечь спать. Предварительно я полюбопытствовалъ однакоже измѣрить температуру воздуха и температуру поверхности снѣжнаго покрова, такъ какъ морозъ показался мнѣ значительнымъ. Было около половины перваго, когда я покончилъ съ этими измѣреніями. Термометръ показалъ—5° въ воздухѣ и—9° (по Цельсію) на поверхности снѣга. Лучеиспусканіе снѣжной поверхности было, слѣдовательно, довольно значительно въ эту тихую, безоблачную ночь на высотѣ 3300 метровъ надъ моремъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что воздухъ во время помянутыхъ измѣреній не могъ быть очень „теплопрозрачнымъ“: луна была окружена

отчетливымъ свѣтлымъ кольцомъ, угловой діаметръ котораго я оцѣнилъ приблизительно въ 45° ; стало быть, въ воздухѣ содержались ледяные кристаллики.

Несмотря на открытое окно, я забылся лишь на короткое время тяжелымъ, кошмаристымъ сномъ въ гнетущемъ воздухѣ рабата. Вскочивши на разсвѣтъ, я проводилъ киргизовъ съ четырьмя яками, которые потащили юрту и дрова на подъемъ Кызыль-Арта, и вышелъ за ворота рабата, чтобы освѣжиться прогулкой. Нагулявшись, я взошелъ на плоскую крышу рабата — полюбоваться освѣщенными восходившимъ солнцемъ свѣжными шапками великановъ сѣвернаго Памира—пиковъ Кауфмана и Кызыль Агына. Въ это самое время изъ ущелья, изъ котораго вырывается на Алайскую долину рѣка Кызыль-Агынъ, появилось нѣсколько скакавшихъ во весь опоръ лошадей. Когда эта группа нѣсколько приблизилась, я разглядѣлъ на задней лошади всадника-киргиза, который отчаянно махалъ арканомъ, подгоняя скакавшихъ впереди трехъ коней. Это были наши пропавшіе казачьи кони: они заблудились во время бурана и прибрели къ киргизской юртѣ, пріютившейся въ ущельѣ Суекъ-туръ, которое выходитъ въ долину рѣки Кызыль-Агына: киргизъ, хозяинъ юрты, догадавшись по „таврамъ“, что лошади—казачьи, счелъ своимъ долгомъ согнать ихъ въ Боръ-Добу. Понятно, я щедро наградилъ киргиза и пригласилъ его на чаепитіе, во время котораго усердно угощалъ его кристалликами лимонной кислоты, что видимо доставляло ему большое удовольствіе. Между тѣмъ моя команда начала выючить и сѣдлать. Конюхъ Халмета зарѣзалъ барана, припасеннаго для меня аминомъ. Мясо взяли во вьюки; небольшую порцію баранины приторочилъ къ своему сѣдлу Куромшинъ. Около 6 часовъ утра мы покинули Боръ-Добу. Я, Куромшинъ и Халметъ поѣхали вперёдъ рысью. Намъ предстояло подниматься вверхъ по ущелью рѣки Кызыль-Артъ, истоки которой находятся невдалекѣ отъ перевала того же наименованія, перевала, ведущаго черезъ могучій Заалайскій хребетъ. Рѣка Кызыль-Артъ впадаетъ въ Кызыль Су восточнѣе Кызыль Агына. Нѣсколько выше Боръ-Добинскаго рабата обѣ рѣки сходятся въ одно общее широкое ложе, устланное мелко раздробленной галькой; каждая изъ нихъ течетъ по этому ложу нѣсколькими рукавами, и ближайшіе другъ къ другу рукава обѣихъ рѣкъ сливаются вмѣстѣ. Противъ самаго рабата небольшое клинообразное возвышеніе снова раздѣляетъ эти сплетшіяся между собой рѣки: при дальнѣйшемъ своемъ бѣгѣ къ Кызыль Су онѣ все болѣе и болѣе расходятся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛУКЪЯНОВСКІЙ ПРИЮТЬ.

XCIX 1).

ЗАТМЕНИЕ ЛЖЕ-ЧАЙКОВСКАГО.

Въ высшей степени канальски игралъ Лже-Чайковскій. Въ его игрѣ было что-то деревянное, тупое, холодное и обратное. Гдѣ и въ какихъ домахъ получилъ свое музыкальное воспитаніе этотъ худой и, повидимому, голодный, съ сизыми мѣшками подъ глазами, неутомимый таперь? Онъ понималъ экспрессию въ смыслѣ сотрудничества музыкальнымъ звукамъ усиленнымъ покачиваніемъ головы и подергиваньемъ плечами. Лѣвый глазъ его былъ устремленъ на клавиши, которыя прыгали, прихрамывая и странно сталкиваясь между собой, а правый наблюдалъ съ безстрастнымъ выраженіемъ за дѣвицами въ восточныхъ шароварахъ, за Жанной д'Аркъ, за маркизами и пастушками, и иногда въ залѣ было слышно, въ рѣдкія мгновенія паузы, какъ глухой голосъ, точно изъ погреба, произносилъ:

— Харашо!

Къ полночи салонъ вліятельнаго издателя газеты, въ которой могутъ превознести бездарность до небесъ и „отчехвостить“ генія, стали съѣзжаться освободившіеся отъ разныхъ новогоднихъ концертовъ и встрѣчь мѣстные пѣвцы, пѣвицы, рассказчики и мелодекламаторы.

Артисты были во фракахъ, съ шелковыми отворотами. Волосы ихъ были великолѣпно причесаны, лица выбриты и глаза дружески устремлены на почтеннаго хозяина дома. Артистки на половину состояли изъ шелковыхъ, ослѣпительно сіяющихъ тряпокъ и изъ голаго тѣла. Глаза ихъ тоже съ томной востор-

1) См. «Русск. Вѣстн.», июль 1904 г.

женностью искали мадамъ Штукъ, а на ихъ губахъ, смазанныхъ розовой помадой, порхали поцѣлуи дружбы и преданности.

Вмѣстѣ съ пѣвицами и пѣвцами, нѣсколько поодаль отъ нихъ, вошелъ, привезенный ими, знаменитый аккомпаниаторъ Лисъ. Огромные, свѣтлорыжіе волосы вѣнчали его маленькую головку и онъ подвигался впередъ, раскланиваясь на обѣ стороны. Ордена, похожіе на котильонные знаки, и, очевидно, иностраннаго происхожденія, болтались у него на фракъ и на шеѣ. Онъ былъ хорошенькій, маленькій, съ большими отвислыми руками, и похожъ былъ на рыженькаго пони, побрякивающего металлической упряжью.

Искося онъ раза два взглянулъ на Лже-Чайковскаго. Можетъ быть, это были убійственные взгляды, пальцы Лже-Чайковскаго безпомощно запрыгали по клавишамъ, клавиши смутились и подняли ропотъ. Наконецъ, издали ворчливо жалобный звукъ.

Взошло новое свѣтило и затмило собой звѣзду Лже-Чайковскаго. Бѣднякъ исчезъ какъ-то внезапно. Растаялъ, ступевался, пропалъ. Знаменитый аккомпаниаторъ сѣлъ на освобожденное мѣсто и музыкальный инструментъ запѣлъ, застоналъ, засверкалъ, рассыпался и загорѣлся.

С.

ИНСТРУМЕНТЪ ЗАГОРѢЛСЯ.

Въ изящной свѣтской суматохѣ, поднятой вошедшими слушателями и служительницами искусства, смѣшались пестрыя домино. Мадамъ Штукъ, съ протянутыми впередъ драгоценными руками, ринулась въ суматоху. Приблизился моментъ, когда почти всѣ единогласно стали убѣждать другъ друга, что наступилъ „Новый годъ“. И если кто изъ нихъ ошибался въ этомъ отношеніи, то на какую-нибудь самую незначительную долю времени. Къ тому же, на самомъ дѣлѣ Новый годъ влетѣлъ въ залу, и хотя голова его слегка закружилась отъ спертаго воздуха, и онъ съ тоской сообразилъ, что въ этомъ богатомъ, во всякомъ случаѣ, блистательномъ и претенціозномъ домѣ нѣтъ ни одной форточки, однако, все же онъ подтвердилъ своимъ присутствіемъ всеобщее убѣжденіе. Внезапно онъ предсталъ предъ мысленными очами свѣтскаго общества. Дамы и кавалеры почувствовали къ нему самое нѣжное влеченіе. Шельмензоны, Канальсоны, Обираловичи, Плутувичи, Марзен-

штейны, Фальши, Портвейны и Дреймадеры пріятно оскалили зубы и потрепали новогоднего юношу по озябшимъ плечамъ. Мадамъ Штукъ смѣшала его въ своемъ воображеніи съ Голиаѳомъ, дѣвицы въ широчайшихъ шароварахъ, невинныя пастушки, голорукія Діаны, съ черносливами и маслинами вмѣсто глазъ, и другія представительницы прекраснаго пола раскраснѣлись и жадными взглядами впились въ красавца: восторженное чувство охватило всѣхъ. Лакей-бакенбардистъ, Алешка и другіе редакціонные сторожа, во фракахъ на коленкоровой подкладкѣ, принесли подносы съ пѣнящимся шампанскимъ фирмы Фальшь и К^о. Громко захлопали пробки. Мадамъ Штукъ собственноручно повернула кнопки и залъ погрузился въ соблазнительный мракъ; дѣвицы пронзительно закричали, мужчины заорали „ура!“

— Съ новымъ гдомъ, съ новымъ счастьемъ!—прорычалъ знаменитый оперный бась.

Всѣ узнали его дивный голосъ и отвѣчали весело, бодро, шумно.

— Боже мой, совѣмъ какъ у насъ въ синагогѣ!—сказалъ Зерновъ на ухо Нетти и она почувствовала, какъ чья-то дерзкая рука схватила ее за талію.

— Раавъ это тоже дѣлается въ синагогѣ? — полусердито прошептала она.

— Это вотъ какъ дѣлается! — отвѣчалъ Зерновъ, и его длинный носъ толкнулся въ очаровательный ротикъ Нетти.

— Сумасшедшій!—закричала она, и хорошо, что въ общемъ шумѣ никто не могъ слышать.—Вмѣсто того, чтобы цѣловаться, вы расцарапали мнѣ губы... Отверните въ сторону вашу дурацкій носъ.

— Однако, поздравляю васъ, Нетти, съ новымъ годомъ! Держите ваши губы!

Мракъ продолжался всего одно мгновенье. Можетъ быть, два мгновенья, можетъ быть, три,—но не больше.

Но этого было достаточно, чтобы рояль, зазвучавшій подъ руками великаго аккомпаніатора страстными и торжественными аккордами, загорѣлся въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

СІ.

ПОЖЕЛАНІЯ МАЛЕНЬКАГО ШПРУДЕЛЯ.

Когда погасло электричество,—вспыхнула нитка и зажглись парафиновые свѣчки на елкѣ. Шампанское разливалось, пѣнилось и выпивалось при трогательномъ свѣтѣ, распространяемомъ великолѣпнымъ деревомъ. Вѣроятно, благонравныя дѣти Штуковъ и маленькій плачущій Лукьяновскій приютъ получили бы истинное наслажденіе, если бы увидали вспыхнувшую елку. На ней засверкало множество бездѣлушекъ. Въ зеркальныхъ яблокахъ отразилась зала съ гиппархами, рыцарями и турчанками. Самъ король Наумъ I отразился въ этихъ яблокахъ,—только внизъ головой. Дѣти, взявшись за руки, запрыгали бы вокругъ елки. Бумажный ангелъ изъ берлинской булочной улыбался бы имъ сверху. Золотыя и серебряныя корзинки, наполненныя конфектами изъ оконной замазки, муки и сахара, въ видѣ ячечекъ и горошка, показались бы малюткамъ роскошными сладостями.

Каждый годъ всѣ берлинскія булочныя на свѣтѣ изготовляютъ тысячи пудовъ этихъ конфектъ, носящихъ названіе драже, и, значить, онѣ поѣдаются и оставляютъ по себѣ пріятныя воспоминанія, хотя бы и соединенныя съ мучительными коликами подъ ложечкой. Но елка, горѣвшая подъ Новый годъ на маскированномъ балѣ у гг. Штуковъ, была предназначена для взрослыхъ людей, и на нее смотрѣли Обираловичи, Плутвичи, Мошейнесы и улыбались. Они знали, что это великолѣпное дерево пылаетъ для нихъ. Они тѣснились къ елкѣ, они закидывали головы и находили бумажнаго ангела съ фирмой берлинской булочной не только живописной, но и остроумной рекламой. И почти для cadaго изъ нихъ было несомнѣнно, что безчисленныя елочныя украшенія,—лошадки, слоники, мухи, стрекозы, звѣзды, канитель и коробочки съ драже, снабженныя куколками, мотыльками, бумажными червонцами и разной шумихой и дрянью, являются даровымъ приношеніемъ берлинской булочной и втайнѣ завидовали Штукамъ, ибо Плутсоны и Шельменфакторы, Хапанцовичи, Прижимкеры и Дисконтмахеры рѣшительно всякому завидуютъ. Маленькій Шпрудель зашатался и упалъ на жену, пораженный, какъ громомъ, несказаннымъ великолѣпиемъ елки, но Жанна д'Аркъ подставила ему грудь, покрытую броней, и бутафорскій металлъ слабо зазвенѣлъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы эта проклятая елка провалилась сквозь землю!—судорожнымъ шепотомъ проговорилъ маленькій Шпрудель и впился ногтями въ голое плечо жены.

Меньше всего онъ, разумѣется, ожидалъ, что желаніе его такъ скоро осуществится.

СІІ.

ПРОКЛЯТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

Переходъ отъ тоски и жгучей зависти къ злорадству и безумному восторгу совершился въ сердцѣ маленькаго Шпруделя во мгновеніе ока. Кто-то потомъ увѣрялъ—должно быть, гусарскій ротмистръ Зерновъ,—что король Наумъ I протянулъ къ елкѣ скипетръ и ловко толкнулъ ее. Само собою разумѣется, еслибы въ карманѣ Наума Борисовича не лежалъ ножъ со складной въ немъ стальной пилочкой,—чего не могла не знать мадамъ Штукъ,—то елка такъ быстро не упала бы и прежде всего не пострадалъ бы тотъ самый золотой стулъ, на который былъ уроненъ сигарный пепель. Елка со всѣми парафиновыми огнями навалилась затѣмъ на знаменитаго аккомпаниатора, и его прекрасные пышные волосы упѣлѣли отъ страшной опасности только благодаря юркости, съ какой онъ забился подъ рояль. Не имѣя больше точки опоры, дерево съ трескомъ упало на рояль, гдѣ, по непростительной небрежности слугъ и непредусмотрительности хозяина, лежало нѣсколько кусковъ ваты—остатокъ отъ матерьяла, долженствовавшего изображать собою снѣгъ подъ елкой. Затрещали смолистыя вѣтки, парафиновыя свѣчки рассыпались по полу и по роялю, продолжая горѣть, и, наконецъ, желтое пламя поднялось надъ роялемъ—запылала вата. Зловѣщимъ заревомъ освѣтилась зала и сразу наполнилась дымомъ. Въ дымномъ воздухѣ толпились маски и тускло блестящія короны, стеклянныя пуговицы и золотыя стулья. Поднялся неописуемый крикъ и визгъ. Зерновъ обнялъ не только Нетти, но успѣлъ захватить и пару турецкихъ шароваръ. Къ нему сами лѣзнули безпомощныя созданія. Въ немъ инстинктивно чувствовался мужественный человекъ. Онъ былъ съ военной косточкой и былъ веселъ, какъ всегда. Мадамъ Штукъ стала тянуть одну и ту-же рѣзкую пронзительную ноту. Графъ Обезьянъ убѣжалъ въ столовую и, стоя на порогѣ, смотрѣлъ на пожаръ. Онъ только что гордился елкой, созданной

не безъ его участія, какъ собирателя публикаціи, и теперь недоумѣвалъ. Къ нему подбѣжала его жена и сказала польски, въ сильномъ возбужденіи, со слезами на глазахъ:

— Но ты вѣшь, что жидѣи сами зробили пожаръ! Дали Букъ!

— Что ты мувишь!—вскричалъ графъ.

— А для того, что у нихъ все застраховано.

— Такъ, такъ, такъ,—пропѣлъ графъ Обезлйи, и глаза его вылѣзли на лобъ.—А еще говорятъ, что у бабъ дługi волосъ. Ахъ, ты, умница! А! кака ты догадливая!

Дальнѣйшая бесѣда супруговъ была прервана, такъ какъ за ними въ столовую устремилось большинство гостей, отпрянувшихъ теперь отъ огня. Вата дымилась, пламя поднималось красными снопами. Загорѣлась хвоя. Григорій Матвѣевичъ Шпрудель визжалъ отъ радости, мадамъ Штукъ отъ ужаса, гортанные крики трепетали въ смрадномъ и тускломъ воздухѣ.

Адвокатъ Махеръ первый бросилъ на огонь свой фракъ. Неужели онъ руководствовался и вдохновлялся замыслами Наума Борисовича, геній котораго онъ прекрасно зналъ въ качествѣ его постоянного адвоката? Возможно также, что онъ дѣйствовалъ самоотверженно, не рассчитывая на страховую сумму, которую долженъ былъ получить его патронъ. Предоставляется читателю остановиться на одномъ изъ этихъ предположеній. Все же вѣрно, что мысль о предъявленіи иска страховому обществу „Черепѣха“ и затѣмъ къ другимъ еще обществамъ — „Угрю“, „Жареному Карасю“ и богатѣйшему „Анонимному Вьюну“, мелькнула въ юридическомъ умѣ господина Махера.

Король Наумъ I, какъ и слѣдовало ожидать, страшно растерялся. Вообще поведеніе его, начиная съ этого момента, стало крайне загадочнымъ и скорѣе нелѣпнымъ, чѣмъ благоразумнымъ. Внезапно осипшимъ голосомъ онъ—почти игриво крикнулъ:

— Уфпередъ!—и сталъ своимъ дутымъ скипетромъ дубасить по елкѣ со всего размаха, разставивъ свои королевскія ноги въ клеенчатыхъ ботфортахъ и за каждымъ ударомъ низко присѣдая.

— Уфпередъ!—кричалъ онъ, ревнивымъ слухомъ различая радостный визгъ Григорія Матвѣевича. — Хорошо визжить, кто визжить послѣдній!—воскликнулъ онъ.—Такихъ огромныхъ убытковъ надѣлала мнѣ это забава моей жены! — съ торжествомъ произнесъ онъ и опять ударилъ елку скипетромъ и опять присѣлъ.

Но наконецъ верхушка королевскаго жезла его отломилась, а самый жезлъ согнулся и потерялъ всю свою символическую цѣнность.

Мадамъ Штукъ, между тѣмъ, подскочила къ его величеству, сильной рукой сорвала съ него королевскую мантию и бросила на догоравшую вату.

— Воды!—послышались добровольческіе крики.

— Ради Бога, не надо воды,—съ испугомъ закричала мадамъ Штукъ.

— Уфпередь!—совсѣмъ уже растерянно и съ такимъ натуральнымъ отгѣнкомъ безумія застоналъ Наумъ Борисовичъ, что мадамъ Штукъ, при видѣ его комической и дико присѣдающей фигуры, испугалась, схватила за плечи и съ воплемъ: „Онъ совсѣмъ сталъ сумасшедшимъ!“—толкнула его на тронныя ступеньки.

Онъ упалъ какъ-то очень ловко, съль, опустил голову къ подножью золотого дивана, корона его откатилась въ сторону, и онъ очутился въ жестокомъ обморокѣ.

Должно быть, онъ смѣшалъ послѣдняго короля Станислава Понятовскаго съ генераломъ Костюшкой. Историческія познанія его могли быть слабы, если справедливо утвержденіе его брата, что образованіе свое онъ получилъ въ одномъ изъ краковскихъ хедеровъ, что за Желѣзной Брамой. Застывающими губами онъ, впрочемъ, довольно ясно выкрикнулъ: „Finis Poloniae“.

И выкрикъ этотъ какъ бы свидѣтельствовалъ въ самомъ дѣлѣ въ то же время о болѣзненномъ душевномъ состояніи, въ какомъ онъ временно очутился, благодаря проклятой случайности съ елкой.

СШ.

О Б М О Р О К Ъ.

Въ моменты всеобщей растерянности и паническаго ужаса, сопровождающагося истерикой, не легко образумить толпу, хотя бы она состояла изъ самыхъ тонкихъ и благовоспитанныхъ людей. Мы допускаемъ въ данномъ случаѣ сколько угодно тонкости и даже благовоспитанности. Но справедливость требуетъ сказать, что мракъ, наступившій вслѣдъ за потушеннымъ пожаромъ, никому не пришло въ голову удалить—по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ или трехъ минутъ, которыя

показались Нетти вѣчностью, такъ какъ обѣ прелестныя Плутзонъ продолжали стонать, трепетать и искать защиты у чело-вѣка, отважно провозгласившаго себя гиппаркомъ. Если, на-конецъ, маркизъ-Голіафъ, въ качествѣ своего чело-вѣка въ домѣ, и весь охваченный тоской, при мысли о четырехъ гитарахъ, все-таки нашелъ кнопки и яркимъ свѣтомъ озарилъ происхо-дившее въ залѣ вавилонское столпотвореніе, то ему слѣдо-вало бы за это выразить всеобщую признательность.

Дымъ, разумѣется, стоялъ и пришлось отворить дверь на лѣстницу, къ ужасу тонко и нѣжно воспитанныхъ гостей, боявшихся свѣжаго воздуха. Первый вздрогнулъ король Наумъ I, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что отъ свѣжаго воздуха, ворвавшася въ комнату, всегда бываетъ тифъ. Док-торъ Портвейнъ скользнулъ къ нему на помощь вмѣстѣ съ двумя-тремя мелодыми людьми, которымъ онъ сдѣлалъ знакъ, и короля взяли за руки и за ноги, и понесли въ японскій кабинетъ. Докторъ Портвейнъ шелъ рядомъ и озабоченно щупалъ пульсъ. Мизинецъ, на которомъ сверкалъ ацетиленовый фонарь, стоялъ по крайней мѣрѣ 800 рублей (если покупать на аукціонѣ или вообще по случаю). Больной предупредительно и сильно поджалъ его и такимъ образомъ, если бы кто ради шутки вздумалъ вставить его, вмѣсто ацетиленоваго фонаря, въ дышло, то никакимъ образомъ не могъ бы этого сдѣлать. Въ японскомъ кабинетѣ Наума Борисовича положили на кушеткѣ и докторъ Портвейнъ приказалъ его раздѣть. Съ него сняли краги, парикъ, всѣ королевскія регалии, даже клеенчатые сапоги, и онъ остался въ крахмальной сорочкѣ и въ черныхъ невыразимыхъ и ботинкахъ. Онъ лежалъ и держалъ согну-тымъ палецъ съ брилліантомъ. Докторъ Портвейнъ принесъ изъ буфета сифонъ съ сельтерской водой и обрызгалъ Наума Борисовича.

— Не дѣлайте такихъ ужасныхъ опытовъ съ моимъ тер-пѣніемъ,—скрививъ ротъ, тихо сказалъ доктору очнувшійся Наумъ Борисовичъ.

Но можно оставить хоть на одну минуту Наума Борисо-вича. Съ необыкновенной торопливостью бѣжало время. Есть пословица: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣ-ается. Но бываетъ и наоборотъ. Пошлыя, и однако же фанта-стическія, происшествія разыгрались на новый годъ въ бли-тательномъ домѣ Штуковъ. Можно было бы совсѣмъ не по-вѣрить нашему разсказу, если бы не имѣлись многочисленныя достовѣрные свидѣтели.

Поразительно также, что вадорные факты, задыхаясь все-таки отъ жизни, которая была въ нихъ ключемъ, совершались параллельно, строго вытекая другъ изъ друга, и между тѣмъ какъ бы безъ всякой послѣдовательности.

Такъ, пока Наумъ Борисовичъ Штукъ-лежалъ въ японскомъ кабинетѣ и, очнувшись, бесѣдовалъ съ докторомъ Портвейномъ и тотъ удостовѣрялъ, что съ нимъ былъ припадокъ, а сообразительный адвокатъ Махеръ дѣлалъ вычисленія относительно страховой суммы и расцѣпывалъ испорченный золотой стулъ, слегка пострадавшую крышку рояля и картину величайшаго въ мірѣ художника—швейцарца Калама, написанную за 30 рублей по заказу патрона въ иконописной мастерской Малафѣева,—въ залѣ, среди разступившихся гостей, на полу прыгали во всѣ стороны, возились и громко рычали драгоцѣнные панталоны мадамъ Ротшильдъ, сшитые изъ блондъ и лиловыхъ лентъ.

CIV.

НЕПРЕДВИДѢННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО.

Панталоны мадамъ Ротшильдъ выскочили, конечно, изъ заднихъ апартаментовъ, но явленіе было безпримѣрное. Ничего подобнаго не бывало еще ни на одномъ костюмированномъ вечерѣ. Мудрые педагоги смотрѣли на феноменъ и въ головѣ ихъ скользили мысли о четвертомъ измѣреніи. Математическія грезы Лобачевского для нихъ, какимъ-то чудеснымъ образомъ, соединялись съ нарядными дамскими панталонами, носившимися по залѣ въ вихрѣ круговращательнаго движенія. Скептики ничего не думали: они были заранѣе убѣждены, что на свѣтѣ не совершается ничего сверхъестественнаго.

Между тѣмъ панталоны то слегка приподнимались и странно вадувались, то въ изнеможеніи ползали по паркету. Гости, разинувъ рты, слѣдили за чудомъ.

Были даже совершенно равнодушные къ бѣгающимъ панталонамъ: струя свѣжаго воздуха ихъ уже простудила. Они кашляли и сердито посматривали на дверь, въ которой свѣжій воздухъ боролся съ испорченнымъ. Имъ было жаль испорченнаго воздуха.

Мадамъ Штукъ, неаемное тепличное созданье, закрыла горло рукой и вся дрожала; она хотѣла поймать панталоны мадамъ Ротшильдъ; однако попытки ея были тщетны; и ей

было досадно и больно, что она предвидѣла все, даже смутно предвидѣла елку, но не предвидѣла панталонъ.

CV.

ЭПИЗОДЪ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

А что же Новый годъ? Онъ минуто тому назадъ умчался туда, гдѣ отстають часы. Если бы часы шли одинаково, какъ того хотѣлось когда-то извѣстному императору, то всѣ держащія власти были бы свергнуты и одна скука воцарилась бы на землѣ. Ничего не можетъ быть ужаснѣе однообразія. Новый годъ не могъ долго выдержать, къ тому же, угара, и его молодое легкомысліе уже достаточно воспѣто. Онъ не досмотрѣлъ фарса, который разыгрывался въ семьѣ Штуковъ, и его вытянуло на улицу вмѣстѣ съ теплымъ воздухомъ. Городовой, дежурившій у крыльца великолѣпнаго дома, схватилъ было его за загривокъ. Но юноша изловчился, подставилъ городовому ножку, и тотъ растянулся. Пришелъ вскорѣ околоточный изъ участка по важному дѣлу и нашель, что городовой наливался, а къ разсказу его о хулиганѣ, который, какъ мать родила, выпрыгнулъ изъ дома Штука и повалилъ его. отнесся съ полнымъ недоувѣріемъ.

Впрочемъ, околоточный пошелъ на черный ходъ, гдѣ пахло жареной дичью, и справился у прислуги, все ли благополучно въ домѣ, а затѣмъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, приступилъ къ своей обязанности.

CVI.

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Видъ панталонъ мадамъ Ротшильдъ взволновалъ мадамъ Цуккерштейнъ до крайней степени. Ихъ чудовишный бѣгъ по паркету она сочла для себя кровной обидой. Блѣдная, трясущаяся и кашляющая, она почти прыгнула на мадамъ Штукъ и закричала:

— Какъ могли вы такъ невѣжливо насмѣяться надъ панталонами мадамъ Ротшильдъ?

Можетъ быть, ей захотѣлось кстати заявить рѣшительно

Р. В. 1904. VIII.

передъ всѣми, чтобы всѣ почувствовали, что она бываетъ въ Парижѣ, вступаетъ въ близкія сношенія съ камеристкой мадамъ Ротшильдъ и покупаетъ обноски благороднѣйшей въ мірѣ еврейской дамы сравнительно по сходной цѣнѣ. Можно было сдѣлать такое предположеніе, потому что она продолжала кричать.

— Если вы хотите щелкнуть меня по носу и презирать меня и мадамъ Ротшильдъ, то вы, душечка, могли сдѣлать это не такъ подло!

— Вуусъ? Что ты говоришь, моя милая?—вмѣшался господинъ Цуккерштейнъ, горбясь и пробираясь впередъ.—Успокойся немножечко и вспомни, что ты сама принадлежишь къ денежной аристократіи, и надо быть снисходительными къ этимъ *штукамъ*—сказалъ онъ и указалъ рукой на бѣгающіе панталоны.

Разумѣется, мадамъ Штукъ сознавала свою невинность. Задыхаясь и недоумѣвая и въ то же время не имѣя возможности хладнокровно слушать ѣдки и оскорбительныя выраженія Цуккерштейновъ, она, въ свою очередь, закричала:

— Что, вы могли думать, что я сдѣлала съ этими проклятыми панталонами? Почему я могу знать, отчего онѣ вертятся? Вамъ лучше знать, отчего онѣ вертятся! Вы торгуете старыми вещами, и я купила эту тряпку за сто франковъ, а вы навѣрно нажили на ней половину! И это въ благодарность за то, что мужъ распинается за васъ въ биржевомъ отдѣлѣ и покрываетъ всѣ ваши мошенническія дѣла!

— Вуусъ? — свирѣпо сказалъ Цуккерштейнъ и, подавъ женѣ руку, быстро направился въ переднюю.

Скандалъ разыгрался невѣроятный. По дорогѣ Цуккерштейнъ впопыхахъ наступилъ на подвернувшіяся на паркетѣ панталоны мадамъ Ротшильдъ, и онѣ благимъ матомъ завизжали. Мадамъ Штукъ осѣнила догадка, что кто-нибудь изъ гостей принесъ поросенка, схватилъ панталоны (которыя лежали въ будуарѣ на видномъ мѣстѣ, какъ будто нечаянно), завязалъ въ нихъ поросенка и пустилъ въ залу.

Такъ осрамить благородный домъ, собирающійся вступить въ аристократическія сношенія съ избраннымъ обществомъ города! Такая дьявольская изобрѣтательность! Такая неприимѣрная наглость!

Отчаяніе овладѣло ею, и она стала истерически рыдать.

— Теперь мы знаемъ, что такое въ панталонахъ!—сказалъ гусаръ Зерновъ обращаясь къ Нетти вполголоса:—въ нихъ шалить ничѣмъ неистребимый духъ мадамъ Ротшильдъ.

CVII.

ОНЪ ВЕРНУЛСЯ.

Великій аккомпаниаторъ все время находился подъ роялемъ. Читатель, разумѣется, не забылъ, что время, въ теченіе котораго совершились изображаемыя событія, въ высшей степени коротко! Въ сказкахъ Шехеразеды разсказываются исторіи, обнимающія семь лѣтъ и, однако же, дліящаяся всего одно мгновеніе. Все относительно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Какая-нибудь минута, проведенная великимъ аккомпаниаторомъ, забившимся подъ рояль, показалась ему годомъ. На немъ была совершенно новенькая фракная пара, и онъ огорчался, что, стоя на четверенькахъ, онъ, должно быть, испачкалъ ее. Когда вспыхнуло электричество и было уже ясно, что опасность миновала, аккомпаниаторъ сдѣлалъ попытку выкарабкаться изъ своего убѣжища. Но тутъ какъ разъ денежный аристократъ Цуккерштейнъ наступилъ на панталоны мадамъ Ротшильдъ и онъ дьявольски завизжалъ. Бѣдняжка облился потомъ и съежился.

Панталоны между тѣмъ перестали вертѣться; онъ лишь слабо шевелился на одномъ мѣстѣ и продолжали нестерпимо визжать. Аккомпаниаторъ, наконецъ, показалъ изъ-подъ рояля свою огромную волосатую голову.

Что-то черное, между тѣмъ, мелькнуло въ отверстіи панталонъ мадамъ Ротшильдъ, и онъ съ лаемъ кинулся на аккомпаниатора, попятившагося на четверенькахъ. Раздался дикій крикъ. А мадамъ Штукъ внезапно успокоеннымъ голосомъ и съ нескрываемой радостью сказала, засмѣявшись сквозь слезы:

— Но это мой сынъ Ами! Не смѣть трогать! Пойди сюда... Тубо! Мой Богъ, сколько приключеній!

Изъ панталонъ окончательно высвободился лежефокстерьеръ, повернулся и въ нѣсколько прыжковъ очутился на колѣняхъ мадамъ Штукъ.

Взрывъ громкаго смѣха потрясъ залу и даже задрожали хрустальныя подвѣски на люстрѣ, пылавшей подъ потолкомъ, какъ нѣкое созвѣздіе.

CVIII.

ЗНАМЯ.

Жалобно и радостно визжалъ лжефокстерьеръ, и всѣ были довольны, что новогодняя загадка разъяснилась, и панталоны мадамъ Ротшильдъ оказались не содержащими въ себѣ ничего магическаго, волшебнаго и сверхъестественнаго. Только нѣкоторые мистически настроенные господа съ разочарованіемъ посматривали на панталоны мадамъ Ротшильдъ, лежавшія на паркетѣ, плоскія и бездыханныя.

— Ой, Бозе мой, ой вей! Ну, что такого случилось?—дурашливо завылъ гиппархъ, подбѣжалъ къ панталонамъ, схватилъ ихъ и развернулъ.

— Если мадамъ Цуккерштейнъ торгуетъ старыми жечами, то мнѣ, бѣдному гиппарху, и самъ Богъ велѣлъ. Три гроша... продаются секретнова костюмы баронессы Ротшильдъ.

Къ гиппарху подскочилъ Шито-Крыто и сталъ торговаться. Такъ какъ онъ давалъ мало, то гиппархъ набросилъ панталоны на голову Шито-Крыто. Маленькая сцена эта показалась всѣмъ юмористической.

— Но какъ, однако, онъ очень недурно изображаетъ разныхъ виленскихъ гиппарховъ?—снисходительно проговорили Обираловичи.

А Деньговичи и Шельмензоны въ отвѣтъ одобрительно закивали головою.

Лжефокстерьеръ слизывалъ пудру съ подбородка мадамъ Штукъ и все жалобно и дружески визжалъ. Нянчася съ нимъ, мадамъ Штукъ громко говорила:

— Вы видите, мои милые гости, какъ въ свѣтскомъ обществѣ маленькія непріятности, которыя неизбежны въ нашей порядочной жизни, обращаются въ шутку и уже начинаетъ казаться что они *n'existent jamais*... Ихъ какъ бы не было... Поэтому я очень огорчена... А впрочемъ подавайте сюда... Эй, вы, шютники!

Она погрозила пальчикомъ гиппарху-Зернову, а тотъ скомкалъ драгоцѣнныя кружева и ленты и, какъ мячикъ, бросилъ ихъ мадамъ Штукъ, и она ловко поймала.

Лжефокстерьеръ потянулся къ мячцку, который мадамъ Штукъ высоко подняла надъ головою.

— Я говорю, что нашъ вечеръ становится такимъ милымъ и веселымъ, что Цуккерштейнъ будутъ сожалѣть...

— Мадамъ Штукъ, они очень будутъ извиняться предъ вами!—хоромъ сказали дамы, сидѣвшія и стоявшія рядомъ съ ней.

— Ловите!

Мячикъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Имъ граціозно швырялись и перекидывались. Можно сказать, это было мило. Наконецъ, онъ развернулся, зацѣпился за люстру, и панталоны мадамъ Ротшильдъ повисли во всемъ своемъ великолѣпшіи надъ благороднымъ обществомъ, какъ знамя.

Мадамъ Штукъ мило ахнула. Зерновъ съ наслажденіемъ посмотрѣлъ на знамя. Можно было думать, что вечеръ достигъ въ этомъ знамени кульминаціоннаго пункта. Но кульминаціонный пунктъ еще предстоялъ.

Лжефокстерберъ, наконецъ, оцарапалъ голыя плечи мадамъ Штукъ; она нервно вскрикнула и сбросила его на полъ.

— До чего экстравагантна прелестная мадамъ Штукъ!—съ пріятной усмѣшкой замѣтила Плутзонъ вполголоса, а Деньговичи, Мошейнесы и Приперовичи одобрительно закивали въ отвѣтъ головой. Кто-то учтиво заржалъ:

— Э-ге-ге-ге-ге!

Бритые артисты и полуобнаженные артистки привѣтствовали аккомпаниатора. Онъ описывалъ имъ свои чувства и опять сѣлъ за рояль.

Изъ японскаго кабинета выскочилъ одинъ изъ Онѣгинныхъ—съ самой длинной шеей и съ самымъ горбатымъ носомъ—и сообщилъ, что Наумъ Борисовичъ уже открылъ глаза, чувствуетъ себя очень хорошо и сейчасъ выйдетъ. Адвокатъ Махеръ высчиталъ, что страховое общество безпрекословно заплатитъ около трехъ тысячъ и такимъ образомъ елка дастъ, въ концѣ концовъ, Науму Борисовичу за пять лѣтъ чистаго дохода 2250 рублей.

Елка, между тѣмъ, лежала на полу и пришли слуги, чтобы вынести ее; ихъ сопровождала гувернантка для контроля. Дѣти были въ выигрышѣ. Они должны были завладѣть дутыми яблоками, слюдяными стрекозами, бусами и канителью, коробками съ ядовитымъ драже и прочей елочной дрянью гораздо раньше обыкновеннаго. Нетерпѣливо ждали они добычи, и хотя были раздѣты и сидѣли въ постелькахъ, но глаза ихъ были широко раскрыты.

Григорій Матвѣевичъ по выраженію лица Махера догадался, что опрокинутая елка и сгорѣвшая вата, въ концѣ концовъ, принесутъ крупныя деньги Науму Борисовичу и впалъ въ самое мучительное состояніе. Онъ лишился силъ и ли-

шился голоса. Женѣ онъ охотно сломалъ бы руку и откусилъ бы себѣ губу, но не могъ сдѣлать уже ни того, ни другого: онъ даже не могъ поднять нижнюю губу, она отвисла. Маленькій Шпрудель былъ раздавленъ величіемъ гениальнаго Штука.

Михаилъ Павловичъ Голиафъ не показывался. Двѣнадцать часовъ прошло, вновь появилось шампанское, — и мадамъ Штукъ была увѣрена, что все окончилось благополучно. Подвижность души этой очаровательной женщины была изумительна. Она рѣшила во что бы то ни стало изгладить дурное впечатлѣніе отъ пожара и послѣдовавшихъ затѣмъ инцидентовъ и стала вести себя съ рѣдкой непринужденностью и забавной веселостью истинно свѣтской и даже аристократической дамы. Уже аккомпаниаторъ, убѣдившись, что костюмъ его со всѣмъ не пострадалъ, небрежной рукой талантливо провелъ по клавишамъ. Пѣвица Оголе и пѣвецъ Фіоритурскій подошли къ роялю. Гости, простуженные свѣжей струей воздуха, по временамъ громко сморкались, чихали и кашляли. Еще пахло дымомъ. Но можно было ожидать, что вечеръ уже вошелъ въ колею хорошаго тона и, во всякомъ случаѣ, войдетъ черезъ какія-нибудь двѣ-три минуты.

СІХ.

ЧТО ДУМАЛИ СКЕПТИКИ.

Не тутъ-то было—изъ передней послышался рѣзкій голосъ Наума Борисовича:

— Уфпередь! Гитары, я говорю: уфпередь! Уфъ мой собственный домъ! Уфпередь!

— Послушайте, ну, куда же вы, не приказано, не вельно пущать,—слышались другіе голоса, очевидно принадлежавшіе редакціоннымъ сторожамъ.

Въ то же время поднялась возня, что-то затрещало, присоединились новые мужскіе и женскіе голоса и повелительный теноръ Михаила Павловича и, наконецъ, безумный крикъ возобладалъ надъ всѣмъ:

— Уфпередь!

Мадамъ Штукъ раскрыла ротъ, поблѣднѣла и сошла по ступенькамъ внизъ. Она двигалась, какъ привидѣнье. Злобный же лжефокстерьеръ въ досадѣ, что его сбросили на полъ, уцѣпился сзади за подолъ ея платья и сталъ капризно лаять.

Всему обществу сообщилось тягостное настроеніе, какое бываетъ передъ грозой. Шельмензонъ сказалъ Григорію Матвѣвичу:

— Самошешшая собака.

Слова разнеслись по залѣ, потому что стало вдругъ необыкновенно тихо—только Наумъ Борисовичъ хрипѣлъ въ передней и боролся. Было страшно. Таинственно бѣгавшіе панталоны мадамъ Ротшильдъ были, разумѣется, игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь. Пожаръ ваты, пылавшей въ темнотѣ, и дымящаяся елка точно также отодвинулась на задній планъ. Всѣ замерли; только скептикамъ—и ихъ было нѣсколько—казалось, что все это ни больше, ни меньше, какъ искусно разыгрываемыя новогоднія сцены во вкусъ *fin de siècle*.

СХ.

В Ъ Ч А Д У.

Околоточный взобрался по черной лѣстницѣ. Жаренымъ пахло нестерпимо, пахло индѣйкой, поросятами и рябчиками. Изъ открытыхъ настежь дверей кухни валилъ теплый аромать, и въ раскаленной атмосферѣ мелькалъ бѣлымъ призракомъ поварь, мокрый, хоть выжми, и, какъ всѣ окружающіе были убѣждены, сильно заложившій за галстухъ. Кухарка вытаскивала изъ духовой печки противень съ птицами и поливала ихъ соусомъ и слезами. Она тоже встрѣтила новый годъ и поварь успѣлъ ей измѣнить, сильно хлопнувъ судомойку по крутымъ плечамъ. Поварь не обращалъ вниманія на ревнивыя слезы, бросалъ куски масла на плиту серебряной ложкой и оно трещало и чадило, а онъ размахивалъ ложкой и ораторствовалъ.

— Мнѣ все единственно, у меня столь мизерное жалованье, что наплевать. Если экономія по части масла, и я долженъ обходиться пятью фунтами, то мнѣ наплевать... Я говорю—наплевать. Я образованный человекъ, и сегодня я выбираю кухарку, а завтра судомойку; но пускай поищутъ другого такого повара. Я копыта поросятамъ золочу, серебряныя перья индѣйкамъ въ хвостъ вставляю, живого фазана могу представить на столъ и въ глаза стеклянные пуговицы отъ жилета, вошью; я вѣдь знаю, что кому требуется. Я какъ къ господамъ вошелъ, носомъ повелъ, понюхалъ барина, и барыню и постигъ. А, понимаю превосходно... Есть положеніе въ жизни, которое столько же изукрашено, какъ крылья мотылька; какъ

ближе станешь ихъ разсматривать и мало къ нимъ прикоснешься, сіянье исчезаетъ, и остается одна шелуха. Таково мое положеніе, любезная Аксинья, у здѣшняго двора.

Приходь околоточнаго прервалъ изліянія повара. Онъ бросилъ новый кусокъ масла на плиту и спросилъ:

— Что угодно начальству?

— Съ новымъ годомъ!

— Само собой разумѣется, но онъ насъ не касается.

— Нельзя ли мнѣ кого-нибудь повидать изъ домашнихъ?

— Я не дикій и въ такомъ отношеніи я бы проианесъ съ быстротой молніи надлежащій отвѣтъ, но рана глубока и не опасна.

— Я бы хотѣлъ знать, къ чему все это?—спросилъ околоточный, обидѣвшись.

— Развѣ оныя щеки,—и поваръ указалъ на кухарку, поливавшую жаркія:—не орошены слезами? Но пусть разливается. Великія мысли челоувѣчества поглощаютъ великія печали.

Околоточный зналъ уже, что поваръ большой философъ, когда напивается, и, когда онъ доходить до глубины мышления, то обыкновенно попадаетъ въ участокъ. Раза два уже приходилось ему лечить повара специальными полицейскими средствами!

Онъ почувствовалъ злобу къ нему за то, что онъ разсуждаетъ. Онъ вообще не любилъ разсужденій и въ особенности пьяныхъ. Начальство ему тоже постоянно говорило: не разсуждайте. Онъ вдругъ возвысилъ голосъ и грозно проговорилъ:

— Пофилософствуй у меня. Не проснешься ты у меня завтра утромъ дома!

Философъ присѣлъ къ окну и сталъ вытирать лицо двумя носовыми платками.

— Ну-съ—такъ-съ...—сказалъ околоточный.—Эй, ты, Аксинья сударушка!

Но тутъ въ кухню вбѣжала фрейлейнъ, завѣдующая хозяйствомъ. Ее давно уже беспокоила плита, обильно поливаемая масломъ; она находилась въ томъ истерически-нервномъ состояніи, въ какомъ бываютъ хозяйки, когда въ домѣ много гостей.

— Что ты, дура, портишь... Наливаешь водой!—напустилась она на кухарку.

— Барышня! Если я плохо служу, то рассчитайте меня, а подъ руку не кричите,—тоже истерически проговорила кухарка.

— Пушай наливають, а масло на плитѣ. Что пять фунтовъ? Тьфу! А ноги я раззолочу. У меня есть великолѣпный составъ.

— Сударыня,—вѣжливо обратился къ фрейлейнъ околоточный.

— Ну, мейнъ готъ, что вамъ?

— Сударыня, я по приказанію пристава.

— А, корошо! Ну, такъ?

— Я пришелъ узнать, какъ поступлено гг. Штуками относительно дѣвочки, которую я доставилъ въ восемь часовъ вечера.

— Фуи, капризный и злопасный дѣвошке. Я даже не знаю, гдѣ она, ее нарядили, какъ эйне принцесинъ, неблагодарный чумишка... ее слѣдовало немношко—чикъ, чикъ.

— Что-жь, съ удовольствіемъ,—протянулъ поваръ и сдѣлалъ пояснительный жестъ серебряной ложкой.

— Васъ не спрашиваютъ—ви есть очень некодный шело-вѣкъ, ви напился, какъ кубка.

— Кто, я напился? Я? Вы говорите, что я напился? Чѣмъ я напился? Что могло доставить мнѣ вѣчное блаженство? Превѣчная премудрость знаетъ одна, когда и какъ я могъ напиться. А у меня слабость отъ огнеизверженія,—мрачно проговорилъ онъ и уронилъ голову на грудь.

Околоточный проговорилъ:

— Вижу, что мнѣ придется прійти къ вамъ еще разъ, не миновать участка ващему повару.

— О, да, да!—съ благодарнымъ чувствомъ взглянувъ на околоточнаго, сказала фрейлейнъ.

— А пока мнѣ, сударыня, благоволите выслать дѣвочку и шубку, въ которой она была. Я получилъ приказъ доставить дѣвочку въ Лукьяновскій пріютъ, откуда она убѣжала, если только господа Штукъ не нашли возможнымъ устроить ее у себя.

— О, нѣтъ, фозьмите назадъ дѣвошке, у насъ свой барышни есть мноко. Намъ не надобно испоршенныхъ тряней.

Она выскочила изъ кухни и вернулась съ Олей и съ шубкой.

— Потумайте сами, какой испорщенный натуръ. Она какъ звѣрокъ... все плякаль на темный коррироръ—все плякаль. Ну, давай твоя шубка, отѣвайся, пошоль отъ насъ прошь, намъ не надо капризъ. Пошоль въ пріютъ и за то, что ты убѣжалъ, тебѣ путуть исдѣлать чикъ, чикъ.

— Завсегда могу,—опять томно проговорилъ поваръ.

Околоточный взялъ дѣвочку за руку и сталъ уговаривать ее не бояться.

— Я не боюсь,—вдругъ твердо сказала Оля.—Но надо мной здѣсь смѣялись, я знаю,—съ увѣренностью прибавила она, уже когда околоточный переступилъ порогъ кухни:—меня хотѣли посадить въ здѣшній сумасшедшій домъ!

СХІ.

О ТОМЪ, ЧТО ИСПЫТЫВАЕТЪ АВТОРЪ.

Затруднительно положеніе романиста, который пишетъ картины одна другой натуральнѣе, потому что предъ нимъ развертывается дѣйствительность, и онъ только, что называется, „копируетъ натуру“. Дѣйствительность такъ нервничаетъ, и такъ гримасничаетъ, и капризничаетъ, что рука романиста начинаетъ дрожать, и онъ становится по временамъ втупикъ. Кое-что, а иногда, и очень серьезное и существенное, онъ отбрасываетъ изъ опасенія, что въ картинахъ его могутъ усмотрѣть нѣчто исключительное. Онъ отравленъ преданьями, требующими отъ романиста во что бы ни стало типичности... Передъ нимъ встаетъ образъ учителя словесности, который, разбирая Гоголя и допуская, что Чичиковъ типиченъ, блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ негодованія, когда доходило дѣло до антраша и подчеркивалъ „нетипичность“ этого поступка: если бы не антраша, которое выкидываютъ въ минуты пріятнаго душевнаго возбужденія далеко не всѣ Чичиковы, гоголевскій герой, можетъ быть, былъ бы гораздо безсмертнѣе. Разумѣется, въ нашемъ романѣ нѣтъ строки, которая притязала бы на безсмертіе. Но, однако же, авторъ находитъ какое-то отдаленное сходство между панталонами мадамъ Ротшильдъ и чичиковскимъ антраша,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ исключительности. Скажу болѣе: хотя никто не видѣлъ, какъ продѣлывалъ свое антраша Чичиковъ, все же, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Онъ исключителенъ, допустимъ, но онъ безспоренъ. Панталоны же мадамъ Ротшильдъ представляютъ собою величайшую рѣдкость, а положеніе, которое онѣ заняли на люстрѣ, безконечно исключительнѣе чичиковскаго антраша, хотя ихъ видѣли, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ. Авторъ хотѣлъ, въ силу этихъ соображеній, совсѣмъ опустить эпизодъ съ панталонами мадамъ Ротшильдъ. Къ тому же извѣстно, что у мадамъ Штукъ не одна пара этихъ прелестныхъ художественныхъ произведе-

ній. Мадамъ Шейнисъ и, наконецъ, Израиль Абрамовичъ, ея достойный супругъ, видѣли это сокровище тамъ, гдѣ оно всего умѣстнѣе. Въ концѣ концовъ, скромность, долженствующая украшать собою романъ, могла бы наложить свое veto вообще на этотъ предметъ, и о немъ можно было бы не упоминать совсѣмъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что панталонъ мадамъ Ротшильдъ оказались вполнѣ реальной вещью, есть въ нихъ что-то фантастическое, позволю себѣ выразиться, мистическое, декадентское и символическое, и это-то сообщаетъ нашему повѣствованію вполнѣ современный характеръ. Нѣтъ типичности, но есть символичность. Безъ нихъ многое въ домѣ Штукоевъ лишилось бы своей окраски, и самый смыслъ жизни этихъ людей остался бы не вполнѣ постигнутымъ. Панталонъ мадамъ Ротшильдъ, по крайней мѣрѣ, двѣ пары въ домѣ; справедливость требуетъ сказать, что ихъ три пары; и это позволяетъ говорить мадамъ Штукъ, что ихъ полдюжины. Ужъ это одно имѣетъ значеніе. При высокой цѣнѣ, драгоцѣнная одежда небрежно влачится гдѣ-то въ будуарѣ, и случаю было угодно, чтобы лже-фокстерьеръ, вернувшись изъ дурного общества, почувствовалъ къ нимъ тайную симпатію, влѣзъ въ нихъ, запутался и вынесъ ихъ напоказъ.

Дѣйствіе происходило въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, среди образованныхъ людей, обладавшихъ положительными умами и утонченными чувствами. Они только что пережили страшныя впечатлѣнія; но панталонъ мадамъ Ротшильдъ производятъ на нихъ еще большее впечатлѣніе; и не успѣла разоблачиться тайна панталонъ и, такъ сказать, открыться ихъ сущность, какъ онѣ взлетаютъ надъ этой толпой праздныхъ и свѣтскихъ людей и понижаютъ, умѣряя собою черезчуръ яркій свѣтъ электричества. Это ли не символизмъ? Это ли не символъ?

Но кое-какъ выйдя изъ затруднительнаго положенія и отстоявъ право панталонъ мадамъ Ротшильдъ на литературное бытіе, романистъ вновь приходитъ въ сопрокосновеніе съ современнымъ настроеніемъ. Ему нужно развивать дальнѣйшую нить разсказа, а ему приходятъ въ голову леденящія мысли: что, если тѣ самыя газеты, которыя мужественно защищали гестъ невиннаго страдальца Дрейфуса, забьютъ набатъ за оскорбленіе панталонъ мадамъ Ротшильдъ и сдѣлаютъ изъ нихъ международный вопросъ?

Правда, нами точно не названа мадамъ Ротшильдъ. Въ Парижѣ, вѣроятно, не одна мадамъ Ротшильдъ; кажется, въ Парижѣ двѣ баронессы Ротшильдъ. Кромѣ того, въ данномъ

случаѣ подразумѣвается нѣкая фантастическая мадамъ Ротшильдъ...

Имѣетъ ли какую-нибудь убѣдительность наша аргументація? Все будетъ зависѣть, конечно, отъ бдительности нашихъ передовыхъ газетъ, и бѣда романисту, если онѣ начнутъ его травить во имя высшей правды вообще и панталонъ мадамъ Ротшильдъ въ частности.. Денежные аристократы Цуккерштейны пожертвовали даже дружбой своей съ мадамъ Штукъ... Имъ принадлежитъ мысль о томъ, что можно нанести личное оскорбленіе панталонамъ мадамъ Ротшильдъ... А между тѣмъ авторъ меньше всего думалъ о томъ, чтобы оскорбить и насмѣяться надъ этимъ чуднымъ сочетаніемъ блондъ, шелка и батиста.

Во всякомъ случаѣ, перо дрожить въ его рукъ. И въ такомъ-то настроеніи и съ такимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ долженъ онъ, наконецъ, возвратиться туда, гдѣ съ великимъ нетерпѣніемъ всѣ Капиталовичи, Жулябовичи, Мазуровичи, Всемошейнесы, Плутзонны и Канальфакторы ждутъ развязки загадочнаго вопля Наума Борисовича:

— Уфпередь!

СХІІ.

НѢЧТО ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕВѢРОЯТНОЕ.

Когда никто уже больше не сомнѣвался, что страстный призывъ „уфпередь!“ принадлежитъ Науму Борисовичу Штукѣ, и только недоумѣвали, что означаетъ онѣ и въ чемъ заключается смыслъ всей этой курьезной новогодней сцены и этой дьявольской борьбы—потому что слышался трескъ отскакивающихъ пуговицъ и разрывающейся матеріи; изъ японскаго кабинета выскочилъ тоже съ бѣшенымъ крикомъ „уфпередь!“ и тоже Наумъ Борисовичъ. На немъ были только черные брюки и бѣлье, и его рыжая борода тряслась на груди, какъ пылающая вата. Навстрѣчу ему въ такомъ же точно костюмѣ и съ такой же точно красно-рыжей бородой, съ лицомъ, искаженнымъ отъ боли и негодованія, выскочилъ его двойникъ.

Оба Наума Борисовича сшиблись, сдѣшались, схватились и бѣшено обнялись.

Ихъ можно было сравнить съ двумя бульдогами, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга. Бульдоговъ держали въ темнотѣ и потомъ выпустили другъ на друга. Съ хриплымъ лаемъ и съ глухимъ зловѣщимъ рокотомъ вонзили они

другъ въ друга страшные зубы и ихъ нельзя было уже разлить водой.

Слуги и Михаилъ Павловичъ, которые удерживали одного изъ Наумовъ Борисовичей, появились въ дверяхъ съ изумленными лицами и въ рукахъ держали части изорванной одежды. Очевидно, никакія стихіи не могли остановить новаго Самсона. Самъ Михаилъ Павловичъ былъ въ довольно плачевномъ видѣ; кафтанъ на немъ былъ въ клочкахъ, парикъ упалъ на полъ.

Какой-то клубокъ криковъ и воплей—словно уже не два бульдога, а цѣлая стая осипшихъ отъ злости псовъ свилась въ одинъ общій узелъ—рвался наружу. Бульдоги истребляли другъ друга. Всѣ невольно сторонились. Мадамъ Штукъ опять очутилась предъ непредвидѣнной сценой жизни. Могла ли она думать, что именно при гостяхъ и на Новый Годъ столь разсчетливый мужъ ея забудется до такой степени и ненависть къ брату возобладаетъ у него рѣшительно надо всѣмъ? Она стала стонать и охать и беспомощно указывать брилліантовыми и изумрудными пальчиками на огромный свитокъ тѣль, съ медлительнымъ бѣшенствомъ вертѣвшійся теперь на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ еще двѣ минуты назадъ прыгали и суетились панталоны мадамъ Ротшильдъ. Иногда изъ толпы окаменѣвшихъ гостей вырывались восклицанія:

— Что такое, въ чемъ дѣло? Вуссъ?

Бывшіе вчера на предварительномъ стговорѣ о грустныхъ дѣтяхъ поняли, что Наумъ Борисовичъ единоборствуетъ съ Вильгельмомъ Борисовичемъ: но за что и почему—они не знали. Большинство же видѣло только предъ собою раздвоеніе Наума Борисовича. Онъ самъ напалъ на себя, грызъ самого себя, билъ кулаками, рычалъ и казалось, что это была не дѣйствительность, а пьяный кошмаръ. Только Калиталовичи и Дисконтовичи, и еще два-три человѣка изъ подражанія и изъ уваженія къ нимъ, улыбались привѣтливой свѣтской улыбкой: мало ли какія теперь приняты въ большомъ свѣтѣ забавы; и въ томъ же „Всеобщемъ Зрителѣ“ сообщалось, напримеръ, корреспонденціей изъ Лондона, что въ самыхъ чопорныхъ аристократическихъ гостинныхъ молодня дѣвушки ввели теперь въ моду костюмъ Евы, такъ что это уже болѣе никого не шокируетъ. Гишнархъ предложилъ одалискамъ, которымъ онъ покровительствовалъ, и прежде всего Нетти, удалиться съ амбрауру окна и завѣситься парчевыми драпировками. Наружу онъ выставилъ только свой длинный носъ, который выдѣлялся на фонѣ темно-пурпурныхъ складокъ.

СХІІІ.

НЕДЕЛИКАТНОЕ ПОВЕДЕНІЕ.

Двойники круто поворачивали къ публикѣ свои лица, побавровѣвшія и посинѣвшія отъ напряженія. Одной рукой они держали другъ друга за горло, а другою предательски наносили удары въ затылокъ, и оба давились глухимъ и мучительнымъ крикомъ. Характерно, что Наумы Борисовичи обмѣнивались по временамъ какими-то, должно быть, страшно жестокими ругательными словами; но они произносили ихъ, къ великому соблазну Обираловичей и Канальсоновъ, на самомъ „паршивомъ“ жаргонѣ и тѣмъ какъ бы выдавали демократическую низменность Наумовъ Борисовичей. Ругаясь и трясясь, они похожи были на катившійся комъ грязи.

— А, фуй!—брезгливо произнесъ свекло-сахарный заводчикъ Плутзонъ.—Все хорошо, только это уже плохо!

— Что же это они, въ серьезъ?—спросилъ Израильсонъ, раздѣлявшій было еще мнѣніе меньшинства, что борьба двойниковъ представляетъ собою только новогодній фарсъ. Онъ пожалъ плечами и прошепталъ, съ полусвистомъ оглядываясь и какъ бы ища свою бобровую шапку:

— А псс!..

— А пфе! А выходитъ довольно неприличный новый годъ!—сказалъ Деньговичъ, до слуха котораго долетѣло новое жаргонное словечко.

— А-я-яй!—вскричалъ Плутзонъ:—Какъ сказывается пархъ.

— Псь! этого уже не слѣдовало.

— Я бы хотѣлъ знать, гдѣ же деликатность? — взволнованно заговорилъ Григорій Матвѣевичъ, вскакивая и хватаясь за голую руку своей Жанны д'Аркъ.

— Тутъ нѣтъ никакой деликатности, — сказала Жанна д'Аркъ и подняла лѣвый уголъ рта.

— Все же подождать, господа, можетъ быть это забавно кончится,—замѣтилъ Обираловичъ, удерживая вокругъ себя небольшую группу оптимистовъ.

Какъ разъ оба Наума Борисовича быстро подались на гостей, описавъ кривую по паркету, и оба, изнемогая, со стономъ рухнули къ ногамъ Обираловича. Одинъ изъ нихъ рапростерся на полу и съ храпѣніемъ раскинулъ руки; другой сидѣлъ, разставивъ ноги и держась за грудь обѣими руками. Онъ ревѣлъ, какъ зарѣзанный. Плечи его поднимались и оп-

скались, какъ кузнечный мѣхъ. Наумъ Борисовичъ сидѣлъ, и Наумъ Борисовичъ лежалъ.

Докторъ Портвейнъ взялъ за пульсъ обоихъ Наумовъ Борисовичей. У одного пульсъ бился, у другого не бился. Онъ вынулъ изъ кармана щеточку съ зеркаломъ и поднесъ стекломъ къ носу распростертаго Наума Борисовича. Зеркальце не отпотѣло. Онъ приложилъ ухо къ сердцу — сердце не билось.

— Фью, фью, фью! — пропѣлъ докторъ Портвейнъ: — поздравляю, месье и мадамъ, съ мертвымъ тѣломъ! Вотъ тебѣ и деликатность!

Мертвый ничего не просилъ, живой Наумъ Борисовичъ кричалъ:

— Немножечко воды!

Мадамъ Штукъ опустила на колѣни и впила глазами въ лицо сидѣвшаго на полу. Кто остался? Вильгельмъ или Наумъ? Она была такъ взволнована, что не могла узнать мужа и заломила руки въ отчаяніи, поднося прекрасные глаза свои съ бѣлосиними бѣлками на панталоны мадамъ Ротшильдъ.

СХІV.

Б Е З Ъ У Ж И Н А.

Гости, одѣтые венеціанскими купцами, неграми, Печоринскими и Онѣгинскими, вымазанные сажей на кольдъ-кремѣ, или въ маскахъ и полумаскахъ, рыцари, курфюрсты, герцоги и короли, полубогини, пастушки и королевы, турецкія шаровары и Жанна д'Аркъ съ мужемъ — всѣ высокоименитые ряженые Израильсоны, Канальсоны, Обираловичи и Упировичи, Плутзоны и Мерзоны, Махеры и Гешепфтмахеры и пр. и пр. стали выходить изъ залы съ негодованіемъ и ропотомъ. Конечно, было крайне неприлично: созвать людей въ Новый годъ, угостить ихъ пожаромъ елки, отравить испорченнымъ воздухомъ, навязать всѣмъ насморкъ и бронхитъ, напугать панталонами мадамъ Ротшильдъ и устроить, наконецъ, неделикатный сюрпризъ изъ мертваго тѣла. Несчастье, что говорить, но, на всякій случай, не слѣдовало, имѣя такихъ братьевъ, устраивать публичный скандалъ и заставлятъ всѣхъ принимать въ немъ участіе. Уѣхать подъ Новый годъ домой безъ ужина тоже что либудь значить!..

Гости шумѣли, ворчали, смѣялись, издѣвались, плевали на паркетъ, нѣкоторые страшно стучали каблуками, вспоминали поведеніе Цуккерштейновъ, которые сразу сообразили, въ чемъ дѣло, и завидовали имъ, какъ положительно свѣтскимъ и благороднымъ людямъ.

Въ передней съ великимъ трудомъ розыскали гости свое верхнее платье и изъ-за перепутанныхъ двухъ-трехъ шапокъ и галошъ нѣкоторые обмѣнялись приличными случаю словами; впрочемъ, главнымъ образомъ все было приписано невоспитанности слишкомъ зазнавшихся Штуковъ, которые не умѣютъ держать даже хорошей прислуги.

Артистки, уходя, обратили вниманіе на четырехъ гитаръ, который, томясь отъ неизвѣстности, тихо плакали на освѣщенной площадкѣ и на кончикахъ ихъ длинныхъ носовъ дрожали слезы, какъ хрустальные подвѣски.

— Скажите, какой скандалъ еще готовился намъ!—сказала примадонна басу:—были приглашены хористки!

— Пхе, что вы хотите отъ невоспитаннаго человѣка, который, наконецъ, задавилъ своего собственнаго брата и при этомъ, кажется, воображаетъ, что онъ великолѣпно встрѣтилъ Новый годъ?—сказалъ великій аккомпаниаторъ.

— А гдѣ Лейка и Соня?—раздался снизу встревоженный голосъ.

— Папахень, онѣ ушли впередъ и сидятъ въ каретѣ.

СХV.

ОКОЛО ПОКОЙНИКА.

На полу сидѣлъ Наумъ Борисовичъ и грузно дышалъ искривленнымъ ртомъ. Мадамъ Штукъ смачивала его большую жирную голову одеколономъ. Лакеи вынесли покойника въ японскій кабинетъ. Портвейнъ кричалъ и распоряжался. Голиафъ въ душѣ былъ доволенъ, что умеръ одинъ изъ Наумовъ Борисовичей. Онъ обратился къ Портвейну съ вопросомъ:

— Отъ разрыва сердца,—какъ вы думаете, докторъ?

Докторъ Портвейнъ втянулъ въ себя воздухъ и сквозь очки посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Хотя теперь не признаютъ разрыва сердца, но я придерживаюсь стараго взгляда. Разрывъ сердца происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно перерождается. Сердце же пере-

рождается отъ разныхъ неприятныхъ, или, вѣрнѣе, пріятныхъ причинъ, къ каковымъ въ значительной степени относится злоупотребленіе жидкими вещами, жирной ветчиной, которую такъ любилъ покойникъ, и скверными сигарами, которыя выдаются за гаванну вслѣдствіе ихъ золотого ободка. Къ этому слѣдуетъ еще присоединять тщеславіе и постоянныя мысли о томъ, что надо сдѣлаться дворяниномъ.

Трупъ лежалъ на диванѣ, раскрывъ ротъ и глаза. Въ полуоткрытую дверь смотрѣла прислуга.

Михаилъ Павловичъ захлопнулъ дверь и, подойдя къ доктору, тихо спросилъ:

— Вы сказали, что покойникъ любилъ жирную ветчину?

— И колбасы, и солдесоны, и сосиски, и онъ лопалъ даже холодный свиной котлетъ, чтобы только никто не могъ принимать его за жида.

— Но, докторъ, откуда вамъ можетъ быть извѣстно...

— Я удивляюсь, какъ вамъ это неизвѣстно! Я знаю, потому что я былъ его другъ, и онъ платилъ мнѣ самыхъ жалкихъ денегъ въ годъ за то, что я прѣзжалъ каждый день справляться о его здоровьѣ и перелѣчилъ отъ всѣхъ болѣзней его дѣтей.

— Т. е. вы хотите сказать, что умеръ Наумъ Борисовичъ?

— Я хотѣлъ сказать!—вскричалъ докторъ Портвейнъ и возрился въ Голиафа неподвижнымъ взглядомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ нихъ умеръ — Наумъ или Вильгельмъ?

Докторъ подумалъ и тихо разсмѣялся. Трупъ, казалось, вторилъ его смѣху, — такъ страшно былъ раскрытъ ротъ покойника и оттуда торчали вставные зубы, закопченные сигарнымъ дымомъ.

Докторъ Портвейнъ пристально сталъ разсматривать покойника.

— А по вашему, кто умеръ?—строго спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безъ мадамъ Штукъ,—уклончиво отвѣчалъ Голиафъ.

— Такъ что, если бы даже были нѣкоторые признаки, укрѣпляющіе насъ съ вами въ извѣстной намъ гипотезѣ, то они еще не даютъ намъ права на ихъ громогласное высказываніе и благоразуміе требуетъ набирать воды въ ротъ?

— Положительно нетрудно понять, какую именно гипотезу вы разумѣете,—съ дипломатическимъ прямодушіемъ, прямо глядя въ глаза доктору, сказалъ Голиафъ:—но мнѣ кажется, что

еслибы умеръ Вильгельмъ Борисовичъ, то Наумъ Борисовичъ такъ обрадовался бы, что всѣмъ удвоилъ бы содержаніе и въ томъ числѣ намъ съ вами.

— Я васъ, наконецъ, понялъ, молодой человѣкъ, — съ чувствомъ сказалъ докторъ Портвейнъ и пожалъ руку Михайлу Павловичу.—Такъ онъ умеръ, — еще разъ взглянувъ на покойника, пояснилъ онъ.—И въ столь внезапной смерти можно почерпнуть философское утѣшеніе, что надо пользоваться жизнью, пока живетъ, а все остальное есть не больше, не меньше, какъ несвѣжій бутербродъ.

— Что касается формальностей, докторъ?

— Объ этомъ не беспокойтесь, я знаю всѣ формальности.

— А что касается похоронъ?

— И объ этомъ не беспокойтесь: у евреевъ есть похоронное братство, которое ничѣмъ не отличается отъ стаи воровъ, честное, благородное слово даю вамъ. Братчики обладаютъ нюхомъ и чувствуютъ покойника за версту.

За дверью послышался стукъ. Кто-то согълъ. Михайлъ Павловичъ повернулъ ручку и увидѣлъ двѣ черныя, какъ смоль, и бородатыя вѣжливныя фізіономіи съ хищнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Мы отъ перваго похороннаго братства,—рекомендовались черныя фізіономіи.

Но тутъ за ними ринулись двѣ рыже-бѣлокурныя фізіономіи и скороговоркой объявили, что они отъ втораго похороннаго братства.

— Я же говорилъ вамъ!—сказалъ докторъ Голиафу.

Покойникъ лежалъ и скалилъ свои вставные зубы, прокопченные сигарнымъ дымомъ.

СХVI.

Е С Л И И Е С Л И . . .

Голиафъ и докторъ Портвейнъ вошли въ залу. Она попрежнему ярко была освѣщена электрическимъ свѣтомъ. Она была залита такимъ свѣтомъ, что золотые стулья, диванъ и золотая сѣнь надъ нимъ сверкали, какъ въ самый солнечный лѣтній базарный день. Знамя колыхалось на люстрѣ и лже-фокстерьеръ сидѣлъ на заднихъ лапахъ и пристально смотрѣлъ на блонды и ленты, томно повизгивая.

Мадамъ Штукъ увела Наума Борисовича,— въ залѣ больше никого не было.

Докторъ взглянулъ на рояль съ попорченной крышкой и на опрокинутый золотой стулъ.

— Если онъ умеръ,—признаесь онъ вполголоса:—то страховое общество не дастъ за эти убытки гроша мѣднаго.

— Но если онъ живъ,—подхватилъ Голиафъ:—то страховое общество, и притомъ не одно, постарается заплатить все, что потребуешь Махеръ и дастъ еще намъ дорогія объявленія.

— Вы очень умный и солидный молодой человекъ,—значительно сказалъ докторъ Портвейнъ, проникаясь къ Голиафу уваженіемъ. — Но съ другой стороны, если бы онъ былъ живъ, развѣ онъ допустилъ бы, чтобы электричество горѣло совершенно въ пустой залъ?

— Но, докторъ, надо принять въ соображеніе исключительное обстоятельство,—сказалъ Голиафъ, подошелъ къ дверямъ, нажалъ кнопку и ослабилъ свѣтъ.

— Если бы онъ умеръ,—весело сказалъ докторъ Портвейнъ:—то можно было бы допускать, что уже благоразумный духъ его бережливости переселился въ васъ.

— Я бы радъ былъ обладать даже половиною его достоинствъ,—отвѣчалъ Михайлъ Павловичъ съ отгѣнкомъ благоговѣнія.—Ужасно подумать,—но какъ геніально онъ выполнилъ планъ, начиная съ елки и кончая смертью, при чемъ, я, разумѣется, увѣренъ, что умеръ Вильгельмъ Борисовичъ!

— Въ томъ же самомъ и я начинаю быть увѣренъ,—подтвердилъ докторъ Портвейнъ.—Но неужели вы были посвящены?..

— Я не всегда былъ посвященъ въ планы.

— Вы сказали въ прошедшемъ времени?

— Виновать. Патронъ не всегда посвящаетъ меня во всѣ планы и въ данномъ случаѣ въ особенности онъ пожелалъ быть скрытнымъ и загадочнымъ. Полученіе со страховыхъ обществъ двойной или тройной стоимости елокъ—мысль, конечно, блистательная, но она не имѣла бы значенія въ моихъ глазахъ, при самомъ блестящемъ ея выполненіи, если бы она не сопровождала собою главнаго жизненнаго и поистинѣ Гамлетовскаго вопроса—„быть или не быть“, который безъ мажорнаго знакомства съ Шекспиромъ и вообще съ какой бы то ни было литературою, единственнымъ своимъ геніемъ долженъ былъ разрѣшить Наумъ Борисовичъ.

— Ну!

— Ну, и онъ разрѣшилъ, какъ Александръ Македонскій!—кричалъ Голиафъ.—Онъ могъ великолѣпно знать одинако-

вость натуръ у себя и у брата... Впрочемъ, я теряюсь, это выше моего пониманія... Какъ случилась смерть и какъ ее предвидѣть? Хотя, на самомъ дѣлѣ, это былъ кратчайшій исходъ!

— Тутъ не было же Праваца или отравленнаго ногтя, надѣюсь!—съ мрачнымъ юморомъ спросилъ докторъ Портвейнъ.

— Тутъ былъ рискъ, докторъ!

— Однако же, пойдѣмъ и посмотримъ нашими собственными глазами.

— Главное—не погибло дѣло; а скандалъ, котораго мы всѣ были свидѣтелями, весьма обыкновенное происшествіе, безъ котораго рѣдко обходятся въ этомъ кругу.

— Въ самомъ дѣлѣ, еврей—полемиическій народъ... Въ іерусалимскомъ храмѣ навѣрно случалось то же самое!

Михаилъ Павловичъ взглянулъ на люстру и ничего не сказалъ.

СХVII.

С Е М Е Й Н О Е.

Въ столовой въ самомъ подавленномъ состояніи духа стояла, прижавшись къ буфету, фрейленъ. Она была бѣлѣе полотна.

— Успокойтесь, фрейленъ,—сказалъ ей на ходу Голіафъ.— Ничего, кажется, не случилось черезчуръ грознаго для васъ... Кажется, могло бы случиться хуже... Гдѣ мадамъ Штукъ?

— Мадамъ Штукъ? — пролепетала флейленъ:— она есть въ задняя комната... Помилуй, ми такъ мноко котовили. Поварь цѣлый фунтъ масла бросалъ на плита и вставлялъ фазанамъ стеклянный пуговица отъ свой шилетка. Онъ теперъ стѣлался пьянъ, какъ мокрый стелька.

— Съ кѣмъ же мадамъ Штукъ?—прервалъ ее докторъ Портвейнъ.

— Она съ этимъ...

— Съ кѣмъ?

— Съ козяинъ.

— Ну, да, конечно, съ Наумомъ Борисовичемъ... Т. е. *весьма возможно*,—повторилъ онъ, обращаясь къ Голіафу.—А все-таки чертовски кушать хочется, фрейленъ!

— Такъ неприятно и я испукалась—въ домѣ мертвый шеловѣкъ. Въ такомъ бокатомъ домѣ!

— Мертваго человѣка сейчасъ уберуть.

— Мадамъ Штукъ, позвольте мнѣ взглянуть на Наума Борисовича,—громко закричалъ докторъ Портвейнъ у дверей будуара.

— Войдите,—вскричала мадамъ Штукъ.

Голіафъ откинулъ драпировку и глазамъ его и доктора Портвейна представилась трогательная семейная сцена: Наумъ Борисовичъ лежалъ на атласномъ диванчикѣ съ разстѣгнутой грудью и разутый, въ носкахъ не первой свѣжести, и слабо охаль. Мадамъ Штукъ держала его руку въ своихъ. Будуаръ былъ наполненъ непередаваемымъ ароматомъ, въ составѣ котораго участвовалъ одеколонъ, туалетный уксусъ и пр. и пр. Изъ-подъ краснаго шелковаго абажура на бритое лицо Наума Борисовича и на его рыжую бороду лился кроткій свѣтъ.

СХVІІІ.

НАДО БЫТЬ ВЫШЕ МЕЛОЧЕЙ.

— Пожалуйте, докторъ Портвейнъ, сдѣлайте хорошенькаго выговора моему мужу—сегодня онъ весь вечеръ велъ себя непозволительно.

Наумъ Борисовичъ взглянулъ мелькомъ на вошедшихъ и протянулъ имъ трясущуюся руку:

— Мы должны быть друзья,—сказалъ онъ съ удареньемъ.

— Кажется, вамъ еще не надо говорить,—произнесъ докторъ.

— Пустяки, я уже могу говорить. Я такъ страдалъ всю жизнь отъ этого негоднаго брата, который тамъ лежитъ и притворяется мертвымъ.

— Онъ не притворяется, можете быть спокойны,—сказалъ докторъ Портвейнъ.

— Кабы ваши слова да Богу въ уши... Ахъ, отъ него я всего еще могу ожидать!

— Похоронные братчики уже налетѣли—слышите?—сказалъ докторъ и сдѣлалъ рукой движеніе, какъ регентъ, прислушивающійся къ камертону.

Изъ японскаго кабинета стали доноситься ругательныя слова на еврейскомъ жаргонѣ. Участвовали басы, тенора, но все покрывалъ какой-той хриплый дискантъ.

Мадамъ Штукъ и ея супругъ замолкли и насторожили слухъ.

Голіафъ вытянулъ подбородокъ и горизонтально распласталъ ладонь въ воздухъ.

— Егеръ-геръ, э, мерзавецъ э, шволочь, э-геръ-геръ. Э, шволочь!—тончайшимъ дискантомъ выкрикивалъ все тотъ же похоронный братчикъ.

Что-то упало на полъ—кто-то затылкомъ треснулся о паркетъ. Началась возня въ японскомъ кабинетѣ. Было ясно, что два братства спорятъ за обладаніе трупомъ.

— Э-геръ, геръ, э, геръ, геръ. Геръ-геръ-ге-реръ, э, шволочь!—каждый разъ выкрикивалъ тонкій, какъ шпилька, дискантъ.

— Что они дѣлаютъ! Они разорвутъ его пополамъ!—съ тоской вскричала мадамъ Штукъ.

— Они вытащатъ его на улицу и тамъ еще будутъ спорить. Но вамъ все равно, мадамъ,—продолжалъ Портвейнъ.— Это неизбежно. Кто-нибудь возьметъ верхъ и побѣдители придутъ и потребуютъ съ васъ деньги.

— Его бы надо было похоронить, какъ субаку!—прохрипѣлъ г. Штукъ.

— Наумъ Борисовичъ,—началъ Голиафъ послѣ того, какъ голоса братчиковъ перешли въ переднюю и, туго подвигаясь впередъ, очутились, наконецъ, на лѣстницѣ и лишь слабо долетали оттуда:—что прикажете дѣлать съ четырьмя барышнями покойнаго Вильгельма Борисовича, стоящими на лѣстницѣ до сихъ поръ; куда имъ дѣваться въ настоящее время?

— Не хотите ли взять ихъ себѣ?—зло проговорила мадамъ Штукъ.

— Ай, вей, за такими сурьезными дѣлами я забылъ про нихъ совсѣмъ,—вскричалъ Штукъ.—Одному молодому челоувѣку не нужно такъ много барышенъ... Райця, чтобы ты знала, я считаюсь ихъ ойцемъ. Вильгельмъ воспиталъ ихъ и привезъ мнѣ на шею... Проводите ихъ, Михайль Павловичъ, въ меблированныя комнаты, которыя вамъ уже извѣстны, а подробности мы обсудимъ завтра утромъ.

Михайль Павловичъ поклонился въ знакъ повиновенія и черезъ столовую скорымъ шагомъ пошелъ въ залу; но вскорѣ торопливо вернулся оттуда.

— Тамъ еще торчитъ носъ,—объявилъ онъ.

— Какой носъ?—вскричала мадамъ Штукъ въ страхѣ.

— Довольно длинный—изъ папье-маше.

Мадамъ Штукъ вскочила и вмѣстѣ съ Голиафомъ отправилась въ залу.

Между двумя полотнищами портьеръ бѣлѣлъ и блестялъ длинный носъ.

— Мосье Зерновъ, уже пора перестать шутить!—сердито и наставительно сказала мадамъ Штукъ.

Носъ не шевельнулся. Она внѣ себя подошла и схватила за носъ рукой, онъ отдѣлился отъ портьеры и остался у нея въ рукѣ. Она заглянула за портьеру, тамъ было пусто.

— Онъ оставилъ намъ свой жидовскій носъ на память!—съ короткимъ смѣхомъ проговорила мадамъ Штукъ и увлекла Михаила Павловича за портьеру.

— Довольно уютное мѣстечко... Что же вы обо всемъ этомъ скажете,—хорошо я поступила?—спросила она.

— Вы поступили превосходно.

— Понятно, что я надѣялась на вашу помощь.

— Но вы будете его женой.

— Миленькій,—сказала она:—кейне ревность, пора 'быть уже выше разныхъ маленькихъ глупостей!

— Я, однако же, вовсе не ревную,—возразилъ Голиафъ.

— Призжайте скорѣй назадъ и мы еще потолкуемъ за ужиномъ, потому что надо же покушать.

Она подала ему для поцѣлуя руку и разсталась съ нимъ.

СХІХ.

ПРОГУЛКА ВДВОЕМЪ И УЖИНЪ ВТРОЕМЪ.

Мадамъ Штукъ вся дрожала; ей часто хотѣлось пить; она подходила къ буфету, гдѣ стояли бокалы съ налитымъ шампанскимъ, и опорожняла ихъ. Это ее успокаивало. Самыя практическія и вмѣстѣ самыя фантастическія мысли проносились, какъ вихрь, въ ея умной головкѣ.

Доктора Портвейна она ни за что ни отпускала и все обѣщала накормить его, а онъ посматривалъ на часы и вздыхалъ. Мадамъ Штукъ ласково взяла мужа подъ руку и проговорила:

— Можетъ быть, уже можно теперь и пройтись.

Наумъ Борисовичъ пошелъ за женой, слабо опираясь на ея плечо.

— Однако, не слѣдуетъ такъ сопѣть,—нетерпѣливо проговорила она.—Отъ этихъ дурныхъ краковскихъ привычекъ слѣдуетъ отвывать.

— Вотъ,—продолжала она ласковѣе:—угловый шкафчикъ, въ которомъ ты имѣешь обыкновеніе сохранять свое настоящее вино, въ то время, какъ гостямъ подается похуже. Когда ключъ будетъ найденъ, я тебѣ возвращу его.

— Весьма хорошо. Гуть.

— Вотъ кнопки отъ электрическаго свѣта, ты помнишь? Послѣ такихъ испытаній ты могъ забыть, и я тебѣ напоминаю. Вотъ сундучекъ оксиде изъ палисандроваго дерева, въ которомъ ты прячешь своихъ настоящихъ гаванскихъ сигаръ, а для гостей приберегаешь тѣхъ, которыя валяются въ японскомъ кабинетѣ. Вотъ на этой оттоманкѣ лежалъ твой бѣдный братъ.—Она широкимъ томнымъ взглядомъ посмотрѣла ему въ глаза.—Еслибы онъ былъ умнѣе, онъ бы могъ продолжать курить настоящихъ гаванскихъ сигаръ и цѣловать такихъ же самыхъ плечей.

Она указала на пудру, густо покрывавшую ея обнаженные плечи.

Наумъ Борисовичъ чмокнулъ жену въ плечо.

— Жену цѣлуютъ послѣ туалета,— строго сказала мадамъ Штукъ:—а не дѣлаютъ ей пятенъ на плечахъ. Вотъ секретарь, въ которомъ ты до сихъ поръ скрывалъ свои смѣты и закладныя на дома и имѣнія.

— Какъ, развѣ я этимъ занимался?

— Этого слѣдуетъ не забывать,— безстрастно продолжала мадамъ Штукъ.—Потому что ты всегда пускалъ въ оборотъ подписныхъ денегъ и для этого старуха Обираловичъ, которая есть моя дальняя родственница, была подставной личностью.

— Ага, я этого понимаю!—закивалъ головою Наумъ Борисовичъ.

— Ключъ отъ секретаря ты получишь тоже завтра утромъ, такъ какъ все сначала надо привести въ порядокъ.

Они вышли въ бѣлый салонъ.

— Вотъ статуя Наполеона I.

— Зачѣмъ мнѣ этотъ мраморный кукла?

— Ты любилъ останавливаться передъ этимъ статуемъ, а вовсе не мраморной кукла—и мысленно сравнивалъ себя съ великимъ человѣкомъ. Этого нельзя перемѣнять, потому что этого всѣ уже знаютъ.

— Такъ, я не буду перемѣнять.

— При этомъ ты иногда старался пѣть *avec mélancolie*:— изъ гроба встаетъ императоръ!

— Какъ? „Изъ гроба уфстанетъ императоръ?“ А не уфстанетъ изъ гроба,—тотъ? А? Онъ не уфстанетъ?

— Его завтра утромъ зарюютъ въ землю.

— Нельзя ли прижимать его мить этотъ мраморный кукла?

— Ты поставишь на его могила хорошенькій кусокъ мрамора

мера и надо будетъ сдѣлать золотыя слова: что ты любилъ своего брата.

— Я? Вузъ?

— Надо же объяснять самымъ лучшимъ образомъ и наиболѣе всѣмъ понятно нашъ новогодній скандалъ. Завтра прилично было бы тебѣ бѣжать за мѣшкомъ съ нашимъ братомъ и плакать горькими слезами. Можетъ быть, слѣдовало бы, чтобы его дѣвушки, которыя должны быть признаны его дочерями, тоже шли и плакали. Будутъ разосланы траурныя приглашенія и анонсы. Апфе, онъ же не былъ субака?

— Я, какъ будто, начинаю догадываться,—сказалъ Наумъ Борисовичъ.

— Надо имѣть или его умъ, или даже быть умнѣе его, чтобы во всемъ слушаться меня. Любящіе другъ друга братья, которые еще наканунѣ видались при всѣхъ самою сердечною манерою, пользуясь своимъ сходствомъ, которое становилось поразительнымъ, если принимались къ тому въ особенности артистическія мѣры... Ну, однимъ словомъ гримъ, понимаешь ли... Ну, захотѣли доставить своимъ новогоднимъ гостямъ новогодняго удовольствія и сдѣлали извѣстную мистификацію, которая, къ сожалѣнію, закончилась смертію одного изъ нихъ.

— Несчастнаго Вильгельма, если я не ошибаюсь?

— Именно, несчастнаго Вильгельма. Исторію хорошо пустить въ печать и, кстати, упомянуть, что онъ былъ очень честный дѣятель и отличался весьма глубокими родственными чувствами, которыя заставили его пріѣхать съ четырьмя дочерьми изъ Австріи на свою вторую родину. Можно потомъ прибавить: потому, что онъ любилъ Россію.

— Развѣ?

— У насъ есть сотрудники, которые умѣютъ хорошо писать... Скандалъ будетъ сейчасъ же забытъ... Напротивъ, всѣ увидятъ, сколько милаго и непринужденнаго юмора бываетъ въ нашемъ почтенномъ домѣ въ тѣ часы, которые мы приносили въ жертву нашимъ добрымъ друзьямъ и знакомымъ. Тотчасъ же начнутся одинъ за другимъ визиты де-кондолеансъ и наша жизнь снова потечетъ, какъ по сливочному маслу, а я буду направлять ее... Наше общество грустныхъ дѣтей — только, разумѣется, первая ступень... Даже то, что ты сдѣлаешься гласнымъ, тоже еще только будетъ ступень и больше ничего. Вторая и третья ступень впереди. Фрейленъ!—вскричала она по-нѣмецки на весь домъ:—гдѣ бѣглая дѣвочка, которую прислали изъ полиціи?

— О, мадамъ!—отвѣчала фрейленъ, торопливо появляясь въ дверяхъ:—зачѣмъ вамъ этотъ дѣвочка? За ней пришли изъ полицей и взяли обратно. Онъ очень злой дѣвочка, потому что я слышала, какъ она сказала окологородному, который ее уводилъ, что нашъ домъ есть сумасшедшій домъ.

Мадамъ Штукъ хотѣла раскричаться на фрейленъ. Но въдь, въ самомъ дѣлѣ, встрѣча новаго года вышла совсѣмъ сумасшедшая. Нуженъ былъ геній молодой женщины, чтобы придать всему, что произошло, другую окраску и естественное объясненіе. Она съ презрѣніемъ подумала объ обоихъ Наумахъ Борисовичахъ. И Голиафъ! Онъ преклоняется предъ мошенническою изобрѣтательностью своего патрона, а не предъ ея государственнымъ умомъ.

Впрочемъ, мысль о Голиафѣ заставила ее обезпокоиться, и такъ какъ онъ не возвращался, то, наконецъ, сѣли за ужинъ безъ него.

— Завтра ты будешь дѣлать визитовъ, Наумъ!.. Докторъ Портвейнъ, — сказала мадамъ Штукъ: — не прикажете ли вы своему пациенту взять сегодня же ванну, чтобы онъ вымылся, какъ можно лучше.—И понюхавъ флаконъ съ солью, она продолжала: — прежде всего ты заѣдешь къ градоначальнику и объяснишь, что дѣвочкѣ изъ Лукьяновскаго пріюта было оказано большое вниманіе, и она даже принимала участіе въ костюмированномъ балѣ, но что мы не станемъ входить въ дальнѣйшіе виды на нее правительства. Я же прошу тебя, такъ и назови его правительствомъ. Но, во избѣжаніе всякихъ пріютскихъ дефектовъ, ты вносишь изъ тѣхъ денегъ, которыя у тебя уже имѣются,—пояснила она, прищуривъ одинъ глазъ: — три тысячи на улучшеніе его положенія и надзора за дѣвочками. Понялъ?

— Докторъ Портвейнъ, неужели же вы не поздравляете меня съ такимъ министромъ, какъ моя жена?

Докторъ протянулъ бокалъ и чокнулся съ Наумомъ Борисовичемъ.

Слуги, предшествуемые сѣдымъ бакенбардистомъ, стали подавать ужинъ.

І. Ясинскій.

(Окончаніе въ сентябрьской книжкѣ).

На театрѣ военныхъ дѣйствій ¹⁾).

XIX.

Послѣ боя подѣ Тюренченомъ всѣ ожидали наступленія японской арміи на Лаоянь и Мукденъ. Вокругъ перваго изъ нихъ спѣшно заканчивали возведеніе сильныхъ фортовъ и тѣмъ не менѣе господствовало общее убѣжденіе, что въ виду общей малочисленности въ силахъ, если только японцы будутъ энергично двигаться на Мукденъ и тѣмъ грозить нашей арміи отрѣзать отъ пути отступленія, необходимаго въ виду значительнаго перевѣса силъ противника,—намъ придется очистить Лаоянь, хотя и послѣ боя. Въ виду этого сдѣланы были всѣ распоряженія къ эвакуаціи на сѣверъ всѣхъ учрежденій, находящихся при дѣйствующей арміи, равно и запасовъ. Всѣ раненные изъ госпиталей и георгіевской общины Краснаго Креста были эвакуированы въ Харбинъ.

Меньшая часть, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, были увѣрены, что наступленія не послѣдуетъ.

Еще въ началѣ января я писалъ въ „Новомъ Времени“, что по всѣмъ вѣроятіямъ планъ японцевъ будетъ слѣдующій.

По высадкѣ въ Кореѣ японская армія форсируетъ переправу черезъ Ялу и, двигаясь въ западномъ направленіи южнѣе Лаояня, прикроетъ собою высадку другихъ двухъ армій дѣ-либо вблизи Портъ-Артура. Онъ явится главнымъ объектомъ дѣйствій японцевъ, и ими будетъ выставленъ отъ дѣйствій нашей манчжурской арміи заслонъ.

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“, іюль 1904 г.

При этихъ удобовыполнимыхъ условіяхъ непріятель оказывался въ очень выгодномъ положеніи. Занявъ узкій перешекъ Ляодунскаго полуострова, онъ оказывался полнымъ его хозяиномъ и, заслоненный съ сѣвера, могъ свободно приступить къ осадѣ Артура. Въ случаѣ, если бы на заслонъ обрушились наши превосходныя силы, японцевъ всегда могли бы поддерживать войска осадной арміи.

Относительно движенія японцевъ къ Портъ-Артуру многие были того убѣжденія, что кинчжоуская позиція задержитъ ихъ наступленіе, но оно было ошибочно. Упираясь флангами въ море, она могла быть нашимъ грознымъ оплотомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эти послѣдніе были обезпечены флотомъ, а такъ какъ нашъ флотъ былъ запертъ въ Артурѣ многочисленнымъ непріятельскимъ и тотъ въ свою очередь съ фланговъ анфиладнымъ огнемъ могъ поражать наши войска на кинчжоуской позиціи, то лучше было бы совсѣмъ ее очистить и свести орудія въ Портъ-Артуръ безъ риска оставить ихъ на этой позиціи, что, какъ извѣстно, и случилось.

Японцы сыграли очень намъ въ руку. Если бы они приняли наступательное движеніе къ Мукдену, мы бы очистили и его, и Лаоянь, отступивъ къ Куанчензы или Харбину въ ожиданіи подѣзда войскъ изъ Россіи.

Занятіе Мукдена, какъ столицы Манчжуріи и святыни китайскаго народа, и Лаояна, какъ главнаго нашего опорнаго пункта, произвело бы громадное моральное и невыгодное для насъ впечатлѣніе на Небесную имперію и было бы принято въ Европѣ, какъ фактъ овладѣнія японцами большею частью Манчжуріи.

Но они этого не сдѣлали и цѣлый мѣсяцъ послѣ тюренченскаго боя не переходили въ наступленіе, ограничившись набѣгомъ передовыхъ частей на ст. Пуландзянь, гдѣ и въ очень скромныхъ размѣрахъ испортили путь, но такъ, что послѣдній скоро могъ быть возстановленъ. Только въ десятыхъ числахъ мая большія ихъ силы явились къ югу отъ станціи Вафангоу и направились штурмовать кинчжоускую позицію.

За этотъ мѣсяцъ къ намъ успѣла подойти большая часть войскъ сибирскаго корпуса и, повидимому, Лаоянь былъ за нами обезпеченъ.

Подъ прикрытіемъ первой арміи японцы начали высадку второй у Бидзыво и третьей у Дагушана. Ей долго мѣшали тайфуны, свирѣпствующіе въ это время года на водахъ Желтаго моря.

Но тѣмъ не менѣе высадка эта производилась, хотя и долго,

безъ всякихъ препятствій съ нашей стороны. Портъ-Артуръ оказался отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Манчжуріей, и этому важному для насъ стратегическому пункту предстояли въ скоромъ времени тяжелые дни.

13 мая японцы штурмовали кинчжоускую позицію, которую защищали нашихъ пятнадцать батальоновъ при 40 орудіяхъ, подъ командою генерала Фока.

У японцевъ было три дивизіи и большое количество артиллеріи.

Бой продолжался цѣлыхъ 16 часовъ и, начавшись съ разсвѣтомъ, окончился лишь къ восьми вечера взятіемъ штурмомъ японцами нашей позиціи, которая была забрасываема снарядами съ фронта и съ фланговъ сухопутными батареями и японскими военными судами.

Нѣсколько атакъ было отбито. Японцы вѣзли въ проволочныхъ сѣтяхъ, взрывались минами и фугасами, но тѣмъ не менѣе по трупамъ товарищей бѣшено лѣзли впередъ, не смущаясь никакими потерями, и наши войска должны были отступить подъ натискомъ много сильнѣйшаго противника. Потери его были громадны, по свѣдѣніямъ изъ иностранныхъ источниковъ, онѣ доходили до 12 тысячъ убитыми и ранеными.

О нашихъ, по неимѣнію точныхъ свѣдѣній вслѣдствіе отсутствія сообщенія съ генераломъ Фокомъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Онѣ по слухамъ, варьировались въ предѣлахъ 400 и 4,000 человѣкъ. Вѣрнѣе всего, кажется, была цифра въ 2,800 чел.

Взятіемъ этой позиціи японцы открыли себѣ свободный путь къ Артуру, такъ какъ задерживать ихъ на промежуточныхъ позиціяхъ не было бы никакого смысла и только бы вызвало напрасныя потери и ослабило силу портъ-артурскаго гарнизона, доведеннаго до солидной цифры въ 50,000 человѣкъ.

17 мая утромъ, я пошелъ къ моему большому пріятелю, рѣдкo-симпатичному капитану генеральнаго штаба графу Игнатьеву, считать интересныя вырѣзки о всѣхъ небылицахъ, распускаемыхъ о насъ въ иностранной и особенно, разумѣется, англійской прессѣ.

Онъ разговаривалъ у крыльца своей квартиры съ какимъ-то офицеромъ, котораго я издалека сначала не призналъ, такъ чѣ обросъ бородой.

Присмотрѣвшись, я увидѣлъ, что это капитанъ генеральнаго

штаба Гурко, съ которымъ послѣдній разъ мы видѣлись на батареѣ № 13 Золотой горы въ мартѣ мѣсяцѣ, во время бомбардировки Портъ-Артура, гдѣ, я зналъ, онъ и находился постоянно, занимая мѣсто офицера особыхъ порученій при генералѣ Стесселѣ.

— Какъ вы сюда попали?—спросилъ я.

И вотъ онъ намъ подробно разсказалъ свою эпопею, въ которой проявилъ немало отчаянной смѣлости и рѣдкой находчивости. Записанный мною его разсказъ несомнѣнно заинтересуетъ читателей, и я привожу его дословно.

— Надо было доставить важныя донесенія и бумаги изъ Артура командирующему армію, а также и въ Тянь-Цзинь, нашему военному агенту. Я вызвался это сдѣлать. Прежде всего явился вопросъ, какимъ образомъ пробраться. Это было 9 мая и къ Кинчжоу уже направлялись большія массы войскъ, такъ что сухимъ путемъ нечего и думать было пробраться.

Тогда я рѣшилъ сдѣлать это моремъ. Планъ мой былъ таковъ. Нанять джонку, добраться до Чифу, оттуда на англійскомъ пароходѣ проѣхать въ Таку, отъ Таку до Тонгу на катерѣ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ въ Тянь-Цзинь и, наконецъ, также по рельсовому пути на Инкоу до Лаояна.

Первая трудность заключалась въ томъ, чтобы благополучно пробраться черезъ кордонъ японскихъ военныхъ судовъ, такъ какъ всѣ джонки, отходившія отъ береговъ Квантуна, излавливались или разстрѣливались японцами.

Сначала никто изъ китайцевъ не отваживался на это предпріятіе ни за какія деньги, но потомъ явились охотники.

Первыя двѣ джонки, законтракованныя мною, меня не дождалась и ушли въ море, и мы видѣли, какъ ихъ окружили японскія миноноски и взяли на буксиръ.

На третьей джонкѣ съ тремя охотниками, — нижними чинами, и четырьмя матросами я, наконецъ, выѣхалъ 9 мая въ лунную ночь. Я нарочно выбралъ именно такую обстановку, такъ какъ въ свѣтлыя ночи японцы были менѣе бдительны, думая, что тогда-то именно никто и не рискнетъ. Джонка была нанята мною за триста рублей. Черезъ японскій кордонъ мы пробрались благополучно, но утромъ увидѣли, что за нами гонятъ китайскіе пираты, и они все больше и больше настигали насъ и уже слышались ихъ голоса:

— Сяо-мяо (спусти парусъ)!

Положеніе становилось пиковымъ, такъ какъ я подмѣтилъ что экипажъ мой не прочь это сдѣлать. Я думаю, что и японцамъ они меня бы охотно выдали, дабы и съ нихъ въ свѣ

очередь заработать, но наши револьверы ставили ихъ въ полную невозможность осуществить свое тайное желаніе.

Долго гнались за нами хунхузы и я уже приготовился взорваться вмѣстѣ съ ними, такъ какъ взялъ съ собою два пуда динамита. Они главнымъ образомъ предназначались для встрѣчи съ японской миноноской, но и тутъ сослужили бы службу, такъ какъ попасть въ руки китайцевъ было бы хуже и предстояли жестокія пытки и лютая смерть.

Но вотъ, неизвѣстно почему, ихъ джонка стала мало-по-малу отставать и, наконецъ, мы потеряли ее изъ виду. Наконецъ, мы благополучно добрались до Чифу, и я отправился съ моими солдатиками къ русскому консулу, у котораго ихъ и оставилъ; самъ же переодѣлся въ статское платье и поѣхалъ на англійскомъ пароходѣ съ какимъ-то мудренымъ китайскимъ названіемъ въ Таку. Пароходъ шелъ изъ Нагасаки и везъ много японцевъ и англичанъ.

Хотя я и хорошо говорю по-англійски, но прикинулся французомъ, почему и избѣгъ всякихъ разспросовъ.

Тѣмъ не менѣе еще въ Чифу на пристани я замѣтилъ какого-то подозрительнаго субъекта, не сводившаго съ меня глазъ и слѣдовавшаго всюду, какъ тѣнь, по моимъ пятамъ. На пароходѣ онъ продолжалъ свое, очень для меня неприятное занятіе, но далѣе этого не шелъ.

Когда мы пришли на рейдъ Таку, то тамъ, какъ вы знаете, нельзя пройти черезъ баръ въ рѣку Пейхо и по ней до станціи желѣзной дороги въ Тонгку иначе, какъ въ катерахъ. Я пересѣлъ въ одинъ изъ нихъ. Онъ оказался японскимъ; соглядатай мой опять очутился возлѣ меня. Тѣмъ не менѣе переѣздъ состоялся благополучно вплоть до самаго Тянь-Цзина.

Когда я вышелъ съ вещами на дебаркадеръ и приказалъ китайскимъ кули положить ихъ на рикшу и они хотѣли взяться за нихъ, японскіе чиновники закричали что-то на нихъ по-китайски и носильщики не брались за вещи.

Я не могъ сначала понять причины, когда случайно мой взглядъ упалъ на чемоданъ съ плохо стертою надписью: „Гурко“. Выслѣживавшій меня шпіонъ стоялъ тутъ же, съ беззаботнымъ видомъ посматривая по сторонамъ.

Опять положеніе становилось критическимъ.

Надо было скорѣе на что-нибудь рѣшиться и найти изъ него выходъ.

Я прямо подошелъ къ одному изъ чиновниковъ и напустился на него по-англійски:

— Какъ вы смѣете задерживать мои вещи? Такъ-то вы

позволяете себѣ обращаться съ британскими подданными. Если вы позволите себѣ еще ихъ задерживать, я сейчасъ же отправлюсь съ жалобой къ англійскому консулу.

Чиновникъ смутился, разсыпался въ извиненіяхъ и приказалъ кули нести мои вещи.

Вышелъ я на подъѣздъ—смотрю, моя „тѣнь“ стоитъ сзади меня, но тутъ я его надулъ, приказалъ везти себя въ консульство, а самъ проѣхалъ прямо на квартиру къ нашему военному агенту и тутъ шпионъ потерялъ мой слѣдъ.

Вы можете себѣ представить, какъ я свободно вздохнулъ, избавившись отъ этого скота! Дальнѣйшій путь изъ Тянь-Цзіна до Инкоу я пріѣхалъ благополучно и кое-что узналъ отъ *maître du train*, подпоивъ его изрядно во время переѣзда. Въ Инкоу я пересѣлъ на русскій поѣздъ, путь еще не былъ занятъ японцами, и прибылъ сюда,—закончилъ свой интересный рассказъ капитанъ.

Графъ и я поздравили его съ рѣдкою удачею выполненія такого рискованнаго предирія и съ вѣроятною высокою наградою отъ командующаго арміей.

— Ну, не знаю, что тамъ будетъ,—отвѣчалъ онъ,—а вотъ нижнихъ чиновъ я представилъ къ Георгіевскимъ крестамъ; они вполне ихъ заслужили на проклятой джонкѣ.

— Ну, что, скажите, въ Артурѣ происходитъ?—спросили мы Гурко.

— Да все обстоитъ благополучно. Всѣ готовы къ осадѣ. По вечерамъ гулянье на „этажеркѣ“¹⁾, тамъ играетъ музыка, дамы въ весеннихъ туалетахъ, словомъ, все, что по штату полагается.

— Каково же ваше мнѣніе? Могутъ японцы взять Артуръ или нѣтъ?

— Мнѣ кажется, его сдать невозможно, но и гарнизонъ, если бы это сдѣлалъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, былъ бы кругомъ виноватъ, развѣ что почти его весь раньше перебьютъ.

Послѣ этой интересной встрѣчи я прошелъ въ развѣдывательное отдѣленіе штаба арміи и узналъ слѣдующія подробности объ атакѣ непріателемъ кинчжоускихъ позицій по даннымъ самихъ же японцевъ.

Непріятельскими войсками командовалъ генераль Оку,

¹⁾ Такъ зовутъ бульваръ въ Артурѣ, устроенный параллельными террасами на откосѣ холма.

одинъ изъ выдающихся по способностямъ, знанію и энергіи офицеровъ японской арміи.

Войска, атаковавшія нашу позицію, состояли изъ трехъ дивизій, расположенныхъ по диспозиціи въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Осацкая дивизія должна была двигаться съ лѣваго фланга вдоль морского берега.

2) Токійская дивизія составляла центръ и была направлена на нашу желѣзнодорожную станцію Нан-галинь (Нангуань-линь), узловой пунктъ, господствовавшей надъ путями къ Артуру и Дальнему, и

3) Нагойская дивизія находилась на правомъ флангѣ.

Диспозиція японцевъ была составлена по шаблону такой же атаки Кинчжоу въ 1895 году.

Согласно своей излюбленной привычкѣ, японцы начали дѣло еще ночью и первый ихъ выстрѣлъ раздался въ 2 часа 35 минутъ, такимъ образомъ задолго еще до разсвѣта. Имъ удалось втащить часть орудій на высокой кряжъ, господствовавшей надъ окружающею мѣстностью.

Наши силы состояли всего изъ 15 баталіоновъ съ двумя батареями и отряда морской артиллеріи, дѣйствовавшей изъ тяжелыхъ орудій.

Такимъ образомъ, японцы, численностью опять перевѣшивали насъ почти втрое.

По флангамъ нашей позиціи также былъ открытъ огонь съ японскихъ военныхъ судовъ.

Наша пѣхота была расположена въ окопахъ терассами по склону горы въ траншеяхъ; при ней же, въ особыхъ закрытіяхъ, были помѣщены пулеметы. Впереди лежащая мѣстность была покрыта всякаго рода искусственными препятствіями: проволочными загражденіями, волчьими ямами, рвами, минами и фугасами.

Согласно излюбленному принципу сосредоточивать сначала огонь по артиллеріи противника, японцы начали громить наши батареи.

Эта адская канонада продолжалась въ теченіе десяти часовъ, и за неимѣніемъ снарядовъ, подбитіемъ орудій и сильною убылью въ прислугѣ, наша тяжелая артиллерія должна была смолкнуть, но зато еще сильнѣйшій огонь развили полевыя батареи, помѣщенные на высотахъ близъ ст. Нангалинь.

Затѣмъ японская артиллерія сосредоточила огонь по нашимъ траншеямъ, буквально засыпая ихъ сталью и свинцомъ.

Подготовивъ такимъ образомъ атаку, всѣ дивизіи, имѣя близко пододвинутые резервы, пошли въ атаку.

Подойдя подъ нашимъ непрерывнымъ огнемъ на двѣсти сажень, непріятельскія передовыя части наткнулись на проводочныя загражденія и тутъ пошла жатва для нашихъ пулеметовъ. Огонь ихъ устлалъ всѣ подступы къ позиціи трупами врага. Непріятельскія колонны дрогнули и отступили.

Приведя полки въ порядокъ, генераль Оку подалъ сигналъ новой атаки.

Безстрашно ринулись впередъ японцы по трупамъ только что павшихъ своихъ товарищей. Уже передовыя части ихъ достигали нашихъ траншей, имѣя впереди офицеровъ, но шагахъ въ тридцати, сорока всѣ полегли, сраженныя нашимъ огнемъ. Такимъ образомъ и вторая ожесточенная атака превосходныхъ силъ противника была отбита.

Бой длился цѣлый день, наступилъ вечеръ и снова японская артиллерія открыла сильнѣйшій огонь и подъ его прикрытіемъ пѣхота начала третье наступленіе.

Только благодаря наступавшей темнотѣ японцамъ удалось въ одномъ пунктѣ прорваться на нашу позицію и отрядъ, такъ геройски ее защищавшій, долженъ былъ отступить, что и сдѣлалъ въ полномъ порядкѣ и на этотъ разъ не преслѣдуемый японцами.

Этимъ послѣднимъ удалось случайно обнаружить провода отъ минъ, которыми было усѣяно восточное подножіе Нань-Шаня, и перерѣзать ихъ, иначе потери врага были бы еще значительнѣе.

Наши тяжелыя орудія были испорчены пироксилиновыми шашками и оставлены вслѣдствіе невозможности ихъ увезти.

По словамъ японцевъ, русскіе самоотверженно держались у Нангалина, оставивъ здѣсь до 500 человекъ одними убитыми. Всего же наши потери по слухамъ достигали 2800 человекъ убитыми и ранеными.

Японскія потери были сначала признаны генераломъ Оку въ 700 только человекъ, но потомъ самъ онъ устыдился этой явной лжи и телеграфировалъ въ Токио, проставивъ уже иную цифру въ 3500 человекъ.

По показаніямъ же китайцевъ, привлеченныхъ закапывать въ могилы убитыхъ, однихъ таковыхъ было болѣе шести тысячъ,—всего же японцы, по ихъ словамъ, потеряли болѣе десяти тысячъ человекъ.

По японскимъ свѣдѣніямъ нашими войсками командовалъ генераль Стессель, по нашимъ—генераль Фокъ.

Грустно было подумать и о семьяхъ защитниковъ Портъ-Артура, и о томъ, какія теперь минуты онѣ переживаютъ, не имѣя даже возможности знать, живы ли ихъ близкіе или нѣтъ. Послѣднимъ отраднымъ фактомъ въ Артурѣ было геройское отбитіе атаки брандеровъ въ ночь на 20 апрѣля, которое я опишу подробно, такъ какъ въ немъ, кромѣ энергіи и отваги защитниковъ нашей твердыни, было и много своеобразной поэзіи.

XX.

19 апрѣля утромъ на батареяхъ, судахъ и въ городѣ заговорили о томъ, что ночью японцы произведутъ рѣшительную атаку на проходъ большимъ количествомъ брандеровъ.

Надобно отмѣтить, что передъ каждою бомбардировкою вѣсть о ней, какъ по беспроволочному телеграфу, приходила ранѣе и никогда не была ошибочною.

Вечеромъ на бульварѣ играла музыка; дамы въ весеннихъ туалетахъ прогуливались такъ же спокойно, какъ въ Лѣтнемъ саду, и по окончаніи музыки публика разошлась по домамъ.

Скоро мракъ спустился на отходившій ко сну городъ и остались только бодрствовать, точно два мифологическихъ чудовища, Золотая гора и Тигровый хвостъ, время отъ времени поднимая вѣки своихъ гигантскихъ глазъ—прожекторовъ и вперяясь ими въ морскія волны, которыя часто воспѣвали нашъ великій Пушкинъ, созерцая

Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи мракъ постепенно сталъ сбѣгать со скалъ и моря и красавица-луна, медленно всплывая надъ городомъ и батареями, властно стала царить надъ сушею и волнами, отбиваясь на ихъ безпокойныхъ гребняхъ дрожащими серебряными бликами.

Казалось, никто и ничто не посмѣли бы нарушить величаваго спокойствія чарующей весенней ночи, но люди, эти терновые вѣнды творенья, думали иначе и въ первомъ часу на семафорѣ Золотой горы безпокойно замелькали разноцвѣтные фонари, подававшіе сигналы о приближеніи непріятеля.

Прожекторы засуетились, рыская во всѣ стороны по волнамъ и силаясь какъ можно дальше проникнуть въ туманъ морскихъ испареній, какъ вдругъ раздался орудійный вы-

стрѣль и звукъ его, прокатившись громкимъ эхомъ по разбуженнымъ горамъ, замеръ гдѣ-то далеко, потерявшись въ ущельяхъ Ляодуна.

Выстрѣль этотъ послужилъ сигналомъ къ началу кровавой вакханаліи огня и желѣза, такъ какъ вслѣдъ за нимъ точно вздрогнула залпомъ изъ всѣхъ орудій Золотая гора, въ унисонъ ей отозвался Тигровый хвостъ и, какъ достойное дитя этой дружной четы, сталь, не унимаясь, вторить ей Электрическій утесъ. Канонерскія лодки „Гилякъ“, „Гремящій“ и „Отважный“, стоявшія у входа въ проходъ, какъ бдительные ночные сторожа, усердно стали щелкать своими колотушками—орудіями малаго калибра, звукъ которыхъ совсѣмъ терялся въ ревѣ гигантскихъ мортиръ.

Стрѣльба была открыта по непріятельскимъ миноносцамъ, которыя, точно сигары или большіе поплавки, обрисовывались на волнахъ при свѣтѣ прожекторовъ.

Они быстро повернули назадъ, точно только для того и приходили, чтобы крѣпость была готова встрѣтить незваныхъ гостей, и снова на батареяхъ воцарилась мертвая тишина и опять луна вступила въ свои права, задумчиво глядясь въ тревожныя волны и отливаясь въ нихъ чешуйчатой серебряной полосой.

Но Артуръ уже бодрствовалъ, зная по предыдущимъ бомбардировкамъ, что миноносцы являются какъ бы предвареніемъ близкой атаки. По улицамъ раздался звонъ подковъ спѣшащихъ на свои посты казаковъ и шумъ шаговъ направлявшагося къ порту военнаго и гражданскаго люда.

На судахъ засигналили со всѣхъ сторонъ и, нервно стуча машинами, засновали во всѣхъ направленіяхъ паровые катера.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ горы снова заговорили внушительнымъ языкомъ стали и огня, и снаряды, описывая параболы, подобно метеорамъ, рвались блестящими каскадами огней среди туманныхъ силуэтовъ надвигавшейся на Артуръ вражеской эскадры. Но вотъ отъ нея отдѣлилось что-то мрачное, большое и понеслось стрѣлою на проходъ. Это былъ первый брандеръ, котораго сейчасъ же захватили въ свои клещи неутомимые прожекторы.

По рассчитанному заранѣе разстоянію, шести минутъ было ему достаточно, чтобы достигъ завѣтной цѣли и въ этотъ срокъ онъ и долженъ былъ быть пущенъ ко дну.

Вслѣдствіе такой трудной задачи огонь съ батареи и судовъ обратился въ сплошную ревъ и старательное эхо съ трудомъ могло повторить его безчисленныя ноты и переливы и скоро превратилось въ непрерывные раскаты отдаленнаго грома.

Лунный свѣтъ какъ-то поблекъ передъ титаническимъ сверканьемъ, взрывами, вспышками точно изъ горъ и моря родящихся внезапно огней, образовавшихъ надъ фортами подобіе сѣвернаго сіянія.

Вотъ уже брандеръ, какъ разъяренный кабанъ, смѣло ринувшійся на охотниковъ, былъ всего въ 200 саженьяхъ отъ прохода, еще нѣсколько минутъ, — и онъ, взорвавшись, загородитъ его собою, но вдругъ вражескій корабль остановился и сталъ крениться на лѣвый бокъ.

Это значило, что онъ смертельно раненъ и его минуты сочтены, почему экипажъ ищетъ спасенія на шлюпкахъ.

Орудійный огонь тотчасъ же смолкъ и замѣнился хлопотливой трескотней пулеметовъ.

Цѣлыя гирлянды маленькихъ огоньковъ вспыхивали на темныхъ экранахъ нашихъ судовъ. Точно мириады свѣтляковъ, огни эти непрестанно нарождались, чтобы мгновенно исчезнуть, и пули, какъ рой пчель, съ жужжаньемъ неслись на встрѣчу отважному врагу.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ брандера уже не было на волнахъ, продолжавшихъ также спокойно свои набѣги на скалы Портъ-Артура.

Но вотъ снова сердито заговорили орудія и обрушились градомъ новыхъ снарядовъ на несшіяся къ проходу уже два брандера.

Борта ихъ окаймлялись гирляндами огоньковъ отъ пулеметовъ, стрѣлявшихъ по нашимъ сторожевымъ судамъ.

Этихъ несносныхъ гостей встрѣтилъ градомъ снарядовъ „Гилякъ“ и каждый почти выстрѣлъ его попадалъ въ цѣль, давая разрывы въ бортахъ, вспыхивавшіе своеобразнымъ цвѣтомъ натрія.

Вскорѣ почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и первый, затонули и эти два брандера.

Громкое „ура“ волнами прокатилось по батареямъ и отозвалось въ городѣ.

На нѣкоторое время воцарилась тишина, давшая возможность вздохнуть свободнѣе прислугѣ у орудій.

Но черезъ двадцать минутъ къ завѣтной цѣпи устремились ова и теперь четыре брандера.

При свѣтѣ прожекторовъ, они казались больше, чѣмъ въ действительности, и ихъ черные корпуса и такелажъ отчетливо рисовались въ золотыхъ лучахъ электричества.

На встрѣчу имъ рѣзво выскочила наша миноноска и, рискуя пасть подъ огонь своихъ же батарей, подскочила близко къ

крайнему справа брандеру и пустила мину. Онъ тотчасъ отсталъ отъ своихъ товарищей и черезъ нѣсколько минутъ погибъ въ волнахъ.

Второй брандеръ направлялся прямо на середину борта „Гиляка“, грозя раздавить нашу славную канонерку и, сдѣлавшись, взорваться вмѣстѣ въ послѣднихъ смертныхъ объятіяхъ.

Но вотъ снаряды, точно боясь опоздать, стали выколачивать точно дробь по бортамъ брандера и черезъ нѣсколько мгновеній онъ, точно въ изнеможеніи, остановился осторожно, какъ тяжело больной, опустился на правый бокъ и постепенно исчезъ въ волнахъ, на которыхъ, по прежнему, серебряными бликами продолжали играть лунные лучи.

Остальные брандеры раздѣлили его участь, пущенные ко дну чудовищнымъ огнемъ батарей и судовъ, причемъ къ послѣднимъ присоединился и стройный красавецъ крейсеръ „Аскольдъ“, рѣшивъ выйти, наконецъ, изъ своего вынужденнаго бездѣйствія и пуская шестидюймовые гостинцы черезъ мачты „Отважнаго“ и „Гиляка“.

Опять, какъ въ какомъ-то волшебномъ балетѣ, наступилъ антрактъ и японцы готовились къ постановкѣ новой картины, надѣясь затмить ею всѣ предыдущія.

Была половина третьяго, когда раздалась снова громкая fuga залповъ и выстрѣловъ, и на злополучный для японцевъ проходъ направились на этотъ разъ цѣлыхъ пять брандеровъ.

Тутъ бомбардировка ихъ дошла до апогея. Цѣлый вихрь стали и свинца разсѣкалъ воздухъ, производя въ немъ впечатлѣніе неожиданнаго, свирѣпаго шторма. Раскаты грома и точно вспышки молніи съ батарей еще болѣе восполняли эту иллюзію.

Взбудораженный взрывами океанъ точно ожилъ, то тамъ, то сямъ отражая въ своихъ пѣнящихся волнахъ то кроваво-красное, то фосфорическое зарево.

Въ горахъ точно проснулись всѣ ихъ духи и громко протестовали, перебивая одинъ другого, противъ дерзкихъ нарушителей ихъ вѣчнаго, суроваго покоя.

Далеко по скаламъ и долинамъ Квантуна неслись мрачные отголоски этой титанической бури, порожденной всѣми стараніями современной цивилизаціи—для взаимнаго истребленія тѣхъ, кто наивно воображалъ себя царями природы, всѣ силы которой были призваны ими къ служенію этой бессмысленной, недостойной человѣческаго генія цѣли.

И эта буря смерти и разрушенія находила себѣ печальное

эхо не только въ дикихъ ущельяхъ Лаодуна, но и въ сердцахъ всѣхъ ея участниковъ, ниспровергая въ нихъ все свѣтлое, отрадное, всѣ вѣрованія, стремленія къ идеалу, надъ которымъ какъ бы издѣвались поставленныя длинными рядами на батареяхъ, представляющія послѣднее слово науки, орудія гибели и тлѣнія.

Этотъ величественный хаосъ молній и громовыхъ раскатовъ оглушалъ, затемнялъ сознаніе, парализовалъ разсудокъ и въ то же время гипнотически овладѣвалъ всѣмъ вашимъ существомъ. Къ нему какъ-то неудержимо притягивало, какъ къ какому-то таинственному фантому, и только луна, точно поблѣднѣвъ отъ ужаса, спѣшила уйти отъ этого мрачнаго зрѣлища, теряя свой свѣтъ и уступая мѣсто загоравшейся на востокъ алой зарѣ.

Она вставала спокойная, лучезарная, какъ бы приглашая людей опомниться, но они, не замѣчая ея, все продолжали безъ устали свое неотложное, какъ имъ казалось, кровавое дѣло.

Первый брандеръ, выдвинувшись далеко впередъ и взявъ невѣрное направленіе, наскочилъ на линію нашего миннаго загражденія. Раздался глухой трескъ взорваннаго дна, грандіознымъ фонтаномъ поднялся кверху большой каскадъ воды и корабль, сломавшись пополамъ, точно соломинка, исчезъ въ волнахъ.

Два другихъ его товарища, желая ускользнуть отъ участи, сразившей ихъ вожакаго, взяли вправо, но были сразу разстрѣляны и пущены ко дну выстрѣлами со всѣхъ сторонъ, заставлявшими дрожать землю.

У послѣднихъ двухъ брандеровъ изсякла уже вся доза энергіи и мужества и они, не дойдя до намѣченной цѣли, повернули вспять къ своей эскадрѣ, державшейся подъ парами на горизонтѣ.

Но вотъ ракеты, одна за другой, шипя и извиваясь, какъ сказочные змѣи, и оставляя за собою искрящіеся широкіе хвосты, полетѣли въ небесное пространство, какъ бы силаясь достать до меркнущихъ звѣздъ и стремясь имъ подражать, разсыпались разноцвѣтными букетами.

Ихъ театральное появленіе послужило сигналомъ къ окончанію кровавой борьбы.

Въ утреннемъ туманѣ, разгоняемомъ первыми солнечными лучами, уже можно было различать торчавшія тамъ и самъ въ волнахъ мачты и рен, точно кресты на десяти новыхъ могилахъ погибшихъ брандеровъ, послушныхъ жертвъ настойчивой смѣлости врага.

Между ними лавировали миноноски и катера, снимая со снастей уцѣпившіеся за нихъ жалкіе остатки командъ.

По рейду плавали части такелажа и снаряженія судовъ, принадлежности формы. Среди волнъ кое-гдѣ виднѣлись головы боровшихся съ ними утопающихъ японцевъ. Нѣкоторые не хотѣли принимать бросаемые имъ круги и веревки и исчезали въ водѣ. Одинъ, уцѣпившійся за мачту, съ оторванной снарядомъ ногой, встрѣтилъ желавшаго его спасти на вельботѣ лейтенанта Ренгарда выстрѣломъ изъ револьвера и, выпустивъ, по счастью, мимо всѣ заряды, скакнулъ въ волны.

Нѣсколько японскихъ матросовъ и одного офицера прибило волнами къ берегу еще живыми. Когда къ нимъ направился взводъ нашихъ моряковъ, чтобы взять ихъ въ плѣнъ, они встрѣтили его выстрѣлами и градомъ камней, а ихъ лейтенантъ, обнаживъ кортикъ, распоролъ себѣ животъ.

Принцъ Бурбонскій, расспрашивавшій одного изъ плѣнныхъ, владѣвшаго англійскимъ языкомъ, сообщилъ мнѣ потомъ, что всѣ вышесказанные примѣры предпочтенія смерти плѣну были главнымъ образомъ вызваны увѣреніями японскаго начальства, что cadaго попадающаго въ руки русскихъ ждутъ жестокия пытки и лютая смерть.

Всего нами подобрано было два тяжело раненыхъ офицера, вскорѣ скончавшихся, и тридцать нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ тринадцать умерли къ вечеру, восемь размѣщено было на плавучемъ госпиталѣ Краснаго Креста „Монголія“ и въ морскомъ лазаретѣ, а девять взято въ плѣнъ невредимыми.

Всѣхъ японцевъ переодѣли въ чистое бѣлье, полушубки, чтобы согрѣть, напоили виномъ и накормили наши матросы. Раненыхъ навѣстили великій князь Борисъ Владиміровичъ и принцъ Бурбонскій и одѣлили деньгами и папиросами.

Въ восемь съ половиною часовъ утра на семафорѣ Золотой горы былъ поднятъ сигналъ о появленіи непріятельской эскадры. Она простояла на горизонтѣ до полудня, тщетно ожидая возвращенія на шлюпкахъ остатковъ командъ брандеровъ: никто къ ней не вернулся!

Численность ихъ, по словамъ плѣнныхъ, была: 30 офицеровъ и 260 нижнихъ чиновъ.

Потопленные пароходы носили названіе: „Осагаіо“, „Микава“, „Сагами“, „Кокура“, „Тотомі“, „Сибата“, „ледо“, „Фудзанъ“, „Нагато“ и „Сакура“. Последнее имѣло болѣе 3000 тоннъ водоизмѣщенія, остальные не менѣе 2000. Всѣ брандеры были перекрашены въ сѣрый цвѣтъ и вооружены скорострѣльными пушками Гочкиса и пулеметами.

На мостикѣ „Иеддо“ при осмотрѣ его нашими флотскими офицерами была найдена слѣдующая надпись на русскомъ языкѣ съ совершенно правильной орѳографіей и только съ одной синтаксической ошибкой.

„Запомните, многоуважаемые русскіе моряки, мое имя: капитанъ-лейтенантъ японскаго флота Хиросе. *Мнѣ* уже здѣсь во второй разъ—первый на пароходѣ „Касуки“. Придемъ еще разъ!“

Но этому анонсу исполниться было не суждено, такъ какъ капитанъ Хиросе былъ убитъ въ ночь на 20 апрѣля. На лакированномъ краснаго дерева столѣ другого брандера была найдена также японская надпись,—не знаю, перевели ли ее потомъ. Сбоку ея мѣломъ было приписано по-русски: „Обратите на это вниманіе!“

Такова была тяжкая ночь, пережитая многострадальнымъ Артуромъ, а сколько такихъ предстояло еще впереди, когда должна была начаться осада и съ суши.

Артурскій поэтъ, саперный капитанъ Линдеръ, по этому поводу написалъ прекрасное, какъ по идеѣ, такъ и по формѣ, стихотвореніе, и я привожу его, какъ вѣрную характеристику всѣхъ русскихъ, стоящихъ грудью за свою родину на отдаленнѣйшемъ рубежѣ Россіи:

ЗАЩИТНИКАМЪ ПОРТЪ-АРТУРА ¹⁾.

Полвѣка протекло со времени кровавой,
Отчаянной борьбы у крымскихъ береговъ,
Когда обрушились союзныя державы
На севастопольскихъ прославленныхъ борцовъ.
Любовь къ Царю, любовь къ отчизнѣ оскорбленной
Вселила въ грудь бойцовъ избытокъ грозныхъ силъ,
И ихъ геройскій духъ, любовью окрыленный
Тамъ чудеса въ борьбѣ съ врагами совершилъ.
Тогда въ пластахъ скалы возникли бастионы,
Наносная земля создала мощный щитъ,
И триста сорокъ дней російскія знамена
Хранили грудь солдатъ надежнѣй, чѣмъ гранитъ.
И храбрые борцы, въ бояхъ ожесточенныхъ,
Дивились подвигамъ, свершеннымъ предъ врагомъ,
И побѣдителей, равно какъ побѣжденныхъ,
Весь міръ дарить поднесъ заслуженнымъ вѣнкомъ.

* * *

¹⁾ Было напечатано въ издаваемой въ Портъ-Артурѣ газетѣ [овый Край], 27 апрѣля 1904 года.

Теперь, когда судьба сулитъ борьбу съ врагами
 За честь родной страны у дальнихъ береговъ,
 Какъ ярко въ памяти рисуется предъ нами
 Бой севастопольскихъ прославленныхъ борцовъ!

Пошли, Господь, намъ всѣмъ Твое благословенье,
 Твой благодатный ликъ яви намъ въ часъ борьбы,
 И въ грозный сѣчи часъ даруй тѣмъ всепрощенье,
 Кто вознесетъ къ Тебѣ предсмертныя мольбы!

Мы смѣло въ бой пойдемъ, и міру вновь докажемъ,
 Какъ силенъ русский духъ подъ сѣнію знамени,—
 Мы побѣдимъ врага,—не то костыи поляжемъ,
 Какъ въ Севастополѣ четвертый бастионъ.

Мы ляжемъ за Царя, за блескъ Его державы
 Да возсіяетъ вновь нашъ древній Царскій щитъ!
 Да возвеличится Руси орелъ двуглавый
 И всюду надъ врагомъ побѣдно запарить!

Да будутъ памяты японцамъ самомящимъ
 Артурскихъ грозныхъ стѣнъ и молній, и громъ,
 Вѣщавшихъ торжество надъ «Солнцемъ Восходящимъ»
 Двуглаваго орла съ Андреевскимъ крестомъ.

На второй день послѣ достопамятной ночи въ Портъ-Артурѣ состоялось торжественное погребеніе двухъ японскихъ офицеровъ и 24 матросовъ, какъ умершихъ отъ ранъ въ госпиталѣ, такъ и тѣхъ, трупы коихъ выбросило море.

Длинная вереница гробовъ, поставленныхъ на дроги и покрытыхъ японскими національными флагами, медленно двигалась по улицамъ къ кладбищу. За ними шель почетный конвой съ хоромъ музыки, игравшій похоронные марши.

При выносѣ останки язычниковъ были встрѣчены христіанскимъ гимномъ „Коль слаженъ“ и лежавшіе въ этихъ гробахъ были единственными, достигнувшими завѣтной цѣли, которымъ удалось завладѣть по смерти клочками земли ставшаго обѣтованнымъ для Японіи Портъ-Артура!

XXI.

Однимъ изъ радостныхъ для меня лично событій былъ пріѣздъ въ дѣйствующую армію принца Хайме Бурбонскаго.

Его мало знаютъ въ Россіи, хотя онъ находится на нашей службѣ въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку уже восьмой годъ.

Эта личность далеко недюжинная и судьба ея настолько оригинальна, что я позволю себѣ познакомить съ ней читателей, тѣмъ болѣе, что Хайме Бурбонскій далеко не похожъ на

тѣхъ иностранныхъ принцевъ, которые время отъ времени являются въ Россію

На ловлю счастья и чиновъ,

или тѣхъ, коихъ такими яркими штрихами обрисовалъ Альфонсъ Додэ въ своемъ извѣстномъ романѣ: „Les gois en éxil“. Принцъ родился въ 1870 году въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Веде отъ извѣстнаго законнаго претендента на испанскій престолъ Донъ-Карлоса и супруги его, урожденной принцессы Маргариты Пармской.

Волшебница судьба, казалось, простирала уже надъ колыбелью новорожденнаго сразу двѣ короны: Франціи и Испаніи, такъ какъ съ одной стороны заканчивалась трагически франко-прусская война и въ числѣ претендентовъ на престолъ разгромленной пруссаками страны послѣ низложенія Наполеона III являлся и Донъ Карлосъ, какъ прямой потомокъ короля-солнца Людовика XIV. Съ другой стороны началась карлистская война за испанскій престолъ.

Но, увь, блескъ первой короны скоро померкъ въ кровавомъ заревѣ коммуны и цвѣты революціи дали свой плодъ въ лицѣ республики, съ которой во Франціи надолго закатилось солнце монархическаго правленія.

Оставалась вторая наслѣдственная корона, которая была преступно вырвана изъ рукъ исконныхъ ея обладателей женской линіи дома Бурбоновъ, не имѣвшей, согласно салическаго закона, никакихъ на это правъ.

Лучи счастья и удачи довольно долго играли въ драгоценныхъ камняхъ этой короны, и этотъ блескъ озарялъ первые годы жизни принца Бурбонскаго.

Карлисты дѣйствовали успѣшно, полки ихъ брали одинъ за другимъ города и принцу рано пришлось познакомиться со свистомъ пуль на бранныхъ поляхъ; шести лѣтъ онъ былъ назначенъ шефомъ Астурійскаго полка и для воодушевленія былъ поставленъ отцомъ во главѣ его при взятіи города Сарагоссы.

И вдругъ слѣпая фортуна отвернулась отъ своихъ избранниковъ.

Карлисты начали терпѣть пораженія отъ правительственныхъ войскъ, ряды ихъ стали таять, какъ горный снѣгъ весною, и все изъ-за презрѣннаго металла, многихъ миллионовъ котораго все-таки оказалась мало для такого грандіознаго предпріятія. И вотъ волшебница-судьба взмахнула своимъ железомъ и картина быстро перемѣнилась.

Принцъ попалъ въ буржуазную обстановку коллегіи Вожираръ въ Парижѣ. Привыкши къ походной жизни, къ бранной свободѣ среди равнинъ и суровыхъ скалъ Испаніи, которую онъ съ младенчества привыкъ считать подвластнымъ ему королевствомъ, онъ вдругъ очутился въ четырехъ стѣнахъ, въ мѣщанской обстановкѣ средняго учебнаго заведенія, среди сверстниковъ—сыновей чиновниковъ и рантѣ средняго достатка. Новая среда не дала ничего уму и сердцу мальчика, и онъ томился и тосковалъ, ни умѣя ни понять, ни раздѣлить мелкихъ, будничныхъ интересовъ своихъ товарищей, которыхъ ему такъ неожиданно послала измѣнчивая судьба.

Тѣмъ не менѣе врожденный тактъ подсказалъ ему, что титулъ и мечты о коронѣ надо спрятать въ карманъ и отнюдь не дразнить ими толпы, и сдѣлался сразу добрымъ товарищемъ, котораго всѣ воспитанники скоро полюбили за рыцарскую откровенность, готовность всегда смѣло стать на защиту слабого и обиженнаго, постоять за правду и за неизмѣнно веселый, общительный нравъ.

Потомъ родители перевели его въ Англію въ одинъ изъ лучшихъ колледжей, гдѣ принцъ и закончилъ свое образованіе и тотчасъ же отправился путешествовать. Онъ побывалъ въ Азіи, Индіи и, наконецъ, попалъ на Филиппинскіе острова, живо напомнившіе ему далекую родину Испанію, вынужденное изгнаніе изъ которой было самымъ больнымъ мѣстомъ въ его сердцѣ.

Филиппины такъ подѣйствовали на мечтательную натуру принца, что онъ рѣшилъ вернуться въ Европу и инкогнито предпринять путешествіе по Испаніи, чтобы сознательно взглянуть на родныя горы, послушать пѣніе кабаллеро подъ акомпаниментъ гитаръ, посмотреть на сегедилью и хоту, на торреадоровъ, борющихся съ разъяренными быками, побывать на югѣ своего эх-королевства, гдѣ еще живетъ старая Испанія съ ея традиціонными костюмами и чарующей поэзіей, на которую еще ложатся свѣтотѣни инквизиціонныхъ костровъ и гдѣ какъ будто бы еще до сихъ поръ

Отъ Севильи до Гренади
Въ тихомъ сумракѣ ночей
Раздаются серенады.
Раздается звонъ мечей!

Поѣздки эти совершены были благополучно. Нечего и говорить, что принцъ каждую минуту рисковалъ своею головою, но тѣмъ не менѣе добился своего и превратилъ давно лелѣянную мечту въ дѣйствительность.

Тогда судьба снова дала новый курсъ его лодкѣ на волнахъ жизненнаго моря и водворила его согласно желанію отца въ австрійскую военную Neustadt academie.

Здѣсь принцъ сдѣлался исправнымъ фронтовикомъ, добросовѣстно зубрилъ военныя науки и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорилъ по-нѣмецки съ настоящимъ всеннымъ акцентомъ. Окончивъ хорошо полный курсъ, онъ выпущенъ былъ въ офицеры, но австрійская служба претила ему своимъ педантизмомъ и снова страсть къ путешествіямъ повлекла его на этотъ разъ уже въ Африку. Онъ побывалъ въ Египтѣ, Алжирѣ, Тунисѣ, Марокко, ночевалъ въ шатрахъ бедуиновъ, чуть не погибъ въ какой-то стычкѣ съ враждебнымъ племенемъ и, словомъ, постарался взять все, что могъ, отъ новой, неизвѣданной обстановки.

Когда же удовлетворены были душевные порывы познакомиться съ новыми странами и изучить различные народы и племена, принцъ рѣшилъ поступить на военную службу. Мать его, горячо любившая своего первенца, къ этому времени уже скончалась, отецъ женился на красавицѣ княгинѣ де Роганъ и ушелъ совсѣмъ въ новую семью.

Когда сынъ заявилъ ему о своемъ желаніи, онъ его одобрилъ и посоветовалъ поступить въ русскую армію, съ доблестными качествами которой онъ, какъ вѣрный рабъ Беллоны, являвшійся тотчасъ туда, гдѣ она звенѣла своимъ мечомъ, познакомился въ нашу послѣднюю турецкую войну. Въ первый разъ я видѣлъ принца на придворномъ балу, въ концертномъ залѣ. Только онъ и американскій посланникъ рѣзко выдѣлялись скромными черными фраками на блестящемъ фонѣ мундировъ и женскихъ туалетовъ.

Нѣсколько дней спустя, я познакомился съ нимъ у одного изъ полковыхъ товарищей и узналъ, что онъ опредѣленъ уже въ Лубенскій драгунскій полкъ корнетомъ. Мы стали уговаривать принца проситься черезъ годъ въ гвардію, къ намъ въ полкъ, описывая всѣ прелести варшавской и гусарской жизни. Онъ послѣдовалъ нашему совѣту и черезъ годъ надѣлъ венгерку.

Когда, разбуженный притѣсненіями европейцевъ, драконъ проснулся отъ своей многовѣковой спячки и надо было его усмирять, принцъ и я очутились въ Китаѣ.

Я командовалъ отдѣльными отрядами въ экспедиціяхъ, принцъ просился всегда подъ мою команду, и мы постоянно были неразлучны. вмѣстѣ мы попали и въ Нагасакскій нашъ морской госпиталь—принцъ больной тифомъ, я—раненый. Вмѣ-

стѣ брали уроки познанія страны кризантемъ, по выздоровленіи, у извѣстнаго Пьера Лоти. Поэтому неудивительно, что я очень обрадовался нашей встрѣчѣ въ Лаоянѣ, куда его привезъ великій князь Борисъ Владиміровичъ, вздвигшій провожать до Харбина возвращавшагося въ Россію, чудомъ спасагося при гибели „Петропавловска“, брата.

Во всѣхъ бояхъ китайской войны принцъ отличался рѣдкою храбростью и въ каждомъ дѣлѣ его можно было встрѣтить съ винтовкой въ рукѣ, въ цѣпи. Это чуть не стоило ему жизни, такъ какъ полъ-шага вправо подъ Бейтаномъ,—и онъ вмѣстѣ съ нашими стрѣлками былъ бы взорванъ фугасомъ; нѣсколько вершковъ спасли ему жизнь, и онъ отдѣлался только спаленнымъ кителемъ. Если къ этому прибавить, что Донъ Хайме исколесилъ всю Европу на автомобилѣ, что надъ нею же леталъ на воздушныхъ шарахъ, то нельзя не согласиться, что онъ не похожъ на тѣхъ многочисленныхъ иностранныхъ принцевъ, которыхъ выдѣлываютъ какъ бы однимъ штампомъ, почему и написанныя о немъ страницы были прочитаны, вѣроятно, безъ скуки.

Такъ какъ, само собою разумѣется, мы вмѣстѣ коротали время въ Лаоянѣ, то мнѣ пришлось близко узнать и иностранныхъ военныхъ агентовъ, часто навѣщавшихъ принца, особенно его соотечественниковъ, которые всѣ его очень полюбили, и бывать съ принцемъ у нихъ.

Предполагая, что читателямъ, вѣроятно, интересно будетъ узнать, кого Европа прислала своими секундантами при японо-русской дуэли, я ихъ съ ними теперь же познакомлю.

Англія прислала къ намъ трехъ офицеровъ: генерала Монтегю Жерара, полковника Вотерса и маіора Юма.

Первый своею нѣсколько чопорною корректностью и воинственной осанкой стараго солдата произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, второго я зналъ по Петербургу, какъ военнаго агента при британскомъ посольствѣ. Онъ неумоимо скакалъ на всѣхъ *concoure hurriques* и быстро акклиматизировался въ гостинныхъ петербургскаго high-life'a. Третій только что прибылъ изъ Индіи, гдѣ прослужилъ двѣнадцать лѣтъ, былъ молодъ для своего чина и симпатиченъ въ обращеніи своею простотою.

Наша союзница Франція также дала трехъ представителей: генерала Сильвестра, маіора Шеминона и капитана Буссе. Первый оказался большимъ знатокомъ артиллерійскаго дѣла, а маіоръ и капитанъ очень недурно владѣютъ русскимъ языкомъ и слѣдятъ за всѣми нашими газетами и военными журналами.

Испанія прислала трехъ представителей: командира гвардейскаго полка имени короля Альфонса XIII, полковника маркиза Мендигоррія, капитана Де-ля-Серда и поручика Жевенца.

Изъ нихъ маркизъ былъ наиболѣе всѣмъ по душѣ и быстро завоевалъ общія симпатіи.

Изъ Германіи пріѣхали подполковникъ Лауэншейнъ и майоръ фонъ Теттау, оба генеральнаго штаба.

Перваго я зналъ давно по Петербургу въ бытность его прусскимъ военнымъ агентомъ и встрѣчался у общихъ знакомыхъ. Онъ давно уже отлично изучилъ русскій языкъ и понималъ всѣ его столь трудныя для иностранцевъ тонкости. Нашу армію онъ также хорошо зналъ и, какъ большинство германскихъ офицеровъ, по духу всѣмъ намъ былъ близокъ. Его товарищъ бывалъ въ Россіи, изучалъ войска и языкъ и являлся представителемъ нѣмецкаго военно-литературнаго міра, посвятивъ нѣсколько своихъ фундаментальныхъ трудовъ нашей арміи.

Италія прислала намъ только одного агента на сухопутный театръ и то моряка, лейтенанта Камперіо, который благодаря простотѣ и живости характера быстро сошелся со многими изъ нашихъ офицеровъ.

Изъ Австріи явились подполковникъ де-Батанъ и капитанъ графъ Шептицкій, оба хорошо владѣющіе русскимъ языкомъ.

Изъ Швейцаріи пріѣхали полковникъ Одеу и капитанъ Барде; послѣдній до поступленія на службу долго жилъ въ Варшавѣ, куда переселились его родители.

Америка прислала двухъ капитановъ Джедсона и Макъ Кюлли.

Болгарія—подполковника генеральнаго штаба Пападонова.

Швеція—капитана Эдлунда.

Норвегія—капитана Ньюквиста.

Чили—подполковника Шенмейера, и Румынія подполковника... фамилію забылъ, очень мудреная, но, конечно, на „ско“.

Почти всѣ агенты сразу стали въ отличныя отношенія съ нашими офицерами и между тѣми и другими скоро установился товарищескій тонъ. Бытность же многихъ изъ нихъ вмѣстѣ подъ огнемъ еще болѣе сроднила ихъ съ нами, такъ какъ извѣстно, что нигдѣ люди такъ быстро не сходятся, какъ подъ пулями. Сначала по пріѣздѣ въ Лаоянъ иностранцы размѣщались въ вагонахъ, пока имъ не меблировали большого двухъ этажнаго дома близъ желѣзнодорожнаго вокзала, гдѣ

каждому была отведена отдѣльная комната и предоставленъ возможный въ военной обстановкѣ комфортъ. Столовая для нихъ была устроена въ салонъ-вагонъ на запасномъ пути, въ двухъ шагахъ отъ дома, и столъ могъ удовлетворить требованіямъ самыхъ прихотливыхъ гастрономовъ.

Нечего, кажется, и прибавлять, что всѣ иностранные военные агенты на все время войны считаются гостями нашего правительства.

При нихъ назначенъ былъ состоять одинъ изъ блестящихъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба, капитанъ графъ Игнатьевъ, которому выпало не мало хлопотъ и трудовъ, какъ по завѣдыванію хозяйствомъ, такъ и по предоставленію нашимъ гостямъ всѣхъ удобствъ, возможныхъ на войнѣ развлеченій и удовлетворенія желаній того или другого попасть на время военныхъ дѣйствій въ тотъ или другой отрядъ.

Въ помощь къ нему были назначены штабсъ-ротмистръ Приморскаго драгунскаго полка Третьяковъ, перешедшій на время военныхъ дѣйствій изъ гродненскихъ гусаровъ, и гвардіи корнетъ Базилевичъ, раненый въ дѣлѣ при Чончжу, о которомъ уже упоминалось много ранѣе. Оба эти офицера соперничали съ графомъ Игнатьевымъ въ чарующей любезности и не щадили усилій, дабы быть во всемъ пріятными и полезными нашимъ дорогимъ гостямъ.

Передъ домомъ раскидывается большой дворъ, на которомъ стоятъ тесовыя баракъ для лошадей иностранцевъ, рядъ двуколокъ для ихъ вещей и нѣсколько палатокъ, въ которыхъ помѣщаются слуги и вѣстовые. Тамъ можно было наблюдать оригинальныя коллизіи: такъ, толстый испанецъ—вѣстовой маркиза Мендигорріа, черный мулатъ—слуга американскаго агента часто дружелюбно бесѣдовали съ нашимъ забайкальцемъ и гродненскимъ гусаромъ, вѣстовымъ Третьякова. Какъ они понимали другъ друга, не знаю, но, судя по фізіономіямъ, были очень довольны другъ другомъ.

Вторая половина двора предназначалась для выѣздки верховыхъ мѣстной породы лошадей, купленныхъ у китайцевъ. Выѣзжали ихъ большею частью сами владѣльцы очень усердно и при этихъ упражненіяхъ, вслѣдствіе дикости коней, происходило не мало комичныхъ сценъ. Въ стихотвореніи, написанномъ мною по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ иностранныхъ пріятелей на все ихъ житье-бытье въ Лаоянѣ, вышеупомянутой дрессировкѣ также было удѣлено вниманіе въ слѣдующихъ строкахъ:

Воспѣть ли мнѣ «menagerie»¹⁾,
 Гдѣ отъ зари и до зари
 Рядъ офицеровъ разныхъ ранговъ
 Въ заборы стучаясь, въ пыли,
 Все дрессируютъ тѣхъ мустанговъ,
 Что имъ манчжуры привели!

Когда начались бои на восточномъ и южномъ фронтахъ нашей арміи, большинство военныхъ агентовъ разѣхались по разнымъ отрядамъ, а одинъ изъ американцевъ пробрался въ Портъ-Артуръ въ тотъ самый день, когда онъ былъ отрѣзанъ японцами отъ сообщенія съ нами.

При этомъ агентъ дяди Сама чуть не явился *casus omni bellii* между своими.

Дѣло въ томъ, что изъ Артура шель послѣдній нашъ поѣздъ и около Вандзялина остановился передъ мостомъ, разрушеннымъ японцами, который тотчасъ начали пытаться исправить наши солдаты желѣзнодорожнаго батальона. Приморскіе драгуны, занимавшіе вышеупомянутую станцію, выслали два эскадрона, спѣшившіеся въ цѣпь, дабы убѣдиться, кто у моста. Впереди ихъ торжественно выступалъ американецъ. Одѣтъ онъ былъ въ хаки и кепи, почему съ той стороны подумали, что наступаютъ японцы, и уже зарядили ружья, чтобы открыть огонь, когда кто-то въ бинокль рассмотрѣлъ, что это наши драгунѣ.

Виновника переполоха усадили въ поѣздъ, который за невозможностью скоро исправить мостъ, вернулся въ Портъ-Артуръ и настойчивый янки такимъ образомъ достигъ своей цѣли.

Большинство иностранныхъ агентовъ участвовали въ жаркихъ бояхъ, отлично держали себя подъ огнемъ и дѣлили побратски съ нашими войсками всѣ тягости и лишения войны.

Всѣ также корректно и любезно относились къ намъ. Насколько у кого изъ нихъ это было искренно, рѣшать я не берусь, но имѣю основаніе думать, что многіе изъ нихъ больше стояли за Россію, нежели за Японію.

XXII.

Какъ-то утромъ мнѣ доложили, что меня хочетъ видѣть какой-то вольноопредѣляющійся; я приказалъ его просить. Въ комнату вошелъ симпатичной наружности блондинъ въ формѣ унтеръ-офицера пограничной стражи и отрапортовалъ:

1) Такъ иностранцы называли свой манежъ.

— Имѣю честь явиться: вольноопредѣляющійся Бабинскій. Присланъ къ вашему в—дѣю господиномъ ротмистромъ Костомаровымъ для доклада о моемъ освобожденіи изъ японскаго плѣна.

Я пригласилъ его съѣсть и спросилъ:

— Долго вы пробыли въ плѣну?

— Съ семи часовъ утра шестого іюня до вечера того же дня.

→ Короткій плѣвъ! И много интереснаго вы мнѣ можете сообщить?

— Такъ точно. Обстановка моего плѣненія была настолько исключительна, что ротмистръ Костомаровъ заинтересовался ею и приказалъ идти къ вамъ и доложить все подробно.

— Прекрасно, рассказывайте, до мелкихъ деталей включительно. Все, касающееся японской арміи, равно и нашихъ дѣйствій, интересно. Ничего не пропускайте. Не торопитесь. Хорошо ли вы все помните?

— Помилуйте, умирать буду, не забуду, совсѣмъ жизнь на волоскѣ висѣла,—живо возразилъ мнѣ Бабинскій и началъ свой рассказъ.

— Послѣ нѣсколькихъ моихъ докладныхъ записокъ о переводѣ въ дѣйствующую армію, мнѣ удалось исходатайствовать себѣ разрѣшеніе начальника 8-го линейнаго отряда пограничной стражи пробраться въ Портъ-Артуръ сквозь неприятельскіе ряды. 1 іюня я выѣхалъ изъ Харбина и добрался до Лаояна около 11 часовъ ночи 3 числа, такъ какъ пассажирскіе поѣзда, съ которыми я ѣхалъ, движутся очень медленно, отдавая предпочтеніе воинскимъ. Добравъ до ст. Кайджоу, я 5 числа въ 10 час. утра отправился пѣшкомъ на ст. Вандзялинъ, занятую уже японцами. По дорогѣ ко мнѣ присоединился кондукторъ Вафандзянскихъ бригадъ Андрюхинъ, и мы отправились черезъ сопки, подходя къ желѣзной дорогѣ не ближе 2—3 верстѣ. По проселочнымъ китайскимъ дорогамъ намъ попадалось много японскихъ развѣздовъ, которые насъ не могли видѣть, такъ какъ мы шли исключительно ущельями, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ проползая небольшія равнины.

Часовъ около 6 вечера мнѣ сильно захотѣлось ѣсть, но, къ сожалѣнію у насъ ничего съ собой не было, кромѣ одной бутылки водки, которой мы не рассчитывали достать нигдѣ, и волей-неволей пришлось зайти въ китайскую деревню. Узнавъ за 2 года маньчжурской жизни подкупность китайцевъ, я не особенно хотѣлъ заходить въ деревню, боясь измѣны, но убѣжденія спутника и голодъ заставили меня пойти на удачу. Когда мы вошли въ деревню, насъ сначала приняли очень радушно, думая, что мы японцы, и предлагали даже свои

услуги проводить къ японскому отряду. Изъ разговоръ съ ними я вывелъ заключеніе, что японцы ихъ до того напугали, что они даже со страхомъ и какимъ-то благоговѣніемъ произносятъ слово „ипень“. Дѣлать было нечего намъ пришлось уйти изъ деревни по добру по здорову, такъ какъ скоро ожидалось прибытіе японскаго развѣзда. Мы рѣшили, не теряя времени воспользоваться темнотой наступающей ночи, чтобы пробраться черезъ районъ расположенія главныхъ японскихъ силъ, т. е. намъ надо было пройти 60 верстъ черезъ Вафангоу и Вафандянь, поэтому мы отправились, не отдыхая. Намъ, какъ видно, везло: только что мы выбрались изъ деревни, какъ туда подѣхало 10 японцевъ, но насъ, само собой разумѣется, и слѣдъ простылъ въ сопкахъ и ущельяхъ. Къ рассвѣту мы пробрались за Вафангоу, гдѣ я рѣшилъ отдохнуть въ ущельѣ, такъ какъ дальше слѣдовать былъ не въ состояніи; кромѣ того днемъ можно было очень легко попасть въ руки къ непріятелю. Тутъ же на сопкѣ мнѣ попался знакомый китаецъ изъ Вафандяна, который въ прошломъ году служилъ у кондукторовъ въ Ляоянѣ переводчикомъ и маклеромъ по перевозкѣ зайцевъ (безбилетныхъ пассажировъ). Увидѣвъ меня, китаецъ бросился ко мнѣ чуть не съ поцѣлуями, говоря „хао капитанъ, шима канходи, ниды моуза старшинъ юлай“ (здравствуй господинъ, что подѣлываешь, ты старшій надъ солдатами?). Тутъ мы уже рѣшили, что намъ везетъ окончательно, такъ какъ надежныѣ проводника я не рассчитывалъ нигдѣ найти, и я, спросивъ его: „хай-пай мей?“ (не измѣнишь?), сказалъ, что иду въ Артуръ, и просилъ проводить, на что онъ сразу согласился за 40 рублей, такъ какъ со знакомаго много брать нельзя, и сказалъ, что надо только перодѣться въ китайское платье и прицѣпить косы, а кондуктору побриться. Взявъ у меня 20 рублей на пріобрѣтеніе двухъ костюмовъ, онъ отправился въ деревню, говоря, что придетъ черезъ $\frac{1}{2}$ часа со всѣми принадлежностями и принесетъ чего-нибудь поѣсть. Спустя около часу явился нашъ переводчикъ, но—увы!—въ сопровожденіи 5 японскихъ драгунъ. Хорошо, что я во-время успѣлъ порвать удостовѣреніе о томъ, что командированъ въ Портъ-Артуръ, оставивъ лишь одинъ аттестатъ на довольствіе.

Сопротивляться было нечего, такъ какъ оружія у насъ не было съ собой никакого, и насъ японцы стали обыскивать, а переводчикъ лишь улыбался и говорилъ, указывая на меня: „чею татаде капитанъ“ (это большой господинъ). Найдя аттестатъ съ приложеніемъ казенной печати, они ужасно обрадовались, думая, что это очень важная бумага, и можетъ

быть, насъ потому и не прикололи тутъ же, и отобравъ всѣмѣющіяся у насъ деньги у меня 30 рублей, у кондуктора 35, и захвативъ у насъ двѣ смѣны бѣлья, связали руки назадъ и забрали съ собой. Очевидно, это былъ развѣздъ изъ Вафандяна и ѣхалъ въ Вандулинь, такъ какъ насъ повели обратно.

Дойдя до казармы перваго поста пограничной стражи, японцы остановились. Связали намъ ноги и притянули къ рукамъ, такъ что не было никакой возможности почти даже повернуться и, положивъ насъ въ одной комнатѣ, ушли въ другую закусывать, оставивъ насъ однихъ. Господи! чего только я не передумалъ за это время! Кромѣ того, спутникъ винилъ меня, и я уже молилъ Бога, чтобы насъ скорѣе убили, но видно было суждено иначе. Японцы, по всей вѣроятности, отъ радости цѣлый день выпивали. Какъ мнѣ казалось, провозглашали даже тосты и кричали что-то въ родѣ „ура“.

Къ намъ японцы заходили нѣсколько разъ по одиночкѣ, но ничего намъ не дѣлали, а только, злобно улыбаясь, уходили назадъ. Во время выпивки слышалось очень часто слово русскій. Я думалъ, что они придумываютъ намъ способъ казни, и совсѣмъ уже приготовился къ смерти. Часовъ около 9—10, четыре человекъ уѣхало, оставивъ караулить насъ только одного, какъ видно, крѣпко выпившаго. Осмотрѣвъ, не развязались ли мы, часовой сталъ у открытой двери, опершись на ружье, сталъ дремать стоя, а вскорѣ и захрапѣлъ. Я лежалъ спиной, какъ разъ противъ головы кондуктора, и поэтому предложилъ ему попробовать зубами, не удастся ли развязать или хоть немного ослабить узелъ веревки, связывавшей мои руки. Онъ долго не соглашался, шепча: „ай що вы, приколютъ!“ Предпочитая смерть плѣну, я сказалъ ему вслухъ, что если онъ не попробуетъ, то я начну кричать и скажу японцу, что онъ хочетъ убѣжать, и его все равно убьютъ. Увидѣвъ, что часовой не услышалъ даже громкаго разговора, онъ началъ зубами развязывать узелъ. Послѣ долгихъ усилій это ему удалось, и я, немного дернувъ правую руку, освободилъ ее, и тогда пошло у меня все какъ съ платка. Только пролежавъ около 15 часовъ связаннымъ, я чувствовалъ себя немного усталымъ. Сначала я хотѣлъ развязать кондуктора, но послѣ рѣшилъ, что это я еще успѣю, а сталъ придумывать какъ бы прикончить часового.

Казалось бы, очень легко вырвать изъ рукъ винтовку и заколоть, но я боялся, чтобы онъ не вскрикнулъ. Освободившись одинъ разъ, я не хотѣлъ пропадать вторично. Въ это время я вспомнилъ про связывавшую меня веревку, кото-

рая оказалась отъ нашей походной палатки. Устроивъ петлю, я подползъ къ нему подъ стѣнкой и, набросивъ ему на голову, дернулъ такъ сильно, что онъ сразу захрипѣлъ; затѣмъ, обмотавъ ему еще разъ веревкой шею, я свалилъ его на полъ лицомъ къ землѣ и, держа въ зубахъ веревку, чтобы не ослабилась, руками взялъ его на руки и повернулъ назадъ, затѣмъ привязалъ веревку къ рукамъ, подтянулъ ихъ почти до самой шеи и привязалъ.

Тогда, вдохнувъ свободнѣе, я перекрестился и началъ развязывать кондуктора. Освободивъ его, я уже больше о японцѣ не заботился, началъ шарить въ другой комнатѣ, думая что-нибудь поѣсть, но ничего, кромѣ трехъ пустыхъ бутылокъ изъ подъ смирновки, не нашелъ, такъ что приходилось уходить на тощакъ. Ночь была лунная: видно было почти какъ днемъ; не успѣли мы отойти и 20 шаговъ, какъ слышу, со стороны Вафандяна ѣдетъ разѣздъ и почти подѣзжаетъ къ намъ. Дѣлать было нечего: мы бросились подъ правую сторону насыпи, они же ѣхали по лѣвой. Когда разѣздъ приблизился къ намъ, тогда мнѣ сразу показалось, что это ѣдутъ приморскіе драгуны, такъ какъ одѣты они были совершенно, какъ наши. Желтая суконная рубашка, синіе рейтузы, сапоги, шпоры; вооруженіе такое же, какъ у насъ. Отличіе отъ нашихъ только то было, что вмѣсто погонъ у нихъ жгуты, какъ у городовыхъ; званіе отъ званія отличается количествомъ гаекъ на жгутахъ. Я совсѣмъ было привсталъ и хотѣлъ уже вскрикнуть: „стой, братцы, возьмите насъ съ собой!“ но въ это время луна вышла изъ-за тучи, и я увидѣлъ красное покрывало подъ сѣдломъ. Сообразивъ моментально, что этого у насъ въ арміи нигдѣ нѣтъ, такъ какъ потники покрыты кожей, я легъ обратно подъ насыпь. Какъ они меня не замѣтили, не знаю, такъ какъ ѣхавшій возлѣ насыпи японецъ смотрѣлъ прямо на меня, навѣрно, онъ или задумался, или былъ пьянъ. Видя, что слѣдовать по пути немислимо, мы повернули обратно въ сопки. Я сначала хотѣлъ продолжать путь въ Артуръ, но не имѣя ни копѣйки денегъ, такъ какъ японцы отобрали у насъ всѣ, и подумавъ, что все равно я въ Артуръ ничего не несу, въ смыслѣ важныхъ донесеній, я рѣшилъ возвратиться обратно.

Видно, Богу было угодно спасти насъ, такъ какъ моментально надвинулись тучи и пошелъ проливной дождь. Проходя по равнинѣ длиною около 15 верстъ, по пахоти, и повстрѣчавъ до 18 разѣздовъ, мы моментально ложились въ лужи, и сѣрыхъ рубахъ за темнотою ночи и проливнымъ дождемъ

нельзя было замѣтить даже на близкомъ разстояніи, оставалось только бояться, чтобы на насъ не наѣхали.

Привыкшій съ дѣтства ходить по пахоти, кондукторъ прямо бѣжалъ, я же усталъ до того, что положительно не могъ двинуться.

Сбросивъ сапоги, я облегчилъ себя немного и могъ съ трудомъ поспѣвать за нимъ.

Наконецъ, добрались до сопокъ; тутъ, передохнувъ минутъ десять, мы пошли дальше и шли горами до самаго разсвѣта.

Утромъ, выйдя на сопку, я увидѣлъ подъ горой японскій отрядъ, состоящій приблизительно изъ полка драгунъ, баталіоновъ двухъ пѣхоты и 16 орудій, а съ противоположной стороны видѣлась сеньюченская сопка съ башней; до нея оставалось верстъ восемь.

Не зная, кѣмъ занять Сеньюченъ, и боясь быть вторично забранными почти дома, мы, мокрые, три дня ничего не ѣвшіе, шли по ущелью между двумя скалами, рѣшивъ, когда сильно утомимся, пролежать до ночи гдѣ - нибудь подъ скалой, а затѣмъ продолжать путешествіе. Дождь пересталъ, но на смѣну ему поднялся сильный, холодный вѣтеръ. Мы продрогли до того, что не могли ничего ни говорить, ни соображать; когда же взошло солнышко и осушило насъ немножко, то я сталъ думать, какимъ образомъ мы прошли за ночь до 60 верстъ? Оказалось, что 60 верстъ считается по желѣзной дорогѣ, которая дѣлаетъ массу закругленій. Мы же шли прямо и прошли навѣрно не болѣе 35—40 верстъ.

Часовъ около 9 утра я услышалъ недалеко отъ насъ топотъ. „Ну, говорить кондукторъ, пропали!“ Въ виду того, что это было со стороны Сеньючена, я рѣшилъ выглянуть изъ-за горки и увидѣлъ разѣздъ, но думая, что это японцы, изъ ущелья не вышелъ. Около 3 часовъ мы услышали издали слова: „1-й взводъ поѣзжай на сопку, а второй по той дорогѣ!“ тогда, выскочивъ, мы увидѣли приморскихъ драгунъ, которые подъ командой 3 офицеровъ развѣдывали мѣстность; замѣтивъ за горой отрядъ, они стали отступать. Корнетъ 2-го эскадрона приморцевъ былъ такъ любезенъ, что приказалъ насъ взять съ собой на крупы и довести до поста летучей почты. Разспрашивать насъ, кто мы такіе и откуда, ему, какъ видно, было некогда. Доѣхавъ до поста летучей почты, мы прежде всего попросили чего-нибудь поѣсть, но у бѣднѣхъ драгунъ у самихъ не было ничего, кромѣ двухъ китайскихъ лепешекъ, которыя они намъ отдали. Никогда я не думалъ, что можно съ такой жадностью ѣсть эти противныя ле-

пешки. Разказавъ драгунамъ про себя, мы спросили, гдѣ отрядъ, и отправились туда. Оставалось 5 верстъ; подкрѣпившись немного, я рассчитывалъ, что дойду очень легко, но не тутъ-то было, сапоги совсѣмъ порвались, такъ что въ нихъ набилась масса песку, идти было почти невозможно, но мы кое-какъ добрались до казаковъ изъ коннаго отряда генерала Самсонова. Добрые забайкальцы окружили насъ со всѣхъ сторонъ, засыпали вопросами, тотъ предлагаетъ курить, тотъ воды, тотъ даетъ попону прилечь. Достали консервовъ, моментально сварили супъ, который мнѣ показался такимъ вкуснымъ, какого я еще никогда въ жизни не пробовалъ, но, къ сожалѣнію, я не знаю—почему, ѣсть не могъ. Конечно, отъ переутомленія. Несмотря на жару, я чувствовалъ сильный ознобъ и хотѣлъ лечь отдохнуть, но въ это время пришелъ войсковой старшина и, разспросивъ насъ, сказалъ, что мы должны непременно явиться начальнику отряда. Это было уже около 10 часовъ вечера.

Когда мы пришли, генераль Самсоновъ что-то писалъ. Добрый генераль, увидѣвъ насъ, отнесся къ намъ чисто по-отечески.

Многаго сказать о расположеніи японскихъ войскъ я не могъ, такъ какъ то, что я видѣлъ, они уже знали. Приказавъ дать намъ ужинать, генераль уложилъ насъ спать у себя дома, самъ сейчасъ же пошелъ распорядиться приготовить намъ заводныхъ лошадей и, только когда уже все было готово, т. е. лошади были осѣдланы и приведены къ дому, самъ разбудилъ меня словами: „Вставайте, отступаетъ батарея въ Кайджоу и вы поѣдете съ ней“. Затѣмъ, спросивъ мою фамилію и какой части, онъ пожелалъ намъ всего лучшаго. Мы присоединились ко 2-му эскадрону Приморскаго полка, назначенному для прикрытія отступающей батареи и пріѣхали на станцію Кайджоу, откуда поѣздомъ прибыли въ Лаоянъ.

Я отъ души поблагодарилъ Бабинскаго за интересную эпопею, въ которой онъ выказалъ много храбрости и недюжинной энергіи, и, простившись, пожелалъ ему справедливо заслуженный завѣтный крестъ на черно-желтой ленточкѣ.

Ю. Елецъ.

(Продолженіе будетъ).

Голосъ православнаго іерарха.

Этотъ голосъ православнаго іерарха раздался въ Пекинѣ, помѣщенъ въ „Извѣстіяхъ братства православной церкви въ Китаѣ“ (1904 г. № 5) и принадлежитъ первому епископу въ Китаѣ, глабокоуважаемому епископу Переяславскому Иннокентію.

Рѣчь епископа Иннокентія, основанная на глубокой христіанской правдѣ,—результатъ чистаго, святаго вѣрованія, слово призваннаго человѣка, въ то же время рисуесть правдивую картину безнравственности, безпринципности и антирелигиозности, установившихся на нашемъ Дальнемъ Востокаѣ, но всѣмъ русскимъ необходимо же узнать истину изъ чистыхъ устъ архипастыря. На Дальнемъ Востокаѣ пожаръ! Все въ огнѣ. Что же мы дѣлаемъ во время такого бѣдствія?..

Епископъ Иннокентій высказывается, какъ полемистъ, отвѣчая на грубую выходку въ „Руси“ Амфитеатрова. Амфитеатровъ, Розановъ (въ статьяхъ своихъ, касающихся вопросовъ нравственности и православія)—это продукты отрицательной стороны нашего времени, для которыхъ плоть выше духа, безнравственность выше вѣрованія, совѣсть—лишняя обуза; идеаль—анархія въ области нравственныхъ идей. Но дадимъ лучше говорить епископу Иннокентію.

По поводу моего окружнаго посланія отъ 28 февраля с. г., въ которомъ я призывалъ православныхъ христіанъ Манчжуріи къ покаянію и молитвѣ, въ виду особыхъ событій на Дальнемъ Востокаѣ, появилась въ газетѣ „Русь“ отъ 17 апрѣля въ № 124 статья А. В. Амф—ова подъ именемъ „Листики“.

Я не считалъ бы нужнымъ писать отвѣдъ автору статьи, особенно въ виду его непонятнаго раздраженія, переходящаго предѣлы приличія, но я не могу умолчать, такъ какъ получаю изъ различныхъ мѣстъ вырѣзки этой газеты и, между прочимъ, письмо слѣдующаго содержания:

„Выражая вамъ свое сочувствіе и негодуя на напрасныя нареканія со стороны Амф—ова, считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ о появленіи замѣтки въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ („Руси“? Ред.), которая произвела нежелательную сенсацію въ Харбинѣ.

„Покорѣйше прошу васъ, не найдете ли возможнымъ посвятить меня, чѣмъ вызвано было ваше посланіе и какое ваше резюме относительно прилагаемой замѣтки.

„Прошу принять“—и пр. Подпись отсутствуетъ.

Видимо, статья Амф—ова производитъ замѣтное вліяніе на умы и настроеніе публики, а поэтому нахожу нужнымъ сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу этой статьи, а также выяснитъ тѣ мотивы и поводы, которыми было вызвано мое окружное посланіе.

Авторъ берется разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ имѣетъ весьма смутное представленіе, и совершенно некстати пользуется непонятной для обыкновеннаго круга читателей терминологіей (напр. „автокефалія“ и др.), въ которой онъ самъ себѣ не даетъ правильного отчета. Онъ забываетъ, что власть, Самимъ Господомъ данную епископамъ, „вязать и рѣшить“ никакіе соборы и никакая мірская сила не могутъ отнять или ограничить, и что прямой долгъ всякаго пастыря церкви—„благовременно и безвременно обличать, запрещать, увѣщевать“ (2 Тим. IV, 2).

„Если на Дальнемъ Востока—впрямь комната умирающаго, то, конечно, становятся дикими, ужасными, безобразными и эти театры, и эти кафе, и эта музыка на бульварахъ, успокоительно возвѣщаемая корреспонденціями“ (слова Амф—ова). Но, пиша такъ, неужели авторъ „Листковъ“ не зналъ о нашихъ, цорть-артурскихъ событіяхъ, гибели нашихъ судовъ у береговъ Кореи, несчастныхъ случаяхъ съ нашими крейсерами у береговъ Дальняго, а въ особенности гибели главы флота? Неужели это столь незначительныя потери для Россіи въ людяхъ и въ боевыхъ корабляхъ, что она, въ такія тяжелыя испытанія своей могущественности, можетъ по прежнему пить и веселиться? Неужели убійственные орудійные выстрѣлы должны сливаться въ районѣ войны съ пьянствомъ и весельемъ?

Мое окружное посланіе было вызвано весьма грустными явленіями въ общественной жизни Манчжуріи, которыми объясняются многія жертвы, понесенныя Россіей на Дальнемъ Востока. Живя въ гор. Дальнемъ, я удивлялся и скорбѣлъ душой о той безпечности и непробудномъ разгулѣ, который царилъ тамъ наканунѣ самыхъ военныхъ событій. Казалось, для русскаго жителя далекой окраины нѣтъ ничего страшнаго, и онъ можетъ безъ трепета встрѣтить своего наступающаго врага. Но первые роковые удары изъ смертоносныхъ орудій повергли всѣхъ въ неописуемый ужасъ: всѣ потеряли голову, все побѣжало... Тяжелая катастрофа на ст. Манчжурія можетъ служить лучшей иллюстраціей къ сказанному.

Чтобы ободритъ и подкрѣпить упавшій духъ жителей въ гор. Дальнемъ, я неоднократно призывалъ ихъ къ молитвѣ и покаянію. Но мало кто внималъ моему голосу; лишь только смолкали страш-

ные раскаты орудій, народъ не шелъ въ церковь, а наполнялъ непотребныя мѣста. Я помню удручающую картину, когда были изъяты изъ воды тѣла погибшихъ моряковъ на „Енисей“, неоплаканныя и полунагія, лежавшія въ кучахъ на китайскихъ арбахъ, на подобіе дровъ, и въ то же время красовались на улицахъ афиши, приглашавшія публику на танцевальныя вечера...

По настойчивому желанію мѣстной и военной власти, на 1 седмицѣ Великаго поста я выѣхалъ въ Харбинъ. Здѣсь меня окончательно поразила картина нравственнаго упадка мѣстнаго русскаго населенія. Уличная непролазная грязь вполне гармонировала съ полной нравственной распущенностью города. Нельзя было показаться на улицу, чтобы не встрѣтиться съ пьянымъ обывателемъ и не услышать уличной брани. По пастырскому долгу я увѣщевалъ православныхъ христіанъ образумиться и указывалъ на то, что время поста совпало съ тяжелыми военными событіями, и что теперь особенно благовременно принести Господу покаяніе и усугубить свои моленія о защитникахъ нашихъ на полѣ брани—русскихъ православныхъ воинахъ.

Но какъ не только мое религіозно-нравственное чувство, но и чувство лучшаго круга людей было оскорблено тѣми широкоформатными афишами, которыя были расклеены предъ лицомъ главнаго православнаго храма, приглашавшими публику провести время въ театрѣ *наканунъ* крестопоклоннаго воскресенья,—я вынужденъ былъ со слезами на глазахъ просить начальника харбинскаго гарнизона пощадить благочестивое чувство православнаго христіанина въ такой великій день и въ такой серьезный моментъ государственной жизни. Въ тотъ же вечеръ мною было опубликовано мое первое окружное посланіе ко всемъ православнымъ христіанамъ Манчжуріи и Китая. При этомъ я считаю нужнымъ указать, что въ эту же ночь, когда было отмѣнено назначенное представленіе, пожаръ истребилъ самый театръ вмѣстѣ съ кафе-шантаномъ.

Многіе увидѣли въ этомъ дѣйствительный Промыслъ Божій, и едва ли можно допустить здѣсь какое-либо случайное совпаденіе, такъ какъ пожаръ былъ всю ночь и не коснулся сосѣднихъ зданій...

Нѣтъ сомнѣнія, что событія послѣдняго времени на Дальнемъ Востокѣ были вызваны неустройствомъ русской жизни на нашихъ далекихъ окраинахъ. Ни отъ кого нельзя сокрыть, что событія застали насъ врасплохъ и принудили принести великія жертвы, благодаря нашему всеобщему разьединенію, объясняемая всеми разнообразно и съ натяжкой. Едва ли также кто будетъ оспаривать, что только благодаря нашей обычной безопасности и самонадѣянности

мы потеряли лучшую часть своего флота и едва не пережили вторично севастопольскихъ событій.

Цѣлыя полчища публичныхъ японскихъ женщинъ, которыхъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью выпроваживали изъ новыхъ русскихъ колоній, краснорѣчивѣ всего свидѣлствуютъ о здѣшнихъ нравахъ; такой грубый развратъ не могъ не вызвать въ туземныхъ жителяхъ отвращенія къ русскому человѣку, стремящемуся просвѣщать инородцевъ... Не вдаваясь въ перечисленіе всѣхъ ненормальныхъ явленій мѣстной общественной жизни, о которыхъ прекрасно высказался хорошо знакомый съ Дальнимъ Востокомъ г. Кравченко, достаточно сослаться на мѣстныя иностранныя газеты, уподобляющія наши новые русскіе города съ Содомомъ и Гоморрой. Переѣзжая изъ новыхъ русскихъ городовъ въ иностранныя китайскіе, какъ въ подтвержденіе сказаннаго, невольно приходится убѣдиться въ нравственномъ перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми...

Я не сомнѣваюсь, что Россія изъ этой войны выйдетъ побѣдительницей, но считать непотребныя заведенія необходимой принадлежностью для „нуждъ проходящей арміи“, чтобы поддержать бодрое настроеніе въ „жизнеспособномъ“ борцѣ, о чемъ такъ некрасиво упоминаетъ авторъ „Листковъ“, это значитъ проповѣдывать полное невѣріе и развратъ. Никто, конечно, не удивляется, что за арміей слѣдуютъ нечистоплотные паразиты, съ жадностью набрасывающіеся на упитанную добычу, ибо гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы, но приписывать, что развратъ, пьянство и несвоевременныя и неприличныя развлеченія поддерживаютъ бодрый духъ и настроеніе въ дѣйствующей арміи, для этого нужно окончательно отрѣшиться отъ здраваго разсудка и нравственныхъ принциповъ. Мнѣ кажется, что сами кафе-шантанныя пѣвицы совершенно искренно будутъ смѣяться надъ тѣмъ, кто имъ будетъ навязывать нежелательную миссію—заботиться объ улучшеніи нравовъ русскаго воинства и о поддержаніи въ немъ бодрого настроенія...

Упадокъ духа среди русскаго мѣстнаго населенія при полученіи извѣстій о нашихъ военныхъ несчастіяхъ единственно объясняется слабоволіемъ и неподготовленностью, какъ плодами распущенной жизни, губящей духовную бодрость человѣка. Въ послѣднее время нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться на станціяхъ Китайской Восточной жел. дор. съ больными воинами и безошибочно можно сказать, что 8/10 всѣхъ больныхъ были поражены секретными болѣзнями, и это въ то время, когда въ Манчжуріи число воиновъ было вѣстно наперечетъ, и каждый воинъ былъ неоцѣнимо дорогъ для нашего русскаго дѣла. Параллельно съ этимъ, недавно мнѣ пришлось прочесть замѣтку въ одной изъ китайскихъ газетъ, указывающую на ненормальное явленіе среди вообще военной жизни;

здѣсь авторъ высказываетъ свое крайнее удивленіе по поводу полученныхъ извѣстій о томъ, что въ японскомъ лагерѣ очень многіе гибнутъ отъ венерическихъ болѣзней, и съ удивленіемъ замѣчаетъ: неужели человѣкъ можетъ дойти до такого скотскаго состоянія, чтобы предаваться ужаснымъ порокамъ на полѣ брани!? И это проповѣдуетъ языческій писатель...

Наблюдая картины изъ мѣстной военной жизни и слыша весьма часто изъ устъ офицеровъ толстовскую мораль касательно войны, невольно приходится удивляться, какъ можетъ армія при такихъ условіяхъ справиться со своими великими задачами?.. Носить военный мундиръ и быть поклонникомъ толстовскаго ученія—это похоже на то, какъ если бы человѣкъ, оснастивши корабль и выйдя въ открытое море, отказался бы отъ цѣлесообразности своего плаванія...

Русскій солдатъ до тѣхъ поръ силенъ и мощенъ, пока въ немъ крѣпка православная русская вѣра. Но, Боже упаси, если этотъ славный русскій воинъ потеряетъ вѣру, тогда въ его рукахъ штыкъ будетъ лишь игрушкой, и онъ безпорядочной толпой, подобно китайской арміи, побѣжитъ назадъ при первомъ неприятельскомъ натискѣ...

При крайнемъ упадкѣ нравственности, никакая побѣда не будетъ благотвѣтельна для нашей дорогой отчизны. И если русскій народъ во-время не образумится и не принесетъ плодовъ раскаянія, его неминуемо ожидаетъ горькая участь; совершенно неожиданно для него можетъ грянуть бѣдствіе и прекратить его историческій благотвѣтельный ростъ. Поэтому долгъ православнаго русскаго пастыря—явиться во образѣ грознаго пророка и призвать народъ къ покаянію.

Но если бы и пастыри умолкли, то камни возоліютъ!...

Епископъ Иннокентій.

ПИСЬМА ИЗЪ ЧЕХИИ.

V.

Деревенскіе декаденты въ Чехіи.

Больше двадцати лѣтъ тому назадъ я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ сѣверной Чехіи къ Прагѣ. Въ купе вагона, куда меня посадили, уже были одинъ господинъ и дама. Онъ—красавецъ, она—красавица. Они обратили скоро мое вниманіе на себя тѣмъ, что говорили по-русски. А въ то время, когда мы видѣли русскаго на чешской землѣ, намъ казалось, что надъ нашей родиной взошло солнышко. Я долго не могъ найти повода вмѣшаться въ ихъ разговоръ; но поводъ нашелся. По книгамъ я тогда зналъ русскій языкъ, но не имѣлъ совершенно никакой практики, ибо до той поры встрѣтилъ во всю свою жизнь русскихъ не больше, чѣмъ у меня пальцевъ на рукѣ. Русская парочка, услышавъ далеко за границей свой родной русскій языкъ, сперва смутилась и замолкла.

— Кто вы?—недовѣрчиво спросилъ меня господинъ.

Когда я отвѣтилъ, ихъ смущеніе прошло и они стали относиться ко мнѣ съ искреннею привѣтливостью.

— Вы были въ Россіи или собираетесь туда, что изучаете русскій языкъ?—спросила она меня.

— Я не былъ въ Россіи,—отвѣчалъ я,—и Богъ знаетъ, когда я туда попаду. Мы всѣ постоянно стремимся въ Россію, но мало кому это удается. Чаще всего тому, кто ѣдетъ туда съ практическими дѣлами.

Мои спутники обмѣнялись взглядомъ и покачали головою.

— Какая же цѣль побуждаетъ васъ учиться русскому языку?—спросили они.

— Чисто идеальная, народная. Мы, славяне, не можемъ оставаться чуждо въ состояніи первобытной разбросанности, мы должны придти къ убѣжденію, что намъ слѣдуетъ познакомиться другъ съ другомъ,

организоваться, объединиться. Для этого намъ необходимо имѣть *одну голову, одинъ центръ*, а такимъ центромъ можетъ быть только Россія, благодаря своему пространству, силѣ, мощи, политическому и культурному значенію и кромѣ того благодаря ея глубокой самобытности, которую мы, другіе славяне, особенно на западѣ, уже въ значительной мѣрѣ утратили.

— Какая путаница понятій,—пылко сказала русская красавица,—какое незнаніе вещей и отношеній! Россія велика, но нѣтъ у нея ни силы, ни мощи, какъ это и обнаружилось на Берлинскомъ Конгрессѣ. Она является игрушкой великихъ державъ, мишенью для насмѣшекъ государствъ другого порядка. Никто ея не боится и никто ея не уважаетъ. О культурномъ значеніи ея можно будетъ говорить только тогда, когда Россія усвоитъ себѣ европейскую культуру во всемъ объемѣ, но и тогда ея культурное значеніе будетъ распространяться не въ западномъ направленіи, но къ востоку. Тамъ есть народы еще менѣе культурные, чѣмъ она, и Россія получитъ возможность просвѣщать ихъ, устраивать ихъ на европейскій ладъ и этимъ пріобрѣтать культурное значеніе. Но до сихъ поръ Россія не имѣла и не имѣетъ никакого культурнаго значенія.

— Ничего не хочу преувеличивать,—пробовалъ защищаться я,—но западъ уже начинаетъ прислушиваться къ голосу русскихъ писателей, начинаетъ переводить ихъ на свои языки, цѣнить новизну точки зрѣнія и постановки дѣла, приходитъ въ трепетъ отъ глубины русскаго чувства и съ уваженіемъ относится къ высокой человѣчности русской народной души. Это несомнѣнно очень серьезный признакъ культурнаго значенія. Для насъ, славянъ, культурная заслуга русскихъ состоитъ въ томъ, что они создали славянофильское ученіе, опредѣлили духовную славянскую индивидуальность и вознесли надъ Россіей идеалы болѣе совершенной жизни въ нравственномъ и общественномъ отношеніи.

— Дѣйствительно высокими идеалами могутъ быть идеалы только общечеловѣческіе,—возразилъ русскій,—а отнюдь не односторонне національные, хотя бы и въ самомъ широкомъ племенномъ смыслѣ.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ на это я,—но общечеловѣчность истиннаго и возвышеннаго идеала ничѣмъ не мѣшаетъ тому, чтобы какой-нибудь одинъ народъ полюбилъ его больше другихъ, считалъ себя наиболѣе призваннымъ его и носителемъ и проповѣдникомъ, и ощущалъ въ своемъ сердцѣ наибольшую способность приблизиться къ нему и показать къ нему дорогу другимъ народамъ.

— Славянофильскіе писатели не придумали такого идеала,—замѣтилъ русскій.

— И не нужно было, такъ какъ этотъ идеалъ уже данъ хри-

христіанской наукой. Во всякомъ случаѣ нужно было бы показать, что этотъ идеалъ въ настоящее время еще не брошенъ современными поколѣніями, что за него еще крѣпко стоитъ народъ, который чтить своихъ святыхъ и который вѣритъ, что смертные люди ничего не могутъ измыслить болѣе высокаго и совершеннаго, и который стремится устроить по правиламъ христіанства свою земную жизнь, какъ личную, такъ общественную и государственную.

— Я допускаю славянофильство для маленькихъ славянскихъ народовъ,—отвѣтилъ русскій,—но отнюдь не для великаго народа русскаго. Конечно, отнюдь не случайно вышли изъ нѣдръ чешскаго народа Добровскій, Колларъ, Шафарикъ и одновременно съ ними изъ другихъ небольшихъ славянскихъ народовъ люди такого же образа мыслей и такихъ же стремленій. Здѣсь я допускаю славянофильство, какъ стремленіе пробудить въ племенахъ и народахъ, или ослабѣвшихъ въ политической борьбѣ, или еще не созрѣвшихъ для самостоятельной политической дѣятельности, сознание своей народной одноплеменности, а изъ этого сознанія возникло бы единство дѣятельности, а изъ этого единства—ростъ силы, которая, дастъ Богъ, поможетъ этимъ народностямъ достигнуть лучшихъ условій своего культурнаго и экономическаго развитія, чего имъ каждый русскій отъ души желаетъ. Но русскіе не нуждаются въ такомъ объединеніи и взаимной поддержкѣ и каждый планъ въ этомъ направленіи является ошибкой и остановкой на пути ихъ развитія. Поэтому русское славянофильство мы отождествляемъ съ ретроградствомъ, даже съ обскурантизмомъ. Наша народность обезпечена. А если не обезпечена ваша,—старайтесь ее обезпечить. Въ этомъ ни одинъ русскій не будетъ вамъ служить помѣхой. Но позвольте вамъ откровенно сказать, что ни одинъ русскій не пожелаетъ того, чтобы вы признавали своими теоріи, созданныя въ русской головѣ, становились подъ ихъ стягомъ и бились за нихъ. Когда я слышу ваши пылкія рѣчи по поводу славянофильскаго ученія, я не могу не думать, что вы дѣлаете это изъ непониманія потребностей своего собственнаго народа. Въ ученіи славянофиловъ нѣтъ ничего оригинальнаго.

— Я уже разъ сказалъ и теперь повторяю,—замѣтилъ ему на это я,—что въ этомъ нѣтъ и надобности. Я по своимъ убѣжденіямъ, какъ и русскіе славянофилы, стою на почвѣ чистаго христіанства и народности. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи я не жду и не желаю ничего новаго. „Нѣчто новое“ по отношенію къ народности означаетъ ренегатство; а „нѣчто новое“ по отношенію къ христіанству обозначаетъ отступничество. Поэтому мы не ожидаемъ ничего новаго ни въ томъ, ни въ другомъ, но постоянно очищаемъ свою народность и свою набожность отъ пятенъ, которыя

по необходимости должны оставлять на нихъ осадки будничной жизни, съ которыми приходится бороться и часто бороться очень серьезно. Великіе европейскіе философы, принадлежатіе западу, направленіе своего мышленія усвоили главнымъ образомъ изъ началъ не-христіанскихъ, изъ началъ языческой Греціи и Рима, а также изъ началъ юдаизма. Великіе мыслители славянскіе, напротивъ, всегда исходили изъ началъ христіанскихъ и къ нимъ возвращались. Эта особенность дѣлаетъ славянъ народомъ христіанскимъ по преимуществу. И вѣчною славой и заслугой русскихъ славянофиловъ останется то, что взаимныя отношенія христіанскаго ученія и славянской народности, — повторяю, отнюдь не новыя, но установленныя съ перваго начала, когда славяне приняли христіанство и прониклись его духомъ, — установили и объяснили точно и опредѣленно. Эту задачи надлежало выполнить русскимъ, такъ какъ народность ихъ обезпечена болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ народностей и въ то же время свободна. И въ этомъ свободномъ ихъ положеніи отношенія между славянской народностью и христіанскимъ ученіемъ сохранились у русскихъ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ у другихъ славянъ, которые уже вслѣдствіе своей раздробленности гораздо больше подвергались всякимъ чужимъ вліяніямъ, враждебнымъ славянскимъ началамъ. По этой причинѣ славянофильство западныхъ славянъ осталось незаконченнымъ и одностороннимъ. Его дѣятельность сводилась только къ пробужденію народности, но отнюдь не была направлена на философско-нравственное пробужденіе славянскихъ народностей на западъ и на юго-западъ, хотя, какъ я могу свидѣтельствовать по личному опыту, по крайней мѣрѣ у насъ, чеховъ, въ душѣ народа было желаніе, даже живое стремленіе къ тому, чтобы его народное пробужденіе было дополнено и довершено пробужденіемъ и духовнымъ, чѣмъ только и можно было достигнуть полнаго возрожденія нашихъ народностей. Можно только сказать: жаль, трижды жаль, что и у западныхъ и южныхъ славянъ, дѣло пробужденія не было dokonчено! Но это могло быть осуществлено только безусловнымъ усвоеніемъ русскаго славянофильскаго ученія, а для этого наши славянофилы не имѣли достаточно духовной мощи. Имъ помѣшали и своеобразная суетность и недостатокъ смѣлости для великихъ битвъ, которыя бы въ такомъ случаѣ имъ предстояли, какъ съ ихъ принципиальнымъ противникомъ, такъ съ правительствомъ и учрежденіями.

— Ну, а польскій мессіаниззмъ?—замѣтилъ русскій.

— Польскій мессіаниззмъ я считаю католическимъ плагиатомъ русскаго православнаго славянофильства. Польскій мессіаниззмъ окутанъ покрываломъ польско-католическаго романтизма и мистицизма,

но и подъ этимъ покрываломъ зоркій глазъ разглядить подобіе русскаго славянофильства. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать въ похвалу полякамъ того, что душа ихъ не закрылась передъ сознаниемъ особой близости христіанства и славянской народности. Этимъ поляки доказали, что и въ нихъ есть здоровое славянское зерно, которое въ будущемъ принесетъ добрые плоды, когда поляки откажутся отъ антагонизма съ русскими. Но вѣрно поняли, смѣло развили и облекли въ логическія формы ту идею, которую мы называемъ славянофильскою, — одни только русскіе.

— Это удивительно, — сказала русская дама, которая смотрѣла въ окно вагона, чтобы не слышать моихъ рѣчей, — у насъ въ Россіи можно слышать, что самый просвѣщенный славянскій народъ — чехи, а вы, чехъ, такъ легко поступаете своимъ народнымъ первенствомъ.

— Между равными пусть честь первенства принадлежитъ чехамъ, когда они окажутся достойными этой чести и способными осуществить тѣ цѣли, которыя вытекаютъ изъ такого первенства. Но съ Россією чехъ о первенствѣ спорить не будетъ, а добровольно признаетъ русское первенство и подчинится ему. Въ каждомъ общественномъ тѣлѣ долженъ господствовать надлежащій порядокъ, который состоитъ въ томъ, что члены тѣла безропотно признаютъ голову распорядительницей своей дѣятельности. Если голова работаетъ хорошо, и то члены работаютъ хорошо, если же голова нездорова, то члены сами по себѣ не могутъ исправить ея ошибокъ. Къ счастью, Россія въ славянофильскомъ ученіи дала славянамъ идею, которую они, какъ члены славянскаго тѣла, должны себѣ усвоить. Можетъ быть это будетъ не скоро, можетъ быть, это будетъ продолжаться очень долго, а въ Россіи между тѣмъ многимъ будетъ казаться, что ученіе славянофиловъ было излишнимъ, никому ненужнымъ и незначительнымъ. Но рано или поздно славяне должны будутъ отозваться на ученіе славянофиловъ и тогда начнется новый подъемъ славянофильства, которое до той поры его противники будутъ считать умершимъ, минувшимъ, даже похороненнымъ. И только тогда народное самосознаніе нерусскихъ славянъ достигнетъ той высоты, на которую поставлено русское народное самосознаніе. Только тогда славянство будетъ духовно объединено, поставлено на общую основу и станетъ способнымъ къ общей дѣятельности на исторической аренѣ. Я вѣрю, что такъ и будетъ, какъ вѣрю въ будущность славянства и въ его высокое призваніе среди другихъ народовъ. Если вы скажете, что славянское самосознаніе достигло у насъ, чеховъ, своей вершины, то вы скажете это не по личному опыту, но только повторите то, что слышали отъ другихъ. А тѣ, которые разнесли эти вещи по свѣту, не были друзьями ни чеховъ, ни славянъ, и думали вовсе

не о прогрессѣ славянской идеи, но только о томъ, чтобы своевременно остановить ея развитіе. Узкая племенная обособленность не можетъ помѣшать намъ, чехамъ, признать то, что въ дѣлѣ развитія и опредѣленія славянской идеи мы далеко еще не поднялись до русскихъ, т. е. до русскихъ славянофиловъ. Въ Россіи вы понимаете славянскую идею, но дурно, хотя она всегда снова возстаетъ изъ мертвыхъ; у насъ, у чеховъ, по вашимъ словамъ, она расцвѣла, а на самомъ дѣлѣ она поникла,—и поникла именно потому, что не вышла на ту дорогу, которую ей указали ваши славянофилы. Чешскіе проповѣдники славянской идеи, а за ними ученики ихъ изъ другихъ славянскихъ и не-русскихъ народовъ, слишкомъ скоро захотѣли рвать плоды съ того дерева, которое они посадили, слишкомъ рано стали помышлять о практическихъ результатахъ славянской идеи— и поэтому впали въ ошибку. Теорія всегда должна быть выработана въ подробностяхъ прежде, чѣмъ думать о ея практическомъ примѣненіи. Наши чешскіе будители славянскаго сознанія были великими учеными и заложили основы славянской науки. Будемъ зато имъ вѣчно благодарны,—слава ихъ между нами никогда не погибнетъ. Но что же дальше? Посмотрите на дѣятельность ихъ наслѣдниковъ, профессоровъ славянской науки въ нѣмецкихъ университетахъ. Многие изъ нихъ достигли извѣстности, высокихъ должностей и отличій въ награду за то, что славянское дѣло низвели къ уровню политическихъ стремленій нѣмецкихъ правительствъ, всегда на дѣлѣ противославянскихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что славяновѣдніе, какъ его называютъ, нельзя отождествлять или смѣшивать со славянскою идеей и что славяновѣдніе, тамъ, гдѣ оно заслуживаетъ этого названія, можетъ и должно быть прочною основой для трудовъ славянскихъ мыслителей. Но, какъ фундаментъ стоитъ не выше крыши и купола, такъ и основоположники славяновѣднія, которые вышли изъ чешскаго народа, не опредѣляютъ болѣе высокаго славянскаго духовнаго развитія, чѣмъ русскій мыслитель А. С. Хомяковъ и его дружина. Если бы чехи искренно признали это, то они проявили бы высокую степень своего народнаго славянскаго самознанія.

— Я собственно мало занимался тѣми дѣлами, о которыхъ мы говоримъ,—сказалъ русскій,—но настолько-то знаю даже изъ гимназій, что вы имѣли великаго пѣвца и будителя славянскаго сознанія Яна Коллара, который именно тѣмъ, что будилъ сознаніе, будилъ также и новую идею,—въ данномъ случаѣ славянскую идею.

— Янъ Колларъ, какъ лирикъ,—отвѣтилъ я,—электризовалъ наше чувство въ славянскомъ смыслѣ, приподнял его и расширилъ, но не углубилъ. Сердце народа было уже подготовлено къ этой его дѣятельности, иначе Колларъ никогда не достигъ бы такого вліянія

стихами, которые отнюдь не имѣютъ права на безсмертіе. Значеніе поэта Яна Коллара постоянно будетъ уменьшаться. Какъ ученые, такъ и сторонники не признавали его научнаго значенія, а опустивъ узду фантазіи и не имѣя за собой критическаго такта настоящаго ученаго, Янъ Колларъ позволилъ себѣ видѣть слѣды славянскихъ народностей тамъ, гдѣ ихъ никогда не было. И такъ исполнилъ работу, которая скорѣе послужила бы ему во вредъ, если бы ея огромныя размѣры не дѣлали ее неприступной. Сознавая потребность дать пробужденному славянскому чувству какія-либо руководящія начала, какую-либо опредѣленную программу, Янъ Колларъ завѣщаль славянамъ учиться другъ отъ друга славянскимъ языкамъ, и по его ученію каждый сознательный славянинъ долженъ знать четыре главныхъ славянскихъ языка.

— Этого для нынѣшнихъ господъ славянъ слишкомъ много, — насмѣшливо отозвалась русская дама. — Побольше мечтать и поменьше учиться — вотъ принципъ, который можно было бы примѣнить къ славянскому прогрессу, и который коротко и ясно формулируетъ то, что является основой славянской идеи.

— Позвольте мнѣ продолжать. Въ нашихъ краяхъ завѣтъ Коллара долго считался очень хорошимъ и среди гимназистовъ было много такихъ, которые восхищались его „Дочерью славы“. Было достаточно такихъ, которые и внѣ школъ занимались изученіемъ славянскихъ языковъ. Не бросается ли въ глаза уже и то, что Колларъ назвалъ свою идею только „славянскою взаимностью“? Онъ, какъ ему казалось, сдѣлалъ эту уступку ради практической выгоды, но никакой практической выгоды изъ его предположеній не вышло, и чешское общество, когда оно расширило свое узко-народное сознаніе до болѣе широкаго славянскаго, отвратило свое вниманіе отъ развитія славянской идеи въ Россіи, гдѣ въ это время работала надъ нею школа славянофиловъ. Съ этого собственно момента и начинается паденіе славянской идеи на западѣ. Славянское сознаніе чеховъ съ той поры не проникаетъ вглубь и проявляется только внѣшнимъ образомъ. О потребности дать славянскому сознанію чеховъ философскую основу никто изъ нихъ и не думалъ. Объ этомъ въ одиночку думали только единицы. Еще меньше неизбежность эту понимали маленькіе народы на западѣ и югѣ. Поэтому у славянъ всегда на умѣ одно: какія практическія выгоды можно было бы извлечь изъ этой идеи? Создаются девизы: „узнаемъ другъ друга“, „сблизимтесь“ и т. п. Но, хотя эти девизы повторяются всѣми въ одинъ голосъ, славянская взаимность проявляется только въ томъ, что одинъ начинаетъ величаться передъ другимъ, чтобы изъ него именемъ славянской идеи не выжали слишкомъ много прибыли. Пожеланія такъ тазываемой практической славянской идеи въ то время были не

разъ неопредѣленно и на видъ реально формулированы, но дальше дѣло не шло. Вся практическая дѣятельность на почвѣ этой идеи оставалась пустымъ звукомъ, голою теоріею. Въ отпоръ противъ этихъ практическихъ славянскихъ стремленій становится, хотя и не высказанное на словахъ, то предчувствіе самаго самобытнаго изъ славянскихъ народовъ, что по существу дѣла совершенно все равно, приходится ли ему входить въ практическія сношенія съ славянскимъ народомъ чуждой ему культурной сферы, или съ такимъ же народомъ неславянскимъ. И нельзя отрицать того, что это недоверіе вполне обосновано, такъ какъ за практическими, торговыми и экономическими сношеніями всегда скрывается культура и политика, какъ главное войско за авангардомъ. На службѣ чужой культурѣ и политикѣ, добровольной или вынужденной, народъ, родственнѣйшій по языку и по нравамъ, является еще большимъ піонеромъ чужого, чѣмъ само чужое. Фактически западнославянскіе политики, за немногими исключеніями, понимали славянскую идею совершенно въ духъ *Drang'a nach Osten*, усматривая историческое предназначеніе славянскихъ народовъ въ томъ, чтобы быть піонерами славянской культуры среди восточныхъ славянъ. Даже нашъ знаменитый Ригеръ понималъ эту идею именно такъ.

— И хорошо дѣлалъ!—пылко сказали русскій и русская.

Русскій взялъ меня за руку, я всталъ и подошелъ съ нимъ къ окну. Онъ смотрѣлъ на чешскій край, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше отдавался восторгу.

— Посмотрите,—быстро говорилъ онъ,—на ту дивную, высокую и увлекательную картину, которую представляетъ ваша родина! Каждая пядь земли обработана, использована на благо человѣка. На поляхъ волнуются прекрасныя хлѣба, съ полями чередуются цѣнныя растенія. По всѣмъ направленіямъ бѣгутъ желѣзныя дороги и шоссе. Деревни тонутъ въ зелени плодовыхъ садовъ, плодовые деревья тянутся по бокамъ дорогъ и проселковъ. Куда ни помотришь, видишь фабричныя трубы. Вездѣ благосостояніе и довольство, — а это плоды высокой культуры. Культура мало разсуждаетъ и много работаетъ. Славянскія симпатіи, сами по себѣ естественныя, у насъ, у русскихъ, сбились на дорогу мечтательности только потому, что у насъ достаточно досуга, что мы не такъ заняты энергичною работою, какъ вы, и за вами, еще въ большей мѣрѣ, другіе народы запада. Въ васъ можно еще видѣть, что у васъ есть еще избытокъ времени, чтобы заниматься мудрованіями и снами нашихъ славянофильскихъ философовъ. Но этому я меньше удивляюсь, чѣмъ вашему сожалѣнію о томъ, что ихъ ученіе не нашло отзвука въ чешскомъ народѣ. И хорошо, что это такъ. Это счастье для нашего народа. Вамъ нечему отъ

насъ учиться. Мы должны всему учиться у васъ. Пусть васъ не смущаетъ наша огромность. Велики не наше государство и не нашъ народъ, а наше невѣжество и наша бѣдность. Я дамъ вамъ полезный совѣтъ: говорить о славянофильской философіи только тогда, когда русскіе, т. е. масса русскаго народа, догонятъ чеховъ въ культурной работѣ. А пока этого не будетъ, помогайте намъ, если выдаться случай, подниматься въ культурномъ отношеніи. Не вѣрьте тому, кто говоритъ, что есть нѣсколько культуръ! Культура одна, всеобщая и всечеловѣческая. Если кто-нибудь на земномъ шарѣ выгонитъ изъ колоса больше зеренъ, чѣмъ другіе, это самый культурный народъ на свѣтѣ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, языку и вѣрѣ. Гдѣ выше зажиточность, тамъ выше и культура. А у насъ, въ Россіи, въ массѣ простого народа нѣтъ ни культуры, ни зажиточности. Къ несчастью, именно изъ этихъ злополучныхъ стремленій видѣть въ немъ что-то особенное, что-то самобытное, о которыхъ вы говорите, у насъ появилась такая плотина противъ зажиточности и культуры, что потребуется больше трехсотъ лѣтъ постоянной, самоотверженной работы, чтобы ее уничтожить.

— О какой плотинѣ вы говорите?

— Мы народъ земледѣльческій, — продолжалъ русскій. — У насъ мужики представляютъ изъ себя почти девять десятыхъ всего населенія. И это непомѣрное количество народа, которое возрастаетъ такъ, какъ только умѣетъ плодиться мужикъ въ первобытномъ состояніи, осуждено на вѣчную бѣдность и невѣжество.

— Вотъ какъ! Кто же его на это осудилъ?

— Царь Александръ II своею несчастною крестьянскою реформою.

— Какъ? Отмѣною крѣпостнаго права?

— Отмѣна крѣпостнаго права? Если бы онъ хотѣлъ отмѣнить рабство, онъ долженъ былъ довести дѣло до конца. Но оффиціальная Россія противъ всякой свободы для народа и, если снимаетъ одну цѣпь, сейчасъ же заковываетъ въ другую. Александръ II устранилъ рабскія отношенія мужика къ помѣщику, но тотчасъ же сдѣлалъ его рабомъ общины и міра; далъ ему земельный надѣлъ, но этотъ надѣлъ такъ малъ, что мужикъ всегда будетъ страдать отъ малоземелья, а слѣдствіемъ этого малоземелья будетъ то, что мужикъ не усидитъ на своемъ надѣлѣ и отдастся первобытному влеченію къ кочевой жизни въ поискахъ новой земли въ большемъ объемѣ. Эта-то текучесть, эта зависимость мужика отъ міра, а также и то, что его надѣлъ дѣйствительно малъ, и служатъ причинами того, что нашъ мужикъ, такъ щедро одаренный отъ природы, останется бѣднымъ и невѣжественнымъ, ибо никогда не будемъ имѣть ни личной инициативы, ни средствъ для того, чтобы поднять уровень своего благо-

состоянія и своей образованности. Только великіе внутренніе перевороты и ви́шнія несчастія могутъ исправить вредную ошибку Александра II, хотя ему отнюдь нельзя отказать въ доброй волѣ и благородствѣ сердца. И именно вліяніе несчастныхъ славянофильскихъ принциповъ спутало все дѣло. Онъ долженъ былъ быть строго либеральнымъ, долженъ былъ освободить всякую частную индивидуальность и дать ей условія и побужденія для самостоятельнаго развитія, а онъ вмѣсто того, подъ вліяніемъ этой скверной школы, думалъ объ охранѣ народной индивидуальности и такимъ образомъ снова закрѣпостилъ личную индивидуальность мужика. Въ триста лѣтъ не исправить этой ошибки и за эти триста лѣтъ мы будемъ позади васъ и западной Европы,— и каждый русскій, который искренне любитъ свой народъ, долженъ считать каждого сына запада, который принесетъ въ Россію немножко свѣта, желаннымъ помощникомъ въ дѣлѣ просвѣщенія и освобожденія. Въ этомъ смыслѣ мы съ радостью видимъ, что культурный славянинъ ѣдетъ къ намъ въ Россію,—но только въ томъ случаѣ, когда онъ является съ цѣлями практическими, жизненными, а отнюдь не для того, чтобы усиливать нашу тьму и нашу бѣду.

— Но эти слова,—вмѣшалась въ разговоръ русская дама,— пусть не оттолкнуть васъ отъ Россіи. Постарайтесь увидѣть ее своими глазами, чтобы составить себѣ собственное сужденіе. Человѣкъ, воспитанный культурнымъ западомъ, только по невѣдѣнію можетъ судить о русскихъ дѣлахъ не такъ, какъ сужу я и мой другъ.

— На солнцѣ еще ни одинъ астрономъ не былъ,—отвѣтилъ я,— но имѣть о солнцѣ определенное понятіе. Вы оба русскіе, но судите о самыхъ важныхъ дѣлахъ вашей родины совершенно ложно. Да иначе и быть не можетъ, потому что ваша точка зрѣнія ошибочна. Это неправда, что заработанный достатокъ является мѣриломъ культуры. Если бы земледѣлецъ, который добылъ изъ колоса наибольшее количество зеренъ, былъ культурнѣйшимъ, что случилось бы съ его культурностью въ неурожайный годъ? Въ неурожайный годъ онъ сталъ бы некультурнымъ? Почва—неодинакова. Болѣе плодородная даетъ больше зеренъ, чѣмъ плохая; первая сама родитъ, вторая и послѣ усиленной работы едва ли дастъ столько, сколько первая. Если бы было по вашему, первый земледѣлецъ былъ бы культурнѣйшимъ—уже потому, что у него была лучшая почва, хотя бы самъ по себѣ онъ былъ лѣнтяй и невѣжда. Думаю, что другихъ доказательствъ не надо въ подтвержденіе того, что достатокъ не можетъ быть мѣриломъ культуры. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе о культурѣ высоко поднимается надъ матеріализмомъ нашего времени. Но будьте откровенны и признайтесь, что за зер-

нами вашего колоса стояла мысль о постоянно возрастающемъ капиталѣ, а у земледѣлія нѣтъ злѣйшаго, постояннаго и непримиримаго врага, какъ капиталъ. Постоянно растущій капиталъ, если ходъ дѣлъ не перемѣнится, долженъ совсѣмъ погубить земледѣліе и истребить земледѣльческій людъ, ибо зерна въ колосѣ ни при какомъ умѣннѣ; ни при какой культурѣ, нигдѣ и никогда не могутъ умножаться въ той пропорціи, какъ наличность капиталиста, безопасно положенная на проценты.

— Зачѣмъ вы дѣлаете,—замѣтилъ русскій,—изъ земледѣлія и капитала враговъ, притомъ непримиримыхъ, такъ что одинъ долженъ упасть, если будетъ стоять другой? Не будетъ ли лучше, если мы перестанемъ раздувать этотъ антагонизмъ и сдѣлаемъ изъ земледѣлія и капитала вмѣсто враговъ—друзей, союзниковъ и сотрудниковъ на аренѣ общечеловѣческой культуры? Дѣло просто: земледѣлецъ нуждается въ кредитѣ, капиталистъ открываетъ ему этотъ кредитъ, и такимъ образомъ увеличивается выгода обоихъ.

— Пользованіе кредитомъ,—отвѣчалъ ему я,—кажется мнѣ похожимъ на употребленіе ядовъ: нѣтъ человѣка, который бы прямо злоупотреблялъ ядомъ, но нѣкоторые яды стали для него необходимыми вспомогательными средствами здоровья и преуспѣянія. Такіе яды—табакъ, чай, кофе, алкоголь, даже и соль. Но для того, чтобы они шли человѣческому организму на пользу, ихъ надо давать въ самыхъ небольшихъ дозахъ. Кто перехватитъ, тотъ тотчасъ же почувствуетъ дурныя послѣдствія. Бѣда въ томъ, что капиталъ не довольствуется задачею экономической помощи, исправленіемъ и улучшеніемъ средствъ и орудій, но добивается побѣды и полного господства.

— Сравненіе капитала съ ядомъ,—сказалъ русскій,—неудачно. Простой народъ не менѣе неудачно сравниваетъ капиталъ съ ножомъ, хотя въ этомъ случаѣ стремится выяснитъ вполне разумную мысль. Неопытная рука можетъ обрѣзаться ножомъ, а опытная и умѣлая по возможности дѣлаетъ работу полезнѣе. Почва тоже представляетъ изъ себя капиталъ, но для того, чтобы возможно было экономически извлекать выгоды изъ почвы и капитала, земледѣльцу необходимо имѣть извѣстный достатокъ почвы, а капиталисту извѣстный достатокъ капитала, который бы поставилъ его, хотя бы временно, надъ уровнемъ экономического безсилія, въ какомъ остается экономическая эксплуатація. Этотъ прекрасный союзъ земли и капитала замѣтенъ здѣсь, у васъ, на вашей родинѣ, но его нѣтъ у насъ на русской землѣ. У насъ почти 90% крестьянскаго населенія. Этого уже слишкомъ много, чтобы въ нашемъ государствѣ могли установиться здравыя экономическія отношенія. Пресловутая крестьянская реформа Александра II, проведенная не безъ вліянія ошибоч-

ныхъ славянофильскихъ теорій, перенесла, какъ я уже сказалъ, крѣпостную зависимость на общину и міръ. Мужикъ къ нимъ навсегда прикованъ, его личное усердіе и экономическая способность не могутъ развиваться, такъ какъ онъ не можетъ оторваться отъ міра и въ виду этого осужденъ къ вѣчному прозябанію. У него слишкомъ мало земли для того, чтобы онъ могъ воздѣлывать ее болѣе интенсивнымъ способомъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого является, что его кредитъ малъ. Открыть для мужиковъ государственный кредитъ—дѣло искусственное, въ принципѣ ошибочное и даже опасное, такъ какъ неисчислимыя милліоны людей окажутся въ порабощеніи государству и приучатся болѣе полагаться на него, чѣмъ на свою собственную ловкость.

— Однимъ словомъ,—замѣтилъ я,—право открывать кредитъ земледѣльцу должно быть предоставлено исключительно жидамъ.

— Вообще частному капиталу, не исключая и жидовскаго.

— Понимаю, что не вполне удобно говорить громко о томъ, что денежнымъ хозяйствомъ занимаются главнымъ образомъ евреи, чтобы отсюда нельзя было сдѣлать выводъ, что согласно вашему опредѣленію культуры, увеличеніе капитала процентами является культурою еврейскою, ибо по нашему мнѣнію, культура едина, всеобща и обнимаетъ все человѣчество. Теперь послушайте, какъ я смотрю на крестьянскую реформу Александра II. Въ общественномъ смыслѣ, сравнительно съ западною Европою она является шагомъ впередъ, по крайней мѣрѣ на 300 лѣтъ. Какая великая идея! Какое великое дѣло! Сдѣлать каждого члена народа собственникомъ родной земли,—добиться того, чтобы въ государствѣ не было „лишенныхъ наслѣдства“, безземельцевъ, или, какъ говорятъ, на западѣ пролетаріевъ! Собственность въ родной землѣ давала или дастъ, когда всѣ русскіе достигнутъ до полного и яснаго сознанія того, что они имѣютъ,—русскому патриотизму реальный смыслъ. Я хорошо понимаю, что западные пролетаріи не имѣютъ патриотическаго чувства и не сознаютъ ни своей связи съ остальнымъ обществомъ, ни своихъ обязанностей къ нему. Мужикъ всегда былъ лучшимъ стояльцемъ за свою родину. Почему? Потому что онъ чувствовалъ себя въ ней собственникомъ. Любовь къ власти никогда не была у него пустой фразой. По той же причинѣ крестьянское государство является болѣе слабымъ въ нападеніи, но наступательная дѣятельность въ указанное время русскому народу будетъ не нужна. Вся его дѣятельность, если на него не нападутъ сосѣди, можетъ быть посвящена его внутреннему прогрессу и росту во всѣхъ отношеніяхъ. Если вамъ все еще кажется, что это народъ не прогрессивный, не дѣлайте за это упрековъ ни ему, ни кому другому. Каждый прогрессъ относителенъ. Важнѣе всего то, чтобы для населенія государства

были обезпечены условія существованія. Гдѣ это есть,—тамъ по надобности и обстоятельствамъ явится и прогрессъ. Прогрессъ не есть цѣль въ себѣ. Нѣкто говорилъ мнѣ, что гдѣ-то далеко, въ преріяхъ Сѣверной Америки, гдѣ нѣтъ никакого общенія съ другими людьми, живетъ передовой фермеръ, который въ своихъ имѣніяхъ работаетъ по всѣмъ правиламъ послѣдняго слова экономическаго прогресса и такимъ способомъ получаетъ излишекъ экономическихъ продуктовъ и плодовъ, но при отсутствіи сношеній съ людьми никому не можетъ сбыть этотъ избытокъ, ни за деньги, ни даромъ. Несмотря на все это, онъ постоянно стремится къ тому, чтобы достигнуть еще большаго прогресса и тѣмъ успокоить свою душу, тоскующую по прогрессу. Для него не имѣетъ никакого значенія, что плоды, имъ выхоленные, портятся и гніютъ, такъ какъ это для него дѣло совершенно второстепенное, а все его вниманіе постоянно обращено только къ главному,—къ прогрессу, все дальнѣйшему и дальнѣйшему экономическому прогрессу. Что въ Сѣверной Америкѣ жилъ сумасбродный хозяинъ этого типа, вы, быть можетъ, не повѣрите,—но русскимъ мужикамъ вы хотите приказать, чтобы они хозяйничали по его примѣру! Не удивляйтесь тому, что мужикъ съ большимъ недоумѣніемъ относится къ совѣтамъ, которые ему даютъ люди другого положенія, другого призванія.

— У мужика мало земли,—сказала русская дама.

— Мало, но есть.

Поездъ подошелъ къ станціи Кралупы. Русскіе прекратили разговоръ и смотрѣли въ окно. Къ станціи подъѣхала карета, запряженная двумя прекрасными кровными конями. Въ каретѣ сидѣли два человѣка. Оба они цвѣли здоровымъ, силой, довольствомъ, спокойствіемъ. Люди останавливались и вѣжливо кланялись имъ. Люди въ каретѣ отвѣчали имъ сниманьемъ шляпъ, жестомъ руки, усмѣшкой, окрикомъ. Старшій поражалъ живостью. Младшій замѣтно каждымъ жестомъ подражалъ старшему, но держалъ себя не такъ весело и бодро, хотя болѣе гордо и степенно.

— Должно быть, мѣстные аристократы,—сказалъ русскій, и восторженно поглядѣлъ на меня. Я не отвѣчалъ, хотя и не могъ удержаться отъ улыбки. Мнимые „мѣстные аристократы“ вышли изъ кареты и около нихъ столпилась кучка людей всякаго рода. Привѣтствія, поклоны, разспросы. Бодрый и высокій голосъ старшаго „мѣстнаго аристократа“ звонко раздавался кругомъ. Младшій повторялъ за нимъ каждое слово вялымъ пѣвучимъ; голосомъ, пытающимся усвоить тонъ условной сердечности.

„Мѣстные аристократы“ не торопились. Останавливались на каждомъ шагѣ, жали руки, переговаривались.

— Должно быть, они очень популярны,—замѣтилъ русскій. Но я

не далъ ему объясненія. Былъ данъ третій звонокъ, локомотивъ загудѣлъ, но поѣздъ не трогался. Начальникъ станціи подошелъ къ „мѣстнымъ аристократамъ“, вѣжливо поздоровался съ ними и замѣтилъ, что время отхода уже миновало. Старшій „мѣстный аристократъ“ громко расхохотался и махнулъ рукой, какъ будто бы хотѣлъ сказать: „для насъ нѣтъ вашихъ правилъ!“ Они не торопились, какъ будто нарочно мѣшкали, а поѣздъ терпѣливо ждалъ.

Когда они выбирали вагонъ, куда бы имъ помѣститься, я высунулъ голову изъ окна, поздоровался съ ними, какъ со своими добрыми знакомыми, и такимъ образомъ ввелъ ихъ въ общество своихъ русскихъ спутниковъ и познакомилъ ихъ. Каково же было удивленіе русскихъ, когда они услышали, что люди, которыхъ они считали за мѣстныхъ аристократовъ, просто крестьяне! Ихъ удивленіе было искреннимъ и, можно сказать, побѣдоноснымъ, ибо если чехи, и если западь вообще имѣеть такіе экземпляры, то сразу же падаетъ все, что я возражалъ русскимъ, и они сразу же добились торжества надо мною, не теоретическаго, а практическаго, что значитъ гораздо больше. А я весело ушелъ съ арены, ибо моему народному честолюбію льстило, что мы имѣемъ такого селяка, которымъ можемъ похвастаться передъ цѣлымъ свѣтомъ. Если бы была устроена выставка живыхъ сельскихъ типовъ, чешскій народъ, конечно, получилъ бы премію за этихъ двухъ! Это были отецъ и сынъ, Вацлавъ и Германъ Янда изъ Будагостицъ.

Отецъ,—тогда ему было отъ 50 до 60 лѣтъ,—былъ человекъ высокій и крупный. На широкихъ плечахъ и на короткой шеѣ сидѣла круглая атлетическая голова. Русая борода была коротко подстрижена и за густыми бровями прятались маленькіе глаза, — быстрые, хитрые и пронизательные. Выраженіе его лица оживлялось искривленіемъ губъ; когда онъ задумывался, на его губахъ появлялась презрительная усмѣшка, въ другое время съ нихъ не сходила добродушная иронія. Это былъ очень живой темпераментъ, все на лицѣ у него играло, одно выраженіе быстро смѣнялось другимъ.

Сынъ фигурою былъ нѣсколько меньше, съ смуглою кожей, молодой, мягкая борода чернѣла и блестяла, какъ смола. Онъ никогда не говорилъ раньше отца, не смотрѣлъ никому прямо въ глаза, когда ему приходилось выдержать чужой взглядъ, его черные глаза нервно блестяли.

Отецъ, Вацлавъ Янда, тогда уже почти двадцать лѣтъ считался первымъ чешскимъ мужикомъ и вождемъ чешскаго крестьянскаго сословія.

Онъ прошелъ шесть классовъ гимназіи, когда у него умеръ отецъ. Онъ получилъ послѣ него родное крестьянское имѣнье въ Будагостицахъ, которое заключало въ себѣ до 100 корцевъ пространства.

Вацлавъ Янда бросился въ жизнь со всею пылкостью, которая была ему свойственна. Онъ принималъ лѣятельное участіе во всемъ, что означало прогрессъ экономической или народной. Тогда, въ 60 годахъ прошлаго столѣтія, чешскіе селяки на перебой начали основывать сахароварни на акціяхъ. Сахарное дѣло скоро достигло въ Чехіи высокаго развитія. На простыя деревенскія хозяйства смотрѣли, какъ на проявленіе душевной нищеты и на отсутствіе образованности. Тѣмъ селякамъ, которые на стѣхъ не примкнули къ экономическому промыслу, пророчествовали гибель. Они были мишенью насмѣшекъ и предметомъ сожалѣнія.

Консервативный чешскій югъ относился отрицательно къ этимъ радикальнымъ перемѣнамъ въ деревенскомъ хозяйствѣ. Отъ экономическаго прогресса онъ перенялъ только лучшіе плуги и другія сельскохозяйственныя орудія, научился лучше пахать и больше удобрять землю, но остался неотступно вѣрнымъ хлѣбному хозяйству. За это онъ получилъ прозваніе „отсталого“, отъ котораго его никто уже не спасетъ. Какъ измѣнились времена! Чешскій югъ, который далъ народу Яна Гуса, Яна Жижку и Петра Хельчицкаго, слыветъ теперь въ другихъ краяхъ сельской земли „отсталымъ“. Такъ ли сильно измѣнилась кровь и повадка юго-чешскаго люда? Отнюдь нѣтъ. Она не перемѣнилась, но измѣнилось время. Нынѣшнее время видитъ человѣческую культурность, прогрессъ, просвѣщеніе, совершенство въ чемъ-то другомъ, чѣмъ Янъ Гусъ, Янъ Жижка и Петръ Хельчицкій. Южные чехи до сихъ поръ имѣютъ стародавнее христіанское понятіе о высшихъ цѣляхъ жизни и о путяхъ, которые къ нимъ ведутъ. Въ этомъ отношеніи южный чехъ больше похожъ на русскаго мужика, надъ которымъ такія же слезы роняютъ его культуртрегеры и просвѣтители. А „экономическій прогрессъ“, передовымъ представителемъ котораго былъ Вацлавъ Янда, разлился по крестьянству чешскаго сѣвера, востока и центра. Въ этихъ краяхъ деревенская зажиточность, какъ слѣдствіе экономическаго прогресса, поднималась такъ быстро, что у многихъ селяковъ закружилась голова. Они перестали называть себя селяками и стали называть себя помѣщиками. Строили себѣ большіе барскіе дома, въ которыхъ окружали себя барскою роскошью, усвоили себѣ панскіе моды и обычаи. Они удалились отъ своихъ слугъ, которые со старыхъ временъ въ домѣ чешскаго селяка пользовались такимъ сердечнымъ и асковымъ обращеніемъ, какъ будто бы принадлежали къ семьѣ, какъ будто бы считались сыновьями и дочерьми. Прежде прислуга бращалась къ хозяину со словомъ „дяденька“, а къ хозяйкѣ „тетя“, теперь, во времена экономическаго расцвѣта, къ нимъ обращаются словами: „милость-пане“ и „милость-пани“.

Сельскіе промыслы въ краяхъ экономическаго расцвѣта вдругъ

стали превозноситься гораздо больше, чѣмъ это было немного лѣтъ передъ этимъ, когда селякъ еще не былъ „милость-паномъ“ и акціонеромъ, когда онъ еще не выплылъ сильными взмахами на море денежнаго хозяйства и кредита, а если и нуждался въ этомъ кредитѣ, то пользовался имъ въ гомеопатическихъ дозахъ. Слѣдствіемъ повышенія доходности было повышеніе цѣнъ на пахотную землю. Корецъ земли, который еще недавно стоилъ 400 злотовъ, вдругъ поднялся до 1000 и 1200 злотовъ. Въ тѣхъ же размѣрахъ и даже еще большихъ повышались жизненныя потребности селяковъ-кавалеровъ. Они усвоили себѣ городскія общественныя формы и чаще, чѣмъ въ хлѣвы и гумна, ходили на паркетъ салоновъ и ихъ суррогатовъ. Гдѣ еще оставались у селяковъ какіе-либо застарѣлыя предрасудки, они быстро исчезали, когда селякъ садился за карточный столикъ, лѣзъ въ боковой карманъ и вынималъ бумажникъ, крѣпко набитый банковыми билетами.

Передовой селякъ долженъ былъ имѣть господскую карету и, когда онъ сидѣлъ въ ней, его можно было счесть за графа или князя, если бы только на дверцахъ была графская или княжеская коронка, ливрейный кучеръ и лакей. Они хлопотали обо всемъ, что могло повысить уровень ихъ образованности. Образованный селякъ сталъ уже не исключеніемъ, а правиломъ. Они посѣщали по большей части образцовыя экономическія школы, высшія, среднія и низшія, а нѣкоторые изъ этихъ новомодныхъ селяковъ добились и докторскаго диплома. Не забывали они и художественнаго образованія. Появились селяки, „душа которыхъ была открыта для всего прекраснаго“: они играютъ на рояли, занимаются композиторствомъ и рисуютъ, — и всѣ эти таланты совмѣщаются въ одномъ лицѣ и всѣ они поставлены только по-диллетантски. Въ литературной области они посвящаютъ себя главнымъ образомъ журналистикѣ. Когда наплыва ихъ литературныхъ произведеній не выдержали пражскіе литературные органы, явилась неустрашимая потребность въ небольшихъ помѣстныхъ листкахъ, въ которыхъ „милость-панъ“ селякъ былъ бы не только случайнымъ сотрудникомъ, отъ котораго берутъ одну статью, десять возвращаютъ, но былъ бы учредителемъ, собственникомъ, редакторомъ en chef, который можетъ въ своемъ органѣ печатать безъ выбора не только все то, что родится въ его мудрой головѣ, но можетъ приказать оплаченнымъ силамъ, чтобы они развивали его спасительныя идеи въ его духѣ и вкусѣ.

„Союзъ силы духа, образованія и капитала“ казался полнымъ, прямо идеальнымъ. Просвѣщенный чешскій селякъ сталъ народною гордостью. Европа не имѣетъ ничего, что могло бы приблизиться къ этому образцу.

Вацлавъ Янда былъ типомъ передоваго чешскаго селяка въ луч-

шемъ смыслѣ слова, и въ немъ эта сельская эволюція достигла своей вершины. Онъ въ своемъ сословіи выдавался и дарованіемъ, и энергією, и образованіемъ, и опытностью, и практичностью, и патриотизмомъ. Этими достоинствами онъ достигъ такого авторитета, что его противники называли его деревенскимъ папою, намекая этимъ на то, что чешскіе селяки руководились его словомъ и примѣромъ, какъ чѣмъ-то совершенно непогрѣшимымъ.

Но вернемся къ описанію экономического прогресса чешскаго селяка.

Какъ только его хозяйство съ хлѣбной основы перешло на основу денежную, необходимо было идти въ томъ же направленіи уже безъ остановки.

Культура свекловицы и другихъ промышленныхъ плодовъ принесла, какъ было уже сказано, селяку такія деньги, о которыхъ и не снилось прежнему поколѣнію. Новое передовое поколѣніе, опьяненное успѣхами, которыхъ оно достигло почти безъ всякихъ усилій, прежде всего научилось безъ уваженія относиться къ своимъ отцамъ и прадедамъ, чѣмъ прервало непрерывность вѣковой деревенской традиціи, устоявшей противъ безчисленныхъ историческихъ бурь и переменъ, которыя произвели радикальный переворотъ въ другихъ сословіяхъ и условіяхъ жизни всей родины. Но эти бури коснулись сельскаго населенія только внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ. Когда же оно оторвалось отъ устойчивой почвы, ему ничего не оставалось, какъ двинуться впередъ „по дорогѣ прогресса“, и оно по ней не только шло, но рвалось, бѣжало. Въ этомъ порывѣ скоро остался за нимъ фазисъ промышленнаго хозяйства и его эволюція пошла по руслу денежнаго хозяйства.

Но удивительно, что опозоренные старики, которые трудились въ потѣ лица и только тогда давали мѣсто прогрессу, когда его отлично узнавали и убѣждались въ его полезности, при своемъ скромномъ образѣ жизни всегда имѣли какую-нибудь наличность въ своихъ сундукахъ или за чулкомъ, а ихъ сыновья, которые безъ усилій, почти даже безъ своего участія загребали кучи денегъ иногда очень чувствовали ихъ недостатокъ! О такихъ временныхъ затрудненіяхъ селяка-кавалера никто не зналъ, и для того, чтобы льшимъ блескомъ и роскошью, нужно было выкидывать еще больше денегъ, какъ будто бы это какой-то соръ.

Просвѣщенные селяки стали учреждать ссудо-сберегательныя кассы и банки. Сами они засѣдали въ совѣтахъ и правленіяхъ, а е дѣлопроизводство довѣряли наемнымъ людямъ. Выборные члены знали вопросъ о томъ, кому можно открыть кредитъ. Хотя вы-
бранный членъ самъ въ свою пользу голосовать не можетъ, но вѣдъ

другіе члены—его добрые пріятели и въ кредитѣ ему не откажутъ. Если они затруднятъ для него кредитъ, то вѣдь и онъ оплатитъ имъ тою же мѣрою. Рука руку моетъ. За службу по выбору въ финансовыхъ учрежденіяхъ вознагражденіе дается изъ суммъ, которыя списываются съ чистой прибыли. Тотъ селякъ, который сѣумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ нѣсколько такихъ должностей, обезпечиваетъ себѣ значительный доходъ. При этомъ доходѣ онъ застрахованъ отъ неудачъ въ хозяйствѣ, которое становится для него все болѣе и болѣе второстепеннымъ дѣломъ и отъ котораго теперь онъ не зависитъ.

Слишкомъ доступный кредитъ приводилъ къ большой задолженности. Охотнѣе всего дѣлаютъ долги за счетъ будущаго урожая у хлѣботорговца или у сахарозаводчика. Эти сахарозаводчики при началѣ дѣла, чтобы пріохотить крестьянъ къ производству свекловицы буквально навязывали имъ кредитъ авансомъ. Это потомъ вошло въ обычай. Если крестьянину нужны деньги, онъ обращается въ контору сахарозаводчика, которому доставляетъ свекловицу и получаетъ кредитъ сразу же и потихоньку, какъ у жида. Никто объ этой сдѣлкѣ не знаетъ, даже жена новаго должника.

Вообще наши просвѣщенные крестьяне охотнѣе всего дѣлали долги на личный кредитъ. Самые просвѣщенные изъ нихъ, которые уже попали въ періодъ упадка, въ поземельныхъ книгахъ совсѣмъ не имѣютъ ипотечныхъ долговъ. Они придавали большое значеніе тому, чтобы имѣть „чистыя книги“, ибо это создавало имъ добрую славу, а добрая слава открывала дальнѣйшій кредитъ. „Чистыя книги“ создавали то мнѣніе, что у хозяина долговъ нѣтъ, да нѣтъ въ нихъ и надобности. Эта подробность заслуживаетъ особеннаго вниманія: вездѣ провозглашается и всѣмъ внушается англо-еврейское народное экономическое правило „кредитъ—готовыя деньги“, но при этомъ освѣдомленные люди—и тѣ, которые открываютъ кредитъ, и тѣ, которые въ немъ нуждаются, — смотрятъ на кредитъ, какъ на какой-то грѣхъ, ноступокъ нечестный, который надо скрывать. Въ сельскомъ кредитѣ это такъ, и нѣтъ худа въ томъ, что это такъ, ибо именно на это мѣсто долженъ опереться рычагъ, чтобы вернуть все дѣло къ лучшему.

Личный кредитъ просвѣщеннаго селяка очень содѣйствуетъ полученію такъ называемыхъ почетныхъ должностей. Въ старое время исправные деревенскіе хозяева отъ почетныхъ должностей старательно уклонялись, ибо по опыту знали, что отъ нихъ много вреда. Почетныя должности были тогда предоставлены честолюбивымъ людямъ, которые не оглядывались на вредъ, причиняемый ими, и не боялись той мысли, что черезъ нѣсколько лѣтъ они потеряютъ многое, лишь бы до той поры быть первыми между своими одно-

сельчанами. Тогда хозяинъ затруднялся посвятить почетной должности драгоценное время, которое все цѣликомъ было нужно для его трудной работы.

Эти взгляды и отношенія съ теченіемъ времени совершенно перемѣнились. Просвѣщенный сельскъ уже не имѣетъ недостатка во времени. Кто бы осмѣлился сказать передъ нимъ слово „недостатокъ“? У него достатокъ во всемъ, и во времени, особенно во времени, и если въ другихъ отношеніяхъ его избытки только мнимые и ложные, то въ отношеніи ко времени, это—несомнѣнный фактъ.

Въ его хозяйствѣ всѣ работы производятся непремѣнно машиннымъ способомъ. Машины непремѣнно должны быть самыми усовершенствованными и новомодными. Если его хозяйство слишкомъ мало для такихъ машинъ, онъ купитъ ихъ сообща съ сосѣдомъ или съ двумя сосѣдями. При машинѣ самъ онъ не работаетъ. Эта работа его недостойна, ибо это—дѣло наемныхъ работниковъ. Самъ онъ только наблюдаетъ, а часто и этого не дѣлаетъ. Если, благодаря современнымъ изобрѣтеніямъ, его работа такъ облегчена, то не является ли его ближайшею, даже святою обязанностью, все свое свободное время посвящать дѣятельности на благо общины, округа, страны, государства?

Мало-по-малу создались типы сельковъ, которые участіе въ общественной жизни признали своимъ прямымъ призваніемъ и ремесломъ. Они забираютъ въ свои руки „почетныя должности“ въ финансовыхъ учрежденіяхъ и банкахъ, вмѣстѣ съ обязанностями по выборамъ и съ народнымъ представительствомъ въ сеймѣ и имперскомъ совѣтѣ. Здѣсь мы имѣемъ типъ селька-политика, общественнаго дѣятеля, „дѣльца“. Онъ ѣздитъ изъ комитета въ комитетъ, изъ парламента въ парламентъ, изъ комиссіи въ комиссію, ораторствуетъ на избирательныхъ сходкахъ и въ общественныхъ собраніяхъ, пишетъ въ газетахъ, составляетъ проекты, какъ спасти народъ, ведетъ полемику съ своими противниками, и стираетъ ихъ въ порошокъ нѣсколькими словами. Такая общественная дѣятельность требуетъ для себя всего человѣка. Сельскъ-политикъ забрасываетъ свое хозяйство, ему не хватаетъ времени даже смотрѣть за нимъ и его хозяйство начинаетъ клониться къ упадку. Но на это сельскъ-политикъ уже не смотритъ. Онъ уже весь съ головой лветъ къ гибели по теченію капитализма, который съ дикою злою уноситъ его съ его прямой дороги. Выборныя должности дѣю даются кому-нибудь сами собою. Кто къ нимъ стремится, долженъ домогаться ихъ, поддерживать обширными сношеніями, приобретать политическихъ друзей и добиваться ихъ благодарности, устранять слабыя стороны „политическихъ противниковъ“, устранять ихъ съ арены агитаціями и интригами и поражать ихъ во

всемъ. На полѣ битвы, гдѣ льется кровь, чаще противникъ пощадить противника, чѣмъ въ бою политическомъ,—чаще побѣжденный найдетъ милость у врага, чаще одинъ признаетъ честность и благородство другого, чѣмъ въ бою политическомъ. А селяки обнаруживаютъ особенную неразборчивость въ этомъ бою.

Тотъ, кто сумѣлъ заполучить себѣ много „почетныхъ мѣстъ“ и „выборныхъ должностей“, конечно, по всей справедливости можетъ быть признанъ человѣкомъ популярнымъ, по крайней мѣрѣ среди тѣхъ, которые поддержали его своими голосами и сдѣлали его своимъ представителемъ, мужемъ своего довѣрія. Кто имѣетъ право отрицать эту популярность? Популярныя политики импонируютъ и своей партіи, и партіямъ противниковъ, и правительству. Да иначе и быть не можетъ: эти люди должны выдаваться изъ среды своихъ однообщественниковъ способностями, знаніями и опытностью, и въ концѣ концовъ такимъ людямъ почетныя мѣста и общественныя должности даются сами собою, сами ихъ выглядываютъ. Такой человѣкъ оказывается на высотѣ своего значенія и вліянія. Онъ приобрѣлъ авторитетъ, добился какъ бы непогрѣшимости, и слово его стало рѣшающимъ.

Такимъ образомъ Вацлавъ Янда сталъ „папою чешскихъ селяковъ“. Но опять замѣчу, что Вацлавъ Янда былъ человѣкомъ, который заслуживалъ довѣрія и никогда его не обманывалъ. Онъ былъ олицетвореніемъ эволюціи чешскаго селяка во всѣхъ направленіяхъ. Быть олицетвореніемъ чешскаго декадентства было суждено его сыну Герману. Но объ этомъ—послѣ.

Тотъ, къ кому питаютъ довѣріе его ближайшіе и однообщественники, которые могутъ знать его жизнь изо дня въ день, къ кому питаетъ довѣріе все его сословіе, весь народъ, кому уступаютъ и противники,—какимъ образомъ могъ бы встрѣтить себѣ недовѣріе въ финансовыхъ учрежденіяхъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ онъ является членомъ совѣта? Всѣмъ извѣстны его владѣльческія права. Всѣ знаютъ, какъ велико его имѣніе и насколько оно доходно, какія деньги онъ получилъ изъ своей сахароварни, какое приданое принесла ему его жена, отъ кого и какое онъ получилъ наслѣдство. Наконецъ, извѣстно о немъ и то, что его „книги чисты“, что въ нихъ не занесено ни одного ипотечнаго долга. Все это содѣйствуетъ увеличенію личнаго кредита до такой степени, на которой пользованіе кредитомъ перестаетъ быть нормальнымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Если бы у какого-либо финансоваго учрежденія явилась хоть тѣнь недовѣрія, его опасенія тотчасъ разсѣяли бы „чистыя книги“ и оно бы рѣшило открыть кредитъ, ибо, если явится какое-либо сомнѣніе, долгъ можно обезпечить ипотекою. Но этого не сдѣлаетъ и самое недовѣрчивое учрежденіе. Каждый остерегся бы про-

явить недовѣріе къ состоятельному хозяину такого значенія, такого блестящаго прошлаго, такихъ связей и такого вліянія. Онъ по всей справедливости почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ и не оставилъ бы этого оскорбленія безъ отвѣта съ своей стороны. И по этой лѣстницѣ дѣло идетъ до той ненормальной высоты, съ которой нѣтъ спуска и возможно лишь только одно паденіе.

До сихъ поръ мы описывали только свѣтлыя стороны этихъ отношеній, этой эволюціи. Теперь настала диссолюція.

Диссолюція никогда строго не отдѣляется отъ эволюціи. Она начинается не тогда, когда періодъ эволюціи кончился, но сопровождается ее съ самаго начала, какъ тѣнь, и неразлучно соединяется съ нею, какъ изнанка ткани съ ея лицевой стороной. Кто хотѣлъ видѣть,—могъ. Кто хотѣлъ предсказывать упадокъ, имѣлъ данныя. Но такихъ людей не нашлось, которые бы взяли на себя бремя непопулярности и подставили бы себя подъ камни людей популярныхъ.

Какъ только центръ тяжести деревенскаго хозяйства отъ чистаго крестьянства перешелъ въ промышленную область,—земледѣіе неизбѣжно должно было подчиняться всѣмъ частымъ переменамъ, жертвою которыхъ является промышленность. Быстро возрастающая зажиточность чешскаго селяка отъ разведенія свекловицы вызвала заграничную конкуренцію. Но паденіе сахарной промышленности проявилось не сразу, такъ какъ финансовая политика государства смотрѣла тогда на вывозъ сахара, какъ на свою гордость передъ всѣмъ свѣтомъ, и чтобы поддержать этотъ престижъ, государство уплачивало за вывозимое за границу огромное количество сахара опредѣленные премии, которыя давали сахарозаводчикамъ возможность выдержать заграничную конкуренцію. Но мировая конкуренція отъ этого не остановилась, но стала расти дальше. Надо было понизить цѣну на сырую свекловицу. Это въ первый разъ крѣпко встряхнуло прогрессивное хозяйство селяковъ. Они сдѣлали все, чтобы отвратить этотъ кризисъ, т. е. жаловались въ парламентахъ, на митингахъ и въ газетахъ, но въ концѣ концовъ успокоились и узнали, что они могутъ доставлять свекловицу и по меньшей цѣнѣ. Это вездѣ за нѣсколько лѣтъ повторялось нѣсколько разъ. Свекловица теперь стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ 30, 35, 40 лѣтъ тому назадъ, и государство, наконецъ, отменило вывозную премию. Поставщики свекловицы работаютъ теперь уже съ небольшимъ барышемъ, работаютъ съ грѣхомъ пополамъ, но сѣютъ все же свекловицу, потому что *должны* ее сѣять. Уже давно они устроили свою жизнь въ расчетъ на высокіе доходы съ посѣва свекловицы. Сравнительно съ прежнимъ уровнемъ доходности взяли на себя разнообразныя обязательства. Прежній высокій доходъ сочли нормальнымъ доходомъ и по его мѣркѣ построили свою жизнь въ семьѣ и обществѣ.

Среди матеріальныхъ обязательствъ, которыя заставляютъ селяка сѣять свекловицу, хочеть онъ или не хочеть, на первомъ мѣстѣ стояли тѣ, которыя онъ принялъ на себя по отношенію къ сахарозаводчику, которому онъ поставляетъ сырую свекловицу. Ему за прежде полученный авансъ онъ обязанъ по крайней мѣрѣ уплатить столько же, или за прежній годъ доставить столько же свекловицы, сколько онъ обязался. Онъ выполняетъ свое обязательство, но уже отнюдь не какъ вольный человекъ, а какъ рабъ капитала. За одинъ годъ онъ выполнить свое обязательство, а подъ другой беретъ уже новый авансъ, безъ котораго обойтись не можетъ. И такимъ ходомъ идетъ дѣло дальше.

Какъ прежде было сказано, при началѣ эволюціи очень возросли цѣны на земли, на которыхъ разводили промысловыя растенія. Онѣ возросли не только вслѣдствіе ихъ доходности, но и вслѣдствіе спроса на нихъ.

Среди крестьянъ нашлось достаточно много такихъ, которые рѣшили ограничиться исключительно посѣвомъ свекловицы и на этомъ основаніи считали самымъ выгоднымъ по дорогой цѣнѣ продать остальную часть земли. Эти участки покупали какъ наиболѣе зажиточные и сообразительные крестьяне, такъ и менѣе зажиточные, даже безземельцы. Послѣдніе покупали маленькіе участки, которые обрабатывали безъ накладныхъ расходовъ высокоразвитаго машиннаго производства, такъ какъ на покупку машинъ не имѣли средствъ и онѣ въ концѣ концовъ при ихъ „малоземельи“ были для нихъ излишними. Они стали обрабатывать землю самымъ примитивнымъ способомъ, мотыкою и киркою, и всѣ члены одной семьи выходили на работу. Если зажиточный селякъ жаловался, что онъ долженъ платить высокую плату работникамъ и поденщикамъ, которые къ тому же не такъ добросовѣстны и надежны, какъ они прежде бывали,—собственники небольшихъ участковъ,—которые сами дѣлали работу и ничего не платили наемнымъ людямъ, все дѣлали старательно, добросовѣстно и честно,—не имѣли причинъ къ такимъ жалобамъ. Доходность ихъ участковъ была гораздо выше, чѣмъ доходность всякаго зажиточнаго селяка.

Подъемъ крупнаго хозяйства остановился, а маленькое хозяйство растетъ рядомъ съ нимъ и отчасти въ ущербъ ему.

Дробленіе (парцелляція) большихъ сельскихъ участковъ у давно стало обычнымъ явленіемъ именно въ тѣхъ мѣстахъ Чехіи, гдѣ экономической прогрессъ былъ выше и популярнѣе. Изъ парцелляціи мало-по-малу выработался позорный, но доходный промыселъ.

Сначала все шло по доброй волѣ; впоследствии, послѣ раздѣловъ съ аукціона продавали усадьбы тѣхъ хозяевъ, у которыхъ пассивъ превышалъ активъ, и вслѣдствіе этого у нихъ имѣніе продавалось по суду и дѣлилось на участки, чтобы поднять его цѣнность

Дробленіе на участки причиняло огорченіе селякамъ, но выгодность продажи заглушала чувство стыда, которое падало на нихъ, за то, что они не умѣли удержать въ своихъ рукахъ наслѣдство. Распроданный по участкамъ селякъ считалъ для себя за честь, что онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ по-кавалерски, надѣлалъ столько-то и столько-то долговъ, оказался въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и вотъ, продавъ свою собственность по участкамъ, рассчитался съ кредиторами, избавился отъ стѣснительнаго положенія и у него на рукахъ оказалась наличность больше, чѣмъ стоило все его хозяйство, когда онъ получилъ его по наслѣдству отъ отца.

Впрочемъ, это еще лучший случай, а бываютъ и такіе, гдѣ продажа по участкамъ оставляетъ въ рукахъ прежняго собственника только крохи, чуть не нищенскія крохи прежней зажиточности. Въ первомъ случаѣ бывшіе собственники направляются или въ города, или въ такіе края, гдѣ земля дешевле, чтобы тамъ приобрести земельную собственность и сдѣлать новую попытку вести хозяйство по новому, безъ тѣхъ ошибокъ, которыя свели дома все хозяйство на нѣтъ. Во второмъ случаѣ въ дѣло вмѣшиваются агенты и маклера. Характерно то, что селяки-кавалеры, потерпѣвшіе крахъ, являются покровителями людей, которые дробленіе деревенскихъ участковъ сдѣлали себѣ ремесломъ. Такой патронъ маклеровъ ходитъ изъ деревни въ деревню, отъ знакомаго къ знакомому и указываетъ всѣ тѣ выгоды, которыя онъ приобрѣлъ, когда позволилъ распродать по участкамъ свою земельную собственность: нынѣ онъ безъ работы и заботы поживаетъ себѣ привольно и весело, какъ птичка. И селяки, которые отвыкли страстно любить свою родную землю, свою отчину и дѣдину, и научились смотрѣть на нее равнодушно, какъ на предметъ, который представляетъ такой-то и такой-то капиталъ и можетъ приносить такіе-то и такіе-то проценты, охотно летятъ въ разставленные силки и добровольно позволяютъ продавать свою земельную собственность.

Въ Прагѣ я знаю одного адвоката, который соблазняетъ селяковъ на добровольное дробленіе участковъ по указанному способу. Въ намѣченную деревню онъ является съ музыкантами, которые останавливаются на площади и играютъ. Когда они обратятъ на себя вниманіе всей деревни, они идутъ къ корчмѣ, продолжая играть. Въ корчму приходятъ сосѣды за сосѣдомъ. Адвокатъ всегда по-пріятельски встрѣчаетъ, и селяку, который объ адвокатахъ отродясь ничего не слышалъ, кажется лестнымъ, что о немъ знаютъ и „паны въ Прагѣ“. Адвокатъ всѣхъ угощаетъ, со всѣми пьетъ и со всѣми братается. Онъ поднимаетъ разговоръ о хозяйствѣ, условіяхъ жизни и политикѣ. Какъ будто бы случайно, въ корчму приходитъ нанятый адвокатомъ зазыватель, селякъ-кавалеръ,

распродавшій свою земельную собственность по участкамъ. Онъ хватить эту дробную продажу земли, видитъ въ ней единственное средство помочь селяку въ это „отвратительное“ время и божится и клянется, что только парцелляція помогла ему добиться того, чѣмъ онъ нынѣ сталъ, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Пирушка продолжается до ночи,—и когда адвокатъ уѣзжаетъ, онъ каждый разъ увозить въ карманѣ одно или два письменныхъ заявленія о желаніи продать имѣніе по участкамъ.

На адвокатовъ, падающихъ, какъ будто бы съ неба, селяки смотрятъ, какъ на самыхъ зловредныхъ враговъ своихъ и своего сословія. Они говорятъ, что въ Чехіи адвокатъ является тѣмъ же, чѣмъ въ Галиціи, въ Польшѣ, въ западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Венгріи является жидъ. Они относятся къ адвокатамъ съ такой ненавистью, что ведутъ съ ними борьбу грудь съ грудью даже и въ политикѣ, о чемъ еще будетъ рѣчь. Несомнѣнно, что адвокаты этой категоріи, какъ вѣрно было замѣчено, не могутъ считаться друзьями селяковъ. Они вполне заслуживаютъ того, чтобы ихъ прямо называли отбросами своего сословія и человѣчества. Но не всѣ адвокаты таковы. И селякъ, который гордится своимъ образованіемъ и дѣйствительно имъ обладаетъ, за свою дѣятельность прежде всего долженъ отвѣчать самъ.

Селяки-кавалеры въ послѣднемъ фазисѣ своей эволюціи привыкли пользоваться адвокатомъ такъ же, какъ польскіе шляхтичи пользуются факторами-жидами. Веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ они довѣрили адвокату. Адвокатъ заботился о томъ, чтобы ихъ векселя были переучтены своевременно, а это большая выгода, ибо вексельная неурядица сожрала много сельскихъ денегъ, адвокатъ пріискиваетъ для нихъ новый кредитъ, охраняетъ ихъ интересы въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, пишетъ для нихъ политическія рѣчи и газетныя статьи, словомъ, становится для нихъ необходимымъ. Если селяку были нужны деньги, онъ просто заказывалъ ихъ своему адвокату и получалъ ихъ каждую минуту. Впрочемъ такъ дѣло шло только до той поры, пока активъ мужика превышалъ его пассивъ. Когда же адвокатъ говорилъ: „довольно“,—селякъ вдругъ начиналъ понимать свое положеніе, но вину за свое разореніе возлагалъ не на себя, а на адвоката.

Недавно объ этомъ печальномъ положеніи вещей я говорилъ съ однимъ адвокатомъ. Онъ говорилъ: „мы поднимаемъ ту перчатку, которую бросаютъ намъ селяки, но потомъ бѣда имъ! Они забываютъ, что мы собственно ближайшіе ихъ благодѣтели, потому что мы долго отдаляли отъ нихъ кризисъ, который они сами себя пригото-

вили! И они забываютъ также, что мы держимъ конецъ той петли, которую селяки сами себѣ надѣли на шею, и когда мы ее задержимъ, селякъ перестанетъ существовать!“

Деревенская жизнь идетъ въ ширь и любитъ своеобразную вольность, которую селякъ умѣетъ обезпечить для себя, даже при самомъ тяжеломъ порабощеніи, именно тѣмъ, что сохраняетъ свою индивидуальность. Онъ именно такой, а не другой — и баста! Съ этимъ долженъ считаться каждый, кто войдетъ съ нимъ въ сношенія, будетъ ли онъ выше или ниже его, и даже въ томъ случаѣ, если имѣетъ столько власти надъ нимъ, что можетъ лишить его жизни однимъ мановеніемъ руки.

Денежная система съ этимъ несомнѣстима; денежная система требуетъ безусловнѣйшей точности, требуетъ своего, несмотря ни на что, и менѣе всего считается съ индивидуальными особенностями и обстоятельствами чедовѣка.

Объ эти несомнѣстныя величины ни въ какомъ случаѣ невозможно привести въ гармоническое созвучіе. Если, — отъ чего сохрани Боже народы! — денежная система вырветъ землю изъ рукъ, которыя ее вѣками обрабатываютъ, и передастъ ее въ руки жрецовъ Молоха, то и этимъ не создается никакой гармоніи, ибо гармонію не можетъ создать одинъ только звукъ. Въ этомъ случаѣ землей овладѣютъ представители капитала и у нихъ для селяка не найдется даже мѣста поденьщика, ибо къ черной работѣ гораздо болѣе пригоденъ тотъ, кому она въ привычку, чѣмъ тотъ, кто недавно дѣлалъ изъ себя „милость пана“.

Прирожденная селяку неторопливость и неточность въ финансовыхъ дѣлахъ имѣла для его экономического положенія особенно дурныя послѣдствія. Сначала ему льстило, что для него довольно подписать листъ бумаги, чтобы получить за него готовые деньги. Вотъ какъ много значить его подпись, ибо всюду знаютъ, какой онъ богатый! И дѣйствительно, онъ подписывалъ эти бумаги. Но это было еще меньшее зло. Гораздо худшія послѣдствія для него имѣло прямое участіе въ финансовыхъ учрежденіяхъ, которыя селякъ основывалъ самъ и дѣлами которыхъ онъ заправлялъ. Здѣсь онъ чувствовалъ себя, какъ дома, думая, что съ полною безопасностью онъ можетъ отказаться здѣсь отъ своей деревенской неторопливости и задолженности. Не замѣчая этого, селяки цѣлыхъ округовъ отдавали свое существованіе въ руки наемныхъ директоровъ своихъ собственныхъ финансовыхъ учрежденій. Объясню это примѣромъ.

Въ серединѣ 60 годовъ прошедшаго столѣтія, когда деревенская эволюція была во всемъ цвѣту, въ Мельникѣ явился молодой чедовѣкъ, по имени Франтишекъ Винклеръ. Онъ былъ редакторомъ

какого-то провинціального листка и просидѣлъ нѣсколько недѣль, можетъ быть нѣсколько мѣсяцевъ, въ тюрьмѣ, такъ какъ въ то время со стороны австрійской власти было поднято крутое политическое преслѣдованіе чешскаго народнаго движенія. Изъ тюрьмы онъ вышелъ какъ „дѣльный человѣкъ“, какъ политическій мученикъ. Селяки такого прогрессивнаго и такого сознательно народнаго округа, какъ Мельницкій, безъ всякихъ опасеній довѣрили Винклеру должность секретаря уѣзднаго земства. Винклеръ поддакъ честолюбивой мечтѣ играть роль на широкой политической аренѣ и посвятилъ свои силы исключительно дѣятельности въ уѣздѣ и въ краю. По его убѣжденію селяки мельницкаго округа основали финансовое учрежденіе и директоромъ его сдѣлали инициатора этой идеи, Франтишка Винклера. Годовое его жалованье состояло изъ 800 кронъ по должности окружнаго секретаря, 1,200 кронъ по должности директора финансового учрежденія. Но черезъ 12—15 лѣтъ послѣ этого, Винклеръ былъ въ своемъ округѣ всемогущимъ паномъ, и это сдѣлало его человѣкомъ вліятельнымъ, извѣстнымъ всему королевству. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивались и его средства. Надъ Лабою, на высокой скалѣ онъ построилъ себѣ небольшой замокъ, съ огородомъ и виноградникомъ, и здѣсь жилъ и дѣйствовалъ, пользуясь всеобщимъ почетомъ. Уже давно стороною ходили слухи, что средства Винклера добыты нечестнымъ путемъ, но при отсутствіи доказательствъ никто не осмѣлился на публичное обвиненіе. Для того, чтобы его противники могли добить доказательства противъ него, имъ было необходимо осмотрѣть и съ знаніемъ дѣла провѣрить книги финансового учрежденія, а это было для нихъ невозможно. Впрочемъ, эти книги просматривались каждый годъ при выборахъ, причемъ оказывалось, что по нимъ все въ порядкѣ и это выборные члены свидѣтельствовали своими подписями.

Восемь лѣтъ тому назадъ въ этомъ финансовомъ учрежденіи была обнаружена растрата. Сначала она показалась небольшою, и можно было думать, что она объясняется недосмотромъ ревизіи. Винклеръ покрылъ недочетъ, но общественное мнѣніе требовало, чтобы книги были провѣрены болѣе строго. Когда это сдѣлали, оказалось, что Винклеръ велъ книги фальшиво съ самаго начала дѣла и такимъ путемъ произвелъ растрату въ миллионъ кронъ. Какъ онъ, такъ и выборные члены были взяты въ тюрьму предварительнаго заключенія, и слѣдствіе по этому дѣлу затянулось надолго. Винклеръ въ тюрьмѣ захворалъ, и когда состояніе его здоровья было признано безнадежнымъ, его выпустили изъ тюрьмы, но слѣдствія по этому дѣлу не прекратили. Смерть спасла Винклера отъ судебного приговора, но отъ этого приговора не ушли выборные члены.

у которыхъ было конфисковано все имѣніе на пополненіе тѣхъ убытковъ, которые были причинены растратами Винклера.

Этотъ крахъ разразился надъ крестьянствомъ не только мельничкаго округа, но и сосѣднихъ округовъ, откуда сотни сельяковъ обращались къ Винклеру за кредитомъ. Это былъ тяжелый погромъ, послѣдствія котораго сельское населеніе этихъ округовъ будетъ нести еще долго.

Это наиболѣе яркій изъ ряда подобныхъ примѣровъ, которые возникли за послѣднее десятилѣтіе, какъ будто бы для того, чтобы доказать чувствительнымъ образомъ сельяку, чешскому сельяку, что даже онъ при всей его хваленой прогрессивности не можетъ и не долженъ переходить на формы денежнаго хозяйства. Такіе случаи бывали также и въ городахъ, затрогивали и городское населеніе, бывали въ Моравии и въ Силезіи и въ настоящее время стали зауряднымъ явленіемъ на всемъ европейскомъ западѣ. Но то, что касается всеобщности этихъ явленій, не входитъ въ наши задачи, такъ какъ наша работа посвящена исключительно эволюціи и диссолюціи чешскаго сельяка.

Ухудшеніе экономическихъ отношеній отразилось также и на политикѣ чешскаго сельскаго населенія. Чешскій земледѣлецъ всегда былъ ядромъ чешскаго народа, его сильнымъ, непобѣдимымъ бойцомъ въ гусситскія времена, хранителемъ чешскаго языка и народной самобытности во времена упадка, изъ его среды вышли самые знаменитые будители народа во времена возрожденія и въ конституціонную эру чешскій сельякъ всегда вѣрно и крѣпко стоитъ на стражѣ и оборонѣ правъ своего народа. Такъ было еще 15 лѣтъ тому назадъ. Но за послѣднія 10 лѣтъ замѣтенъ поворотъ къ худшему и въ этомъ отношеніи.

Утративъ способность строгой самокритики, и забывая, что каждый недужный организмъ идетъ навстрѣчу неотвратимой смерти, если въ немъ самомъ не явится спасительной реакціи, передовые и просвѣщенные чешскіе сельяки готовы видѣть причину своего упадка гдѣ угодно, только не въ себѣ,—гдѣ угодно искать помощи и лекарства, только не въ своемъ внутреннемъ возрожденіи, въ очищеніи своего духа въ возвращеніи къ своимъ сословнымъ традиціямъ.

По примѣру аграрной партіи въ сосѣднемъ нѣмецкомъ государствѣ, чешскіе сельяки создали аграрную политическую партію. Отъ своего нѣмецкаго образца они заимствовали непримиримость со всѣми остальными политическими партіями и на пути этой непримиримости зашли такъ далеко, что уже забыли цѣли чешской народной политики. Они проникнуты грубымъ сословнымъ эгоизмомъ, который приводитъ ихъ къ конфликту со всѣми партіями и сосло-

віями за исключеніемъ дворянскаго. Въ этомъ опять-таки сказывается неудачное подражаніе нѣмецкому образцу, гдѣ аристократы стоятъ во главѣ аграрнаго движенія. У чеховъ это сближеніе сельковъ съ феодалами проявляется своеобразными отношеніями, при которыхъ феодалы производятъ свое вліяніе на мнѣнія и взгляды сельковъ, чего сельяки не замѣчаютъ. Аристократы (нѣкоторые) братаются съ сельяками, которые видятъ непомерный успѣхъ своей политики, когда съ ними (съ нѣкоторыми изъ нихъ) входятъ въ сношенія князь X. или графъ Y.

Когда 14 лѣтъ тому назадъ, въ борьбѣ съ „вѣнскими пунктаціями“ предводитель старо-чеховъ, Ригеръ, на чешскомъ сеймѣ сказалъ о сельякѣ, что для него главное дѣло—сколько стоитъ пшеница или свекловица, и второстепенное дѣло, тверда ли его родина или поддается засилію со стороны нѣмцевъ,—то весь народъ былъ возмущенъ этимъ выраженіемъ, какъ въ высшей степени несправедливымъ, и пытался дать удовлетвореніе чешскому сельяку, въ которомъ чтить хранителя чешскихъ народныхъ идеаловъ. Тогда еще весь чешскій народъ былъ убѣжденъ, что у него есть сельское сословіе, которымъ онъ можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ, и какого нѣтъ ни у одного другого народа. Тогда чешское сельское населеніе было еще гордостью и надеждою всего народа. Теперь этого нѣтъ и этимъ въ крѣпости чешской народной политики сдѣланъ опасный проломъ.

Отдѣльные выборы въ земскій сеймъ и въ вѣнскій рейхсратъ, которые за послѣдніе годы происходятъ въ чешскихъ сельскихъ округахъ, въ большей части происходятъ въ пользу кандидатовъ аграрной партіи, и нѣтъ такого авантюриста, которому бы сельяки не дали своихъ голосовъ, причемъ они съ бравью относятся ко всему другому на свѣтѣ, и прежде всего къ остальнымъ партіямъ и фракціямъ чешскимъ.

Это несомнѣнный признакъ глубокаго недовольства, но это недовольство, какъ было уже сказано, слѣдовало бы обратить на свое собственное нутро, на свою собственную душу, на свою собственную совѣсть, если бы оно было признакомъ чего-либо добраго. Но оно является слѣдствіемъ отреченія отъ всѣхъ принциповъ, всѣхъ идеаловъ, всѣхъ стремленій къ общему благу, и источникомъ, изъ котораго оно черпаетъ свои силы, является ненависть ко всему, какъ у социалистовъ.

Такимъ образомъ мы дошли до полнаго нравственнаго разложенія чешскаго крестьянства, которое явилось слѣдствіемъ экономической гнилости.

Крайне печально смотрѣть, какъ сторонники этого сословія, еще 15—20 лѣтъ тому назадъ полнаго крѣпкимъ довѣріемъ къ себѣ, дерутся въ наши дни за депутатскіе мандаты и за спекуляціи въ

надеждѣ, что имъ, какъ депутатамъ, станутъ доступны нѣкоторыя платныя должности въ области самоуправленія, посредствомъ которыхъ они могли бы поправиться въ экономическомъ отношеніи!

Каковы же жены этихъ деревенскихъ декадентовъ?

Жена падаетъ здѣсь вмѣстѣ съ мужемъ. Пока сельяки такъ безсильно, слѣпо и безсмысленно не поддавались влиянію того, что приходило къ нимъ подъ маскою прогресса и просвѣщенія, чешская поселянка, жена и дѣвушка была жемчужиною своего пола. Она была щедро надѣлена всѣми добрыми качествами. Она умѣло вела хозяйство, была трудолюбива, благонравна, цѣломудренна, отъ природы толкова. Эній Сильвій, впоследствии папа Пій II, говорилъ о чешскихъ женщинахъ времени гуситства, что между ними встрѣчались такія, которыя знали священное писаніе наизусть и могли объяснять его, какъ ученые клирики. Свѣжесть мысли, благородство воли и сердца и рѣдкая образованность всегда отмѣчали чешскую поселянку. Что другое спасало поколѣнія отъ глубочайшаго народнаго упадка, если не материнское молоко чешской поселянки, ея пѣсни и сказки, ея самобытный духъ.

Новая пора прогресса и просвѣщенія перемѣнила ее такъ же, какъ и ея мужа. И она стремится не отстать въ просвѣщеніи отъ мужа, хочетъ быть его достойна, чтобы ему не пришлось стыдиться за нее передъ людьми. Каждая изъ нихъ стремится къ тому, чтобы послѣ 14-го года, до котораго по закону она должна посѣщать общественную школу, повысить свое образованіе. Съ этой цѣлью она посѣщаетъ различныя учрежденія и курсы, лучшія школы хозяйственныя, молочныя и т. п. А у южныхъ чеховъ сельяки охотнѣе всего отдають для окончанія образованія въ женскіе монастыри. Все это сближаетъ жену, какъ и мужа, съ городскимъ образомъ жизни и отдаляетъ отъ деревенскаго. Особенное старанье прилагается къ тому, чтобы чешская поселянка достигла того образца, который можно характеризовать словами: возможно наивысшая всеобщая культура и полное отсутствіе индивидуальности. У нея бываетъ мало дѣтей. Сельскіе декаденты не задумываются надъ этимъ и не печалются. Напротивъ, они рады, ибо тѣ, которые остаются въ живыхъ, получаютъ наслѣдство за тѣхъ, которые умирають, и такимъ образомъ временно снова становятся на ноги, снова могутъ играть большую роль въ обществѣ и отдаваться иллюзіи, будто бы они растутъ.

Этимъ процессомъ охвачено главнымъ образомъ сельское населеніе округовъ, расположенныхъ полукругомъ къ сѣверу отъ Праги и простирающихся до пограничной черты между чешской и нѣмецкой народностями. Для нѣмцевъ отнюдь не тайна эта слабая сторона чешскаго народа, и недавно среди нихъ прошелъ девизъ:

„организовать внутреннюю колонизацію“ въ Чехи, т. е. покупать земельные участки чешскихъ селяковъ, которые продаются съ аукціона по суду или добровольно, и водворять на нихъ безземельныхъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Познани. Но этотъ замыселъ не грозитъ впрочемъ опасностью для чешской народности, прежде всего потому, что нѣмцамъ въ одиночку не усидѣть среди чеховъ, а во вторыхъ потому, что отмѣченный процессъ разложенія представляетъ изъ себя отнюдь не исключительный недугъ чеховъ, но представляетъ общеевропейское явленіе. Тамъ, гдѣ расширилась или еще расширяется денежная система за счетъ вѣковыхъ устоевъ деревенскаго хозяйства, которое проявляется подъемомъ естественнаго благосостоянія, цвѣтущаго благодаря разведенію хлѣбныхъ растеній, разведенію скота,—всюду замѣчается или будетъ замѣтенъ тотъ же упадокъ, который проявился у чешскаго селяка. Въ другихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ сѣдной Германіи, этому дѣлу умѣло помогаетъ правительство, а чешскій селякъ, какъ и чешскій народъ, предоставленъ самъ себѣ, и поэтому его диссолюція замѣтнѣе и ея процессъ быстрѣе.

Чешскую землю здѣсь приобрѣталъ, какъ уже выше было замѣчено, нынѣшній сельскій работникъ, бобыль, безземелецъ и мелкій деревенскій ремесленникъ. Они покупаютъ участки раздробленныхъ сельскихъ имѣній, усердною работою поднимаютъ свое и своихъ семей благосостояніе, становятся охранителями родной земли и снова льнутъ къ ней съ той первобытной лаской, которая всегда и вездѣ отличала селяка, пока онъ не былъ сломленъ денежной системой. Характерно и утѣшительно теперь и то, что нѣкоторая часть фабричныхъ рабочихъ стремится приобрѣсти кусокъ земли и даже кажется, что отвращеніе фабричныхъ рабочихъ къ ихъ нынѣшнимъ занятіямъ и стремленіе къ нормальной жизни при земледѣліи постоянно становится сильнѣе, чему способствуютъ также промышленные кризисы, которые поражаютъ сегодня одну, завтра другую отрасль промышленности. Еще очень недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, фабричный рабочій презиралъ деревенскую работу и, лишаясь работы на фабрикѣ, охотнѣе готовъ былъ помереть съ голоду, чѣмъ искать работы у селяка. Теперь этого нѣтъ, и эта перемена служитъ признакомъ поворота къ здоровой жизни въ общемъ смыслѣ этого слова.

На нашихъ глазахъ совершается огромный переворотъ въ общественной организаціи Европы. Въ ней исчезаютъ средніе классы. Исчезъ мелкій ремесленникъ въ городѣ и исчезаетъ мелкій землевладелецъ въ деревнѣ. Твердо стоятъ большая фабрика и большія помѣстья. Мелкій городской ремесленникъ лишается самостоятельности и становится фабричнымъ рабочимъ. Мелкій землевладелецъ,

селякъ, тоже гибнетъ, но только на свой собственный ладъ, ибо здѣсь остается земля, святая земля, которая даетъ новыя условія самостоятельнаго существованія и новаго развитія.

Нельзя предсказать, сколько времени продлится этотъ переворотъ. Онъ вполнѣ зависитъ отъ денежной системы, которая въ будущемъ неумоимо, безъ жалости будетъ стирать экономическія единицы, которыя захватилъ ея холодный механизмъ. Каждая изъ этихъ погибшихъ экономическихъ единицъ и всѣ онѣ вмѣстѣ слабѣе, чѣмъ денежная система, пока для человѣчества она имѣетъ значеніе закона и пружины всякаго прогресса.

Селякъ, который нуждался въ матеріальныхъ средствахъ къ улучшенію своего хозяйства, 30 лѣтъ тому назадъ, получалъ деньги изъ 8—9 годовыхъ процентовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ изъ 6⁰/₀—десять лѣтъ тому назадъ изъ 5⁰/₀; теперь онъ могъ бы эту ссуду получить изъ 3¹/₂—4⁰/₀, но онъ не можетъ перейти къ болѣе выгодному для него кредиту, такъ какъ его собственность обременена старымъ долгомъ. Соотвѣтственно этому его земельныя владѣнія 20 и 30 лѣтъ тому назадъ имѣли самую высокую цѣнность, а съ той поры вслѣдствіе различныхъ кризисовъ, постоянно падали. Обремененіе деревенской земли долгомъ по этой причинѣ является двойнымъ и невыносимымъ бременемъ.

Гдѣ есть старая задолженность, тамъ уже нѣтъ спасенія—и поэтому надо считаться съ тѣмъ, что дробленіе сельскихъ земель на небольшіе участки не останавливается, *а эти участки по своей величинѣ вполнѣ соответствуютъ надѣламъ русскихъ мужиковъ изъ общинной собственности.* Нѣтъ у меня здѣсь того русскаго и той русскои, съ которыми случай свелъ меня назадъ тому 20 лѣтъ, чтобы я могъ сказать и указать имъ, какъ удивительно ходъ вещей подтверждаетъ тотъ взглядъ, который я высказалъ въ спорѣ съ ними. Если бы было можно поговорить съ ними, я бы могъ, какъ очевидное доказательство своего взгляда, привести судьбу семьи Янда, эволюція и диссолюція которой недавно дошла до трагическаго конца.

Старый Вацлавъ Янда умеръ два года тому назадъ, доживъ до 70 съ чѣмъ-то лѣтъ. До самой смерти онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Когда онъ достигъ преклоннаго возраста, онъ сталъ передавать сыну одну должность за другой, все постепенно, осторожно, съ педагогическимъ тактомъ, чтобы сынъ приобрѣлъ практику и ловкость въ каждой области общественной дѣятельности. Онъ раздѣлилъ съ сыномъ и хозяйство, которое при своей жизни онъ увеличилъ со 100 корцевъ до 400. Сынъ былъ депутатомъ въ Прагѣ и въ Вѣнѣ, членомъ австро-венгерскихъ делегацій, председателемъ чешскаго отдѣла земледѣльческаго совѣта королевства чешскаго;

императоръ отличилъ его, какъ и отца, высокимъ орденемъ, который оправдывалъ стремленіе Янды получить дворянство, въ чемъ однако ему было отказано. Онъ пользовался уваженіемъ самыхъ передовыхъ политиковъ младочешской партіи, которой всегда вѣрно служилъ, какъ его отецъ.

По смерти отца, сынъ сталъ хозяиномъ всего имѣнія, стоимость котораго простиралась до 800,000 кронъ. Кромѣ того онъ купилъ фабрику для производства антисептической ваты, которая стоила около 150,000 кронъ. Его годовой доходъ опредѣлялся въ 60,000 кронъ и больше, включая въ эту сумму 20,000 кронъ гонорара и вознагражденія за почетныя должности.

Доходы этого селяка-кавалера равнялись доходамъ министра. Но и ихъ ему отнюдь не хватало для вельможныхъ капризовъ. Когда вошли въ моду автомобили, кто, какъ не молодой Янда, завелъ себѣ первый автомобиль? Когда ему утро нравилось, онъ садился съ женой на автомобиль и къ полудню пріѣзжалъ въ Карловы Вары (Карлсбадъ) къ обѣду. А жена была въ восторгѣ, что милый мужъ освободилъ ее отъ заботъ о домашнемъ обѣдѣ.

Черезъ два года молодой Янда вошелъ въ такіе долги, что уже не могъ изъ нихъ выпутаться. Кредитъ его былъ исчерпанъ. Онъ очутился въ такомъ положеніи, что ему было необходимо или платить долги, или признать себя банкротомъ и нести всѣ послѣдствія этого. Финансовыя затрудненія селяка-кавалера были такъ велики, что онъ бралъ деньги подъ проценты у своихъ служащихъ, въ чемъ впрочемъ ему давно далъ примѣръ не одинъ кавалеръ изъ родовой знати. Такое положеніе его совѣмъ уничтожало, хотя истинную причину его онъ заботливо скрывалъ даже отъ своей жены. Однажды вечеромъ онъ жаловался на нервныя боли въ головѣ. Онъ хотѣлъ остаться одинъ и безъ огня. На другой день его нашли на паркетѣ мертвымъ. Одни говорили, что его разбилъ параличъ, другіе говорили, что онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Онъ былъ единственнымъ сыномъ у своего отца, потомства послѣ него не осталось, такъ что съ Германомъ Яндой вымеръ тотъ родъ, судьба котораго была такъ тѣсно связана съ расцвѣтомъ и упадкомъ чешскаго крестьянства во второй половинѣ XIX столѣтія.

Въ газетныхъ отмѣткахъ о погребеніи Германа Янды было сказано, что его гробъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія провожало 400 каретъ, четыреста такихъ же селяковъ-кавалеровъ! Неужели ни одного изъ нихъ не постигнетъ судьба, подобная судьбѣ Германа Янды? Неужели ни одинъ изъ нихъ не задумается серьезно надъ этою судьбой и не почерпнетъ изъ нея поученія?..

Аеонъ, Салоники, Македонія.

(Путевые очерки и картины послѣднихъ событій).

I. Пароходъ „Корниловъ“.

Ужасно трудно порвать связи съ берегомъ... Въ послѣднюю минуту передъ отправленіемъ въ морской путь, у васъ всегда оказываются тысячи дѣлъ и заботъ, которыя, какъ назойливыя мухи, преслѣдуютъ васъ до борта парохода. Формальности заграничнаго путешествія, визировка паспорта, размѣнъ русскихъ денегъ на французское и турецкое золото и безконечныя, неабѣжныя у каждаго личныя дѣла заставляютъ васъ метаться во всѣ стороны, и вы только въ первый разъ вздохнете свободно, когда, послѣ каторги дѣлового дня, очутитесь на палубѣ гостепріимнаго парохода, который черезъ полчаса унесетъ васъ отъ этой скучной и надоедливой береговой сутолоки.

Въ четыре часа знойнаго іюньскаго дня я былъ на палубѣ парохода „Корниловъ“, отходившаго александрійскимъ круговымъ рейсомъ. „Корниловъ“ плавалъ по всѣмъ морямъ міра, былъ въ водахъ Дальняго Востока, открывалъ русскую персидскую линію и постоянно возилъ нашихъ богомольцевъ на Аеонъ и въ Іерусалимъ. Богомольцевъ и теперь выѣзжаетъ съ нами 23 человѣка. Пассажировъ въ первомъ классѣ было немного; ѣхали два иностранца въ Мерсину, ѣхала худая и смуглая, черноокая барыня для производства немедленной визиты надъ затерявшимся въ Македоніи ея мужемъ, ѣхала еще одна русская дама и пишущій эти строки. При царившей на берегу отчаянной жарѣ, приятно было войти въ просторныя, высокія и уютныя каюты парохода, въ которыхъ ощущалась прохлада.

На берегу горячій вѣтеръ поднималъ пыль. А тихое море азвертывалось передъ нами, все спокойнѣе и прекраснѣе, по мѣрѣ удаленія парохода отъ одесскаго берега. Удивительно

пріятно и успокоительно дѣйствуетъ морское путешествіе на челобѣка, только что вырвавшася изъ пыльной и удушливой песочницы, какова въ лѣтнюю пору Одесса. Волны съ мягкимъ плескомъ пробѣгаютъ вдоль наружнаго борта, въ открытые иллюминаторы несетъ здоровымъ эфиромъ моря. А всѣ скучныя дѣла, хлопоты и дразги жизни остались тамъ далеко позади.

Я былъ, однако, очень непріятно удивленъ, когда, выйдя на палубу въ седьмомъ часу вечера, неожиданно увидаль вновь передъ собой покрытые пылью берега Одессы.

— Что это значитъ, почему мы вернулись?—спрашиваю я у пароходной прислуги.

— Пароходъ маневрируетъ для повѣрки компаса,—отвѣчаютъ мнѣ.

Но вотъ и забавленіе.

Прислушиваюсь: пароходный винтъ забурлилъ сильнѣе, и „Корниловъ“ сразу взялъ опредѣленный курсъ и сталъ быстро удаляться отъ Одессы къ заманчивому югу.

— Когда мы будемъ въ Константинополь?—разспрашивали всѣхъ сидѣвшіе на палубѣ молодые супруги-еврей, пассажиры второго класса. — Я такъ хочу поскорѣе увидѣть Константинополь,—говорила молодая нарядная еврейка, кокетливо склонившаяся на плечо къ своему супругу.—Мы поѣдемъ на Принцезы острова. Говорятъ, на Принкипо очень хорошо. Мы непременно тамъ остановимся.

Воркующихъ супруговъ окружили другіе пассажиры и отъ нечего дѣлать рассказывали имъ о прелестяхъ Принцевыхъ острововъ и о чудесахъ Востока.

Вечеромъ, въ пароходной каютъ-компаніи состоялся маленькій концертъ: дамы, собравшись вмѣстѣ, пѣли аріи, тріо и дуэты. Гихое море благоприятствовало концерту. Два иностранныхъ агента демонстрировали передъ нами какой-то мелодичный усовершенствованный грамофонъ.

II. Почтовые голуби.

Ночь прошла спокойно. „Корниловъ“ методично выбивалъ свои узлы и, пройдя добрыхъ сотни три миль, на утро былъ на высотѣ Мангаліи. Въ 11 часовъ утра, на верхней палубѣ „Корнилова“ насъ, пассажировъ, ожидало интересное зрѣлище выпуска почтовыхъ голубей.

Въ послѣдніе годы на Черномъ морѣ производятся систематическіе опыты дрессировки молодыхъ голубей для военныхъ цѣлей. На „Корниловъ“ были взяты большія клѣтки съ 259 почтовыми голубями, которые, послѣ выпуска ихъ въ морѣ, должны были прилетѣть въ Одессу на военныя голубятни. Красивые, сытые голуби, сѣрые, бѣловатые и сѣдые, преимущественно бельгійской породы, нетерпѣливо толпились въ разставленныхъ на палубѣ запечатанныхъ клѣткахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали минуты своего освобожденія. Собравшіеся около клѣтокъ пассажиры, особенно дамы, любова-

лись и восторгались прелестными плѣнниками. Когда стрѣлка часовъ приблизилась къ одиннадцати, клѣтки перенесли на капитанскую площадку, куда вошли проводникъ голубей и нѣсколько человѣкъ матросовъ. По командѣ „срывай пломбы“, проводникъ и матросы распечатали клѣтки. Черезъ минуту эти клѣтки были всѣ разомъ открыты и масса голубей, громко шелестя въ воздухѣ крыльями, весело взвилась надъ пароходомъ. Стая поднималась все выше. Наконецъ, оглядѣвшись, голуби сразу взяли опредѣленное направленіе на сѣверо-западъ,—это былъ путь въ Одессу. Только одинъ голубь, видимо, слабый, сиротливо усѣлся на кормовой мачтѣ и поплылъ съ нами въ Константинополь. Проводникъ голубей, слѣдя за полетомъ своихъ питомцевъ, записывалъ въ памятной книжкѣ особенности ихъ полета и принятое ими направленіе.

— Эти голуби,—объяснялъ онъ, — уже опытные. Видите, вся стая выбрала вѣрный путь.

— А много ли голубей пропадаетъ въ пути? — спрашиваю я.

— Какъ случится. Большая часть, однако, прилетаетъ благополучно; пропадаетъ, можно сказать, около десяти процентовъ. Голуби летятъ вдоль береговъ, иногда отдыхаютъ, пьютъ воду, но на бессарабскомъ берегу ихъ безжалостно стрѣляютъ.

III. Бесѣда съ болгарями.

Въ Константинополѣ я интересовался славянскими дѣлами и новостями Македоніи. Уже въ прошлую поѣздку, въ мартѣ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ нѣкоторыми славянскими дѣятелями въ Царьградѣ о положеніи болгаръ въ Македоніи и о смутахъ. Въ настоящій пріѣздъ я спросилъ моихъ старыхъ собесѣдниковъ:

— Каковы отношенія съ турками, есть ли улучшенія?

— Маленькое улучшеніе есть, — говорилъ мнѣ почтенный врачъ-болгаринъ, хорошо освѣдомленный въ дѣлахъ своего народа,—нѣтъ сейчасъ прежнихъ преслѣдованій, нѣтъ массовыхъ арестовъ. Представители европейскихъ государствъ въ Македоніи оказываютъ благопріятное, умѣряющее вліяніе на турокъ, но бѣда вотъ въ чемъ: что было разрушено при недавнихъ погромахъ, то такъ и остается разрушеннымъ, нужда въ странѣ прежняя, шайки повстанцевъ опять появляются.

— Много ли бѣженцевъ вернулось въ Македонію? — спросилъ я.

— Вернулось около трети, тысячъ десять,—сказалъ онъ,— другіе еще остаются въ Болгаріи. Не смотря на всѣ настоящія, они не хотятъ возвращаться. На этой почвѣ вышелъ даже инцидентъ между Болгаріей и бѣженцами. Съ другой стороны, македонцамъ, высланнымъ изъ Константинополя, нѣтъ возможности возвратиться изъ опасенія репрессалій.

— Что, выяснилось, какіе округа Македоніи оказались наиболѣе пострадавшими?

— Много пострадалъ Монастырскій вилайетъ, округа Ко-

стуржскій, Лиринскій, Флоринскій и еще нѣкоторыя мѣста, преимущественно близкія къ Монастырю или же входящія въ въ Адрианопольскій вилайетъ.

Какъ ни забито болгарское населеніе на ближнемъ востокѣ, однако, болгаре и въ негосепримной обстановкѣ, созданной для нихъ турками, работаютъ по мѣрѣ возможности. За долгіе годы труда есть результаты. Болгарскій экзархатъ учредилъ сѣтъ школъ въ Македоніи, создалъ штатъ учителей, опредѣлилъ программы и контролировалъ школы. Турція очень желала бы уничтожить болгарскія школы Македоніи; она косо смотритъ на учителей болгаръ и, послѣ прошлогодняго возстанія, стѣсняетъ ихъ работу, требуя особыхъ гарантій ихъ благонадежности.

Турецкія стѣсненія совпадаютъ съ затаенными намѣреніями грековъ, стремящихся эллинизировать болгарское населеніе Македоніи. Это стремленіе особенно сказывается въ Салоникскомъ вилайетѣ, въ Сересѣ, въ Андрианополѣ. Въ городахъ болгаре эллинизированы путемъ греческихъ школъ и вліянія греческаго патріархата и греческихъ митрополитовъ.

Болгарами кое-что сдѣлано въ образовательномъ отношеніи и въ самомъ Константинополѣ. Болгарскимъ экзархатомъ учредена здѣсь въ 1889 г. болгарская семинарія. Цѣль этой семинаріи—поставлять въ Болгарію и Македонію священниковъ, воспитанныхъ въ духѣ болгарской церкви. Эта семинарія находится въ возвышенной части Перы — Шишли, и представляетъ закрытое учебное заведеніе. Образовательное значеніе болгарской семинаріи признается и въ Россіи.

Въ семинаріи 140 учениковъ.

Кромѣ семинаріи, болгарскому экзархату подчинены болгарскія училища Константинополя, одно двухклассное, находящееся въ Перѣ, и другое подобное же въ Фонарѣ. Эти училища—разсадники просвѣщенія для мѣстныхъ, константинопольскихъ болгаръ. Семинарія же принимаетъ учениковъ изъ Македоніи и изъ Болгаріи, окончившихъ три класса всякихъ училищъ. Въ обоихъ болгарскихъ училищахъ около 150—160 учениковъ.

Въ такихъ образовательныхъ учрежденіяхъ сказывается самая несомнѣнная необходимость для болгаръ, такъ какъ турки не принимаютъ болгаръ ни въ свои школы, ни въ университеты. Болгарскій экзархатъ, это единственное объединяющее начало между Болгаріей и Македоніей, является у болгаръ, помимо своего прямого назначенія, еще заботливымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

IV. Въ Мраморномъ морѣ.

Выходимъ изъ Босфора въ Мраморное море. Только что прошла передъ нами красивая панорама Стамбула съ Айя-Софіей, церковью св. Ирины, дворцомъ Константина, промелькнули и остались позади высоты азіатскаго берега и Скутари, съ красивымъ зданіемъ турецкой медицинской школы. Вдали

показались утопающіе въ голубомъ сумракѣ овалыя горы Принцевыхъ острововъ. Справа, на удаленномъ берегу, потянулись турецкіе военные склады, выглянула старая генуэзская башня и, наконецъ, выросъ на возвышенности храмъ, памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ въ Санъ-Стефано, выдѣляющійся издали своимъ высокимъ шпицемъ.

Въ Константинополѣ было жарко, а въ морѣ свѣжо. Налетающіе порывы сѣвернаго вѣтра не даютъ покоя и разводять и въ маленькомъ Мраморномъ морѣ порядочную зыбь. Море покрыто бѣляками пѣны, небо въ облакахъ. На Черномъ морѣ, вѣроятно, теперь жестокой штормъ.

На „Корниловѣ“ ѣдутъ евреи переселенцы въ Палестину, человекъ двадцать: они, собираясь въ группу, одушевленно разговариваютъ о будущемъ, по вечерамъ поютъ на палубѣ молитвенные гимны. Ихъ везетъ на новыя мѣста представительница еврейскаго переселенческаго комитета, молодая дѣвушка лѣтъ 25, очень бойкая, расхаживающая по палубѣ въ эксцентричной красной шапочкѣ. Ѣдетъ съ нами также группа магометанъ въ чалмахъ. Они съли въ Константинополѣ и направляются черезъ Портъ-Саидъ въ Бомбей. Вечеромъ, когда пароходъ проходитъ мимо скалистаго острова Мармора, закутавшася въ густыхъ сумеркахъ, магометане выходятъ на палубу и, обратясь на востокъ, усердно молятся Богу.

Среди русскихъ богомольцевъ, слѣдующихъ на „Корниловѣ“, 8 человекъ ѣдутъ на св. Аѳонскую гору и уже сегодня находятся въ благоговѣнномъ ожиданіи скорого прибытія къ цѣли своего путешествія.

Среди богомольцевъ встрѣчаю знакомаго монаха, бывшаго намѣстника Бизюкова монастыря на Днипрѣ. Мы узнаемъ другъ друга.

— Слава Богу, — говоритъ онъ, — удосужился совершить большое путешествие. Въ монастырѣ, знаете, всегда много хлопотъ, большое хозяйство, нелегко собраться въ путь. Я давно сдалъ должность другому намѣстнику и вотъ рѣшилъ побывать сначала на Аѳонѣ, потомъ въ Іерусалимѣ. Послѣ монастырской работы, это, знаете, рѣдкое счастье.

V. Аѳонъ.

Было время, когда русскіе пароходы не поддерживали регулярныхъ сношеній съ Аѳонской горой и богомольцы ѣздили на Аѳонъ только два раза въ годъ на праздникъ св. Пантелеймона и на праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы. Между тѣмъ, тяготѣніе къ Аѳону среди русскихъ богомольцевъ сильно увеличилось съ семидесятыхъ годовъ, съ тѣхъ поръ, какъ Пантелеймоновскій монастырь сдѣлался русскимъ. Путешествіе богомольцевъ на Аѳонъ на иностранныхъ пароходахъ было полно всякихъ неудобствъ и злключеній. Въ это трудное для русскихъ паломниковъ время нашелся единственный доброжелательный къ нимъ человекъ, выходецъ изъ Албаніи г. Сотирі-Папаяни, который началъ

принимать богомольцевъ съ иностранныхъ пароходовъ, турецкихъ и французскихъ, и доставлять ихъ изъ Константинополя и Дарданеллъ въ Пантелеймоновскій монастырь. Г. Сотирі-Папаяни обезпечивалъ всѣмъ богомольцамъ и обратный проѣздъ съ Аѳона въ Константинополь. Онъ устроилъ также пріюты для богомольцевъ въ Константинополь и въ Дарданеллахъ. За свои труды г. Сотирі-Папаяни былъ награжденъ императоромъ Александромъ III орденомъ св. Станислава.

Въ прежнее время богомольцы высаживались съ парохода въ Пантелеймоновскій монастырь, но паломническое движеніе на Аѳонѣ все увеличивалось. Кромѣ русскихъ богомольцевъ, на Аѳонѣ стремились болгары, румыны, греки. Пантелеймоновскій монастырь долженъ былъ всѣхъ принимать, всѣмъ давать помѣщеніе, всѣхъ кормить, что было для него, конечно, тяжело, такъ какъ румыны и греки несли жертвы исключительно своимъ монастырямъ. Требовалось новое центральное мѣсто для высадки богомольцевъ, нужна была Аѳону и маленькая закрытая и безопасная коммерческая гавань. Г. Сотирі-Папаяни основалъ въ 1881 году не вдалекѣ отъ Пантелеймоновскаго монастыря пристань Дафнэ, до сихъ поръ принадлежащую его наследникамъ. Изъ Дафнэ богомольцы расходятся по назначенію: кто направляется въ Пантелеймоновскій монастырь, кто въ Андреевскій скитъ, кто въ Ильинскій и въ нѣкоторыя другія большія келіи св. Аѳонской горы. Г. Сотирі-Папаяни завелъ лодки для переправы богомольцевъ, организовалъ перевозку и переправу грузовъ. Въ Дафнэ есть турецкая таможня, полиція, почта, есть церковь и гостинница, служащая временнымъ пріютомъ для прибывающихъ богомольцевъ.

Отъ Дафнэ до Пантелеймоновскаго монастыря рукой подать, до Андреевскаго скита (близъ Кареи—центра управления Аѳона) два часа верхомъ на мулахъ, или пѣшкомъ. Передвиженіе на мулахъ очень принято на Аѳонѣ, вслѣдствіе гористой мѣстности. Отъ Дафнэ въ Ильинскій скитъ три съ половиной часа на мулахъ или пѣшкомъ. Аѳонскіе скиты имѣютъ для своихъ надобностей собственныхъ муловъ.

Изъ Константинополя слѣдоваль со мной на „Корниловъ“ агентъ русскаго и другихъ пароходствъ, одинъ изъ сыновей покойнаго Папаяни, ведущій предпріятіе своего покойнаго отца вмѣстѣ съ двумя братьями, дежурящими въ Дафнэ поочередно и поочередно же уѣзжающими въ Константинополь.

— Складъ жизни на Аѳонѣ особый, — рассказываетъ мнѣ г. Сотирі-Папаяни.— Мы всѣ холостые, семейному человѣку на Аѳонѣ жить не полагается. Мѣстный надзоръ проявляетъ иногда особую шепетильность. Я держалъ куръ и пришлось удалить ихъ изъ моего хозяйства, оставивъ однихъ пѣтуховъ.

Г. Папаяни свободно объясняется по-русски и мы провели съ нимъ нѣсколько часовъ въ интересной бесѣдѣ. Онъ въ то время былъ очень огорченъ нападками одной русской газеты на его аѳонское агентство.

— Вотъ, посмотрите, что пишутъ о насъ,—сказалъ онъ и передалъ мнѣ длинную вырѣзку изъ русской газеты, въ которой я прочиталъ:

„На Аеонъ сразу поражаетъ васъ совершенное отсутствіе русскихъ служащихъ. Агентъ г. Папаяни состоитъ одновременно представителемъ трехъ пароходныхъ компаній: русской, турецкой и греческой. Уже это даетъ возможность судить о томъ, насколько дороги для г. Папаяни русскіе интересы. Онъ не только ни звука не знаетъ по-русски, но и не представляетъ себѣ величіе русскаго флага, подъ которымъ пароходы общества причаливаютъ къ Аеону, и позволяетъ турецкому полицмену безцеремонно конфисковать и задерживать русскую почту, въ изобилии адресуемую аеопскимъ монахамъ; даже самъ ее отсылаетъ въ турецкій каймакамъ (полицейское управленіе на Аеонѣ). Недовольные порядками г. Папаяни, русскіе монахи пробуютъ направить почту и посылки турецкими пароходами, что безъ сомнѣнія не въ интересахъ нашего коммерческаго общества. Г. Папаяни монополизировалъ въ своихъ рукахъ лодки для высадки пассажировъ съ парохода на берегъ и беретъ съ паломниковъ по 40 к. съ человѣка“.

Насколько справедливо было высказанное здѣсь—мы уже видѣли раньше и частью увидимъ изъ дальнѣйшаго.

Св. Аеонская гора расположена на ближайшей изъ трехъ косъ обширнаго полуострова, находящагося къ западу отъ Эгейскаго моря. Миновавъ Дарданеллы, пароходъ направляется проливомъ между гористыми островами Имбросъ и Лемносъ, принадлежащими Турціи. На первомъ находятся небольшія села, на второмъ городъ Кастро, гдѣ резиденція митрополита и мутесарифа. Почти половина Лемноса занята имѣніями, принадлежащими Аеону. Громадныя имѣнія Аеонъ имѣетъ и на другихъ сосѣднихъ полуостровахъ и внутри Македоніи.

Съ утра уже на „Корниловъ“ началось радостное оживленіе въ чайни, что вотъ-вотъ покажется Аеонская гора, но долго еще кругомъ разстилался однообразный просторъ моря, въ этихъ мѣстахъ совершенно голубого или скорѣе изумруднаго. Сѣверный вѣтеръ по прежнему надоедалъ намъ. Пароходъ покачивало. Надъ водой изрѣдка летали и кружились чайки, въ водѣ ныряли дельфины.

Послѣ напряженнаго ожиданія, въ полдень показалась впереди пароходнаго пути громадная гора, закутанная съ одной стороны бѣлыми облаками. По мѣрѣ нашего приближенія она выросла въ грандіозное и очаровательное зрѣлище.

— Какая красота!—могъ я только воскликнуть, когда надъ голубымъ моремъ уже выросла во всю свою величину Аеонская гора, напоминающая своимъ видомъ лежащаго верблюда. Справа вдали скрывался островъ Сасосъ.

Вотъ онъ, думалось мнѣ, уголь великаго подвижничества, гдѣ жили св. Афанасій Аеонскій, св. Петръ Аеонскій, св. Павелъ, св. Савва Сербскій, и много другихъ святыхъ.

Св. Аеонская гора поднимается на 6000 фут. надъ уровнемъ моря. На склонахъ ея много лѣсовъ, наверху голыя, каменистыя пространства, и далеко на высотѣ въ тѣнистыхъ ложбинахъ видны бѣлыя полосы и пятна снѣга. На самой вершинѣ

горы еле замѣтна одинокая церковь Преображенія Господня. На вершинахъ Аѳона пустынно, тамъ никто не живетъ, туда прѣзжаютъ только въ лѣтнее время, чтобы посѣтить храмъ Преображенія во время совершающихся въ немъ рѣдкихъ церковныхъ службъ. Въ день храмоваго праздника 6 августа въ церковь Преображенія собираются 100 — 150 богомольцевъ, они остаются тамъ не долго и устраиваются на ночлегъ въ обитаемой мѣстности, лежащей ниже, около церкви Божіей Матери, или располагаются около русской келіи св. Георгія, имѣющей 30 человекъ русскихъ монаховъ. Здѣсь есть удобства для остановки и для ночлега.

По скалистому откосу св. Аѳонской горы лѣплятся на разной высотѣ безчисленные скиты и келіи, пріютившіеся небольшими группами, какъ ласточкины гнѣзда. Вотъ скитъ св. Георгія, вотъ скиты св. Іоанна и св. Павла. Внизу по большей части находятся русскіе скиты и келіи, повыше ихъ греческіе. Зеленъ апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ красиво обрамляетъ небольшіе, живописные домики. Слева въ голубой дали чуть синѣетъ въ морѣ другой полуостровъ.

— А вотъ келія отца Саввы, знаменитаго старца Аѳонскаго, — рассказываетъ мнѣ одинъ изъ грековъ, монахъ спутникоуеъ, — Отцу Саввѣ 90 лѣтъ, это грекъ изъ Смирны, онъ замѣчательный подвижникъ. Отецъ Савва давно отказался отъ пищи только два раза въ недѣлю онъ ѣстъ хлѣбъ и травку и пьетъ воду. Вы думаете, онъ старый, дряхлый? Нѣтъ, онъ полный жизни старикъ, ходитъ, какъ молодой. Со всѣхъ концовъ Востока обращаются къ нему съ просьбами о молитвахъ за живыхъ и почившихъ — и отецъ Савва молится за всѣхъ. У него есть книга съ именами поминаемыхъ имъ на молитвѣ, онъ вписываетъ туда новыя и новыя имена. Велика эта книга, и отецъ Савва успѣваетъ помянуть въ теченіе одного дня только малую часть записанныхъ лицъ; на другой день онъ продолжаетъ поминовение, потомъ продолжаетъ это на третій день и такъ дальше. Христіане со всего Востока изъ Александріи, изъ Каира прѣзжаютъ къ отцу Саввѣ, на исповѣдь. Онъ молится и онъ работаетъ, онъ развелъ огородецъ, съѣтъ овощи.

Подойдя къ маленькой бухточкѣ Дафнѣ, „Корниловъ“ останавливается. Вслѣдствіе страшной глубины здѣсь якоря отдать нельзя; поэтому пароходъ швартуется около укрѣпленной пловучей бочки.

VI. Въ обители.

Сказочное впечатлѣніе производитъ св. Аѳонская гора съ ея чудной природой и изумрудными водами. За цѣлымъ рядомъ скитовъ возвышается на горѣ скитъ св. Симона; еще дальше въ чудномъ горномъ уголкѣ, расположенъ греческій монастырь Ксиропотамъ (сорока мучениковъ), а за нимъ виденъ городокъ Пантелеймоновскаго монастыря съ многоэтажными зданіями монастырскихъ гостинницъ.

Нашъ пароходъ прибылъ къ Аѳону около двухъ часовъ

дня. Когда онъ остановился у Дафнэ, то бывший въ морѣ вѣтеръ сталъ совершенно нечувствителенъ. Былъ жаркій солнечный день. Весело загромычала лебедка на пароходѣ, поднимая изъ трюма привезенные монастырскіе припасы и погружая ихъ на подошедшую магону. Мой знакомый монахъ съ Днѣпра и другіе богомольцы начали высаживаться въ лодки, чтобы отплыть къ Аеонскому берегу.

— Подождите немного,—говоритъ мнѣ г. Сотири-Папаяни,—сейчасъ вы поѣдете на берегъ вмѣстѣ съ отцомъ Іуніемъ. Я васъ познакомлю. Онъ теперь принимаетъ грузы и богомольцевъ и долженъ скоро освободиться.

Я увидѣлъ на пароходѣ маленькаго монаха, который, быстро перебѣгая отъ одного мѣста въ другое, энергично распоряжался и въ промежуткахъ среди своихъ распоряженій успѣвалъ бесѣдовать съ капитаномъ и съ прибывшими на Аеонъ пассажирами. Какъ я потомъ узналъ, о. Іуній былъ агентомъ монастыря при приемѣ пароходовъ. Это составляло его „послушаніе“.

Я познакомился съ о. Іуніемъ. Это былъ пожилой, умный, очень энергичный монахъ. По его приглашенію я сѣлъ въ лодку; около насъ плескалась лѣнивая, совершенно голубая морская зыбь, дававшая возможность видѣть глубину моря.

— Какая прозрачная здѣсь вода,—говорю я.

— Это еще что,—отвѣчаетъ о. Іуній.—Мы около монастыря осматриваемъ морское дно такъ подробно, что видимъ всѣ камешки, всѣ раковины. У насъ есть приспособленіе вродѣ ведра безъ дна. Все видно, можно даже монету найти на днѣ моря.

Въ нашу лодку положили монастырскую почту, сѣлъ кромѣ меня еще одинъ богомольецъ, прибывшій изъ Одессы. Отецъ Іуній помѣстился на руль и лодка съ тремя гребцами направилась къ Дафнэ, гдѣ насъ ожидала турецкая таможня. Насъ, впрочемъ, не потревожили и только отецъ Іуній на нѣсколько минутъ вышелъ на берегъ, чтобы переговорить съ турецкими чинами. Въ нашу лодку затѣмъ сѣлъ турецкій таможенный стражникъ, преклонный старикъ—очень добродушнаго вида, съ пышными запорожскими усами; изъ-подъ его густыхъ усовъ сиротливо выглядывали два уцѣлѣвшіе желтые зуба. Сѣлъ и другой старикъ—мусульманскій мулла въ большой красивой чалмѣ.

— Это родственникъ здѣшняго каймакама,—сказалъ мнѣ о. Іуній, указывая глазами на муллу.

Мулла при этихъ словахъ привѣтливо улыбнулся въ нашу сторону.

— Они ничего себѣ люди,—говоритъ мнѣ о. Іуній, когда мы отплыли отъ берега.—Съ турками можно дѣло имѣть. Они мягки, гуманны. Каймакамъ и его помощникъ относятся къ намъ порядочно, но греки здѣсь тѣснятъ насъ, за каждый пустякъ вымогаютъ деньги, за каждую пядь земли мы боремся такъ, что просто—бѣда. Приходится жестоко отстаивать свое добро. Турки только къ печатному неравнодушны: чуть

увидятъ журналъ, газету или книгу, хорошее ли или дурное тамъ написано о нихъ, все равно конфискують... Но греки куда хуже турокъ. Съ ними не дай Богъ.

И онъ печально покачалъ головой.

Мы плыли по голубой глади моря къ видѣвшемуся впереди монастырю. Туда отъ Дафнэ около шести верстъ. Береговая дорога въ монастырь довольно трудна — богомольцы идутъ пѣшкомъ около трехъ четвертей часа, круговая дорога для вѣды длинна. На лодкѣ въ тихую погоду можно переправиться въ монастырь въ какихъ-нибудь двадцать минутъ или полчаса. Большая лодка быстро несетя по голубой зыби, скользя въ виду красивыхъ зеленыхъ скатовъ Аэона, скалистыхъ и крутыхъ.

Таможенный слугитель турокъ пробуетъ завести со мной разговоръ по-русски.

— Граматиченъ?—спрашиваетъ онъ меня.

— Это онъ хочетъ сказать,—поясняетъ о. Іуній,—что онъ знаетъ, что вы журналистъ.

— У насъ здѣсь свой языкъ на Аэонѣ,—продолжаетъ о. Іуній.—Говоримъ на международномъ языкѣ: по-турецки, по-русски, по-гречески. Когда на одномъ языкѣ намъ словъ не хватаетъ, прибавляемъ болгарскія слова или русскія и выходитъ особое нарѣчіе—ни турецкое, ни греческое, ни болгарское, но всѣмъ понятное на Аэонѣ: и туркамъ, и русскимъ, и грекамъ.

Скоро на насъ глянули съ береговыхъ высотъ громадныя пятиэтажныя зданія монастырскихъ гостинницъ, куволы церквей, монастырскія стѣны. Лодка приблизилась къ старымъ каменнымъ моламъ, прежней греческой постройки, продолженной нынѣшними монахами. Эти молы образуютъ недурную закрытую пристань. Тутъ стояли монастырскія суда: паровой катеръ, выѣзжающій къ пароходамъ въ тѣ дни, когда прибываетъ особенно много богомольцевъ и старое монашеское парусное судно, назначенное нынѣ въ продажу.

Мы высадились на пристани. Старый мулла и таможенный стражникъ очень долго и трогательно прощались со мною. Я сталъ подниматься въ гору по замощенной дорогѣ. Тутъ богомольцы, впервые прибывшіе на Аэонъ, припадаютъ на колѣни и благодарятъ Бога, судившаго имъ увидѣть святую обитель. Крутая каменистая дорожка проходитъ дальше въ гору подъ живописнымъ навѣсомъ изъ живой зелени. Лѣстница приводитъ васъ на красивую площадку около монастырской гостинницы. Вокругъ стоятъ густой чащей высокие кипарисы, цвѣтушіе олеандры и другая роскошная растительность. Монастырская гостинница громадна, но очень привѣтлива и уютна. Комнаты щеголяютъ чистотою, на стѣнахъ множество иконъ, портретовъ, ландшафтовъ. Кровати безукоризненно чисты, но монастырски жестки. Съ длинныхъ, повисшихъ въ воздухѣ балконовъ и галлерей, пышно обставленныхъ цвѣтами, открываются чудные виды на разстилающійся кругомъ, блестящій на солнцѣ, неоглядный морской просторъ. Великолѣ-

пень пріемный залъ подворья, весь украшенный иконами и портретами, уставленный цвѣтами и изящной мебелью.

Я въ тотъ же день обошелъ весь монастырь.

Важнѣйшая святыня Пантелеймоноваго монастыря, храмъ св. великомученика Пантелеймона, существуетъ уже 100 лѣтъ. Храмъ этотъ не великъ, но богатъ. При входѣ его окружаетъ точно футляромъ свѣтлая галлерей. Главная святыня храма—честная глава великомученика и цѣлителя Пантелеймона находится въ алтарѣ. Она привезена сюда изъ Никомидіи, гдѣ пребываютъ гробъ и церковь св. Пантелеймона.

Послѣ жаркаго дня пріятная прохлада разлита въ храмѣ.

Въ монастырѣ двѣ церкви: вторая церковь Покрова Пресвятой Богородицы представляетъ собой домовую монастырскую церковь.

Замѣчательна братская трапеза монастыря, занимающая отдѣльное, просторное зданіе. Тамъ тянутся длинные ряды деревянныхъ столовъ, въ головѣ столовъ возвышенное мѣсто для отца игумена и его приближенныхъ. Здѣсь царитъ монастырская простота, у каждаго прибора лежатъ, однако, салфетки, поставлены въ изобиліи бутылки съ уксусомъ.

Неизгладимое впечатлѣніе оставила во мнѣ братская усыпальница. Умершую братію монастыря и нѣкоторыхъ умершихъ на Аеонѣ богомольцевъ предають погребенію на кладбищѣ, а черезъ три года вынимають изъ земли. За три года одежда и тѣло уже истлѣли, сохраняется одинъ скелеть, его обмываютъ, сушатъ и тогда складываютъ отдѣльно черепа на полки, съ надписями, кому принадлежалъ данный черепъ, а ножныя кости и мелкія кости помѣщаются въ ящикахъ. Такъ сохранились въ братской усыпальницѣ, въ отдѣльномъ ковчегѣ, кости подвижника Макарія, перваго настоятеля монастыря. Если тѣло въ могилѣ не истлѣло въ продолженіе трехъ лѣтъ, то его еще на годъ оставляютъ въ землѣ и тогда извлекаютъ. Я видѣлъ на полкахъ эти длинные ряды череповъ съ надписями и помѣтками на каждомъ. Среди роскошнаго цвѣтника природы подъ голубымъ небомъ, при голубомъ морѣ, это нѣмое царственное величіе смерти, глядящей на васъ въ усыпальницѣ, производило немного жуткое впечатлѣніе. Вся исторія монастыря, всѣ поколѣнія его дѣятелей, давно отошедшихъ въ вѣчность, смотрѣли на васъ въ этихъ грудяхъ костей и вся исторія христіанскаго подвижничества на Аеонѣ какъ-бы жила и сіяла въ этомъ маленькомъ, мрачномъ уголкѣ среди нерушимаго величія природы, улыбающейся кругомъ въ самыхъ нѣжныхъ тонахъ, въ нетронутой вѣками Божьей красотѣ.

Въ то время, когда я обходилъ монастырскія церкви, мнѣ передали приглашеніе настоятеля пожаловать къ нему. Въ сопровожденіи монаха я поднялся по лѣстницѣ къ настоятельской келіи. Послѣ доклада обо мнѣ я вошелъ въ просторную комнату, служащую, вѣроятно, рабочимъ кабинетомъ настоятеля. Ко мнѣ вышелъ высокій, худощавый старикъ въ очкахъ, игуменъ отецъ Нифонтъ.

— Вы въ первый разъ на Аѳонѣ?—спросилъ онъ.

— Да, впервые,—отвѣчалъ я.—Мнѣ приходилось быть въ Иерусалимѣ еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а Аѳона я не видалъ. Какъ хорошо у васъ здѣсь,—прибавилъ я.

— Да,—задумчиво сказалъ онъ,—богатая природа, но много и труда требуетъ она. Работаемъ по силѣ возможности.

Отецъ Нифонтъ — второй игуменъ Пантелеймонова монастыря съ тѣхъ поръ, какъ этотъ монастырь сдѣлался русскимъ. Онъ состоитъ настоятелемъ уже около тридцати лѣтъ, неутомимо управляя обширнымъ и сложнымъ монастырскимъ хозяйствомъ. Всѣ отрасли хозяйственнаго труда въ монастырѣ строго распределены между братіей. Отецъ Нифонтъ производитъ впечатлѣніе бодрого, энергичнаго человѣка. Онъ любезно поднесъ мнѣ икону св. Пантелеймона и изящный альбомъ съ видами Аѳона. Я благодарилъ его и, откланявшись, подошелъ подъ его благословеніе.

На береговомъ утесѣ въ двухъэтажномъ монастырскомъ зданіи находится живописная мастерская. Я былъ въ ней. Эта мастерская живо напомнила мнѣ прекрасную мастерскую Нижегородскаго Дивѣвскаго монастыря. Въ просторной залѣ, украшенной множествомъ готовыхъ иконъ и выходящей окнами на море, нѣсколько иноковъ сидѣли за работой, копируя образа. Въ сосѣдней съ мастерской стеклянной галлерей тоже работали иконописцы. Тутъ же на стѣнѣ я замѣтилъ написанную опытной рукой большую картину,—морской видъ. Это, какъ оказалось, работа одного архидіакона, живущаго на Аѳонѣ пятьдесятъ лѣтъ.

Во время моего пребыванія въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ монахи живо интересовались ходомъ войны на Дальнемъ Востоку, жадно ловили вѣсти, привозимыя пассажирами, съ благодарностью принимали передававшіяся имъ пачки русскихъ газетъ и журналовъ, которые они заботливо оберегали отъ турецкой цензуры. Монахи подробно спрашивали меня о послѣднихъ событіяхъ. Я рассказалъ имъ всѣ новости, которыя были извѣстны въ то время.

— Какъ вы думаете, неужели возьмутъ Портъ-Артуръ?—съ грустнымъ недоумѣніемъ спрашивалъ меня отецъ Іуній.

— Не думаю,—отвѣчалъ я,—крѣпость почти неприступна.

— А пойдетъ ли на Дальній Востокъ балтійская эскадра?—спрашивали меня.

— Сколько извѣстно, пойдетъ,—отвѣчалъ я.

Разспросамъ не было конца. Ясно чувствовалось, что въ этомъ отдаленномъ уголкѣ жива связь русскихъ людей съ Россіей, со всѣми ея тревогами и надеждами и что здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, сочувственно бьется русское сердце.

Аѳонъ всегда былъ близокъ русскому сердцу. Я засталъ на Аѳонѣ цѣлыя преданія о русскихъ людяхъ, о русскихъ капиталистахъ, которые послѣ мятежной сутолоки суетнаго міра, отдавали послѣдніе дни своей жизни Аѳону и, принявъ иноческій чинъ, проводили здѣсь закатъ жизни въ молитвѣ въ удаленныхъ скитахъ. Мой давній знакомый, нижегородскій

капиталистъ и пароходовладѣлецъ Черновъ, нынѣ покойный, поселился на АѦонѣ лѣтъ двадцать тому назадъ и онъ еще живъ еще въ памяти обитателей АѦона. Этотъ Черновъ оставилъ громадное предпріятіе на Волгѣ въ полномъ расцвѣтѣ и неожиданно для окружающихъ удалился на АѦонъ. Были и другіе крупныя представители купечества, которые послѣ нажитыхъ милліоновъ бросали мѣръ и находили тихую пристань на АѦонѣ.

VII. Бытовой и политическій складъ АѦона, торговля.

Всѣ мы болѣе или менѣе слышали и знаемъ о святыхъ АѦона, но знаемъ ли мы, что такое АѦонъ, какъ бытовая и политическая единица. АѦонъ имѣетъ свой особый политическій укладъ; свое особое управленіе, свою организацію, свои административныя и общественныя начала и свою своеобразную жизнь, полную борьбы. Здѣсь господствуютъ греки, поддерживаемые турками, и сила греческаго владычества ощущается всѣми народами, тяготящимися къ АѦону, а особенно русскими.

Административный центръ АѦона находится въ Кареѣ (два часа пути отъ Дафнѣ), гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе турецкаго вѣдѣнаго каймакама (вродѣ уѣдѣнаго начальника), живущій на АѦонѣ, какъ и монахи, тоже безъ семьи и безъ всякихъ признаковъ гарема. Каймакаму подчинено гражданское управленіе АѦона. Въ Кареѣ же находится святѣйшій Протатъ—монашеское общественное управленіе св. горы,—состоящій изъ выборныхъ депутатовъ отъ монастырей и скитовъ. Протатъ состоитъ изъ двадцати представителей разныхъ монастырей. Это „антипросопы“, они имѣютъ предсѣдателя, избираемаго отъ пяти главныхъ монастырей: лавры св. АѦанасія (самая древняя обитель АѦона, греческая), Ватопеть (греческій), Иверъ (греческій), Хиландаръ (сербскій) и Діонисіатъ (греческій). Предсѣдатель носитъ имя „протописатъ“ и имѣетъ четырехъ помощниковъ отъ главныхъ монастырей, секретарей-монаховъ и особую стражу въ древнегреческомъ одѣяніи. Протописатъ ежегодно мѣняется. Антипросопы монастыри посылаютъ въ Карею по своему выбору.

Это собраніе выборныхъ, въ которомъ крупнѣйшій русскій монастырь св. АѦона, Пантелеймоновскій, къ сожалѣнію, не имѣетъ должнаго представительства, составляетъ верховный судъ АѦона. Выборное управленіе старается рѣшать дѣла самостоятельно и охраняетъ прерогативы своей власти, не уступая ихъ по возможности каймакаму. Не трудно видѣть, что въ этомъ выборномъ управленіи сильнѣе всего греческій элементъ. Въ силу условій, созданныхъ греками, русскимъ никакъ не удается пробиться къ управленію АѦономъ.

АѦонскій полуостровъ, имѣющій 60 верстъ въ длину и 25 верстъ въ ширину, насчитываетъ въ настоящее время до 12,000 чел. исключительно иноческаго населенія. Съ гордостью мы можемъ сказать, что первый, самый величественный монастырь на АѦонѣ—нашъ русскій. Пантелеймоновскій монастырь

сталъ русскимъ всего 35 лѣтъ назадъ, раньше онъ былъ греческимъ. При грекахъ монастырь былъ бѣденъ. Въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ монастырь принялъ къ себѣ русскихъ иноковъ. Они привлекали богомольцевъ изъ Россіи и заботились о будущности обители. Первыми русскими дѣятелями обители были инокъ Іеронимъ и архимандритъ Макарій. Въ настоящее время въ монастырѣ до 2,000 чел. русскихъ иноковъ (считая тутъ и иногороднія подворья обители). Въ монастырѣ на ряду съ великороссами есть малороссы и рускіе молдаване. Въ другихъ русскихъ скитахъ: Андреевскомъ 500 чел. иноковъ, преимущественно изъ великороссійскихъ губерній, въ Ильинскомъ 450 чел. монаховъ, главнымъ образомъ малороссовъ.

Кромѣ русскаго монастыря и двухъ русскихъ скитовъ, на Аѳонѣ имѣются до двадцати русскихъ келій съ монахами отъ 10 до 100 въ каждой. Келіи эти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Аѳона.

Греческіе монастыри на Аѳонѣ многочисленны и богаты. Самый большій греческій монастырь—Ватопетъ съ 300 монахами, затѣмъ Иверъ тоже съ 300 монахами; греческая лавра св. Аѳанасія имѣетъ 200 человѣкъ иноковъ; болгарскій монастырь Зографъ имѣетъ 400 монаховъ изъ числа болгаръ-македонцевъ. Хиландаръ имѣетъ 180 монаховъ изъ сербовъ и болгаръ. Молдаванскій скитъ св. Іоанна Крестителя имѣетъ до 250 монаховъ. Разныя греческіе монастыри насчитываютъ отъ 80 до 100 человѣкъ монаховъ.

Богомольцевъ пріѣзжаетъ на Аѳонъ свыше 3,000 человѣкъ въ годъ, главное движеніе бываетъ теперь на Рождество и на Пасху. Въ Пантелеймоновскій монастырь пріѣзжаетъ богомольцевъ около 1,500—2,000 въ годъ. Прежде на Аѳонъ пріѣзжало ихъ больше, но открытіе Ново-Аѳонскаго монастыря на Кавказѣ отвлекло часть русскихъ богомольцевъ отъ Стараго Аѳона.

Аѳонъ имѣетъ и нѣкоторое коммерческое значеніе, какъ портъ, принимающій участіе въ русской морской торговлѣ. На Аѳонъ вывозится изъ Россіи и изъ Константинополя соленая рыба, картофель, мука; много привозится мануфактуры, желѣза, строительныхъ матеріаловъ, спирту, макаронъ, рису, кукурузы, пшеницы, огурцовъ. Ввозъ этотъ поддерживается пароходами и парусными судами и достигаетъ полумилліона пудовъ въ годъ. Нашъ Пантелеймоновскій монастырь въ прежніе годы имѣлъ для своихъ надобностей собственное парусное судно (имени Покрова Божьей Матери), которое для подвоза припасовъ ходило въ Одессу и совершало другіе большіе морскіе переходы. Мнѣ приходилось видѣть это единственное монашеское судно, когда оно приходило въ Одесскій портъ: на немъ были монахъ-капитанъ, монахи-штурмана и монахи-матросы, они были заправскими моряками. Теперь Пантелеймоновскій монастырь, упразднивъ старое судно, вошелъ въ соглашеніе съ Русскимъ обществомъ пароходства и торговли по перевозкѣ нужныхъ ему грузовъ на русскихъ пароходахъ.

Аеонская гора имѣетъ собственные предметы вывоза. Грецикихъ орѣховъ вывозится съ Аеона на полмилліона рублей, вывозятся также древесный уголь и въ особенности лѣсъ (на Аеонѣ много лѣссы, преимущественно каштановыхъ), ароматныя масла, оливковое деревянное масло, иконы и проч. Уголь и лѣсъ съ Аеона идутъ въ Смирну, частью (лѣсъ) на Митилену и Хиосъ, и въ Константинополь (уголь). Аеонскіе монастыри имѣютъ свое значительное хозяйство на хуторахъ и на сосѣднихъ полуостровахъ; на Аеонѣ постоянно бываетъ масса свѣтскихъ рабочихъ. Среди монаховъ Аеона существуютъ и кустарный промыселъ; монастырями, келліотами и пустынниками-аскетами выдѣлываются четки, крестики, иконы, которые частью раскупаются на мѣстѣ (пріѣзжими паломниками), частью идутъ въ Россію.

VIII. Салоники. Первая впечатлѣнія.

Съ грустью я прощался съ гостепріимнымъ Аеономъ. Въ Дафнѣ уже стоялъ готовый къ отплытію въ Салоники русскій пароходъ. Дафнѣ—хорошенькій уголокъ. Агентъ Русскаго общества развелъ здѣсь, на берегу моря, молодой садъ съ абрикосовыми деревьями, виноградомъ, съ нѣсколькими старыми платанами, подѣ тѣнью которыхъ я провелъ нѣсколько минутъ передъ отправленіемъ въ путь. Маленькій водопадъ мягко журчалъ гдѣ-то за стѣной зелени. Около построекъ красовался агентскій огородикъ. Когда нѣтъ приходящихъ пароходовъ, въ Дафнѣ пустынно и безлюдно и нужно нѣкоторое мужество, чтобы жить тутъ цѣлыми мѣсяцами, какъ это выпадаетъ на долю агентовъ пароходства и другихъ служащихъ.

Послѣднія шлюпки съ пассажирами и съ почтой прибыли къ пароходу. Я тоже отправился на пароходъ. Прогудѣлъ сигналъ къ отходу, и вся чудная, удивительная панорама Аеона стала уходить отъ насъ на разстояніе.

Аеонскій полуостровъ вдается въ море тремя длинными косами: Атосъ (Аеонъ), Дрепано и Палури, за которыми находится нѣсколько мысовъ и маякъ Кассандра. Палури прилегаютъ къ Салоникскому заливу. По дорогѣ къ этому заливу тянутся громадныя горы, подернутыя синей дымкой. За ними только что спряталось солнце. Вечерѣтъ, въ воздухѣ стало прохладнѣе. Нѣжный, чуть влажный ароматъ моря мягко разливается надъ палубой. Кажется, будто послѣ дневного зноя и самое море дышетъ полною грудью. Ночь была чудная, тихая и плаваніе отъ Аеона въ Салоникскій заливъ было одной изъ пріятнѣйшихъ страницъ моего путешествія.

Пароходъ прибываетъ въ Салоники рано утромъ и останавливается на рейдѣ въ виду берега. Собщеніе съ берегомъ поддерживается на шлюпкахъ. При нашемъ входѣ на Салоникскій рейдъ тамъ стояла французская эскадра: двѣнадцать большихъ судовъ и шесть контръ-миноносцевъ, которыя въ тотъ же день уходили въ Средиземное море.

Салоники расположены амфитеатромъ вокругъ залива, по

склонамъ красивыхъ, но безлѣсныхъ горъ. Городъ своимъ положеніемъ очень напомнилъ мнѣ Смирну, въ которой я былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Процедура переѣзда съ парохода на берегъ, вообще хлопотливая въ турецкихъ портахъ, окончилась для меня благополучно, благодаря высланному мнѣ консульскому кавасу. Я предоставилъ послѣднему разбираться самому во всѣхъ тонкостяхъ турецкихъ таможенныхъ порядковъ, а отъ меня получать только деньги на необходимые расходы. При вступленіи на берегъ съ меня предупредительно взяли 4 турецкихъ піастра или 32 коп. и выдали мнѣ розовый билетикъ съ надписью: *Société Ottomane du Port de Salonique. Un voyageur de 1-re classe.* Наличность каваса избавила мой багажъ отъ турецкаго таможенного досмотра. Главная забота была, гдѣ найти спокойное и приличное помѣщеніе. Въ городѣ есть нѣсколько гостинницъ, отвѣчающихъ запросамъ европейцевъ. Я справился, гдѣ останавливались командированные въ Македонію офицеры; мнѣ отвѣтили, что въ „*Hôtel Impérial*“, и я велѣлъ носильщикамъ нести туда вещи. Изъ порта въ гостинницу здѣсь идутъ пѣшкомъ по пыльнымъ улицамъ, причемъ носильщики тащатъ багажъ на плечахъ. Мы вышли на набережную. Передо мною былъ большой городъ съ восточной, чисто азіатской, фізіономіей. Вдоль бухты тянулась главная улица—Набережная, по которой совершаетъ движеніе бельгійская конка, идущая отъ желѣзнодорожнаго вокзала черезъ весь городъ, къ окрестнымъ дачамъ.

Пестрое, разношерстное населеніе сновало по улицамъ. Намъ попадались на встрѣчу турки въ фескахъ, греки и европейцы въ европейскихъ костюмахъ, албанцы, имѣющие оригинальный костюмъ: куртки и юбки на подобіе балетныхъ. Албанцы всегда носятъ при себѣ оружіе. Направо отъ Набережной разстилалась бирюзовая гладь Салоникскаго залива, со стоящими на рейдѣ пароходами и парусными судами. Около берега плавно покачивались лодки. По набережной тянется рядъ домовъ полуазіатскаго—полуевропейскаго типа. На одномъ изъ нихъ красовалась надпись: „Олимпъ Палась отель“, въ другомъ подальше помѣщалась содержимая греками гостинница „*Impérial*“.

IX. Настроеніе въ Салоникахъ.

И пріѣхалъ въ Салоники въ интересное и тревожное время тотчасъ послѣ взрыва на желѣзной дорогѣ, когда населеніе Салоникъ было крайне взволновано происшествіемъ, ожидалось взрывы въ городѣ, искали бомбъ подъ разными учрежденіями, банками и присутственными мѣстами. Взрывъ на желѣзной дорогѣ пронзитель въ 200 верстахъ отъ Салоникъ, но по плану злоумышленниковъ онъ долженъ былъ произойти въ самыхъ Салоникахъ, по прибытіи поѣзда, чтобы вызвать панику въ городѣ. Какъ оказалось, это была работа темныхъ террористовъ, помѣстившихъ адскую машину въ багажномъ вагонѣ поѣзда, шедшаго изъ Вѣны. Машину взорвало раньше

времени, убивъ при этомъ тормазного кондуктора. Убитый былъ грекъ. Ему устроили въ Салоникахъ пышныя всенародныя похороны, въ присутствіи греческаго митрополита, консула, массы греческихъ представителей и народа. Передъ похоронами на дверяхъ болгарскаго агента Шопова было торжественно прибито греками извѣщеніе о похоронахъ грека-кондуктора. Нахожденіе бумаги на дверяхъ болгарскаго агента демонстративно указывало на то, что это жертва болгарскихъ революціонеровъ. Сообщение по желѣзной дорогѣ съ Монастыремъ, Вѣной и Константинополемъ въ это время считалось опаснымъ, по линіямъ были разставлены войска для охраны пути; въ городѣ принимались тоже экстренныя мѣры охраны.

Мнѣ пришлось бесѣдовать съ нашими дипломатическими представителями въ Салоникахъ объ общемъ положеніи въ Македоніи.

— Противъ прошлогодняго въ странѣ нѣкоторое улучшеніе есть, — говорилъ мнѣ молодой дипломатъ, старшій помощникъ нашего гражданскаго агента въ Салоникахъ. — Но полнаго умиротворенія края можно ожидать только въ будущемъ, и даже не въ особенно близкомъ будущемъ. Присутствіе агентовъ европейскихъ державъ и иностранныхъ офицеровъ является въ глазахъ христіанскаго населенія Македоніи нѣкоторой порукой, что прежнихъ безпорядковъ и бѣдствій, вѣроятно, не будетъ такъ какъ есть фактической контроль европейскихъ державъ. Намъ подается масса жалобъ. До настоящей минуты ихъ подано до пятисотъ. Эти жалобы и просьбы христіанскаго и даже магометанскаго населенія мы не оставляемъ безъ вниманія, какъ бы незначительны онѣ ни были, хоть бы рѣчь шла о пропажѣ курицы; мы ировѣряемъ жалобы и во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ дѣлаемъ съ своей стороны представленія турецкой власти. Такая работа, безъ сомнѣнія, должна имѣть умиротворяющее значеніе въ краѣ и возбуждать надежды въ населеніи на водвореніе правосудія. Агитація въ Македоніи однако не затихла. Македонскіе комитеты имѣютъ свои живучіе центры, къ которымъ тяготеетъ много болгарской интеллигенціи. Это движеніе возбужденной болгарской мысли поддерживается множествомъ существующаго болгарскаго пролетаріата, которому теперь не къ чему приложить свои силы. Значеніе македонскаго возстанія не исчерпывалось однимъ освободительнымъ движеніемъ, оно имѣетъ и экономическія причины. Не христіане подвняли бурю, а интеллигентный пролетаріатъ — болгаре среднихъ интеллигентныхъ круговъ, выбитые тяжело сложившейся для нихъ жизнью изъ колен, имѣютъ нѣтъ карьеры, нѣтъ живой работы при существующемъ турецкомъ режимѣ, послѣдній не знаетъ болгарскихъ нуждъ. Македонскіе комитеты постоянно подогрѣваются этимъ безпокойнымъ элементомъ; можно сказать, что македонское движеніе на одну треть зависитъ именно отъ этой причины.

— Какъ относится къ реформамъ мусульманское населеніе? — спрашивалъ я.

— Мусульмане, вообще, не враждебны контролю Европы, по крайней мѣрѣ турецкія власти, да пожалуй и сами турки. Всего враждебнѣе относятся къ европейскому контролю здѣшніе крупные землевладѣльцы—беи. Они недовольны прїѣздомъ реформаторовъ. Беи имѣли вліяніе на турецкія власти. Теперь это вліяніе исчезаетъ. Вся бѣднота и мелкота, жившая милостями беевъ и кормившаяся около нихъ, тоже недовольна реформами: среднее, нейтральное население, безусловно, довольно.

— Гдѣ чувствительнѣе проявляется сейчасъ тревожное положеніе?

— Всего чувствительнѣе и опаснѣе оно въ Монастырскомъ вилаетѣ, около Крушева и въ Охридскомъ округѣ. Тамъ живые слѣды прошлогодняго погрома. Все разрушено, все разорено. Въ борьбѣ съ четниками, инсургентами, турецкія войска стрѣляли, жгли, разрушали дома, гдѣ скрывались возставшіе, выкрадывали людей, и вообще показывали самую неприглядную картину жестокаго произвола.

— Въ Старой Сербіи шло кажется большое самостоятельное движеніе?— подсказаль я.

— Да, это было албанское движеніе арнаутовъ или албанцевъ-магометанъ. Албанская вольница Старой Сербіи всячески притѣсняла христіанъ.

Общая картина, почерпнутая мною изъ бесѣдъ съ дипломатами, не говорила о водвореніи спокойствія въ странѣ, хотя въ то же время нельзя было отрицать и нѣкоторыхъ успѣховъ новаго европейскаго режима.

Какъ извѣстно, македонскія реформы вызвали назначеніе Европой двухъ гражданскихъ агентовъ въ Македоніи отъ Россіи и Австріи. Эти гражданскіе агенты, нигдѣ кромѣ Македоніи не существующіе, — делегаты Европы для наблюденія за проведеніемъ реформъ и воздѣйствія на высшаго представителя турецкой власти, вице-короля реформируемыхъ округовъ Македоніи, генераль-инспектора Хильми-пашу. Ближайшія задачи реформы заключаются въ слѣдующемъ: въ улучшеніи администраціи въ трехъ подконтрольных провинціяхъ и принятіи жалобъ, въ надзорѣ за поведеніемъ войскъ, въ увеличеніи числа христіанскихъ чиновниковъ. Гражданскіе агенты отъ Россіи Н. Н. Демерикъ, отъ Австріи—г. Мюллеръ прїѣхали въ Македонію въ январѣ этого года. Н. Н. Демерика я не засталъ въ Салоникахъ, такъ какъ онъ былъ въ іюнь въ отпуску, но зато остальныхъ русскихъ и европейскихъ представителей засталъ на своихъ постахъ. Должность гражданскаго агента вмѣсто г. Демерика исполнялъ нашъ консулъ въ Салоникахъ А. А. Гирсъ.

Г. Гирсъ высказалъ мнѣ нѣкоторыя общія соображенія о македонской борьбѣ, которыя совпадали и съ моими собственными наблюденіями.

— Нынѣшнее движеніе въ Македоніи, какъ вы его видите сейчасъ,—сказаль г. Гирсъ,—служить выраженіемъ все той-же греческой борьбы за эллинизацию Македоніи и яростаго протеста

болгарь, отстаивающихъ свои народныя начала. Эта борьба ярко проходитъ во всей картинѣ событій въ Македоніи. Борьба ведется представителями греческаго духовенства, которые являются передовыми застрѣльщиками поработительнаго вліянія грековъ.

Обращаясь затѣмъ къ моей миссиі, какъ журналиста, г. Гирсъ сказалъ:

— Мы вамъ все сдѣлаемъ, чтобы облегчить ваши наблюденія и поѣздки. Общую картину положенія вы составите себѣ въ Салоникахъ; здѣсь сосредоточены всѣ свѣдѣнія. Черезъ нѣкоторое время мы выѣзжаемъ во внутреннюю Македецію и тогда вамъ удобно будетъ послѣдовать за нами.

Х. У генерала Шостака.

Длинная и красивая салоницкая набережная, огибая гавань, подходитъ въ своемъ дальнемъ восточномъ концѣ къ цѣлому ряду прекрасныхъ дачъ и загородныхъ палаццо, въ которыхъ живутъ по большей части представители европейской дипломатіи. Эти дачи, окруженныя изящными оградами и садами, выходятъ къ живописной Салоницкой бухтѣ, на которую открываются чудные виды съ дачныхъ террасъ и балконовъ. На одной изъ такихъ дачъ живетъ командированный отъ русскаго правительства для реформы турецкой жандармеріи генераль-маіоръ Ѡ. А. Шостакъ, который передъ моимъ пріѣздомъ только что вернулся изъ объѣзда внутренней Македоніи. Я поинтересовался, какія онъ вынесъ впечатлѣнія.

— Богатая страна,—сказалъ генераль Шостакъ,—чудная и щедрая природа, здѣсь рись, оливки, виноградъ, маслины, культура мака, кукуруза, изобиліе плодовъ земныхъ, опіумъ сбывается англичанамъ. Есть шелководство и обширное хлопководство. Изъ-за этой богатой страны и идетъ борьба. Всѣ смотрятъ на Македецію, какъ на завидную добычу.

— Какого вы мнѣнія о настроеніи?—спросилъ я генерала.— Удается ли что-нибудь сдѣлать?

— Подождите пять-шесть мѣсяцевъ,—отвѣчалъ мнѣ Ѡ. А. Шостакъ,—и тогда видны будутъ результаты. Работа только что начата и идетъ теперь по всему, подлежащему реформамъ району. Можно сказать, что въ этомъ районѣ уже стало нѣсколько лучше. Въ Монастырѣ и въ сѣверныхъ частяхъ Македоніи не совсѣмъ спокойно, но въ остальныхъ подвѣдомственныхъ намъ мѣстахъ выдающихся тревожныхъ происшествій сравнительно немного. Ко мнѣ поступаютъ съ разныхъ концовъ донесенія отъ моихъ офицеровъ, поступаетъ масса жалобъ. Это обиліе жалобъ доказываетъ, что въ населеніе Македоніи постепенно проникаетъ сознаніе, что теперь нѣтъ мѣста произволу, есть судьи въ странѣ и начинается чувствовать авторитетъ европейскаго вмѣшательства.

Поѣздка генерала Шостака дала ему много интересныхъ наблюденій. Поѣздка эта была обставлена довольно торжественно. Хильми-паша предупредилъ власти о поѣздкѣ генерала.

На Воденскомъ вокзалѣ генералъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, каймакомомъ, комендантомъ города съ наличными офицерами. Явилась и масса мѣстныхъ жителей. На русскомъ привѣтствіе жители дружно отвѣчали привѣтствіемъ: „Добре дошелъ“. Генералу отведено было помѣщеніе у богатаго бей. Каймакамъ объяснилъ, что реформы ожидаются съ нетерпѣніемъ христіанами и мусульманами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богатыхъ беевъ, которые привыкли своевольничать. Во Владавѣ встрѣча была тоже теплая и торжественная со стороны массы народа. Наблюденія были, однако, не всегда отрадными. Турецкая жандармерія была найдена генераломъ Шостакомъ почти вездѣ въ плохомъ состояніи и совершенно не подготовленной къ своей службѣ и обязанностямъ. Конные жандармы, встрѣченные у моста черезъ рѣку Вардаръ, имѣли видъ разбойниковъ, отъ вахмистра далеко несло водкой. Въ общемъ настроеніи края чувствовалось недовольство: среди болгарскаго населенія постоянно слышались жалобы на грековъ-патріархистовъ, отъ которыхъ болгары терпятъ сильныя притѣсненія во всѣхъ мелочахъ жизненнаго обихода. Греки занимаются доносами на болгаръ турецкимъ властямъ, которые всегда покровительствуютъ грекамъ. Были жалобы и на турецкое правительство, предоставляющее государственную службу исключительно патріархистамъ и выдающее въ экаархистахъ тайныхъ бунтовщиковъ. Но Ѳ. А. Шостакъ осторожно относился къ національнымъ и распрямъ не выходилъ изъ предѣловъ своей прямой задачи.

Ѳ. А. Шостакъ объѣхалъ большой районъ: Дохранскую казу, Гевгели, Воденскую казу, Кавадаръ (Тиквешъ), Струмицу, Кокюшъ, Монастырь. Поѣздку въ Ускубъ генералъ Шостакъ совершилъ съ генераломъ Деджіорджисомъ.

Генералъ инспекторъ македонскихъ провинцій Хильми-паша обставлялъ предупредительной любезностью и заботами не только поѣздки генерала Шостака, но и всѣхъ подвѣдомственныхъ Ѳ. А. Шостаку русскихъ офицеровъ. Когда однажды наши офицеры, отбывшіе въ Кавадаръ, не нашли тамъ, несмотря на посланную турецкими властями телеграмму, лошадей, опоздавшихъ на четыре часа, то Хильми-паша послалъ мѣстному каймакаму жестокой разность и просилъ офицеровъ, чтобы о каждомъ случаѣ невниманія или неисправности они непременно сообщали ему.

Хильми-паша предоставилъ официальной корреспонденціи европейскихъ офицеровъ, какъ между собою, такъ и съ турецкими властями, бесплатную пересылку.

XI. Положеніе въ Македоніи и европейскія реформы.

Богатая Македонія представляетъ арену громадной сложной борьбы, ведущейся перекрестно разными націями, причемъ въ этой борьбѣ косвенно участвуютъ и сосѣднія, покровительствующія той или другой націи, государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что главная масса македонскаго населенія—болгары

(двѣ трети жителей), хотя это энергично оспариваютъ другія народности; въ странѣ много греческаго элемента и сербовъ. Обособленную отъ внутренней Македоніи область составляетъ Старая Сербія (часть Коссовскаго или Ускюбскаго вилайета, напоминающаго о Коссовской битвѣ 1389 года и побѣдѣ турокъ надъ сербами), на которую не теряетъ видовъ сербское правительство. Въ Старой Сербіи — царство арнаутовъ, т. е. албанцевъ-магометанъ, но много и христіанъ-сербовъ: въ сѣверной Македоніи ихъ не менѣе 60—70 тысячъ душъ. Арнаутская вольница подавляетъ сербскую народность. Давно наблюдаемая въ Старой Сербіи борьба мусульманства съ православіемъ есть въ сущности борьба албанцевъ съ сербами. Для поддержанія православія въ Старой Сербіи много работаютъ монастыри. Знаменитый Дечанскій монастырь составляетъ средоточіе православія въ самомъ главномъ албанскомъ гнѣздѣ съ цѣльнымъ албанскимъ населеніемъ. Этотъ монастырь основанъ десятью аеонскими монахами изъ келии св. Іоанна Златоуста. Монастырь подвергался опасности быть захваченнымъ католиками и разгромленнымъ арнаутами. Во время недавней осады Дечанскаго монастыря были убиты нѣсколько арнаутовъ. Разсвирѣпѣвшая арнаутская вольница требовала отъ монастыря богатаго выкупа и только впоследствии по настоянію нашего правительства турки успокоили расходившихся хищниковъ. Арнауты Старой Сербіи и Скутарійскаго вилайета родственны туркамъ, какъ магометане и соплеменники. Христіане Старой Сербіи въ разное время переходили въ мусульманство, но многіе изъ нихъ сохранили до сихъ поръ христіанскіе обычаи. Арнауты — настоящіе разбойники и звѣри. Вспомните звѣрства солдатъ-албанцевъ, ихъ разгромы, насилуваніе женщинъ. У албанцевъ есть только одна симпатичная черта—вѣрность присягѣ, принявъ которую они никогда ей не измѣняютъ. Измѣннику грозитъ кровавая родовая месть. У султана есть албанская стража изъ арнаутовъ—они вѣрные тѣлохранители. Албанцы же служатъ въ качествѣ консульскихъ кавасовъ въ Македоніи, давая клятвенное обѣщаніе охранять особу консула отъ всякихъ посягательствъ, и они дѣйствительно честно и самоотверженно исполняютъ свой долгъ; нарушеніе клятвы было бы въ глазахъ албанца ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Лѣтъ восемь тому назадъ въ Салоникахъ былъ такой случай. Кавасъ-албанецъ, сопровождавшій консула во время прогулки, убилъ на улицѣ мусульманина, который по адресу проходившаго консула сказалъ дерзость.

— Что ты сдѣлалъ?—воскликнулъ консулъ, пораженный происшествіемъ.

— Я убилъ вашего оскорбителя,—отвѣчалъ простодушно кавасъ-албанецъ,—онъ обругалъ васъ.

Этотъ кавасъ-албанецъ, отецъ одного изъ нынѣшнихъ консульскихъ кавасовъ, удостоился за свой самоотверженный поступокъ большихъ почестей со стороны своихъ соплеменниковъ и сотоварищей-кавасовъ, а родъ его былъ прославленъ

среди албанцевъ. Албанцы гордятся племенной вѣрностью клятвѣ, честностью и преданностью долгу, а это такъ важно для кавасовъ, пользующихся довѣріемъ и консуловъ, имѣющихъ нѣкоторую власть. Кавасовъ, напримѣръ, никто арестовать не можетъ и они безпрепятственно исполняютъ всѣ данныя имъ порученія.

Тяжело положеніе Деѳанскаго монастыря и другихъ разсадниковъ православія, которымъ грозятъ укрѣпленныя албанскія гѣбада! Для самозащиты монастырямъ пришлось прибѣгнуть къ испытанной мѣрѣ: они нанимаютъ теперь себѣ охрану изъ арнаутовъ.

Европейскія реформы не коснулись Старой Сербіи. Реформы вообще сѣужены турками. Первоначальный широкій проектъ реформъ послѣдовательно подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ. Въ сторонѣ отъ реформъ остались вилаеты Скутарійскій, Янинскій и Адрианопольскій. Районы европейскіхъ реформъ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ охватили главнымъ образомъ тѣ округа гдѣ имѣется значительное христіанское населеніе. Округа Салоникскаго вилаета (Салоникскій санджакъ предоставленъ Россіи, санджакъ Сересь Франціи, санджакъ Драма — Англи), Коссовскій вилаетъ или Ускюбскій (кромѣ Старой Сербіи), — вотъ районы реформъ. Коссовскій вилаетъ предоставленъ австрійцамъ, а Монастырь отданъ итальянцамъ съ условіемъ, что постоянная резиденція итальянскаго представителя генерала де-Джорджиса будетъ не въ Монастырѣ. Это онъ и самъ предупредилъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Константинополь. Турецкій „вилаетъ“ составляетъ какъ бы цѣлый край или округъ. Санджакъ это нѣчто вродѣ нашей губерніи. Санджакомъ управляетъ вали. Санджакъ раздѣляется на казы или уѣзды съ каймакамами-начальниками во главѣ каждой казы. Европейскимъ офицерамъ привлечено къ дѣлу реформъ 25 чел., но оставлено право увеличить число ихъ до 60. Турки, впрочемъ, будутъ противиться этому увеличенію, какъ связанному для нихъ съ матеріальнымъ затратами. Европейскимъ реформаторамъ на первыхъ же порахъ пришлось натолкнуться на большую космополитическую смѣсь и нескладницу и на борьбу народностей. Турки, болгары, сербы, греки, куцовлахи (молдаване-румыны, за которыхъ стоитъ румынское правительство) представляютъ такую картину совершенно несомнѣстимыхъ домогательствъ, что всего сильнѣе и чувствительнѣе въ странѣ острая междуплеменная рознь, а не притѣсненія турокъ.

Не безъ труда дались первые шаги реформъ. Греческое духовенство старательно подчеркивало, что русскіе реформаторы покровительствуютъ болгарамъ и занимаются больше политикой, чѣмъ реформами. Эти разговоры были едва ли справедливы, такъ какъ основная инструкція, данная генераломъ Шостакомъ своимъ офицерамъ, исключала возможность проведенія національныхъ тенденцій. Офицерамъ рекомендовались именно заботы о созданіи образцовой жандармеріи. Греки приписывали появленію русскіхъ офицеровъ возвышеніе

Болгарь. Съ минуты реформъ экзархисты, по словамъ грековъ, стали бодро поднимать голову. Но разговоры грековъ были пристрастны. Въ Македоніи всюду идетъ своимъ порядкомъ борьба греческаго патріархата съ болгарскимъ экзархатомъ. Многихъ болгаръ удерживало въ ихъ преданности патріархату покровительство турокъ, расположенныхъ къ грекамъ и протежирующихъ патріархистамъ. Иные болгары говорили: „мы греки“, указывая именно на свою приверженность къ греческому патріархату, а ихъ считали и на самомъ дѣлѣ греками. Между тѣмъ дѣло стоитъ такъ: если болгаринъ ходитъ въ греческую церковь, онъ говоритъ: „я грекъ“. Разъясненіе этихъ понятій, довольно спутанныхъ въ Македоніи, не нравилось грекамъ, такъ какъ прежняя неопредѣленность давала имъ поводъ считать своими соплеменниками тѣхъ, кто никогда не былъ грекомъ по рожденію. Греческое духовенство увѣряло, что русскіе офицеры заставляютъ грековъ признавать себя за болгаръ.

Надо замѣтить, что вопросы выясненія національности въ Македоніи имѣютъ громадное значеніе. По фирману 1871 года статьей 10 опредѣлено, что если двѣ трети населенія выскажутся за переходъ въ экзархатъ или въ патріархатъ, то турецкія власти обязаны давать ходъ этому желанію населенія. Въ этомъ духѣ дѣйствовалъ и Хильми-паша. Въ виду смутнаго времени дѣйствіе этого положенія теперь пріостановлено.

Послѣ мрачныхъ подвиговъ костуржскаго греческаго митрополита Германа и его сподвижниковъ, по указанію которыхъ убивали людей и разоряли дома болгаръ, не признававшихъ ихъ духовной власти, престижъ греческаго духовенства сильно упалъ и болгары стали болѣе рѣшительно отпадать отъ патріархата; около 70 деревень въ Македоніи перешли въ болгарскій экзархатъ.

Македонія на первый взглядъ не велика, но какую этнографическую пестроту она представляетъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ! Не проведешь опредѣленной границы ни національностямъ, ни стремленіямъ, ни богатству, ни бѣдности. Все здѣсь сбито въ одной кучѣ, въ предѣлахъ одного и того же санджака, одной и той же казы. Тутъ и мирное населеніе, тутъ и заговорщики, тутъ и разоренные, и разорители. Надо много труда и вниманія, чтобы изучить положеніе каждаго даннаго района со всей его сложной фізіономіей, со всѣми его невыясненными нуждами.

Такой трудъ выпалъ на долю европейскихъ реформаторовъ и въ частности на долю русскихъ офицеровъ.

Салоникскій санджакъ заключаетъ казы: Тиквешъ, Струмджа, Гевгели, Доиранъ, Воденъ, Енидже Вардаръ, Кюкушъ, Лангазъ, Салоники, Караферіе, Катерина, Кассандра и о. Тасось. Введеніе реформъ идетъ пока въ первыхъ девяти казахъ, въ которыхъ назначены состоящіе подъ начальствомъ генерала Шостака офицеры (adjoints): подполковникъ Свирскій (три казы: Кавадаръ или Тиквешъ, Гевгели и Водена), капитанъ Воронинъ (три казы: Струмица, Доиранъ, Еничжи Вардаръ)

и штабсъ-капитаны Пѣвцовъ и Суринъ; въ непосредственномъ завѣдываніи генерала Шостака его adjoint капитана Полтанова находится Салоникская каза, Кукушъ и Лангаза. Офицеры, назначенные въ Македонскую жандармерию, числятся на своей новой службѣ чиномъ выше, чѣмъ въ русской службѣ. При офицерахъ состоятъ переводчики.

Назначенные въ македонскую жандармерию офицеры получили особую форму, состоящую изъ красивой венгерки и особыхъ колпачковъ, замѣнившихъ предполагавшіяся раньше фески. Только генералу Шостаку оставлена русская форма.

Дѣло реорганизации турецкой жандармеріи начато съ очищенія ея отъ негоднаго элемента. Этотъ элементъ тщательно удаляется изъ жандармеріи; престарѣлыхъ жандармовъ переводятъ въ тюремный надзоръ, гдѣ работа легче, а элементъ, признанный годнымъ, оставляютъ въ рядахъ жандармеріи, но даютъ ему подготовку.

По первоначальному проекту, турецкую жандармерию предполагалось широко реформировать по европейскому уставу— и создать интеллигентныхъ, дисциплинированныхъ жандармовъ. Этотъ проектъ возникъ 2½ года назадъ, но ему не суждено было расцвѣсть. Въ Турціи жандармы-солдаты и многіе изъ офицеровъ безграмотны. Изъ 61 офицера жандармеріи, отданныхъ въ европейскую передѣлку, оказалось безграмотныхъ 15: капитаны, одинъ майоръ и подпоручики. Что же говорить о нижнихъ чинахъ жандармеріи?! Они ниже всякой критики: въ Турціи вербуютъ жандармовъ даже безъ необходимыхъ гарантій нравственности. Уставъ турецкой жандармеріи существуетъ только на бумагѣ.

Въ турецкой жандармеріи служатъ по вольному найму мусульмане, и христіане. Мусульмане поступаютъ въ жандармерию изъ арміи, гдѣ, отбывъ обязательную солдатчину, они чему-нибудь научились. Христіане же, не имѣющіе права служить въ турецкихъ войскахъ, поступаютъ въ ряды жандармовъ безъ всякой подготовки. Это оторванные отъ своего ремесла столяры, слесаря, жестяники, извозчики, портные, идущіе на службу изъ нужды, или крестьяне, оторванные отъ сохи. Дисциплина среди жандармовъ такъ слаба, что, напримѣръ, въ Кокюшѣ 8 жандармовъ-христіанъ, недавно принятые на службу, отказались повиноваться командиру роты и не желали выйти на учење, требуя своего перевода въ Салоники. Ихъ выдержали 24 часа подъ арестомъ. Въ прежнее время турецкіе жандармы несли службу безвозмездно, теперь имъ платятъ жалованье обязательно каждого перваго числа полностью безъ задержки. Этотъ порядокъ завелъ Хильми-паша. Но турецкой жандармеріи необходима прежде всего подготовка, школа.

Генераль де-Джюрджисъ вскорѣ по прибытіи въ Македонію озаботился открытіемъ въ Салоникахъ специальной школы для жандармовъ (учебная рота). Школа открыта нынѣшнимъ лѣтомъ. Теперь ни одинъ человекъ не будетъ поступать въ жандармы безъ подготовки. Въ школѣ было въ іюнь 100 человекъ

учащихся: 50 рядовыхъ, 25 офицеровъ и 25 унтеръ-офицеровъ. Была, конечно, не одна молодежь, но и взрослые сорокалѣтніе мужчины. Мечта де-Джіорджиса—расширить школу до 300 человѣкъ. Жандармы берутся въ школу прямо со службы. Школа имѣеть въ виду образованіе кадра турецкой жандармеріи, который могъ бы передавать полученную выучку другимъ свѣжимъ элементамъ жандармеріи.

Подъ руководствомъ германскаго майора и при участіи европейскихъ офицеровъ (по одному отъ каждой націи, участвующей въ реформахъ), а также турецкихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ жандармы проходятъ нужный имъ дисциплинарно-строевой курсъ въ теченіе мѣсяца. Мѣсяць,—конечно, малый срокъ, но онъ установленъ сейчасъ для того, чтобы была возможность въ теченіе кратчайшаго времени воздѣйствовать на застоявшуюся, запущенную македонскую жандармерию.

Въ новомъ изложеніи македонскихъ реформъ подчеркивается разграниченіе обязанностей офицеровъ оттоманскихъ (непосредственное командованіе) и европейскихъ (наблюденіе за правильнымъ ходомъ реформъ).

Наши русскіе офицеры находятся много времени въ разѣздахъ по порученному имъ округу, и присылають генералу Шостаку свои донесенія, прикладывая прошенія мѣстныхъ жителей. Жалобы на жандармерию разсматриваются и провѣряются генераломъ Шостакомъ, а жалобы на мѣстныхъ властей передаются гражданскому агенту для врученія Хильми-пашѣ.

ХІІ. У Хильми-паши.

Мнѣ предстояла аудіенція у генераль-инспектора трехъ реформируемыхъ провинцій Македоніи, Хильми-паши. Старшій помощникъ нашего гражданскаго агента, любезный и предупредительный Александръ Михайловичъ Петряевъ, согласился представить меня македонскому вице-королю, какъ русскаго журналиста, интересующагося современнымъ положеніемъ Македоніи. Я долженъ былъ, между прочимъ, просить Хильми-пашу о содѣйствіи моимъ будущимъ поѣздкамъ по Македоніи и выдать мнѣ открытаго листа.

Генераль Хильми-паша до половины іюня имѣлъ свою резиденцію въ той же загородной мѣстности Салоникъ, гдѣ жили европейскіе гражданскіе агенты и генераль Шостакъ. Онъ занималъ домъ съ садомъ въ одной изъ боковыхъ улицъ и принималъ около полудня. А. М. Петряевъ и я поднялись въ двѣнадцатомъ часу дня въ верхній этажъ дома, гдѣ были кабинетъ и пріемная Хильми-паши. Въ минуту нашего прихода генераль-инспекторъ былъ занятъ съ генераломъ де-Джіорджисомъ. Насъ просили обождать минуту въ пріемной. Комната была обставлена по восточному: мягкіе ковры покрывали полы, по стѣнамъ стояли турецкія оттоманки. Прислуга подала намъ ароматный турецкій кофе, и предложила папиросы. Черезъ нѣсколько минутъ дверь кабинета открылась. А. М. Петряева

и меня попросили къ Хильми-пашѣ. Я былъ представленъ ему А. М. Петряевымъ, котораго онъ хорошо зналъ и съ которымъ постоянно видѣлся на дѣловыхъ засѣданіяхъ.

Хильми-паша брюнетъ, средняго роста, типичный турокъ, весьма радушный и любезный. Онъ говоритъ спокойнымъ тономъ стараго дипломата, владея въ совершенствѣ французскимъ языкомъ.

Я поинтересовался мнѣніемъ Хильми-паши относительно положенія въ Македоніи въ данную минуту.

— Со времени заключенія соглашения Болгаріи съ Турціей 26 апрѣля,—сказалъ мнѣ Хильми-паша,—Болгарія держитъ себя вполне корректно. Не было случаевъ перехода бандами турецкой границы Македоніи. Сколько времени продолжится такое благоприятное положеніе,—сказать трудно, но центральный болгарскій комитетъ, дѣйствовавшій въ Македоніи, на время прекратилъ свою дѣятельность. Остались въ настоящее время только мелкія банды, осколки прежняго, которыя отъ времени до времени даютъ себя знать въ Касторіи (Монастырскій вилайетъ), въ Энидже-Вардарѣ, около Струмицы (Салоникскій вилайетъ) и въ Прилепѣ (Монастырскій вилайетъ).

— Какъ велики эти банды?—спросилъ я Хильми-пашу.

— Въ нихъ часто человѣка четыре-пять,—отвѣчалъ онъ,—но иногда бываетъ и до шестидесяти, и до ста человѣкъ. При бандахъ находятъ бомбы, динамитъ. Эти банды теперь только и поддерживаютъ терроризацію македонскаго населенія. Онѣ вымогаютъ у крестьянъ деньги и постоянно тревожатъ мирное населеніе. Многія изъ такихъ бандъ, забывъ давно освободительныя цѣли, вырождаются въ разбойничьи шайки. О массовомъ возстаніи, бывшемъ въ прошломъ году, теперь и рѣчи нѣтъ,—замѣтилъ Хильми-паша.—Отголоскомъ пережитаго являются только происходящія отъ времени до времени стычки бандъ съ турецкими войсками.

— Вѣроятно,—спросилъ я генераль-инспектора,—мирное населеніе Македоніи понесло большія потери вслѣдствіе волненій. Некогда было заниматься сельскохозяйственнымъ трудомъ.

— О, нѣтъ, потери въ общемъ не велики,—сказалъ Хильми-паша,—даже въ прошломъ году во время возстанія потери не доходили до одного процента, а въ нынѣшнемъ году въ Македоніи ожидается небывало хорошій урожай.

Сколько мнѣ удалось наблюдать, Хильми-паша смотритъ въ будущее свѣтло и надѣется на постепенное умиротвореніе страны.

Генераль-инспекторъ очень любезно откликнулся на мою просьбу объ открытомъ листѣ для моихъ поѣздокъ по Македоніи. Онъ пригласилъ въ кабинетъ своего секретаря и тотчасъ же продиктовалъ ему предписаніе объ оказаніи мнѣ вниманія и содѣйствія со стороны турецкихъ властей, съ которыми мнѣ придется имѣть дѣло.

ХШ. Македонскія „злобы дня“.

Моя бесѣда съ Хильми-пашой вселила во мнѣ нѣкоторую увѣренность въ благихъ намѣреніяхъ турецкаго правительства, въ стараніяхъ турецкихъ властей, но не поколебала составившагося у меня впечатлѣнія тяжелой македонской безурядицы. Хильми паша регулируетъ турецкій режимъ, но въ общей картинѣ Македонію раздражаютъ внутренніе раздоры. Борьба экзархата и патріархата проглядываетъ въ тысячахъ фактовъ. Эта обостренная борьба была при мнѣ въ Енидже-Вардарѣ. Македонскіе греки говорили болгарамъ: „церкви и школы должны быть наши“, а тѣ отвѣчали: „нѣтъ, наши“, и помирить ихъ нѣтъ возможности. Хотя экзархистовъ въ странѣ около половины болгарскаго населенія, но на нихъ смотрятъ здѣсь все-таки, какъ на отщепенцевъ, какъ на раскольниковъ. Кажется, давно бы слѣдовало разрѣшить болгарамъ, тяготящимъ къ своей національной церкви, молиться по-болгарски.

Другая борьба въ Македоніи идетъ среди войскъ. Запасные чины, ополченцы, ничему не обучавшіеся дикіе албанцы внесли въ страну разгромъ и разрушеніе. Албанскія войска—настоящія банды разбойниковъ. Европейцы настаивали на томъ, чтобы Турція распустила безпокойное ополченіе, но турки только переименовали ихъ въ редифъ второго разряда. Умиротвореніе края при помощи воиновъ-разбойниковъ, конечно, не достигается. Банды уходятъ въ горы, а войска, являющіяся для поимки и усмиренія ихъ, расправляются съ жителями не лучше бандитовъ. Въ прошломъ году были тяжелые примѣры самоуправства. Борьба между шайками албанцевъ и возстанническими бандами проявлялась бы еще сильнѣе, но присутствіе европейскихъ офицеровъ нѣсколько охлаждаетъ разбойническіе походы воюющихъ.

Замѣчаніе Хильми-паши относительно вырожденія повстанцевъ въ разбойничьи банды полно глубокаго значенія. Участники бандъ, дѣйствительно, отвыкли отъ мирнаго труда и живутъ теперь набѣгами. Придя въ деревню, они вымогаютъ деньги и тяжесть ихъ нашествія оставляетъ чувствительныя слѣды на поселянахъ. Эти вооруженныя банды становятся уже прямо противны населенію, между тѣмъ послѣднее безсильно предпринять что-нибудь противъ нихъ. Приходится думать о томъ, чтобы мирнымъ, нынѣ безоружнымъ, жителямъ разрѣшено было имѣть оружіе для защиты отъ бандъ. Въ Монастырскомъ вилайетѣ ходятъ и мусульманскія, и болгарскія банды въ 18—20 человекъ; положеніе тамъ наиболѣе тревожное, случайно явилось возбужденіе даже противъ русскіхъ офицеровъ, которые временно прекратили приемъ прошеній. Очень неспокойно въ Струмицѣ и Кавадарѣ (сѣверная часть русскаго района реформъ).

Кавадарская каза явилась для Битолии (Монастырь) какимъ-то складочнымъ депо четниковъ. Революціоннымъ центромъ

была деревня Бегништа. Въ Бегништѣ въ половинѣ іюня, говорятъ, явилась неожиданно странная мусульманская правильно организованная банда, которая заодно дѣйствовала съ войсками и имѣла даже свою особую форму, совершенно похожую на одежду болгарскихъ четниковъ (черныя шапочки), но безъ надписи на головномъ уборѣ: „Соединеніе или смерть“. Банда эта состояла изъ 30 человекъ мусульманъ, преимущественно жителей дер. Сирково.

Въ окрестностяхъ Велюша войска встрѣтились съ вооруженной бандой изъ 30 человекъ. Четверо изъ нихъ были убиты, одинъ взятъ въ плѣнъ. По поводу хорошаго вооруженія банды я слышалъ догадки, что во время прошлогодняго разоруженія болгары отдали лишь вторыя негодныя ружья, а новыя и исправныя припрятали подалше.

Струмица, крайне терроризованная, до сихъ поръ совершенно не изслѣдована, въ ней проѣзжаютъ для безопасности только караванами. Мнѣ пришлось слышать мнѣніе, что для вѣрнаго водворенія безопасности въ Струмицѣ остается только одно средство: пройти черезъ нее полкомъ. Во время моего пребыванія въ Салоникахъ изъ Струмицы постоянно приходили извѣстія, что въ горахъ пошаливаютъ. Весь сѣверъ казы, горы и лѣса, полны были разбойниковъ и четниковъ.

Прямо удивляешься, сколько въ Македоніи безпокойныхъ людей, отвыкшихъ отъ мирной работы и добывающихъ пропитаніе силой. Фактовъ и примѣровъ хищничества и преступленій не обобратъся. Преступленія совершаются на всѣ лады, процвѣтаетъ и шантажъ.

Недавно, близъ Струмицы, четники прислали богатому греку письмо, что убьютъ его сына, если онъ не вышлетъ въ указанное мѣсто пятнадцать золотыхъ. Онъ не выслалъ, а письмо передалъ властямъ, и черезъ восемь дней сынъ его оказался убитымъ. Пошли въ горы болгаринъ и грекъ-патріархистъ, послѣдній вернулся съ проломанной головой и умеръ. Болгаринъ отрицаетъ, что это онъ сдѣлалъ, — случай такъ и остался невыясненнымъ. Для оказанія возможности жителямъ прибывать въ Струмицу на базаръ, высылались въ іюнѣ двѣ роты пѣхоты. Случайные пассажиры, при своихъ переѣздахъ, пристраивались къ проѣзжавшимъ офицерамъ и къ конвою. Албанцы и турки нападали въ горахъ на кушцовъ. Нѣкоторые грабители были изъ мѣстныхъ жителей, но много было и бѣглыхъ изъ Болгаріи солдатъ, которые не могли явиться ни въ Болгарію, ни къ македонскимъ властямъ, такъ какъ за каждымъ изъ нихъ числилось преступленіе, вотъ они и разбойничали въ горахъ и въ открытомъ полѣ. Среди этихъ грабителей и бѣглецовъ, былъ болгарскій фельдфебель Певчовъ, главарь шайки, укравшей американку миссъ Стоявъ и получившей за нее 15 тыс. фунтовъ выкупу. Все болгарское населеніе долины Стремицы сочувственно относилось къ бандамъ и помогало имъ деньгами и провизіей, неизмѣнно увѣдомляя банды, обыкновенно черезъ пастуховъ, о приближеніи жандармовъ. Для защиты отъ бандъ высылались патрули, но

эти патрули тоже оказывались въ опасности. Около той же Струмицы высланный патруль встрѣченъ былъ жестокими выстрѣлами изъ прикрытія. На мѣстѣ, откуда раздалась выстрѣлы, нашли потомъ три винтовки, одну динамитную бомбу, албанскіе костюмы и остатки походнаго ужина.

Нельзя пройти молчаніемъ и слѣдующаго факта. Въ Струмицѣ мѣстный каймакамъ устраивалъ въ іюнѣ прощальный обѣдъ офицерамъ, уѣзжавшимъ въ Дойранъ. Во время обѣда, вблизи квартиры каймакама, было сдѣлано дерзкое демонстративное нападеніе на грека, который былъ раненъ ножемъ.

Въ Тыквешской казѣ появилась турецкая сформированная гайдукская шайка. Всѣ дороги заняли разбойники. Турецкія шайки временами смѣнялись другими. Были слухи о появленіи у Куманова сербской банды изъ 24 человекъ, перебитой турецкими войсками.

Положеніе въ безпокойныхъ округахъ Македоніи совершенно невозможное, по отсутствію порядка, по вѣчной боязни за завтрашній день. Будь въ странѣ порядокъ, обрабатывались бы и скаты въ горахъ, брошенные нынѣ изъ боязни дальнихъ дорогъ. Положеніе крестьянъ-болгаръ, напримѣръ около Струмицы, совсѣмъ ненормальное и по вѣчнымъ разбоямъ, и по другимъ причинамъ. Крестьяне должны отдавать львиную долю урожая владѣльцу земли—бею, обрабатывая, кромѣ того, его земли. Они крѣпко связаны долгами. Пререканія народа съ мусульманскими беями—постоянны, при этомъ власти оказываются на сторонѣ беевъ.

Для полноты общей картины, приведу двѣ-три подробности о желѣзнодорожномъ варывѣ у Гюмендже. Какъ я уже упоминалъ выше, при варывѣ былъ убитъ тормазный кондукторъ, но данная кѣмъ-то въ багажъ адская машина ранила еще двухъ человекъ. Вагонъ былъ сильно поврежденъ. По дѣлу взрыва были арестованы въ дер. Попчевѣ (близъ Струмицы) три крестьянина—Григоръ, Христоманъ и Танчо. Потомъ я узналъ, что арестованнымъ оказался одинъ Христоманъ. Онъ былъ присужденъ къ повѣшенію, и приговоръ этотъ 23 іюня былъ приведенъ въ исполненіе въ Гевгелахъ. Христоманъ, оказалось, былъ старый заговорщикъ, сидѣвшій въ салоницкой тюрьмѣ и выпущенный оттуда незадолго передъ взрывомъ. За этимъ первымъ взрывомъ на желѣзной дорогѣ потомъ пошли другіе.

XIV. Несчастье особаго рода.

Одинъ наблюдатель македонской дѣйствительности говорилъ мнѣ:

— Вы знаете поговорку о несчастной птицѣ: „хвостъ выгачить, носъ увязнеть, носъ вытащить, хвостъ увязнеть“. Какъ и въ Македоніи. Какъ вамъ извѣстно, европейцы добились того, что жандармамъ теперь аккуратно платятъ жалованье. Вѣсти объ этомъ распространились по Македоніи. Гурецкая армія стала завидовать жандармамъ: они, молъ,

счастливы, а вотъ мы жалованья подолгу не видимъ. Офицеры сидятъ годами на одной трети своего жалованья, и въ то время, какъ о жандармеріи заботятся иностранцы, въ тяжелое положеніе армейскихъ офицеровъ никто не входитъ. Начались въ арміи тревоги. Въ юнѣ мѣсяцѣ былъ случай насильственного захвата артиллерійскими офицерами телеграфной станціи въ Иштибѣ и послышки ими непосредственно въ Константинополь своихъ требованій по телеграфу насчетъ денегъ, — требованій, выраженныхъ крайне дерзко. Эти офицеры были потомъ арестованы и понесли наказаніе. Такая же исторія повторилась и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Призренѣ (Старой Сербіи) солдаты редифа (запасные) тоже взбунтовались, тоже захватили телеграфную станцію и требовали распушенія редифа. Оказалось, что около 1,000 человекъ редифныхъ солдатъ не получали жалованья.

Наблюдались даже въ Салоникахъ странные факты противодействія реформамъ жандармеріи. Правда, факты единичные.

Въ салоницкомъ Оттоманскомъ банкѣ, послѣ бывшаго въ апрѣлѣ прошлаго 1903 г. динамитнаго покушенія, заведена охрана банка жандармами. При нынѣшней жандармской реформѣ и приемѣ жандармовъ-христіанъ салоницкій директоръ банка г. Латаифъ заявилъ, что онъ не приметъ жандармовъ-христіанъ, а трлько приметъ мусульманъ, грозя иначе закрытіемъ банка. Эта угроза удивила всѣхъ своей неожиданностью. Гражданскіе агенты Россіи и Австріи протестовали противъ подобнаго требованія.

Турецкая власть въ лицѣ вали съ величайшимъ вниманіемъ отнеслась къ протесту европейцевъ, но, дѣлая *bonne mine à mauvais jeu*, откровенно и сокрушительно сказала:

— Знаете, съ такими субъектами, какъ этогъ директоръ банка, лучше не ссориться... Это особаго покроя господинъ.

Я нарочно отмѣчаю шороховатости въ проведеніи реформъ, этихъ шороховатостей немного, но онѣ всегда характерны.

У французовъ было недоразумѣніе въ вопросѣ о „правахъ“ реформаторовъ.

Французскіе офицеры на первыхъ порахъ стали было самолично производить дознанія и форменныя разслѣдованія по подаваемымъ имъ жалобамъ, и обращались по этому поводу непосредственно къ начальникамъ санджака и казы. Тогда турки дипломатично просили ихъ не брать на себя лишней обременительной работы, предоставивъ ее исключительно турецкой администраціи.

Наши русскіе офицеры, въ отношеніи населенія, обращающагося къ нимъ съ жалобами, держатся неизмѣнно одного правила:

— Вы, — говорятъ они, — жалуйтесь мѣстной власти, а прошеніе можете оставить у насъ для контроля. Мы проверимъ, что сдѣлано по вашей жалобѣ.

Съ прибытіемъ европейскихъ офицеровъ, замѣтно восторжествовала правда.

Интересенъ вопросъ, какая будущность ожидаетъ македон-

скія реформы. Въдь офицеры—реформаторы жандармеріи пробудуть въ Македоніи, по сроку ихъ контрактовъ, всего два года. А что же дальше? Неужели все насажденное ими должно пропасть и исчезнуть. Было бы слишкомъ грустно, если бы такъ. Думается, есть отличный выходъ изъ этого положенія. Европейскіе офицеры на мѣстахъ своей нынѣшней службы изучать всѣ мѣстныя условія, въ теченіе двухъ лѣтъ они изучать и мѣстные языки. Отчего бы не обратить ихъ въ вице-консуловъ? Въдь такимъ образомъ будетъ создана цѣлая сѣть опытныхъ вице-консуловъ—и эта сѣть укрѣпится. Если же европейскіе офицеры уйдутъ изъ Македоніи, то больно думать: опять вернется въ странѣ все старое, вернется и кровавая безурядица Македоніи...

XV. Столица Македоніи.

Древняя Солунь въ настоящее время по составу населенія городъ очень пестрый и оригинальный. Въ Салоникахъ 170 тысячъ жителей; изъ нихъ преобладающая часть, около 90 тысячъ, испанскіе евреи, 30 тысячъ турокъ, 28 тысячъ грековъ, затѣмъ небольшими группами встрѣчаются сербы, болгары, итальянцы, французы и разная космополитическая смѣсь.

Отъ древней Солуни осталось немного. Замѣчательны здѣсь старинныя византійскія церкви Св. Димитрія Солунскаго и Св. Георгія, обращенныя въ турецкія мечети. Эти церкви находятся на разной высотѣ, на горѣ, поднимающейся амфитеатромъ вокругъ солунской гавани. Въ одной изъ узкихъ нагорныхъ улицъ, идущихъ параллельно берегу вы видите бѣлыя стѣны мечети. Это и есть бывший храмъ Св. Димитрія Солунскаго. Въ сторонѣ отъ него въ чащѣ узкихъ переулковъ на площади, окруженной лачугами азіатскаго типа красуется мечеть Св. Георгія. Въ сопровожденіи консульскаго каваса я вошелъ въ эту мечеть. Послѣ изнурительной сорокаградусной жары, господствовавшей на раскаленныхъ улицахъ Салоникъ, пріятно было войти въ обширное и прохладное помѣщеніе мечети, устланное циновками. По стѣнамъ развѣшаны были виды Мекки, надъ алтаремъ—мирабомъ возвышалась надпись изъ Корана. Мнѣ позволили не надѣвать традиціонныхъ туфель, я только предупредительно вытеръ ноги. Здѣсь предлагаютъ посѣтелямъ купить на память образцы обвалившейся старинной мозаики храма. За входъ въ мечеть платится шесть піастровъ или 48 коп. Посѣщеніе мечети Св. Димитрія Солунскаго стоитъ десять піастровъ (80 к.).

Древній солунскій храмъ Св. Софіи съ величественнымъ куполомъ и минаретами находится недалеко отъ набережной, на какой-то неопрятной площади, тянущейся по косогору. Этотъ храмъ сгорѣлъ въ 1890 году, какъ и половина города, и представляется теперь въ видѣ громадной живописной руины.

Въ центрѣ города въ греческой церкви Св. Николая находятся мощи (глава) Св. Евстафія Плакиды. Въ окрестно-

стяхъ города далеко на горѣ въ монастырѣ Чаушъ (турецкое названіе)—частицы Чаши Господней, бывшей, по преданію, на тайной вечери.

Христіанскія древности Солуни въ свое время изслѣдоваль и описывалъ Кондаковъ.

На вершинѣ Салоникской горы стоитъ Еди Куле—мѣстный семибашенный замокъ со старыми зубчатыми стѣнами. Видимый издалека, онъ господствуетъ надъ городомъ. Въ замкѣ устроена теперь тюрьма. На Салоникской набережной красуется бѣлая башня, сохранившаяся отъ временъ генуэзцевъ.

Въ Салоникахъ тѣ же узкія и кривыя улицы, что и въ другихъ городахъ востока, на улицахъ то же оживленное движеніе полуазиатской, полуевропейской толпы, здѣсь та же смѣсь грязныхъ лавченоекъ съ нарядными магазинами. Отъ набережной поднимается внутрь города большая узкая очень бойкая улица крытаго базара. Этотъ крытый базаръ, типичный азіатскій рынокъ подъ деревянной крышей, защищающей и купечество и публику отъ палящихъ лучей солнца. Кромѣ азіатской торговли, базаръ имѣетъ большіе европейскіе магазины предметовъ комфорта, обстановки, платья, обуви, дорожныхъ вещей. Тутъ же въ лавченкахъ сложены пищевые продукты, фрукты, вина, овощи. На базарѣ и на прилегающихъ улицахъ безчисленные буфеты прохладительныхъ напитковъ, которые на азіатскомъ востокѣ дѣлаются гораздо лучше и безвреднѣе, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Въмѣсто отвратительныхъ и вредныхъ газированныхъ водъ, вамъ предлагаютъ чудесный свѣжій, натуральный лимонадъ изъ свѣже выжатого лимона или ароматный напитокъ изъ апельсиновъ. Базаръ и улочки, какъ водится, неопрятны, по мостовой струятся какіе-то потоки. Но это не мѣшаетъ наряднымъ модницамъ Солуни, черноокиимъ испанскимъ еврейкамъ, гречанкамъ и турчанкамъ, закутаннымъ въ тюлевья покрывала, рыскать по магазинамъ въ поискахъ за нарядами и галантереей.

Надъ улицей крытаго базара на горѣ возвышается среди сада конакъ—присутственное мѣсто и дворецъ салоникскаго вали (генераль-губернатора).

Въ Салоникахъ масса жизни. Городъ просыпается очень рано. На набережной безчисленные brasseries и кофейни цѣлый день полны народа, но особенное оживленіе здѣсь царитъ по субботамъ и по пятницамъ. Въ пятницу мусульманскій праздникъ, а въ субботу еврейскій. Каждую субботу расфранченная толпа испанскихъ евреевъ и евреекъ, отлично говорящихъ по-испански, наводняетъ набережную,—наполняетъ всѣ кофейни, всѣ садики и мѣстный театръ. Публика попроще располагается группами въ ближайшихъ окрестностяхъ прямо на землѣ. Въ этотъ день вы не добьетесь мѣста на конкѣ, не протискаетесь въ общественныхъ мѣстахъ. Всего лучше по субботамъ сидѣть дома. Нарядная публика и въ жаркіе дни, обливаясь седьмымъ потомъ, все такъ же невозмутимо сидитъ въ духотѣ brasseries, упивается кофеемъ или наслаждается итальянскими мелодіями, несущимися съ откры-

той сцены салониискаго театра, гдѣ, несмотря на дуновение ночи, актеры и пѣвцы изнемогають отъ жары.

Въ Салоникахъ странная особенность, впрочемъ, свойственная Востоку: отсутствіе женской прислуги. Въ частныхъ домахъ женская прислуга еще имѣется, тамъ служатъ въ качествѣ горничныхъ миловидныя испанскія еврейки, получающія по 10—12 рублей въ мѣсяцъ (1½ турецкихъ лиры), но въ гостинницахъ женщинъ нѣтъ и въ поминѣ: роль горничныхъ исполняютъ молодые грекось, при взглядѣ на которыхъ смѣшно дѣлается, что эти здоровенные парни стелють постели и своимъ присутствіемъ только стѣсняють прѣзжающихъ европейскихъ дамъ.

Я спросилъ было у прислуживавшаго мнѣ красномордаго грека съ широкими черными усами, отчего въ гостинницахъ нѣтъ горничныхъ.

— Помилуйте, — отвѣчалъ онъ на ломанномъ французскомъ языкѣ (какимъ вообще говорятъ въ салоницкихъ отеляхъ) и, состроивъ на своемъ лицѣ выраженіе ужаса, добавилъ: — подумайте только: южныя темпераменты...

Я, конечно, уже не продолжалъ этого разговора...

Салоники имѣють не частое сообщеніе съ русскими портами Чернаго моря, но имѣють почти ежедневное сообщеніе съ греческимъ портомъ Пиреемъ (гавань Аеинъ). Туда пять разъ въ недѣлю (кромя праздниковъ: пятницъ и субботъ) ходять греческіе пароходы. Рѣже ходять австрійскіе, англійскіе и французскіе пароходы. Морское сообщеніе Салоникъ со Смирной и Константинополемъ тоже довольно частое. Въ Салоникскій портъ приходятъ суда всѣхъ націй. Въ закрытой естественной бухтѣ Салоникъ, вдобавокъ огражденной молами, въ достаточной мѣрѣ гарантирована безопасность судамъ и спокойная стоянка.

Городъ, вставая рано, засыпаетъ очень поздно; во второмъ часу ночи, когда я возвращался съ гостепримной дачи генерала Шостака къ себѣ въ гостинницу, я, сидя въ вагонѣ конки, слышалъ еще несшіяся съ открытой сцены бравурныя аріи Мефистофеля; спектакли здѣсь начинаются поздно: часовъ въ десять вечера. Театръ въ Салоникахъ и въ Константинополѣ очень популяренъ, благодаря своей дешевизинѣ: цѣны на мѣста здѣсь не выше рубля.

Когда, послѣ оживленнаго города, вы вступаете на порогъ гостинницы, то застааете здѣсь уже безнадежно спящее царство. Прислуги не дозваться и не получить даже стакана чаю. Это устроено, вѣроятно, для того, думалъ я, чтобы начать васъ беспокоить вознею и стукомъ съ пяти часовъ утра...

XVI. Русскіе уголки въ Солуни.

Въ Солуни есть интересныя русскіе уголки.

Еще на пароходѣ мнѣ говорили о солунскомъ подворьѣ аеонскаго Пантелеймоновскаго монастыря и с настоятелѣмъ подворья іеродіаконѣмъ Андреѣмъ, интересномъ мѣстномъ дѣятелѣмъ.

Въ одной изъ центральныхъ улицъ, упирающихся въ набережную, въ изящномъ высокомъ зданіи, построенномъ на собственной землѣ, высятся это пантелеймоновское подворье, видимо благоустроенное. Подворье выстроено въ 1899—1900 гг.

Въ Салоникахъ нѣтъ звонковъ у воротъ, а есть тяжелыя ручки, чтобы стучать. Я постучалъ въ маленькую калитку. На встрѣчу мнѣ вышелъ монахъ.

— Дома отецъ Андрей? Можно его видѣть?—спросилъ я.

— Пожалуйте. — отвѣчалъ монахъ. — Я сейчасъ доложу. Отецъ Андрей только что вернулся изъ города.

Я поднялся по лѣстницѣ на второй этажъ; здѣсь сквозь жалюзи оконъ открывался чудный видъ на море.

Отецъ Андрей вышелъ ко мнѣ.

Это былъ брнетъ высокаго роста и цвѣтушаго вида.

— Наше Солунское подворье, — говорилъ онъ, — это хозяйственно-экономическій уголокъ Аѳона. Богомольцевъ мы здѣсь не принимаемъ, но исполняемъ всѣ порученія, всѣ закупки для нашего Пантелеймоновскаго монастыря и, признаться, дѣль и хлопотъ у насъ довольно много. Вмѣстѣ съ тѣмъ наше подворье, — продолжалъ о. Андрей — служитъ службу русской колоніи въ Салоникахъ. Наша домовая церковь посѣщается служащими въ русскомъ агентствѣ и консульствѣ особенно во время праздниковъ — на Пасху и на Рождество.

Мы сидѣли съ отцомъ Андреемъ въ уютной приѣмной подворья, украшенной видами св. Аѳонской горы и портретами Высочайшихъ Особъ и аѳонскихъ настоятелей, бывшаго и нынѣшняго.

Домовая церковь подворья освящена въ 1901 г. во имя св. Пантелеймона, имѣя придѣлы св. Николая Чудотворца и св. великомученика Дмитрія Солунскаго.

Церковь очень невелика, но хорошо обставлена, въ ней много иконъ изящнаго аѳонскаго письма.

— Въ этой церкви, — рассказывалъ мнѣ отецъ Андрей, — принимали нашихъ убиенныхъ въ Македоніи консуловъ Щербину и Ростовскаго и здѣсь ихъ отпѣвали.

Отецъ Андрей показалъ мнѣ хранящіеся у него фотографическіе снимки гроба Щербины, стоявшаго въ маленькой церкви среди моря вѣнковъ, пальмовыхъ вѣтокъ и земли. Въ эти тяжелыя, пережитыя русскимъ сердцемъ, минуты все маленькое русское общество объединялось въ иновѣрномъ городѣ тѣсною семьей подъ кровомъ Пантелеймоновской церкви и трогательно оплакивало и провожало останки убиеннаго консула на родину. Къ зданію Пантелеймоновскаго подворья прилегаютъ чистый монастырскій дворъ, а съ другой стороны небольшой садикъ, черезъ который устроенъ парадный ходъ на улицу.

Второй русскій уголокъ въ Салоникахъ — русская почта при агентствѣ русскаго общества пароходства и торговли. Она тоже въ центрѣ города, въ одной изъ боковыхъ улицъ близъ набережной. Почтой завѣдуетъ агентъ общества Конст. Фед. Авгерино.

Маленькая русская колонія Салоникъ во время моего пребывания въ этомъ городѣ постоянно собиралась у генерала *Э. А. Шостака* на его чудной дачѣ. По вечерамъ тутъ можно было застать довольно многолюдное общество. Заходили къ *Э. А. Шостаку* исполняющій обязанности гражданского агента нашъ консулъ *А. А. Гирсъ*, вице-консулъ *А. А. Бази-левскій*, помощникъ гражданского агента *А. М. Петряевъ* и неизмѣнно присутствовали adjoint генерала *Н. Н. Полтановъ*, другіе прѣзжавшіе въ Салоники изъ глуши Македоніи русскіе офицеры и показывались иарѣдка навѣщавшіе *Э. А. Шо-стак* гости изъ Россіи. Генераль принималъ гостей очень радушно. Послѣ прогулокъ въ прекрасномъ саду его дачи, гдѣ мы сидѣли въ лунныя ночи подѣ тѣнью чудныхъ лиственницъ и кипарисовъ, среди благоухающихъ цвѣтовъ, компаніей гостей устраивались увлекательныя parties de plaisir на лодкѣ по посеребренному луной зеркальному морю. У меня особенно осталась въ памяти одна прогулка, когда мы, оставившись не вдалекѣ отъ берега, слушали чудное пѣніе пѣвицъ-итальянокъ въ одномъ прибрежномъ саду и игру на мандолинахъ, устроенныя этимъ итальянскимъ семействомъ по случаю семейнаго праздника. Насъ пригласили посѣтить этотъ праздникъ, но мы, поблагодаривъ за приглашеніе, предпочли слушать концертъ на водѣ и аплодировали отъ души обладательницамъ прекрасныхъ голосовъ и музыкальныхъ талантовъ. На берегу, несмотря на наступленіе ночи, былъ еще уютный зной и духота, а на водѣ уже царил прохладъ.

Благодаря милому обществу *Э. А. Шостака* и его оживленнымъ вечерамъ время моего пребывания въ Салоникахъ летѣло быстро. А нужно уже было подумывать и о дальнѣйшемъ пути.

Хильми-паша въ половинѣ іюня перенесъ свою резиденцію въ Монастырь, гдѣ наиболѣе требовалось его присутствіе. Черезъ два дня по его отѣздѣ выѣхали въ тотъ же Монастырь гражданскіе агенты: Россіи *А. А. Гирсъ* и Австріи г. *Мюллеръ*.

XVII. Въ дорогѣ.—Дойранъ.

Я собирался въ дорогу. Еще задолго до моего отѣзда предупредительные люди говорили мнѣ:

— Имѣйте въ виду, что на здѣшнихъ желѣзныхъ дорогахъ буфетовъ нѣтъ; чтобы не умереть голодной смертью, не забудьте запастись провизіей.

Наканунѣ отѣзда я занялся хозяйственными хлопотами. Купилъ въ дорогу консервовъ, сыра, хлѣба, греческаго вина и фруктовъ. Поѣздъ изъ Салоникъ на Вѣну и Константинополь уходитъ только въ 5½—6 час. утра. Удивительно удобное время! Это, впрочемъ, сдѣлано для безопасности движенія отъ взрывовъ и покушеній, опасныя мѣста поѣздъ проходитъ въ дневное время. Поѣзда, прибывающіе въ Салоники при такомъ порядкѣ приходятъ вечеромъ, но они только два часа идутъ въ сумеркахъ. Желѣзная дорога охраняется войсками.

Въ день отѣзда мнѣ пришлось встать въ 4 часа утра,

чтобы въ 5 часовъ быть на вокзалѣ. Эту ночь всѣ обитатели Салоникъ спали плохо: со вчерашняго вечера разбушевалась буря: вѣтеръ вылъ и гудѣлъ, хлопалъ оконными ставнями, рвалъ желѣзо на крышахъ и цѣлые потоки волнъ хлестали на набережную. По улицамъ вздымались тучи пыли, залѣплявшей глаза и покрывавшей пескомъ прохожихъ.

Въ половинѣ пятого утра въ мою дверь постучалъ консульскій кавасъ, явившійся проводить меня на вокзалъ. Наскоро выпивъ чашку чаю, я поѣхалъ на желѣзную дорогу, обгоняя другіе экипажи, стремившіеся къ той же цѣли. Въ этотъ день уходилъ изъ Салоникъ константинопольскій экспрессъ, отправляющійся три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

Вокзалъ въ Салоникахъ жалкій, захолустный: одноэтажное маленькое зданіе тѣсно и неуютно. На вокзалѣ, конечно, не обошлось безъ обычныхъ на Востокъ недоразумѣній съ деньгами. Все французское золото, которое я успѣлъ намѣнять накануне, я отдалъ въ желѣзнодорожную кассу, но такъ какъ требовалось еще приплатить, то я предложилъ русское золото. Каково же было мое удивленіе, когда я убѣдился, что желѣзнодорожная касса считаетъ и принимаетъ наши полуимперіалы по невозможной цѣнѣ (3 р. 70 коп.).

— Эти монеты я считаю по 10 франковъ,—заявилъ мнѣ кассиръ указывая на пятирублевые золотые.

— Помилуйте,—взмолился я,—это гораздо больше десяти франковъ.

— Но мы совсѣмъ не знаемъ русскихъ денегъ!—отвѣчалъ кассиръ.

— Да, я вижу что вы совсѣмъ не знаете,—отвѣчалъ я,—тотъ, кто знаетъ, считаетъ ихъ иначе: вчера я мѣнялъ деньги и за каждые русскіе пять рублей размѣнное бюро мнѣ давало 3 турецкихъ меджидіе и еще немного мелочи.

— Я могу принять ваши золотыя монеты только за 55 пиастровъ,—рѣшительно объявилъ мнѣ кассиръ, посовѣтовавшись съ какимъ-то представителемъ желѣзнодорожной администраціи.

Раздался второй звонокъ. На крошечномъ вокзалѣ поднялась возня и сутолока; пришлось, конечно, согласиться на предложеніе кассира, и на каждомъ золотомъ я потерялъ по 60 к. Досадно было, но что было дѣлать!

Кавасъ принесъ мнѣ паспортъ который надо было предъявить турецкой таможенѣ. Турки большіе любители по 100 разъ разсматривать паспорта.

Раздался третій звонокъ и поѣздъ двинулся.

Вагонъ, въ которомъ я очутился, былъ маленькій и довольно скверный, съ выходами на обѣ стороны; онъ былъ весь стеклянный, со стеклянными дверями въ купе и широкими окнами, точно это былъ вагонъ какого-нибудь увеселительнаго или дачнаго поѣзда. Мнѣ говорили, что въ здѣшнихъ вагонахъ даже не имѣется необходимыхъ удобствъ, но въ концѣ концовъ удобства оказались. Пассажировъ было немного: ѣхали какіе-то греки и турки въ фескахъ, да отправлялся въ Доиранъ

вмѣстѣ со мной одинъ русскій офицеръ со своей молодой супругой, предпринявшей весьма рискованную для европейской женщины экскурсію во внутреннюю Македонію.

Мы готовились претерпѣть въ пути всѣ тяготы македонскаго іюньскаго пекла, но наши опасенія не сбылись. Вчерашній вѣтеръ не унимался, дулъ и гудѣлъ изо всѣхъ силъ. Несмотря на бурю, солнце грѣло, но буря освѣжала жару и въ вагонѣ было прохладно.

Вдоль дороги тянулись обработанныя поля, показывались красивые тополи, вдали выростали горы, окутанныя синимъ сумракомъ ранняго утра. Горы мѣстами то удалялись, то вновь близко подходили къ дорогѣ. Мы видѣли около желѣзнодорожнаго полотна нашихъ охранителей: на сторожевыхъ постахъ, близъ раскинутыхъ шалашей и палатокъ, стояли группы турецкихъ солдатъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ поѣздъ. По дорогамъ ѣхали группами всадники. Попутныя станціи представляли собой крохотные каменные домики, утопавшіе въ зелени тополей. Около нихъ на грядкахъ весело глядѣли кучи георгинъ. Вотъ мы проѣхали по какому-то желѣзному мосту, который весь задребезжалъ, когда проходилъ поѣздъ. Горы на время остались позади, потянулась ровная котловина съ нивами. Въ воздухѣ носились аисты. Виднѣлись земледѣльцы, работавшіе на волахъ. Вагонъ отъ быстроты хода бросало: онъ скакалъ, стучалъ, наклонялся отъ неровностей дороги то на одну, то на другую сторону. Дорога дѣлала поворотъ. Путь здѣсь тянется все время въ одну колею.

Чудная панорама открылась передъ нами: показалось громадное озеро среди обступившихъ его горъ. За первой цѣпью горъ вдали выступала вторая. Буря покрыла поверхность озера крупными бѣлыми бурунами. На другомъ берегу на горѣ виднѣлся живописный городокъ среди зеленой чащи. Это былъ Дойранъ. Видъ здѣсь былъ сказочно хорошъ.

Дойранъ большое селеніе съ 5 тыс. жителей; 3 тыс. населенія составляютъ болгары. Во время моей поѣздки здѣсь была резиденція одного изъ русскихъ офицеровъ, состоящихъ при генералѣ Шостаковѣ. Дойранъ отстоитъ отъ желѣзной дороги въ 6 верстахъ, которыя проѣзжаютъ верхомъ на лошадахъ.

Но этотъ рай земной внутри не особенно привлекателенъ. Европейцу тяжело здѣсь жить. Жилища азіатскія, нечистота, мириады клоповъ даже въ зажиточныхъ домахъ...

XVIII. Сересь и Драма.

Около Дойрана изобиліе горъ — дикихъ, красивыхъ. Внизу вдоль дороги поля, гдѣ работаютъ на волахъ и болгары, и турки. Въ этихъ мѣстахъ отъ Салоникъ до Драмы болгарское населеніе очень многочисленно. По сторонамъ роши, густыя поросли. Массы аистовъ кружатся въ воздухѣ. Поѣздъ желѣзной дороги за Дойраномъ продолжаетъ путь среди густой растительности, причемъ живописный Дойранъ долго еще виденъ изъ окна вагона.

Тянущіеся хребты и цѣпи здѣшнихъ горъ напомнили мнѣ пейзажи Закавказья.

Минуемъ рѣки (рѣка Струмъ), ручьи, озера, пролетаемъ черезъ мосты. Вотъ проскочили черезъ небольшой тоннель. Надолбливый вѣтеръ, отъ котораго мы было закрылись горамы, вновь забушевалъ на открытыхъ мѣстахъ. Слѣдующая станція Демиръ-Гесаръ — большое селеніе съ двумя тысячами жителей, изъ которыхъ около трехъ четвертей болгары. Еще значительнѣе станція Сересъ съ сорока тысячами жителей, преимущественно изъ турокъ и грековъ. Болгаръ въ Сересѣ не болѣе двухъ тысячъ, исключительно патріархистовъ. Успѣхи эллинизации въ этихъ мѣстахъ сильно сказываются. Въ 40—50 километрахъ отъ Сереса къ сѣверу (въ Сересскомъ санджакѣ) прошлогоднее возстаніе приняло громадные размѣры. Это былъ главный районъ возстанія послѣ Витоліи. Болгарскими бандами былъ разрушенъ, между прочимъ, желѣзнодорожный тоннель за Сересомъ. Въ Сересѣ сѣлъ въ мое купе турецкій офицеръ, съ которымъ мы разговорились въ дорогѣ. Онъ былъ любезенъ и предупредителенъ. Когда онъ замѣтилъ, что у меня вышла вода, взятая съ собой въ путь, то тотчасъ велѣлъ жандарму принести воду со станціи и предупредилъ меня, чтобы я не давалъ ему на чай. Только что поѣздъ пришелъ въ буфетъ лимонадомъ и не позволялъ мнѣ платить. Я протестовалъ, но онъ отвѣтилъ на хорошемъ французскомъ языкѣ:

— Въ моей странѣ я долженъ быть любезнымъ и гостеприимнымъ въ отношеніи къ гостю—точно также, какъ были бы вы въ Россіи.

Этотъ молодой и симпатичный офицеръ, какъ оказалось, живеть въ Салоникахъ; по дѣламъ службы онъ ѣздилъ въ Сересъ и Драму. Мы потомъ очень трогательно прощались съ нимъ.

Драма—центръ македонскаго табаководства. Городъ, утопая въ зелени, живописно расположился у подножья красныхъ горъ близъ рѣки. Драма преимущественно турецкій городъ, съ сорока тысячами жителей. Надъ обывательскими домами—вездѣ высяются остроконечныя бѣлыя пики минаретовъ.

Вокругъ Драмы находятя большія и богатая болгарскія деревни, промышленныя табаководствомъ. Въ деревняхъ Просѣчень, Плевна, Волокъ, Бугъ и друг. по 400—500 обывательскихъ домовъ.

За Драмой дорога становится удивительно живописной. Это совсѣмъ македонская Швейцарія. Синія громадныя горы, ущелья, быстрыя, шумящая горныя рѣки, съ переброшенными черезъ нихъ желѣзнодорожными мостами, и, по сторонамъ, селенія съ мечетями, кладбища, скалы. Нашъ поѣздъ безпрерывно вбѣгаетъ въ темныя тоннели, въ которыхъ глухо гремитъ нескладный шумъ вагонныхъ колесъ. Во второмъ часу дня поѣздъ прибываетъ на станцію Ениккей. Здѣсь опять видны турецкіе патрули. Въ виду многочисленныхъ тоннелей, охрана дороги на этомъ участкѣ особенно важна. Во время

македонскаго возстанія, на линію желѣзной дороги бросали бомбы и былъ разрушенъ одинъ мостъ около Драмы.

За станціей Ениккей разстилается дикій, нетронутый горный міръ. Воздухъ здѣсь чудный. Пышныя горы одѣты лѣсами. Надъ ними угрюмо смотрятъ скалы. Показываются внизу великолѣпныя пастбища, рѣки. Временами поѣздъ идетъ по самому краю насыпи, надъ обрывомъ большой, длинной рѣки Месты, и вы видите, какъ скалы и каменные массы стѣной повисли надъ вами; довольно случайности, чтобы паденіе ихъ обратило и поѣздъ и дорогу въ порошокъ. Отъ рискованныхъ насыпей, мостовъ и безчисленныхъ тоннелей становится немного жутко. А рѣка Места все время невозмутимо вьется внизу, украшая собой этотъ дикій горный міръ.

Всѣ скалы, обрывы, тоннели вы благополучно минуете днемъ, но каково, думалось мнѣ, машинистамъ вести поѣздъ въ ночное время, если въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ линіи рельсъ спускается вертикальная пропасть. Эта желѣзная дорога построена французской компаніей лѣтъ восемь тому назадъ; дорога изъ Константинополя въ Вѣну существовала много раньше салоницкой линіи. Обѣ линіи соприкасаются въ Дедеагачѣ, гдѣ салоницкіе вагоны прицепляются къ вѣнскому поѣзду.

У станціи Okdjilar желѣзная дорога, прорѣзавъ безчисленные горные кряжи, вступаетъ въ царство пологихъ холмовъ, оживленныхъ поселками, тутъ тянется та же рѣка Места, но уже нѣтъ болѣе скалъ и тоннелей.

Пышная, благоухающая долина разстилается кругомъ. Поѣздъ такъ крутится и вертится на безчисленныхъ извилинахъ дороги, что заходящее солнце смотреть въ окно то съ одной, то съ другой стороны. Вагонъ трясеть, качаетъ, не устоишь на ногахъ.

Между Драмой и Скечіа (городъ съ 40 тыс. жителей) Македонія кончилась. Отсюда до Константинополя тянется Фракія—Адрианопольскій вилайетъ. Тутъ до Гюмюрджина живетъ и болгарское и турецкое населеніе. Гюмюрджинъ исключительно турецкій городъ, съ 10 тыс. жителей.

Въ 6 час. вечера поѣздъ прибылъ въ Дедеагачъ. Тутъ вы впервые увидите море: тихое Эгейское море разстилается невдалекѣ, передъ окнами вагона. Вдали чуть выдѣляются голубые силуэты горъ на островахъ. Небольшіе овальные холмы рощи, поляны, пышныя, развѣсистыя деревья покрываютъ окрестность. Этотъ мирный сельскій пейзажъ показался мнѣ особенно симпатичнымъ послѣ дикихъ горныхъ красотъ долины Месты. Дедеагачъ—важный узловый пунктъ и городъ съ девятью тысячами жителей. Тутъ болгары, турки, греки; вокругъ Дедеагача всѣ деревни исключительно болгарскія, довольно богатыя. Дедеагачъ ведетъ морскую торговлю. Это пунктъ вывоза валонъ—продукта для дубленія кожъ.

Въ Дедеагачѣ желающимъ предлагаютъ перейти въ спальныя вагоны вѣнскаго поѣзда, за которые взимается дополнительная плата въ 2—3 р. до Константинополя. У станціонныхъ

разносчиковъ пассажиры запасаются вареными яйцами, рыбой, хлѣбомъ и громадными и необычайно длинными огурцами.

Поѣздъ выходитъ изъ Дедеагача въ седьмомъ часу вечера и прибываетъ въ Константинополь на другой день, утромъ. Отъ Дедеагача къ Константинополю—ровная мѣстность, слабо-заселенная, напоминающая наши безграничныя русскія поля. Ароматный, прохладный воздухъ врывался вечеромъ въ окно вагона, навѣвая, послѣ безчисленныхъ впечатлѣній, здоровую усталость. Спать можно было съ открытыми окнами. Эта часть пути безопасна.

ХІХ. Послѣднія впечатлѣнія.

Салоникскій экспрессъ прибываетъ въ Константинополь въ 7 час. 15 мин. утра. Поѣздъ идетъ вдоль берега Мраморнаго моря, приближаясь къ большому и неуклюжему константинопольскому вокзалу въ Стамбуль. По прибытіи въ турецкую столицу, я долженъ былъ пересѣсть на русскій пароходъ „Чихачевъ“. Прибывшій поѣздъ окружила толпа носильщиковъ, гидовъ, коммисіонеровъ отелей, которые наперерывъ предлагали свои услуги. Меня, признаться, уже нѣсколько утомила поѣздка въ Македонію и я нетерпѣливо жаждалъ очутиться въ знакомой обстановкѣ русскаго парохода, среди соотечественниковъ. „Чихачевъ“, по росписанію, долженъ былъ находиться на рейдѣ Босфора.

Выбравъ въ группѣ коммисіонеровъ лицо, показавшееся мнѣ русскимъ, я поручилъ ему мои дорожныя вещи. Онъ откомендовался гидомъ гостиницы Hôtel de St. Péterbourg.

— Прибыль ли русскій пароходъ, идущій въ Одессу?—спросилъ я этого гида.

— О да, онъ здѣсь,—отвѣчалъ гидъ по-русски.

— Такъ ѣдьте на пароходъ,—сказалъ я.

По выходѣ изъ вагона началась утомительная процедура прохожденія черезъ турецкую таможеню. Прибывшіе пассажиры столпились кучкой около турецкаго таможеннаго чиновника и наперерывъ предлагали ему свои паспорта; тотъ съ необычайнымъ вниманіемъ разсматривалъ документы и что-то диктовалъ тутъ же стоявшему своему помощнику, переглядывался съ нимъ а помощникъ записывалъ всѣ свѣдѣнія на листъ бумаги. Для чего такая процедура?—думалось мнѣ,—точно передъ чиновниками были не простые пассажиры, а какіе-нибудь революціонеры изъ Македоніи, требовавшіе особаго контроля.

Я передалъ свой паспортъ чиновнику. Онъ спросилъ меня, откуда я, гдѣ остановлюсь въ Константинополь, долго ли тамъ пробуду и гдѣ я служу.

— Я русскій журналистъ,—отвѣтилъ я,—сотрудникъ газеты.

— А какой именно газеты?—допрашивалъ чиновникъ.

— „Свѣта“ и „Русскаго Вѣстника“.

Чиновникъ обратился къ своему помощнику и тотъ записалъ: „Свѣтъ“ и „Русскій Вѣстникъ“.

Но это было только началомъ турецкой таможенной процедуры. Послѣ опроса, меня и другихъ пассажировъ пригласили въ помещеніе вокзала и стали осматривать наши вещи.

— Уплатите здѣсь пять піастровъ,—говорить мнѣ гидъ,—и поѣдемте во вторую таможню на пристань.

Я уплачиваю 5 піастровъ и мы съ гидомъ ѣдемъ въ Галату. За переѣздъ черезъ мостъ съ насъ взяли 20 коп., въ галатской таможнѣ я уплатилъ еще 80 к., за экипажъ 1 р. 20 к., и вотъ переѣздъ до пристани стоилъ около трехъ рублей. Но главное, на пристани меня ожидало полное разочарованіе. Вопреки увѣреніямъ гида, оказалось, что „Чихачевъ“, задержанный карантинномъ въ Смирнѣ (въ виду эпидеміи въ Египтѣ), еще не пришелъ и отойдетъ въ Одессу только черезъ два дня.

— Что же вы мнѣ говорили?—замѣчаю я гиду.

Но гидъ невозмутимъ. Константинопольскіе гиды удивительный народъ и, право, не знаешь, для чего собственно они существуютъ. Имъ неизвѣстны ни отходы пароходовъ, ни росписанія поѣздовъ, они не умѣютъ устроить вамъ какую-нибудь поѣздку и только берутъ у васъ деньги и твердятъ: „вотъ сейчасъ все узнаемъ“. Благодаря безопасности гидовъ путешественникъ на Востокъ тратитъ много лишнѣхъ денегъ и массу драгоценнаго времени. Находясь въ Константинополѣ, я поѣхалъ, напримѣръ, на Принцезы острова. Мой гидъ, замѣчательно напоминавшій своимъ крчочковатымъ носомъ и длинной визиткой съ фалдами погугая съ хвостомъ, повезъ меня сначала по желѣзной дорогѣ на одну изъ Анатолійскихъ станцій—Мальтепе, увѣряя, что оттуда мы попадемъ на Принкипо пароходомъ; въ ожиданіи парохода я угощалъ моего погугая кофеемъ и закусками въ прибрежной brasserie. Гидъ выпилъ кофе, съѣлъ закуски, но, пойдя за справками, объявилъ мнѣ:

— Знаете, а парохода не будетъ, сегодня воскресенье, по праздникамъ пароходы ходятъ по другому росписанію.

— Такъ для какого же чорта вы меня привезли сюда? — сказала я.

— А это нисефо,—невозмутимо отвѣчалъ гидъ,—мы переѣдемъ на Принкипо на лодкѣ.

— Такъ вы хоть бы лодку наняли, когда ходили,—сердито замѣтилъ я.

Онъ мѣстопался на мѣстѣ и пошелъ второй разъ въ то же мѣсто нанимать лодку. Потерявъ часа два въ этой вознѣ, я въ концѣ концовъ самъ нанялъ лодку, конечно, по дорогой цѣнѣ и въ три часа дня въ жестокую жару приѣхалъ на Принкипо. На Принцевыхъ островахъ дачный сезонъ былъ уже въ самомъ разгарѣ. Турецкая и греческая аристократія наполняла виллы, глядящія въ изумрудно-прозрачныя воды Мраморнаго моря. Картонные домики Принкипо купались въ нѣжной тропической зелени. Одна изъ знакомыхъ мнѣ воздушныхъ гостинницъ (постройки здѣсь жидкія, деревянныя, чуть-ли не въ одну доску) заново перестраивалась послѣ пожара.

Въ самомъ Константинополѣ въ іюнь скучно. Европейская публика, оставшаяся на лѣто въ городѣ, изнываетъ днемъ отъ жары, а, по вечерамъ ходитъ въ Конкордію или Petits Champs, гдѣ за входный піастръ (восемь копѣекъ) слушаетъ военную музыку а за полтинникъ посредственную итальянскую оперу заѣзжлаго импресарио. Садъ Petits Champs жидкій, а театръ старый и ветхій. Въ Константинополѣ лѣтомъ почти также неприятно, какъ и въ Одессѣ, только Константинополь не отвращаетъ вамъ существованія уличнымъ шумомъ, который въ Одессѣ прямо невыносимъ: при раскрытыхъ окнахъ въ комнатѣ не слышно человѣческаго голоса, а закрывать окна невозможно, потому что будетъ страшная духота. Изъ Константинопольскаго весьма приличнаго и недорогого Hôtel Kroecker, куда я перебрался изъ перестраивавшагося и шумнаго „Hôtel de St. Pétersbourg“, открывался чудный видъ на Босфоръ и на горы, зеленѣющія садами; по вечерамъ васъ нѣжила мягкая прохлада вѣчно свѣзжлаго Босфора.

„Чихачевъ“ прибылъ черезъ два дня. На пароходѣ я очутился въ интересномъ обществѣ возвращавшихся съ Дальняго Востока рѣдкихъ путешественниковъ: одинъ техникъ пробирался въ Россію изъ отрѣзаннаго военными событіями отъ внѣшняго міра города Дальняго. Онъ съ нѣсколькими смѣльчаками проскочилъ черезъ мины у Дальняго и подъ выстрѣлами переплылъ на китайской парусной джонкѣ въ Чифу.

Другой былъ капитанъ захваченнаго японцами русскаго китолова, только-что выпущенный изъ японскаго плѣна.

Было много интересныхъ разсказовъ, былъ живой обмѣнъ впечатлѣніями.

При спокойномъ морѣ, при жаркой и тихой погодѣ нашъ Чихачевъ въ 29 часовъ благополучно дошелъ до Одессы.

По прибытіи въ Одессу я узналъ новыя тревожныя извѣстія изъ Македоніи. Оказалось, былъ подожженъ и разграбленъ гор. Гюменджи (около желѣзнодорожной станціи), въ которомъ турецкіе солдаты якобы выслѣживали и ловили болгарскую банду. Сгорѣло 30 домовъ и сгорѣлъ человекъ. У Дедеагача, гдѣ я только что былъ, взорвали мостъ. Въ Салоникахъ патруль выслѣдилъ злоумышленниковъ, желавшихъ взорвать желѣзнодорожный поѣздъ. Наконецъ, передавали мнѣ смутныя толки объ австрійскомъ офицерѣ, умершемъ якобы отъ отравленія.

Старая исторія продолжается!—съ грустью подумалъ я.

Путникъ (Н. Лендеръ).

Гунгербургъ, 16 іюля.

ПИСЬМА О ДЕРЕВНѢ.

XVII.

1861 годъ былъ какъ бы кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи тонкоруннаго овцеводства въ Россіи или временемъ поворота отъ быстрого и повсемѣстнаго роста этого овцеводства къ постепенному и послѣдовательному его паденію.

Несомнѣнно, что съ освобожденіемъ крестьянъ содержаніе тонкорунныхъ овецъ начало обходиться гораздо дороже, чѣмъ раньше, уже хотя бы потому, что пришлось перейти отъ натурального хозяйства къ денежному, т. е. платить за трудъ сѣнокосенія для овецъ, за уходъ за ними и т. п. услуги не предметами своего же хозяйства или владѣнія, какъ хлѣбомъ, скотомъ, землей подъ посѣвъ и проч., а наличными деньгами, для чего необходимо было реализовать эти предметы въ деньги. Между тѣмъ съ реформой кредитныхъ учреждений, о которой говорилось уже раньше, денежное обращеніе въ странѣ было крайне стѣснено, и помѣщики весьма нуждались въ деньгахъ. Что же касается выкупныхъ свидѣтельствъ, то они могли реализоваться въ то время лишь по неслыханно низкой цѣнѣ—около 60—65 руб. за 100. Да, наконецъ, и они-то получились лишь впоследствии.

Въ то же время цѣны на овечью шерсть, подъ вліяніемъ указаннаго въ предшествующемъ письмѣ быстрого роста тонкоруннаго овцеводства въ колоніяхъ Австраліи, Африки и Южной Америки, и слабого огражденія таможенными пошлинами, постепенно начали еще ниже падать; но главное, что шерсть наша начала вытѣсняться съ нашихъ же внутреннихъ рынковъ иностранной. На Балтійскомъ побережьѣ появились громадныя фабрики шерстяныхъ издѣлій и шерстопрядильни, работавшія исключительно на иностранномъ дешевомъ сырѣ, да и получаемомъ еще въ кредитъ, и лишь нѣкоторые лучшіе сорта шерсти покупались внутри страны. Что же касается Царства Польскаго, то оно прямо покрылось мелкими и крупными фабриками шерстяныхъ издѣлій. Всѣ издѣлія этихъ фабрикъ, какъ лавина, обрушивались на наши внутренніе рынки, заставляя закрываться мѣстныя суконныя фабрики.

Разумѣется, совокупность подобныхъ условій должна была пагубно отразиться на нашемъ тонкорунномъ овцеводствѣ.

За десятилѣтіе 1861—1871 годовъ въ не черноземныхъ губерніяхъ Россіи тонкорунное овцеводство сократилось съ 703 тысячъ головъ до 420 тысячъ головъ, т. е., почти на половину. Въ губерніяхъ же черноземныхъ, за исключеніемъ Новороссійскихъ, количество тонкорунныхъ овецъ пало съ 5,438 тыс. головъ до 2,989 тыс. головъ, тоже почти на половину.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ оказались губерніи Новороссійскія. Съ освобожденіемъ крестьянъ и надѣленіемъ ихъ крупными земельными надѣлами помѣщики этихъ губерній оказались совершенно безъ мѣстныхъ рабочихъ рукъ. Пастуховъ для пастьбы овецъ приходилось выписывать изъ различныхъ мѣстъ. Были случаи выписки молдаванъ изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи. Но овцеводство оставлять нельзя было, такъ какъ это былъ единственный способъ извлеченія какихъ-нибудь доходовъ съ земель.

Вслѣдствіе полной невозможности достать рабочихъ для земледѣльческихъ работъ, цѣны на землю пали до нѣсколькихъ рублей за десятину. На моихъ глазахъ продавались прекрасныя черноземныя земли въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, по 7 руб. за десятину. Если такія цѣны были на границѣ Полтавской губерніи, то въ Таврической губерніи онѣ были еще дешевле—2—3 руб. за десятину. Аренды доходили до нѣсколькихъ копѣекъ за десятину. Только овцеводствомъ и можно было еще заниматься въ виду незначительности числа людей, требующихся для ухода за ними, а также возможности съ меньшими затруденіями нанять людей для сѣнокоса и уборки сѣна, чѣмъ во время жатвы.

Въ виду такихъ причинъ къ 1866 году овцеводство въ Новороссійскихъ губерніяхъ даже увеличилось количественно съ 5,615 тысячъ головъ до 7,163 тыс. головъ, но, какъ видно, доходность отъ него слишкомъ была мала, такъ что къ 1871 году оно все-таки сократилось до 6,695 тыс. головъ.

По всей же Россіи за десятилѣтіе 1861—1871 года тонкорунное овцеводство сократилось съ 11,756 тыс. головъ до 10,103 тыс. головъ или на 1,653 тыс. головъ.

Наконецъ, за послѣднее 12-лѣтіе, за которое у насъ еще собирались статистическія данныя о тонкорунномъ овцеводствѣ, съ 1871 года по 1883 годъ, въ нечерноземной полосѣ Россіи оно еще пало до 278 тыс. головъ, а въ остальныхъ черноземныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ Новороссійскихъ,—до 2,436 тыс. головъ. Въ Новороссійскихъ же губерніяхъ оно осталось почти безъ измѣненія, сократившись лишь до 6,660 тыс. штукъ или на 35 тыс. головъ. Но при этомъ нужно принять во вниманіе, что за это же время въ Области Войска Донскаго оно увеличилось съ 55 тыс. головъ до 501 тыс. головъ, а въ Таврической губ. съ 1,725 тыс. головъ до 2,892 тыс. головъ, что обуславливалось совершенно ничтожною цѣнностью земель въ этихъ губерніяхъ и возможностью почти круглый годъ держать овецъ на подножномъ корму, лишь какой-либо мѣсяць,

два приходилось ихъ поддерживать сухимъ кормомъ. Что же касается остальныхъ Новороссійскихъ губерній, то въ Екатеринославской, нѣкогда славившейся весьма высокимъ качествомъ тонкорунной шерсти, овцеводство пало съ 2,390 тыс. головъ до 1,943 тысячъ головъ, въ Херсонской губерніи съ 2,841 тыс. головъ оно пало до 1,146 тыс. головъ, а въ Бессарабской губерніи — съ 685 тыс. головъ до 178 тыс. головъ.

Такимъ образомъ за время съ 1860 года по 1883 годъ, согласно статистическимъ даннымъ, наше тонкорунное овцеводство приняло совершенно обратное направленіе, чѣмъ въ иныхъ странахъ и въ особенности въ колоніяхъ. Въ то время, какъ мы видѣли изъ предшествующаго письма, при поразительно быстромъ ростѣ овцеводства въ Австраліи, Африкѣ и Америкѣ, у насъ, исключительно благодаря недостаточному таможенному огражденію, оно постепенно сокращалось. Овцеводство почти совсѣмъ уничтожилось въ центральной Россіи и еще только еле удерживалось на южныхъ и частью восточныхъ окраинахъ Россіи, благодаря ихъ исключительнымъ условіямъ безлюдія и обезцѣненія земли, а также несомнѣнно благоприятнымъ климатическимъ условіямъ, но и то въ общемъ съ каждымъ годомъ оно сокращалось.

Посмотримъ теперь, что произошло у насъ за это время съ вѣншей торговлей мериносовой шерстью и ея переработкой въ издѣлія (см. табл. на слѣд. стр.).

Какъ видно изъ приведенной таблицы за 22 года привозъ шерсти въ Россію изъ-за границы во всѣхъ видахъ увеличился на 516,856 пудовъ, т. е. на количество шерсти въ мытомъ и обработанномъ видѣ, которое могло быть получено не менѣе, какъ съ 10—12 милліоновъ головъ овецъ. Понятно, что этимъ мы только содѣйствовали разведенію 10—12 милліоновъ овецъ въ чужеземныхъ краяхъ, въ ущербъ развитію своего овцеводства, которое за это время сильно сократилось. Это было прямо послѣдствіемъ нашей неправильной таможенной политики. Она была въ рукахъ лицъ, которыя какъ бы задачей поставили себѣ разореніе, во что бы то ни стало, русскихъ овцеводовъ, занимавшихся разведеніемъ тонкорунныхъ овецъ, не видя того, что вмѣстѣ съ этимъ они разоряли и Россію. Совершенно, какъ въ безсмертной баснѣ Крылова. Это было знаменіе времени и дѣйствующія лица прекрасно этимъ характеризовались.

За возросшей такимъ образомъ привозъ заграничной шерсти мы переплачивали лишнихъ иностранцамъ 20½ мил. рублей, т. е. сумму большую, чѣмъ намъ стоило бы содержаніе 10—12 милл. овецъ, но только эти деньги оставались бы въ странѣ и служили бы къ обогащенію населенія и страны, а въ данномъ случаѣ онѣ вели лишь къ разоренію и долгамъ страну и государство. Кромѣ того казна собирала лишнихъ таможенныхъ пошлинъ 2½ милл. руб.

Необходимо при этомъ замѣтить, что ввозъ шерсти и шерстяной пряжи производился главнымъ образомъ чрезъ Александровскую, Сосновицкую и Граевскую таможи, т. е.

НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Привозъ въ 1861 ГОДУ.			Привозъ въ 1883 ГОДУ.		
	Количе- ство.	Цѣна.	Пошлина.	Количе- ство.	Цѣна.	Пошлина.
	Пудовъ.	Тыс. руб.	Руб.	Пудовъ.	Тыс. руб.	Руб.
Шерсть некуственная	—	—	—	71,182	2,635	142,364
Шерсть въ сыромъ видѣ непряденая	16,072	329	3,214	220,162	4,023	216,628
Шерсть крашенная	18	0,3	7	44,911	1,335	89,824
Шерсть чесаная въ лентяхъ некрашенная	—	—	—	47,497	2,237	143,207
Крашенная	—	—	—	296	14	1,333
Пряжа некрашенная	95,773	4,382	383,095	166,495	8,717	1,219,915
Пряжа крашенная	—	—	—	65,176	3,528	585,427
Итого шерсти	111,863	4,711,3	383,316	615,719	22,488	2,428,698
Шерстяныхъ издѣлій	56,000	4,058,5	1,269,802	69,000	6,528	1,783,465
Всего шерсти и шерстяныхъ издѣлій	167,863	8,770	1,656,118	684,719	29,316	4,212,163

въ Привислинскія губерніи, гдѣ иностранцами, специально на иностранные капиталы и даже съ иностранными рабочими, были устроены огромныя фабрики, снабжающія теперь всю Россію шерстяными издѣліями. Затѣмъ почти все остальное количество подвозилось Балтійскимъ моремъ, гдѣ на Балтійскомъ побережьи тоже основались крупныя, большею частью на иностранные капиталы, фабрики, доставляющія внутрь страны свои издѣлія.

Всѣ эти фабрики имѣли громадныя и дешевыя кредиты за границей, откуда и получали матеріалы на очень выгодныхъ условіяхъ, а потому естественнымъ образомъ избѣгали покупки нашей шерсти, которую можно было приобрести лишь за наличныя деньги, которыхъ у насъ было мало и процентъ на нихъ былъ очень высокъ.

Что же касается вывоза нашей тонкорунной шерсти, то въ 1861 году мы его опредѣлили равнымъ приблизительно 500 тысячамъ пудовъ. Въ то время только начиналось вытѣснение нашей шерсти иностранной, такъ что вывозился избытокъ ея или остатки отъ потребления. Съ 1868 года собственно является возможность болѣе или менѣе точно судить о вывозѣ тонкорунной шерсти изъ Россіи, когда таможеннымъ департаментомъ вывозъ ея былъ выдѣленъ въ особую рубрику. Раздѣляя этотъ вывозъ по пятилѣтіямъ, получимъ слѣдующіе средніе выводы.

ПЯТИЛѢТІЯ.	Шерсти мериносовой не мытой.			
	Количество.	Стоимость.	Цѣна 1 пуда.	
			Пуды	Рубли.
1896—1873	73,705	660,148	8	96
1874—1878	153,666	1,232,434	8	2
1879—1883	485,868	3,617,716	7	45
Шерсти мериносовой мытой.				
1896—1873	185,300	3,411,180	18	41
1874—1878	233,578	3,867,090	16	56
1879—1883	202,125	2,263,618	11	20

Изъ приведенныхъ данныхъ нетрудно придти къ заключенію, что, несмотря на развившееся за 22 года производство и потребленіе шерстяныхъ тканей, о чемъ можно судить по возрастающему ввозу шерсти и пряжи изъ-за границы, а также на сокращеніе нашего тонкоруннаго овцеводства, согласно вышеприведеннымъ статистическимъ даннымъ, вывозъ меринсовой шерсти изъ Россіи все время возрасталъ, слѣдовательно наша шерсть вытѣснялась изъ народнаго потребленія иностранной. Въ послѣднее пятилѣтіе 1879—1883 года вывозъ меринсовой шерсти изъ Россіи достигъ такого количества, которое по меньшей мѣрѣ могло собираться съ 5½ миллионѣвъ овецъ, составляющихъ болѣе половины общаго ихъ количества въ странѣ. Но въ то же время нельзя не замѣтить, что эта шерсть продавалась за 5.881,334 руб. и это была ея стоимость въ пограничныхъ мѣстахъ и портовыхъ городахъ, такъ что доходъ овцеводовъ отъ шерсти могъ быть лишь менѣе рубля, т. е. менѣе средней стоимости содержанія овецъ, что лишь разоряло овцеводовъ.

Такимъ образомъ уже въ 1883 году большинство нашей шерсти и преимущественно изъ южныхъ губерній вытѣнялось изъ страны шерстью иностранной, съ одной стороны вслѣдствіе дешевизны послѣдней, а съ другой вслѣдствіе высокой стоимости перевозки нашей шерсти внутренняго производства изъ южныхъ губерній на наши фабрики, сосредоточенныя въ центральной и сѣверной Россіи и въ Привислинскихъ и смежныхъ съ ними губерніяхъ.

XVIII.

При такомъ положеніи дѣла разоряющіеся сельскіе хозяева-овцеводы снова предприняли рядъ ходатайствъ предъ правительствомъ о повышеніи пошлины на иностранную шерсть.

Какъ выше было указано, въ 1851 году установлена была пошлина на иностранную привозную шерсть въ размѣрѣ 20 коп. съ пуда, а на крашеную и искусственную — 40 коп. съ пуда. Въ 1861 году она повышена была до 22 коп. а на искусственную до 44 коп. Что же касается тарифа 1868 года, то я позволю себѣ привести дословно тѣ основанія, которыми руководствовались для того, чтобы не повышать пошлину на шерсть 1):

„При пересмотрѣ таможеннаго тарифа въ 1867 году обращено было вниманіе на то обстоятельство, что вывозъ русской шерсти за границу постоянно увеличивался, но что, отпуская въ значительномъ количествѣ туземную шерсть изъ южныхъ портовъ, сѣверная Россія въ то же время не могла обходиться безъ выписки изъ-за границы нѣкотораго количества шерсти-сырца для мѣстныхъ фабрикъ. Въ виду сего и принимая въ соображеніе, что тонкорунное овцеводство развилось у насъ и безъ помощи особеннаго таможеннаго покро-

1) Матеріалы къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа Россійской Имперіи по европейской торговлѣ. 1889 г.

вительства, причемъ спросъ на русскую шерсть постоянно увеличивался какъ внутри Россіи, такъ и за границей, при незначительности привоза иностраннаго продукта. — тарифная комиссія полагала, что возвышеніе пошлины на шерсть, согласно ходатайству нашихъ овцеводовъ, обратилось бы лишь въ стѣсненіе отечественныхъ шерстяныхъ фабрикъ. По симъ основаніямъ и въ виду предположеннаго противъ тарифа 1857 года пониженія пошлинъ на шерстяныя издѣлія, пошлина на шерсть сырую (п. 1 ст. 90) оставлена была въ тарифѣ 1868 г. безъ измѣненія—22 к. съ пуда. Что касается шерсти непряженой, крашеной, а равно искусственной шерсти (shoddy, mungo, Kunstwolle, laine renaissance), отнесенныхъ къ п. 2 ст. 90, то и эту шерсть при ввозѣ изъ-за границы признано было возможнымъ оставить при прежней пошлинѣ въ 44 к. съ пуда, такъ какъ привозъ по этой статьѣ былъ совершенно ничтожнымъ, а потому повышеніе на эти сорта шерсти пошлины не могло оправдываться ни соображеніями покровительства отечественному красильному дѣлу, ни необходимостью поощренія у насъ производства искусственной шерсти, тѣмъ болѣе, что матеріалъ для оной находится у насъ въ изобиліи, а само производство не представляетъ никакихъ особыхъ техническихъ затрудненій“.

Насколько оправдались предположенія о крашеной и искусственной шерсти, мы видѣли изъ приведенныхъ данныхъ за 1883 годъ, согласно которымъ привозъ искусственной шерсти возросъ до 2.635 тыс. руб., а крашеной до 1.335 тыс. рублей.

Въ 1877 году всѣ таможенныя пошлины у насъ начали взыматься золотомъ, что нѣсколько повысило обложеніе. Наконецъ, въ 1881 году пошлина на шерсть еще повышена была на 10%.

Сознвая вполне, что эти копѣчныя повышенія пошлины никакого значенія имѣть не могутъ и не остановятъ дальнѣйшаго паденія тонкоруннаго овцеводства въ 1881 году Полтавское общество сельскаго хозяйства и Харьковское акціонерное общество торговли шерстью ходатайствовали о покровительствѣ падающему у насъ мериносовому овцеводству, такъ какъ при постоянно увеличивающемся привозѣ въ Россію иностранной шерсти, цѣны на русскую мериносовую шерсть пали до невозможности заниматься овцеводствомъ, и просили обложить шерсть, привозимую изъ-за границы, пошлиною 3 р. съ пуда, а также запретить ввозъ въ Россію искусственной шерсти, какъ негодной и служащей только для обмана покупателей. Кромѣ того въ началѣ 1882 года поступило ходатайство московскихъ шерстопрядильщиковъ о покровительствѣ внутреннему производству камвольной пряжи. Ссылаясь на то, что при назначеніи пошлины на шерсть пряженую въ 1868 году не принято было во вниманіе, что выработка пряжи изъ гребенной шерсти у насъ обходится на 7 р. въ пудѣ дороже, чѣмъ въ Англии,—указывали на сильно увеличившійся (въ 3½ раза) привозъ въ Россію камвольной

пряжи въ періодъ 1866—1879 гг., требовавшейся для внутренняго производства тканей изъ этой пряжи, и на невозможность производить при этомъ камвольную пряжу у себя, вслѣдствіе низкой пошлины на привозную пряжу. Для защиты внутренняго производства камвольной пряжи изъ шерсти нечесаной, московскіе фабриканты просили назначить пошлины на шерсть пряденую суровую 9 р., а на крашеную 11 р. съ пуда и обложить шерсть чесаную, привозимую къ намъ въ лентахъ, пошлиною не менѣе 3 р. съ пуда.

Какая же участь постигла эти ходатайства? Отвѣтъ на это находимъ мы въ матеріалахъ къ пересмотру общаго таможеннаго тарифа Россійской Имперіи, по европейской торговлѣ.

При пересмотрѣ тарифа въ 1882 году, министерство финансовъ высказало, что соображенія, послужившія въ 1868 г. причиной отклоненія ходатайствъ овцеводовъ о повышеніи пошлины на шерсть, въ то время вполне оправдывались, съ одной стороны, ограниченной цифрою привоза иностранной шерсти, и съ другой стороны, предположеннымъ пониженіемъ пошлинъ на шерстяныя издѣлія противъ установленныхъ тарифомъ 1857 года. Съ того времени какъ то, такъ и другое соображеніе утратили свою силу: 1) привозъ шерсти сырца, а также искусственной и пряденой возросъ въ сложности за трехлѣтіе (1879—1881) до крупной цифры около 850.000 пуд. въ годъ, причѣмъ половина этого количества привозилась въ сыромъ видѣ; 2) умѣренный размѣръ пошлинъ на шерстяныя ткани, опредѣленный тарифомъ 1868 г., значительно возвышенъ былъ переложеніемъ сихъ пошлинъ на золото и установленіемъ въ 1881 г. дополнительнаго десятипроцентнаго сбора. Посему и принимая во вниманіе поступившія по вопросу о таможенномъ обложеніи шерсти ходатайства и заявленія, признано было возможнымъ измѣнить существеннымъ образомъ обложеніе всѣхъ видовъ шерсти и шерстяной пряжи по ст. 90, въ видахъ поощренія отечественнаго овцеводства и упроченія у насъ слабо развивающагося производства пряжи изъ гребенной шерсти, безъ чего немислимо и прочное, независимое отъ иностраннаго матеріала, водвореніе въ Россіи выдѣлки безворсныхъ шерстяныхъ тканей. Предположенныя измѣненія въ рассматриваемой статьѣ тарифа, и соображенія, на коихъ они основывались, заключались въ слѣдующемъ:

I. Шерсть въ сыромъ видѣ, некрашеную, въ виду постоянно возрастающаго привоза иностранной, преимущественно австралийской, шерсти, представлялось возможнымъ обложить пошлиною въ 1 р. съ пуда. Таковой размѣръ обложения, не будучи обременительнымъ для различныхъ отраслей суконнаго и шерстоткацкаго производствъ, достаточно прикрытыхъ пошлинами отъ иностранной конкуренціи, могъ бы оказать нѣкоторую поддержку туземному овцеводству, безъ ущерба притомъ доходу казны, такъ какъ нельзя было ожидать сокращенія, вслѣдствіе сего, привоза сырой шерсти болѣе, чѣмъ на половину, если принять во вниманіе, что рублевая пошлина составляетъ лишь отъ 6—7% съ средней цѣны австралийской

шерсти на Лондонской биржѣ (15 р. мет. за пудъ). Къ той же пошлинѣ, въ виду неудобства установленія многочисленныхъ подраздѣленій въ разсматриваемой статьѣ, отнесена была сырая шерсть, какъ мытая, такъ и грязная, несмотря на разницу въ цѣнѣ (притомъ въ грязномъ видѣ шерсть почти не привозится), а также шерсть тертая, поименованная затѣмъ въ одномъ съ сырою шерстью пунктѣ, и пуца всякая, пропускавшаяся до 1882 г. беспошлинно по ст. 26. Сверхъ того въ пунктѣ 1-й были включены и получаемые при выдѣлкѣ гребенной пряжи шерстяные очески некрашенные, служащія, наравнѣ съ шерстью сырцомъ, матеріаломъ для суконнаго производства; въ окрашенномъ видѣ тѣ же очески, во избѣжаніе провоза подъ этимъ названіемъ искусственной шерсти, причислены къ слѣдующему (2) пункту.

2. Хотя нельзя допустить совершеннаго запрещенія привоза къ намъ искусственной шерсти, согласно ходатайству о томъ торгующихъ шерстью лицъ, но болѣе высокое, сравнительно съ сырою шерстью, обложеніе различныхъ видовъ искусственной шерсти, — наравнѣ съ шерстью непряденою крашеною, — представлялось бы желательнымъ, такъ какъ поощрять привозъ къ намъ этого, хотя дешеваго, но непригоднаго для доброкачественнаго ткачества, суррогата нѣтъ основанія; привозится же искусственная шерсть преимущественно въ окрашенномъ видѣ, и потому отнесеніе оной къ одной пошлинѣ съ шерстью непряденою крашеною наиболѣе удобно. Размѣръ обложенія шерсти непряденой крашеной и искусственной, соразмѣрно рублевой пошлинѣ на шерсть сырую, былъ назначенъ въ 2 р. съ пуда. Къ той же пошлинѣ отнесены, по соотвѣтствію, и суконныя стрижки всякія и очески шерстяные крашенные, хотя для этихъ матеріаловъ, а также для низшихъ сортовъ искусственной шерсти (до 6½ р. за пудъ, по оцѣнкѣ германскаго таможеннаго отчета), предположенное обложеніе оказалось бы довольно значительнымъ въ отношеніи къ цѣнѣ ихъ.

3. Шерстяная пряжа, привозимая въ полуподготовленномъ видѣ, т. е. расчесанная въ ленты, во избѣжаніе пропуска ея подъ видомъ шерсти непряденой, была обложена: суровая по 3 р. съ пуда, крашенная же по 4 р. 50 к. съ пуда, т. е. на 1½ руб. выше.

4. Что касается до шерстяной пряжи въ готовомъ видѣ, то хотя, съ одной стороны, нельзя было не признать, что опредѣленный тарифомъ 1868 года размѣръ обложенія шерстяной пряжи былъ недостаточенъ для огражденія нашего, въ то время недавно возникшаго, шерстопрядильнаго производства, но, съ другой стороны, размѣръ пошлины, котораго домогались московскіе фабриканты (8 р. 50 к.—9 р. мет.), представлялся преувеличеннымъ; посему на шерсть и пушу всякую пряженую суровую, безъ примѣси или съ примѣсью бумаги, льна или пеньки, назначена была пошлина въ 7 р. 50 к. съ пуда, каковая признавалась достаточною даже лодзинскими прядильнями, поставленными географически въ самое непосредствен-

ное соперничество съ иностранными филатурами. Пошлина эта (10 р. 75 к. кред.) превосходила, болѣе, чѣмъ вдвое, опредѣленную тарифомъ 1868 г. (4 р. 50 к.) и составляла около 21¹/₂% съ средней цѣны привозимаго къ намъ изъ Германіи товара (по германскому таможенному отчету 50 р. за пудъ). Обложеніе полуобработаннаго, т. е. поступающаго на дальнѣйшую выдѣлку тканей, матеріала пошлиною въ большемъ процентномъ отношеніи къ его цѣнности едва ли могло оправдаться, ибо послужило бы въ ущербъ шерстоткацкому производству, которое далеко не удовлетворяется количествомъ выдѣлываемой въ Россіи камвольной пряжи. Притомъ, для шерстяной пряжи крашеной, привозъ коей довольно значителенъ, предположена была пошлина съ той же, какъ и для привозимой въ лентяхъ, надбавкой въ 1¹/₂ р., или 9 р. съ пуда ¹⁾. При этомъ высказано было, что такой размѣръ пошлины на пряжу шерстяную некрашеную и крашеную представляется умѣреннымъ собственно для пряжи гребенной, но на значительно болѣе дешевые (30—40 руб. за пудъ) сорта пряжи (аппаратную и кардную), а также смѣшанную съ бумагою (вигонь), предположенное обложеніе ложилось бы вдвое тяжелѣе. Но какъ ни желательно было сохранить существовавшую пошлину на послѣдніе сорта пряжи, въ особенности на вигоневую, — такъ какъ аппаратная, идущая на выдѣлку валяныхъ тканей, изготовляется въ большинствѣ случаевъ при самыхъ суконныхъ фабрикахъ и изъ-за границы почти не привозится, — однако раздѣленіе шерстяной пряжи на категоріи, по отношенію къ пошлинному обложенію, не признано было возможнымъ въ виду затруднительности для таможенъ различать поименованные выше сорта ея и могущихъ быть, вслѣдствіе того, ошибокъ и злоупотребленій, тѣмъ болѣе, что существуютъ переходные сорта, какова пряжа, такъ называемая, полугребенная (*laine reignée—cardée*).

По поводу означенныхъ предположеній Государственный Совѣтъ принялъ на видъ, что заявленіе приглашенныхъ въ Совѣтъ экспертовъ о необходимости болѣе высокаго обложенія шерсти и пряжи изъ нея какъ для поощренія отечественнаго овцеводства, такъ и для огражденія шерстопрядильныхъ фабрикъ отъ иностранной конкуренціи, было въ виду министерства, которое не нашло, однако же, возможнымъ поднять пошлину до заявленныхъ размѣровъ. Засимъ, соединенные департаменты, находя доводы, приведенные министерствомъ финансовъ противъ возвышенія пошлинъ на шерсть и шерстяную пряжу въ предложенномъ означенными экспертами размѣрѣ, вполне уважительными, высказали, что въ случаѣ принятія ихъ предложенія, по всей вѣроятности, таможенный доходъ по этимъ статьямъ тарифа не могъ бы достигнуть ожидаемаго

¹⁾ Предположенный размѣръ обложенія шерстяной пряжи признавался необременительнымъ для отечественнаго производства валяныхъ и неваляныхъ шерстяныхъ тканей, для которыхъ предполагалось, по ст. 201 и 202, установить пошлины не ниже 85 к. съ фунта.

министерствомъ финансовъ увеличенія на сумму до 500,000 руб. метал. и, слѣдовательно, фискальная цѣль пересмотра означенныхъ статей тарифа оказалась бы не осуществленною.

Въ виду всего изложеннаго 1 іюня 1882 года установлены были слѣдующія пошлины:

Ст. 90. Шерсть и пуша всякая:

	Размѣръ прежней пошлины.	Прибавка.
1) Въ сыромъ видѣ, грязная и мытая, некрашенная, а также тертая и шерстяные очески некрашенные	съ пуда 1 р. — к.	— р. 24, 4 к. — р. 75, 6 к.
2) Всякая непряденая крашенная, а также искусственная (Kunstwolle, shoddy, mungo, laine renalssance), сукопные стрижки всякія и шерстяные очески крашенные	» 2 р. — к.	— р. 48, 4 к. 1 р. 51, 6 к.
3) Чесаная въ лентахъ:		
а) Некрашенная	» 3 » — »	— » 24, 2 » 2 » 75, 8 »
б) Крашенная	» 4 » 50 »	— » 48, 4 » 4 » 1, 6 »
4) Всякая пряденая, безъ примѣси или съ примѣсью бумаги, льна или пеньки:		
а) Некрашенная	» 7 р. 50 к.	4 р. 50 к. 3 р. — к.
б) Крашенная	» 9 » — »	4 » 50 » 4 » 50 »

Ст. 25, пунктъ 1-й. Тряпье всякое и обрѣзки бумажные беспошлинно.

Знаменательно еще то, что приведенной статьей шерстяное тряпье для выдѣлки искусственной шерсти было допущено къ привозу изъ-за границы беспошлинно.

Что же касается таможенныхъ пошлинъ на издѣлія, то онѣ остались безъ измѣненія, такъ какъ и безъ того уровень ихъ не соотвѣтствовалъ низкому уровню обложенія сырой шерсти.

Итакъ, послѣ долгихъ колебаній и всевозможныхъ оговорокъ, что это не отзовется на доходахъ казны, пошлина на сырую шерсть была, наконецъ, повышена до 1 рубля на пудъ, но опять таки въ той надеждѣ, что привозъ австралійской и вообще иностранной шерсти не уменьшится, т. е. цѣлью обложенія была не поддержка нашего овцеводства, а лишь увеличеніе доходовъ казны. Въ этомъ обложеніи, такъ сказать, преслѣдовались лишь цѣли фискальныя, а не интересы овцеводовъ, которые были обречены лишь на болѣе медленное разореніе, и ходатайство ихъ было удовлетворено настолько, насколько это соотвѣтствовало цѣлямъ фискальнымъ.

Что же касается ходатайствъ представителей фабрично-заводской промышленности, то они были почти полностью удовлетворены. Пошлины на всѣ полуфабрикаты были повышены и въ этомъ отношеніи не принимались въ расчетъ интересы фиска, а лишь исключительно интересы промышленниковъ, которые могли бы выписывать по прежнему иностранную шерсть и перерабатывать ее на своихъ фабрикахъ подъ охраной высокихъ таможенныхъ пошлинъ.

Прибавка пошлины на иностранную мытую шерсть до рубля никакого значенія не имѣла для фабрикантовъ, такъ какъ на полуфабрикаты она была увеличена на 3—4 рубля на пудъ. Что же касается сельскихъ хозяевъ, то обложеніе мытой иностранной шерсти пошлиною въ 1 рубль съ пуда для нашей грязной шерсти составляло огражденіе лишь въ 33 коп. на пудъ, а на овцу это огражденіе выражалось въ 4—5 коп. на голову, разумѣется, такое увеличеніе цѣны шерсти, а слѣдовательно и дохода, не могло имѣть никакого значенія для сельскихъ хозяевъ.

XIX.

Далѣе изложеніе исторіи нашего тонкоруннаго овцеводства затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1883 года считали тонкорунное овцеводство какъ бы окончательно добытымъ и погребеннымъ. Какъ министерство земледѣлія, такъ и центральный статистическій комитетъ съ 1883 года и по сей день перестали собирать статистическія данныя о нашемъ тонкорунномъ овцеводствѣ и вообще какъ бы забыли о немъ, да въ настоящее время оно почти не существуетъ и, можно сказать, повсемѣстно искоренено особыми заботами и попеченіемъ о немъ желѣзныхъ дорогъ, при содѣйствіи нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда съѣтъ желѣзныхъ дорогъ достигла у насъ уже значительнаго развитія, желѣзнодорожники не удовольствовались своею скромной ролью перевозчиковъ грузовъ, а пожелали при посредствѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ руководить торговлей и промышленностью страны и направлять ихъ по своему усмотрѣнію. И вотъ, всѣ желѣзнодорожныя общества начали мудрить надъ нашей торговлей и промышленностью всякъ по своему. Свои лукавыя мудрствованія они довели до того, что затѣяли по своему усмотрѣнію спеціально выработанными желѣзнодорожными тарифами насаждать то или иное производство въ странѣ или отрасль промышленности, а существующіе промыслы, разъ они по чему-либо имъ не нравились, при помощи тѣхъ же тарифовъ убивать или ставить въ полную невозможность дальнѣйшее ихъ развитіе и даже существованіе.

Такъ какъ всѣ эти желѣзнодорожныя затѣйки принадлежали несомнѣнно къ партіи нашихъ (совершенно исключительныхъ и вовсе непохожихъ на лицъ, пользующихся такимъ названіемъ въ другихъ странахъ) либераловъ, которымъ претило всякое понятіе о чужой собственности (исключая ихъ личной собственности, которую они всѣми правдами и неправдами приумножали), то, разумѣется, имъ бѣльмомъ на глазу были обладатели крупныхъ мериносовыхъ стадъ—овцеводы. На нихъ-то они и обрушились своими тарифами, между тѣмъ, какъ въ цѣляхъ личнаго обогащенія имъ интересно

было привлечь, какъ новый, да еще и обратный грузъ, иностранную шерсть. Въ этихъ цѣляхъ и начали они понижать до крайности тарифы на иностранную шерсть и повышать ихъ на шерсть внутренняго производства.

Въ 1885 году даже правительство замѣтило подобную игру съ тарифами, которые были страшно понижены почти на всѣ иностранные товары, ввозившіеся къ намъ, что, разумѣется, сильно подрывало дѣйствіе нашего таможеннаго обложенія и всей нашей таможенной политики. Съ тѣхъ поръ оно стало изыскивать способы для обузданія такого произвола желѣзнодорожниковъ и остановилось на принятіи въ свое вѣдѣніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ, для чего и были созданы въ 1889 году правительственныя учрежденія желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Наконецъ, 23 мая 1889 года таможенныя пошлины на иностранную шерсть были измѣнены слѣдующимъ образомъ:

Шерсть и пуша всякая:	Размѣръ пошлины Прибав. въ 1881 г.		
1) Въ сыромъ видѣ, грязная и мытая, некрашенная, а также шерстяные очески некрашенные	съ пуда 2 р. — к. зол.	1 р. — к.	1 р. — к.
2) Всякая непряденая крашенная, а также искусственная (Kunstwolle, shoddy, mungo, laine renaissance) и тертая, суконныя стрижки всякія и шерстяные очески крашенные	» 3 » — »	2 » — »	1 » — »
3) Чесаная въ лентахъ:			
а) Некрашенная	» 4 » 50 »	3 » — »	1 » 50 »
б) Крашенная	» 6 » — »	4 » 50 »	1 » 50 »
4) Всякая пряденая, безъ примѣси или съ примѣсью бумаги, льна и пеньки, не сученая:			
а) Некрашенная	» 9 » — »	7 » 50 »	1 » 50 »
б) Крашенная	» 10 » 50 »	9 » — »	1 » 50 »
5) Всякая крученая или сученая въ двѣ нитки и болѣе:			
а) Некрашенная	» 10 » 50 »	7 » 50 »	3 » — »
б) Крашенная	» 12 » — »	9 » — »	3 » — »
Ст. 25. Тряпье и бумажная масса:			
1) Тряпье:			
а) Всякое, кромѣ шерстяного, и обрѣзки бумажныя безпошлинно.			
б) Шерстяное, а также обрѣзки шерстяныхъ тканей, не составляющіе образчиковъ (ст. 42), при длинѣ не болѣе одного аршина и ширинѣ не болѣе одного вершка, съ пуда 1 р. зол.			

Такимъ образомъ, и при этомъ новомъ обложеніи придержались той же системы повышенія пошлинъ на шерсть, какъ и въ 1881 г., т. е. снова незначительно повысили пошлину на иностранную мытую шерсть—на 1 руб., что составляло огражденіе для насъ отъ 8 до 10 коп. на овцу или почти ничего,

но въ то же время повышены были значительно пошлины на всѣ полуфабрикаты изъ шерсти. Слѣдовательно, фабриканты могли свободно продолжать покупать иностранную шерсть, при чемъ 2 рубля золотомъ лишнихъ на пудъ мытой шерсти не могли ихъ остановить отъ покупки иностранной шерсти, для восстановления же нашего овцеводства пошлина эта была совершенно недѣйствительна.

Впрочемъ, и эта таможенная пошлина въ 2 руб. золотомъ на иностранную шерсть была совсѣмъ парализована дѣйствіемъ нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которые даже и въ рукахъ правительственныхъ учреждений оказались въ такомъ видѣ, что несомнѣнно должны были убить и убили наше овцеводство безповоротно.

Разсмотримъ для примѣра желѣзнодорожный тарифъ на шерсть, который дѣйствовалъ въ 1892 году, такъ какъ приблизительно такіе же тарифы дѣйствовали все пятнадцатилѣтіе съ 1880 по 1895 годъ.

Въ то время существовало у насъ два рода желѣзнодорожныхъ тарифовъ на перевозку шерсти: первый, нормальный, для передвиженія шерсти внутри страны, второй, специальный, на провозъ шерсти отъ портовъ и пограничныхъ желѣзнодорожныхъ станцій къ промышленнымъ центрамъ Россіи.

Никакого различія по этимъ тарифамъ въ стоимости перевозки грязной и мытой шерсти не дѣлалось, хотя первая въ четыре раза дешевле второй, и послѣдняя можетъ, кромѣ того, еще прессоваться. По нормальному тарифу перевозилась всякая овечья шерсть, мытая и грязная, русская и иностранная: поудно по II классу или по $\frac{1}{12}$ коп. съ пуда-версты; по-полувагонно, т. е. при нагрузкѣ въ вагонъ болѣе 305 пудовъ и менѣе 610 пудовъ, по IV классу или по $\frac{1}{18}$ коп. съ пуда-версты и, наконецъ, повагонно, т. е. при нагрузкѣ 610 пудовъ въ вагонъ, по V классу или по $\frac{1}{24}$ к. съ пуда-версты.

Послѣднее подраздѣленіе, однако, совершенно было бесполезно для тонкорунной шерсти, такъ какъ ни въ мытомъ, ни въ грязномъ состояніи ея не можетъ помѣститься въ вагонъ 610 пудовъ; въ мытомъ и умѣренно-прессованномъ видѣ ея помѣщается около 305 пудовъ, а въ грязномъ отъ 400 до 500 пудовъ, смотря по ея качеству и степени загрязненности. Такимъ образомъ, грязная шерсть могла перевозиться по этому тарифу лишь поудно по $\frac{1}{12}$ к. съ пуда-версты или по-полувагонно по $\frac{1}{18}$ коп.; однако, послѣднимъ тарифомъ могутъ пользоваться лишь купцы, скупающіе крупныя партіи на ярмаркахъ, да крупныя овцеводы, имѣвшіе не менѣе 1500—1600 штукъ овецъ къ стрижкѣ (считая по 7—8 ф. грязной шерсти съ овцы кругомъ), такъ какъ только съ этого количества овецъ можно получить 305 пудовъ шерсти, всякое же передвиженіе меньшихъ партій шерсти внутри страны, должно производиться по чрезвычайно дорогому поудному тарифу въ $\frac{1}{12}$ к. съ пуда-версты. Въ виду того, что русскими овцеводами продается шерсть въ грязномъ видѣ и весьма рѣдко въ полумытомъ (перегонъ) и никогда въ мытомъ видѣ, а шерсть моется преимущественно на суконныхъ фабрикахъ и

спеціальныхъ промышленныхъ шерстяныхъ мойкахъ, то главное передвиженіе шерсти по странѣ производится въ грязномъ видѣ. Слѣдовательно тарифъ въ $\frac{1}{12}$ коп. съ пуда-версты являлся какъ бы нормальнымъ для перевозки грязной шерсти по Россіи и лишь весьма крупные овцеводы и скупщики (на ярмаркахъ) могли пользоваться исключительнымъ тарифомъ въ $\frac{1}{18}$ к. съ пуда-версты.

Обращаясь затѣмъ къ спеціальнымъ тарифамъ, мы встрѣчаемся совершенно съ иными условіями перевозки шерсти. Тарифы эти отъ пограничныхъ желѣзнодорожныхъ станцій установлены были исключительно для иностранной шерсти, привозимой къ намъ въ Россію; что же касается такихъ же тарифовъ отъ нашихъ портовъ, то они, хотя и установлены для привозной иностранной шерсти, но по нимъ не возбраняется везти и русскую, какъ грязную, такъ и мытую шерсть, почему-либо оказавшуюся въ порту, хотя и въ этомъ случаѣ съ нѣкоторой надбавкой въ провозной платѣ.

Шерсть по этимъ тарифамъ перевозилась въ какомъ угодно количествѣ поудно за весьма различную въ каждомъ данномъ случаѣ плату, соответствующую IV, V, VI, VII и даже VIII классамъ нормального тарифа для внутренняго передвиженія грузовъ. Такимъ образомъ, шерсть иностранная перевозилась отъ границъ во внутрь страны нашими желѣзными дорогами значительно дешевле, иногда даже вдвое, втрое, чѣмъ русская шерсть во внутреннемъ сообщеніи. Если же принять во вниманіе, что иностранная шерсть ввозилась по этому тарифу всегда не только мытая, но даже чесаная въ лентахъ и крашеная, т. е. совершенно подготовленная къ пряденію, причѣмъ одинъ пудъ такимъ образомъ подготовленной шерсти получается не менѣе, какъ изъ 4 пудовъ грязной, то предоставляю судить о тѣхъ преимуществахъ, которыми пользовалась иностранная шерсть, при перевозкѣ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, предъ русской шерстью, перевозившейся въ грязномъ видѣ по двойнымъ и тройнымъ тарифнымъ ставкамъ. Такъ какъ шерсть иностранная стоила не менѣе, какъ въ четыре раза дороже нашей грязной шерсти и перевозилась при этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ втрое дешевле по Россіи, чѣмъ наша русская грязная шерсть, то въ окончательномъ выводѣ перевозка первой обходилась въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ 12 разъ дешевле, чѣмъ послѣдней и весьма часто въ 6, 7, 8 и 10 разъ дешевле. Въ подтвержденіе всего сказаннаго и для большей ясности, приведу слѣдующую сравнительную таблицу тарифныхъ ставокъ въ разныхъ случаяхъ отправки шерсти (см. табл. на слѣд. стр.).

Изъ приведенной таблицы видно, что, напримѣръ, перевозка грязную шерсть изъ Бендеръ, какъ одного изъ центровъ овцеводства въ то время, до Петербурга стоило 1 руб. 21,19 коп. за пудъ, а въ то же время на одинаковое разстояніе изъ Одессы перевозка иностранной мытой и даже чесаной шерсти стоила 39,90 коп. съ пуда, т. е. на 81,29 коп. дешевле. Но, принимая во вниманіе, что для полученія чесаной шерсти требуется не менѣе 4 пудовъ грязной шерсти, и если пожелать ее получить изъ нашей грязной шерсти, то на перевозку ея

Сравненіе новыхъ тарифовъ на провозъ грязной русской тонкорунной иностранную шерсть по рус

Заграничное прямое сообщеніе отъ портовъ и пограничныхъ станцій.			Внутреннее сообщеніе отъ портовъ.		
Провозится исключительно мытая иностранная шерсть.		Съ накладными расходами.	Безъ накладныхъ расходовъ, которые составлять отъ 1,17 до 2 коп. съ пуда.		
О Т Ъ	Число верстг.	Тарифъ.	О Т Ъ	Число верстг.	Тарифъ.
		Коп.			Коп.
Д о М о					
Одессы	1553	38,81	Одессы	1553	37,78
Ревеля	956	47,86	Ревеля	956	51,44
Риги	968	48,57	Риги	968	52,22
Либавы	1372	50,00	Либавы	1372	53,79
Лондона чрезъ Либаву	—	79,24			
Александра	1419	52,80	Севастополя	1443	36,81
Граница	1451	53,00	Новороссійска	1586	38,07
			Николаева	1286	35,61
			Ростова	1267	34,90
Д о С - П е					
Одессы	1939	40,93	Одессы	1939	39,90
Ревеля	347	15,30			
Сосновицы	1354	52,20			
Д о В а р					
Одессы	1123	35,32	Одессы	1123	34,29
			Николаева	1010	49,29
			Севастополя	1865	51,79
Д о С о с					
Одессы	1314	36,82	Одессы	1314	35,79
Д О Х А Р Ъ К О В А .					
Риги	1309	51,46	Риги	1309	52,29
Либавы	1265	51,66	Либавы	1265	51,51
Лондона чрезъ Либаву	—	80,97			
Александра	1438	52,90			

шерсти во внутреннем сообщеніи съ тарифами на ввозимую мытую скимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Стоимость провоза шерсти попутно во внутреннемъ сообщеніи на соответствующія разстоянія.		Во что обходится провозъ 4 пудовъ грязной шерсти при внутреннемъ сообщеніи для получения изъ нихъ 1 пуда мытой шерсти.			
Безъ накладныхъ расходовъ.		На сколько дороже обойдется русская мытая шерсть, чѣмъ иностранная.			
О Т Ъ	Число верстъ.	Тарифъ.	К о п ѣ й к и.		
		Коп.	К о п ѣ й к и.		
С Е В Ы.					
Бендерь	1553	100,00	400,00	361,19	10,9
Отъ станціи близъ Уфы . . .	1553	100,00	400,00	361,19	10,9
Славянска	956	67,72	270,88	223,02	5,7
Кременчуга	968	68,57	247,28	225,71	5,6
Симферополя	1370	91,33	365,32	315,32	7,3
Оренбурга	1422	94,80	379,20	326,40	7,1
Близъ Радѣльной	1451	96,73	386,92	333,92	7,3
Близъ Уфы	1443	96,20	384,80	347,99	10,5
Изъ за Уфы	1586	100,00	400,00	361,93	10,5
Ст.-Божедаровка Екат. ж. д. .	1286	85,73	342,92	307,31	9,6
Ст. Таганаша Лоз.-Сев. ж. д. .	1267	84,47	337,88	302,98	9,7
т е р б у р г а.					
Бендерь	1939	121,19	484,76	443,83	11,8
Близъ Оренбурга	1939	121,19	484,76	443,83	11,8
Верро Псково-Риж. ж. д. . . .	347	26,03	104,12	89,09	6,9
Харькова	1350	900,00	360,00	307,80	6,9
Ш а в ы.					
Екатеринослава	1123	74,87	299,48	264,16	8,5
Божедаровки Екат. ж. д. . . .	1010	70,83	283,32	234,03	5,7
Близъ Пензы	1865	116,58	466,34	431,02	9,0
Н О В И Ц Ы.					
Екатеринослава	1314	87,60	350,40	313,58	9,5
О Т Ъ Х А Р Ъ К О В А.					
До Риги	1309	87,27	349,02	297,62	6,8
До Либавы	1265	84,33	337,32	285,66	6,5
Александрова	1438	95,87	383,48	330,58	7,4

нужно затратить 4 р. 84,76 коп., тогда какъ перевозка иностранной чесаной шерсти обойдется на то же разстояніе всего лишь 39,90 коп. или на 4 р. 43,83 коп. дешевле, т. е. почти въ 12 разъ дешевле.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, никто изъ петербургскихъ и даже московскихъ фабрикантовъ не бралъ шерсть изъ южныхъ губерній, а предпочиталъ покупать иностранную. Разумѣется, что такія стѣсненія въ перевозкѣ повели еще къ большему паденію цѣнъ на шерсть, которая вынуждена была непосредственно встрѣтиться съ австралійской и вообще колониальной шерстью на иностранныхъ рынкахъ и выдерживать съ ней непосильную конкуренцію, вслѣдствіе закрытія для нея рынковъ внутри Россіи. Это и было причиной окончательнаго крушенія нашего овцеводства, которое и произошло въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Объ отношеніи нашихъ правительственныхъ тарифныхъ учреждений къ интересамъ нашего овцеводства можно судить по слѣдующей сравнительной таблицѣ о размѣрѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ на провозъ овечьей шерсти до и послѣ подчиненія ихъ правительственнымъ тарифнымъ учрежденіямъ.

ДО ОТЪ	Число версть.	По старому тарифу.		По новому тарифу.
		За 1 пудъ мытой шерсти.	За 1 пудъ грязной шерсти.	За 1 пудъ мытой и грязной шерсти.
До Москвы:				
Отъ Уфы	1520	—	50,77	100,00
Оренбурга	1422	—	47,46	94,80
Калача (Донскаго)	1080	22,14	22,14	72,00
Борисоглѣбска	639	19,56	19,56	45,26
Самары	1029	—	34,36	70,83
Одессы	1557	48,35	41,80	97,78
Севастополя	1443	47,53	41,06	36,81
До Варшавы:				
Отъ Знаменки	1027	—	36,14	70,83
Бахмача (transit)	990	32,89	32,89	70,13
До Бѣлостока:				
Отъ Харькова	1524	46,43	36,09	100,00
Полтавы	1392	39,88	32,95	92,80
До Томашева: (Иванг.-Домбр. ж. д.)				
Отъ Елизаветграда	1287	—	53,96	85,80
Кіева	886	—	40,39	62,76
До С.-Петербурга:				
Отъ Москвы	609	31,00	21,00	43,14

Изъ приведенной таблицы нетрудно заключить, что насколько были понижены тарифы на иностранную шерсть, настолько они были повышены для внутренней перевозки нашей шерсти, т. е. все было сдѣлано для уничтоженія у насъ тонкоруннаго овцеводства.

С. А. Короленко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). С.-Петербургъ, 1904.

Настоящій очеркъ служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ двухтомному труду Н. Энгельгардта о русской литературѣ (Исторія русской литературы XIX столѣтія), съ каковымъ трудомъ мы уже познакомили въ свое время нашихъ читателей. Собственно объ исторіи русской цензуры Н. Энгельгардтъ говоритъ не много новаго; по крайней мѣрѣ приводимыя имъ историческія данныя о возникновеніи и первоначальной дѣятельности цензуры въ Россіи давно уже на тысячу ладовъ комментировались въ историческихъ журналахъ. Но за то въ высшей степени интересны выводы его о томъ, какъ отражалась цензурная дѣятельность на отечественной литературѣ и печати. „Для правильной оцѣнки нашей литературы,—говоритъ онъ,—необходимо изученіе цензурныхъ условий, при которыхъ ей пришлось дѣйствовать. А такъ какъ именно 30, 40 и 50 годы являются временемъ нашего литературнаго цвѣтенія и всѣхъ зачатій, во всѣхъ областяхъ мысли и слова, то очень важно изученіе александровской и особенно николаевской цензуръ“ (авторъ поясняетъ, что называетъ цензуру первой половины столѣтія „александровской“ и „николаевской“ потому, что преслѣдованія печати производились Монаршимъ именемъ и обществомъ относились къ личности самого Монарха, какъ будто бы онъ лично держалъ цензуру).

Роковой день 14-го декабря 1825 года должно помѣтить въ числѣ черныхъ дней въ отношеніи литературы. Отсюда развилась крайняя степень „мыслелюбви“ въ правящихъ сферахъ и сразу литература и все прикосновенное къ ней очутились въ положеніи заподозрѣнной, тайно злославленной области. Заподозрѣнъ былъ и литераторъ Фаддей Булгаринъ; своеобразная личность Булгарина, какъ равно и роль его въ литературѣ, почти еще не выяснены безпристрастнымъ ученымъ анализомъ фактовъ и до сихъ поръ остаются подъ слоємъ грязи, которою онъ былъ закиданъ. Н. Энгельгардтъ посвящаетъ нѣсколько страницъ литературной справкѣ о томъ десятилѣтіи, въ которое Булгаринъ „подвизался на поприщѣ русской словесности“ въ столицѣ; тогда онъ былъ очень популяренъ и даже пользовался дружбою и сочувствіемъ выдающихся русскихъ писателей, а заслужилъ затѣмъ благорасположеніе и благоволеніе первостепенныхъ чиновниковъ и столичной публики.

Изъ извѣстной записки Булгарина о цензурѣ въ Россіи и книгопечатаніи вообще видно, насколько строго была цензура даже при

идиллическомъ цензурномъ уставѣ 1804 года, „строже даже папской“. Одна и та же книга то дозволялась, то снова разсматривалась и запрещалась. Сначала допускалось множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ, потомъ покровительствовали книгамъ, опровергающимъ первыя. Почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей Богу, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Въ повѣстяхъ нельзя было сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто: онъ любилъ ее, должно было говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. п. Запрещено было строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными.

Н: Энгельгардтъ приводитъ еще много курьезовъ для характеристики того времени и говоритъ: „однако въ первое 25-лѣтіе XIX столѣтія русская литература еще едва начинала расцвѣтать, запросы ея были не глубоки, николаевская же цензура имѣла дѣло уже съ серьезной, глубокой, чуткой литературой. Тѣмъ страшнѣе былъ тотъ „испанскій бапмакъ“, который зачепилъ, едва-ли не съ большей беспощадностью, литературу второй четверти истекшаго вѣка“.

Новымъ цензурнымъ уставомъ, составленнымъ въ 1826 году министромъ народнаго просвѣщенія адмираломъ Шишковымъ, достигалась цѣль не только обезвредить науки, словесность и искусства, но въ корнѣ уничтожить ихъ и насадить круглое невѣжество въ умахъ; къ счастью, однако, уставъ этотъ подвергся пересмотру въ особомъ комитетѣ и въ 1828 году былъ совершенно передѣланъ. Шишковъ не перенесъ такого удара и подалъ въ отставку, и удручившая мгла, готовившаяся было облечь русское просвѣщеніе, миновала.

Напрасно однако думать, что сложившіяся затѣмъ условія были вольготны для мысли. Продолжалась въ сущности старая система циркуляровъ и къ 1848 году скопилась такая атмосфера, что едва можно было дышать.

Каково приходилось при этомъ писателю, можно составить яркое понятіе по выдержкамъ изъ писемъ того же Булгарина къ образованному и либеральному цензору Никитенкѣ. Въ 1834 году онъ писалъ: „Исключить фразу, мысль, выраженіе—другое дѣло, но выкинуть лица изъ романа значитъ изорвать романъ и заставить автора написать другой... Я бы чрезвычайно былъ вамъ благодаренъ, если бы вы написали, какъ вы желаете, чтобъ я дорисовалъ лица, которыя свергли васъ въ сомнѣніе. Вторая часть еще въ работѣ, и я могу дать такой цвѣтъ лицамъ, какой вамъ угодно“.

Въ слѣдующемъ году Булгаринъ взывалъ: „Было время тяжелое при Магницкомъ и Аракчеевѣ, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Крассовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и преслѣдованій... Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!“

„Не обвиняю васъ! Время!!!—писалъ Булгаринъ въ 1845 году къ

тому же Никитенкѣ.—А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ!.. Имя Торквемады въ сравненіи съ именемъ Уварова есть тоже, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истребилъ мысль и чувство“...

Если такъ круто приходилось Булгарину, то что же выносили другіе литераторы и журналы? Помимо размноженія цензуръ, на что всё жаловались и что заставляло, напримѣръ, Плюшара посылать каждый листъ его энциклопедическаго словаря во всё вѣдомства на просмотръ 20—30 цензуръ,—въ теченіе сороковыхъ годовъ появилась масса циркуляровъ, — запрещено было „предавать на общій приговоръ публики“ таксу легковыхъ извозчиковъ, запрещены были и „необузданные порывы патриотизма“. Но все еще это было сносно въ сравненіи, какъ выразился Герценъ, съ „моровой полосой“ свирѣпаго обскурантизма и мыслебоязни реакціоннаго семилѣтія съ 1848 по 1855 годъ.

Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія князя П. А. Ширинскаго-Шихматова ознаменовалось признаніемъ, что польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ и изъ преподаванія въ университетахъ были изъяты: теорія познанія, метафизика и нравственная философія, затѣмъ—признаны были неблагонамѣренными славянофилы. Дѣйствія цензуры стали прямо невѣроятны. „Вотъ изъ тысячи фактовъ самые свѣжіе,— писалъ въ своемъ дневникѣ цензоръ Никитенко.—Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариеметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариеметики. Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ физикѣ выраженія: „силы природы“, а въ одной географической статьѣ—мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ“. Въ виду опасенія, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу (?), главное управленіе цензуры предоставило цензурному комитету, въ случаяхъ сомнительныхъ, поручать лицамъ, знающимъ музыку, предварительное разсмотрѣніе музыкальныхъ произведеній.

Литература съ 1848 по 1855 годъ такъ характеризуется историкомъ: „Безусловное запрещеніе публицистики особенно сильно отразилось на газетной прессѣ, которая едва влачила существованіе въ видѣ жалкихъ сѣренькихъ листковъ: „Сѣверной Пчелы“ Ѳ. Булгарина, „Спб. Вѣдомостей“ Очкина, „Полицейскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Инвалида“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ Захарова. Газеты выходили безъ передовыхъ статей и политическихъ корреспонденцій, довольствуясь сообщеніемъ опубликованныхъ правительственныхъ сообщеній, безцвѣтными фельетонами, трактующими о кондитерскихъ, гуляньяхъ... Журналы принимаютъ характеръ безцвѣтныхъ сборниковъ, ничѣмъ почти не отличаясь одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сотрудниковъ являются у нихъ общіе. Прежде всего, конечно, беллетристы и поэты. Выдающіеся критики того времени: Дружининъ, Анненковъ, Ап. Григорьевъ, постоянно ко-

чуютъ изъ одного органа въ другой, или же участвуютъ разомъ въ нѣсколькихъ... Журналы начали наполняться необъятно длинными, сухими и спеціальнѣйшими учеными трактатами. Наконецъ, въ моду вошли безконечные сказочные великосвѣтскіе романы съ идеальными героями. Общество относилось къ реакціи 1848—1885 годовъ пассивно, а въ лицѣ даже лучшихъ своихъ людей до нельзя покладливо, съ истинно рабьей уклончивостью и лицемѣриемъ, оберегая прежде всего личной свой интересъ“.

„Изучая цензурныя условія николаевскаго времени и сопоставляя ихъ съ внутренней жизнью литературы и печати, мы должны придти къ выводу, — говоритъ Н. Энгельгардтъ, — что массивный обухъ — множество бдительныхъ цензуръ, поддерживаемыхъ многочисленными добровольцами-доносителями изъ среды читателей и изъ литературной среды, постоянные циркуляры и ограничительныя распоряженія—подняты были на ничтожную муху — русскую литературу. Мы должны признать, что у насъ цензура возникла раньше литературы. Литературы, печати, какъ органа общественной и народной мысли, у насъ не было, а мощное государство организовало уже бдительнѣйшій надзоръ, такъ что печатный станокъ почти былъ отмѣненъ и рукопись ходила по рукамъ вмѣсто печатной страницы. Литературы, какъ народной потребности, не было. Были великіе мастера слова, это правда, слагавшіе возвышенные, праздничные гимны. Но литература не выполняла своей будничной обязанности постоянного толкованія жизни и возникающихъ запросовъ ея. Нравственной, живой связи между читателемъ и писателемъ не устанавливалось. Читатель вовсе не считалъ себя обязаннымъ защищать писателя, вовсе не былъ съ нимъ солидаренъ и въ роковую минуту не признавалъ своимъ долгомъ поддержать его. Стряслась бѣда съ писателемъ—дальше платоническихъ соболѣзнованій не шло. Напротивъ, источникомъ цензурной нетерпимости была та „невѣжественная раздражительность“, на которую указывалъ Гоголь послѣ представленія „Ревизора“, свойственная всемъ слоямъ общества. Смѣлое, свободное слово, умъ и геній возбуждали въ обществѣ эту „раздражительность“ и поднимали волну воздѣйствія на цензуру „снизу вверхъ“.

При такой беззащитности писателя, онъ могъ ожидать подвоха съ любой стороны и подвергался самымъ прихотливымъ капризамъ сильныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ Императоръ Николай I защищалъ писателей (Пушкина и Гоголя) отъ цензуры, сановниковъ и общества. Иногда писатель попадалъ между двухъ противоположныхъ силъ—благоволилъ одинъ сановникъ и запрещалъ другой. Бенкендорфъ защищалъ Полевого, Уваровъ его топилъ. Уваровъ покровительствовалъ Погодину, Бенкендорфъ желалъ запретить его журналъ.

Собственно цензура никогда не руководилась неизмѣннымъ уставомъ. Такъ какъ виды правительства постоянно мѣнялись, то наибольшее удобство представляла система циркуляровъ, которые рождались по инициативѣ и воздѣйствію самыхъ разнообразныхъ лицъ, учреждений и вѣдомствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензура никогда не представляла единого и независимаго учрежденія. Было столько же цензуръ, сколько сильныхъ людей и сколько заинтересованныхъ въ молчаніи печати вѣдомствъ.

Въ очеркахъ о цензурѣ въ эпоху великихъ реформъ Н. Энгельгардтъ останавливается преимущественно на 1855—1865 годахъ — переходномъ времени смѣны двухъ системъ и затѣмъ на 1865—1875 годахъ, — времени, когда введена была и укрѣпилась новая „карательная“ система цензурнаго досмотра.

Реформы, — говоритъ авторь, — вносили въ народную жизнь идеи, которыми уже давно жили лучше умы русской литературы, — законности, гуманности, гласности, равноправности, личной свободы, самоуправленія. Эти идеи претворялись въ плоть и кровь, въ законы и учрежденія, становились творческими началами жизни общественной и народной.

Н. Энгельгардтъ приводитъ цѣлый рядъ мнѣній и сужденій русскихъ и иностранныхъ мыслителей о терпимости и гласности и затѣмъ продолжаетъ: „Въ періодъ съ 1855 по 1875 годъ, когда зрѣла, подготовлялась и, наконецъ, осуществилась великая крестьянская реформа, когда затѣмъ логически изъ великаго экономическаго переворота 19 февраля 1861 года истекли остальные, — судебная, земская, — тогда явилась настоящая потребность и въ болѣе свободной и сильной печати. Исторія этого постепеннаго завоеванія печатью извѣстной доли независимости — весьма долгая. Только послѣ введенія судебной реформы, въ 1865 году возникла печать безъ предварительной цензуры. Освобожденіе крестьянъ и судебная реформа, очевидно, вели къ третьей, истекавшей изъ нихъ, освободительной реформѣ печати. Законъ только покровительствуетъ разумной свободѣ печати, но не даетъ ея. И дѣйствительно, печать еще при дѣйствіи старой предварительной цензуры отвоевала себѣ извѣстную свободу. Необходимо было писать, готовить общество къ воспріятію реформъ. Само правительство не могло обходиться безъ содѣйствія печати. Затѣмъ экономическій переворотъ въ странѣ повлекъ коренное преобразованіе судебно-правового строя. Изъ этихъ двухъ переворотовъ сама собою истекла свобода печати, конечно, не безусловная, но соотвѣтствующая вопросамъ времени“.

Въ 1863 году въ Россіи выходило уже 301 періодическое изданіе. 1863 и 1866 гг. создали широкій успѣхъ Каткова. Но свое положеніе онъ завоевалъ не безъ боя. Въ 1866 году, наканунѣ выстрѣла Каракозова, либеральный министръ Вадуевъ запретилъ было „Московскія Вѣдомости“. Пріѣхавъ въ Москву, государь Александръ Николаевичъ далъ аудіенцію Каткову и сказалъ ему: „Пиши. Я — твоя защита“. Катковъ возродился. Въ 1868 году преобразуются „Отечественныя Записки“ во главѣ съ Щедринымъ и Елисеѣвымъ; тогда же возникаетъ „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича, Пыпина и Арсеньева. Печать семидесятихъ годовъ, утративъ съ осуществленіемъ реформъ унисонъ пятидесятихъ годовъ и пройдя черезъ хаосъ и ничтожество мысли шестидесятихъ, возродилась въ видѣ чрезвычайно стройнаго, на западный ладъ, общественнаго мнѣнія.

Послѣ рокового дня перваго марта печать приняла иной характеръ. Смерть Каткова и Ивана Аксакова, а затѣмъ Щедрина, послѣ запрещенія „Отечественныхъ Записокъ“ совершенно стерла у насъ какъ консервативно-національную печать, такъ и печать дозволенной оппозиціи — радикально-народническую.

Подводя въ 1880 году итогъ пятнадцатилѣтней практикѣ закона 6 апрѣля 1865 года, положившаго основаніе русской безцензурной печати, „Вѣстникъ Европы“ говоритъ:

„Провинціальная печать по прежнему безправна, спеціальныя цензуры—духовная, театральная и иностранная—по прежнему полно-властны, дѣйствіе предостереженій по прежнему не погашается никакой давностью. Роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума; въ его вѣдѣніи оставлены de facto только процессы о диффамаци и клеветѣ противъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ... Вся наша литература стоитъ только одной ногой въ настоящемъ, а другой въ прошедшемъ; положеніе ея исполнено противорѣчій. У насъ есть безцензурныя изданія, въ сущности подлежащія цензурѣ; у насъ есть политическая печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгая опека надъ мыслью; у насъ есть право критиковать дѣйствія правительства, и нѣтъ права обсуждать общіе вопросы, почти столь же древніе, какъ человѣчество. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ воспитанное нашею исторіей презрительное или, по крайней мѣрѣ, высокоумѣнное отношеніе къ мысли, къ знанію, къ научному, отвлеченному изслѣдованію, а слѣдовательно и къ печатному слову“.

Въ очеркахъ по поводу двухсотлѣтія русской печати Н. Энгельгардтъ приходитъ къ очень грустнымъ выводамъ: „Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—литература и печать въ Россіи нынѣ находятся въ упадкѣ. Есть силы и таланты, но даже количествомъ органовъ печать оскудѣла и мало прибыла къ XX вѣку. Замѣчается полный упадокъ литературной школы. Литература замѣнилась мануфактурой печатнаго слова. А главное, въ печати не выражены яркими, даровитыми и сильными органами всѣ направленія мысли. Она одно-тонна, сѣра, дѣйствіе ея на общественное мнѣніе ничтожно“.

Но, тѣмъ не менѣе, двухсотлѣтній, колоссальный трудъ лежитъ за русской печатью, двухсотлѣтній тернистый путь пройденъ ею. Временной упадокъ не долженъ насъ страшить. Печать великаго народа есть великая печать. Едва повѣетъ духъ жизни въ застоящейся атмосферѣ русскаго общества, печать пробудится, заговоритъ горячо и властно.

Въ заключеніе приводимъ мнѣніе автора книги о цензурѣ вообще. Разсматривая цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ,—говоритъ Н. Энгельгардтъ,—мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благотѣльнаго, но и болѣе опаснаго. Не можетъ быть учрежденія болѣе могущественно воздѣйствующаго на общество, но не существуетъ и болѣе подверженнаго колебаніямъ и случайностямъ учрежденія.

Цензура необходима. Это скажетъ всякій, кто объективно изучитъ явленія анархіи печати и темныя теченія больной мысли, грязныя болота общественной эротоманіи, клоаки пасквильства.

Свобода слова не есть свобода сквернословія. Охранить личность отъ посягновенія клеветниковъ и народное цѣломудріе отъ загрязненія порнографіей! Не допустить кощунству святотатственно осквернять святыню народныхъ вѣрованій!

Цензура имѣетъ дѣло съ мозгомъ страны. Отсюда ея опасность. Неразумными мѣрами цензура, вмѣсто успокоенія, можетъ внести въ мозгъ страны смятеніе, породить глубокое расстройство мысли, привести къ разложенію мысли, къ самоотравленію мозга страны

ядами интеллекта. Цензура, какъ выраженіе мыслебоязни, подавляющая общественную сознательность на всѣхъ путяхъ ея, можетъ сама укрѣпить и развить именно то самое, противъ чего борется.

Поэтому цензура въ странѣ сама должна быть центромъ просвѣщенія, и цензоръ—просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и облегчить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія.

Сенатскій архивъ. Томъ X. С.-Петербургъ. 1903.

Любители старины и изслѣдователи-историки найдутъ въ этомъ сборникѣ очень много интереснаго матеріала. Среди протоколовъ правительствующаго сената за 1757 и 1758 года можно отмѣтить: копии съ листовъ, отправленныхъ съ совѣтникомъ Василиемъ Братищевымъ въ Пекинъ объ исходатайствованіи отъ китайскаго двора позволенія для свободнаго прохода російскими судамъ по рѣкѣ Амуру съ хлѣбомъ и другими припасами; объ укомплетованіи находящагося на китайской границѣ Якутскаго полка и вновь учреждаемыхъ батальона и роты и вообще о приумноженіи на китайской и монгольской границахъ регулярныхъ войскъ: за недостаткомъ людей, пополнять также и изъ армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ тѣми солдатами и прочими нижними чинами, кои явятся въ какихъ-нибудь преступленіяхъ и штрафахъ и дойдутъ до наказанія кнутами и до ссылки на каторгу,—таковыхъ, смотря по ихъ винамъ, не бивъ кнутами, но гоняя шпичь-рутенами, или бивъ плетьюми, отправлять въ Сибирь и опредѣлять въ Якутскій полкъ и учреждаемые батальонъ и роту; цѣлый рядъ протоколовъ о снабженіи и продовольствіи арміи (во время участія Россіи въ семилѣтней войнѣ противъ Пруссіи), о поимкѣ въ Курляндіи прусскаго шпіона маіора Ремера, объ отправленіи его въ Сибирь и о поселеніи въ отдаленной сибирской губерніи отъ большой дороги городокъ, о содержаніи его хотя не подъ арестомъ, однако подъ такимъ присмотромъ, чтобы онъ уйти не могъ, и наконецъ любопытный указъ императрицы Елизаветы отъ 3 іюня 1757 года о „пресѣченіи непрінадлежащихъ о штатскихъ, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныхъ толкованій и разсужденій“, слѣдующаго содержанія: „Божіею милостію, Мы, Елизавета Первая, императрица и самодержица Всероссійская и пр., и пр., и пр., объявляемъ черезъ сіе: Мы съ крайнемъ неудовольствіемъ увѣдомились, что многіе какъ изъ нашихъ подданныхъ, такъ и живущіе здѣсь въ нашей службѣ и въ нашей протекціи иностранцевъ, раглашая многія лживыя вѣдомости о нынѣшнихъ штатскихъ и политическихъ и воинскихъ дѣлахъ, присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ не складныя разсужденія, съ столь болшею дерзостію, сколь меньшее объ оныхъ имѣютъ они свѣдѣніи и понятіе, и для того за потребно разсудили мы чрезъ сіе да извѣстія каждаго, объявить, что ежели кто отнынѣ, разглашая какі

либо извѣстія, или еще и вымышляя оныя, о не принадлежащихъ до него особливо политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныя толкованія и разсужденія дѣлать станеть, а намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ, такъ какъ напротиву того каждый, кто единственно своей должности, званію или ремеслу прилежитъ, о монаршемъ нашемъ благоволеніи обязанъ быть можетъ“.

Особенный интересъ въ „Сенатскомъ архивѣ“ представляютъ: всеподданнѣйшій рапортъ правительствующаго сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ (на 100 страницахъ) и не менѣе обширный (на 76 страницахъ) всеподданнѣйшій докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина.

Изъ приведенныхъ въ примѣчаніи свѣдѣній по этому дѣлу видно, что уже въ бытность Государя въ Москвѣ по случаю коронаціи, до него доходили слухи о противозаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ калужскаго губернатора Лопухина (Дм. Ардал.), назначеннаго въ эту должность еще при Павлѣ. Онъ былъ женатъ на Шереметевой, находился въ родствѣ съ кн. Лопухинимъ, имѣлъ и другія связи при дворѣ (съ Беклешовымъ, Трощинскимъ) и потѣму, надѣясь на безнаказанность, позволялъ себѣ то возмутительныя дѣла, то неприличныя шалости къ соблазну всей губерніи. Государь получилъ нѣсколько доносовъ на него отъ мѣстныхъ дворянъ, частью извѣстнаго Каразина, умѣвшаго стать въ близкія отношенія къ Александру и въ это время жившаго въ Москвѣ. Для производства слѣдствія по этому дѣлу Государь избралъ Державина, сохраняя полное довѣріе къ его правдолюбію и безпристрастію и понимая, что по отношеніямъ обвиняемаго трудно было бы добиться истины при неудачномъ выборѣ слѣдователя.

23-го ноября 1801 г., вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, Александръ, призвавъ къ себѣ Державина, объявилъ ему свое рѣшеніе послать его въ Калугу, и при этомъ передалъ ему полученные доносы. Державинъ обѣщаль повиноваться и просилъ только защиты отъ сильныхъ людей, напоминая, что онъ получалъ много порученій отъ Екатерины и Павла, но вельможи безпрестанно обманывали ихъ и правда оставалась въ затменіи.

Пріѣхавъ въ Калугу, Державинъ съ обыкновенною своей энергіей приступилъ къ дѣлу и, развѣдавъ о поступкахъ Лопухина, пригласилъ его въ губернское правленіе, гдѣ тотчасъ же велѣлъ представить себѣ дѣла и чиновниковъ, которые ихъ производили.

Здѣсь онъ показалъ себя тѣмъ же строгимъ слѣдователемъ, какимъ нашла его Екатерина въ дѣлѣ о растратѣ суммъ заемнаго банка. На разставленныхъ въ комнатѣ столахъ обвиняемые должны были, въ его присутствіи, дать письменные отвѣты. Открылось, что Лопухинъ занялъ у фабриканта, подполковника Гончарова, 20 тысячъ рублей и потомъ, угрозой ссылки въ Сибирь за мнимое преступленіе, принудилъ его возвратить вексель; въ дѣлѣ объ убіеніи помѣщикомъ Хитрово родного брата потворствовалъ преступнику, взявъ у него 5 тысячъ рублей и т. п. Кромѣ большого числа важныхъ дѣлъ этого рода, было еще множество другихъ, по которымъ губернаторъ оказывался виновнымъ въ буйствѣ и неблагопріятныхъ поступкахъ; напримѣръ, онъ въ пьяномъ видѣ разбивалъ по

улицамъ окна, или въ губернскомъ правленіи ѣздилъ верхомъ на раздьяконѣ. Съ донесеніемъ о результатѣ слѣдствія Державинъ отправилъ въ Петербургъ нарочнаго курьера, который и привезъ ему 15 февраля 1802 года, состоявшійся, по его представленію, собственноручный Высочайшій указъ отъ 8-го числа: „Гаврила Романовичъ! Объявите губернатору Лопухину, чтобы онъ сдалъ должность свою впредь до указу вице-губернатору“ (Казачковскому).

16-го августа состоялся указъ, которымъ велѣно Лопухина съ соучастниками въ его преступленіяхъ предать суду. Въ концѣ концовъ однакожъ Лопухинъ вышелъ сухъ изъ воды: въ „полномъ собраніи законовъ“ не нашлось ничего, что бы указывало на его осужденіе, а между тѣмъ въ маѣ 1803 года (стало быть, черезъ годъ послѣ упомянутаго сейчасъ указа) Растопчинъ писалъ князю Циціанову по поводу какого-то другого: „ты увидишь, что изъ этого дѣла выйдетъ самая слабая переписка, и останется все по прежнему, по примѣру калужской исторіи, коей конца до сихъ поръ нѣтъ. Лопухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургѣ; сообщники же его уголовною палатою осуждены по всей строгости законовъ, и мнѣ кажется, что весьма пріятное и безопасное мѣсто быть атаманомъ разбойникомъ“. Нѣсколько позже, именно въ концѣ 1804 года, находится въ той же перепискѣ Ростоचना слѣдующее, относящееся сюда мѣсто: „московскій сенатъ нашелъ Лопухина правымъ, и я не знаю, что теперь его защитникъ (т. е. кн. Лопухинъ) сдѣлаетъ съ тѣмъ указомъ, при коемъ сей шельма губернаторъ отосланъ былъ къ суду“.

Докладъ сената по этому дѣлу въ началѣ 1806 года разсматривался въ государственномъ совѣтѣ. Въ засѣданіи 6 февраля совѣтъ успѣлъ выслушать только часть дѣла и не постановилъ ничего, но любопытна записанная въ журналъ этого засѣданія оговорка двухъ членовъ: „Министръ юстиціи (т. е. кн. Лопухинъ) и д. т. с. Трошинскій отозвались, что они при сужденіи сего дѣла быть не могутъ, по причинѣ, что отъ нѣкоторыхъ участвующихъ въ ономъ лицъ изъявлены были на нихъ неудовольствія и подозрѣнія въ покровительствѣ якобы ими губернатора Лопухина“. Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи прочитано было, между прочимъ, слѣдствіе Державина. Въ журналѣ 19 февраля отмѣчено только, что при подписаніи журнала предыдущаго собранія министры коммерціи и военный (Румянцевъ и Вязьмитиновъ) объявили, что такъ какъ ихъ мнѣніе уже извѣстно Его Величеству, то они ссылаются на изъясненія, въ немъ содержащіяся. Въ засѣданіи 26 февраля совѣтъ слушалъ обстоятельство, касающіяся самыхъ тяжкихъ обвиненій Лопухина, но отложивъ разсмотрѣніе оныхъ до слѣдующаго собранія. Затѣмъ было еще только одно засѣданіе, 14 мая, но въ журналѣ его назначены легкія наказанія только нѣкоторымъ изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, да братоубійца Хитрово присужденъ къ ссылкѣ въ Нерчинскъ на каторжныя работы; о самомъ же Лопухинѣ упоминается только мимоходомъ и никакого приговора о немъ не постановлено; а въ заключеніи сказано, что „совѣтъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, положенія правительствующаго сената находитъ правильными и съ законами согласными“. Лопухинъ такъ и не понесъ никакого наказанія.

Краткая Всемирная Исторія. З. А. Рагозиной. Выпускъ I. Древнѣйшіе народы. Выпускъ II. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рисунками и 1 картой. С.-Петербургъ, изданіе А. Ф. Маркса.

При составленіи книги авторомъ имѣлись въ виду, въ качествѣ ея будущихъ читателей, дѣти лѣтъ 10—14, не имѣющія еще никакого понятія объ исторіи. Поэтому были приложены всѣ старанія, чтобы языкъ былъ самый простой и понятный и чтобы, при всей краткости изложенія, не осталось необъясненнымъ ни одно сколько-нибудь трудное или новое для ребенка выраженіе.

Авторъ старался удалить изъ исторіи все несущественное и составить краткій очеркъ, въ которомъ наглядно изложить историческую жизнь и ея представителей въ видѣ живыхъ людей, а не мертвыхъ именъ; различнымъ народамъ отведены надлежащія мѣста, и дано соответствующее освѣщеніе ихъ дѣятельности; указаны взаимныя отношенія народовъ и ихъ значеніе въ прогрессивной работѣ всего человѣчества. Даты даны только тѣ, которыя должны служить необходимыми хронологическими вѣхами, обозначающими путь, пройденный народами.

Суда по прочитаннымъ нами двумъ выпускамъ, г-жа З. А. Рагозина очень умѣло взялась за этотъ нелегкій трудъ и видимо отнеслась къ нему съ любовью, что самое главное. Передъ глазами юныхъ читателей встаетъ все доисторическое прошлое, когда существовали еще неизвѣстные народы, пещерные люди и каменный вѣкъ, затѣмъ обитатели свайныхъ селеній и бронзовый вѣкъ и т. д., и они наглядно могутъ представить себѣ, какъ жалко, беспомощно было существованіе нашихъ доисторическихъ предковъ, образъ жизни которыхъ мало чѣмъ отличался отъ быта дикихъ звѣрей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большимъ интересомъ не одни даже юные читатели могутъ слѣдить за разрастающимся развитіемъ человѣчества. Знакома постепенно съ древнѣйшими памятниками, открытыми благодаря неутомимымъ и кропотливымъ трудамъ археологовъ, авторъ наглядно выясняетъ, какъ давно уже существовали на землѣ отдѣльныя культурныя расы, положившія основаніе искусствамъ и промысламъ, поднявшимъ людей изъ быта дикихъ лѣсныхъ обитателей, какъ-то: земледѣлію, сельскому хозяйству, водчеству, письму, звѣздовѣдѣнію, общественнымъ порядкамъ и др.

Народъ, впервые насадившій высокую культуру въ западной Азіи, въ той широкой равнинѣ, которая тянется вдаль низовьевъ рѣкъ Тигра и Евфрата и называется Месопотаміей, т. е. Междурѣчьемъ, получилъ названіе Шумиръ-Аккадьянъ¹⁾; онъ принадлежалъ къ желтой расѣ, т. е. туранской. Колыбелью этой расы считаютъ Алтайскія горы. Сюда же направились ранѣе года 4000 до Р. Хр. нѣкія, дотошъ невиданныя племена. Это были кочевники, они принадлежали къ бѣлой расѣ, къ той вѣтви, которую зовутъ семитами. Об-

¹⁾ Шумиръ — южная половина Месопотаміи, Аккадъ — сѣверная часть ея.

ладая живымъ и крайне воспримчивымъ умомъ, они быстро переняли у шумирь-аккадьянъ ихъ культуру, религію и научились даже ихъ языку и письму. Около 3800 лѣтъ до Р. Хр. здѣсь утвердилось обширное и сильное семитское царство, столицей котораго сдѣлался городъ Агадѣ на Евфратѣ. Нашествіе на Месопотамію эламитовъ, горныхъ сосѣднихъ племенъ, закончилось около половины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. опустошеніемъ всей земли. Эламиты завладѣли Шумиромъ и Аккадомъ, ихъ владычество тяжелымъ гнетомъ легло на обывателей, ненависть къ нимъ росла, нуженъ былъ только вождь для того, чтобы весь народъ поднялся, какъ одинъ человекъ противъ иноземцевъ. И вождь этотъ явился въ лицѣ владѣтеля отдѣльнаго княжества, жившаго въ другомъ, тоже древнемъ городѣ Тин-тир-ки. Семиты перевели его на свой языкъ—Баб-Илу. Этотъ-то городъ сдѣлался впоследствии богатѣйшимъ и знаменитымъ въ мірѣ Вавилономъ, и на владѣтеля его, гениальнаго Хаммураби, выпала славная роль освободителя отечества. Какъ именно совершился переворотъ—неизвѣстно, но изъ надписей, которыхъ Хаммураби оставилъ очень много, видно, что онъ всю землю, Шумиръ и Аккадъ собралъ въ одно государство, столицей котораго сдѣлалъ свой городъ Вавилонъ. Жилъ онъ въ 2300 году до Р. Хр. ¹²).

Тяжелое житье подъ гнетомъ эламитскаго владычества побудило однако большую партію семитовъ выселиться изъ насыщенной богатой и благодатной земли. Одни изъ нихъ отправились на западъ, между Евфратомъ и моремъ, и образовали особый народъ арамейцевъ. Однимъ изъ этихъ выселившихся семитскихъ племенъ управлялъ богатый и знаменитый вождь. Это племя нѣсколько позднѣе получило названіе Беяъ-Израиль (т. е. сыны Израиля), а вождь его былъ патриархъ Авраамъ. Людей у него было въ то время всего триста душъ съ небольшимъ, но то были праотцы судейской націи. Авраамъ одинъ только отвергъ многобожіе Шумира и исповѣдалъ со своимъ народомъ въ совершенной чистотѣ семитскую вѣру въ единаго Бога Іегову.

Семитскіе выселенцы, ушедшіе на сѣверъ, расположились на равнинѣ, лежащей выше Шумиръ и Аккадъ, и построили городъ Ашуръ. Это тотъ самый народъ, который, подъ слегка измѣненнымъ именемъ ассирійцевъ, основалъ одно изъ славнѣйшихъ царствъ древняго міра.

Третье переселеніе, начавшись отъ Персидскаго залива, направилось на сѣверо-западъ. То были хананеи—сильное и многочисленное племя—будущіе финикіяне.

Далѣе авторъ переходитъ къ древнему Египту, росшему и развивавшемуся въ другой части древняго міра, въ сторонѣ отъ остальнаго свѣта. Описание этого удивительнаго и славнаго народа, происходящаго тоже отъ древняго семитскаго корня и переселившагося въ Африку изъ Азіи и именно, вѣроятно, изъ Аравіи, посвященъ второй выпускъ. Въ немъ заканчивается исторія отдѣльных народовъ и въ дальнѣйшихъ выпускахъ начнется исторія міровая.

¹⁾ Съ замѣчательнымъ памятникомъ, оставленнымъ Хаммураби,—полнымъ сводомъ законовъ, мы уже познакомили нашихъ читателей на страницахъ „Русскаго Вѣстника“.

Много интереса придаетъ книгѣ обиліе рисунковъ, взятыхъ изъ достовѣрныхъ научныхъ сочиненій или исполненныхъ по фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ дѣйствительно существующія мѣста, развалины, предметы, которые можно видѣть въ разныхъ музеяхъ.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

М. В. Анничовъ. Итоги и уроки Трансваальской войны. Послѣсловіе къ сочиненію: „Война и Трудъ“. С.-Петербургъ, 1903.

П. П. Гнѣдичъ. Новый скитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ, 1903.

Отчетъ о дѣятельности Иваново-Вознесенскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества за 1902 годъ. Составленъ секретаремъ отдѣленія **С. Д. Смирновымъ**. Иваново-Вознесенскъ, 1903.

Простейшій проекціонный фонарь, дешевле изготовленіе его, рисунковъ къ нему и таблицъ для большихъ аудиторій. Съ 20 рисунками въ текстѣ. Профессора Императорскаго московскаго университета **Льва Морохова**. Москва, 1903.

Ав. А. Калантаръ. Общедоступное руководство по молочному хозяйству. Молоко и молочные продукты въ мелкомъ и среднемъ сельскомъ хозяйствѣ. Съ 85 рисунками въ текстѣ. 2-е изданіе. (Библіотека земледѣльца). С.-Петербургъ, 1903.

Научныя основы педагогики. **И. С. Андреевскаго**, директора Глуховскаго учительскаго института. Кіевъ, 1903.

К. Г. Воблый. Проблема воспитанія по Канту (очеркъ изъ исторіи педагогики). Варшава, 1904.

Ф. Г. Отбываніе евреями воинской повинности. С.-Петербургъ, 1903.

Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Статьи и матеріалы, относящіяся до сухопутныхъ и водныхъ сообщеній и труды слушающихъ въ округѣ. Выпускъ IV. С.-Петербургъ, 1904.

Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (89 рисунковъ въ текстѣ). Составилъ **А. Е. Спиридоновъ**. С.-Петербургъ, 1903.

А. Петрищевъ. Бернадотъ. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ, 1904.

Георгъ фонъ-Омтеда. Разсказы. Переводъ съ нѣмецкаго **М. Славинской**. Предисловіе **З. А. Венгеровой**. С.-Петербургъ, 1904.

Демонъ въ славъ. Поэма на мотивъ легенды „Возстановленіе ада“. **Николая Ив. Троицкаго**. Сентябрь, 25-е — Ноябрь 7-е, 1903 г. Тула, 1904.

В. Зелинскій. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.

- 1) Русская критическая литература о произведеніяхъ **А. С. Пушкина**. Часть первая. Изданіе третье. Москва, 1903.
- 2) Тоже о произведеніяхъ **Н. В. Гоголя**. Часть первая. Изданіе третье. Москва, 1903.
- 3) Тоже о произведеніяхъ **М. Ю. Лермонтова**. Часть первая. Изданіе второе. Москва, 1904.
- 4) Тоже о произведеніяхъ **Л. Н. Толстого**. Часть первая. Изданіе третье. Москва, 1903.
- 5) Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ **А. Н. Островскаго**. Часть третья. Изданіе второе. Москва, 1903.
- 6) Сборникъ критическихъ статей о **Н. А. Некрасовѣ**. Часть третья. Изданіе второе. Москва, 1903.
- 7) Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. Изданіе четвертое. Москва, 1904.

М. М.—вѣ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(«Новый Путь», апрѣль—іюль 1904. В. В. Розановъ и
вопросъ о бракѣ).

I.

Вопросъ о бракѣ вообще и о современномъ православномъ бракѣ въ частности мучительно и давно беспокоитъ В. В. Розанова. Касаясь съ разныхъ сторонъ этого важнаго вопроса, В. В. Розановъ дошелъ до совершеннаго разрушенія учрежденія православнаго брака и требуетъ въ этой важнѣйшей основѣ современнаго общества какихъ-то особыхъ измѣненій, дающихъ полную разнузданность личному произволу и личнымъ похотѣніямъ cadaго.

При этомъ, какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, В. В. Розановъ ратуетъ во имя доброй нравственности и высшаго блага cadaго человѣка—свободы. Онъ не замѣчаетъ, какъ и всякій ставшій на скользкую почву софизмовъ, что идетъ дальше своей цѣли и что, защищая нравственность, онъ проповѣдуетъ безнравственность и, защищая семью, уничтожаетъ ее окончательно.

Ошибка В. В. Розанова въ томъ, что, замѣчая несовершенство современной семьи, онъ ищетъ причины его не въ недостаткахъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, мужа и жены, а въ самомъ институтѣ брака. Ошибка эта такъ велика, что, при ея наличности, всѣ разсужденія сводятся на нѣтъ. Допустивъ на время, что В. В. Розановъ правъ и что ему дозволено устроить семью по его образцу и бракъ обратить въ легкомысленный и легко расторгаемый союзъ, даже съ разрѣшеніемъ многоженства¹⁾, мы все же не видимъ, чтобы

¹⁾ В. В. Розановъ говоритъ, что самую природою моногамія установлена, какъ естественное состояніе человѣка, но рядомъ съ этимъ одобряетъ и полигамію.

этимъ было достигнуто искомое В. В. Розановымъ совершенство и человѣческое счастье.

Люди останутся людьми съ присущими имъ пороками, вождельніями и недостатками. Форма, въ которую будутъ вложены человѣческія взаимоотношенія, не истребитъ этихъ отрицательныхъ сторонъ человѣчества. Смягчены онѣ могутъ быть и даже доведены до минимума лишь путемъ нравственной дисциплины и работы надъ собственнымъ духомъ въ его борьбѣ съ необузданными и инстинктивными запросами тѣла.

Форма, въ какую вложены человѣческія отношенія, сама по себѣ для ихъ развитія не безразлична. Та нравственная дисциплина, о которой только что сказано, не можетъ получить совершеннаго своего развитія, если форма общенія отводитъ широкое мѣсто личному произволу, и, наоборотъ, когда форма общенія налагаетъ на принявшихъ ее извѣстныя обязательныя условія, нравственная дисциплина можетъ быть примѣняема и приносить плоды.

Это разсужденіе въ высшей степени относится къ брачнымъ узамъ. Кстати недаромъ на всѣхъ языкахъ это слово „узы“ связывается съ понятіемъ о бракѣ, какъ бы указывая на многія обязательства, лежація на вступившихъ въ бракъ.

В. В. Розановъ судить о бракѣ нѣсколько иначе. Онъ именно всякое обязательство хотѣлъ бы въ немъ уничтожить и не замѣчаетъ, что этимъ самымъ онъ и самый бракъ уничтожаетъ.

Бракъ для христіанина, кромѣ этическаго и юридическаго обязательства, главнымъ образомъ есть таинство. Съ этой точки зрѣнія бракъ долженъ былъ бы быть неприкосновеннымъ и свободнымъ отъ критиканства перваго встрѣчнаго же-богослова, но В. В. Розановъ давно стряхнулъ съ себя затрудненіе въ этомъ смыслѣ. Онъ давно уже установилъ, что тоже считаетъ бракъ за таинство, но таинство, по его мнѣнію, заключается не въ томъ дѣйстви, которое творится іереемъ предъ алтаремъ Всевышняго при благословеніи брака, а въ физическомъ общеніи половъ. В. В. Розановъ слишкомъ богатъ познаніями, чтобы не понимать, какую передержку онъ въ этомъ случаѣ допускаетъ. Никто не станетъ отрицать, что физическое общеніе половъ составляетъ великое таинство природы, но и опыленіе цвѣтка составляетъ въ той же мѣрѣ таинство той же многообразной природы; мы же называемъ церковное совершеніе брака таинствомъ по иной причинѣ,—потому, что бракъ церковный есть непосредственное проявленіе, какъ и въ каждомъ изъ семи таинствъ, благодати Духа Святаго. Но для В. В. Розанова его положеніе гораздо удобнѣе, ибо даетъ ему возможность всячески поносить православный нерасторжимый бракъ и возвеличивать легко связываемыя и легко разрываемыя любовныя отношенія.

Ненависть В. В. Розанова къ православному браку такъ велика, что онъ, затрогивая вопросъ о немъ, теряетъ всякое самообладаніе и начинаетъ, пересмѣливая, ругать всѣхъ сторонниковъ брака и всѣхъ сторонниковъ дѣйства. Тутъ ужъ никому пощады нѣтъ. Духовныя лица, друзья г. Розанова (какъ С. А. Рачинскій и Влад. С. Соловьевъ)—все валится въ одну кучу, всѣ подвергаются поношенію.

Въ проповѣди своей г. Розановъ пользуется очень опаснымъ и очень коварнымъ оружіемъ. Онъ съ большою вѣрностью и съ богатою яркостью красокъ рисуетъ несчастные современные браки, беретъ на выдержку примѣры особенно рѣзкіе и, произведя впечатлѣніе на читателя, уже невозбранно заявляетъ: это все отъ того, что бракъ имѣетъ у насъ такую форму.

Вопросъ о недостаткахъ и недочетахъ брачной жизни такъ всѣмъ близокъ и притомъ болѣзненно близокъ, что многіе не замѣчаютъ передержки г. Розанова.

Нынѣ—не упомнимъ въ который уже разъ—г. Розановъ затрагиваетъ брачный вопросъ съ своей обширной, растянутой на нѣсколько книжекъ „Новаго Пути“ статьѣ „Среди обманутыхъ и обманувшихся“.

II.

Новая статья г. Розанова пріобрѣтаетъ теперь особое значеніе въ виду закона 28 мая текущаго года объ облегченіи условій развода супруговъ. Ранѣе изъ супруговъ, разведенныхъ по прелюбодѣянью одного изъ нихъ, въ новый бракъ могъ вступать лишь обиженный супругъ, а уличенный въ прелюбодѣянніи осуждался на вѣчное безбрачіе. По новому же закону и виновный супругъ имѣетъ право на вступленіе во вторичный бракъ. В. В. Розановъ чуть ли не считаетъ законъ этотъ результатомъ своей проповѣди.

Тотчасъ по обнародованіи новаго закона раздались со всѣхъ сторонъ хвалебницы въ его честь. Нѣкто г. Аббадона, столь удачно подражающій манерѣ письма г. Амфитеатрова на столбцахъ газеты „Русь“, обрадовавшись новому закону, истолковалъ его въ томъ смыслѣ, что никакой уже процедуры развода не требуется, что и оказывать фактъ прелюбодѣяннія нѣтъ нужды, и достаточно любовнаго соглашенія разводящихся и ихъ заявленія, что одинъ изъ нихъ грѣшенъ. Тогда, молъ, останется лишь выполнить нѣкоторыя формальности и разведенные Иванъ и Марья пойдутъ, одинъ направо, а другая направо: Иванъ съ Дарьей, Марья съ Петромъ—вступать въ новый бракъ. Столь циничнаго толкованія закона, только что обнародованнаго и еще не успѣвшаго начать свое дѣйствіе, мы, признаться, никогда не встрѣчали въ печати: не успѣлъ законъ

выйти въ свѣтъ, какъ уже указывается способъ обойти его, свести къ мертвой буквѣ, но пользоваться имъ для своего удобства.

За выходкой г. Аббадони послѣдовали и другія. Такъ, въ распространенной московской газетѣ „Русское Слово“, несомнѣнно перомъ юриста, поднятъ былъ вопросъ, довольно, пожалуй, логичный, о томъ, подлежитъ ли прелюбодѣянiе наказанiю уголовному, налагаемому свѣтскимъ судомъ, если наказанiе первобрачнаго прелюбодѣя судомъ духовнымъ, чрезъ запрещенiе ему вступать въ бракъ, отмѣнено.

Вопросъ этотъ весьма интересенъ съ точки зрѣнiя исторической. До составленiя уголовного уложенiя 1845 года нарушенiе супружеской вѣрности каралось только по церковнымъ правиламъ. Составители уложенiя 1845 года нашли, что прелюбодѣянiе составляетъ самостоятельное уголовное преступленiе. „Тяжкое“ преступленiе, какъ иронизируетъ авторъ статьи въ „Русскомъ Словѣ“. Какъ будто, дѣянiе, разбивающее семейный очагъ и оставляющее дѣтей безъ отца или безъ матери, можетъ на самомъ дѣлѣ считаться не только не тяжкимъ преступленiемъ, но даже вовсе не преступленiемъ. По закону 1845 года супругъ, обиженный измѣною другого, могъ обратиться по усмотрѣнiю въ судъ свѣтскій и затѣмъ духовный, или наоборотъ, и не только подвергнуть виновнаго супруга уголовному наказанiю заключенiемъ въ тюрьмѣ или монастырѣ, но и осужденiю на вѣчное безбрачiе. Тутъ не было никакого противорѣчiя. Запрещенiе вступать въ бракъ есть лишенiе извѣстнаго права, а мало ли преступныхъ дѣянiй, которыя, кромѣ уголовной кары, влекутъ за собою и ограниченiе или лишенiе правъ. Вся разница даннаго случая съ другими подобными же заключается въ томъ, что не одинъ и тотъ же судъ и лишаетъ правъ, и караетъ, а два разныхъ суда: свѣтскій и духовный. Быть можетъ, законъ этотъ былъ строгъ, но, стоя на стражѣ супружескаго счастья, онъ былъ послѣдователенъ.

Составители судебныхъ уставовъ, по словамъ автора упомянутой газетной статьи, обратили вниманiе на эту „печальную аномалiю“. Смѣло выступить противъ нормъ матеріальнаго права они не могли. Послѣдовало бы возраженiе, что эта „ломка не входитъ въ программу ихъ работъ“. Поэтому они ограничились улучшенiемъ процессуальной стороны дѣла. Они признали необходимымъ разграничить разбираемость дѣлъ о супружеской измѣнѣ. Свои соображенiя они изложили въ мотивахъ къ 1016 ст. устава уг. суд.

„Въ этихъ мотивахъ указывается на печальныя послѣдствiя разногласiя между свѣтскимъ и духовнымъ судомъ. Оскорбленный супругъ обращается въ свѣтскій судъ. Свѣтскій судъ находитъ, что нарушенiе супружеской вѣрности не доказано, а потому и оправдываетъ

обвиняемаго. Обиженный супругъ идетъ въ церковный судъ, который признаетъ нарушеніе супружеской вѣрности все-таки доказаннымъ, даетъ разводъ и нарушившаго вѣрность осуждаетъ на вѣчное безбрачіе. Такое дискредитированіе правосудія недопустимо. Дѣло, разсмотрѣнное свѣтскимъ судомъ, не должно подлежать пересмотру въ духовномъ судѣ, и наоборотъ,—дѣло, рѣшенное духовнымъ судомъ, не должно вновь разсматриваться свѣтскимъ судомъ.

„Такова исторія происхожденія 1016 уст. уголовн. суд. Въ этой статьѣ сказано: „Дѣла по жалобѣ одного изъ супруговъ на нарушеніе другимъ святости брака прелюбодѣяніемъ вѣдаются: 1) или уголовнымъ судомъ, когда оскорбленный супругъ проситъ о наказаніи виновнаго по уголовнымъ законамъ (Улож. о наказ. ст. 1585), или 2) судомъ духовнымъ, когда оскорбленный супругъ проситъ о расторженіи брака и о наказаніи виновнаго по правиламъ церкви“.

Составители судебныхъ уставовъ избѣгали возможнаго противорѣчія во взглядахъ двухъ судовъ, свѣтскаго и духовнаго, и, бѣжавши отъ волка, попали на медвѣдя,—предоставили жалобщику самому выбирать способъ возмездія за нанесенную ему прелюбодѣйною стороною обиду.

„Если оскорбленный супругъ обратился въ свѣтскій судъ, то онъ долженъ удовлетвориться рѣшеніемъ этого суда и не имѣетъ права возбуждать въ духовномъ судѣ дѣло о разводѣ и осужденіи на вѣчное безбрачіе. Если же дѣло поступило въ духовный судъ, то оно имѣется по церковнымъ правиламъ. Перенесеніе дѣла, рѣшеннаго въ духовномъ судѣ, въ свѣтскій судъ для наказанія по уголовнымъ законамъ не допускается. У оскорбленнаго супруга было отнято право привлекать измѣнившаго или измѣнившую къ отвѣтственности по уголовнымъ законамъ и по правиламъ церковнаго суда. За нимъ осталось только право выбора между судомъ свѣтскимъ, карающимъ по уголовнымъ законамъ, и судомъ духовнымъ, карающимъ по церковнымъ правиламъ. Отъ произвола оскорбленнаго супруга осталось въ зависимости наказаніе одного и того же дѣянія легкой карой по уголовнымъ законамъ и тяжкой карой—по правиламъ церковнаго суда (осужденіе на вѣчное безбрачіе).

„До сихъ поръ уголовная наказуемость нарушенія супружеской вѣрности по церковнымъ правиламъ была неизмѣримо суровѣе уголовной наказуемости по свѣтскимъ законамъ. Теперь положеніе дѣла измѣнилось. Осужденіе на вѣчное безбрачіе виновнаго супруга отмѣнено, хотя и не вполне, а съ сохраненіемъ этой кары для рецидивистовъ. Само по себѣ нарушеніе супружеской вѣрности въ церковныхъ правилахъ признано дѣяніемъ, не подлежащимъ уголовной карѣ. Карается только рецидивъ. Но въ дѣйствующихъ уголовныхъ

законахъ нарушеніе супружеской вѣрности по прежнему остается уголовнымъ преступленіемъ.

„Пока у насъ дѣйствуетъ старое уголовное уложеніе и сохраняютъ силу 1585 ст. этого уложенія и 1016 ст. уст. уголовн. суд.

Въ 1585 ст. уложенія сказано: „Состоящее въ бракѣ, изобличенное въ прелюбодѣяніи, лицо подвергается за сіе, по жалобѣ оскорбленнаго въ своей чести супруга: заключенію въ монастырь, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, и сверхъ того, если оно принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Лицо, съ коимъ учинено прелюбодѣяніе, если оно съ своей стороны, не состоитъ въ бракѣ, приговаривается: или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, или къ аресту отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, и если оно исповѣдуетъ христіанскую вѣру, предается также церковному покаянію“.

„Восемь мѣсяцевъ тюремнаго заключенія—кара нелегкая. Карается не только нарушившій или нарушившая супружескую вѣрность, но и соучастникъ или соучастница, хотя бы съ ихъ стороны (если они не состоятъ въ бракѣ), не было никакого нарушенія супружеской вѣрности.

„Повидимому, исключеніе въ церковныхъ правилахъ супружеской измѣны изъ числа дѣяній, наказуемыхъ уголовными карами, должно бы сопровождаться и исключеніемъ нарушенія супружеской вѣрности въ свѣтскихъ законахъ изъ числа уголовныхъ преступленій. Продолжительный опытъ примѣненія 1585 ст. показалъ, что она существуетъ не для обузданія, а для деморализаціи. Къ сожалѣнію, указанія опыта не были приняты во вниманіе и при составленіи новаго уголовного уложенія“.

Составители новаго уголовного уложенія, уже утвержденного и близкаго къ своему введенію въ дѣйствіе, оставили (ст. 418 новаго улож.) прелюбодѣяніе какъ для виновнаго супруга, такъ и его сообщника наказуемымъ, понизивъ лишь мѣру наказанія и замѣнивъ тюрьму или монастырь арестомъ. Размѣры наказанія въ данномъ случаѣ не играютъ никакой роли, говорить о нихъ можно лишь при разсмотрѣніи всей карающей системы, выработанной новымъ уложеніемъ, что не входитъ въ наши цѣли. Важно, что несмотря на большіе споры, происходившіе въ особомъ присутствіи государственнаго совѣта по вопросу о томъ, можно ли признавать прелюбодѣяніе самостоятельнымъ уголовнымъ преступленіемъ, оно, большинствомъ 40 голосовъ противъ 6, признало дѣяніе это уголовно-наказуемымъ. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта это мнѣніе раздѣлило тоже большинство (46 противъ 16).

Теперь сторонники свободы любви откровенно высказываютъ пожеланія объ исключеніи вовсе, въ виду закона 28 мая объ облегченномъ разводѣ, прелюбодѣянія изъ уголовного кодекса. Самый законъ 28 мая, позволяющій лишь первобрачному разведенному прелюбодѣю вступленіе въ новый бракъ и оставившій въ силѣ старое осужденіе на безбрачіе для рецидивистовъ прелюбодѣянія, толкуется сторонниками облегченного развода въ томъ смыслѣ, что это только первый шагъ, что нельзя же все сразу, но что современемъ можно будетъ безконечно прелюбодѣйствовать, разводиться, вновь жениться, опять прелюбодѣйствовать и т. д. на тему: „жилъ былъ куликъ, носилъ стогъ сѣнца, не начать ли съ конца: „жилъ былъ куликъ“ и т. д.

Это не совсѣмъ такъ. Вѣрнѣе предположить, что новый законъ, снисходительный къ прелюбодѣю, подразумѣваетъ тѣхъ прелюбодѣевъ, которые введены были во грѣхъ по ошибкѣ въ выборѣ супруга, но отнюдь не тѣхъ, которые изъ прелюбодѣянія дѣлаютъ себѣ своего рода забавный и развлекательный спортъ, подъ покровомъ чрезвычайныхъ увлеченій.

Собственно говоря, процентъ разводовъ и процессовъ о прелюбодѣянніи въ свѣтскомъ судѣ, принимая огромное количество браковъ, такъ ничтоженъ, что ради него не стоитъ ломать установившееся годами воззрѣніе на преступность прелюбодѣяннія и на православный бракъ.

Но такъ какъ всѣ сторонники облегченного развода работаютъ главнымъ образомъ въ цѣляхъ разрушенія брака, какъ привыкли его понимать православные люди, то вопросъ этотъ, столь излюбленный В. В. Розановымъ, получаетъ особую принципиальную остроту.

III.

Новая статья В. В. Розанова „Среди обманутыхъ и обманувшихся“ была начата авторомъ еще ранѣе появленія закона 28 мая, въ апрѣльской книжкѣ „Новаго Пути“. Статью свою г. Розановъ началъ въ состояніи крайняго гнѣва, въ которое былъ приведенъ чтеніемъ брошюрки казанскаго профессора Л. Писарева о „Бракѣ и дѣвствѣ“. Такъ разсердился г. Розановъ, что сначала пошелъ рассказывать не идущіе къ дѣлу анекдоты о мачихѣхъ и пасынкахъ, а затѣмъ попрекнулъ г. Л. Писарева дороговизною его книжки.

Да лучше всего послушайте самого В. В. Розанова. Вотъ первыя страницы:

Поговорите съ мачехой о падчерицахъ, съ опекуномъ объ опекаемыхъ: какой пріятный тонъ, успокоительныя рѣчи и отчетъ о полномъ благополучіи. Во-первыхъ, завѣщаніе отца сиротъ: такъ заботился о

нихъ, а вмѣстѣ и такъ любилъ опекуншу! Вотъ его письма, пожелтѣвшія отъ времени: какой дѣтскій тонъ, сколько ласки къ малюткамъ,—и, вмѣстѣ, какія страстныя рѣчи къ когда-то молодой женщинѣ, замѣнившей мамашу сиротамъ и принявшей на себя „всѣ, всѣ“ труднѣйшія обязанности по ихъ воспитанію и прокормленію! Въ мысли отца эта молодая женщина и тѣ малютки никогда не раздѣлялись. Тутъ, въ ихъ взаимномъ теперешнемъ соотношеніи, все—филантропія, и все—плоть единая: ибо дѣти суть плоть единая съ отцомъ, а этотъ отецъ есть плоть единая съ мачехою, его женою. Нельзя было лучше устроить судьбу малютокъ, какъ основавъ ее на этомъ фундаментѣ „дѣлокупной любви“. Они, которые такъ любятъ завѣщателя, и она, которая тоже такъ любила завѣщателя—пусть и остаются вмѣстѣ, въ неразрушенномъ организмѣ любви. Они должны быть почтительны, послушны, не возражать, не спорить, дѣлать—что имъ прикажутъ. Она.. но ее до того любилъ отецъ этихъ малютокъ и такъ зналъ ее чудную душу, что самый вопросъ о томъ, сухой юридическій вопросъ, что же именно она должна въ отношеніи къ довѣреннымъ ей малюткамъ—былъ бы оскорбителенъ для ея достоинства и совершенно несомвѣстимъ съ величественнымъ и важнымъ видомъ, какой она теперь имѣетъ. Ея шлейфъ несуть лакеи. Ея голова убрана въ брилліантовую діадему. Всѣ воздаютъ похвалу ея богатству, знатности и особенно „благопопечительности“. Состоя членомъ всевозможныхъ благотворительныхъ комитетовъ и высылая подачку нищимъ, толпящимся около воротъ богатаго ея дома,—уже само собою разумѣется, что лучшую часть сердца своего она отдаетъ невиннымъ малюткамъ, ввѣреннымъ много-много лѣтъ назадъ ея «благопопеченію» памятнымъ завѣщаніемъ ея добрѣйшаго супруга.

Правда, худые слухи носятъ по городу, но гдѣ ихъ не бываетъ! Злые языки увѣряютъ, что домъ, богатство и діадема—все на средства этихъ самыхъ опекаемыхъ сиротъ, денежки которыхъ ой-ой какъ побывались и даже ихъ почти уже вовсе нѣтъ. Но это говоритъ какой-то бухгалтеръ банка, лицо невидное, ни гдѣ не бывающее, сущая чернильная душа. Бывающіе въ богатомъ домѣ съ задняго крыльца увѣряютъ также, что дѣти обѣдаютъ и ужинаютъ на кухнѣ, вмѣстѣ съ прислугою, а завтрака имъ и вовсе не дается, подъ тѣмъ предлогомъ, что «сытое брюхо къ ученію глухо». Сторожа ночные кромѣ того рассказываютъ, что иногда, проходя дозоромъ около богатаго дома, они слышали нечеловѣческіе дѣтскіе вопли, несшіеся изъ-за стѣны его. Кромѣ того, по справкамъ оказалось, что дѣти отданы въ самое скверное училище, со злымъ начальникомъ, невѣжественными учителями, съ товарищами изъ подонковъ общества, и что въ этомъ училищѣ ихъ не учатъ, а только колотятъ, приговаривая тоже мудрую древнюю пословицу, что „корень ученья горекъ, зато его плодъ—сладокъ“. Но все это—слухи, разговоры. Въ торжественныя, правда краткія, минуты парадныхъ посѣщеній, передъ высокопоставленными гостями, «шапан» выводитъ за ручку блѣдненькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ бархатныхъ курточкахъ и шелковыхъ юбочкахъ, и такъ ласково проводитъ мясистой, пухлой рукой по ихъ рѣденымъ волосамъ; и скажетъ два-три, правда—не больше, слова, и то не къ нимъ обращенныя и не о нихъ собственно, а объ томъ, какой у нихъ былъ замѣчательный „père“, какія его заслуги, какова была его доброта, и особенно какъ онъ лю-

билъ эту „тапан“... Затѣмъ, дѣтей опять уведать куда-то во внутреннія комнаты, а растроганные слушатели-гости садятся за отлично сервированный столъ, гдѣ, разумѣется, ничего невозможно кромѣ комплиментовъ въ сторону уже сѣдой и величественной „тапан“...

Картина эта неволью рисовалась намъ тѣ 20—30 минутъ, когда мы читали тоненькую и дорогую (50 к. за 72 странички) брошюрку казанскаго профессора Л. Писарева о „Бракъ и дѣвствѣ“ (Казань, 1904 г.), о которой уже слышали похвалы, какъ о книжкѣ необыкновенно «ясной и убѣдительною». «Ясно и убѣдительно!»... но какой цѣной?! А вотъ ваяли за уши все больное, все страдающее—и все вонь! Ваяли людей, этихъ «людишекъ»—и тоже вонь! Очистивъ комнату для разсужденій, профессоръ-авторъ уже не находить никакихъ препятствій для своихъ звуковъ. И.. вспомнишь Майкова:

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеняхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;
И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Воскликали: „bene!“ „bene!“
Люди, опытные въ спорѣ..

* * *

Напр.; этотъ «quaestio vexata»—бракъ и дѣвство. Всѣ стоятъ передъ живою картиною того наличнаго факта, что семья цѣлой Россіи (цѣлой Россіи!) зависитъ отъ мнѣнія 6—8 дѣвственниковъ; что не только русскіе семейные люди, но и все правительство русское, власть довольно внушительная,—не рѣшается сдѣлать простаго постановленія о позволительности обоимъ разведеннымъ супругамъ вступить въ новый бракъ, пока на вопросъ объ этомъ не кивнутъ согласіемъ 4—5 старцевъ греческихъ: а намъ говорятъ (да какъ усиленно! съ какою увѣренностью!), что „бракъ и дѣвство равночестны“, что „никакого осужденія брака не дозволяется“, и что „кто его судилъ бы—тотъ повиненъ анаемѣ, по постановленію такого-то собора“, слѣдуетъ цитата и цитаты. «И волки сыты и овцы цѣлы»... нѣтъ, впрочемъ, не цѣлы, давно съѣдены въ дѣйствительности: но цитаты такъ документальны, онѣ издревле перепечатаются изъ книжки въ книжку, и такъ дошли до новыхъ книжекъ, до брошюрки проф. Л. Писарева, что «значатся цѣлыми». Всѣ брошюрки, подобныя лежащей передъ нами, похожи на отчеты интендантства стараго времени, или на разговоры «тапан» о цѣлости имущества опекаемыхъ сиротъ. Вопросъ о бракъ и дѣвствѣ.. и посмотрите, сколько цитатъ, сколько авторитетовъ въ подтвержденіе того, что бракъ именно — всегда: 1) почитался, 2) нисколько не унижался передъ дѣвствомъ, 3) которое ни на кого не возлагается, какъ принужденіе, 4) а только свободно избирается нѣкоторыми, какъ личный подвигъ и обстановка лучшаго служенія Богу. Да, „рѣчи всѣ цѣлы“. А жизнь какъ я объяснилъ—взята за уши и вытолкнута вонъ. Семейные люди давно потеряли (вѣка! тысячу лѣтъ!) всякое право надъ собою, дажъ право само-попеченія, само-защиты, само-сохраненія! Это—парій индусскій, человекъ, вышедшій изъ ноги Браммы, когда брамины и раджъ вышли изъ головы и груди его. Но «письменность цѣла».

«Отцы, какъ восточные, такъ и западные, послѣдовательно и логично приняли подъ свою защиту и дѣвство и бракъ, какъ два состоянія, въ которыхъ концентрируются интересы *цѣльнаго* (курсивъ здѣсь и ниже г. Писарена) человѣка, какъ существа духовнаго и нравственнаго—съ одной стороны, и какъ существа тѣлеснаго—съ другой стороны. „Безбрачіе и бракъ, — говоритъ Климентъ Александрійскій, — предлагаютъ человѣку каждый свои особенныя требованія и спеціальныя обязанности, *равно цѣнныя въ очахъ Господнихъ*». «И бракъ и дѣвство суть благо» — вотъ общій приговоръ вообще древнихъ церковныхъ писателей» (стр. 9 брошюры).

Хорошо. Но если „равночестны“, „благо“, — то вѣдь и равно-авторитетны, равно-властны? Те-те-те... маменька проговорила похвалы «умнымъ дѣточкамъ», а теперь ихъ и за уши — вонъ. «Равно-честны», но отнюдь изъ этого не выходитъ, что — «равно-властны». Напротивъ, безъ-авторитетны, безъ-властны. Семья — сирота, безъ отца, безъ матери. А опека и власть надъ нею всецѣло и принадлежитъ „равночестному“ дѣвству. Но вѣдь „опека и власть“ — это, казалось бы, забота, омірщеніе, хлопоты, экономика, политика? Тогда какъ по первоначальному условію: «дѣвство — въ цѣляхъ всецѣлаго сосредоточенія мысли на Богъ», «дѣвство — не изъ презрѣнія къ супружеству, а только какъ обстановка молитвы». Спрашивается, отчего же мужъ и жена, пропитывающіе себя трудомъ, и во всякомъ случаѣ для молитвы и уединенія имѣющіе болѣе досуга, нежели сколько оставляетъ его, ну, хотя бы епархіальная опека надъ семьями цѣлой губерніи, — отчего эти мужъ и жена менѣе надъ собою властительны, нежели надъ ними епархіальный опекунъ, который своевременно воздержался вступить въ бракъ? Изъ простого этого вопроса и вытекаетъ, что именно „*γαμία*“, „внѣ-брачіе“, безъ всякой якобы связи ея съ возвышенными задачами, составляетъ *an und für sich* слѣдующій, высшій этажъ существованія; т. е. что бракъ, семья во всякомъ случаѣ живутъ въ низшемъ этажѣ, а, пожалуй, даже — и въ подвальномъ. Вотъ вамъ и „равно-честность“. Если „равно-честны“, то и „равно-правны“. А если «не равно-правны», то явно, что и не «равно-честны!» И разница «чести» измѣряется разницею «власти». Но если восемь дѣвственниковъ, безъ малѣйшаго участія семейныхъ людей, безъ малѣйшей даже догадки спросить у этихъ семейныхъ людей о ихъ состояніи, боли, мукахъ, — рѣшаютъ все и единовластно о семьѣ 140-милліоннаго народа: то очевидно, что „семья“ и „бракъ“ есть такая «парія», о какой даже въ Индіи не брезжилось! Разница власти — неизмѣрима! А слѣдовательно и въ „чести“ разница — неизмѣрима!

Какой только тутъ пестроты нѣтъ. Тутъ и анекдоты, и стихи Майкова, и брань на духовенство, и слова французскія, нѣмецкія, латинскія, греческія. Однимъ словомъ, всѣ признаки крайняго раздраженія, при которомъ никакая мысль, а тѣмъ болѣе философская богословская, правильно развиться не можетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ Розановъ болѣе и болѣе сердится. Главнымъ образомъ, гнѣвъ его правлень противъ лицъ духовнаго званія, отличающихся якобы профессиональнымъ жестокосердіемъ и намѣреннымъ непониманіемъ человѣческаго сердца и его скорбей. Нервно перебѣгая мыслью отъ одного представленія къ другому, В. В. Розановъ начинаетъ сопоставлять вещи, вовсе не подлежавшія, казалось бы, сравненію. Бро-

ширу г. Л. Писарева онъ сравниваетъ съ „Краснымъ Карбункуломъ“, извѣстной балладой Жуковского, заимствованной изъ Гебеля. Г. Л. Писарева онъ называетъ уже прямо Мефистофелемъ изъ Казани.

Послушаемъ еще Мефистофеля изъ Казани. «Всѣ поводы къ брачному расторженію, выставляемые защитниками развода, сводятся собственно къ *низменно-чувственнымъ* побужденіямъ. Говорятъ, что не сошлись ‘характерами! Но, когда заключается бракъ, солидарность характеровъ была же налицо?»..

Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась Мина за Вальтера выйти! Да... изъ любви, но къ нему ли? Нѣтъ, друзья, не къ нему; къ отцу, къ матери — имъ въ угожденье!

Мотивъ, изъ тысячи среди другихъ, не пришедшій въ лѣнливую голову Л. Писарева. А вѣдь «угожденіе родителямъ» — изъ числа «духовныхъ заповѣдей», — и посмотрите, какъ пухленькая рука пастора или ксендза треплетъ блѣдненькую щечку дѣвочки, когда она, подавляя въ себѣ *бѣса* гордости и похоти, ищетъ не по сердцу жениха, а безпротонно соглашается выйти замужъ за того, кто «батушкѣ съ матушкой» пришелся по вкусу. Мы приводимъ стихи столѣтней давности («Красный карбункулъ» — въ переводѣ Жуковского), чтобы показать, до какой степени разна мѣра любви къ человѣку: 1) у духовнаго судьи, ну, хоть у того же Л. Писарева, у коего, и ему подобныхъ, лежатъ въ фактическомъ завѣдываніи всѣ историческія судьбы семьи и брака, и 2) у обыкновеннаго человѣка, поэта, гражданина; дабы изъ сравненія читатель могъ безпристрастно увидѣть, какія великія обязанности для семьи содержатся въ мысли и тенденціи освободиться отъ аскетическихъ Шейлоковъ, и въ желаніи, чтобы судили впередъ о ней поэты и философы. Слушайте, слушайте — и слѣдите за разницей голосовъ: какъ *подробенъ* осмотръ обстоятельствъ поэтомъ, и какъ *проникновененъ*, *нѣженъ*, *человѣколюбивъ* его тонъ.

Далѣе, въ огромныхъ выдержкахъ приводится „Красный карбункулъ“, всѣ терзанія бѣдной страдалицы Мины отъ изверга-мужа Вальтера, его пьянство, картежничество и, наконецъ, убійство Мины.

И нужно же, нужно имѣть оловянное сердце, чтобы, просматрѣвъ такую картину, просматрѣвъ (читаютъ же газеты! знаютъ вѣдь исторію!) эту и тысячи подобныхъ картинъ, *въ самомъ дѣлѣ исполнившихся* произнести надъ ними судъ, содержащійся въ дальнѣйшихъ словахъ цитируемой брошюры г. Л. Писарева: «Сдѣлайте разводъ еще болѣе легкимъ, и такъ называемыхъ «несчастныхъ браковъ» будетъ еще больше. Уничтожьте разводъ совершенно и несчастныхъ браковъ не будетъ, — не будетъ потому, что къ несчастію браковъ и *стремиться будетъ безцѣльно* (выходить, что «стремятся къ несчастію»!!!). Для уничтоженія брачныхъ крушеній и драмъ нужна не легкость брачнаго развода, а воспитаніе самихъ людей въ сознаніи брачныхъ идеаловъ (а наследственные, не уничтожимые пороки мужей и женъ? а атавизмъ!

а *вырожденіе*?!), уничтоженіе той тлетворной среды, которая развѣдаетъ устои браковъ и *создаетъ* ихъ несчастія» («Бракъ и дѣвство», стр. 43).

Оловянное сердце! Оловянные сердца—я говорю обо всѣхъ этихъ пачкахъ жеваной бумаги, съ заголовкомъ: «Христіанскій бракъ»,—гдѣ такіе же beadушные люди все переписываютъ, изъ статьи въ статью, одну и ту же коротенькую, сухонькую, лѣнивую схему: «они одни виноваты! все — они, мужья, жены! вѣдь они живутъ и ссорятся, *мы-то* тутъ при чемъ же?! Мы — благословили, пожелали добра: мы *только* доброе сдѣлали, алого—*ничего* отъ насъ не исходитъ! Валяя себѣ благоую часть, жребій Маріи: съѣли у ногъ Иисусовыхъ и слушаемъ Его Одного. И если Марѳа, избравшая себѣ худшую долю, расквашиваетъ носъ, получаетъ синяки на лобъ, претыкается, падаетъ, и, наконецъ, какъ вы доносите—даже издыхаетъ: то при чемъ же тутъ *мы-то*, которые продолжаемъ сидѣть у ногъ Иисусовыхъ и слушаемъ по-прежнему сладкое слово Его. Избирала бы она эту же долю; бѣжала бы изъ моря житейскаго: и была бы цѣла, какъ мы: и казенная квартира, и дрова тоже казенные, и кой-какая лепта».

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: «Красный Карбункулъ» я читалъ въ началѣ моего учительства, лѣтъ 18 назадъ: и безъ труда вспомнилъ, когда подошелъ къ темъ. Т. е. 18 лѣтъ не изгладили изъ моего сердца картинку, заставившую его когда-то содрогнуться. Жуковского всѣ знаютъ; Жуковского всѣ читали. И г. Писаревъ, профессоръ — конечно, тоже! Отчего же *онъ* забылъ? Да какъ же ему помнить, когда сейчасъ послѣ «Карбункула» онъ перешелъ къ неизмѣримо серьезнѣйшимъ трудамъ: 1) о составленіи «Мѣсяцеслова православной церкви»—разъ; 2) историческія розысканія о происхожденіи «Кормчей книги»—два; 3) «Слово иже во святыхъ отца нашего (имя рекъ) въ пятидесятницу о поствѣ» — три; 4) о мудрости дѣвъ такого-то вѣка, и женъ великомученицъ вѣка слѣдующаго! «Красный карбункулъ»... что это? стишокъ, гыфу! Серьезному человѣку, какъ завтрашній профессоръ богословія, даже и читать-то такія вещи неприлично, не то чтобы ихъ помнить, запечатлѣвать на сердцѣ, и проч.

Забавная система доказательствъ. Не отрицаемъ, что очень образная, но неизвѣстно откуда и почему возникшая, если не сѣяться съ яростію прихотью большого философа—Розанова. Г. Розановъ напрасно тратитъ и гнѣвъ, и краснорѣчіе. Никто не оспариваетъ того, что браки бываютъ несчастными, и исторія Минны съ Вальтеромъ встрѣчается въ уголовныхъ лѣтописяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Встрѣчается, но желательно, чтобы не могла встрѣчаться. Какъ же этого достигнуть? Легкій и доступный разводъ — вотъ панацея В. В. Розанова. Но такъ ли это? Все несчастіе въ бракахъ происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что они слишкомъ легко и слишкомъ легкомысленно заключаются. Нерасторжимость брака хотя сколько-нибудь можетъ служить уздою къ необдуманному вступленію въ него, а сознаніе, что сегодня сошелся, а завтра разошелся, только разовьетъ неосмысленные, скороспѣлые союзы. И сейчасъ при нашемъ брачномъ законодательствѣ и даже при совершенной нерасторжимости католическаго брака, бываютъ счастливыя супруже-

ства. И при полной свободѣ заключать бракъ и разрывать его, даже при разрѣшеніи не только трехъ послѣдовательныхъ браковъ, а неограниченнаго ихъ количества, — нѣтъ никакой гарантіи, что второй, третій, десятый браки будутъ счастливѣе перваго. Можетъ оказаться, что сумма страданій, пережитыхъ, положимъ, женою отъ трехъ послѣдовательныхъ мужей, тяжеле страданій отъ перваго, къ характеру и ошибкамъ, порокамъ котораго жена успѣла уже привыкнуть, а за рядъ лѣтъ привыкла бы и совершенно.

Сторонники развода, толкуя объ агонистичномъ, личномъ счастьи супруговъ, всегда упускаютъ изъ виду судьбу не просившихся на свѣтъ дѣтей. В. В. Розановъ, ни къ селу, ни къ городу приводящій примѣръ злодѣйки-мачихи, не задается вопросомъ, каково будетъ дѣтямъ при живомъ отцѣ или живой матери имѣть отчима или мачиху. Вторые супруги вдовъ и вдовцовъ могутъ относиться съ уваженіемъ къ памяти своихъ предшественниковъ, родителей сиротъ. Вторые супруги разведенныхъ не отнесутся иначе, какъ съ ненавистью, къ тѣмъ, кого они замѣнили. Хорошее воспитательное вліяніе будетъ это имѣть на дѣтей, хорошіе изъ нихъ вырастутъ будущіе мужья и жены! Разумѣется, при легкости разрушенія браковъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній человѣчество перевоспитается на особый образецъ. Дѣти раздѣлять убѣжденія фонъ-визинскаго Иванушки въ „Бригадирѣ“ относительно того, что „щенокъ не обязанъ уважать пса, который далъ ему жизнь“, а подростки и руководимые лишь чувственными инстинктами, будутъ удовлетворять ихъ, когда и какъ захочется. Семья при этихъ новыхъ обстоятельствахъ перестанетъ существовать, но зато весь міръ обратится не то въ одинъ обширный домъ терпимости, не то въ капище Астарты.

Соображенія эти необходимо дополнить еще тѣмъ, что если дѣти останутся на рукахъ у того родителя, который въ новый бракъ вступать не пожелаетъ, то все же они вырастутъ въ презрѣніи, ненависти или, по меньшей мѣрѣ, недоумѣвающемъ чувствѣ, по адресу того родителя, который бросилъ родителя о нихъ пекущагося.

Все это должно было бы придти въ голову всякому, серьезно и спокойно взявшемуся обсуждать столь серьезный вопросъ, какъ вопросъ о бракѣ, но именно спокойствія-то у г. Розанова и не хватаетъ. Г-нъ Л. Писаревъ не безъ основанія замѣтилъ, что всѣ поводы къ брачному расторженію, выставляемые защитниками развода, сводятся собственно къ низменно-чувственнымъ побужденіямъ. Оно почти такъ и есть. Женится человѣкъ (реальный примѣръ изъ жизни), но женщина старше его возрастомъ. Прошло двѣнадцать лѣтъ, онъ еще не старъ, она уже готова записаться въ старухи. Онъ встрѣчаетъ

другую женщину, недостойную лобзать прахъ отъ ногъ первой. Она поддѣйствовала на его чувственность. Семья валится. Дѣти остаются на попеченіи несчастной матери, а мужъ распускаетъ хвостъ, какъ павлинь, и, ликуя своей способностью мѣнять любовницъ, ходитъ пѣтухомъ, совершившимъ великій подвигъ, — овладѣль курицей изъ сосѣдняго курятника. Какіе же это инстинкты, какія побужденія? Разумѣется, самыя низменные.

„Говорять, что не сошлись характерами“, пишетъ г. Л. Писаревъ. В. В. Розановъ, цитируя ненавистнаго ему „казанскаго Мефистофеля“, дѣлаетъ выноску:

Если и говорятъ иногда такъ, то лишь краткости ради: на самомъ дѣлѣ тутъ слѣдуетъ разумѣть глубокую дисгармонію всего духовно-физическаго организма супруговъ, которая и не могла открыться до брака, по отсутствію: 1) тѣлеснаго общенія—вообще; 2) ежедневнаго и едино-мѣстнаго духовнаго и бытового общенія. И нанимая квартиру—какъ иногда любишься хозяиномъ, его разумною рѣчью, его ласковымъ видомъ. Но лишь дѣйствительно ставъ на квартиру и до нѣкоторой степени попавъ къ нему въ зависимость (въ супружествѣ—полная обоюдная зависимость), вдругъ открываешь въ немъ жесткость, коварство, обманъ, притѣсненіе. И Шейлокъ, еще не получивъ векселя съ несчастнаго венеціанскаго купца, не былъ Шейлокомъ въ смыслѣ всемірнаго типа жесткости и безопасности. Далѣе: почему одна невѣста и одинъ женихъ не въ правѣ обмануться, ошибиться, когда ошибаются: 1) государи, выбирая министровъ; 2) вообще начальники, выбирая подчиненныхъ; 3) всѣ вообще люди, выбирая друзей; 4) «согрѣшившіе» аскеты, выбравшіе себѣ «подвигъ воздержанія»; и всѣмъ имъ дозволено поправиться, кромѣ несчастной пары влюбленныхъ нѣкогда молодыхъ людей? Да оттого именно, что всѣ они мнятся свободными, а мужъ и жена мнятся рабами: только удивительно — *чьими*? Но вотъ и еще соображеніе, можетъ быть самое важное: вѣдь женятся около двадцати лѣтъ и проводятъ въ супружествѣ — около 40 лѣтъ. Для всякаго не тупого человѣка очевидно, что за 40 лѣтъ жизни могутъ развиваться въ каждомъ изъ супруговъ пороки, какихъ даже въ зародышѣ не было ранѣе. Мотовство женъ начинается именно уже какъ женъ, и на почвѣ нѣкотораго охлажденія къ супругу и къ дѣтямъ; тогда же начинается картежная игра и пьянство мужей. Извѣстны случаи, когда мужъ принуждаетъ жену добывать средства къ жизни, флиртуя и даже отдаваясь постороннимъ: не могла же этого знать и предвидѣть дѣвушка-невѣста! Да лѣтъ около 30, 40, 50 въ мужъ, какъ равно и въ женѣ, могутъ появиться такія «судожества», что лишь будучи самъ преступникомъ — можешь оставаться съ нимъ въ одной квартирѣ, именоваться женою или мужемъ его: и законъ, принуждающій несчастнаго къ этому, творить беззаконіе, плодитъ и умножаетъ преступленія! И все это — *подсказываетъ* законодателю индифферентный семинаристъ! Вотъ ужъ, истинно, надъ обоими супругами повисла заповѣдь: «и введи его (супруга) во искушеніе». Мнѣ извѣстенъ, наконецъ, случай (извѣстенъ изъ разсказа отца), когда 19-лѣтняя дѣвушка-красавица, выйдя за блестящаго военнаго человѣка, хорошей фамиліи и хорошихъ средствъ (и сама была изъ чудной и зажиточной семьи),

уже имѣя отъ него ребенка—дѣвочку, стала сперва склоняться, а наконецъ слегка и принуждаться имъ къ содомскому отправленію съ нимъ супружескихъ обязанностей; и когда ничего въ этомъ не понимая, она, не желая раздражать мужа, вообще терять его привязанность, склонилась къ этому, хотя и со скорбью, онъ ввелъ въ семью товарища своего и сталъ принуждать молодую и все еще чрезвычайна изящную женщину къ таковымъ же отношеніямъ и съ нимъ. И только когда у нея стала открываться болѣзнь (параличь ногъ, однако позднѣе вылѣченный) — она разсказала все матери, мать — отцу, и отецъ поднялъ процессъ о разводѣ. Присяжный повѣренный, одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ, внесъ сердце свое въ дѣло и бесплатно взялся вести въ духовномъ и гражданскомъ судѣ процессъ: и бракъ былъ расторгнутъ, несмотря на отсутствіе формальныхъ причинъ; но, очевидно, только потому, что это были люди не совсѣмъ мелкіе. Теперь: черезъ духовный судъ прошли, конечно, не только это, но и сотни тождественныхъ съ этимъ дѣлъ, какъ и всѣ вообще жалобы на всѣ категоріи чловѣческой преступности, порочности, жестокости и наконецъ прямо звѣрства. Вся, повторяю, исторія прошла передъ «духовными очами» судей. Они, видите ли, представители «экскоммуникативной истины», не допускающей воалѣ себя никакой иной (арх. Антонинъ); они—представители «этическихъ максимумовъ» (Рцы); и вотъ, когда весь позоръ и ужасъ міра проведенъ былъ передъ ними «во мгновеніе ока», они въ отвѣтъ на это промямлили (ибо это не одинъ г. Л. Писаревъ говорить: онъ лишь повторилъ тысячу разъ сказанную пріказку): «всѣ, ищущіе развода, повинуются неизменно-эгоистическимъ чувственнымъ побужденіямъ. Говорятъ — не сошлись характерами! Но, когда заключался бракъ—солидарность характеровъ была же налицо!» Да, Шейлокъ, когда Антоніо подписывалъ тебѣ вексель, онъ думалъ, что ты—изъ рода Авраама, Исаака, Іакова, Давида, Соломона: и забылъ только, что ты также изъ рода Онана и Иуды.

Сравненіе брака съ наймомъ квартиры сдѣлано не къ мѣсту и ничего къ аргументаціи г. Розанова не прибавляетъ, но сравненіемъ этимъ легко воспользоваться для опроверженія г. Розанова.

Въ томъ-то и бѣда, что наниматель квартиры тщательнѣе и щепетильнѣе осматриваетъ свое будущее жилище, нежели женихи невѣсты и невѣсты жениховъ. Можно ошибиться и при наймѣ квартиры, но преодолагая занять ее хотя бы на годъ, взвѣшиваютъ всѣ ея удобства и неудобства и рѣшаются дать задатокъ, переглядѣвши иногда сотню помѣщеній. Въ бракъ вопросъ рѣшается проще. Жениху захотѣлось обладать дѣвушкой. Безъ брака нельзя. „Женюсь—тамъ видно будетъ“. Дѣвицѣ наскучило быть членомъ семьи родителей, хочется самостоятельности. Х, У или Z сватается. У него есть положеніе, средства. „Выйду замужъ—тамъ видно будетъ“. А видно бываетъ несчастіе. И затѣмъ трагическіе вопросы: „Ахъ, какъ же и отъ чего это случилось?“—Отъ того, что иначе случиться не могло и не должно было. Отъ того, что какъ ни облегчайте условія развода, а бракъ останется важнѣйшимъ шагомъ жизни, сдѣлавъ

который обязательно отвѣчать и за его послѣдствія. Этого-то г. Розановъ и не хочетъ знать. Ему надо разрушить бракъ и потому онъ ссылается и на государей, ошибающихся въ выборѣ министровъ, и на то, что супруги иногда портятся уже послѣ брака, черезъ десятки лѣтъ падаютъ въ нравственномъ отношеніи. Г. Розановъ копаются въ тайнахъ ужаснаго бракоразводнаго процесса и вопіеть, какъ будто такіе ужасы совершаются ежедневно и сразу прекращаются, какъ только взамѣнъ православнаго брака будутъ учреждены собачьи свадьбы.

Раздраженіе г. Розанова такъ велико, что онъ, въ желаніи сказать что-либо посрамлѣе, отыскиваетъ, кромѣ рода Давидова, еще родъ Онанъ и Иуды, хотя о потомствѣ Иуды Искаріотскаго намъ ничего неизвѣстно, а Онанъ (см. Быт. гл. XXXVIII) за то, и былъ убитъ Богомъ, что, прибѣгая къ гнуснымъ искусственнымъ средствамъ, избѣгалъ продолжать родъ.

IV.

В. И. Розановъ сѣлъ на своего конька и помчался на шабашъ распущенности мысли. Чего-то только не понанихано въ его новую статью. Сколько именъ, фактовъ, ссылокъ, указаній и все это безъ всякой внутренней связи, а такъ наипающее на его коренную неотвязчивую идею, какъ желѣзныя опилки налипаютъ на магнитную палочку. Онъ и сплетни о себѣ передаетъ. Есть у него корреспондентъ г. Н. Добровольскій, котораго онъ никогда не видалъ. Вотъ этотъ Добровольскій посѣтилъ въ Москвѣ покойнаго Михаила Сергѣевича Соловьева, брата извѣстнаго философа и сына извѣстнаго историка, поговорилъ съ нимъ и услышалъ отъ него, что „Розановъ—антихристъ“. Г-нъ Розановъ начинаетъ оправдываться и доказывать, что, быть можетъ, добро, имъ несомое въ міръ, и не отъ Евангелія, но что $\frac{7}{10}$ жизни, и литература и искусство не отъ Евангелія. И что „ни Деэдемоны, ни Меркуціо „отъ духа семинаріи“ не выведешь. Потомъ на сцену пошли Серафимъ Саровскій съ упрекомъ преподобному въ лужавствѣ и Кольберъ, канонъ Андрея Критскаго и физиократы. Читаешь, читаешь и задаешься мыслью: да въ умѣ ли авторъ? Да стоитъ ли о немъ говорить? Оно и не стоило бы, но г. Розановъ имѣетъ не мало читателей и почитателей, въ числѣ которыхъ есть и лица духовныя (напр. протоіерей Ус—нскій) и, слѣдовательно, молчать о писателѣ, хотя бы и обуянномъ *idée fixe*, нельзя, при такой его извѣстности и распространенности.

В. В. Розановъ нападаетъ на аскетизмъ и обвиняетъ, вдругъ, ни къ селу, ни къ городу римскихъ папъ (кажется, не особенно

большихъ аскетовъ) въ томъ, что не было никого гордѣ ихъ, властолюбивѣ, заносчивѣ.

И духъ этотъ, каковъ въ центрѣ — всюду и на периферіи, вездѣ: «придите и поклонитесь намъ». Папа — и Іовъ, «имѣвшій семь сыновъ и семь дочерей»: подумайте, сравните. Іаковъ, который до послѣдней прелести зналъ всѣ отгѣнки души и права и энергичной Рахили, и скромной Лии, и стыдливыхъ Валлы и Зелфы, — какъ онъ не похожъ на Григорія Гильдебрандта, введшаго для всего Запада celibatъ. Но вдумаясь же, почему въ *благости* такая разница у двѣтвенника и патриарха, столь обильно семейнаго? Зная до гортанныхъ звуковъ голоса, до шелеста платья, до привѣтливой встрѣчи ввечеру, при закатѣ солнца — четырехъ этихъ человѣкъ, а съ двѣнадцати сынами — шестнадцать, какъ могъ онъ глубоко и *плотную* постигнуть существо чело-вѣческое; и такъ какъ это — семья, *любимое* (не какъ у насъ), все «*нравящееся*» ему, — то онъ постигъ это съ доброй, ласковой стороны, со стороны ласкаемой имъ и ласкающей его. Бездны оптимизма! лазурный сводъ со звѣздами! Гильдебрандтъ же никого *плотную* не зналъ; какъ аскеты и вообще знаютъ «подчиненныхъ» или «равныхъ». Совсѣмъ другая сфера наблюденія, — холодная, или колючая: «уксусъ» и еще что-то. И я не порицаю Гильдебрандта, но сострадаю ему. Каково поле — таково и цвѣточекъ; какова пѣсчинка — такова и пустыня. Возлюбимъ индивидуумы — тогда возлюбимъ и чело-вѣчество! Но когда въ «чело-вѣчествѣ» есть только начальники и подчиненные, «уставъ» и «правила» (монастыря, службы духовной), какъ полюблю я чело-вѣка! Аскеты, *единого*, не любящіе («вплотную») — не любятъ и чело-вѣчества! Не вѣрю этому, подозреваю. Такимъ образомъ и я проповѣдую любовь къ чело-вѣчеству («Христовъ духъ», вѣдь *такъ?*), но захвативъ въ нее и родники любви (*avo amoris*, позволю для яркости выразиться) и располагая чело-вѣчество по такому плану, чтобы сама собою, безъ особеннаго моего проповѣданія, рождалась среди него любовь. Тогда какъ аскеты принесли любовь какую-то странную, ту-ую, не принимающуюся, проповѣдуемую, — но отъ того-то и проповѣдуемую бесплодно тысячу лѣтъ, что сами же они ампутировали природный и Богомъ установленный родникъ ея (Адаму «нравится» Ева, это первое его отъ нея впечатлѣніе, выразившееся въ знаменитомъ восклицаніи его), отдѣлили любовь отъ родника любви — проклявъ его. Въ кругѣ моей мысли исключена трагедія, остающаяся лишь въ формѣ естественнаго зла (смерть, болѣзнь; также недостатки воли, напр., недостатокъ въ чело-вѣкѣ любви, не вѣчная любовь); двѣдушка съ ребенкомъ — для меня даръ Божій, а вотъ измѣна — символъ и послѣдствіе грѣхопаденія; вообще грѣхопаденіе — всякая слабость чело-вѣка, безсиліе. Противъ этого-то исключенія трагедіи изъ концепціи моей (не изъ природы) и воистину аскеты, напр., «трагическій» (не безъ отгѣнка комизма) В. С. Соловьевъ, и еще болѣе совсѣмъ унылый (отъ неуспѣха церковно-приходскихъ школъ) С. А. Рачинскій, а по примѣру большихъ — и сонмы малыхъ: «это — не отъ духа *Христового*; духъ Христа — *печальный*». Но, не входя здѣсь въ разсужденія, замѣчу, не есть ли эта фраза Іоанна Крестителя («покайтесь») — «*проходящая*», которой смыслъ самъ собою прошелъ, когда пришелъ Христосъ, сказавшій Наанаилу: «истинно говорю вамъ — отнынѣ увидите ангеловъ, сходящихъ съ Небеси и восходящихъ на Небо?»

Нааванаилъ же былъ подѣ смоковницею, и такъ тщательно подѣ нею (для чего-то) укрылся, что, по удивленію его словамъ Христа: «Я видѣлъ тебя подѣ смоковницею»,—можно заключить, что никто изъ людей, а только Одинъ Богъ, могъ увидѣть его тамъ. И все человѣчество знаетъ эти «смоковницы» около себя: отчего не представить, что Богъ какъ ваялъ *отсюда именно* Нааванаила — беретъ отсюда же и избраннѣйшихъ своихъ исповѣдниковъ! Аскеты, такъ великіе религіознымъ духомъ (кто это оспоритъ для нѣкоторыхъ?), можетъ быть и сами не знаютъ подлиннаго родника его: смотрите, вѣтви «смоковницъ» ихъ опущены особенно низко, до полной непроницаемости; но бл. Іеронимъ говоритъ: «нигдѣ нѣтъ столькохъ соблазновъ, какъ въ пустынь: пока я жилъ въ Римѣ, между женщинъ, я не думалъ о нихъ; теперь я въ одиночествѣ: но какъ пылаетъ внутренней огонь!» Теперь, озирая все въ общемъ, я какъ бы подымаю вѣтви «смоковницъ» и говорю: «да тутъ и всегда были только Нааванаилы, люди добрые, простые: вотъ—Іовъ, тамъ—Авраамъ съ Сарою и Агарью, еще—Іаковъ со стадомъ, же нами, двѣнадцатью сынами, и далѣе—Давидъ съ Мелхолою, еще—Соломонъ съ Суламитой: все—люди, о безбрачїи не помышлявшіе. Они-то и были добрѣйшіе («плотнѣйшее» познание индивидуумовъ). Имъ и слѣдуетъ подражать, какъ исполнителямъ заповѣди, и не искать другихъ примѣровъ». Все это просто и не преступно: хоти «основное настроеніе»,—какъ справедливо замѣтилъ М. А. Новоселовъ, при этомъ радикально измѣняется. Но уже я не виноватъ, что В. С. Соловьевъ, М. А. Новоселовъ, С. А. Рачинскій и пр. такъ унывали, что даже и «искупленіе рода человѣческаго», и «богосыновство», и «богочеловѣчество», и даже «церковно-приходскія школы» ихъ развеселить не могли, не могли прояснить ихъ души. А „повравилась“ бы имъ дѣвушка—можетъ и не такъ сумрачны были бы; родился бы у Соловьева сыночекъ: со всѣмъ другое направленіе мысли! Во всякомъ случаѣ, никто меня не можетъ оспорить, что это *новая категория*, — и если подлинно она «не отъ Христа» (М. С. Соловьевъ, М. А. Новоселовъ) — то нельзя же ее *стереть*, она останется, крѣпко, цѣлко; и если (усиленное утвержденіе обоихъ Соловьевыхъ, и опять Новоселова) она—«противъ Христа»: то, существуя отъ начала міра и ранѣе пришествія на землю Христа, она могла бы очутиться въ такомъ странномъ отношеніи къ Христу лишь единственно при томъ предположеніи, что Христосъ самъ повернулся противъ нея (этой категорїи). Но прямо и въ упоръ ни М. А. Новоселовъ, ни В. С. и М. С. Соловьевы ни разу не сказали, не написали: «Христосъ былъ врагъ рожденія дѣтей». А разъ этого они не дерзнули написать, и „вся ихъ батарея не стрѣляетъ“, т. е. всѣ ихъ обвиненія меня въ яко бы «антихристіанскомъ духѣ»—какъ билетки отъ съѣденныхъ конфетъ: разнесло вѣтромъ.

И покойникамъ, которыхъ В. В. Розановъ считалъ за друзей, какъ напримѣръ, С. А. Рачинскаго, досталось, и посмотрите, съ какой бабьей злобой, какъ ядовитъ, кусателенъ попрекъ церковно-приходскими школами.

Въ упоминаніи о праотцѣ Іаковѣ и двухъ женахъ и двухъ наложницахъ г. Розановъ выставляетъ себя поклонникомъ многоженства, а черезъ двѣ страницы, занявшись статистикою о количествѣ муж-

чинъ и женщинъ на земномъ царѣ и найдя, что вторыхъ приходится 103 на 100 мужчинъ, говорить: „итакъ законъ моногаміи собственно навсегда и навѣчно утвержденъ самою натурою“.

Но приче́мъ же 4 жены Іакова и приче́мъ же разводъ? Если теперешняя общественная и семейная жизнь нарушаетъ законъ моногаміи измѣною супружеской вѣрности, то этого не исправишь смѣною женъ. Свобода любви проповѣдуется г. Розановымъ, но имъ же проповѣдуется и слѣдованіе закону природы. Интересно бы знать, когда холостяковъ совсѣмъ не будетъ, при достиженіи идеала, и когда изъ каждой сотни мужчинъ всѣ вступятъ въ бракъ и останется лишь ничтожный процентъ старыхъ дѣвъ, тогда нуженъ будетъ г. Розанову разводъ или нѣтъ? И если нуженъ, то для кого и для чего. Для этихъ трехъ процентовъ старыхъ дѣвъ или для свободной смѣны женами другъ съ другомъ?

Замѣчательно, что чѣмъ больше г. Розановъ идетъ по новымъ путямъ, тѣмъ озлобленнѣе противъ духовенства, церковности и всего, имѣющаго отношеніе къ церкви, онъ дѣлается. Даже церковно-приходскія школы вызываютъ особенное его негодованіе. Щадить онъ ничего не щадитъ, вплоть до Христа. Приглашаемъ перечитать конецъ приведенной только что цитаты и мысленно очистить его отъ диалектическихъ ухищреній—что останется. Останется: коли ученіе Христово согласно съ моимъ, Розанова, мнѣніемъ, то и прекрасно, а если нѣтъ, то я не забываю, что міръ жилъ и до пришествія Христа и потому обойдусь и безъ Христа.

В. В. Розановъ, желая утвердить въ сознаніи читателей еще болѣе несостоятельность современнаго брака, приводитъ отчетъ о судебномъ дѣлѣ, слушавшемся въ прошедшемъ 1903 году въ екатеринбургскомъ окружномъ судѣ. Дѣло шло объ истязаніи крестьяниномъ Ильею Мурзинымъ и матерью его Евгеніей Мурзиной жены Ильи—Сусанны, послѣдствіемъ чего былъ выкидышъ. Дѣло возмутительное, вопіющее по подробностямъ адскихъ, безчеловѣчныхъ пытокъ, которымъ подвергалась Сусанна. Судъ приговорилъ виновныхъ къ изображенному въ законѣ наказанію и г. Розановъ судомъ доволенъ, но не доволенъ духовенствомъ. Но приче́мъ же тутъ духовенство,—спросить всякій. А вотъ видите ли,—

„Уложеніе о наказаніяхъ“... Судится она по „статьямъ 1489, 1491 и 1492 улож. о наказ.“: но *почему* не по „статьямъ“ (а вѣдь ихъ много?) „Устава духовныхъ консисторій“,—разъ уже „бракъ есть таинство и судить о немъ не принадлежитъ свѣтской власти, слишкомъ грубой, земной и низменной“, а только духовной. А вотъ, видите ли: низменная—то власть, „земное“—то чело́вѣчество почувствовало это, какъ злодѣяніе, возмутилось и пожалѣло: да и не только пожалѣло платоническое, сердобольно, а и вступилось. Выѣхали судить дѣло какіе-то „чиновники въ мундирахъ“ и „аблакаты“, людъ все презрѣнный, не добро-

дѣтельный, не небесный: а гдѣ же „небесные человѣки“? Да рядомъ съ избываемой—постный супъ вѣдятъ и молокомъ не балуются. Тощая вермишель тянется въ желудкѣ, попахиваетъ грибоккомъ—и царство небесное обезпечено. Нѣтъ, я серьезно. По настоянію митрополита Филарета московскаго была выброшена изъ законодательства (въ 40-хъ годахъ) статья, установившая разводъ въ случаѣ покушенія одного изъ супруговъ *на жизнь другого*. «И бракъ сталъ совсѣмъ крѣпокъ, солиденъ и святъ». Нѣтъ, послушайте: въ приведенномъ случаѣ, который стали судить свѣтскіе судьи, вѣдь вовсе еще не содержится «покушенія на жизнь», и такіе-то «легонькіе» случаи, ну, простой тамъ грубости и невниманія мужа къ женѣ, можно сказать, и на минуту не заставили обезпочиться московскаго владыку и прервать его «воздѣяніе руку мою» и т. п. небесную поэзію, слушая которую, вся Россія (и мнѣ приходилось) въ сладкомъ трепетѣ замираетъ въ великій постъ. Альты-то какъ заливаются... И свѣчи, и лампы, и дымъ ладона. «Не знаемъ, гдѣ стояли, на небѣ или на землѣ», записали свое впечатлѣніе послы князя Владиміра отъ Цареградской службы. Но и тогда, около св. Софьи, какъ теперь около Успенія — всего въ нѣсколькихъ шагахъ (у насъ—въ Замоскворѣчьи) тѣ «бытовья» картинки процвѣтали, и все такъ же не смущали благочестія благочестивыхъ и умиленія умиленныхъ... пока не пришли какіе-то «аблакаты», которые «въ церковь не ходятъ, лба перекрестить не умѣютъ», и все же деревенскую бабу умѣютъ пожалѣть лучше «насъ». Право, поймешь котораго-то Генриха въ Англіи, воскликнушаго о назойливомъ Томѣ Бекетѣ: «кто избавитъ меня отъ этого монаха»; поймешь и нынѣшняго Комба во Франціи; и поступокъ съ монастырскими имуществами Екатерины II. Изъ *собственной* исторіи ихъ не поймешь: кажется—«хищеніе», «насиліе» и «безбожіе», какой-то хаосъ, что-то чудовищное. Но изъ исторіи замученной этой бабы и того, *кто* ее судить и *кто* о ней отказался судить, какъ о дѣлѣ «легальномъ» и ничего особеннаго не представляющемъ (по Л. Писареву: «не сошлись характерами и баба ищетъ новаго прелюбодѣянія»),—можно понять.

Читатель съ впечатлительнымъ сердцемъ вскопчтъ: «Да неужели же на подобные случаи, которые черезъ исповѣдь, въ слезахъ, картинно были переданы духовныхъ отцамъ—переданы во всѣхъ городахъ, столицахъ, уѣздахъ, селахъ, и передавались неустанно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исповѣдь и установленъ бракъ, — неужели на эти рѣвки слезъ и горя ничѣмъ они не реагировали? Никакимъ, не то чтобы закономъ, судомъ, статьей въ *Уставѣ духовныхъ консисторій* — но по крайней мѣрѣ платонически, краснорѣчиво, черезъ угрозу въ проповѣди жестокихъ мужьямъ, черезъ утѣшеніе въ проповѣди же замученнымъ и оскорбленнымъ?» Представьте—ничего. Ни звука. Откройте всѣ «творенія», многотомныя, протяженныя: они все тянутъ ту же вермишель, проталкивая ее въ катаральный желудокъ — и вотъ вамъ «царство небесное на землѣ» готово. Нѣтъ, серьезно: слыхаль ли когда-нибудь кто-нибудь, чтобы противъ жестокихъ мужей поднялись громы, какъ противъ Дарвина и «матеріалистовъ», да противъ тѣхъ же «адвокатовъ и безбожниковъ», читающихъ Дарвина, а не «наши томы». Ни звука.

Какой тонъ! Какое нахальство! Какое издѣвательство надъ постничествомъ и подвижничествомъ. Невольно рождается, иногда, читая г. Розанова, предположеніе, что главная его цѣль не та, которую

онъ выставляетъ напоказъ въ своихъ статьяхъ, какъ въ данномъ случаѣ вопросъ о несовершенствахъ современнаго брака и объ излеченіи его облегченнымъ разводомъ, а иная, скрытая цѣль поруганія всего, что соприкасается съ православіемъ и православными пастырями, пока нельзя начать категорическаго похода противъ православія.

Г-на Розанова все наводитъ на размышленіе. Г-нъ Басаргинъ назвалъ Розанова, Мерещковскаго и всю „компанію“—филосоями.

«Филозои»,—поясняетъ онъ,—«любители жизни». Вотъ это-то, любовь къ жизни—и есть метафизическая точка поворота отъ міровоззрѣнія истиннаго къ міровоззрѣнію *нашему*. Не безпокойтесь: они не только бы простили намъ полное равнодушіе къ религіи, къ христіанству, даже отреченіе отъ Лика Христова (вѣдь не *мучительно* же они *возстанутъ*, ну, хоть на Карла Фохта, Бокля, Бюхнера); все бы простили, полный выходъ не только изъ христіанства, но изъ всего круга всемірной религіозности, какъ простили это или равнодушно отнеслись къ этому во всемъ нашемъ образованномъ обществѣ; но вотъ этого «философства», этого *прилѣпленія* къ міру, *уваженія* къ міру—они не простятъ никогда! ни за что!! Собираю я мелочные факты и размышляю давно: гола два назадъ въ какомъ-то «прибавленіи» къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», взятымъ на ходу у швейцара, прочелъ я въ «мелкихъ извѣстіяхъ» на 4-й страницѣ слѣдующій фактъ: въ Алжирѣ (или Тунисѣ) служилъ какой-то богатый французъ и свелъ дружбу съ мелкимъ туземнымъ князькомъ. Жилъ тамъ долго, а князька очень полюбилъ. И сталъ ему князекъ сообщать правила ихъ вѣры, всю премудрость и, можетъ быть, намъ не извѣстную поэзію мусульманства. Мелкій шрифтъ—коротокъ, и я передамъ только схему: кончилось тѣмъ, что французъ по существу ли, или по формѣ—перешелъ въ мусульманство. Во Франціи и въ Парижѣ вѣдь давно всякой вѣры нѣтъ; тамъ—франкмасонство, «культъ Изиды», «черная месса», вообще мало ли что. Конечно, за переходъ въ мусульманство никто не думалъ его преслѣдовать. Просто — не интересно было, и никто вопросомъ о религіи его не интересовался. Но, послѣдуя князьку (мнѣ даже не ловко писать—но фактъ достоинъ философскаго размышленія), онъ послѣдовательно женился на одной ли, на двухъ ли туземкахъ. Связи его съ Парижемъ и Франціей не были разорваны, и разъ въ нѣсколько лѣтъ онъ посѣщалъ, на нѣсколько недѣль, свою родину. Понравилась ему очень французенка-дѣвушка, образованная и изъ общества. Онъ дѣлаетъ ей предложеніе, но и объясняетъ о себѣ все, т. е. что у него уже три жены. Та ужаснулась. Онъ ей также нравился, но все его положеніе ей представилось до того чудовищнымъ, что она не могла постигнуть его сути; а изъ разсужденій и оправданій его ничего не разумѣла. Во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ сдѣлать шагъ, она захотѣла увидѣть его жизнь на мѣстѣ, какъ это «обходится», каковъ бытъ и психика. Поѣхала, долго жила, не соединяя съ его судьбою — своей; но, наконецъ, все вывѣривъ, можетъ быть, войдя въ новую духовную обстановку—согласилась и вышла за него замужъ. Доселѣ—фактъ: но вотъ начинается интересное. Черезъ нѣсколько лѣтъ со всею своей, уже чрезвычайно обширной семьей, онъ пріѣхалъ въ Парижъ: его никто не принялъ! ни друзья, ни родные! Всѣ спортсмены, любители конскихъ бѣговъ, имѣющіе по 3—4 содержанки, всѣ, наконецъ, постоянные посѣтители домовъ терпимости, соб-

лазняющіе и кидаящіе и кидаящіе съ ребенкомъ дѣвушекъ, полные атеисты и не христіане—не сочи возможнымъ просто «узнать его на улицѣ», поклониться. Франція для него умерла. Онъ умеръ для Франціи. Разсказъ меня до того поразили, что я тогда же пришелъ къ догадкѣ: «тутъ—метафизика, метафизическая точка—всего (историческаго) христіанства». Дѣло вовсе не въ атеизмѣ—онъ прощается; не въ развратѣ—и онъ прощается; не въ лицѣ Христа даже—и Его полное забвеніе прощается же. Все — прощено, ко всему — равнодушны. «Онъ другъ нашъ, онъ—пріятель нашъ, хоть и невѣрующій, хоть *bon vivant*». Вольтеръ, англійскіе деятели, Штрауссъ,—нисколько, ни малѣйше не вышли изъ христіанскаго общества, суть—его живыя фракціи, его филиалыя отдѣленія, развѣтвленія. Но (перехожу къ другому, подтверждающему примѣру) напр. мормоны—исключены изъ парламента Соединенныхъ Штатовъ, и очевидно *не за религію* (ибо атеисты могутъ въ немъ состоять), но за *бытъ*, аналогичный тунисскому обитателю. Исключены—и почти преслѣдуются на улицахъ, почти побиваются камнями. Вотъ это-то и наблюдайте, это-то и любопытно, тутъ-то и философія. Вольтеръ съ триумфомъ вѣхалъ въ Парижъ, осмѣявъ все католичество. Значитъ, не въ католичествѣ дѣло, не въ церковномъ строѣ. Можно быть внѣ церкви, а изъ «христіанскаго общества», съ пожатіемъ рукъ и пріятнымъ *bon vivant*’ствомъ — не выходить. Наблюдайте эти абсолютныя расхожденія, абсолютную ненависть, какъ у *civis romanus*—къ *segetis*, какъ у эллина—къ *βαρβάρου*, какъ у «крещеннаго» — къ «обрѣзанному»: и вы тутъ только и откроете зерно расхожденія цѣлыхъ культуръ, цивилизацій. Вѣдь что сдѣлалъ тунисецъ или мормонъ: да всю жизнь онъ знаетъ только 4-хъ женщинъ, т. е. разъ въ семь меньше даже «плохонькаго», дохленькаго француза. Въ сторону скромности, умѣренности—у него рѣшительный *плюсъ* (это-то невѣста-дѣвушка вѣрно и высмотрѣла). Не въ скромности дѣло. Въ чемъ же? Возьмемъ не любимую жену, Мину изъ «Краснаго Карбункула»: смерть, окончившая годы истязаній. Да, но и съ этимъ фактомъ рѣшительно не «перестаетъ подавать руку» европейское общество. Наконецъ, измѣна женъ: возьмемъ Стиву Облонскаго (изъ «Анны Карениной»). Да онъ — что новая станція, то вновь и измѣняетъ прелестной своей Долли: такъ за это его не только общество не судитъ, но даже и старый добрый камердинеръ «осерчалъ на барыню», что та вадумала обидѣться. Въ чемъ же дѣло? И особенно, въ *чемъ* оно, когда въ нами читаемой Св. Библии случай съ Іаковсмъ, жившимъ одновременно съ Рахилью, Діей, Валлою и Зелфой, даетъ картину точь-въ-точь повторенную тунисцемъ и мормонами?

Отдѣлимся хоть на минуту отъ философскихъ бредней г. Розанова и посмотримъ на вопросъ по-житейски. Если примѣръ многоженства тунисца не составляетъ измышленія досужаго репортера, го, въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать отъ общества спокойнаго отношенія къ такой странности и привѣта ей. Вновь вытребованный на сцену Іаковъ равно ничего не доказываетъ. То было одно время, а теперь другое и, право, на какія размышленія ни наводи г. Розанова заимствованныя „на ходу“ у швейцара „Бирж. Вѣд.“, сему мыслителю подобными примѣрами передѣлать сложившагося

вѣками никакъ не удастся. Самъ же онъ, приводить мормоновъ, какъ примѣръ. Ужь на что свободолюбивая страна — республика Соединенныхъ Штатовъ, а и она возмущается противъ этихъ сектантовъ-многоженцевъ.

В. В. Розановъ, заявившій себя сторонникомъ моногаміи, видимо можетъ допускать полигамію лишь какъ неизбежное зло, лучшее чѣмъ проституція и всяческій развратъ. Если авторъ нашъ хочетъ быть логичнымъ, то онъ обязанъ держаться чего-либо одного: или многоженства, или единоженства. Въ такомъ случаѣ и послѣ твердаго заявленія о моногаміи нечего говорить съ порнографическимъ захлебываніемъ объ утѣхахъ многоженца.

Побранивъ еще на нѣсколькихъ страницахъ своихъ противниковъ, г. Розановъ ставитъ вопросъ ребромъ. Онъ спрашиваетъ:

Хотите ли, однако, видѣть, точный планъ, точное расположение брака, т. е. жизни пола, въ странахъ христіанскихъ? Вотъ оно, — какъ это *предначертано въ законахъ* и какъ точно *опредѣлено въ судебной практикѣ*, которая, конечно, одна единственно показываетъ въ одномъ мѣствъ—*присутствіе* закона, въ другомъ—*отсутствіе* закона:

Холостой

можетъ соблазнять дѣвицъ, рано замужнихъ, пользуясь ими минутно, или живя длительно; имѣя дѣтей или не имѣя: онъ—*чистъ* ¹⁾.

Дѣвица

чиста же, пока безъ ребенка, т. е. пока *vierge* или *demi-vierge*. Но какъ только у нея ребенокъ—судьба ея кончена и она выходитъ изъ ряда живыхъ. Она перестаетъ входить въ счетъ и какое-нибудь предсудобрѣніе, разсужденіе. Поэтому если *vierge* или *demi-vierge* нечаянно забеременѣетъ, она должна прибѣгнуть къ вытравленію плода или убійству рожденнаго.

¹⁾ Въ «Уставѣ духовныхъ консисторій» это выражено отвлеченно, безъ указанія и наименованія позволенію, но когда дѣло доходитъ до суда—то на судѣ ссылаются именно на слѣдующую статью названнаго «Устава»: «Всякаго рода обѣщанія жениться, какъ равно и всякія письменныя обѣщанія—не дѣйствительны». Имѣя уже большую семью отъ холостого челоуѣка, или соблазненная имъ, дѣвушка обращается въ этотъ судъ, говоритъ объ его обѣщаніяхъ современемъ на ней жениться, или жениться даже *вскорѣ* послѣ «паденія». Тогда ей и указываютъ на статью, запрещающую принимать къ какому-либо обсужденію всякія устныя, письменныя и вообще косвенныя доказательства какъ связи до-вѣнчальной, такъ и обѣщанія жениться. Между тѣмъ достаточно было бы измѣнить эту статью на обратную и холостяки, *какъ огня*, боялись бы соблазненія. Вотъ проектъ этой обратной статьи: «Основнымъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ служитъ до-брачная связь жениха съ лицомъ женскаго пола, плодомъ коей было появленіе ребенка, и которое удостоуѣряется: 1) сознаніемъ виновнаго или 2) показаніемъ, съ подробностями, родственниковъ, сосѣдей и вообще очевидцевъ связи. Нужно замѣтить: въ Ветхомъ Завѣтѣ это и служитъ (если бы перенести дѣло въ сферу моногаміи) «основнымъ и самымъ упорнымъ препятствіемъ къ браку». Изъ Ветхаго Завѣта статья эта перенесена даже

Мужъ

обязанъ давать пропитаніе повѣнчанной съ нимъ vierge или demi-vierge и въ все femme съ устраненными «послѣдствіями»; какъ равно приплоду отъ нея, родится ли онъ отъ него одного, отъ него въ смѣси съ любовниками, или отъ любовниковъ безъ него ¹⁾, — въ случаѣ, если повѣнчанная madame сочетается съ перваго же момента похвѣть къ нему въ домъ и поѣдетъ прямо на квартиру къ любовнику. Взаимно онъ сохраняетъ полную холостую свободу брать въ любовницы двѣицъ или замужнихъ.

Жена

vierge, demi-vierge или сокрытая femme впервые получаетъ свободу имѣть дѣтей: отъ мужа или не мужа, одного или многихъ; или вовсе начать протитуировать ²⁾. Во все это время для себя и дѣтей она получаетъ вынужденное содержаніе отъ нареченнаго мужа, какъ можетъ равно растрачивать всячески его состояніе и растрачивать всячески его жизнь (быть, намѣренія).

въ «Апостольскія правила». При возведеніи въ санъ каждый епископъ *дастъ присягу* не отступать ни въ чемъ, между прочимъ, отъ основной канонической книги, *Апостольскихъ правилъ*, и такимъ образомъ каждая дѣвушка имѣя отъ вѣн-брачнаго сожителства ребенка, въ полномъ правѣ обратиться къ епархіальному архіерею съ требованіемъ не вѣнчать отца ея ребенка ни съ кѣмъ, номимо ея. Но, увы, *Уставъ духовныхъ консисторій* и все вообще каноническое право отступили отъ этого полезнѣйшаго и необходимѣйшаго для народной нравственности правила. Въ какихъ *мотивахъ* отступили?—«Тогда сожитіе уже почти уравнивалось бы браку, было бы бракомъ in potentia, и черезъ это понижалась бы исключительная и единственная цѣнность совершаемаго при нашемъ участіи заключенія брака».—Такимъ образомъ *историческія* соловія требовалъ, чтобы передъ нимъ отступило на второй планъ *санктіе* дѣвушекъ, равно дѣтей, да и спасеніе нравственности холостыхъ— (Примѣч. В. В. Розанова).

¹⁾ Это выражено опять сколько и почти молча (отъ стыда явно написать): «по неизслѣдимости тайны зарожденія, всегда происходящаго токрыто, предполагается, что отецъ ребенка замуженной женщины всегда есть ея мужъ». Въ этой сколькой формуль, которая такъ правдоподобна, что при чтеніи ничѣмъ не возбуждаетъ къ себѣ вниманія и не вызывааетъ протеста (читателя), содержится юридическая индальгенція для безпутства женъ, «carte blanche» имъ жить съ любовниками при мужѣ, и даже отдѣльно отъ мужа. Покойный А. П. Коломнинъ, извѣстный петербургскій юристъ, сообщилъ мнѣ, когда я началъ объ этомъ писать въ «Нов. Вр.»: Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, что женщина, съ которою мужъ требовалъ черезъ судъ развода, говорила: «Да, этотъ ребенокъ мною рожденъ не отъ мужа, но вы, гг. судьи, не имѣете права включить это въ дѣлопроизводство и взять въ какое-нибудь основаніе для удовлетворенія просьбы моего мужа». И судьи, какъ парализованные, остались безгласны: на ея сторону былъ законъ, который она твердо знала. Законъ этотъ и всѣмъ женщинамъ извѣстенъ и всѣ онѣ знаютъ, что онъ дозволяетъ имъ сожитіе съ не-мужьями. Между тѣмъ достаточно было написать брачный законъ: «Ребенокъ записывается въ метрику на имя лицъ или лица, письменнo признающихъ или признающаго его рожденіе отъ себя». И развратъ женъ былъ бы оставленъ. (Прим. В. В. Розанова).

²⁾ Одинъ священникъ, принесшій въ ред. «Нов. Вр.» полемическую статью противъ меня (она была напечатана въ «Россіи» за неполной подписью, которую я могу отыскать), разговорившись со мною «по душамъ», передать мнѣ фактъ: брать у него—священникъ въ сѣль. Жена

Сохраняя оба одинаковое право на любовниковъ и любовницъ, мужъ, однако, во всѣхъ случаяхъ платится кошелькомъ, чѣмъ жена вовсе не платится; поэтому мужъ, въ обезпеченіе будущихъ тратъ, „вольныхъ и невольныхъ“, беретъ предварительно съ *demi-vierge* кушъ (=приданое): «беру—чтобы дать», или «чтобы дать—нужно взять». Приданое есть просто выравниваніе положеній, всѣ условія котораго къ невыгодѣ одной стороны и выгодѣ другой.

Будучи богатѣйшимъ приобрѣтеніемъ для м-ше дѣвицы, вѣнчаніе ею ищется всѣми средствами: кокетство, доходящее до *demi-vierge*, трата родительскихъ средствъ—все идетъ не въ счетъ, чтобы спихнуться съ родительскихъ хлѣбовъ на мужнины, какъ равно и открыть себя «полную свободу поведенія». Отъ рожденія и до замужества женщина переваливается съ рукъ на руки, имѣя одинъ интересъ, да и одну настоящую *защиту*—быть «обворожительной»¹⁾.

Нѣтъ положенія несчастіе стараго дѣвства.

Нѣтъ положенія счастливіе стараго холостяка.

Нѣтъ положенія счастливіе, какъ въ замужествѣ.

Нѣтъ положенія несчастіе, какъ женатаго.

Но мужчина «предлагаетъ»: исчезновеніе—предложеній.

Дѣвица ожидаетъ—обманувшіяся ожиданія.

была дурной нравственности и, опускаясь ниже и ниже, «пошла по улицѣ». «И вотъ (поразительно было слушать), когда слухъ объ этомъ дошелъ до губернскаго города и консисторіи, то онъ былъ туда вызванъ и ему келейно было внушено, чтобы онъ взялъ къ себѣ въ домъ жену, ибо начался говоръ въ народѣ». «И братъ мой принужденъ былъ взять». Совѣтую канонистамъ поразсуждать объ этомъ. Другой случай—изъ города, въ которомъ я долго жилъ. Подъ-киторъ церковный имѣлъ скромную дочь, учившуюся въ гимназіи. Она кончила курсъ: и все время была тихою ученицею. Подъ-киторъ — не важное лицо, и отецъ ея былъ бѣденъ. Посватался за нее отличный ветеринарный врачъ, имѣвшій своихъ лошадей,—и всѣ завидовали ея счастью. Она была хороша собой. Однако не прожила она съ нимъ и двухъ лѣтъ, какъ ушла къ другому; съ нимъ жила долѣе. Но страдала ли она нимфоманіей, или было другое что—она оставила и его и, живя самоостоятельно на квартирѣ (здѣсь я не могу назвать конкретную форму образа ея поведенія, чрезвычайно циничнаго), стала проституткой. Разумѣется, ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ мужа не могли получить въ духовномъ судѣ развода. Между тѣмъ достаточно было бы въ гражданскій и духовный кодексъ включить статью: «жена, болѣе трехъ сутокъ проводшая внѣ дома мужа, если она провела ихъ противъ его воли и если она не можетъ доказать жестокаго его съ нею обращенія, получаетъ разводъ съ воспрещеніемъ послѣдующаго брака». И опять подобное поведеніе женъ было бы кончено. Но, опять, гдѣ *мотивъ* невключенія такого закона, хотя сколько-нибудь охраняющаго чистоту дома? Какъ же: М. А. Новоселову, обругавшему «свинцовые инстинкты людей», тѣмъ усиленіе надо провести и *заставить повѣрить*, что постъ благотатной помощи, давшей силу распять ветхаго чловѣка и родиться новому, по образу и преподобію истины, жизнь (супруговъ уже сдѣлалась благообразною». Все дѣло въ качаніи вѣсовъ: или спастъ *мужей*, *женъ*, или—спасать «нашъ авторитетъ». И какъ сила бы у авторитета, то чапа мужей и женъ и опустила долу, въ анд (Прим. В. В. Розанова).

¹⁾ Если бы бракъ сталъ совершенно частнымъ и личнымъ инст тутомъ, т. е. его предворяли бы только частныя и семейныя услов, вовсе безъ вмѣшательства государства и лишь при благословеніи священника, добровольно позваннаго (частный зовъ въ семью, безъ офц

Насколько черезъ бракъ (=вѣнчаніе) каждая единичная дѣвица больше выигрываетъ (выше «кушъ» преимуществъ), настолько въ суммѣ своей всѣ дѣвицы данной страны проигрываютъ (уменьшеніе браковъ). Тиражъ имѣетъ тенденцію разыграться: въ одинъ билетъ 200,000 руб. выигрыша и 199,999 пустыхъ билетовъ.

Въ итогѣ:

1) Чудовищное развитіе холостого быта и стараго дѣвчества. Ихъ суррогаты: загородные сады, притоны, шансонетка—для мужчинъ; безумная роскошь женщинъ, въ дѣвчествѣ и замужествѣ, молодыхъ и до старости. 2) Всеобщее неуваженіе къ браку, растущее съ каждымъ днемъ; болѣзни, слабосиліе, потеря умственныхъ способностей—въ націи; упадокъ вообще талантности и энергіи, твердости характера и мужества въ начинаніяхъ. Порча крови и вырожденіе рода.

Всѣ закричать, что это—„не такъ“!

И понятно, что закричать, что это „не такъ“. И не могутъ не закричать всѣ тѣ, у кого умъ не зашелъ еще за разумъ и кто еще твердой памяти не утратилъ.

В. В. Розановъ подчасъ кажется безумнымъ, а подчасъ приходитъ въ голову, — не притворное ли это безуміе, помогающее подъ покровомъ чудачества низвергать устои общественные. На первыхъ шагахъ своей литературной дѣятельности В. В. Розановъ выказалъ себя человѣкомъ крайне консервативныхъ убѣжденій. Потомъ съ нимъ очевидно произошли эволюціи, которыми столь усердно хвалился г. Амфитеатровъ на страницахъ, недоброй памяти, „Россіи“.

циальнаго предписанія), то, очевидно, обѣ стороны, женихъ и невѣста, обоюдно выговорили бы себѣ права и обязанности. Любовь—но за любовь; домовитость—но за домовитость; бережливость—но не при твоёмъ мотовствѣ; и проч. Тогда, разъ не соблюдены условія, бракъ расторгался бы, безъ всякаго вмѣшательства высшей инстанціи, какъ всякій частный договоръ. Что, при такомъ положеніи, должна бы культивировать въ себѣ дѣвица? *Солідныя качества*. Теперь все бьетъ на вывѣску: «завать покупателя». Окна магазина устарѣлы драгоценными товарами. А на полкахъ—гниль, а зади—гниль. Для дѣвицы, разъ все значеніе брака совмѣстилось въ *точкѣ вѣнчанія*, весь вопросъ и заключается въ томъ, чтобы довести молодого человѣка *до него*; иными словами—ей надо нравиться *невѣстою*, а женою можно вовсе и не нравиться (всѣ права уже получены). Дѣвушки, конечно, какъ и все челоѣчество—народъ средній; но этотъ ужасный взглядъ на бракъ (все—въ одной точкѣ, послѣ обряда—все кончено) не только испугалъ юношей передъ бракомъ («можно жениться только въ зрѣломъ возрастѣ, *перебьсившись*: тогда холоднымъ умомъ все взвѣсишь, рассчитаешь и не *ошибешися*»), не только во множествѣ оставилъ дѣвушекъ въ вѣчномъ дѣвчествѣ,—но и вообще всю массу дѣвиць бросилъ къ неслызному духовному растлѣнію, заставивъ все поставить на карту, чтобы понравиться, «увлечь», «закружить голову», не имѣя и не заботясь ни о какихъ серьезныхъ сторонахъ души. Если все же есть много достойныхъ дѣвушекъ, то ихъ спасаютъ только «свинцовые инстинкты». Жаль мужа, жаль любимаго челоѣка, не хочу обманывать». Но это—ребованіе природы, противодействующей закону, который, какъ выше показано, только даетъ толчокъ къ разврату. И вѣдь сколько чудныхъ-то дѣвушекъ и остается внѣ брака; преуспѣваютъ же «обворожительныя»; ли еще преуспѣваетъ тонкая поддѣлка подъ „солідныя добродѣтели“. (Прим. В. В. Розанова).

Коварство г. Розанова очевидно. Онъ для проведенія своихъ идей и замысловъ беретъ и описываетъ такія житейскія условія, которыя на взглядъ каждаго ненормальны и прискорбны. Отъ этихъ условій болитъ сердце у всякаго и относительно ихъ никакого спора быть не можетъ. Они не должны были бы существовать, но существуютъ. Борются съ ними обязательно для всякаго, считающаго самоусовершенствованіе жизненнымъ подвигомъ, но тѣ или инныя формы брака не могутъ въ этихъ вѣковыхъ условіяхъ ничего измѣнить. А г. Розановъ ставитъ вопросъ такъ, какъ будто въ бракѣ и разводѣ все дѣло и какъ будто вся пошѣха къ исправленію общественной нравственности лежитъ именно въ томъ, что бракъ есть церковное таинство. Г. Розановъ въ одномъ изъ примѣчаній, выше приведенныхъ, прямо наставляетъ на обращеніи брака въ частный и личный институтъ. При заключеніи такого брака онъ допускаетъ „благословеніе“ (не совершеніе таинства, а лишь благословеніе) священника, но добровольно позваннаго. Значитъ, можно и не звать его? Значитъ, бракъ есть только договоръ между двумя лицами, а не таинство? Значитъ присутствіе тутъ священника такая же, принятая въ обществѣ, но не обязательная принадлежность? Все равно, какъ бѣлое платье невѣсты, фракъ или мундиръ жениха, бокаль шампанскаго при поздравленіи. Можно и въ домашнемъ платьѣ вѣнчаться, можно поздравить и безъ вина, просто на словахъ.

Богомольные люди не начинаютъ безъ молитвы никакого дѣла: при переселеніи въ новое жильё, передъ путешествіемъ, поступленіемъ дѣтей въ учебныя заведенія приглашаютъ священника и служатъ молебень. Это молитвословіе, но не таинство. Многіе при объявленіи молодой пары женихомъ и невѣстою служатъ тоже молебень о ихъ здравіи, священникъ благословляетъ будущую супружескую чету и окропляетъ ее святой водой, но это еще не значитъ, что онъ соединилъ ихъ брачными узами. По мнѣнію В. В. Розанова, этого вполне достаточно.

Но зачѣмъ же звать священника? Онъ, вѣдь, изъ числа тѣхъ, которыхъ на столькихъ страницахъ и столь жестоко и непристойно поносилъ г. Розановъ. На что г. Розанову священникъ понадобился. Г. Розановъ увѣряетъ, что имъ владѣть какой-то особый мистицизмъ, когда онъ касается брачнаго вопроса. Полагаемъ, что мистицизмъ этотъ невысокаго свойства и не идетъ далѣе культа Приаго.

Въ сущности, г. Розановъ, порвавшій такъ оскорбительно и носителю съ православіемъ, приложившійся столь усердно къ жидоству, желалъ бы вовсе не того, о чемъ онъ пишетъ. Онъ хотѣлъ бы чтобы браки совершались, какъ у евреевъ, и такъ же легко расторгались. У евреевъ не только раввинъ, а всякій правовѣрный можетъ соединить брачующихся, разводъ у нихъ простъ.

„Вотъ бы и намъ такъ, --- думаетъ г. Розановъ, давно уже совращающій своихъ читателей въ жидовство,—да если бы еще для желающихъ многоженство допустить“,—подшептываетъ онъ.

По счастью милостивъ Богъ. Г. Розановъ можетъ свернословить сколько угодно, но православные люди еще ни вѣры, ни разсудка, ни доброй нравственности не лишились, той доброй нравственности, которую г. Розановъ считаетъ за развратъ, мечтая замѣнить ее истиннымъ развратомъ.

Н. Я. Стародумъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Памяти В. К. Плеве.—Распространеніе нашего денежнаго обращенія на Финляндію.—Наши японофилы.—Крейсерская война съ Японіей.—Александровскій комитетъ о раненыхъ.—Наши пенсіи раненымъ.— Пенсіи раненымъ въ западно-европейскихъ государствахъ.— Пенсіи семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ у насъ и въ другихъ государствахъ.—Попеченіе о дѣтяхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ.— О пенсіяхъ раненымъ нижнимъ чинамъ.— Пенсіи семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ нижнихъ чиновъ.— Заключение о пенсіяхъ и пенсіонныхъ капиталахъ.

Убійство 15 іюля 1904 года министра внутреннихъ дѣлъ, шефа жандармовъ и статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. К. Плеве — это цѣлый государственный переворотъ въ нашей жизни, нашей дѣятельности и нашемъ положеніи.

Покойный В. К. въ теченіе своей тридцатисемилѣтней службы не былъ человѣкомъ случая, которому бабушка ворожила, а человѣкомъ, создавшимъ самого себя и все свое блестящее положеніе, благодаря своему богато одаренному уму, давшему ему ту ясность взгляда и легкость воспринятія всего дѣльнаго и полезнаго, которыми всегда отличался В. К., и благодаря желѣзной волѣ, которая заставляла его работать и бороться со зломъ съ той энергіей, которую мы всегда въ немъ видѣли. В. К. составлялъ оплотъ, силу и надежду всего благомыслящаго общества въ Россіи.

Разносторонняя дѣятельность В. К. выработала изъ него человѣка, всесторонне знакомаго со строемъ и нуждами государства, а большой природный умъ, наблюдательность, любознательность и упорный трудъ сдѣлали изъ него дѣятеля, который понималъ каждаго на полусловъ и ясно представлялъ себѣ, чего собесѣдникъ добивается и съ какой цѣлью. Словомъ, В. К. былъ и человѣкъ и умъ вполне государственный.

Какъ статсъ-секретарь Финляндіи В. К. былъ безспорно душой и руководителемъ всѣхъ предпринятыхъ и совершенныхъ тамъ реформъ, направленныхъ къ объединенію этой окраины съ Имперіей.

Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. выступилъ съ ясной и опредѣленной программой, и программа эта была: водвореніе порядка и системы во всѣхъ областяхъ русской жизни, подлежащихъ компетенціи министерства внутреннихъ дѣлъ. Водвореніе порядка и постоянного контроля правительства онъ считалъ необходимымъ и въ сферахъ мѣстной самостоятельности. Преобразовывая дореформенный строй въ западныхъ губерніяхъ, онъ ввелъ въ нихъ организацію земскаго хозяйства и въ моментъ перехода его къ реформамъ органическимъ его дѣятельность была прервана преступною рукою!

Кто же злодѣй, рѣшившійся убить незамѣнимаго русскаго дѣятеля? Имя его пока неизвѣстно, но даже когда оно будетъ извѣстно, оно намъ ничего не скажетъ; это не будетъ одно изъ тѣхъ именъ, которое составляетъ достоиніе исторіи, нѣтъ, имя это забудется раньше, чѣмъ успѣетъ ислѣтъ носившій его, останется только одно названіе—убійца.

На одной изъ панихидъ у гроба почившаго В. К. Плеве мы слышали фразу: „убійца изъ интеллигентныхъ рабочихъ“. Какая странная фраза въ устахъ интеллигентнаго человѣка? Неужели въ фанатизмахъ крамолы, въ людяхъ, стремящихся путемъ насилія и убійствъ, въ людяхъ, убивающихъ не только своихъ намѣченныхъ жертвъ, но попутно убивающихъ и совершенно непричастныхъ людей, только потому, что эти люди попались тутъ на дорогѣ, неужели же въ этихъ убійцахъ можно найти какіе-нибудь признаки интеллигентности. Какой рѣзкій контрастъ! Въ гробу почіетъ тѣло человѣка съ яснымъ, свѣтлымъ умомъ, человѣка интеллигентнаго въ настоящемъ значеніи этого слова, а окружающіе гробъ интеллигенты, признаютъ интеллигентнымъ, кого же—убійцу!

На-дняхъ, въ камерѣ мирового судьи нѣкій Малковъ убилъ ножомъ Тетнева, за будто бы неправильную росписку въ пятьдесятъ рублей, и мы всѣ кричимъ, это не человѣкъ — это звѣрь, первое побужденіе озлобленнаго звѣря или дикаря — это убійство. Какіе же признаки интеллигентности находятся въ убійцѣ министра? Откуда въ нашемъ обществѣ такая путаница понятій, такая разница во взглядахъ, на, казалось бы, совершенно одинаковые предметы? Неужели такую громадную разницу составляетъ слово *политическое*, которое почему-то приставляется къ слову преступленіе? Неужели это слово даетъ такой ореолъ, что въ убійцѣ можно признать интеллигентность!

У насъ слово „политическое убійство“ пользуется такимъ орео-

ломъ въ обществѣ, что даже наемнаго убійцу, но убійцу политическаго мы способны признать интеллигентомъ, не говоря уже о Струве и его присныхъ, спокойно живущихъ за рубежомъ и оттуда подстрекающихъ на убійства и насилія. Вотъ въ этомъ-то выражается распущенность нашихъ мыслей и распатанность нашего общества.

Уже молодые люди, поступая въ гимназіи, въ виду полнаго отсутствія строгой и настойчивой дисциплины, начинаютъ съ того, что не уважаютъ ни учителей, ни наставниковъ, ни высшихъ представителей гимназической іерархіи; они всѣ окреплены однимъ названіемъ — педагогъ, которое произносится полунасмѣшливо, полупрезрительно. То же отсутствіе дисциплины дѣлаетъ то, что ученикъ IV класса, знаетъ наизусть всѣ запрещенныя стихотворенія политическаго оттѣнка, а въ V классѣ онъ уже серьезно играетъ въ политику, его гордость — имѣть у себя какія-нибудь подпольныя прокламаціи, а въ особенности какое-нибудь безсмысленное заграничное изданіе, содержанія котораго онъ даже не можетъ понять. Гг. педагоги, ради дешевой популярности и отсутствія между ними самими дисциплины, смотрятъ на все сквозь пальцы, не сознавая, конечно, что они, такимъ образомъ, являются соучастниками этого позорнаго глумленія надъ властью и ея представителями.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что съ такой нравственной подготовкой, при отсутствіи дисциплины, и со слабой, еще неокрѣпшей волей, такой гимназистъ, переходя въ университетъ, является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ злоумышленниковъ, являющихся въ университеты специально, чтобы заниматься не наукамъ, а для пропаганды крамолы и насилія, внося при этомъ еще болѣе смуты и распатанности и въ безъ того слабые и распатанные умы своихъ товарищей. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, окончивая университетъ, эти господа, вмѣстѣ съ громаднымъ самомиѣніемъ, являются въ то же время носителями вредныхъ идей и вмѣсто того, чтобы на практикѣ примѣнить свои познанія и тѣмъ принести посильную пользу своему отечеству, они приносятъ только вредъ. Не занимаясь своимъ дѣломъ, они занимаются вопросами общегосударственными, толкуя ихъ вкривъ и вкосъ, какъ это мы видѣли неоднократно на земскихъ собраніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ органахъ печати мы читаемъ, что насильственная смерть министра внутреннихъ дѣлъ не измѣнитъ внутренней политики Россіи. Намъ кажется даже страннымъ говорить объ этомъ вопросѣ. Какъ насильственная смерть военачальника на полѣ сраженія не играетъ никакой роли въ прекращеніи самой войны, такъ точно и здѣсь, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ надо думать только о болѣе серьезныхъ мѣрахъ къ охраненію жизни полезныхъ намъ людей, и какъ на войнѣ солдаты думаютъ и прини-

жаютъ мѣры къ охранѣ жизни любимаго начальника, такъ и мы — русское здравомыслящее общество, должны сплотиться и дружно охранять жизнь полезныхъ, честныхъ тружениковъ, отдающихъ все: умъ, трудъ, здоровье, личное счастье и личные интересы на пользу своего отечества. Какъ почетна и славна смерть на полѣ сраженія за Царя и Отечество, такъ же почетна смерть честнаго человѣка, отдавшаго свою жизнь на пользу службы Царю и Отечеству, и если нужна жертва искупленія за нашу развращенность, за наше пассивное отношеніе къ интересамъ жизни, то да будетъ эта жертва — смерть незабвеннаго В. К. Плева, да будетъ она и примѣромъ, какъ надо служить Царю и Отечеству...

12 іюля с. г. было опубликовано Высочайшее постановленіе о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, состоящее въ слѣдующемъ:

Россійская золотая монета въ рубляхъ, изъ коихъ каждый равенъ одной пятнадцатой части имперіала и содержитъ въ себѣ 17,424 долей чистаго золота, наряду съ финляндскою золотою монетою въ маркахъ, составляетъ законное средство платежа въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Россійская золотая монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, какъ въ правительственныя кассы, такъ и при расчетахъ частныхъ лицъ между собою, обязательно принимается въ неограниченномъ количествѣ.

Россійская серебряная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, означенные въ статьѣ 2 постановленія, кромѣ платежей, указанныхъ въ статьѣ 4, обязательно принимается: достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и въ двадцать пять копѣекъ—въ количествѣ не свыше трехъ рублей семидесяти пяти копѣекъ, а достоинствомъ въ двадцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ—въ количествѣ не свыше семидесяти пяти копѣекъ при каждомъ платежѣ.

Россійскіе государственные кредитные билеты и серебряная и мѣдная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ: а) на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, при таможенномъ сборѣ и въ уплату казенныхъ податей и б) въ почтовыхъ и телеграфныхъ установленіяхъ и на каналахъ, а также при всѣхъ платежахъ, производимыхъ по таксамъ, утверждаемымъ казенными, городскими и общественными установленіями, обязательно принимаются въ слѣдующимъ размѣрахъ: кредитные билеты и серебряная монета достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и двадцать пять копѣекъ—въ неограниченномъ количествѣ; серебряная монета достоинствомъ въ два-

дцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ—не свыше трехъ рублей, а мѣдная монета—не свыше двадцати пяти копѣекъ, при каждомъ платежѣ.

Россійскіе монета и государственные кредитные билеты въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ во всѣ платежи обязательно принимаются по расчету двухъ марокъ шестидесяти шести двухъ третьихъ пенни (2 марки $66\frac{2}{3}$ пенни) за одинъ рубль и тридцати семи съ половиною копѣекъ ($37\frac{1}{2}$ копѣекъ) за одну марку.

Срокъ введенія этого постановленія въ дѣйствіе опредѣляется министромъ финансовъ по соглашенію съ Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ.

Положенія, служащія основаніями этого постановленія, выработаны Высочайше учрежденной въ концѣ 1903 года комиссіей.

Засѣданія этой комиссіи, цѣль которой состояла въ опредѣленіи основаній введенія въ Финляндіи Россійской монетной системы, состоялись, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Э. В. Фриша: первое 4 декабря 1903 года и второе 27 января с. г.

Покойный финляндскій генераль-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, которому статсъ-секретаремъ В. К. Плеве были предоставлены на заключеніе журналы этихъ засѣданій, былъ вполне согласенъ съ основными положеніями комиссіи, теперь же они удостоились Высочайшаго утвержденія и русская монета является теперь такимъ же законнымъ средствомъ платежа въ Финляндіи, какъ и финскія деньги.

Значеніе вводимой реформы весьма серьезно и благоприятно для дѣла объединенія Финляндіи съ Имперіей.

Существовавшее до сихъ поръ различіе денежныхъ системъ являлось большимъ затрудненіемъ и неудобствомъ для денежнаго сношенія между Великимъ Княжествомъ и Россійской Имперіей, и уничтоженіе его можетъ лишь привѣтствоваться какъ русскими, такъ и финляндцами, для которыхъ этимъ облегчаются торгово-промышленныя сношенія съ Имперіей, крайне для нихъ выгодныя, и открывается возможность пользованія русскими капиталами.

Однимъ изъ важныхъ и существенныхъ постановленій этого закона является отмѣна курса имперскихъ денежныхъ знаковъ въ предѣлахъ Финляндіи и установленіе постоянной цѣны марки, которая равняется теперь $37\frac{1}{2}$ копѣйкамъ.

Обособленность финляндской денежной системы могла быть допущена и имѣла нѣкоторое объясненіе въ то время, когда въ Россіи обращались главнымъ образомъ бумажныя деньги и курсъ нашего рубля подвергался значительнымъ колебаніямъ, въ Финляндіи

же существовала устойчивая металлическая валюта, тогда, повторяемъ, обособленность эта имѣла нѣкоторый смыслъ. Теперь же, когда въ Россіи существуетъ тоже устойчивая золотая валюта, объединеніе денежныхъ системъ Имперіи и Княжества является необходимымъ и вполне своевременнымъ.

Законъ 27 мая 1904 года не измѣняетъ финской монетной системы, а только даетъ русскимъ деньгамъ равное съ финскими право обращенія въ странѣ, но этимъ уничтожается все значеніе финской марки и, естественно, по мѣрѣ распространенія въ странѣ русскихъ денегъ она будетъ уничтожаться, а со временемъ въ Финляндіи утвердится однообразное со всей Россіей денежное обращеніе, что повлечетъ только къ облегченію существующихъ торгово-промышленныхъ сношеній.

Эта реформа имѣетъ не только финансовое, но и большое политическое значеніе, какъ уничтожающая одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя отличаютъ Финляндію отъ другихъ частей Имперіи, и тѣмъ приближаетъ объединеніе ея съ Россіей, чего можно ожидать уже въ недалекомъ будущемъ.

Теперь намъ только остается пожелать скорѣйшаго объединенія Финляндіи въ таможенномъ отношеніи. Воля въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, объявленная всенародно съ высоты Престола, должна же быть, наконецъ, приведена въ исполненіе для полного объединенія Финляндіи съ Имперіей, такъ какъ таможенное разъединеніе этой окраины ведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ и къ какой-то уже слишкомъ бьющей въ глаза отчужденности этой окраины. Наконецъ, эта, такъ сказать, внутренняя таможенная черта крайне неблагоприятно отзывается на нашихъ торговыхъ сношеніяхъ и, несомнѣнно, неблагоприятно отзывается на нашихъ торговомъ и расчетномъ балансахъ.

Въ настоящее столь тяжелое для насъ время и вмѣстѣ съ тѣмъ время наибольшаго подъема духа патріотизма, когда каждый русскій стремится принести посильную пользу родинѣ и не задумается даже жизнь свою отдать за нее, когда сердце каждаго искренно любящаго свое отечество человѣка съ волненіемъ и глубокимъ вниманіемъ прислушивается ко всему, относящемуся къ войнѣ, грустнымъ, тяжелымъ и глубоко-возмутительнымъ явленіемъ представляется то направленіе, которое приняли нѣкоторыя наши газеты по отношенію къ настоящей войнѣ и къ нашимъ врагамъ. Онѣ, желая какъ бы оправдать всѣ поступки японцевъ, старательно выставляютъ въ своихъ сообщеніяхъ успѣхи японцевъ и твердятъ объ ихъ мужествѣ, умѣ, патріотизмѣ и благородствѣ. Восхищаются ихъ цивилизаціей, такъ быстро вкоренившейся среди народа и приравня-

вшей его къ цивилизованнымъ европейскимъ государствамъ. Японію и японцевъ ставятъ даже въ примѣръ намъ.

Но возможно ли болѣе сильное самооплеваніе, какъ рекомендовать намъ брать примѣръ съ совершенно дикихъ и даже гнусныхъ по своимъ поступкамъ враговъ нашихъ—японцевъ? При этомъ съ необычайнымъ паэосомъ превозносить какія-то доблести этихъ дикарей? До какой степени самому нужно низко пасть, чтобы, считаясь русскимъ хотя бы только подданнымъ, не только говорить публично въ печати, но даже про себя думать про столь мерзкія вещи.

Можно ли назвать Японію цивилизованной страной? Говорить о цивилизаціи японцевъ, по нашему мнѣнію, даже не ошибка, а прямо ложь, и она распространяется извѣстными лицами, очевидно, съ извѣстной цѣлью и крайне некрасивой.

Въ чемъ же выражается эта японская цивилизація, о которой такъ много кричатъ сами японцы и ихъ друзья въ нашей печати?

Не въ томъ ли вѣроломномъ нападеніи на нашъ флотъ, которымъ они начали войну? Не въ тѣхъ ли, прямо мошенническихъ продѣлкахъ, къ которымъ они прибѣгали для захвата нашихъ коммерческихъ и даже военныхъ судовъ (перехватываніе телеграммъ и т. п.). Наконецъ, не въ томъ ли возмутительномъ фактѣ дикаго звѣрства со стороны японскихъ солдатъ, проявляемаго по отношенію къ нашимъ раненымъ, стрѣльбы по Красному Кресту, безстыднаго надругательства надъ трупами нашихъ павшихъ героевъ? Не въ ихъ ли постоянной, становящейся все наглѣе и безстыднѣе, лжи, хитрости и самомнѣніи?

Они, дѣйствительно, весьма быстро и удачно переняли отъ европейцевъ внѣшній лоскъ, быстро выучились подражать имъ, но и только. Если среди нѣкоторыхъ лицъ до сихъ поръ могло существовать какое-либо хорошее мнѣніе о японцахъ, то это отчасти объясняется тѣмъ искусствомъ, съ которымъ японцы играли до сихъ поръ роль цивилизованныхъ людей и старались заслужить довѣріе европейцевъ, что имъ и удалось, благодаря ихъ врожденной лживости и скрытности. Война же теперь, обнаруживъ всѣ свойства и основныя черты характера японца и выставивъ его, какъ чистѣйшаго дикаря-азіата, казалось бы, должна была открыть глаза всѣмъ на то, чего они прежде не хотѣли замѣтить. Такъ что о дѣйствительномъ вкорененіи цивилизаціи среди японцевъ и рѣчи быть не можетъ. Они остались такими же, какъ и были—фанатическими дикарями-азіатами, со всѣми ихъ неприглядными качествами и инстинктами.

Прекрасно характеризующимъ японскую цивилизацію фактомъ является сохранившійся до сихъ поръ варварскій видъ самоубійства, извѣстный подъ названіемъ харакири. Харакири является во мнѣніи японцевъ благороднымъ и возвышеннымъ средствомъ защитить свою

честь. Такое мнѣніе существуетъ не только среди низшаго сословія населенія, но и въ высшей интеллигентной средѣ. И этотъ даже дикій способъ самоубійства пользовался сочувственными отзывами нашей печати. Случай самоубійствъ при потопленіи русскими „Киншіумару“, когда солдаты-японцы лишали себя жизни посредствомъ харакири, возводились, напрямѣръ, въ какой-то подвигъ нашей печатью.

Помилуйте, какой же японцы намъ примѣръ въ чемъ-нибудь? Если ужъ примѣръ намъ брать, то только съ европейцевъ, съ ихъ национализма и лояльнаго отношенія къ своей родинѣ и ея населенію, а никакъ не съ дикарей, вспарывающихъ себѣ животы.

Мы же виновны только въ добродушіи, что позволяемъ всякой космополитической и еврействующей мрази издѣваться надъ нами.

Радостнымъ трепетомъ отозвалось въ сердцѣ извѣстіе, что крейсера Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“ наконецъ-то подъ военнымъ флагомъ не только плаваютъ въ Красномъ морѣ, но останавливаютъ иностранныя суда, везущія военную контрабанду японцамъ. Не важенъ самый фактъ захвата судовъ съ контрабандой, но громадное нравственное вліяніе возымѣлъ уже на японцевъ и ихъ доброжелателей тотъ фактъ, что мы рѣшились, наконецъ, вооружить нашъ Добровольный флотъ, т. е. осуществить ту цѣль, съ которой онъ былъ созданъ, и употребить его въ дѣло.

Только наши всемогущія канцеляріи могли разоружить нашъ Добровольный флотъ и низвести его на степень обыкновенныхъ коммерческихъ судовъ, что, по ихъ канцелярскому мнѣнію, вѣроятно, болѣе соответствовало духу нашего времени и цѣлямъ устройства этого флота.

Слава Богу, наконецъ наша непобѣдимая канцелярія все-таки побѣждена самою силою обстоятельствъ, но и то на это потребовалось 5 мѣсяцевъ ожесточенной войны какъ съ Японіей, такъ и съ канцеляріей. Слава Богу, канцелярію удалось раньше побѣдить, чѣмъ японцевъ, такъ что къ побѣдѣ надъ послѣдними она не будетъ служить теперь помѣхой.

Теперь англичане насъ пугаютъ какимъ-то большимъ японскимъ крейсеромъ, который то якобы ждетъ наши крейсера въ Малаккскомъ проливѣ, то сбѣжитъ на всѣхъ парахъ въ Красное море, чтобы захватить или потопить ихъ.

Въ началѣ кампаніи подобные слухи могли еще имѣть успѣхъ. По крайней мѣрѣ англичане, вѣроятно, приписали имъ возвращеніе нашей эскадры изъ Краснаго и Средиземнаго морей. Но теперь подобные слухи намъ не страшны, такъ какъ за нами опытъ, доказывающій, какъ трудно поймать крейсеръ.

Мы убѣдились на владивостокской эскадрѣ, состоящей изъ 3 военныхъ крейсеровъ, одного крейсера Добровольнаго флота „Херсонъ“, переименованнаго въ „Лену“, и нѣсколькихъ миноносцевъ стараго типа, что такое крейсерская война и насколько легко поймать не только въ открытомъ океанѣ, но даже въ морѣ и въ небольшомъ проливѣ, крейсерскую флотилію, а тѣмъ болѣе одиночные крейсера. Разумѣется, если мы будемъ стоять на одномъ мѣстѣ и ждать, какъ часовой на часахъ, прихода непріятельскихъ судовъ, то даже не нужно и большого японскаго крейсера, а достаточно одной маленькой миноноски, которая въ ночной тиши полкратится къ часовому - крейсеру, заранѣе зная мѣсто его постоянного и неизмѣннаго мѣстопробыванія, и взорветъ его.

Не этому насъ учить адмиралъ Скрыдловъ. Совсѣмъ не часовыхъ онъ понимаетъ подъ крейсерами. Крейсера—это вольныя птицы, которыя сегодня здѣсь, а завтра совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ нападаютъ на непріятельскія суда. Чтобы поймать такой крейсеръ, нужно океанъ запрудить военными судами, и то, при находчивости командира, крейсеръ избѣжитъ своей горькой участи и уйдетъ невредимымъ, а волны океана или моря слѣдъ его заметутъ, такъ что опять придется вновь предпринимать долгіе и часто тщетныя поиски его.

Военный флотъ въ Россіи имѣетъ совершенно иное назначеніе, чѣмъ флоты державъ, имѣющихъ большую морскую торговлю. Россіи своихъ торговыхъ интересовъ въ моряхъ и океанахъ нечего защищать, потому что ихъ и нѣтъ тамъ вовсе. Немногія же наши суда каботажнаго, какъ дальняго, такъ и внутренняго плаванія, несомнѣнно, не только во время войны, но даже при ожиданіи ея должны быть заблаговременно убраны куда слѣдуетъ, а не отправляться изъ портовъ, да еще съ военнымъ грузомъ, наканунѣ объявленія войны прямо въ непріятельскіе порты, какъ это имѣло мѣсто въ настоящую войну. Хотя здѣсь опять-таки виновна наша канцелярія. Распоряженіе послѣдовало еще въ половинѣ января о томъ, чтобы всѣ грузы на Дальній Востокъ отправлять исключительно по желѣзной дорогѣ, а мы продолжали возить ихъ моремъ до тѣхъ поръ, пока враги не забрали нашихъ пароходовъ.

Нашъ не существующій коммерческій флотъ не нуждается въ оборонѣ нашихъ военныхъ судовъ. Еще менѣе нуждаются наши берега и крѣпости въ защитѣ военнаго флота. 50 лѣтъ тому назадъ мы уже попробовали защищать нашимъ флотомъ Севастополь и это повело лишь какъ къ гибели нашего флота, такъ и ко взятію Севастополя. Всю эту кампанію мы потеряли только оттого, что намъ нечѣмъ было дѣйствовать на сообщенія непріятеля и вообще вестъ крейсерскую войну съ Англіей.

Но кромѣ того, что намъ почти нечѣмъ было дѣйствовать противъ

торговыхъ судовъ, еще при началѣ войны въ 1853 году сдѣлано было распоряженіе, которымъ запрещалось захватывать непріятельскія коммерческія суда, кромѣ везущихъ турецкія войска и военный грузъ, задерживать иностранныя торговыя суда и обстрѣливать турецкіе приморскіе города. Въ довершеніе же всего, плававшіе въ то время въ Тихомъ океанѣ наши фрегаты и корветы, которые могли бы во время войны съ Англіей нападать на ея владѣнія и торговый флотъ, были нами отозваны въ русскія воды.

Враги же наши нисколько не стѣснялись подобными нашимъ правилами и свободно обстрѣливали наши торговые порты на Черномъ и Балтійскихъ моряхъ и истребляли наши коммерческія и финскія рыболовныя суда.

Въ этомъ отношеніи Россія, всегда отличавшаяся совершенно исключительной человѣчностью, благородствомъ и даже рыцарствомъ въ отношеніи къ воюющей сторонѣ, во всѣхъ случаяхъ старательно избѣгала крейсерской войны, которая народами всей вселенной всегда примѣнялась, какъ самая выгодная и дѣйствительная противъ врага, находя ее недостаточно гуманной, а придерживалась исключительно эскадренныхъ морскихъ боевъ, т. е. считала возможнымъ только такъ вести морскую войну, какъ это дѣлается на маневрахъ.

Даже сами англичане совершенно справедливо назвали такой способъ веденія морской войны—самоубійствомъ. Взглядъ этотъ былъ глубоко ошибоченъ, и изъ-за него мы лишились нашего флота и даже нашихъ правъ въ Черномъ морѣ.

Послѣ войны 1877—1878 годовъ мы значительно измѣнили нашъ взглядъ, во-первыхъ, устройствомъ Добровольнаго флота, а затѣмъ постройкой быстроходныхъ бронированныхъ крейсеровъ. Хотя 25 лѣтъ мира не дали нами возможности примѣнять на дѣлѣ свой флотъ, но тѣмъ не менѣе мы были подготовлены совершенно къ крейсерской войнѣ.

Случай примѣненія крейсерской войны на дѣлѣ выпалъ прекрасный съ объявленіемъ намъ войны Японіей. Намъ объявила войну чисто морская держава, имѣющая громадный торговый флотъ и живущая почти исключительно морскими интересами. Море ее кормитъ (рыба, морская капуста и т. п.). Море поддерживаетъ ея благосостояніе, наконецъ, море служитъ единственнымъ путемъ для общенія съ міромъ. Однимъ словомъ, страна живетъ и дышетъ моремъ.

Такую страну лишить моря крейсерской войной—это что-то ужасное.

Случай былъ удобный. Охранять нашъ торговый флотъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ мы уже сказали, намъ нечего было, а въ особенности послѣ того, какъ немногія бывшія тамъ суда мы отдали

японцамъ въ первый же день войны. Значить, въ этомъ отношеніи мы были совершенно свободны, что же касается охраны нашихъ береговъ, то мы вполне убѣдимся въ совершенномъ излишествѣ подобной заботы, если внимательно приглядимся въ нашей береговой линіи на Дальнемъ Востокѣ. На всемъ ея громадномъ протяженіи мы замѣтимъ пункта два-три, требующихъ защиты, которые очень хорошо уже нами и защищены, а встрѣчающіяся по берегу селенія настолько незначительны и рѣдки, что не могутъ привлечь непріятели.

Итакъ, за отсутствіемъ у насъ коммерческаго флота, требующаго защиты со стороны военныхъ судовъ, и совершенно излишней обороны нашихъ береговъ, всѣ наши военные суда и суда Добровольнаго флота могли бы быть обращены на крейсерскую войну, главная цѣль которой нападеніе на непріятельскія коммерческія суда, захватъ или постопленіе ихъ, а также нападеніе на побережные непріятельскіе города съ цѣлью лишить ихъ окончательно возможности вести морскую торговлю и прекратить даже каботажд, чѣмъ лишить враждебную страну матеріальнаго благосостоянія.

Для достиженія побѣды надъ врагомъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, недостаточно знакомства только съ военными и морскими силами врага, необходимо всесторонне изучить положеніе враждебной страны, нужно знать въ точности ея финансовое и экономическое положеніе и изучить всѣ слабыя ея стороны, на которыя и слѣдуетъ дѣйствовать. Если бы передъ началомъ этой войны мы всесторонне ознакомились съ Японіей, мы бы нашли, что для Японіи особенно страшна именно крейсерская война.

Изучивъ Японію, мы бы нашли у нея массу уязвимыхъ точекъ, на которыя бы и слѣдовало обратить особенное вниманіе. Мы же до сихъ поръ не нанесли Японіи именно въ этомъ отношеніи почти никакого ущерба.

Одной изъ важныхъ отраслей японской промышленности является рыболовство, такъ какъ рыба для японцевъ представляетъ главный пищевой продуктъ. Этотъ промыселъ еще особенно сильно развился съ уступкой японцамъ Курильскихъ острововъ; японцы-рыбаки работаютъ на громадномъ пространствѣ и даже въ нашихъ водахъ, вытѣснивъ русскихъ рыбаковъ. Милліоны японцевъ существуютъ исключительно этимъ промысломъ. Наши же крейсера могли бы въ этомъ отношеніи причинить страшный ущербъ японцамъ и даже, пожалуй, заставить ихъ просить мира, препятствуя и даже совсѣмъ уничтоживъ ихъ рыбные промыслы, чего очень легко достигнуть, такъ какъ рыбаки совершенно беззащитны и крейсера легко могутъ захватывать ихъ рыболовныя суда, высаживая людей на берега множества тихоокеанскихъ острововъ.

Блестящіе для насъ результаты могло имѣть нападеніе нашихъ

крейсеровъ на японскія торговыя суда. Въ Японіи, какъ въ морской странѣ, сильно развита морская торговля, для чего у нея существуетъ торговый флотъ, состоящій изъ 1,300 пароходовъ и десятковъ тысячъ парусныхъ большихъ и малыхъ судовъ.

У насъ теперь душа не нарадуется, глядя на дѣйствія нашихъ 3 крейсеровъ, составляющихъ владивостокскую эскадру. Послѣдній набѣгъ нашихъ трехъ крейсеровъ былъ особенно удаченъ, какъ это видно изъ донесенія адмирала Скрыдлова.

Вслѣдствіе недостатка у насъ крейсеровъ, не смотря на всѣ подвиги владивостокской эскадры, торговля японцевъ почти нисколько не тормозится, доставка необходимаго ей угля иностранными судами не прекращается, а переправа войскъ на материкъ совершается торговыми пароходами совершенно свободно, рыболовство же процвѣтаетъ по прежнему. Появленіе же въ Тихомъ океанѣ нашихъ крейсеровъ совершенно бы измѣнило всю картину.

Весьма важный вопросъ возбужденъ былъ г. Чигиринцемъ ¹⁾ о пенсіяхъ раненымъ воинамъ, вызвавшій глубокій интересъ въ печати. Дѣйствительно, законы о нашихъ пенсіяхъ раненымъ, а въ особенности семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ настолько разбросаны и отличаются такой неясностью и неполностью, что даже сами чиновники, вѣдающіе это высоко-гуманное дѣло, становятся втупикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не зная къ какому разряду и окладу причислить лицо, имѣющее право на пенсію.

Насъ же этотъ вопросъ тѣмъ болѣе заинтересовалъ, что оклады нашихъ пенсій раненымъ и семьямъ убитыхъ воиновъ далеко ниже окладовъ въ другихъ странахъ и это происходитъ, какъ мы увидимъ ниже, исключительно отъ недостатка средствъ, изъ которыхъ назначаются эти пенсіи, что имѣетъ непосредственную связь съ возбужденнымъ нами въ юньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ вопросомъ о недостаткѣ средствъ, ассигнуемыхъ нами на военное вѣдомство.

Пока намъ время позволить коснуться другихъ отраслей военного хозяйства, мы считаемъ долгомъ остановиться на самомъ насущномъ вопросѣ обезпеченія раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ, число которыхъ теперь уже въ настоящую войну возрастаетъ съ страшной быстротой.

Что ожидаетъ въ будущемъ этихъ героевъ, ничего не пожалѣвшихъ для защиты родины, когда они, вылеченные заботами Краснаго Креста, но оставшись, можетъ быть, безъ рукъ, ногъ и вообще неспособными не только къ работѣ, но даже къ существованію безъ

1) «Новое Время», №№ 10,141 и 10,143.

посторонней помощи, будутъ лишены его попеченія, такъ какъ нѣтъ никакой возможности Красному Кресту оставлять при себѣ раненыхъ по ихъ выздоровленію, и это не входитъ въ его обязанности. Что будетъ съ семьями этихъ несчастныхъ, не только лишенными работника и кормильца, но еще получившими на свое попеченіе больного и требующаго за собой ухода человѣка, за неимѣніемъ куда обратиться, принужденнаго вернуться въ свою, можетъ быть, нищенствующую семью? Наконецъ, что ожидаетъ семьи тѣхъ воиновъ, которые пали съ честью на полѣ битвы или сдѣлались жертвами эпидемій въ войскахъ? Онѣ уже рѣшительно остаются безъ всякихъ средствъ для жизни и воспитанія дѣтей.

Итакъ, изъ всего этого можно заключить, что оказаніе помощи раненымъ не исчерпывается дѣятельностью одного Краснаго Креста, что необходимо еще содѣйствіе какого-либо учрежденія, которое обезпечивало бы до нѣкоторой степени будущность раненыхъ и ихъ семействъ, равно, какъ и семействъ убитыхъ и вообще умершихъ въ дѣйствующей арміи.

Такое истинно благотворительное учрежденіе—Александровскій комитетъ о раненыхъ.

Первые шаги въ организаціи такого рода помощи относятся къ 1649 г., когда Государь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ раненыхъ и уволенныхъ по этому случаю отъ службы военачальниковъ назначать воеводами и давать имъ другія должности, а ратниковъ отправлять на поселеніе въ г. Смоленскъ. Къ тому же времени относится и основаніе въ г. Москвѣ архимандритомъ Діонисіемъ и Соломономъ богадѣльни для раненыхъ и престарѣлыхъ воиновъ, первой не только въ Россіи, но, кажется, и вообще въ Европѣ, а въ 1663 г. Алексѣемъ Михайловичемъ повелѣно было выдавать раненымъ денежное пособіе на леченіе и награждать ихъ деньгами или землями.

Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича (въ 1676 г.) раненые по роду увѣчий раздѣлены были на 3 класса (сохранившіеся и понынѣ) и награждались сообразно тому, къ какому классу были причислены.

Съ этихъ поръ это святое дѣло начинаетъ развиваться и обращать на себя вниманіе государей.

Не мало обязано развитіе этого дѣла заботамъ Петра Великаго, который приказалъ собирать въ церквахъ деньги на раненыхъ и призрѣвать ихъ въ монастыряхъ, и даже запретилъ послѣднимъ вновь постригать монаховъ, а на свободныя мѣста брать раненыхъ и отставныхъ солдатъ. Въ 1710 г. была учреждена въ Москвѣ богадѣльня для раненыхъ, а моряковъ повелѣно было размѣщать на корабляхъ, въ случаѣ же недостатка тамъ мѣстъ, помѣщать ихъ въ

домахъ и палаткахъ на берегу, и наблюденіе за ними поручалось генераль-кригскомисару, при строгомъ наказѣ быть какъ можно добросовѣстнѣе къ исполненію своей обязанности. „Если комисаръ оказывался нерадивымъ къ исполненію службы, то за всякую небытность къ осмотру онъ подвергался вычету полумѣсячнаго жалованія, если же это наказаніе оказывалось неэффективнымъ, то комисаръ лишался чина“.

Когда же въ 1736 г., со стороны монастырей и синодальныхъ властей стали поступать жалобы на тяжесть возложенныхъ на нихъ обязанностей по отношенію къ раненымъ, то поведѣно было размѣщать раненыхъ по окраинамъ Россіи, гдѣ отпускалось имъ по 30 десятинъ земли и назначался особый смотритель.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, для раненыхъ было опредѣлено жалованіе изъ штатсъ-конторы, оттуда же назначались и отпускались суммы на постройку богадѣленъ и на ремонтъ уже существующихъ.

Екатерина II, во всемъ ревностная послѣдовательница Петра I, не мало, какъ и Петръ I, обратила вниманія на положеніе раненыхъ. При ней былъ основанъ на Каменномъ островѣ въ С.-Петербургѣ инвалидный домъ и другія подобнаго рода благотворительныя учрежденія.

Государь Павелъ Петровичъ, заботясь объ улучшеніи положенія раненыхъ, учредилъ двѣ новыхъ богадѣлни, одну (въ деревнѣ Смольной) на 895 инвалидовъ и для неизлечимо больныхъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и вторую (на Каменномъ островѣ) для моряковъ. Учреждена была комиссія для составленія положенія о помощи раненымъ и ихъ семействамъ, повелѣно было опредѣлять дѣтей раненыхъ для обученія и семьямъ ихъ давать пенсію. Тогда же казна ассигновала крупную по тогдашнимъ временамъ сумму въ 115,000 руб. на помощь раненымъ и выдавала ее ежегодно.

Наконецъ, при Императорѣ Александрѣ I, 18-го августа 1814-го года (въ память сраженія при Кульмѣ) былъ Высочайше учрежденъ Комитетъ о раненыхъ, который 12-го декабря 1877 года получилъ наименованіе „Александровскаго“ въ память своего учредителя.

Главнымъ источникомъ средствъ для исполненія многочисленныхъ обязанностей Комитета служить инвалидный капиталъ, основателемъ котораго былъ коллежскій совѣтникъ Пезаровіусъ.

Предпринявъ изданіе газеты „Русскій Инвалидъ“, Пезаровіусъ всѣ выручаемыя за нее деньги обращалъ на помощь раненымъ и еще до основанія „Комитета о раненыхъ“ содержалъ на эти средства 1.200 инвалидовъ. Затѣмъ изъ доходовъ изданія газеты и пожертвованій, поступавшихъ въ редакцію ея, онъ образовалъ капиталъ въ

395.000 руб. ассигнаціями, съ цѣлью облегчить положеніе раненыхъ. Мысль Пезаровіуса встрѣтила общее сочувствіе. Впослѣдствіи Государемъ былъ пожалованъ капиталъ въ 328.100 руб. ассигнаціями, затѣмъ изъ Государственнаго Казначейства поступило въ тотъ-же капиталъ—4.482,190 руб. ассиг. и изъ капитала орденовъ—1.481,215 руб. ассиг. Съ этого времени капиталъ непрерывно увеличивается поступающими пожертвованіями и къ 1-му мая 1904-го года достигаетъ 44.514,333 руб. 94 коп.

Въ царствованіе Императора Николая I были основаны богадѣльни: Чесменская (въ 1836 г.) въ Петербургѣ на 16 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ и въ Москвѣ Измайловская (въ 1810 г.) на 10 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ. Впослѣдствіи же число призрѣваемыхъ въ нихъ значительно увеличилось. Хотя эти богадѣльни и имѣютъ собственные капиталы, но для полного содержанія богадѣленъ процентовъ съ этихъ капиталовъ не достаетъ и Комитету о раненыхъ приходится помогать имъ изъ своихъ суммъ.

Важнымъ шагомъ въ дѣлѣ помощи раненымъ является учрежденіе Александровскаго Комитета, какъ организація правильной и опредѣленной помощи раненымъ, въ которомъ сосредоточивается вся дѣятельность этого рода.

Кромѣ инвалиднаго капитала, состоящаго изъ пожертвованій, и доходовъ съ него Александровскій Комитетъ располагаетъ еще слѣдующими средствами: доходами отъ напечатанія объявленій въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“, деньгами, оставшимися послѣ смерти находящихся на его попеченіи нижнихъ чиновъ, если ими не будетъ сдѣлано завѣщанія и не объявится наслѣдниковъ. Затѣмъ, вычеты въ размѣрѣ 10% со всякаго рода единовременныхъ денежныхъ выдачъ, съ дополнительнаго вознагражденія, назначаемаго въ пользу акцизныхъ чиновниковъ, съ суммъ, происшедшихъ отъ конфискацій и денежныхъ пеней по таможенной части, съ единовременныхъ пособій и разнаго рода наградъ состоящимъ на государственной службѣ и т. д.; вычеты при пожалованіи медалей, знаковъ къ орденамъ, драгоценныхъ подарковъ, безпроцентныхъ ссудъ, въ вѣчное владѣніе земель, арендъ и т. п.; денежные взысканія, налагаемые военными судами; отчисленія изъ призовыхъ денегъ, выдаваемыхъ за взятіе орудіи, военныхъ припасовъ и другихъ вещей, принадлежащихъ неприятелю, или вырученныхъ за купеческій призъ; сборъ съ заграничныхъ пассажировъ въ размѣрѣ 9 руб. 50 коп. съ каждаго паспорта за каждое полугодіе. Кромѣ того, доходъ съ театровъ, которые обязаны давать ежегодно по одному бенефису со сборомъ въ пользу Александровскаго Комитета.

Средства къ существованію и исполненію многосложной обязанности Комитета о раненыхъ могутъ сперва показаться очень значи-

тельными, но, если принять во вниманіе всю обширность его дѣятельности, то окажется совершенно противоположное.

Цѣль Комитета заключается въ оказаніи помощи и покровительства лицамъ, пострадавшимъ во время военныхъ дѣйствій и при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей въ мирное время и въ заботахъ о ихъ семьяхъ. Безусловно святая цѣль, могущая заслужить всеобщее сочувствіе и содѣйствіе.

Помощь, оказываемая раненымъ Александровскимъ Комитетомъ, выражается главнымъ образомъ въ выдачѣ пенсій изъ своихъ средствъ, въ выдачѣ суммъ на наемъ прислуги, пособій на леченіе раненыхъ, въ размѣщеніи раненыхъ по богадѣльнямъ и инвалиднымъ домамъ и въ заботахъ о семьяхъ и о воспитаніи дѣтей раненыхъ и убитыхъ воиновъ.

На попеченіи Комитета о раненыхъ находятся раненые и увѣчные: генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины регулярныхъ и казачьихъ войскъ, флота, милиціи, ополченія, священники, гражданскіе чины, состоящіе при войскахъ, управленіяхъ, заведеніяхъ и учрежденіяхъ военнаго и морского вѣдомствъ, врачи, чины пограничной стражи и ихъ семейства, а также семейства убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сестры милосердія и другія лица женскаго пола, допущенныя къ уходу за больными и ранеными, а также чины пожарныхъ командъ.

Какъ мы уже говорили, еще въ царствованіе Θεодора Алексѣевича положено было начало раздѣленію раненыхъ на три класса, по степени раненій, для назначенія имъ пособій и пенсій. Этого дѣленія и теперь строго придерживается Александровскій Комитетъ при назначеніи пенсій раненымъ.

Къ первому классу раненыхъ принадлежатъ лица, получившія такія серьезныя поврежденія, какъ: лишеніе обѣихъ рукъ или ногъ, или невладѣніе ими; лишеніе одной нижней конечности, вслѣдствіе ампутаціи или вылущенія бедра, каковую операцію переносятъ изъ тысячи одинъ; слѣпота на оба глаза; потеря обѣихъ ручныхъ кистей или невладѣніе ими; лишеніе не менѣе шести пальцевъ на рукахъ, въ томъ числѣ и большихъ; неправильность суставовъ, вслѣдствіе несращенія переломовъ бедренныхъ и голенныхъ костей; поврежденіе головы, имѣющее слѣдствіемъ умопомѣшательство, параличъ верхнихъ и нижнихъ конечностей или половины тѣла и т. п.,—т. е. къ этому классу относятся лица, не только не способныя ни къ какому роду службы, но не могущія даже обходиться безъ постоянной посторонней помощи.

Ко второму классу раненыхъ относятся лица, лишенныя одной руки или совершенно не владѣющія ею вслѣдствіе сведенія, вывиха суставовъ или потери частей большихъ костей; лишенныя одной

ноги выше колѣна или голени или же совершенно не владѣющія ногой, вслѣдствіе сведенія и неподвижности суставовъ; глухія на оба уха; лишенные носа; значительной части языка; потерявшія или не владѣющія обоими большими пальцами на рукахъ или не менѣе, чѣмъ тремя на одной правой рукѣ, въ томъ числѣ и большимъ, при цѣлости же большихъ пальцевъ лишенные не менѣе шести пальцевъ на обѣихъ рукахъ; получившія серьезныя поврежденія головы или позвоночника съ разстройствомъ нервныхъ центровъ, слѣдствіемъ чего являются постоянныя нервныя страданія, выражающіяся въ падучей болѣзни, полупараличѣ верхнихъ и нижнихъ конечностей или половины тѣла; потерявшія одинъ глазъ въ томъ случаѣ, если и другой подвергнутъ неизлѣчимой болѣзни; лишенные возможности ступить на ногу, вслѣдствіе разстройства пяточныхъ или плюсовыхъ костей; страдающія, вслѣдствіе образовавшейся костоѣды или омертвѣнія большихъ костей, или отъ значительной потери мягкихъ частей и недостатка кожи, часто открывающимися язвами; лица, у которыхъ, вслѣдствіе несращения переломовъ длинныхъ костей, образовались противоестественныя суставы. Вообще къ этому классу принадлежатъ лица, подвергнутыя серьезнымъ поврежденіямъ, отъ которыхъ остались послѣдствія, требующія въ нѣкоторыхъ случаяхъ посторонняго ухода.

И, наконецъ, къ третьему классу принадлежатъ лица, потерявшія одинъ глазъ; лишившіяся одного или обоихъ ушей; потерявшія не менѣе четырехъ пальцевъ на лѣвой или трехъ пальцевъ на правой рукѣ, при цѣлости большихъ пальцевъ; потерявшія всѣ или не менѣе шести пальцевъ на обѣихъ ногахъ; лишенные свободного движенія стопы, вслѣдствіе поврежденія ея сустава съ голенью или пяточныхъ или плюсовыхъ костей; подвергнутыя, вслѣдствіе поврежденія головы или позвоночника, неизлечимымъ нервнымъ припадкамъ въ болѣе легкой степени, чѣмъ раненыя второго класса; вообще къ третьему классу относятся лица, получившія довольно серьезныя поврежденія и увѣчья, которыя затрудняютъ отправленіе нѣкоторыхъ органовъ.

Мы привели болѣе подробно перечень поврежденій, по которымъ раздѣляются раненыя на классы, съ той цѣлью, чтобы каждый могъ доподлинно убѣдиться, какого рода раны и поврежденія даютъ право на покровительство Комитета о раненыхъ.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, къ первому классу раненыхъ относятся полуживые мертвецы, изображающіе изъ себя скорѣе дышащіе куски мяса, чѣмъ людей. Ихъ даже калѣками нельзя назвать, до того они изувѣчены. Ко второму классу раненыхъ принадлежатъ совершенныя калѣки, едва ли способные къ какому-либо труду, а во всякомъ случаѣ, имѣющіе возможность занимать лицъ

спеціально для нихъ назначенныя должности: смотрителей зданій, экзекуторовъ и т. п. Наконецъ, къ третьему классу раненыхъ относятся обыкновенныя калѣки, имѣющіе еще возможность, хотя съ грѣхомъ пополамъ, добывать своимъ трудомъ хлѣбъ насущный, но, разумѣется, напряженной дѣятельности отъ нихъ нельзя и требовать.

И вотъ при этихъ-то условіяхъ, принадлежащіе только къ первымъ двумъ классамъ раненыхъ имѣютъ право на полученіе пенсій, а принадлежащій къ третьему классу раненыхъ, хотя бы лишился обоихъ ушей, или одного глаза, или четырехъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, или наконецъ, всѣхъ пальцевъ на ногахъ, никакихъ правъ на пенсію не получаетъ, если онъ не выслужилъ известнаго числа лѣтъ.

Но посмотримъ, какъ велики пенсіи раненыхъ 1-го и 2-го классовъ и насколько онѣ могутъ обезпечить этихъ несчастныхъ, находящихся на попеченіи Александровскаго комитета.

Точно опредѣлить пенсію каждаго раненаго по выходѣ его въ отставку очень трудно, такъ какъ она зависитъ отъ многихъ условій. Она состоитъ изъ пенсіи отъ Комитета о раненыхъ, выдаваемой по чину, въ которомъ пострадавшій получилъ рану, изъ пенсіи отъ государственнаго казначейства по чину, въ которомъ онъ былъ уволенъ въ отставку, изъ квартирныхъ денегъ, сумма которыхъ значительно колеблется въ зависимости отъ мѣста жительства раненаго, изъ денегъ на прислугу и, наконецъ изъ пенсіи изъ эмеритальной кассы—эмеритуры, величина которой зависитъ отъ числа платныхъ лѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что правомъ на пенсію изъ инвалиднаго капитала пользуются только тѣ изъ генераловъ и офицеровъ, у которыхъ нѣтъ никакой собственности или, если валовой доходъ съ нея не превышаетъ для генераловъ 3,000 руб., для штабъ-офицеровъ 1,500 руб. и оберъ-офицеровъ—1,000 рублей; если же валовой доходъ съ собственности достигнетъ указанныхъ размѣровъ, когда раненый уже получаетъ пенсію отъ Комитета раненыхъ, то онъ тогда же долженъ донести объ этомъ Комитету, въ противномъ же случаѣ подвергается отвѣтственности и взысканію неправильно получаемыхъ суммъ.

При этомъ необходимо принять во вниманіе, что валовой доходъ съ имущества, собственно говоря, ничего не выражаетъ, такъ какъ можно имѣть указанный валовой доходъ и не имѣть почти ни копѣйки чистаго дохода, вслѣдствіе задолженности имущества, наконецъ, затратъ на извлеченіе этихъ доходовъ. А потому это правило должно считаться весьма стѣснительнымъ и вообще крайне неопредѣленнымъ, въ особенности въ примѣненіи его къ нижнимъ чинамъ и къ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Итакъ, мы можемъ высчитать лишь приблизительно оклады пенсій, причемъ возьмемъ самый большой окладъ эмеритуры за возможно большее количество платныхъ лѣтъ, такъ, для генеральскихъ чиновъ — за 35 лѣтъ, для полковниковъ и подполковниковъ — за 30 лѣтъ, для капитановъ — за 25 лѣтъ и остальныхъ чиновъ — за 20 лѣтъ и менѣе, квартирные же деньги выдаются на слѣдующемъ основаніи: раненые перваго класса, со дня принятія въ покровительство Комитета, имѣютъ право пользоваться квартирными деньгами, въ установленномъ размѣрѣ, во всѣхъ городахъ, гдѣ они проживаютъ, кромѣ столицъ, въ коихъ они пользуются квартирными деньгами только въ томъ случаѣ, если представляютъ удостовѣренія: проживающіе въ С.-Петербургѣ—отъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а находящіеся въ Москвѣ—отъ особой комиссіи при тамошнемъ военномъ госпиталѣ, въ томъ, что они, по болѣзненному состоянію, не могутъ выѣхать изъ столицы безъ явной опасности для жизни, или, что имъ необходимо оставаться въ столицѣ, по неимѣнію въ другихъ городахъ специальныхъ врачебныхъ пособій для пользованія ранъ и ихъ послѣдствій.

При такихъ условіяхъ пенсіи раненымъ 1-го класса будутъ приблизительно слѣдующія (см. табл. на слѣд. стр.).

Пенсіи же морскимъ чинамъ высчитать возможно только по по-служному списку каждаго отдѣльнаго лица. Во всякомъ же случаѣ мы можемъ замѣтить, что моряки въ этомъ отношеніи гораздо лучше обеспечены, чѣмъ сухопутные чины, такъ какъ у нихъ эмеритура несравненно выше.

Для раненыхъ втораго класса, во-первыхъ, значительно уменьшается размѣръ пенсіи отъ Комитета о раненыхъ, а во-вторыхъ, они лишаются квартирныхъ денегъ и на прислугу, причемъ послѣднія выдаются только тѣмъ изъ нихъ, которые не могутъ обходиться безъ постоянной посторонней помощи.

Размѣры пенсій, выдаваемыхъ раненымъ втораго класса, будутъ слѣдующіе:

	Отъ Коми- тета о ране- ныхъ.	Изъ госуд. казн. и эме- ритальной кассы.	Всего.
Полный генераль	1,143	3,546	4,689
Генераль-лейтенантъ	858	2,840	3,698
Генераль-маіоръ	571	2,133	2,704
Полковникъ	305	1,008	1,313
Подполковникъ	285	797	1,082
Капитанъ, ротмистръ	255	574	829
Штабъ-капитанъ	245	490	735
Поручикъ	225	386	611
Подпоручикъ	210	336	546
Прапорщикъ	170	225	395

	Отъ Комитета о раненыхъ.			Издъ Госуд. казан. и Эм-ригальной кассы.	Квартирная.		В С Е Г О.	
	Пенси.	На при-служу.	В с е г о.		Высшій.	Низшій.	Высшій.	Низшій.
Полн. генераль . . .	1.716 ¹⁾	343	2.059	3.546	2.192	551	7.797	6.156
Ген.-лейтенантъ . . .	1.287	343	1.630	2.840	1.887	496	6.357	4.966
Ген.-майоръ	858	343	1.201	2.133	1.582	423	4.910	3.757
Полковникъ	510	171	681	1.260	1.107	327	3.048	2.268
Подполковникъ	480	171	651	965	744	216	2.380	1.842
Капитанъ, Ротм.	450	171	621	692	526	139	1.839	1.452
Штабсъ-капитанъ	420	171	591	581	308	90	1.480	1.262
Поручикъ	390	171	561	457	308	90	1.326	1.108
Подпор., корнетъ	360	171	531	384	308	90	1.223	1.005
Прапорщ. зап.	300	171	471	225	308	90	1.004	786

¹⁾ Въсь приводимыя, какъ въ этой таблицѣ, такъ и далѣе цифры взяты болѣею частью изъ штатовъ и приказовъ, а отчасти изъ статей г. Чигиринца, свѣдѣнія же объ иностранныхъ державахъ заимствованы изъ книги: «Военное хозяйство» Ю. А. Макшевца.

Изъ приведенныхъ таблицъ видна громадная разница между пенсіями раненымъ 1-го и 2-го классовъ. Пенсіи раненымъ 1-го класса могутъ считаться недостаточными главнымъ образомъ для младшихъ чиновъ, что же касается пенсій раненымъ второго класса, къ которому принадлежатъ лица, можетъ быть, лишенные руки, ноги, одного глаза, при неизлечимой болѣзни въ другомъ, т. е. почти со-всѣмъ слѣпыхъ, глухія и т. п., то онѣ слишкомъ низки безусловно для всѣхъ чиновъ. Для того, чтобы яснѣе видѣть недостаточность пенсій раненымъ этого класса, мы сравнимъ получаемыя ими пенсіи съ ихъ окладами на дѣйствительной службѣ.

Разница между пенсіями и жалованіемъ офицеровъ видна изъ слѣдующей таблицы:

	Жалованіе.	Пенсіи.	Пенсіи мен- ше, чѣмъ жалованіе, на:
Полный генераль	11,620	4,689	6,931
Генераль-лейтенантъ	7,989	3,698	4,291
Генераль-маіоръ	5,866	2,704	3,162
Полковникъ	5,012	1,313	3,699
Подполковникъ	2,442	1,082	1,360
Капитанъ, ротмистръ	1,762	829	933
Штабс-капитанъ	1,368	735	633
Поручикъ	987	611	376
Подпоручикъ	927	546	381

Изъ этого сравненія оказывается, что первая награда раненымъ второго класса, могущимъ быть очень серьезно больными, или искалѣченными (безъ руки или ноги), которыхъ даже законъ приравниваетъ почти къ первому классу, т. е. не имѣющихъ возможности обходиться безъ посторонней помощи—уменьшеніе содержанія высшимъ чинамъ на двѣ трети, а низшимъ—почти на половину, между тѣмъ, какъ потребности раненыхъ нисколько не уменьшаются съ выходомъ въ отставку.

Въ пенсіяхъ раненымъ второго класса особенно рѣзко видна незначительность пенсіи изъ инвалиднаго капитала, что только можетъ подтвердить печальное явленіе—недостатокъ средствъ на такое великое дѣло, какъ обезпеченіе судьбы раненыхъ.

Но вотъ, что намъ кажется едва ли справедливымъ, такъ это самое назначеніе пенсій изъ Комитета о раненыхъ по чинамъ. Комитетъ о раненыхъ есть, собственно говоря, учрежденіе филантропическое, а не вознаграждающее за заслуги отечеству или за долготѣльную службу, и имѣющее дѣлюю приходить на помощь людямъ, пострадавшимъ за родину на военной службѣ. Распоряжаясь капиталами, почти исключительно пожертвованными частными лицами, Комитету о раненыхъ едва ли возможно такъ строго различать лицъ,

по чинамъ, т. е. входить въ обсужденіе вопроса о заслугахъ отечеству пострадавшаго лица. За заслуги отечеству дѣло правитель-ства вознаграждать, Комитетъ же о раненыхъ можетъ лишь смотре-ть на тѣ поврежденія, которыя понесъ пострадавшій безотноси-тельно къ его заслуженности и чину. Извѣстная рана или потеря какого-либо органа, требующія того или иного ухода или лишающія пострадавшаго тѣхъ или иныхъ удобствъ, которыхъ онъ лишился отъ пораненія, вотъ, что должно касаться Комитета о раненыхъ, по-тому и пенсія за раны должна бы выдаваться, принимая лишь это во вниманіе. Кто, напримѣръ, можетъ считаться болѣе пострадав-шимъ—полный генералъ на склонѣ лѣтъ или какой-нибудь полный жизни и надеждъ на будущее подпоручикъ или корнетъ, лишив-шись въ бою обѣихъ рукъ или ногъ, т. е. будучи почти обращенъ въ кусокъ мяса, которому безъ всякихъ надеждъ и радостей въ жизни придется доживать свой вѣкъ. Полный генералъ, находясь и безъ того уже на склонѣ лѣтъ, разумѣется, потерялъ многое, но ему помириться съ своимъ положеніемъ легче, такъ какъ жизнь онъ свою уже прожилъ и не долго ему остается доживать въ такомъ состояніи. Наконецъ, своѣй долгой службой онъ приобрѣлъ право на казенную и эмеритальную пенсію, вполне обеспечивающія ему полный комфортъ и всѣ удобства.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится подпоручикъ или кор-нетъ, обращенный такимъ образомъ въ кусокъ мяса; его молодая натура можетъ еще долго сопротивляться безжалостнымъ недугамъ, постигшимъ его, ему еще, быть можетъ, придется цѣлую длинную жизнь провести въ этомъ безпомощномъ состояніи, безъ всякихъ надеждъ на какія-либо радости въ жизни, безъ надеждъ на улуч-шеніе своего положенія, въ безпросвѣтной скорби объ утраченномъ здоровіи.

Несомнѣнно, что положеніе второго раненаго несравненно тя-желѣе перваго, и эту тягость мы еще усугубляемъ нуждою. Руки или ноги перваго раненаго, и безъ того уже хорошо обеспеченнаго, оцѣниваются въ 1,716 руб. ежегодной пенсіи, тогда какъ тѣ же ор-ганы второго оцѣниваются лишь 300 рублевой пенсіей, т. е. почти въ шесть разъ дешевле. Разумѣется, тутъ дѣло не въ оцѣнкѣ не-оцѣнимыхъ органовъ двухъ людей, обращенныхъ въ куски мяса по-терей ихъ, а въ томъ, что два человѣка одинаковаго круга обще-ства, одинаково воспитанныхъ и имѣющихъ одинаковую потребность въ комфортѣ, ставятся одинаково несчастнымъ случаемъ, противъ своей воли, въ совершенно несравнимое положеніе. Первый, благо-даря своей пенсіи, имѣетъ возможность всякими способами облег-чать свою участь, второй же, благодаря своей почти нищенской пенсіи, всѣ свои страданія физическія и моральныя долженъ еще

усугубить беспросвѣтной и безнадежной нуждой. Вся пенсія подпоручика или корнета въ такомъ положеніи составляетъ всего лишь отъ 834 до 1,052 рублей, не считая, разумѣется, денегъ, выдаваемыхъ на прислугу, которая необходима для личнаго ухода за нимъ. Всякій, знающій жизнь, вполне ясно себѣ представитъ, что за такія деньги, если нанять квартиру, хотя въ двѣ комнаты, да кухарку, то остальныхъ денегъ хватитъ лишь на самую скудную пищу. Даже на табакъ удѣлить ничего нельзя, а объ остальныхъ хотя бы самыхъ скромныхъ удовольствіяхъ или развлеченіяхъ, какъ выпискѣ журналовъ и газетъ или общеніи съ людьми, что тоже требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ, такому несчастному даже и думать нельзя. Такіе раненые, силою своего матеріальнаго положенія оторванные отъ всего міра и общества, обречены на какое-то постепенное физическое и моральное омертвѣніе вплоть до гробовой доски.

И въ этомъ состоитъ все возмездіе имъ отъ благодарной родины, за защиту которой они собою жертвовали и не щадили себя.

Еще хуже положеніе такихъ раненыхъ молодыхъ офицеровъ, причисленныхъ ко второму классу. Они получаютъ прямо нищенскія пенсіи.

Нѣтъ. Кровь этихъ людей вопіетъ и падетъ на насъ, если мы не облегчимъ ихъ участи. Мы должны придти на помощь имъ и дать Комитету о раненыхъ возможность настоящимъ образомъ обезпечивать этихъ калѣкъ, а не ограничиваться какой-то подачкой, обезпечивающей только отъ голодной смерти.

Раненые же 3-го класса, болѣзненное состояніе которыхъ бываетъ весьма серьезно, какъ мы указали это выше, изъ инвалиднаго капитала даже совсѣмъ не получаютъ пенсіи, а могутъ лишь хлопотать о единовременныхъ пособіяхъ, выдаваемыхъ, впрочемъ, лишь съ большими затрудненіями, которыя сопряжены съ такими униженіями и компромиссами со свойственнымъ каждому личнымъ самолюбіемъ, что не всякій даже и рѣшится пустяться на эти хлопоты. Размѣры этихъ пособій, выдаваемыхъ Комитетомъ о раненыхъ въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ, слѣдующіе:

„Раненые 3-го класса, при опредѣленіи къ должностямъ, по назначенію Александровскаго комитета о раненыхъ, могутъ воспользоваться единовременнымъ вспомоществованіемъ, въ видѣ пособія на экипировку, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Полковнику	115 р.
Подполковнику	108 »
Капитану	100 »
Штабсъ-капитану	93 »
Поручику	86 »
Подпоручику	79 »
Прапорщику	72 »

Дозволяется также выдавать изъ инвалиднаго капитала единовременныя пособія: во-первыхъ, всѣмъ, состоящимъ въ покровительствѣ Комитета о раненыхъ, которые, по крайней бѣдности, или тяжкой болѣзни, или по другимъ несчастнымъ случаямъ, будутъ нуждаться въ безотлагательной помощи; и во-вторыхъ, на погребеніе умершихъ въ С.-Петербургѣ раненыхъ генераловъ и офицеровъ, состоявшихъ въ покровительствѣ Комитета и не оставившихъ послѣ себя никакого имущества. Назначеніе этихъ пособій, на выдачу коихъ по смѣтамъ Комитета ассигнуется особая сумма, и самый размѣръ пособій завяжутся отъ усмотрѣнія Комитета.

Сверхъ сего Комитетъ, по своему усмотрѣнію, можетъ выдавать изъ особо назначаемой для сего по финансовой смѣтѣ инвалиднаго капитала суммы отставнымъ раненымъ офицерамъ, пріѣзжающимъ въ С.-Петербургъ на время, по своимъ дѣламъ, и нуждающимся въ денежныхъ средствахъ, заимообразно, въ счетъ получаемыхъ ими изъ инвалиднаго капитала, или изъ государственнаго казначейства, пенсій, до 150 р.; съ тѣмъ, если выдача эта почему-либо не будетъ пополнена, то оставшаяся недоимка слагается со счета“.

Обрисовавъ довольно подробно картину обезпеченія нашихъ раненыхъ офицеровъ, сравнимъ ихъ положеніе и степень обезпеченности ихъ въ сосѣдней намъ Германіи, съ которой мы такъ любимъ брать примѣръ.

При этомъ можно замѣтить, что въ ней совершенно иная система обезпеченія судьбы раненыхъ, чѣмъ у насъ. Въ Россіи раненымъ выдаются особыя пенсіи, зависящія отъ тяжести раны и отъ чина раненаго, въ Германіи же раненымъ полагается не особая пенсія, а прибавки къ выслуженной ими по службѣ обыкновенной пенсіи, размѣръ которыхъ не зависитъ отъ чина раненаго. Въ Германіи эти прибавки завяжутся отъ величины пенсіи, причемъ при высокихъ пенсіяхъ, сопряженнымъ съ высшими чинами, онѣ меньше, чѣмъ при низкихъ, т. е. генераламъ, штабъ-офицерамъ и капитанамъ онѣ назначаются въ 331 руб., а поручикамъ и подпоручикамъ 552 руб. Прибавки эти выдаются не только за полученныя раны, но и вообще за разстроенное войной здоровье, а также и за старость. Слѣдовательно, судьба всѣхъ трехъ классовъ раненыхъ обезпечивается этими пенсіями и даже старость. Размѣры этихъ прибавокъ въ Германіи:

За разстроенное войной здоровье 331—552 р.

За потерю cadaго изъ важныхъ органовъ или арвінія по . . 497 »

Въ Германіи прибавка, выдаваемая за потерю cadaго изъ важныхъ органовъ, не зависитъ отъ прибавки за разстроенное войной

здоровье, такъ что лишившіяся, напримѣръ, ноги или руки будутъ получать за разстроенное здоровье 331 руб. или 552 руб. въ зависимости отъ величины своей пенсіи, да еще прибавку за потерянный органъ 497 руб., итакъ только одной прибавки, кромѣ выслуженной имъ пенсіи, онъ будетъ получать, если принадлежитъ къ высшимъ чинамъ, 828 руб., а въ чинѣ поручика или подпоручика—1,049 руб.

При этомъ необходимо замѣтить, что и самыя пенсіи въ Германіи выдаются не только за 25 лѣтъ службъ, какъ у насъ, но и за 10 лѣтъ, причемъ размѣры ихъ довольно почтенны и высчитываются сообразно получаемому на службѣ содержанию. Такъ въ Германіи за 10 лѣтъ службы полагается пенсія равная $\frac{15}{60}$, за каждый же послѣдующій годъ размѣръ пенсіи увеличивается на $\frac{1}{60}$ оклада жалованія, итакъ максимальный окладъ пенсіи, т. е. пенсія за 40-лѣтнюю службу, достигаетъ $\frac{45}{60}$ или $\frac{3}{4}$ оклада жалованія, причемъ для вычисленія пенсій берется полный окладъ жалованія съ квартирными и столовыми деньгами, съ деньгами на прислугу и на госпитальное довольствіе. Размѣръ пенсій въ Германіи слѣдующій:

	Основной годовой окладъ содержанія.	Размѣръ пенсій.			
		За 10 л.	За 25 л.	За 35 л.	За 40 л.
Полному генералу	10,120	2,530	5,060	6,787	7,590
Генераль-лейтенанту	7,109	1,778	3,555	4,739	5,333
Генераль-маіору	5,523	1,381	2,762	3,682	4,143
Полковнику	4,303	1,076	2,152	2,869	3,228
Подполковнику	3,226	807	1,613	2,152	2,420
Капитану	2,467	617	1,234	1,645	1,851
Штабсъ-капитану	1,915	479	958	1,277	1,437
Поручику	1,173	294	587	782	880
Подпоручику	897	224	449	589	673

Къ этимъ пенсіямъ мы прибавимъ оклады, выдаваемые изъ инвалиднаго капитала, за разстроенное войной здоровье, за потерю какого-либо органа, и сравнимъ полученные оклады съ высшими окладами, которые могутъ быть получаемы нашими ранеными 2-го класса, причемъ мы будемъ брать для вычисленія иностранныхъ окладовъ пенсіи даже меньшіе сроки службы, чѣмъ мы это дѣлали при вычисленіи нашей пенсіи. Только полному генералу и генераль-лейтенанту будемъ считать полный окладъ пенсіи, генераль-маіору—за 35 лѣтъ, полковнику—30 л., подполковнику—25 л., капитану—20 л., штабсъ-капитану—15 л., а поручику и подпоручику минимальный окладъ—10 л. Всѣ эти данныя могутъ быть сведены въ слѣдующую сравнительную таблицу:

	Герма- нія.	Россія.	Разница.
Полному генералу	8,418	4,718	3,700
Генераль-лейтенанту	6,161	3,721	2,440
Генераль-маіору	4,510	2,721	1,789
Полковнику	3,339	1,323	2,016
Подполковнику	2,441	1,091	1,350
Капитану	1,856	836	1,020
Штабсъ-капитану	1,457	741	716
Поручику	1,343	617	726
Подпоручику	1,273	551	722

Такимъ образомъ наши раненые офицеры 2-го класса, въ особенности младшіе, получаютъ менѣ половины окладовъ раненыхъ въ Германіи. Но если принять во вниманіе дешевизну жизни въ Германіи и дороговизну ея у насъ, то безошибочно можно утвердить, что у насъ за приведенные оклады пенсій и четвертой части не получишь тѣхъ удобствъ и комфорта, которыми пользуются раненые въ Германіи при ихъ пенсіяхъ.

Приблизительно такія же мѣры обезпеченія раненыхъ и въ Австріи, какъ въ Германіи, которой она старается во всемъ подражать. Относительно же Франціи можно лишь сказать, что, хотя она и не придерживается системы Германіи, но раненые въ ней прекрасно обставлены въ матеріальномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою точныхъ данныхъ для составленія примѣрной таблицы.

Что же касается нашихъ раненыхъ третьяго класса, то ихъ и совершенно невозможно сравнивать, такъ какъ положеніе раненыхъ этой категоріи неизмѣримо лучше въ Германіи, чѣмъ у насъ, потому что этого класса раненые, собственно, никакими преимуществами у насъ не пользуются.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію пенсій семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ и посмотримъ, какъ поставлено это дѣло у насъ, въ Германіи, Австріи и Франціи.

У насъ пенсіи семьямъ офицеровъ, умершихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, полагаются лишь въ томъ случаѣ, если пенсіонеръ ее получалъ или же она имъ уже была выслужена, въ противномъ случаѣ, семьи ихъ лишаются пенсіи.

Семьямъ же офицеровъ, убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ, оказывается то преимущество, что имъ дается право на пенсію, независимо отъ того, была ли она выслужена умершимъ офицеромъ или нѣтъ.

Пенсіи семьямъ офицеровъ состоятъ изъ полной пенсіи отъ государственнаго казначейства, соотвѣтственно чину умершаго, изъ $\frac{5}{18}$ или $\frac{5}{12}$ оклада пенсіи изъ эмеритальной кассы, въ зависимости отъ

числа платныхъ лѣтъ и еще изъ пенсіи около $\frac{2}{3}$ оклада самого пенсіонера отъ Комитета о раненыхъ, причемъ съ ходатайствомъ о покровительствѣ Александровскаго комитета могутъ обращаться только тѣ семьи, которыя вовсе не имѣютъ никакой собственности или если валовой доходъ съ нея не превышаетъ для семействъ генераловъ 3,000 р., штабъ-офицеровъ—1,500 р. и оберъ-офицеровъ—1,000 р. Если же семья, находящаяся уже на попеченіи Комитета о раненыхъ, приобрѣтетъ такое состояніе, или же, если валовой доходъ съ ея собственности достигнетъ указанныхъ выше размѣровъ, то она должна сейчасъ же донести объ этомъ Комитету, въ противномъ же случаѣ она подвергается законной отвѣтственности и взысканію неправильно ею получаемой суммы. Но мы говорили уже объ этомъ валовомъ доходѣ. (Размѣры пенсій, получаемыхъ вдовами убитыхъ офицеровъ, см. на стр. 887).

Высшіе оклады пенсій, впрочемъ, удается лишь получить нѣкоторымъ вдовамъ генераломъ и полковниковъ. Что же касается вдовъ остальныхъ штабъ-офицеровъ и капитановъ, то имъ приходится довольствоваться средними окладами, наконецъ, вдовы младшихъ оберъ-офицеровъ никогда не получаютъ высшихъ окладовъ пенсій изъ государственнаго казначейства и эмеритальной кассы, такъ какъ она опредѣляется за выслугу убитыми полнаго 35-лѣтія, между тѣмъ, какъ убитые штабъ-капитаны, поручики и подпоручики почти случая не бываетъ, чтобы прослужили 35 лѣтъ. Къ этимъ пенсіямъ дѣлаются, кромѣ того, небольшія прибавки на воспитаніе дѣтей по числу ихъ.

Въ иностранныхъ же государствахъ семьямъ офицеровъ, убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ на войнѣ, выдаются особыя пенсіи, гораздо большія пенсій, выдаваемыхъ вдовамъ умершихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ офицеровъ.

Такъ въ Германіи, гдѣ обыкновенныя пенсіи вдовамъ выдаются изъ особаго, специально для этой цѣли существующаго вдовьяго капитала, вдовамъ офицеровъ, умершихъ на войнѣ или отъ ранъ, полагаются еще пенсіи и отъ казны: вдовамъ генераловъ—не менѣе 1,380 р. и вдовамъ штабъ и оберъ-офицеровъ—не менѣе 920 руб.

Особенно же хорошо обезпечены вдовы умершихъ на войнѣ офицеровъ во Франціи, гдѣ имъ выдается тройной вдовій окладъ, т. е. максимальный окладъ пенсіи, которую могъ выслужить самъ пенсіонеръ.

Цифры получаемыхъ пенсій можно свести въ слѣдующую таблицу:

	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.
Германія (не менѣе)	2,300	1,656	1,472
Франція	2,960—3,885	1,480—2,220	851—1,221
Россія	1,074—1,539	388—873	289—467

В Д О В Ы.	Отъ Государственнаго Казначейства и Эмеритальной кассы.		Изъ Инвалиднаго ка- питала.	В С Е Г О.	
	Высшій.	Нижшій.		Высшій.	Нижшій.
Генераль-маіора	967	502	572	1,539	1,074
Полковника	645	334	229	874	563
Подполковника	484	251	215	699	466
Капитана	369	188	209	569	388
Штабсъ - капитана	363	178	186	539	364
Поручика	206	150	172	468	322
Подпоручика	251	132	157	400	289

Изъ всего сказаннаго видно, что обезпеченіе пенсіями офицеровъ и ихъ семействъ въ иностранныхъ государствахъ гораздо шире, чѣмъ у насъ.

♦ Кромѣ того, въ Германіи всѣ офицеры обязаны страховать свою жизнь въ страховой кассѣ арміи и флота. По смерти офицера, страховая премія вдовѣ его не выдается, а капиталъ этотъ помѣщается въ сберегательное отдѣленіе страховой кассы, причемъ вдовѣ выдаются лишь проценты съ него. По смерти же вдовы, капиталъ этотъ выдается наследникамъ страхователя.

Заботы Александровскаго комитета о воспитаніи дѣтей заключаются въ опредѣленіи сыновей съ 10-лѣтняго возраста въ корпуса на казенный счетъ, причемъ сыновья умершихъ пенсіонеровъ инвалиднаго капитала, принадлежавшихъ къ первому или второму классу раненыхъ, принимаются туда безъ всякой конкуренціи. Сыновья раненыхъ, отъ 8-ми до 10-лѣтняго возраста, опредѣляются въ приготовительную къ корпусамъ школу Императора Александра II, причемъ дѣти убитыхъ на войнѣ или принадлежавшихъ къ первому или ко второму классу раненыхъ, принимаются на казенный счетъ, дѣти же раненыхъ, находящихся подъ покровительствомъ Александровскаго комитета, на счетъ инвалиднаго капитала.

Дѣти обоего пола, отъ 4-хъ до 8-ми лѣтъ, опредѣляются на счетъ инвалиднаго капитала въ Маріинскій дѣтскій пріютъ.

Что же касается дочерей раненыхъ и убитыхъ офицеровъ, то онѣ опредѣляются на счетъ инвалиднаго капитала въ институты, но только по баллотировкѣ. Безъ баллотировки же въ институты принимаются только круглыя сироты.

Кромѣ того, изъ инвалиднаго капитала дѣтямъ убитыхъ на войнѣ и отставныхъ раненыхъ офицеровъ выдаются пособія: до 6-лѣтняго возраста по 50 р. въ годъ, а съ 6-ти до 12-лѣтняго возраста, если не поступать въ учебное заведеніе—по 80 р. въ годъ, если же общій расходъ на эти пособія будетъ превышать 50 тыс. руб., то для дѣтей этихъ возрастовъ ведутся кандидатскіе списки и пособія имъ назначаются по очереди.

Дочерямъ же раненыхъ, состоявшимъ кандидатками на поступленіе въ институтъ и не выбаллотировавшимся, а сыновьямъ, оказавшимся по болѣзни непригодными къ поступленію въ корпуса, производится выдача пособій и послѣ 12-лѣтняго возраста до 20 лѣтъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ: сыновьямъ раненыхъ, обучающимся въ первыхъ трехъ классахъ гимназій, по 120 р. въ годъ, а въ остальныхъ классахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по 180 р. въ годъ; дочерямъ же, воспитывающимся дома или въ первыхъ трехъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній по 80 р. въ годъ, въ остальныхъ

классахъ по 120 р., а находящимся въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ по 180 р. въ годъ. Если же сумма этихъ пособій будетъ превышать ассигнованный на это кредитъ, то они выдаются не всѣмъ просящимъ, а преимущество отдается дочерямъ тѣхъ раненыхъ, у которыхъ больше дочерей, по возрасту требующихъ воспитанія, при равныхъ же условіяхъ преимущество отдается дочерямъ раненыхъ перваго класса надъ дочерьми раненыхъ втораго класса и дочерямъ раненыхъ втораго класса надъ дочерьми раненыхъ третьаго класса.

Словомъ, и дѣти нашихъ раненыхъ офицеровъ могутъ лишь рассчитывать на поступленіе въ учебное заведеніе лишь при особомъ счастьи при баллотировкахъ, пособия же на воспитаніе ихъ выдаются опять-таки въ томъ случаѣ, если окажется достаточно суммъ для этихъ цѣлей, что мы считаемъ крайне несправедливымъ, такъ какъ офицеръ, идущій въ бой, не можетъ думать о томъ, какого рода баллотировка постигнетъ его дѣтей, если ему оторветъ руку, ногу или искалѣчить на всю жизнь. Хотя искалѣченіе на войнѣ является своего рода баллотировкой, руководимой свыше, но подвергать баллотировкѣ дѣтей этихъ несчастныхъ, рѣшительно нѣтъ никакого основанія, и только недостатокъ средствъ для ихъ воспитанія вызываетъ въ настоящее время эту печальную баллотировку, въ случаѣ неудачи которой отравляется жизнь и безъ того уже пожертвовавшего всѣмъ во славу и честь своей родины.

До сихъ поръ мы говорили о пенсіяхъ отставнымъ раненымъ офицерамъ; теперь же перейдемъ къ пенсіямъ нижнимъ чинамъ, положеніе которыхъ бывають не только бѣдственно, но даже доходить до полнаго нищенства.

Нижніе чины въ покровительство Комитета принимаются не только за раны и увѣчья, полученныя при исполненіи служебныхъ обязанностей, но вообще по болѣзненному состоянію. Причемъ право на пенсію изъ инвалиднаго капитала не пользуются тѣ изъ нижнихъ чиновъ, какъ раненые, такъ и болѣзненные, которые имѣють 100 руб. и болѣе валового дохода съ собственности, а изъ болѣзненныхъ тѣ, которые получаютъ отъ казны 3-хъ или 6-ти рублевое мѣсячное пособіе, за исключеніемъ принадлежащихъ къ первому классу болѣзненныхъ; имѣющіе отъ казны 5-рублевую пенсію за безпорочную службу въ царствованіе Императора Николая I; находящіеся въ богадѣльняхъ и, наконецъ, тѣ, которые личнымъ трудомъ способнымъ добывать себѣ пропитаніе или имѣють годового дохода свыше 36 рублей.

Пенсіи нижнимъ чинамъ за выслугу лѣтъ у насъ вовсе не полагаются, а раненымъ она выдается изъ инвалиднаго капитала въ слѣ-

дующихъ размѣрахъ, соотвѣтственно тому классу, къ которому онъ причисленъ по степени увѣчья, причиненнаго раной:

Пенсіи раненымъ 1-го класса.

	Отъ Комитета о раненыхъ въ годъ. Рублей.
Унтеръ-офицерамъ	90
Рядовымъ	84

Пенсіи раненымъ 2-го класса.

Унтеръ-офицерамъ	63
Рядовымъ	57

Пенсіи раненымъ 3-го класса.

Унтеръ-офицерамъ	48
Рядовымъ	39

Несомнѣнно, что приведенный размѣръ пенсій настолько малъ, что никоимъ образомъ не можетъ служить обезпеченіемъ для жизни серьезно раненаго или искалѣченнаго человѣка, а въ особенности требующаго посторонней помощи и присмотра.

Положеніе этихъ несчастныхъ, получающихъ столь незначительную пенсію, таково, что они принуждены просто нищенствовать. Въ провинціи нерѣдко приходится видѣть несчастныхъ раненыхъ и искалѣченныхъ солдатъ, которыхъ возятъ по деревнямъ и городамъ въ телѣжкахъ для собиранія милостыни. И это тѣ герои-воины, которые грудью стояли за интересы родины.

Не такъ поставлено призрѣніе раненыхъ воиновъ изъ нижнихъ чиновъ въ Западной Европѣ. Тамъ родина, за которую они стояли грудью, вполне обезпечиваетъ имъ безбѣдное существованіе даже въ случаѣ поврежденія ихъ здоровья, а тѣмъ болѣе пораненія или искалѣченія.

При этомъ нужно замѣтить, что во Франціи и въ Россіи раненымъ нижнимъ чинамъ, какъ и офицерамъ полагаются особыя пенсіи, въ Германіи же и въ Австріи раненымъ полагается ежегодная прибавка къ выслуженнымъ ими пенсіямъ, размѣръ которыхъ въ Германіи достигаетъ 552 руб., а въ Австріи — 142 руб.

Г. Ф. А. Макшеевъ говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Пенсіи за раны и увѣчья у насъ совершенно ничтожны по

сравненію съ иностранными. Это ясно изъ слѣдующихъ сравнительныхъ данныхъ“:

	Фельдфе- бель. Рублей.	Унтеръ- офицеръ. Рублей.	Ефрейторъ. Рублей.	Рядовой. Рублей.
Оклады нашихъ пенсій для раненыхъ въ бою, причисленныхъ къ 1-му классу	90	90	84	84
Оклады французскихъ пенсій такимъ же раненымъ	625	519	433	361

Въ германской и австрійской арміяхъ, независимо отъ выслуженныхъ пенсій, полагается слѣдующая годовая прибавка, независимая отъ званія нижняго чина:

1) Въ германской арміи:

	Рублей.
За общее разстройство здоровья, причиненное войною	83
За потерю каждаго изъ важныхъ органовъ	150
Минимальный пенсіонный окладъ неспособнымъ къ труду, а также достигшимъ 55-лѣтняго возраста	276

2) Въ австрійской арміи:

	Рублей.
За общее разстройство здоровья, причиненное войною	37
За потерю руки или ноги	74
За потерю двухъ важныхъ членовъ или потерю арміи	112

Итакъ, по сравненію съ западно-европейскими наши пенсіи оказываются совершенно ничтожными.

Въ приведенныхъ иностранныхъ государствахъ на это дѣло обращено должное вниманіе и положеніе раненыхъ тамъ много лучше обезпечено, чѣмъ у насъ.

Особенно же бѣдственно у насъ положеніе семействъ раненыхъ и убитыхъ на войнѣ нижнихъ чиновъ, вдовамъ которыхъ пенсіи выдаются только при неспособности ихъ по болѣзни къ добыванію пропитанія личнымъ трудомъ, при неизбѣнн 100 рублей валового дохода съ собственности и неполученіи 3-рублевого мѣсячнаго пособия отъ казны. Размѣръ этихъ пенсій сообразуется съ пенсіей самихъ нижнихъ чиновъ и вообще весьма незначителенъ, причемъ одинаковъ, какъ для вдовъ бездѣтныхъ, такъ и съ дѣтьми. Никакихъ положительныхъ нормъ этихъ пенсій не существуетъ, а онѣ зависятъ отъ усмотрѣнія комитета.

Пенсіи изъ инвалиднаго капитала полагаются также и круглымъ сиротамъ пенсіонеровъ инвалиднаго капитала до 16-лѣтняго возраста, а при неизлѣчимыхъ и тяжелыхъ болѣзняхъ, какъ параличъ, лишеніе разсудка, зрѣнія, обѣихъ рукъ, или обѣихъ ногъ, и имѣющимъ болѣе 16 лѣтъ.

Вопросъ объ обезпеченіи нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ—это одинъ изъ важныхъ вопросовъ, на который надо обратить особенное вниманіе, такъ какъ они остаются почти безъ всякой поддержки.

Изъ всего, нами сказаннаго, и изъ всѣхъ приводимыхъ сравненій можно придти къ выводу, что особенно правильно и хорошо поставлено святое дѣло обезпеченія раненыхъ и ихъ семействъ въ Германіи, гдѣ инвалидный капиталъ образовался не изъ пожертвованій и различныхъ вычетовъ, а состоитъ изъ части 5-миллиардной французской контрибуціи 1871 года и какъ бы завоеванъ. Въ настоящее время капиталъ этотъ достигъ болѣе, чѣмъ 400 милл. марокъ, т. е. болѣе 184 милл. руб., пенсій же ежегодно выплачивается до 30 милл. марокъ, т. е. около 14 милл. руб., при числѣ пенсіонеровъ въ 57,680 человекъ.

У насъ же инвалидный капиталъ на 1 мая 1904 года достигъ всего лишь 44.514,333 руб. 94 коп., число же призрѣваемыхъ до 55 тыс. человекъ, на которыхъ расходуется до 4 милл. руб., т. е. гораздо менѣе ста рублей приходится на призрѣваемаго Комитетомъ.

Эти цифры ясно показываютъ, насколько положеніе нашихъ раненыхъ тяжелѣе, чѣмъ положеніе германцевъ и вообще иностранцевъ. Но въ настоящее время идетъ война, и война чрезвычайно кровопролитная. Мы должны ожидать массу раненыхъ, которые поступятъ подъ покровительство Александровскаго Комитета, а еще больше будетъ убитыхъ, семьямъ которыхъ святая обязанность помочь.

Если количество призрѣваемыхъ Комитетомъ только удвоится, то, слѣдовательно, при настоящихъ своихъ средствахъ, онъ въ состояніи будетъ удѣлить на каждого не болѣе сорока рублей! Неужели это возможно? Неужели можно допустить до того, чтобы наши раненые голодали или побирались Христовымъ именемъ?

Увеличеніе средствъ Комитета пожертвованіями наша святая обязанность. Надъ первый долгъ дать средства для того, чтобы тѣ, которые отдають на защиту отечества всѣ свои силы, здоровье и даже жизнь, знали, что ихъ семьи будутъ вполнѣ обезпечены, и что сами они, вернувшись на родину, можетъ быть, совершенно искалѣченными и неспособными уже ни къ какому труду, получать здѣсь

щедрюю помощь со стороны тѣхъ, за кого они проливали кровь свою.

Но въ этомъ случаѣ пожертвованія много не дадутъ. Въ особенности при страшномъ нашемъ безденежьи и всеобщей, оттого и только потому, бѣдности. Тутъ нужна помощь Государственнаго казначейства, которое должно удѣлить изъ своихъ средствъ Комитету необходимую сумму. Вѣдь находимъ же мы возможнымъ бросать сотни милліоновъ рублей на винную монополию и на сооруженіе водочныхъ дворцовъ. Также сотни милліоновъ летятъ у насъ на постройку никому ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ. Неужели у насъ не найдется при двухмилліардномъ бюджетѣ какой-либо десятокъ-другой милліоновъ рублей ежегодно для раненыхъ? Мы этому не вѣримъ и никогда не повѣримъ.

Но, наконецъ, если у насъ этихъ средствъ нѣтъ, то можно прибѣгнуть къ новому налогу, а, именно, обложить всѣхъ, освобожденныхъ, освобождающихся и уклоняющихся отъ воинской повинности. Суммы получились бы громадныя.

С. А. Н.

Къ 40-лѣтію русской Вильны.

(Письмо изъ Вильны).

Кончался мятежный 1863 годъ... Еще въ концѣ ноября замолкли послѣдніе выстрѣлы повстанцевъ, политическія страсти, видимо, начали стихать и взволнованная жизнь Сѣверо-Западнаго края по-немногу-вступала въ свои берега. Съ 1864 г. для края началась новая эпоха, характерную черту которой составляетъ внутренняя культурная работа надъ умиротвореніемъ края насажденіемъ и укрѣпленіемъ тамъ русскихъ началъ. Прошло 40 лѣтъ непрерывнаго труда и многое за это время измѣнилось здѣсь подъ усиленіемъ русскаго гения и энергіи. Для одного перечисленія всѣхъ успѣховъ здѣсь русской культуры за этотъ періодъ потребовалось бы обширное сочиненіе, почему мы ограничимся только городомъ Вильной.

Сохранившіяся описанія, фотографіи, планы, наконецъ, рассказы старожиловъ убѣждаютъ насъ, что 40 лѣтъ тому назадъ Вильна была грязна и тѣсна, ограничиваясь предѣлами нынѣшняго Стараго города: отъ Бакшты до нынѣшняго Георгіевскаго проспекта, представлявшаго тогда собору рядъ бѣдныхъ домиковъ, за которыми начинались огороды, и отъ Замковой горы до Острой Браны и Завальной улицы. Остальныя мало населенныя пространства съ рѣдкими домами считались за предмѣстья. Когда въ 1862 г. стали проводить отъ вокзала до Погулянки нынѣшній заселенный Александровскій бульваръ, то владѣльцы отошедшихъ подъ улицу участковъ земли вмѣстѣ съ цѣнностью ихъ ставили въ счетъ и находившіеся на нихъ озимые посѣвы ржи. Иначе говоря, на этомъ мѣстѣ тогда были засѣянные поля.

По своей внѣшности Вильна тогда еще довольно рѣзко сохраняла фізіономію средневѣковаго католическаго города. Узкія улицы, двускатныя черепичныя крыши домовъ, старинныя іезуитскія обширныя зданія со множествомъ внутреннихъ дворовъ, зданіе ратуши,

старинные костелы и кирки говорили, что городъ видѣлъ средніе вѣка и пережилъ иную культуру.

Православныхъ церквей было только 5, изъ нихъ ¹⁾ двѣ монастырскія скрывались за своими оградами, Николаевская была застроена еврейскими домами, а Николаевскій соборъ и Благовѣщенская по архитектурѣ не отличались отъ римско-католическихъ костеловъ. Торжественный звонъ послѣднихъ ежедневно возвѣщалъ о величїи и господствѣ здѣсь латинской церкви. О томъ же говорили двигавшіяся по улицамъ въ католическіе большіе праздники костельныя многолюдныя процессїи съ пѣніемъ, музыкой и колокольнымъ звономъ. О нихъ заранѣе извѣщалась бискупомъ полицїя, причѣмъ ей вмѣнялось въ обязанность слѣдить за чистотою улицъ, за порядкомъ, а всѣ гражданскіе чиновники освобождались отъ службы (хотя бы дни были присутственные) и полицейское объявленіе напоминало объ обязательномъ для нихъ участїи въ процессїи. Особенною торжественностью отличалась процессїя въ праздникъ тѣла Господня. Она совершалась по извѣстному, выработанному вѣками церемонїалу съ остановками въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Направляясь изъ каедральнаго костела по Замковой и Большой улицамъ, она останавливалась у Ивановскаго костела и близъ Нѣмецкой улицы, гдѣ устраивались особые алтарики для богослуженїя. Такая же остановка происходила и при обратномъ движенїи процессїи на нынѣшней Муравьевской площади близъ „Скоповки“. Тогда еще не существовало обостренныхъ вѣроисповѣдныхъ отношенїй, а потому въ католическихъ процессїяхъ принимали участіе и нѣкоторые православныя, извѣстныя въ городѣ лица, особенно изъ бывшихъ униатовъ. Старожилы помнятъ, какъ почтеннѣйшїй П. В. Кукольникъ (бывшїй профессоръ виленскаго университета) обыкновенно велъ подъ руку бискупа и принималъ участіе въ пѣнїи.

Въ то время Вильна была латино-польскимъ городомъ не только по своей внѣшности, но и по всей своей матеріальной культурѣ, что сказывалось даже въ счетѣ денегъ и въ мѣрахъ вѣса. Въ 1864 г. виленскїй губернаторъ доносилъ гр. М. Н. Муравьеву: „въ этомъ краѣ донинѣ употребляются многіе мѣры и вѣсы не русскіе, а польскіе. вмѣсто аршина употребляется въ торговлѣ польскїй локоть; вмѣсто разчета сыпучихъ тѣлъ на четверики и четверти расчитываются на бочки и осьмины; вмѣсто верстъ считаютъ на мили (7 в.); вмѣсто десятинъ существуютъ моргены; фунтъ соста-

¹⁾ Исключая 4 домовыя церкви. Въ настоящее время въ Вильнѣ 3 монастырскія церкви, 10 приходскихъ, 4 военныя, 10 домовыхъ и 4 часовни.

вляеть въ Гроднѣ $\frac{9}{10}$ -русскаго фунта“. Денежный счетъ шель польски на золоты, по рукамъ ходили мѣдныя монеты Царства Польскаго въ 10, 5, 3 гроша варшавской чеканки.

Внѣшность г. Вильны начала существенно измѣняться уже въ управленіе М. Н. Муравьева, когда благодаря конфискаціи нѣкоторыхъ зданій и приливу чисто-русскихъ поселенцевъ, появились новыя, частныя и общественныя постройки въ русскомъ стилѣ, создались новыя улицы, красивыя площади и скверы. Но особенно фizioномію г. Вильны измѣнили выстроенныя вновь и отремонтированныя въ византійскомъ стилѣ православныя церкви, — и теперь, по словамъ поэта,

Надъ Русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты,
И звономъ мѣди православной
Всѣ огласились высоты.
Вѣка минули искушенья,
Забыты страшныя дѣла,
И даже мерзость заустѣнья ¹⁾
Здѣсь райскимъ криномъ расцвѣла.
Преданье ожило святое
Первоначальныхъ русскихъ дней,
И только позднее былое
Здѣсь въ царство отошло тѣней ²⁾.

Административныя распоряженія Муравьева, стремившагося насадить въ край духовную и матеріальную русскую культуру, коснулись также и многихъ другихъ сторонъ городского благоустройства. 40 лѣтъ тому назадъ Вильна была не только тѣсна, но и темна. До введенія керосина, она освѣщалась плошками, которыя наливались низшаго сорта саломъ, питавшимъ хлопчатый фитиль. Сало-чадило, фитили отъ вѣтра гасли и, вообще, такое освѣщеніе при значительномъ разстояніи между собою фонарей было жалкое, какимъ оно и осталось при первоначальномъ введеніи керосина. Бѣдность совѣщенія въ Вильнѣ особенно сказалась во время ея военнаго положенія (1863 г.), когда царившая въ городѣ полутьма скрывала многія преступленія. Это не могло не обратить вниманія М. Н. Муравьева, который уже въ началѣ іюня 1863 г. писалъ министру внутреннихъ дѣлъ «о настоятельной необходимости газоваго освѣщенія въ Вильнѣ».

Того же 24 іюня не безъ вліянія начальника края въ виленскую думу поступило предложеніе французскаго подданнаго Лоханса

1) Поэтъ такъ называетъ развалины православныхъ виленскихъ церковей Пречистенской и Пятницкой, возстановленныхъ М. Н. Муравьевымъ.

2) Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, стр. 256.

устроить газовое освѣщеніе. Проектъ его послѣ четырехкратнаго обсужденія былъ принятъ думой, а 11 ноября уже окончательно подписанъ контрактъ и тогда же начались работы по проведенію газовыхъ трубъ къ ген.-губернаторскому дворцу. Этимъ дѣломъ торопилъ начальникъ края, оказывавшій, согласно своему обѣщанію, „всевозможное содѣйствіе къ безпрепятственному выполненію проекта“. Благодаря этому, уже къ концу 1863 г. газопроводныя трубы были проложены по главнымъ улицамъ, а въ началѣ слѣдующаго года, несмотря на сильныя морозы, трубы были проведены по важнѣйшимъ 6 площадямъ г. Вильны 1). Такъ Вильна, опережая Москву, ввела у себя газовое освѣщеніе 2), которое въ прошломъ году было замѣнено электрическимъ.

При послѣдующихъ виленскихъ генераль-губернаторахъ Вильна благодаря ихъ заботамъ сдѣлала большіе успѣхи въ своемъ благоустройствѣ; появились новыя красивыя общественныя зданія, общественныя сады и скверы, воздвигнуты памятники гр. М. Н. Муравьеву, А. С. Пушкину и императрицѣ Екатеринѣ; наконецъ, самыя улицы города приняли болѣе приличный видъ; словомъ, для знавшихъ Вильну 40 лѣтъ назадъ, она сдѣлалась малоузнаваемой и, за исключеніемъ Стараго города, можно сказать, съ каждымъ годомъ все болѣе принимаетъ русскую фizioномію.

Все это говоритъ объ успѣхахъ лишь матеріальной русской культуры въ г. Вильнѣ. Еще болѣе можно было бы сказать объ успѣхахъ тамъ культуры духовной. Припомнимъ, что въ 1863 г. всѣ важнѣйшія ея проявленія: языкъ, школа, книги, газеты, театръ были въ рукахъ польской партіи и ихъ никакъ уже нельзя было назвать русскими. Мало того, все, что носило это названіе, пользовалось презрѣніемъ, въ томъ числѣ и русскія книги. „Въ мѣстныхъ магазинахъ,—писалъ въ началѣ 1864 г. одинъ виленецъ, —доселѣ мы могли находить разныя книги, на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ русскаго: русскимъ книгамъ почему-то не было здѣсь мѣста, не только на полкахъ блестящихъ магазинововъ, но даже въ грязныхъ лавочкахъ и ящикахъ букинистовъ. Русская книга попадала въ этотъ край случайно“ 3). Изъ официального же отчета за 1903 годъ мы узнаемъ, что въ Вильнѣ было уже 35 типографій, 10 литографій, 15 скоропечатень, печатавшихъ русскимъ шрифтомъ. Благодаря типографскому станку Вильна въ этомъ году получала 9 русскихъ періодическихъ изданій.

1) «Виленскій Вѣстникъ» 1865. № 25.

2) Ранѣе Вильна газовое освѣщеніе было введено въ Петербургъ, Ригъ, Варшавъ.

3) „Виленскія Губернскія Вѣдомости“ 1864 г. № 1.

Кромѣ того, издано на русскомъ языкѣ 438 книгъ въ 3.684,527 томахъ, въ то время, какъ иностранныхъ книгъ было издано 200 названій въ 553,936 томахъ. Принимая во вниманіе процентное отношеніе населенія города Вильны по національностямъ, приведенная статистика весьма утѣшительно и ясно говоритъ за господствующее положеніе здѣсь русскихъ книгъ. То же можно сказать и о мѣстныхъ 11 бібліотекахъ, двухъ кабинетахъ для чтенія и 40 книжныхъ магазинахъ, гдѣ опять преобладаютъ русскія книги, въ то время, какъ до 1867 г. во всея Сѣверо-Западномъ краѣ не было ни одного русскаго книжнаго магазина, ни одной русской общественной бібліотеки.

Что касается успѣховъ здѣсь русской школы, то о нихъ много было сказано на столѣтнемъ юбилеѣ виленскаго учебнаго округа, въ началѣ прошлаго года, и въ вышедшихъ по этому поводу изданіяхъ ¹⁾.

О ростѣ здѣсь народнаго образованія говорятъ слѣдующія официальные числа:

Въ началѣ 1863 года народныхъ школъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ было 115, къ началу 1864 года число ихъ, благодаря содѣйствію гр. М. Н. Муравьева, возросло до 389, а въ настоящее время оно достигаетъ 1,630. Если прибавить къ этому церковно-приходскія школы, то цифра увеличится вдвое. Въ возрастающей прогрессіи увеличивается ежегодно и число среднихъ школъ, появились профессиональныя, техническія училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, виленскій учебный округъ положилъ прочное основаніе для русской науки (особенно историко-археологическое) и сдѣлался постояннымъ руководителемъ виѣшкольнаго просвѣщенія въ краѣ, устраивая бібліотеки, публичныя и народныя чтенія, общеобразовательныя и спеціальныя вечерніе курсы.

Въ дѣлѣ насажденія духовной русской культуры въ сѣверо-западномъ краѣ, рука объ руку съ учебнымъ вѣдомствомъ, идетъ мѣстная администрація. Въ ея официальномъ органѣ, служившемъ отраженіемъ русской политики въ краѣ, за этотъ періодъ неоднократно высказывалась и развивалась мысль о томъ, что культурныя мѣры не только важны и необходимы для края, но и что самое обрусеніе его должно состоять въ „культурномъ единеніи народностей“, средствомъ къ чему служатъ литература и искусство ²⁾.

¹⁾ Рѣчь г. попечителя В. А. Попова. А. В. Бѣлецкій. «Краткій историческій обзоръ дѣятельности вил. учебн. окр. 1803—1903 г. г.»

²⁾ См. «Виленскій Вѣстникъ» за 1866, 1867 гг. (напр. № 1, 31) и за 1887 г. (напр. № 212—213) и др.

Объ этомъ не только писали, но и проводили въ жизнь, хотя не всегда и не въ одинаковой степени. Постояннымъ попеченіемъ начальниковъ края пользовалась лишь русская школа, при чемъ было проявлено много заботъ объ увеличеніи числа народныхъ училищъ, объ улучшеніи школьной гигиены и всего школьнаго дѣла. Въ нынѣшнее управленіе краемъ культурныя начала примѣняются особенно интенсивно и многосторонне. По инициативѣ начальника края и при его непосредственномъ содѣйствіи ежегодно лѣтомъ снаряжаются во главѣ съ извѣстными профессорами-специалистами ученыя экспедиціи для изученія народностей и естественныхъ богатствъ края; открыты и уже успѣли проявить себя отдѣлы Историческаго общества въ память Императора Александра III и Русскаго собранія, призванъ къ дѣятельности отдѣлъ И. Р. музыкальнаго общества, поднятъ вопросъ о возстановленіи сѣверо-западнаго отдѣла И. Р. географическаго общества, съ большимъ оживленіемъ работаютъ прежде существовавшія общества медицинское, сельскаго хозяйства, рыбоводства, плодоводства и др. Виленскій дворецъ часто является мѣстомъ, объединяющимъ членовъ этихъ обществъ: въ немъ бывають музыкальные концерты, читаются ученые рефераты, происходятъ торжественныя и обычныя собранія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ. Добавимъ, что тотъ же дворецъ служитъ центромъ необыкновенно разросшейся въ послѣднее время благотворительной дѣятельности г. Вильны. Кто знаетъ, какое громадное значеніе имѣеть инициатива въ провинціи (особенно, если она исходитъ отъ высокопоставленнаго лица), тотъ по справедливости оцѣнитъ культурное оживленіе, внесенное въ Сѣверо-Западный край его нынѣшнимъ главнымъ начальникомъ.

Виленецъ.

II. Обзоръ внѣшнихъ событій.

Англія и Соединенные Штаты въ русско-японскомъ конфликтѣ.

IV 1).

Англійская пресса пропустила прекрасный случай помолчать по поводу несправедливыхъ обвиненій, сыпавшихся на Россію изъ - за двухъ, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, поднятыхъ вопросовъ о корреспондентахъ, пользующихся беспроволочнымъ телеграфомъ, и о блуждающихъ минахъ. Она и въ этомъ случаѣ постаралась, наоборотъ, доказать свою неспособность отрѣшиться отъ предвзятыхъ мыслей, неспособность признать логическую необходимость чувства безпристрастія и по отношенію къ Россіи, одно имя которой и до сихъ поръ, повидимому, возбуждаетъ въ ней тѣ же чувства, какъ красный плащъ, которымъ машутъ на аренѣ боя быковъ въ Испаніи.

Оба эти вопроса очень быстро канули въ Лету забвенія, такъ какъ наши власти на Дальнемъ Востокѣ не выказали ни малѣйшей склонности испугаться воплей, испускавшихся коварнымъ Альбіокомъ. Онѣ обѣщали поступать съ корреспондентами, прибѣгающими къ услугамъ беспроволочнаго телеграфированія, какъ съ шпионами, и имѣли къ тому полное основаніе: появившіяся въ печати письма лица, находившагося на корреспондентскомъ пароходѣ „Haimun“, неопровержимо свидѣтельствовали, что корреспондентъ этотъ регулярно сообщалъ въ Чифу о всѣхъ входахъ и выходахъ русскаго флота изъ Портъ - Артура, и нѣтъ надобности доказывать, какъ свѣдѣнія эти могли быть драгоцѣнны для японцевъ. Любопытно лишь одно. Когда наши мѣстныя власти изловили „Haimun“

1) См. «Русск. Вѣстн.», июль 1904 г.

и вмѣсто того, чтобы арестовать англичанина, ограничились взятіемъ съ него подписки, что для своихъ прогулокъ онъ избересть закоулокъ подальше отъ Портъ-Артура,—англійская печать подняла страшный гамъ. Черезъ недѣлю японцы предложили тому же „Наітун“ удалиться къ югу отъ черты Чифу-Чемульпо, — онъ повиновался безпрекословно и даже благодарилъ японцевъ за ихъ вѣжливость.

Чистой находкой для желающихъ облить Россію потоками желчи было облетѣвшее міръ извѣстіе, что плаваніе въ Печелійскомъ заливѣ и въ сѣверо-западной части Желтаго моря становится все болѣе и болѣе опаснымъ изъ-за блуждающихъ по разнымъ направленіямъ минъ, выпущенныхъ на произволь судьбы воюющими сторонами: плавая между Ляодуномъ и Шандуномъ, онѣ угрожаютъ гибелью всѣмъ судамъ, отваживающимся проникать въ эти воды. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ замѣтить, что толчокъ къ страстному обсужденію вопроса о блуждающихъ минахъ былъ данъ американскимъ правительствомъ. Какъ видно изъ вашингтонской телеграммы Рейтера 11 мая, американскіе морскіе агенты за границею получили приказаніе представить докладъ объ опасностяхъ, грозящихъ нейтральнымъ судамъ, вслѣдствіе минъ, плавающихъ у манчжурскаго берега. Отзѣвы агентовъ должны были быть представлены главному морскому совѣту, который, въ свою очередь, долженъ былъ представить свои соображенія на усмотрѣніе президента Роозвельта, причемъ, въ случаѣ надобности, предполагалось сдѣлать представленія воюющимъ сторонамъ.

Окрыленные надеждою на возможность американскаго оффиціального протеста, англійскіе органы печати пріударили по всѣмъ струнамъ своей лютни, но не обмолвились ни однимъ словомъ упрека по адресу японцевъ, не пощадивъ за то эпитетовъ по адресу русскихъ,—этихъ дикарей и отшепенцевъ человечества,—и требуя противъ нихъ общаго, рѣшительнаго противодѣйствія. Исключеніемъ явился лишь „Standard“, который рѣшительно оправдывалъ дѣйствія русскихъ и находилъ, что „воюющей всегда будетъ защищать свои берега и разрушать суда противника всякими средствами. Если можно послать бомбу на десять миль внѣ территоріальныхъ водъ, то можно послать и мину черезъ то же разстояніе. Опасенія же повредить нейтральныя суда никогда не удержатъ воюющія эскадры отъ боя“.

Затѣмъ, точно также безпристрастно выразился на собраніи „United service institution“ профессоръ междунагоднаго права

Лауренсъ, разобравшій рядъ поставленныхъ нынѣшнею войною на очередь важныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ воюющихъ сторонъ и нейтральныхъ. Онъ оправдывалъ запрещеніе беспроволочныхъ телеграммъ, какъ слѣдствіе невозможности ихъ контролировать, и находилъ, что „хотя воюющіе не должны обращать открытое море въ поприще для дѣйствія минъ, но вѣдь и мины, поставленныя въ районѣ военныхъ операцій могутъ быть занесены теченіемъ дальше и подвергнуть опасности нейтральныя суда, — воюющіе за это не отвѣчаютъ“.

Даже допуская мысль, что русскіе одни повинны въ существованіи столь опасныхъ для торговли нейтральныхъ державъ блуждающихъ минъ въ Желтомъ морѣ, вполне естественно разобратъ, имѣлъ ли бы предположенный американскій протестъ какое-либо подъ собою юридическое основаніе?

Въ военное время воюющимъ сторонамъ предоставлено абсолютное право ограничивать или совершенно прекращать плаваніе судовъ въ своихъ территоріальныхъ водахъ. Зона этихъ водъ простирается на разстояніе отъ 3 до 6 миль отъ берега въ море.

При опредѣленіи границы означенныхъ водъ теорія международнаго права исходила изъ того положенія, что власть прибрежнаго государства кончается тамъ, гдѣ она фактически не можетъ быть поддержана: „terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis“ ¹⁾. На этомъ основаніи Бинкерсгукъ, а за нимъ и другіе юристы говорятъ, что граница территоріальныхъ водъ опредѣляется пушечнымъ выстрѣломъ съ берега. Постоянное усовершенствованіе силы огнестрѣльныхъ орудій тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе отодвигаетъ въ открытое море границы территоріальныхъ водъ. Поэтому, институтъ международнаго права объявилъ въ 1894 г., что территоріальное море, вмѣсто прежнихъ 3 миль, простирается на 6 миль отъ берега, а послѣдующія международная соглашенія 1892, 1893 и 1894 годовъ между Россіей, Англіей и Соединенными Американскими Штатами опредѣлили границу территоріальныхъ водъ въ 10 миль отъ берега ²⁾; нынѣ же при орудіяхъ, стрѣляющихъ на 18 верстъ, она должна быть еще болѣе отодвинута.

Въ предѣлахъ зоны территоріальныхъ водъ каждая держава имѣетъ неоспоримое право принимать всѣ мѣры, которыя могутъ оказаться полезными для ея военныхъ операцій. Минны

¹⁾ Bynkershoek. De dominio maris. Cap. II.

²⁾ Мартенсъ. «Современное международное право», т. I, стр. 383.

загражденія безусловно относятся къ такимъ мѣрамъ. Въ территоріальныхъ водахъ, море считается открытымъ и тамъ подобное дѣйствіе запрещается. Россія этого правила не нарушала, такъ какъ заградила минами только свои гавани и бухты.

Положеніе не мѣняется изъ-за того, если одна или нѣсколько минъ, вслѣдствіе теченія, прилива или отлива, сорвутся и будутъ унесены въ открытое море, потому что современная техника такому, вызванному исключительнымъ обстоятельствомъ перемѣщенію помѣшать не въ состояніи, и русскимъ властямъ, поставившимъ минныя загражденія въ своихъ водахъ, подобное, независящее отъ доброй воли властей, перемѣщеніе въ вину вмѣнено быть не можетъ, а, слѣдовательно, нейтральныя державы не имѣютъ права протестовать противъ такихъ мѣръ.

Съ такимъ взглядомъ сходится и мнѣніе извѣстнаго военнаго обозрѣвателя „Berliner Tageblatt“, графа Ревентлова, который замѣчаетъ: „разумѣется, трудно рѣшить, что заставляетъ англійскую печать относиться къ факту плаванія минъ въ нейтральномъ морѣ, какъ къ нарушенію международнаго права: интересы торговаго судоходства, подвергающагося опасности, или сочувствіе союзниковъ къ понесеннымъ японцами потерямъ. Говорятъ, что въ то время, какъ мины, причинившія гибель „Петропавловска“, были заложены въ трехмильныхъ предѣлахъ береговыхъ водъ,—„Хатцусе“ получилъ ударъ въ разстояніи десяти миль отъ Порть-Артура, т. е. въ открытомъ морѣ“.

По этому поводу, не лишне обратить вниманіе на то, что, какъ выше указано, водное пространство и на разстояніи десяти миль отъ берега признается территоріальными водами и, потому, ставя мину даже и въ такомъ удаленіи отъ берега, русскія власти оставались на почвѣ своего права.

Затѣмъ, графъ Ревентловъ продолжаетъ: „конечно, нельзя оспаривать вѣрности утвержденія, что мины, массаами плавающія въ открытомъ морѣ, служащемъ торговымъ путемъ для всѣхъ націй, представляютъ крупную опасность, но какимъ образомъ можно ее устранить?“

„Единственнымъ къ тому способомъ было бы объявить воюющія державы отвѣтственными за убытки и дипломатическимъ путемъ побудить ихъ согласиться на вознагражденіе за поврежденія, которыя получаютъ отъ минъ нейтральныя суда. Больше сдѣлать ничего нельзя, даже если воюющія стороны дадутъ обязательство не закладывать минъ внѣ черты территоріаль-

ныхъ водъ. Кто же, однако, сможетъ провѣрить, гдѣ были заложены мины, попавшія потомъ въ открытое море? Кто сможетъ уличить воюющаго, если онъ ночью, а то и днемъ пуститъ мины въ открытомъ морѣ, а затѣмъ будетъ отрицать это". Замѣчаніе это имѣетъ неоспоримое значеніе, когда одною изъ воюющихъ сторонъ являются японцы, отличающіеся, какъ сверхчеловѣки самой послѣдней марки, достаточною беззаботностью по отношенію къ нравственнымъ принципамъ.

Въ заключеніе, графъ Ревентловъ прибавляетъ: „кромѣ того, трудно сказать, такъ ли, въ самомъ дѣлѣ, неблагоприятно вліяютъ блуждающія мины на морскую торговлю въ этихъ областяхъ и безъ того испытывающую полный упадокъ. Врядъ ли разница окажется особенно велика“.

Русскіе до того совѣстливо относились къ вопросу о минныхъ загражденіяхъ, что въ свое время отказались отъ проекта минировать порты сѣверной Кореи только потому, что не считали удобнымъ подвергать опасности нейтральныя суда. Точно также вначалѣ они имѣли полную возможность поставить неограниченное количество привязныхъ минъ около Гензана, но не сдѣлали этого исключительно изъ заботливости объ интересахъ нейтральныхъ.

Исторія указываетъ, что Россія шла всегда во главѣ движенія, направленнаго къ тому, чтобы законы гуманности соблюдались и во время войны. Въ вопросѣ о минахъ Россія оставалась неуклонно вѣрна себѣ, и тѣмъ менѣе къ лицу англійской печати вопіять на весь міръ, что ограниченіе права воюющихъ пускать мины, предложенное на Гаагской конференціи, было отвергнуто вслѣдствіе оппозиціи Америки и Англій.

Когда англійскія и американскія газеты вдоволь накричались объ опасностяхъ для нейтральной торговли, благодаря дѣйствіямъ такого всесвѣтнаго хищника, какъ Россія, не останавливающагося ни предъ какими недозволенными средствами, — къ немалому конфузу нашихъ обличителей оказалось, что японцы первые пустили въ ходъ блуждающія мины.

Уже въ ночь первой минной атаки на портъ-артурскую эскадру японцы снарядили всѣ выпущенныя ими мины Уайтхеда не на „затопленіе“, какъ это предполагалось самими изобрѣтателемъ и всѣми цивилизованными государствами, на „всплытіе“, проектированное только для учебныхъ, не снаряженныхъ динамитомъ минъ. При послѣдующихъ атакахъ японцы поступали точно также; они считали выгоднымъ отдать въ руки враговъ нѣсколько всплывшихъ минъ, въ расчетъ, что хотя одна изъ нихъ не будетъ замѣчена въ

гомъ и случайно что-нибудь взорветъ. Такихъ всплывшихъ минъ досталось въ наши руки нѣсколько десятковъ. Позднѣе отъ минъ Уайтхеда японцы перешли къ нарочно для того приспособленнымъ сосудамъ съ динамитомъ, выбрасываемымъ въ море для цѣлей безконтрольнаго плаванія.

Наконецъ, совершенно разъяснила вопросъ о блуждающихъ минахъ, столь раздутый газетою „Times“, телеграмма генералъ-адъютанта Алексѣева, сообщившая на основаніи донесеній контръ-адмирала Витгефта, что японцы стали замѣнять такъ неудавшіеся имъ брандеры разбрасываніемъ минъ на внѣшнемъ портъ-артурскомъ рейдѣ, и что много японскихъ минъ найдено и взорвано на рейдѣ.

Такимъ образомъ, являлось доказаннымъ, что именно японцы постоянно прибѣгаютъ къ столь опасному для нейтральныхъ судовъ способу борьбы.

Какъ только выяснилось, что прекраснымъ незнакомцемъ, разбрасывающимъ блуждающія мины и тѣмъ подсекающимъ въ корнѣ иностранное судоходство въ Желтомъ морѣ, оказались японцы,—мигомъ стихли всѣ клеветническія выходки противъ русскихъ, — никакого протеста Соединенные Штаты, повидимому, не предъявили, и самый вопросъ о блуждающихъ минахъ какъ-то моментально сошелъ съ газетныхъ столбцовъ, какъ будто его никогда и не бывало.

V.

Уже давно извѣстно, что всякій рѣшительный шагъ Россіи встрѣчается иностранною, а въ особенности англійскою печатью съ единодушною и нескрываемою враждебною, даже когда этотъ шагъ обусловленъ неотложною необходимостью оберечь свои важнѣйшіе государственные интересы. Такъ, не было особою тайною, что съ начала войны англійскіе купцы усилѣли нажать огромныя деньги на военной контрабандѣ, доставляемой ими японцамъ, какъ въ самой Японіи, такъ и въ Корей: по словамъ брюссельской газеты „Soir“, съ февраля по май въ Чемульпо пришло изъ различныхъ англійскихъ портовъ 14 англійскихъ пароходовъ, вмѣстимостью въ 26000 тоннъ и которые доставили японской арміи съѣстные припасы, пушки, ружья, а также желѣзнодорожный матеріалъ для постройки стратегической фузано-сеульской желѣзной дороги. Окончивъ выгрузку, эти пароходы ушли въ Японію, гдѣ взяли на свой бортъ войска. Весь первый корпусъ япон-

ской арміи былъ, по словамъ этой газеты, почти исключительно доставленъ въ Корею на англійскихъ пароходахъ.

Безпрепятственное до послѣдняго времени снабженіе японской арміи военными припасами облегчало задачу этой послѣдней и, очевидно, русское правительство не могло хладнокровно относиться къ такому порядку вещей, при которомъ длящееся нарушеніе нейтралитета со стороны формально дружественной намъ державы дѣйствовало въ прямой намъ ущербъ. Въ непремѣнной заботливости и радѣніи объ истинныхъ пользахъ и выгодахъ Россіи и было рѣшено принять дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію доставки идущей изъ Европы къ врагу нашему военной контрабанды. Порученіе это было возложено на наши крейсера въ Красномъ морѣ „Петербургъ“ и „Смоленскъ“: не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ они остановили и задержали англійскіе пароходы: „Malacca“, „Argova“ и „Formosa“ и германскій „Scandia“. Кромѣ того, „Смоленскъ“ останвилъ принадлежащій сѣверо-германскому Ллоиду пароходъ „Prinz Heinrich“ и взялъ съ него мѣшки и ящики, заключавшіе въ себѣ почту, адресованную въ Японію. Лишь только обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ разразилась цѣлая буря въ Англии, поднявшая снова ту волну ненависти, которая, къ сожалѣнію, лишь ищетъ случая обрушиться на Россію, чтобы смять, уничтожить ее.

Германская печать въ общемъ не перешла границъ спокойнаго обсужденія случаевъ задержанія германскихъ пароходовъ, бывшаго во всякомъ случаѣ кратковременнымъ, такъ какъ даже приведенный въ Портъ-Саидъ пароходъ „Scandia“ былъ освобожденъ, какъ только германское правительство сообщило нашему правительству доказательства, что находившійся на этомъ пароходѣ небольшой грузъ военныхъ припасовъ былъ предназначенъ для надобностей какъ германскаго, такъ и китайскаго правительствъ. Болѣе возбужденія вызвалъ разборъ вопроса о захватѣ на „Prinz Heinrich“ почты, затѣмъ возвращенной встрѣчному пароходу „Persia“, за исключеніемъ двухъ пакетовъ, адресованныхъ германскою фабрикою военныхъ припасовъ одному лицу въ Нагасаки, такъ какъ вопросъ о томъ, составляетъ ли почтовая корреспонденція военную контрабанду, считается спорнымъ.

Командиръ „Смоленска“ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ на основаніи ст. VII Высочайше утвержденныхъ 14 февраля 1904 г. „Правиль, которыми Россія намѣрена руководствоваться

во время войны“, правилъ, которыя со времени ихъ опубликованія не были опротестованы ни одною державою. Статья эта гласитъ: „наравнѣ съ торговлею военною контрабандою должны считаться не дозволенные дѣйствія нейтральныхъ: перевозка непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ и транспортовъ. Нейтральныя суда, застигнутыя съ подобнаго рода военною контрабандою, могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, не только захватываемы, но и конфискуемы“.

По мнѣнію же бывшаго германскаго министра почтъ Подбѣльскаго, который завѣдывалъ почтою во время захвата англичанами германскаго почтового парохода „Bundesrat“, „перевозка почты, согласно постановленіямъ всемірнаго почтового союза, должна быть совершенно свободна и всякій захватъ уже потому не можетъ быть допускаемъ, что къ почтовымъ пакетамъ никакъ не можетъ быть примѣнено понятіе о военной контрабандѣ“.

Комментируя это заявленіе, газета „Post“ прибавляетъ: „если даже по международному праву Россія окажется правой, сущность недоразумѣній не можетъ считаться исчерпанной. Именно въ виду недостатка опредѣленныхъ правовыхъ основаній въ отношеніяхъ воюющихъ сторонъ къ нейтральной торговлѣ, здѣсь и могутъ быть проявлены дружескія или иныя отношенія между государствами. И мы надѣемся, что Россія воспользуется нынѣшнимъ случаемъ для того, чтобы явно показать намъ, какое положеніе она желаетъ занять къ Германіи и на какое она можетъ, стало быть, рассчитывать со стороны Германіи“.

Ставя вопросъ на такую почву, газета, тѣмъ самымъ, выказала слабость юридическаго основанія, на которое могли бы опираться германскія претензіи по данному предмету; что же касается до дружескихъ отношеній, то ради нихъ могутъ быть, конечно, дѣлаемы обширныя уступки,—въ силу ихъ и Россія, какъ кажется, сдѣлала все, чтобы возникшій инцидентъ получилъ быстрое и удовлетворительное разрѣшеніе.

Любопытно, что наибольшее возбужденіе по поводу конфискаціи почты на германскомъ пароходѣ выказали не германскія, а англійскія газеты, которыя съ пѣной у рта возмущались „оскорбленіемъ, нанесеннымъ германскому флагу“. Оффиціозный „Daily Graphic“ писалъ: „Будетъ очень интересно узнать, что предприметъ германское правительство, вовсе не щадившее насъ во время южно-африканской войны и выступавшее

съ энергичными протестами въ случаяхъ, гораздо менѣе важныхъ, чѣмъ обыски и задержаніе „Prinz Heinrich“. Конфискація почтовыхъ посылокъ—это вѣчто совершенно несносное для нейтральныхъ державъ и мы ждемъ твердаго слова Германіи. Само собой понятно, что Германіи не трудно будетъ добиться удовлетворенія отъ петербургскаго кабинета, но всякая уступка, которую сдѣлаютъ ей, должна быть сдѣлана Англійи и другимъ нейтральнымъ державамъ. Мы не можемъ оставаться спокойными, коль скоро нейтральной торговлѣ подъ англійскимъ флагомъ чинять притѣсненія, отъ которыхъ мы отвыкли болѣе полуторастолѣтія“.

„Daily Mail“ тоже старался убѣдить нѣмцевъ, что русскіе поступаютъ съ Германіей съ великимъ пренебреженіемъ и что „дѣйствія русскихъ судовъ, которымъ только грубое нарушеніе международнаго права дало возможность пройти проливы, даютъ всѣмъ заинтересованнымъ державамъ законное право сдѣлать петербургскому кабинету самыя энергичныя представленія“.

Какъ выдаетъ энергія, съ которою англичане распинаются за поправныя права Германіи, сокровенное опасеніе англичанъ, какъ бы не установились между Россіей и Германіей прочныя и дружескія отношенія!

Когда въ Англійю пришло извѣстіе о захватѣ нашими крейсерами въ Красномъ морѣ трехъ пароходовъ подъ англійскимъ флагомъ—„Malacca“, „Ardova“ „Formosa“,—давно небывалое возбужденіе охватило Лондонъ.

Привыкшіе смотрѣть на себя, какъ на представителей перваго флота въ мірѣ, англійскіе моряки, вслѣдствіе преувеличеннаго національнаго самолюбія, стремятся видѣть ущербъ для своего обаянія въ каждой попыткѣ иностранцевъ контролировать ихъ. Привыкшіе ни съ кѣмъ не церемониться, избалованные безнаказанностью, англичане не могли придти въ себя отъ изумленія, что Россія рѣшилась напомнить имъ о существованіи не только ихъ правъ, но и обязанностей, съ которыми прочія державы имѣютъ обыкновеніе сообразоваться безпрекословно,—рѣшилась напомнить англичанамъ, что и имъ не дозволяется безвозбранно заниматься перевозкою военной контрабанды. Фактъ былъ такъ необыченъ, такъ противорѣчилъ всегдашней и зачастую чрезмѣрной снисходительности петербургскаго кабинета по отношенію къ задрающей дѣятельности иностранныхъ державъ, что по полученіи извѣстія о томъ, что русскіе точно также не поцеремонились и, захвативъ англійскія суда, подняли на нихъ русскіе

военный флагъ и повели съ русскою же командою въ одинъ изъ русскихъ портовъ для разбирательства дѣла призовымъ судомъ,—волненіе обуяло англійскую печать и даже членовъ парламента. Не даромъ еще во времена знаменитой наполеоновской *entente cordiale* Вейсъ замѣтилъ, что „Англія любитъ занимать привилегированное положеніе выше всѣхъ остальныхъ державъ и даже выше справедливости“¹⁾. Ту же черту подмѣтилъ въ свое время и нашъ извѣстный авторитетъ по международному праву, г. Мартенсъ: „Англія до настоящаго времени придерживается началъ, провозглашенныхъ въ *Consolato del Mare*, этомъ сборникѣ морскихъ обычаевъ, изданномъ въ XIV в. Право конфискаціи непріятельской собственности, гдѣ бы таковая ни находилась, давало ей право останавливать нейтральныя суда въ открытомъ морѣ, подъ предлогомъ необходимости ихъ осмотра, и тѣмъ парализовать нейтральную торговлю. Съ другой стороны, либеральное, повидимому, начало неприкосновенности нейтральныхъ товаровъ на непріятельскихъ корабляхъ не имѣло никакого практическаго значенія, ибо нейтральные не могли рисковать отправкой товаровъ на судахъ, которыя подлежали непріятельскому захвату.

„Остановить нейтральную торговлю къ выгодѣ собственной—вотъ главная цѣль англійской системы, которую и до сихъ поръ защищаютъ англійскіе юристы“²⁾.

Когда суровая дѣйствительность показала, что въ заботѣ объ огражденіи своихъ собственныхъ интересовъ, Россія намѣрена стать поперекъ дороги къ достиженію этой англійской главной цѣли, съ островной монархіи понеслась противъ насъ цѣлая буря негодованія и ничѣмъ не сдерживаемаго бѣшенства.

По словамъ корреспондента „*Patrie*“, уже двѣнадцать лѣтъ живущаго въ Лондонѣ, ему никогда еще не приходилось видѣть такого возбужденія, несмотря на то, что, какъ онъ утверждаетъ, весь находившійся на „*Malassa*“ военный грузъ былъ дѣйствительно предназначенъ для Японіи, поэтому и захватъ парохода былъ вполне правиленъ. Бѣсновашіеся журналисты требовали, чтобы англійскій флотъ силою отнялъ „*Malassa*“, когда ее поведутъ на призовой судъ: „въ городѣ только и говорятъ, что о войнѣ съ Россією. На биржѣ распродаютъ патріотическія пѣсни, прославляющія побѣды британ-

¹⁾ Weiss. Code du droit maritime international. Paris. 1858. I. p. 241.

²⁾ Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Мартенсъ. 1896. II, стр. 582.

скаго флота. На улицахъ ходко распродаютъ газеты, съ напечатанными крупнымъ шрифтомъ заголовками: „Предъ нами преклонится Россія. Нашъ флотъ уничтожитъ русскій флотъ въ одну минуту! Мы должны оставаться спокойными и дѣйствовать, не обращая никакого вниманія на Россію“.

Не надо забывать, что это бряцаніе оружіемъ было отчасти обусловлено и тѣмъ обстоятельствомъ, что захватъ русскимъ крейсеромъ британскихъ пароходовъ съ военною контрабандою билъ англичанъ не дубьемъ, а рублемъ, такъ какъ всѣ судовладельцы, всѣ собственники грузовъ и страховыя общества вдругъ вынуждены были считаться съ возможностью убытковъ, вмѣсто того, чтобы, какъ доселѣ, получать лишь высокіе фрахты и громадныя преміи. Негодующіе голоса всѣхъ этихъ очень многочисленныхъ и вліятельныхъ лицъ присоединились къ дружному хору лондонскихъ газетчиковъ, съ остервенѣніемъ набросившихся на Россію. Были, конечно, и рѣдкія исключенія, и тѣмъ пріятнѣе ихъ засвидѣтельствовать. Такъ „Daily News“ высказалъ такой взглядъ: „очень важно помнить, что „Malacca“ въ составѣ груза имѣла боевыя припасы и что послѣдній портъ, куда она должна была зайти, былъ Іокогама. Эти два факта являются достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы русскій вспомогательный крейсеръ имѣлъ право дѣйствовать. Если, съ другой стороны, вѣрно, что коносаменты, которые были посланы сухимъ путемъ, не находились на англійскомъ пароходѣ, то является еще одинъ фактъ, смягчающій поступокъ русскаго крейсера. Не слѣдуетъ также забывать, что мѣра, принятая по отношенію къ британскимъ судамъ, была принята также и по отношенію къ германскому пароходу. Этотъ фактъ сразу же лишаетъ поступокъ съ англійскимъ судомъ характера умышленнаго причиненія вреда британскимъ интересамъ“.

Точно также и главный редакторъ журнала „Truth“, членъ парламента радикальной партіи Лабушеръ, писалъ: „На этотъ разъ вы, господа джингоисты, не можете похвалиться сочувствіемъ со стороны народныхъ массъ. Вы хотите втравить Англію въ новую войну, но нація не пойдетъ за вами, она это уже доказала; вы можете бряцать оружіемъ, трубить о незаконныхъ дѣйствіяхъ Россіи, но здравый смыслъ націи сильнѣе васъ. Нація не вѣритъ на слово партійной печати и не желаетъ войны“. Въ заключеніе своей обширной статьи, онъ прямо заявляетъ, что „въ инцидентѣ съ „Malacca“ Россія ни на одну минуту не покидала почвы международнаго права“.

зи дѣйствовала такъ, какъ на ея мѣстѣ дѣйствовала бы всякая другая держава“.

Либеральная „Westminster Gazette“ вторила Лабушеру и подчеркивала, что „не слѣдуетъ забывать, что Англія, какъ величайшая морская держава, сама больше другихъ заинтересована въ строгомъ соблюденіи законовъ о контрабандѣ. Если мы отвергнемъ за Россіей право борьбы противъ военной контрабанды, то мы сами будемъ поставлены въ безвыходное положеніе, коль скоро намъ придется вести войну. Лучше ужъ пусть страдаетъ нашъ торговый флотъ, только бы Англія не впала въ политическую ошибку, о которой придется горько жалѣть“.

Въ томъ же порядкѣ идей слѣдуетъ обратить вниманіе на рѣчь, произнесенную въ Мидльсборо павѣстнымъ главою рабочей партіи и бывшимъ членомъ парламента Гэвлокъ Уильсономъ. Ораторъ во всеуслышаніе заявилъ, что, какъ ему извѣстно, много британскихъ коммерческихъ судовъ везутъ военные грузы въ Японію; поэтому нечего удивляться недружелюбному настроенію Россіи по отношенію къ Англіи. При этомъ ораторъ не скрылъ, что онъ совершенно не понимаетъ, почему „Malacca“ приняла грузъ для британскаго правительства въ Антверпенѣ.

Что касается до англійскаго правительства, то, чрезъ посредство своего посла въ Петербургѣ, оно обратилось къ русскому правительству съ энергичнымъ (strongly worded) протестомъ, требуя немедленной выдачи парохода „Malacca“ на томъ основаніи, что русское правительство не имѣло подъ собой правовой почвы и что находящіеся на суднѣ военные припасы принадлежатъ великобританскому правительству по назначенію англійской эскадры, находящейся въ китайскихъ водахъ. На ящикахъ была четко обозначена стрѣла, условный же знакъ этотъ извѣстенъ, какъ оффиціальное клеймо англійскаго правительства. Въ концѣ ноты говорилось, что захватъ „Malacca“ создаетъ очень серьезное положеніе, и указывалось на возможность тяжелыхъ послѣдствій настоящаго дѣла.

Протестъ этотъ преисполнилъ радости англійскія газеты. „Daily Telegraph“ успѣшилъ выразить, что „лордъ Лансдоунъ оправдалъ довѣріе страны, дѣйствуя съ твердой рѣшительностью и быстротой, которыя напоминаютъ самую энергичную эпоху національной политики“, а „Standard“ прямо пригрозилъ Россіи: „Мы ждемъ извѣстія, что пароходъ „Malacca“ возвращенъ безъ малѣйшей задержки. Если же этого, къ несчастію, не будетъ сдѣлано, придется послать указанія глав-

ному командиру нашихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ-морѣ“. Въ подкрѣпленіе серьезности подобныхъ намѣреній газеты сообщали, что вожди оппозиціи заявили о своемъ согласіи поддержать всякое дѣйствіе правительства, которое послѣднее пожелало бы предпринять по отношенію послѣдовавшихъ въ Красномъ морѣ захватовъ.

Что же подало поводъ къ задержанію англійскаго парохода? Особый надзоръ за „Маласса“ и его захватъ были вызваны секретными донесеніями изъ Антверпена, согласно которымъ на пароходѣ находились военные припасы и металлическія части для подъемнаго крана въ японскомъ портѣ Моджи. Когда же крейсеръ „Петербургъ“ остановилъ „Маласса“, капитанъ этого парохода отказался представить судовые документы и, потому, на основаніи морского права подлежалъ задержанію. Командиръ нашего крейсера тѣмъ болѣе считалъ себя вправѣ это сдѣлать, что на пароходѣ оказалось около 300 тоннъ военнаго груза, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, до 40 тоннъ того взрывчатого вещества, которымъ снаряжаются японскіе артиллерійскіе снаряды, при разрывѣ которыхъ развиваются отравляющіе газы. Общество „Oriental Peninsular Line“, которому принадлежитъ „Маласса“, голословно увѣряло черезъ капитана парохода, что военный грузъ принадлежитъ британскому правительству, отправившему его въ Гонконгъ для нуждъ британскихъ военныхъ судовъ, командиру же нашего крейсера вполнѣ дозволительно было усомниться въ справедливости такого увѣренія, такъ какъ британское адмиралтейство обладаетъ достаточнымъ числомъ военныхъ транспортовъ для перевозки своихъ военныхъ грузовъ и едва ли стало бы передавать такіе грузы частнымъ пароходамъ, въ особенности въ военное время, когда съ этимъ послѣднимъ всегда могло случиться то, что случилось съ „Маласса“; что же касается до условнаго знака стрѣлы, то, при наличности прочихъ обстоятельствъ, кто могъ бы гарантировать, что въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ поддѣлокъ ради коммерческой наживы, и этотъ знакъ не былъ фальшивымъ и не былъ наложенъ для пущей неприкосновенности этой несомнѣнной военной контрабанды.

Наконецъ, § 11 нашего Положенія о призахъ, Высочайше-утвержденнаго 27 марта 1895 г., устанавливаетъ, между прочимъ, что торговля суда нейтральной національности подлежатъ конфискаціи въ качествѣ призовъ, когда эти суда застигнуты при провозѣ непріятелю огнестрѣльныхъ принадлежностей и припасовъ, а равно принадлежностей для взрывовъ —

независимо отъ ихъ количества, а другихъ предметовъ военной контрабанды въ количествѣ, превышающемъ по объему или вѣсу половину всего груза.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, командиръ „Петербурга“ исполнилъ лишь свой долгъ предъ родиной, задержавъ пароходъ впредь до разъясненія истины компетентнымъ русскимъ призовымъ судомъ. Называть же, какъ это, между прочимъ, сдѣлалъ адмиралъ Фриментль, пиратствомъ задержаніе судна, идущаго въ непріятельскій портъ съ грузомъ военной контрабанды, является сущей безмыслицей.

VI.

Англійскій протестъ по поводу захвата „Malassa“ утверждаетъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, Россія не имѣла подъ собою правовой почвы, такъ какъ арестъ судна былъ произведенъ пароходомъ не военнаго, а Добровольнаго флота, незадолго предъ тѣмъ прошедшимъ Дарданеллы подъ торговымъ флагомъ.

Вопросы эти требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Международное право такъ опредѣляетъ обязанности нейтральныхъ державъ—полное безпристрастіе въ сношеніяхъ съ обѣими воюющими сторонами и воздержаніе отъ всякаго дѣйствія, которое могло бы имѣть характеръ помощи, оказываемой одной изъ нихъ. Не имѣетъ также оправданія и то, если оказывается одной изъ сторонъ такая же помощь, какая оказана предъ тѣмъ другой сторонѣ. Это мнимое безпристрастіе, которымъ многіе прежніе писатели старались прикрыть отвѣтственность нейтральныхъ, отрицается нынѣ, какъ лишенная значенія формула, не могущая измѣнить истинную сущность вещей ¹⁾.

Каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ неоспоримое право воспротивиться всѣми мѣрами посылкѣ всякой помощи ея противнику. Извѣстный знатокъ международнаго права, Пинheiro-Ferreira выразилъ это краткою фразою: „L'art de la guerre—c'est l'art de paralyser les forces de l'ennemi“ ²⁾. Обязанность же нейтральныхъ воздерживаться отъ посылки одной изъ воюющихъ сторонъ всего, что могло бы увеличить ея силы или дать шансы большаго успѣха въ ея наступленіи или оборонѣ. Главнымъ средствомъ, употребляемымъ воюющими съ цѣлью

¹⁾ Heffter. Le droit international de l'Europe, p. 278.

²⁾ Supplement au guide diplomatique du baron de Martens, par Pinheiro-Ferreira. Paris. 1833, p. 188.

удержать торговлю нейтральныхъ въ дозволенныхъ предѣлахъ является принадлежащее имъ право осмотра (*droit de visite*) нейтральныхъ судовъ. Право это существовало съ незапамятныхъ временъ, но было регламентировано, главнымъ образомъ, Пиринейскимъ трактатомъ, постановленія котораго по этому поводу, цѣликомъ вошли въ морское право Европы.

Вейсъ дѣлаетъ даже сводъ правилъ, которыми воюющіе должны руководствоваться при пользованіи правомъ осмотра. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) Воюющіе должны во время войны знать, кто ихъ враги и кто ихъ мнимые друзья, и такъ какъ это достижимо въ открытомъ морѣ только путемъ осмотра нейтральныхъ судовъ, то они имѣютъ полнѣйшее право на такой осмотръ и на производство тамъ обыска, дабы обезпечить свою собственную безопасность.

2) Воюющіе должны имѣть полную свободу и всѣ способы къ тому, чтобы вредить своему противнику, и ничто не должно стѣснять ихъ въ достиженіи этой цѣли. Слѣдовательно, нейтральныя суда, приобретающія это качество лишь послѣ того, какъ они осмотрѣны и признаны нейтральными, должны подвергаться осмотру способомъ, какимъ воюющій признаетъ нужнымъ примѣнительно къ обстоятельствамъ.

3) Чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе, всякое встрѣченное въ открытомъ морѣ судно должно быть почитаемо за непріятельское и подвергнуто осмотру и обыску ¹⁾.

Во время войны каждое военное судно, слѣдовательно, имѣетъ право останавливать и осматривать въ открытомъ морѣ всѣ безъ исключенія суда, какой бы то ни было національности. Цѣль этихъ мѣръ двойная, во-первыхъ, чтобы дать возможность крейсерамъ воюющихъ державъ убѣдиться, что встрѣченное въ морѣ судно не принадлежитъ къ числу непріятельскихъ торговыхъ судовъ, а во-вторыхъ, чтобы провѣрить грузъ нейтральнаго судна, иными словами убѣдиться, что въ числѣ товаровъ, перевозимыхъ на нейтральномъ суднѣ, нѣтъ предметовъ военной контрабанды.

Право осмотра распространяется на всѣ безъ исключенія торговыя суда нейтральныхъ державъ, не исключая почтовыхъ и госпитальныхъ, что опредѣлено ст. 3 и 4 гаагской конвенціи о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи 1864 г. Статья VI этой, подписанной, между прочимъ, и

¹⁾ Code du droit maritime international, par Weiss. Paris. 1858. p. 10.

Англіей и Американскими Соединенными Штатами, конвенціи 17/29 іюля 1899 г. гласить: „Нейтральныя торговыя суда, яхты или шлюпки, везущія и принимающія раненыхъ, больныхъ или погибающихъ изъ числа воюющихъ, не могутъ быть захвачены за совершеніе этой перевозки, однако, они не освобождаются отъ захвата, если бы учинили нарушеніе нейтралитета“.

Право осмотра не распространяется на военныя суда, ни на торговыя, „идущія подъ конвоемъ военныхъ судовъ нейтральнаго государства, если командующій этими военными судами объявить подъ честнымъ словомъ, что на конвоируемыхъ имъ судахъ не имѣется никакихъ грузовъ, принадлежащихъ государству, съ которымъ ведутъ войну, ни военныхъ припасовъ, для него предназначенныхъ“¹⁾.

Правило это происхожденіемъ своимъ обязано такъ называемому вооруженному нейтралитету, къ которому во время прежнихъ войнъ прибѣгали почти всѣ морскія державы для защиты морской торговли. Вооруженный нейтралитетъ состоялъ въ томъ, что нейтральныя торговыя суда конвоировались однимъ или нѣсколькими военными судами своей страны и фактъ присутствія конвоира снималъ съ нихъ всякое подозрѣніе въ провозѣ контрабанды. Въ этомъ смыслѣ между державами было заключено соглашеніе, къ которому примкнули Германія, Швеція, Голландія, Франція, Италія и Австрія—только одна Англія не пожелала къ нему присоединиться, заявивъ, что она сохраняетъ за собою во всякомъ случаѣ право осмотра всѣхъ судовъ, даже если ихъ конвоируютъ военныя суда.

Впослѣдствіи, всѣ названныя державы, къ которымъ присоединилась Россія, Испанія и Соединенные Штаты, заключили между собою договоръ, по которому:

1) торговыя суда, сопровождаемыя военными судами своей націи, не могутъ быть останавливаемы и осматриваемы.

2) Простое заявленіе командира конвоирующихъ судовъ о томъ, что подъ его защитой нѣтъ военной контрабанды, достаточно для избавленія судовъ отъ осмотра.

3) Страна, которой принадлежитъ данный транспортъ, ручается, что заявленія, сдѣланныя военными конвоирами, правдивы. Въ виду этого, на обязанности конвоирующаго военнаго корабля лежитъ всякими путями убѣждаться въ томъ, что на

1) Pinheiro-Ferreira, 204.

торговыхъ судахъ, находящихся подъ его защитою, дѣйстви-
тельно нѣтъ контрабанды.

Въ Англіи по поводу этого соглашенія былъ высказанъ
взглядъ, что нельзя возлагать на государство отвѣтственность,
которую долженъ нести одинъ индивидуумъ. Кромѣ того, тамъ
полагали, что вмѣшательство нейтральнаго военнаго судна
является какъ бы указаніемъ на возможность насильствен-
ныхъ мѣръ, стало быть, такое вмѣшательство не вяжется съ
нейтралитетомъ. Въ дѣйствительности же, англичане просто
не хотѣли присоединиться къ соглашенію, которое въ случаѣ
войны явилось бы стѣснительнымъ, главнымъ образомъ, для
Англіи.

Англичане на практикѣ показали, какъ мало церемонятся
они съ военными конвоирами среди мира. Они въ 1800 г. на-
чали бой съ датскимъ фрегатомъ „Freya“, конвоировавшимъ
6 торговыхъ судовъ и который не хотѣлъ допустить требуе-
маго англичанами осмотра этихъ судовъ. Послѣ боя и крово-
пролитія, командиръ фрегата вынужденъ былъ сдаться пода-
вляющимъ силамъ противника, а самый фрегатъ и сопрово-
ждавшіяся имъ суда были англичанами забраны, какъ закон-
ный призъ. Очень любопытная переписка произошла по этому
поводу между датскимъ и англійскимъ правительствами. Она
въ подробности приведена во второмъ томѣ „Guide Diplomatique
par le baron Charles de Martens. Leipsic. 1832, на стр. 132—145.
Англійское правительство не только не захотѣло дать копен-
гагенскому кабинету требуемаго имъ удовлетворенія и не по-
желало возвратить захваченныя среди мира суда, но еще при-
слало въ Копенгагенъ особаго посла, лорда Витворта, который
предъявилъ датскому правительству ультиматумъ, самъ требуя
именемъ короля „удовлетворенія за обиду, нанесенную англій-
скому флагу датскимъ офицеромъ, и гарантій относительно
невозможности повторенія подобныхъ оскорбленій въ буду-
щемъ“ и грозя разрывомъ, если „датское правительство не
послѣдуетъ совѣтамъ, болѣе соотвѣтствующимъ интересамъ
обѣихъ странъ, а въ особенности Даніи“.

Датское правительство вынуждено было покориться и под-
писало по этому поводу особую конвенцію, 29 августа 1800 г.,
хотя для приличія было тогда же постановлено, что поднятъ
этимъ дѣломъ вопросъ о правѣ будетъ обсужденъ впослѣдств.

И въ этомъ случаѣ англичане доказали справедливос-
выраженія: „у сильнаго всегда безсильный виновать“.

Что Англія сама весьма мало стѣсняется правомъ по от-
шенію къ слабому, было доказано во время наполеоновски

войнѣ бомбардировкой Копенгагена и насильственнымъ захватомъ нейтральнаго датскаго флота, въ противность рѣшительно всѣмъ постановленіямъ международнаго права. Таковую же систему застращиванія Англія употребляетъ не безъ успѣха, какъ мы видимъ, за послѣдніе дни, и по отношенію къ державамъ, не столь слабымъ, какъ Данія.

Къ огражденію правъ нейтральной торговли была направлена извѣстная парижская декларация 1856 года, которою державы установили нѣкоторыя основныя положенія европейскаго морскаго права. Тогда именно было опредѣлено, что непріятельская собственность, кромѣ военной контрабанды, свободна на нейтральномъ кораблѣ, и точно также свободна, за исключеніемъ военной контрабанды, и собственность нейтральныхъ державъ, находящаяся на непріятельскомъ кораблѣ.

Послѣ того была сдѣлана попытка къ еще большому огражденію торговли вообще. 2 декабря 1859 г. собравшіеся въ Бременѣ негоціанты постановили слѣдующую резолюцію: „юридическое сознаніе нынѣшней эпохи настоятельно требуетъ неприкосновенности во время морской войны какъ личности, такъ и собственности, не исключая и того, когда она принадлежитъ подданнымъ воюющихъ державъ, если только военныя цѣли тому рѣшительнымъ образомъ не препятствуютъ“.

Торговья палаты въ Германіи, Франціи и Швеціи, и даже палаты депутатовъ въ Пруссіи и Ганноверѣ присоединились къ этой резолюціи, лишь въ Англіи она она была осмѣяна газетой „Times“, а когда особая депутація представила ее лорду Пальмерстону, главѣ тогдашняго англійскаго правительства, онъ, 3 февраля 1860 г., отвѣтилъ, что не можетъ польстить депутаціи, дѣлая видъ, что раздѣляетъ ея мнѣніе. Что касается его лично, то онъ полагаетъ, что существованіе Англіи зависитъ отъ ея морскаго преобладанія и что, слѣдовательно, она не можетъ отказаться отъ права захватывать суда другихъ державъ и забирать въ плѣнъ ихъ команды... „Война, — сказалъ онъ, — конечно, страшное бѣдствіе, но забота о самосохраненіи требуетъ иногда ея веденія, и держава, находящаяся въ положеніи Англіи, не можетъ отказаться ни отъ какого средства, могущаго ослабить на морѣ ея противника. Впрочемъ, частная собственность столь же мало уважается на сушѣ, какъ и на морѣ. Армія беретъ въ непріятельской странѣ все, въ чемъ она нуждается или что ей захотѣлось, не обращая вниманія на права собственниковъ“ ¹⁾.

¹⁾ Le droit international de l'Europe, par Heffter, p. 511.

Возвръненія эти не мѣшаетъ имѣть въ виду и теперь, когда Англія такъ ретиво защищаетъ будто бы поправленныя ея права въ Красномъ морѣ и Тихомъ океанѣ.

Какъ мы видѣли выше, привилегированное положеніе, которымъ пользуются нейтральные грузы, не распространяется на военную контрабанду. Понятіе о томъ, что такое военная контрабанда, не отличается по международному праву особою опредѣленностью и едва-ли не ближе всѣхъ подошелъ къ истинной ея характеристикѣ морской министръ Людовика XVI, адмираль Ducos, объявившій въ одномъ изъ декретовъ, что военная контрабанда—это все, что по природѣ своей можетъ служить противнику для цѣлей войны ¹⁾.

Дѣйствительно, огромный и, можно сказать, ежедневный прогрессъ въ дѣлѣ усовершенствованія орудій разрушенія и въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ ихъ примѣненія, дѣлаютъ крайне затруднительнымъ точное исчисленіе заранее всѣхъ предметовъ того, что противникомъ можетъ быть использовано въ цѣляхъ достиженія перевѣса на войнѣ.

По общепринятому обычаю, воюющіе въ самомъ началѣ войны объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, какіе именно товары они намѣрены считать за военную контрабанду. И въ нынѣшней войнѣ Россія и Японія издали такія деклараціи, сообщивъ ихъ всѣмъ правительствамъ. Отъ послѣднихъ зависѣло обнародовать ихъ въ своихъ государствахъ, чтобы всѣ ихъ подданные знали, какіе товары признаны за военную контрабанду. Русская о томъ декларація была сдѣлана шестою статьею „Правиль, которыми Россія намѣрена руководствоваться во время войны съ Японіей“, обнародованныхъ 14 февраля 1904 г. и ни одно правительство не протестовало въ свое время противъ этой деклараціи.

На дѣлѣ, англичане, повидимому, очень мало склонны къ тому, чтобы сообразоваться по поводу военной контрабанды съ общими обязанностями нейтральныхъ. Маленькою къ тому иллюстраціею служить извѣстіе, переданное „Daily Mail“, что британскому министерству предстоитъ дать въ парламентѣ объясненіе по очень щекотливому запросу, сдѣланному либеральнымъ депутатомъ Робсономъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: 12 апрѣля британскій консулъ въ Іокогамѣ предаль суду 20 матросовъ съ одного англійскаго судна, которые отказались отплыть на суднѣ, ссылаясь на то, что оно было нагружено контрабандой. Матросы мотивировали свой отказъ коро-

¹⁾ Code du droit maritime international, par Weiss. I. 237.

левской деклараціей о нейтралитетѣ Англіи, на что англійскій консулъ будто бы возразилъ, что королевская декларація — вздоръ (bluff). Судъ призналъ матросовъ виновными въ неповиновеніи и лишилъ жалованья. Теперь же Робсонъ требуетъ назначенія по поводу этого инцидента парламентскаго слѣдствія.

Правительственные грузы, хотя бы подходящіе подъ понятіе несомнѣнной военной контрабанды, перевозимые на нейтральныхъ судахъ считаются неприкосновенными, но и въ этомъ отношеніи англичане стоятъ особнякомъ, и еще очень недавно въ „Новомъ Времени“ былъ приведенъ поучительный примѣръ безцеремонности англичанъ въ распоряженіи чужой правительственною собственностью, погруженною на британскій пароходъ.

Принадлежащіе императору Менелику ящики, транзитомъ попавшіе въ Англію, были тамъ задержаны, несмотря на царствовавшій тогда глубокій миръ, около пяти мѣсяцевъ, причемъ всѣ до одного 7,000 ящиковъ были вскрыты и досмотрѣны. Счета пароходовладѣльца и грузчиковъ за простой парохода, вскрытіе и укладку вновь ящиковъ достигли 150,000 франковъ. Убытки эти, само собою разумѣется, никогда не были возмѣщены британскимъ правительствомъ.

Зачѣмъ же было англичанамъ такъ сердиться, что командиръ „Петербурга“ въ военное время заинтересовался на „Маласса“ военнымъ грузомъ, хотя бы даже въ самомъ дѣлѣ предназначеннымъ для англійской эскадры въ китайскихъ водахъ?

Право осмотра нейтральнаго судна подразумѣваетъ безпрекословное предъявленіе командиромъ этого послѣдняго всѣхъ судовыхъ бумагъ. Капитанъ „Маласса“ отказался ихъ дать и потому прямо подходитъ подъ заключеніе знаменитаго въ концѣ XVIII вѣка юрисъ-консульта верховнаго адмиралтейскаго суда, сэра В. Скотта (лорда Стоуэля): „нейтральное судно, отказывающееся подвергнуться досмотру, изъ-за этого одного должно быть признано правильнымъ призомъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ видно, что командиръ „Петербурга“, захватывая пароходъ „Маласса“, стоялъ на твердой правовой почвѣ, не въ обиду будь сказано тѣмъ англійскимъ министрамъ, которые по этому поводу высказывали противоположное мнѣніе.

¹⁾ Elements du droit international, par Wheaton. 1874, t. II, p. 187.

VII.

Особое негодованіе англичанъ вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскіе пароходы были въ Красномъ морѣ захвачены не русскими военными судами, а судами русскаго Добровольнаго флота, которые, по ихъ мнѣнію, несмотря на поднятый ими военный флагъ, не могутъ быть признаваемы за военныя суда и пользоваться принадлежащимъ исключительно этимъ послѣднимъ правомъ осмотра нейтральныхъ судовъ.

Чтобы правильно освѣтить этотъ вопросъ, слѣдуетъ припомнить условія, при какихъ возникъ нашъ Добровольный флотъ.

Въ 1878 году, когда Россія почувствовала всю цѣну англійской дружбы, достигшей апогея на Берлинскомъ конгрессѣ, нѣсколько истинно-русскихъ людей пришли къ убѣжденію, что нашему отечеству, лишенному флота, необходимо изобрѣсти, въ видахъ самосохраненія, какую-либо новую форму, которая могла бы замѣнить каперство, единственное вѣрное оружіе слабой морской державы, стремящейся нанести вредъ непріятельской державѣ, обладающей громаднымъ торговымъ флотомъ,—каперство, отъ котораго русскіе дипломаты такъ неосторожно отказались парижскою декларациею 1856 г., не послѣдовавъ благоразумному воздержанію Америки, не желавшей играть въ руку Англии. Новое оружіе это вылилось въ формулу „вспомогательныхъ крейсеровъ“, снаряжаемыхъ не частными лицами, за произвольныя, хищническія дѣйствія которыхъ правительству, выдавшему имъ каперскія свидѣтельства, приходилось иногда расплачиваться тяжелою цѣною,—а снаряжаемыхъ самимъ правительствомъ страны, находящейся подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, что она только и дѣлаетъ, что нарушаетъ вездѣсущіе англійскіе интересы. Въ 1878 году нашлись люди, которые имѣли мужество сказать, что, лучшій путь къ тому, чтобы удержать Англию отъ покушеній на русскіе интересы,—это внушить ей самой опасеніе, что, дѣйствуя такъ, она можетъ подвергнуть и свои собственныя интересы очень серьезному уязвленію. Кружокъ людей, о которыхъ говорится выше, былъ такъ счастливъ, что наше себѣ Высокаго Покровителя въ лицѣ тогдашняго Наслѣдника Цесаревича, а потомъ Императора Александра III, въ которое русское національное чувство воплотилось съ такою полною и съ такою титаническою силою.

11 апрѣля 1878 г. былъ Высочайше утвержденъ всеподданнѣйшій докладъ Наслѣдника Цесаревича, о правахъ комитета по устройству Добровольнаго флота на жертвуемыя для сей цѣли суммы, причемъ комитету было предоставлено:

1) Принимать пожертвованія на устройство Добровольнаго флота.

2) Хранить собираемыя суммы и употреблять ихъ, согласно съ цѣлью пожертвованій, по мѣрѣ возможности и надобности, на приобрѣтеніе судовъ, соотвѣтствующихъ цѣлямъ торговаго мореплаванія и возможной крейсерской службы и.

3) Входить въ подлежащія сношенія объ употребленіи сихъ судовъ для плаванія въ мирное время или, на случай войны, для военныхъ цѣлей, по имѣющимъ быть изданными правиламъ о Добровольномъ флотѣ ¹⁾.

Затѣмъ, 20 мая 1879 г. министромъ финансовъ былъ объявленъ сенату Высочайше утвержденный 9-го того же мая уставъ Общества Добровольнаго флота. Параграфы 2-й и 3-й устава опредѣляютъ цѣли общества слѣдующимъ образомъ:

§ 2. Цѣль общества: завѣдывать въ мирное время снаряженными на пожертвованія судами Добровольнаго флота постоянно поддерживать эти суда и, по возможности, команды ихъ въ такомъ состояніи, при которомъ они были бы способны нести въ военное время крейсерскую службу; заботиться о постепенномъ увеличеніи числа судовъ на средства общества; изыскивать занятія и перевозочныя для судовъ операціи и вообще способствовать упроченію и развитію всего дѣла Добровольнаго флота.

§ 3. Въ случаѣ войны, общество обязано, по первому требованію Правительства, предоставить въ его распоряженіе, съ возможною скоростью, всѣ свои суда. Правительство пользуется ими, по своему усмотрѣнію, для военныхъ цѣлей, пока въ нихъ можетъ быть надобность, а затѣмъ сдаетъ ихъ обратно обществу ²⁾.

Такимъ образомъ, пароходы Добровольнаго флота существуютъ для двоякихъ цѣлей. Въ мирное время они служатъ для поддержанія срочныхъ товаро-пассажирскихъ и почтовыхъ сообщеній между портами Европейской Россіи и портами Восточнаго океана,—во время войны они обращаются въ транспорты и крейсера. Военныя особенности, лежащія въ самой сущности этихъ судовъ, подтверждаются и въ „Положеніи

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ 1878 г., 58396.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ 1879 года, 59065.

о Добровольномъ флотѣ“¹⁾. Тамъ прямо сказано, что Добровольный флотъ находится въ вѣдѣніи управляющаго морскимъ министерствомъ (ст. 30); передача судовъ Добровольнаго флота въ распоряженіе морского вѣдомства производится по приказанію управляющаго морскимъ министерствомъ (ст. 17). Время состоянія офицеровъ морскаго вѣдомства въ Добровольномъ флотѣ засчитывается въ сроки дѣйствительной службы, установленныя для выслуги пенсіи изъ государственнаго казначейства (ст. 28).

Управляемая и въ мирное время морскими офицерами, суда Добровольнаго флота не имѣютъ права совершить какой бы то ни было рейсъ или вообще что-либо предпринять безъ согласія морскаго министерства, которое устанавливаетъ планъ рейсовъ и пользуется преобладающимъ вліяніемъ во всемъ управленіи Добровольнаго флота.

Всѣ эти факты не составляли секрета, такъ какъ въ свое время опубликовывались во всеобщее свѣдѣніе. Знали прекрасно о томъ и англичане; въ пользующемся всемірною извѣстностью справочномъ изданіи „The Statesman's Year Book“ за 1903 годъ на стр. 1025, при обзорѣ русскихъ вооруженныхъ силъ, о Добровольномъ флотѣ сказано: „суда эти, числомъ около 15, въ мирное время являются торговыми, а въ военное время могутъ быть вооружены и употребляемы въ дѣло въ качествѣ крейсеровъ“²⁾.

Счастливая мысль, возникшая въ Россіи въ 1878 г. была очень быстро усвоена и другими державами, которыя завели у себя, по образцу нашего Добровольнаго флота, вспомогательные крейсера, въ мирное время служащіе для перевозки пассажировъ и товаровъ, а въ военное обращающіеся въ вспомогательные крейсера, на которые правительство ставитъ военнаго командира, военныхъ офицеровъ и военную команду.

Германія поставила обязательствомъ сѣверо-германскому Ллойду, дабы его быстроходные пассажирскіе пароходы всегда имѣли съ собой все необходимое, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ по полученіи о томъ спеціальнаго приказанія своего правительства, обратиться въ военные крейсера, для чего въ трюмахъ ихъ всегда находятся необходимыя орудія и боевыя запасы, а команды знакомы съ установкой орудій и обраще-

1) Собраніе узаконеній и распоряженій Правит. за 1902 г. № 27.

2) „The ships, about fifteen in number, are in peace time merchantmen, which could, in time of war, be armed and used for doing some work as cruisers“.

ніемъ съ ними. Для провѣрки степени готовности судна къ превращенію въ крейсеръ, отъ времени до времени производятся по внезапно полученной телеграммѣ опыты примѣрной судовой мобилизаціи.

Франція имѣетъ до 30 коммерческихъ судовъ, именуемыхъ судами французскаго вспомогательнаго флота, а Великобританія столько же судовъ совершенно такого же назначенія, какъ и нашъ Добровольный флотъ; они называются торговыми крейсерами королевскаго резервнаго флота (Royal Naval Reserve Merchant Cruisers) и принадлежатъ акціонернымъ компаніямъ White Star, Cunard, Peninsular and Oriental Line, Royal Mail, Steam Packet Company и Pacific Steam Navigation Company. Двѣнадцать изъ нихъ получаютъ ежегодную правительственную субсидію ¹⁾.

Прямыхъ законовъ международнаго морскаго права, которые имѣли бы въ виду Добровольный флотъ, не имѣется и постановленія гаагской конференціи 1899 года не дали по этому поводу никакихъ опредѣленныхъ разъясненій.

Наиболѣе подходящими для того постановленіями являются слѣдующія статьи Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, подписанной (въ томъ числѣ и Англіей) въ Гаагѣ 17 (29) іюля 1899 г:

„Ст. I. Военные законы, права и обязанности примѣняются не только къ арміи, но также къ ополченію и добровольческимъ отрядамъ, если они удовлетворяютъ всѣмъ нижеслѣдующимъ условіямъ:

1) Имѣютъ во главѣ лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ.

2) Имѣютъ опредѣленный и явственно видимый издали отличительный знакъ.

3) Открыто носятъ оружіе и

4) Соблюдаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны.

„Ст. II. Населеніе незанятой территоріи, которое при приближеніи непріятеля добровольно возьмется за оружіе для борьбы съ вторгающимися войсками и которое не имѣло времени устроиться согласно ст. I, будетъ признаваться въ качествѣ воюющаго, если будетъ соблюдать законы и обычаи войны“.

Непосредственныхъ правилъ для морской войны, соответствующихъ вышеприведеннымъ, въ Гаагѣ, какъ сказано, выработано не было, но за то было постановлено, что „санкціони-

¹⁾ Военные флоты и морская справочная книжка на 1901 г.

рованыя державами военныя законы должны быть вполнѣ аналогично примѣняемы къ морскимъ операціямъ вообще и къ отдѣльнымъ случаямъ морского боя, сопряженнымъ съ сухопутной войной“.

Организація Добровольнаго флота соотвѣтствуетъ четыремъ пунктамъ вышеприведенной статьи, которые и могутъ быть примѣнены, на основаніи аналогіи, къ морской войнѣ; отсюда же логически слѣдуетъ, что пароходы Добровольнаго флота должны быть разсматриваемы, какъ части русской военной силы и, стало быть, пользуются всѣми правами военныхъ судовъ, т. е. правилъ остановки, осмотра и захвата контрабанды. Выводъ этотъ долженъ былъ бы быть въ равной мѣрѣ обязательенъ и для англичанъ, такъ какъ постановленіе объ аналогіи сухопутныхъ и морскихъ добровольцевъ имѣется на лицо и подписано Англією наравнѣ съ другими державами, которыя участвовали въ гаагской конференціи.

Подобный же выводъ вытекаетъ изъ мнѣній нѣкоторыхъ признанныхъ специалистовъ по международному праву.

Heffter говоритъ: „воюющимъ принадлежитъ право, чрезъ посредство военныхъ судовъ или судовъ, получившихъ отъ своего правительства особое на то порученіе, задерживать встрѣчныя суда и осматривать ихъ грузъ“ 1).

„Лица, которымъ предоставляется право производить осмотръ нейтральныхъ судовъ, суть исключительно командующіе морскими и военными силами, въ особенности же командиры судовъ, какъ военныхъ, такъ и тѣхъ, которыя получили особое порученіе отъ государя воюющей страны“ 2).

Цитированный уже выше знаменитый юрисконсультъ сэръ В. Скоттъ точно также высказалъ, что „право осмотра и обыска торговыхъ судовъ въ открытомъ морѣ, каковы бы то ни были эти суда, ихъ грузъ и лица, которымъ онъ адресованъ, составляетъ безспорное право крейсеровъ, получившихъ на то законнымъ порядкомъ порученіе отъ воюющей стороны“ 3), а затѣмъ: „статья 12 распоряженія 1664 года постановляетъ, что если торговое судно будетъ встрѣчено кораблемъ королевскаго флота или другимъ судномъ, получившимъ специальное порученіе, и начнетъ съ нимъ бой или окажетъ вообще сопротивление, судно это и находящіяся на немъ товары будутъ признаны законнымъ призомъ того, кто его захватитъ“ 4).

1) Le droit international de l'Europe, II. p. 324.

2) Ibid. p. 326.

3) Elements du droit international, par Wheaton, p. 186.

4) Elements du droit international, par Wheaton. T. II, page 188.

Такъ какъ пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“ получили отъ русскаго правительства специальное порученію ¹⁾, то даже по заключенію знаменитаго юрисконсульта англійскаго верховнаго адмиралтейскаго суда, „Петербургъ“ имѣлъ неоспоримое право захватить пароходъ „Malacca“.

VIII.

Внутренне сознавая юридическую правоту дѣйствій „Петербургъ“, англичане постарались примѣшать къ простому самъ по себѣ вопросу еще другой вопросъ—совершенно посторонній, а именно, что, передъ этимъ, онъ прошелъ чрезъ турецкіе проливы подъ торговымъ флагомъ, а затѣмъ уже поднялъ военный флагъ.

Первый министръ Бальфуръ сообщилъ въ палатѣ общинъ, что англійское правительство заявило русскому, что военное судно не можетъ пройти чрезъ проливы и что вышедшій изъ Чернаго моря крейсеръ Добровольнаго флота, поднимающій военный флагъ, или не имѣлъ права пройти чрезъ Дарданеллы, или же, пройдя проливы въ качествѣ мирнаго судна, не имѣетъ права дѣйствовать, какъ военное судно.

Напоминаніе о проливахъ, прежде всего, растрawляетъ одну изъ старыхъ, не закрывшихся ранъ Россіи, ожидающей искуснаго врача, который бы залечилъ ее и тѣмъ избавилъ великую державу отъ вполне ненормальнаго положенія, возникающаго для нея вслѣдствіе того, что ей лишь изъ милости разрѣшаютъ выходить чрезъ одну изъ дверей ея собственнаго дома. Вопіющая несообразность такого порядка вещей чувствуется даже нѣкоторыми англичанами, главными виновниками стѣсненій, наложенныхъ по этому вопросу на Россію.

Адмиралъ Альджернонъ де Горсей пишетъ въ „Daily Graphic“: „оставивъ въ сторонѣ правовой вопросъ и международныя постановленія, спросимъ, разумно ли настаивать на сохраненіи за Чернымъ моремъ, имѣющимъ около 100.000 кв. миль, характера замкнутаго моря? Мудрость этой политики—политики насилія—въ значительной степени зависитъ отъ возможности поддержать ее. Если нѣтъ, если Россія когда-нибудь, съ союзниками или безъ нихъ, почувствуетъ себя въ состояніи уничтожить постановленія парижскаго и лондонскаго трактатовъ, то съ ея стороны такой поступокъ будетъ вполне

¹⁾ «Правительственное сообщеніе», 20 іюля 1904 г.

естественнымъ. Тогда мы глубоко пожалѣемъ, что потеряли случай обезпечить за собою дружбу Россіи актомъ любезности и справедливости. Вѣрный способъ выяснить вопросъ — это представить себя на мѣстѣ Россіи: были ли бы мы согласны на ограниченіе нашихъ военныхъ судовъ нашими территориальными водами и на прегражденіе имъ выхода въ открытое море? Самая мысль о томъ кажется нелѣпой. Мы не успокоились бы, пока не стали бы настолько сильными, чтобы возстановить и осуществить принадлежащее націи право свободы судоходства между ея морскими портами и открытымъ моремъ“.

Было время, увы, слишкомъ короткое, когда вопросъ о проливахъ принялъ очень выгодное для насъ положеніе, это когда посоль въ Константинополь графъ Орловъ, придерживаясь, по его собственнымъ словамъ, системы „ласкать турокъ одною рукою, сжимая другую въ кулакъ“ ¹⁾, успѣлъ 26 іюня 1833 г. заключить съ Турціею Хунляръ-Искелесійскій оборонительный договоръ, отдѣльною секретною статьею котораго Порты обязывалась закрыть Дарданельскій проливъ, „т. е. не дозволить никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“ ²⁾, въ то время, какъ русскіе военные корабли, въ случаѣ надобности, всегда могли бы выйти изъ Чернаго моря и возвратиться обратно; нашъ непріятель, наоборотъ, былъ бы задержанъ въ Дарданеллахъ.

Разрывъ между Портою и Мехмедомъ-Али египетскимъ доставилъ заправлявшему тогда политикою Англій Пальмерстону удобный предлогъ къ уничтоженію ненавистнаго Англій Хунляръ-Искелесійскаго трактата „путемъ погруженія его въ какой-либо болѣе общій уговоръ такого же рода“ ³⁾.

Переговоры державъ привели къ подписанію въ Лондонѣ, 3 іюля 1840 г., конвенціи, въ которой державы выражали желаніе „блюсти за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи въ интересъ упроченія европейскаго мира“. Конвенція подтверждала „древнее правило, въ силу коего всегда воспрещалось военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданельскій и Босфорскій“. Такимъ постановленіемъ упразднялся Хунляръ-Искелесійскій трактатъ по отношенію къ проливамъ, этому ключу отъ нашего дома, какъ называлъ ихъ Императоръ Александръ I.

1) Русскіе представители въ Царьградѣ. Теплова, стр. 61.

2) Договоры Россіи съ Востокомъ. Юзефовича. 91.

3) Prekesch-Osten. Mehmed Ali. 78.

Дабы еще лучше отмѣтить полное уничтоженіе Хункяръ-Искелесійскаго договора, представители пяти великихъ державъ и султана подписали 1 іюля 1841 года въ Лондонѣ договоръ, который сводился къ провозглашенію закрытія Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй, причемъ было прибавлено:... „пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допуститъ ни одного военного иностраннаго судна въ сказанные проливы“...

Съ этого времени вліяніе Россіи стало замѣтно ослабѣвать въ Константинополь, замѣняясь вліяніемъ англійскимъ.

Постановленія о проливахъ, будучи безусловно стѣснительны для Россіи, не обезпечиваютъ, однако, русскіе черноморскіе берега отъ вторженія западно-европейскихъ флотовъ, такъ какъ проливы закрыты для прохода иностранныхъ военныхъ судовъ только до тѣхъ поръ, пока Порта находится въ мирѣ, но если она будетъ въ войнѣ, особенно противъ Россіи, флоты союзныхъ Турціи флотовъ могутъ свободно и безъ нарушенія трактатовъ вторгнуться въ Черное море, что и было доказано въ крымскую войну.

Парижскій трактатъ 1856 г., Лондонскій 1871 г. и Берлинскій 1878 г. подтвердили постановленія о закрытіи проливовъ. Лондонскій трактатъ 1871 г. нѣсколько расширилъ право прохода военныхъ судовъ, предоставивъ султану открывать проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ державъ, когда онъ признаетъ это нужнымъ для обезпеченія постановленій парижскаго трактата.

Изъ этого краткаго очерка видно, что ограничительныя постановленія по примѣненію къ проливамъ были продиктованы страхомъ по преимуществу Россіи, какъ бы она не ввела внезапно свой флотъ и не разгромила Константинополь. Запрещеніе трактатами прохода военныхъ судовъ черезъ проливы, имѣющее столь ясно опредѣленный объектъ, не можетъ быть, очевидно, рассматриваемо, какъ запрещеніе торговымъ судамъ, мирно прошедшимъ проливы, впоследствии служить для военныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что ни начальный трактатъ 1841 года, ни повторявшіе его послѣдующіе трактаты не содержатъ въ себѣ постановленій, согласно которымъ коммерческое судно, прошедшее Дарданеллы, навсегда лишается способности и права быть обращеннымъ въ военное судно.

Пароходы Дсбровольнаго флота, слѣдуя, съ согласія султана, черезъ проливы, проходятъ ихъ подъ коммерческимъ флагомъ и, потому, не нарушаютъ дѣйствующихъ трактатовъ. Но, подчиняясь всѣмъ установленнымъ этими послѣдними прави-

ламъ, пароходы эти не могутъ, само собою разумѣется, утрачивать своей внутренней сущности, принадлежащей имъ съ самого момента рожденія идеи о Добровольномъ флотѣ, а именно—обязанности обратиться въ вспомогательный крейсеръ русскаго флота въ любое время, когда того потребуетъ правительство, съ однимъ лишь ограниченіемъ, чтобы это не произошло въ водахъ проливовъ. Было бы смѣшно допустить, что русское правительство намѣревается въ угоду англичанамъ выпустить изъ рукъ такое полезное оружіе и отказаться отъ своего неотъемлемаго права обращать суда Добровольнаго флота въ военныя, тѣмъ болѣе, что такимъ же правомъ пользуются европейскія правительства по отношенію къ судамъ субсидируемыхъ ими пароходныхъ обществъ. Повторяю, единственное, хотя и несправедливое, ограниченіе въ этомъ смыслѣ свободы дѣйствій нашего правительства, установленное трактатами, существуетъ лишь для водной полосы проливовъ,—пройдя же ихъ, правительство возстановляетъ свое право дать своему судну то назначеніе, которое оно признаетъ наиболѣе подходящимъ къ своимъ надобностямъ.

Обращеніе торговыхъ судовъ въ военныя крейсера зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія воюющей державы и не нуждается въ санкціи нейтральныхъ державъ. Ни одно независимое государство не спрашиваетъ ни у кого разрѣшенія построить или снарядить новое военное судно и не обязано дѣлать никакихъ объ этомъ извѣщеній. Чѣмъ же, какъ не избалованностью, не встрѣчающею должнаго отпора, можно объяснить совершенно неосновательную претензію англичанъ навязать Россіи какія-то условія для обращенія въ крейсера пароходовъ Добровольнаго флота, послѣ того какъ они уже миновали запретныя проливы и когда, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи, что ею нарушены трактаты и что Турція позволила эти трактаты нарушить.

Если къ данному вопросу примѣнить способъ, указанный выше адмираломъ Альджернономъ де Горсей, не показалось ли бы англичанамъ страннымъ, если бы нейтральныя державы вздумали предписывать Англій сроки и мѣста, когда и гдѣ то или иное судно можетъ поднять военный флагъ?

Поднятіе „Петербургомъ“ и „Смоленскомъ“ военнаго флага не представляетъ ничего новаго въ исторіи нашего Добровольнаго флота, который неоднократно передавалъ свои пароходы морскому вѣдомству, напр. „Прутъ“, „Днѣстръ“, „Березань“ и „Хабаровскъ“ были превращены въ военныя транспорты; „Москва“ подняла во время китайской войны военный флагъ

и была при этомъ обращена въ крейсеръ 2-го ранга. Послѣ войны „Москва“ снова плавала подъ торговымъ флагомъ, а въ прошломъ году „Москва“ и „Херсонъ“ подняли опять военный флагъ. Отчего же тогда иностранцы не требовали, какъ нынче англичане, оффиціального извѣщенія о включеніи „Москвы“ и „Херсоня“ въ списки военного флота? Вѣдь и эти суда также прошли Дарданеллы подъ торговымъ флагомъ?

Съ другой стороны, многочисленныя прецеденты свидѣлствуютъ, что на новомъ суднѣ военный флагъ поднимается не сразу, а спустя нѣкоторое время. Выстроенные уже миноносцы, напр., на заводскихъ испытаніяхъ ходятъ подъ торговымъ флагомъ, который лишь послѣ сдачи морскому вѣдомству замѣняется военнымъ.

Съ той же минуты, какъ на суднѣ поднять флагъ и вымпель,—оно безспорно должно считаться военнымъ. Нападеніе на этотъ флагъ есть нападеніе на всю націю и отвѣтомъ на него служить обыкновенно вооруженная сила.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ и на англійскіе вопли по поводу „Петербурга“ и „Смоленска“ могъ бы быть данъ лишь одинъ твердый и опредѣленный отвѣтъ: русскіе крейсеры Добровольнаго флота подняли военный флагъ, стало быть, они—русскія военныя суда со всѣми присущими имъ правами.

Какъ сообщилъ „Кронштадтскій Вѣстникъ“, вопросъ о задержаніи парохода „Malassa“ пароходомъ Добровольнаго флота „Петербургъ“ разсматривался въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ великаго князя генераль-адмирала Алексѣя Александровича, при участіи великаго князя Александра Михайловича, министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламздорфа, управляющаго морскимъ министерствомъ Авелана и многихъ другихъ адмираловъ. О результатѣ этого совѣщанія Россія узнала изъ появившагося 20-го іюля с. г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ „Правительственнаго сообщенія“ слѣдующаго содержанія:

„Съ самаго начала русско-японской войны Императорское правительство принимало мѣры, дабы предотвратить подвозъ военной контрабанды, отправляемой японской арміи и флоту на судахъ нейтральныхъ націй. Въ Высочайше утвержденныхъ 14-го февраля 1904 года правилахъ, которыми Россія намѣрена руководствоваться во время войны съ Японіею, былъ объявленъ списокъ предметовъ, нами признаваемыхъ военной контрабандой, а также сдѣлано заявленіе, что военно-морскимъ

властямъ предписано принять къ неуклонному исполненію постановленія, изложенныя въ положеніи о морскихъ призахъ, Высочайше утвержденномъ 27-го марта 1895 года, и въ инструкціи о порядкѣ остановки, осмотра и задержанія, а также отвода и сдачи задержанныхъ судовъ и грузовъ, утвержденной адмиралтействъ-совѣтомъ 20-го сентября 1900 года.

„Пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“, получивъ специальное порученіе, срокъ котораго уже истекъ, слѣдуя по назначенію, руководствовались вышеозначенными постановленіями и во время своего прохода Краснымъ моремъ останавливали и осматривали всѣ встрѣченныя ими въ морѣ подозрительныя суда. При означенныхъ условіяхъ командиръ „Петербурга“ остановилъ, между прочимъ, англійскій пароходъ „Малакка“, капитанъ котораго отказался представить судовые документы о грузѣ, вслѣдствіе чего пароходъ былъ задержанъ и подлежалъ отправленію для выясненія дѣла въ портъ Императора Александра III.

„Однако, вслѣдствіе официальнаго заявленія великобританскаго правительства о томъ, что на пароходѣ „Малакка“ перевозился англійскій казенный грузъ, Императорское правительство, по соглашенію съ великобританскимъ правительствомъ, сдѣлало распоряженіе о новомъ осмотрѣ задержаннаго парохода въ одномъ изъ ближайшихъ портовъ на пути его слѣдованія и въ присутствіи англійскаго консула. Осмотръ былъ произведенъ въ Алжирѣ, причемъ англійскій генеральный консулъ официально удостовѣрилъ, что военные припасы на „Малаккѣ“ составляютъ собственность британскаго правительства, а остальной грузъ не представляетъ военной контрабанды.

„Принимая во вниманіе такое удостовѣреніе, Россійское Императорское правительство рѣшило освободить задержанный грузъ и судно. Означенное рѣшеніе, однако, не должно быть истолковано въ смыслѣ отказа Императорскаго правительства отъ своего намѣренія посылать какъ отдѣльные крейсера, такъ и, вообще, всякія военныя суда для предотвращенія подвоза военной контрабанды нашему противнику“.

Въ дополненіе къ этому сообщенію слѣдуетъ еще прибавить, что по словамъ лондонскаго корреспондента „Patrie“ въ официальныхъ англійскихъ сферахъ остались весьма довольны тѣмъ, что въ Петербургѣ приняли англійское предложеніе, по которому „особое положеніе судовъ Добровольнаго флота дѣлаетъ сомнительнымъ и подлежащимъ обсужденію право ихъ производить обыски на нейтральныхъ судахъ“.

„Morning Post“ и другія англійскія газеты тоже авторитетно заявляли, что Англія, какъ главная зачинщица закрытія проливовъ, а также какъ первостепенная морская держава, никогда не допуститъ осмотра и захвата пароходами русскаго Добровольнаго флота нейтральныхъ судовъ.

Такіе же взгляды были изложены въ палатѣ лордовъ самимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, такъ что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они точно передаютъ истинное положеніе вопроса, по которому за послѣднее время были пролиты цѣлые потоки чернилъ. Маркизь Лансдоунъ отвѣчая на запросъ, въ своей рѣчи сказалъ: „мы уже ранѣе разъяснили, что, по нашему мнѣнію, суда русскаго Добровольнаго флота не въ правѣ проходить Дарданеллы въ качествѣ военныхъ судовъ; въ случаѣ же ихъ прохода чрезъ проливы въ качествѣ мирныхъ судовъ, не имѣютъ права непосредственно вслѣдъ затѣмъ появляться въ видѣ военныхъ судовъ. Вопросъ о проходѣ чрезъ проливы пароходовъ „Петербургъ“ и „Смоленскъ“ нынѣ утратилъ свой острый характеръ, такъ какъ оба судна удалены изъ Краснаго моря. По поводу прохода въ будущемъ другихъ судовъ Добровольнаго флота. Порты получила отъ русскаго правительства оффиціальныя завѣренія, что, по проходѣ чрезъ проливы, во все время послѣдующаго плаванія они не замѣнятъ коммерческаго флага военнымъ, на нихъ не будетъ находиться ни вооруженія, ни военныхъ припасовъ и что они не будутъ обращены въ крейсера“.

Наконецъ, по самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ агентства Рейтеръ, въ Петербургѣ учреждена комиссія, въ составъ которой входятъ высокопоставленныя лица, и которая имѣетъ цѣлью опредѣлить положеніе Добровольнаго флота съ точки зрѣнія международнаго права.

В. Тепловъ.

31 іюля 1904 г.

(Продолженіе будетъ).

Военно-политическіе отголоски.

(Пародіи и рифмы).

I.

И Т О Г И.

Высокіи ставитъ пьедесталь
Для ослѣпленнаго пигмея,
Чтобъ онъ на мигъ великимъ сталъ,
Европа, денегъ не жалѣя.

И, удивляя цѣлый міръ
Своей сомнительною славой,
Стоитъ языческой кумиръ
Европы умной и лукавой.

Такъ вотъ вѣнецъ ея борьбы!
Такъ вотъ къ чему она стремилась!
Ужели здѣсь ея судьбы
Глухая тайна обнажилась?

И то, чѣмъ жизнь ея полна,
Что ей вѣка скупые дали,
Чѣмъ въ мірѣ славилась она, —
Японцы сразу разгадали?

И сразу стали ровень съ ней?
И сразу въ дни войны тревожной
Затмилъ своихъ учителей
Язычникъ, злобный и ничтожный?

Она по міру съ давнихъ дней
 О вѣчной правдѣ говорила,—
 Жестокихъ темныхъ дикарей
 Христовымъ именемъ учила,

Въ Немъ правды видѣла залогъ,
 Святилась Имъ ея дорога...
 И этотъ Богъ — теперь не Богъ?
 И больше нѣтъ въ Европѣ Бога?

Пусть рѣчь ея была сильна
 Словами правды и свободы,
 Другой дорогою она
 Вела послушные народы.

Безсильно гаснетъ блѣдный свѣтъ
 Любви и правды благородной:
 „Вся сила въ силѣ“,— вотъ завѣтъ
 Ея исторіи бесплодной.

II.

ЧУЖОЕ ЛУЧШЕ.

Я люблю читать въ газетахъ
 Дневники корреспондентовъ,
 Ибо въ нихъ я замѣчаю
 Много новыхъ элементовъ.

Я люблю читать во газетахъ
 Поучительное слово
 Мудреца—и моралиста,
 И философа—Толстого.

Я узналъ отъ нихъ, что нынѣ
 Все у насъ изъ рукъ вонъ плохо
 И ничто не измѣнилось
 Отъ временъ царя Гороха,—

Что мужикъ обскурантизмомъ
 Въ темнотѣ своей страдаетъ:
 Очень съ общинной землею
 Ретроградно поступаетъ.

Посему, дабы могли мы
 Заслужить хвалы Европы,
 Надо всякимъ инородцамъ
 Мужика отдать въ холопы.

Я узналъ, что въ каждомъ дѣлѣ
 Все еще мы кое-каки:
 Насъ давно опередили
 Благородные макаки,—

Что, отъ нихъ обороняясь,
 Мы нечестно поступили,
 Оттого, что Портъ-Артура
 Сразу имъ не уступили,

Оттого, что и культурѣ,
 И прогрессу мы помѣха,
 А японцы очень жаждутъ
 Человѣчеству успѣха.

Я узналъ, что уваженья
 Только врагъ одинъ достоинъ,
 Что передъ нимъ нулю подобенъ
 Благородный русскій воинъ.

Если врагъ на полѣ битвы
 Добиваетъ безоружныхъ,
 Добиваетъ онъ, конечно,
 Лишь людей, ему ненужныхъ.

Да и было бы нелѣпо
 Церемониться съ врагами,
 Если онъ такъ недоволенъ
 Послѣ битвы казаками.

Такъ и слѣдуетъ по слову
 По послѣднему науки:
 Тонко въ Токио юристы
 Изучили эти штуки.

Я узналъ, что вѣроломство
 Очень цѣлесообразно;
 Осуждать его въ японцахъ
 Ужъ ни съ чѣмъ не сообразно:

Это просто гениальность,
 Очень тонкая культура,
 Здѣсь японская сказалась
 Благородная натура.

Я узналъ, что роль шпиона
 Высока и благородна,
 Что она большимъ героямъ
 Въ полной мѣрѣ съ дѣтства сродна.

Вѣдь шпионъ отчизнѣ служить
 И несетъ ея заботы,
 Посему одни шпионы
 Въ полномъ смыслѣ патриоты.

Этотъ видъ патриотизма
 Стоитъ лавровъ славы вящей,
 Оттого, что онъ научный,—
 Не квасной, а настоящей.

Я узналъ, что передъ битвой
 Для атаки въ чистомъ полѣ
 У культурнаго солдата
 Есть потребность въ алкогольѣ.

Какъ разсчитывать на храбрость,
 Гдѣ солдаты сердцемъ кротки?
 Но они храбрѣе будутъ,
 Какъ побольше хватятъ водки.

Словомъ, все у нихъ культурно,
 Прогрессивно и научно:
 Даже женщинъ по системѣ
 Раздаютъ они поштучно.

Знаетъ строгая наука
 Эволюцію солдата:
 Реквизиція потребна,
 Чтобы не было разврата.

Вѣдь солдатъ всегда имѣеть
Склонность нѣкую къ интрижкѣ,—
Такъ ужъ пусть онъ будетъ счастливъ
По расчетной ротной книжкѣ.

Оттого не пострадаетъ
Подвернувшаяся баба,
Заручившись аттестатомъ
За большой печатью штаба...

Я узналъ, что мы въ культурѣ
Отъ японцевъ такъ отстали,
Что основы прогрессивной
Проституціи не знали.

Я узналъ... Но здѣсь прошу я
На минуту передышки:
Я давно въ культурѣ этой
Дна не вижу и покрышки.

Все вверхъ дномъ перевернулось,
Всѣ давно слова смѣшались,
Змѣи съ бѣлыми слонами
Въ дикихъ грезахъ показались...

Это новый славный фазисъ
Прогрессивнаго момента:
Всѣ мозги переболтались
Въ головѣ интеллигента.

Если насъ и поколотятъ,
Онъ не станетъ бить тревогу,
Но весьма корректно скажетъ:
„Слава Богу! Слава Богу!“

III.

ЛЮБОВЬ НА ЯПОНСКИХЪ БИВУАКАХЪ.

(Разсказъ невольной гейши).

Когда, собравъ по деревнямъ,
Въ японскій лагерь насъ пригнали,
Всѣхъ по бригадамъ и полкамъ
Японцы скоро расписали.

Безъ брака бралъ насъ комитетъ:
Для всѣхъ была у нихъ работа...
Достался дальнѣйшій мнѣ билетъ,
Въ горахъ моя стояла рота...

Два самурая—всю въ пыли—
Туда, гдѣ насъ японцы ждали,
Меня подъ вечеръ привели
И подъ росписку въ роту сдали.

Почистилъ адъютантъ мундиръ
И мнѣ велѣлъ идти съ собою,
Сказавъ, что ротный командиръ
Распоряжаться будетъ мною.

Въ палаткѣ командиръ писалъ,
Когда къ нему пришли мы, что-то.
Взглянулъ, подумалъ и сказалъ:
— „Теперь довольна будетъ рота.“

О нашей ротѣ главный штабъ,
Должно быть, помнить очень мало:
Ужъ намъ давно безъ новыхъ бабъ
Въ походѣ очень скучно стало.

Безъ бабъ солдаты на войнѣ
Благимъ кричать готовы матомъ“...
Потомъ сказалъ онъ строго мнѣ:
— „Твоя любовь нужна солдатамъ.“

И ты имъ не мѣшай любить:
Мы кое-что тебѣ заплотимъ,—
А если вздумаешь хитрить
И уклоняться, — отколотимъ.

Здѣсь все по формѣ, здѣсь идетъ
Все установленнымъ порядкомъ...
Вотъ часовой тебя возьметъ
И отведетъ тебя къ палаткамъ“...

Н. Соколовъ.

з

с

ч

з

я

А. П. Чеховъ.

2 іюля скончался талантливый русскій писатель Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ умеръ на 45 году жизни. Смерть его не была неожиданностью. Злой недугъ—легочная чахотка—уже нѣсколько лѣтъ подтачивалъ его здоровье. Люди, знавшіе покойнаго и видѣвшіе его не задолго до смерти, свидѣтельствуютъ, что Чеховъ имѣлъ уже видъ умирающаго, когда ѣхалъ за границу.

Тѣмъ не менѣе кончина Чехова скорбно поразила всѣхъ знавшихъ его, какъ человѣка и какъ писателя. Человѣкомъ онъ былъ добрѣйшей души и мягкаго сердца. Всѣ его знавшіе любили его. Зависть, пронырство, интриги были ему чужды. Въ немъ до конца дней сохранилось много чисто-дѣтской простоты и довѣрчивости.

Какъ писатель, Чеховъ является талантливымъ рассказчикомъ. Его небольшіе очерки, исполненные тонкой наблюдательности, знанія сѣренькой, немудреной жизни, грустнаго юмора, достигаютъ, иногда, почти совершенства. Чехову не было дано создать большое, сложное произведеніе. О романѣ онъ мечталъ и говорилъ, но опытовъ въ этомъ направленіи не дѣлалъ, въ драмѣ онъ себя пробовалъ не разъ, но всегда неудачно. Его коротенькія одноактныя вещицы милы и живы, его многоактныя пьесы глубокомысленны, иногда искусственно, но менѣе всего отвѣчаютъ требованіямъ сцены. Чеховъ, взявъ того драматическаго элемента, который являлся непремѣннымъ въ драмахъ всѣхъ типовъ,—борьбы, создалъ драматургію „настроенія“. Такая драматургія не могла воздѣйствовать на массы. Для нея нуженъ былъ особый театръ и особая публика. Такой театръ Чеховъ нашелъ въ предпріятіи г.г. Станиславскаго и Влад. И. Немировича-Данченко. Такую публику—въ исключительной публикѣ этого театра, публикѣ, требующей, чтобы на ея театрѣ все было не такъ, какъ вездѣ, и берущей на вѣру, какъ перлъ созданія, всякую новинку своихъ поставщиковъ и восхищаю-

щейся не только во время и послѣ представленія новой пьесы *своего* театра, но и задолго до него.

Такая публика совершенно въ духѣ времени, всего отданнаго на служеніе модѣ и ищущаго восторговъ не въ сущности художественнаго созданія, а въ его котировкѣ на биржѣ неумѣренныхъ стадныхъ и неразумныхъ рукоплескавій.

Но для свѣжаго человѣка драмы Чехова, утомительныя и нудныя въ чтеніи, ничего не даютъ и при превосходной постановкѣ ихъ на сценѣ. Чеховская драматургія такъ же мало подходитъ къ театру, какъ мало нѣжная акварельная миниатюра можетъ замѣнять собою декорачію. Бѣлая, чѣмъ въ повѣствованіи, рельефность, такъ сказать, стремительность драматическаго рисунка не можетъ быть замѣнена ни вдумчивой психологіей, ни ультрареальными проникновеніями въ причины человѣческихъ поступковъ. Штрихъ въ драмѣ особый. Нельзя трубу замѣнить свирѣлю, трескъ выстрѣловъ—звучаками Эоловой арфы.

Чеховъ-драматургъ, нарочито прославленный, заслонилъ собою Чехова-новеллиста, завоевавашаго силою дарованія свое положеніе. Все это не лишаетъ драмъ Чехова ихъ достоинствъ, заключающихся въ психологическомъ изслѣдованіи самыхъ сокровенныхъ тайниковъ человѣческаго духа.

Чеховъ писалъ прекраснымъ и чистымъ языкомъ. Индифферентъ въ религиозномъ отношеніи, сторонникъ либераловъ, Чеховъ не осквернилъ ничѣмъ, какъ его другъ Горькій, русской словесности.

Дѣятельности Чехова въ этотъ годъ его смерти минуло 25 лѣтъ. Онъ началъ писать еще студентомъ, 19 лѣтъ отъ роду. Заслуги его были оцѣнены при жизни. При первыхъ выборахъ почетныхъ академикомъ, учрежденныхъ въ честь Пушкина, Чеховъ не былъ обойденъ.

Утрата Чехова потому особенно чувствительна, что слишкомъ уже велика скудость нашей современной изящной словесности. Дарованіе Чехова блистало въ этой пустынѣ, гдѣ Левъ Толстой закопалъ свой гениальный талантъ и гдѣ никто не замѣнилъ Гончарова, Достоевскаго, Островскаго, Писемскаго, Тургенева, не говоря уже о Пушкинѣ и Гоголѣ.

Пользуясь безлюдьемъ, друзья Чехова хотѣли придать грандіозный характеръ его похоронамъ. Думали, что выйдетъ нѣчто въ родѣ похоронъ Некрасова, Достоевскаго, Тургенева. Ничего подобнаго не вышло. При слѣдованіи тѣла изъ-за границы черезъ Петербургъ, вслѣдствіе что-ли недостаточности оповѣщеній, даже тѣ, которые въ заранѣе обозначенный часъ хотѣли встрѣтить тѣло, попали на вокзалъ, когда Чехова уже увезли въ Москву. Въ Москвѣ

провожило много народу съ распорядителемъ похоронъ В. А. Гольцевымъ во главѣ. Но взрыва печали и преклоненія не обнаружилось. Сочувствій и соболѣзнованій семья покойнаго получила не мало. Покойный ихъ вполне заслуживалъ.

Если не преувеличивать значенія Чехова, то всякій признаетъ въ немъ писателя, который сдѣлалъ бы честь любой литературѣ. Если возносить его на степень великаго писателя, то легко впасть въ нежелательный шаржъ.

Въ него и впади его поклонники, дѣйствительные и по должности газетныхъ запѣвалъ. Одинъ прямо началъ: „Умеръ великій Панъ“. Легко сказать—смерть великаго Пана есть безвозвратное крушеніе цѣлой эпохи человѣческой культуры. Умеръ „Панъ“—умерло *Все*. Такихъ словъ нельзя сказать ни о Гомерѣ, ни о Шекспирѣ, ни о Гётѣ, ни о Пушкинѣ. Зачѣмъ же издѣваться надъ свѣжей могилой симпатичнаго и талантливаго Чехова!

Другіе на разные лады принялись терзать г. Маркса „за эксплуатацію“ Чехова. Г. Марксъ купилъ у Чехова право издать его сочиненія, уже напечатанныя, за 75,000 рублей и право издавать новыя сочиненія, уже появившіяся въ другихъ изданіяхъ, съ уплатою 200 рублей за печатный листъ. Другими словами, г. Марксъ заплатилъ Чехову цѣлое состояніе, но такъ какъ онъ не далъ больше, то онъ—кровопійца и эксплуататоръ.

Бойкій г. Дорошевичъ, придя въ негодованіе, заявилъ, что 75,000 рублей не деньги для Чехова, что теперь талантливый газетный сотрудникъ получаетъ до 25,000 въ годъ. И очень жаль, что получаетъ, потому что такая цифра, равная министерскому жалованью, вовсе не соответствуетъ дѣйствительной стоимости,—ну, хоть бы остроумнаго и талантливаго гаерства г. Дорошевича. Цифра эта—не оцѣнка труда, а порожденіе конкуренціи. Все равно, какъ на аукціонѣ иногда вещь, когда торгующіе зарвутся, точно въ азартной игрѣ, идетъ гораздо выше своей цѣнности.

Очень жаль, что вокругъ свѣжей могилы возникла вся эта суматоха неправыхъ словъ и сведенія личныхъ счетовъ.

Чеховъ отошелъ отъ насъ. Многіе его рассказы проживуть долго. Если онъ и не достигъ безсмертія, то, какъ писатель, будетъ долготѣнъ.

Ник. Ст.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ВТОРОГО.

Книга VII. Іюль.

	СТР.
1. Разсвѣтъ. Часть вторая. X—XIX. Романъ. <i>В. Л. Маркова</i>	8
2. На башнѣ грустно колоколь дремалъ. Стихотвореніе <i>В. Хрусталева</i>	99
3. Лукьяновскій пріютъ. LXXXIII—XCVIII. <i>І. І. Ясинскаго</i>	100
4. Пѣсня моря. Стихотвореніе <i>К. Гребенскаго</i>	136
5. А. С. Хомяковъ и Н. Я. Данилевскій. <i>Н. М. Соколова</i>	137
6. Весна, съ которой мы простились... Стихотвореніе <i>В. Уманова-Каплуновскаго</i>	194
7. На театрѣ военныхъ дѣйствій. <i>Ю. Ельци</i>	195
8. Конкурсъ по отечествовѣдѣнію и ученый комитетъ. <i>Я. Л. З—с—м—а</i>	230
9. Академія наукъ и реформа русскаго правописанія. <i>А. Будиловичи</i>	241
10. Памяти Н. И. Бобрікова. Стихотвореніе <i>Лейтенанта С.</i>	284
11. Письма изъ Чехіи. <i>І. Голечка</i>	285
12. Изъ македонскихъ воспоминаній русскаго добровольца. <i>Бориса Татѣва</i>	305
13. К. Р. (25 лѣтъ поэтической дѣятельности). <i>Н. Я. Стецькина</i>	333
14. Письма о деревнѣ. <i>С. А. Короленко</i>	362
15. Библиографія. <i>М. М—ва, С. К.</i>	378
16. Журнальное обозрѣніе. <i>Н. Я. Стародума</i>	394
17. Современная лѣтопись.—I. Внутреннее обозрѣніе. Памяти Н. И. Бобрікова.—Назначеніе князя И. М. Оболенскаго финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.—Наша растерянность и нежеланіе мыслить.—Пониженіе тарифа на иностранное сало.—Наша охранительная таможенная политика, разрушаемая желѣзнодорожными тарифами.—Что нѣмцы дѣлаютъ въ этомъ случаѣ.—Возобновленіе переговоровъ о торговомъ договорѣ между Россіей и Германіей. <i>С. А. К.</i> —II. Обзоръ внѣшнихъ событій.—Англія и Соединенные Штаты въ русско-японскомъ конфликтѣ. <i>В. А. Теплова</i>	416
18. Военно-политическіе отголоски. <i>Н. М. Соколова</i>	472

Книга VIII. Августъ.

	СТР.
Высочайшіе Манифесты.	
1. Разсвѣтъ. Часть вторая. XX—XXVII. Романъ <i>В. Л. Маркова</i> .	477
2. Памяти О. Н. Скобелевой. <i>Вас. В. Яшерева</i> .	559
3. Изъ лѣтняго альбома. Стихотворенія <i>А. Коринфскаго</i> .	577
4. Къ исторіи сельской инородческой школы. <i>Н. Назимова</i> .	580
5. Комната налѣво. <i>Холли</i> .	608
6. По Памиру. <i>Б. В. Станкевича</i> .	624
7. Лукьяновскій пріютъ. XCIX—CXIX. <i>І. І. Ясинскаго</i> .	658
8. На театрѣ военныхъ дѣйствій. <i>Ю. Ельца</i> .	698
9. Голосъ православнаго іерарха. <i>Епископа Иннокентія</i> .	722
10. Письма изъ Чехіи. <i>І. Голечка</i> .	727
11. Аеонъ, Салоники, Македонія. <i>Путника (Н. Лендера)</i> .	759
12. Письма о деревнѣ. <i>С. А. Короленко</i> .	801
13. Библіографія. <i>М. М—ва</i> .	820
14. Журнальное обозрѣніе. <i>Н. Я. Стародума</i> .	832
15. Современная лѣтопись.—I. Внутреннее обозрѣніе.— Памяти В. К. Плеве.—Распространеніе нашего денежнаго обращенія на Финляндію.—Наши японофилы.—Крейсер- ская война съ Японіей.—Александровскій комитетъ о ра- неныхъ.—Наши пенсіи раненымъ.—Пенсіи раненымъ въ западно-европейскихъ государствахъ.—Пенсіи семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ у насъ и въ дру- гихъ государствахъ.—Попеченіе о дѣтяхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ.—О пенсіяхъ раненымъ ниж- нимъ чинамъ.—Пенсіи семьямъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ нижнихъ чиновъ.— Заключеніе о пенсіяхъ и пен- сіонныхъ капиталахъ. <i>С. А. К.</i> — Къ 40-лѣтію русской Вильны. <i>Виленца</i> . — II. Обзоръ вѣдншихъ собы- тій.—Англія и Соединенные Штаты въ русско-японскомъ конфликтѣ. <i>В. А. Теплова</i> .	860
16. Военно политическіе отголоски. <i>Н. М. Соколова</i> .	933
17. А. П. Чеховъ. <i>Н. Ст.</i>	939

